ЗАТЕРЯННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

ЗАТЕРЯННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

JOHN

WYNDHAM

ДЖОН

УИНДЭМ

Затерянные во времени

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
У37

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление и компьютерный дизайн А. Сергеева

Художник А. Дубовик

Иллюстрации В. Домогацкой

Подписано в печать 27.03.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 10000 экз. Заказ № 756.

ISBN 5-17-014083-5

© Художник. А.Е. Дубовик, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

УЗНИКИ ПОДЗЕМНЫХ ЛАБИРИНТОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сентябрьским днем 1964 года жители Алжира услышали рев, доносившийся с неба. Этот звук отличался от привычного гула почтовых или пассажирских авиалайнеров и совершенно не походил на завывание мотора самолета полиции. Это был совершенно новый звук, более резкий. Прохожие на улицах останавливались и смотрели наверх, люди, находившиеся в кафе, повыскакивали из-под полосатых навесов, даже торговцы на рынках моментально забросили свои выгодные сделки и удивленно уставились в небо.

Причиной сенсации стал небольшой серебристый самолет, молнией пронзивший безоблачное небо. Пролетев над городом, словно комета с алым хвостом, он приземлился, и, мгновение спустя, пламя исчезло. Рев моторов стал слабее и, наконец, совсем смолк. Алжирцы, обменявшись свежими впечатлениями, вернулись к своим делам и забыли о существовании самолета.

Пилот, загорелый молодой человек самой заурядной наружности, покинул кабину и, представ перед ошеломленным начальством аэродрома, назвал свое имя: Марк Саннет. Он был вежлив, но не слишком открыт. Ему порядком наскучили сенсации, неизбежно сопровождавшие каждый его перелет — эти шум, гам и бесконечные частые объяснения заинтересованным властям преимуществ его машины перед обычными винтовыми самолетами. Поэтому, со-

славшись на усталость, он сообщил лишь, что совершил беспосадочный перелет из Парижа, и, прежде чем двинуться дальше на юг, предполагает провести в Алжире только одну ночь. Он также поинтересовался, не может ли кто-нибудь порекомендовать комфортабельный отель. Главный менеджер предложил «Отель де Лондр», где можно снять номер с горячей ванной, удобной постелью и превосходной едой. Марк поблагодарил его, дал указания по уходу за самолетом и, оставив машину, окруженную толпой пилотов и механиков, направился к таможне. Выйдя через несколько минут с проштампованными и приведенными в порядок документами, он остановил такси.

— В «Отель де Лондр»!

Водитель театральным жестом выразил удивление.

— «Отель де Лондр», мсье? — с сомнением переспросил он.

— Ну да,— ответил Марк.— А что?

— Дело в том, мсье, это хороший отель, но не из лучших. Он какой-то буржуазный. А мсье не буржуа, это сразу видно. Ему, безусловно, следовало бы оказать честь «Отелю де л'Этуаль». Это самое замечательное здание, оно современное, оно...

— Хорошо. Посмотрим на него.— Марк сел в такси, оборвав этим хвалебную речь водителя.

Судьба использует любые мелочи для достижения своих темных целей. И теперь будущее Марка определяло то обстоятельство, что случайно остановившийся алжирский таксист оказался братом главного официанта «не буржуазного» отеля.

Пять дней спустя он все еще жил в «Отель де л'Этуаль». Широкий затененный балкон — прекрасное место для послеобеденного отдыха. Марк лежал, повернув голову, что давало ему возможность наблюдать за своей соседкой. Оживленная гавань Алжира, блестящая на солнечном свете и простирающаяся за ней темно-синяя панорама Средиземного моря могли подождать, потому что сейчас все его внимание занимала Маргарет. В глубине души он надеял-

ся, что она не проснется и не потревожит его безмятежный покой.

Он давно не позволял себе такой роскоши, как полная праздность. В последние шесть лет работа занимала почти все его время. Он без остатка отдавал себя такой скучной задаче, как поддержка разваливающегося обувного бизнеса, который только своевременная смерть дядюшки-неудачника спасла от полного краха. Фирма Саннетов была основана более ста лет назад и всегда славилась добротным, надежным продуктом. А дядюшка, давно почивший на лаврах, считал это в порядке вещей.

Когда Марк унаследовал эту почти прогоревшую фирму, перспективы на ее спасение были ничтожны. Все вокруг советовали ему продать дело, чтобы уменьшить убытки, но Марк вовсе не собирался сдаваться. Он поймал себя на том, что для него бизнес Саннетов — это не только способ заработать, но и нечто большее: неудачи фирмы Марк воспринял как вызов судьбы и принялся за работу как из чистой бравады, так и в надежде победить.

Успех пришел не скоро, но главное было — преодолеть предубеждение против фирмы. Внезапно конкуренты обнаружили, что фирма Саннетов вовсе не на дне: и ее обувь снова пользовалась спросом, ее носили миллионы людей. И Марк, вынырнувший из водоворота ежедневной рутины, оказался победителем, восстановившим доброе имя фирмы и тем самым обеспечившим себе спокойную старость. Настала пора ослабить рвение. Марк вовсе не собирался посвятить свою жизнь каким-то башмакам.. А сейчас его поджидал, в лучшем случае, нервный срыв. Наконец он созвал менеджеров и сообщил им, что хочет на некоторое время уехать.

— Искать новые рынки, сэр? — с надеждой спросил специалист по маркетингу.

— Боже сохрани! Я хочу устроить себе отпуск, настоящий отпуск! И адрес не оставлю! Пусть, пока меня не будет, ваши ребята все улаживают сами.

Прежде всего он купил недавно привезенный из Америки маленький самолет. Производители, люди лишенные всякого воображения, не нашли своему изделию названия

лучше, чем «Стратоплан». Марк, совершив полет над облаками, переименовал его в «Солнечную птицу».

Первые три недели отпуска он облетел всю Европу: Париж, Копенгаген, Стокгольм, Варшава, Берлин, Вена и снова Париж. Он летал туда-сюда с восторгом ребенка, получившего новую игрушку, пока не устал от обилия впечатлений и не начал подумывать о менее энергичном, пусть и более дорогом путешествии. Летный диапазон «Солнечной птицы» был огромен — перед ним лежал весь мир. Стоило ли ограничиваться Европой, где, в конечном счете, один крупный город мало чем отличался от другого? Более того, Марку смертельно надоело высшее общество. И тогда он подумал о прелестях сельской жизни, о приятеле-фермере из Кейп-Провинс, и «Солнечная птица» полетела в южном направлении.

Правда, путешествие прервалось, даже не начавшись. Вместо одной ночи, Марк пробыл в Алжире целых пять и, похоже, улетать не собирался. А причиной перемены его планов стала девушка — та, что отдыхала сейчас в соседнем кресле.

Ярко-рыжие кудри, разметались по подголовнику, шелковый платок выскользнул из тонких пальцев. Ее лицо было покрыто коричневым загаром, а африканское солнце рассыпало на нем чуть заметные пятнышки, которые лишь с трудом можно назвать веснушками. Марк критически разглядывал девушку. У всех его рыжеволосых знакомых в глазах пряталась какая-то непонятная неудовлетворенность — у всех, кроме Маргарет. Взгляд ее карих глаз был открыт и ясен, на губах — легкая улыбка... Девушка улыбалась даже во сне. Улыбка становилась все шире и шире, ресницы затрепетали, озорно блеснули глаза.

— Ну как, вы одобряете?

Марк засмеялся.

— Я думал, что вы спите!

— Большинство женщин чувствуют, когда за ними наблюдают.

— Тогда вам ни в коем случае нельзя спать на людях.

— Спасибо, сэр.

Она снова улыбнулась ему и сладко потянулась. Марк залюбовался игрой солнечных бликов на мерцающей по-

верхности воды. Оба чувствовали, что пора предпринимать какие-то шаги, но днем действовать не очень хотелось.

— Что будем делать? — спросил он ее.

— Не знаю. Предложите что-нибудь.

Марк задумался. Теннисные корты недалеко, но в такой день на площадке хуже, чем на раскаленной плите. Поблизости есть бассейн; или они могли бы немного пройти по берегу и выкупаться, или...

— Как насчет Нового моря? Никто из нас еще его не видел.

Она повернулась, удивленная.

— Но это так далеко отсюда, где-то за горами. Миль триста или четыреста. Даже на самолете...

— На обычном самолете это бы заняло много времени,— согласился он,— но не на моей «Солнечной птице». Подождите, я вам покажу. Для реактивного самолета это всего лишь короткая увеселительная прогулка.

— На реактивном самолете? Вроде американских почтовых?

— Ну, вряд ли он так же велик, но это действительно реактивный самолет. Их еще не так много, скоро станет больше: вещь полезная, сомневаться не приходится.

Маргарет нахмурилась..

— А мы не разобьемся?

— «Солнечная птица» вполне благополучно пронесла меня над всем континентом и привезла сюда. Кроме того, неужели вы думаете, что я предложил бы вам лететь на ней, если она не была бы самым безопасным воздушным транспортом? Подождите, пока не увидите ее. Переодевайтесь, а я скоро буду.

Маргарет Лон покорно прошла к лифту. Переодевалась она почти машинально, с необычайной небрежностью пользуясь зеркалом. Ее отпуск проходил по намеченному плану, хотя и не без некоторых неожиданностей. Появление Марка к неожиданностям не относилось. Не то, чтобы она видела его раньше или слышала о нем, но приятель у нее должен был появиться обязательно. Его могли звать Том, Дик или Гарри, но случилось так, что его зовут Марк. Впрочем, события разворачивались не совсем по намеченно-

му плану. У нее возникло такое чувство, словно она пытается маневрировать на машине, руль которой имеет слишком большой ход. Роман развивался своим чередом, но тревожило какое-то необычное отсутствие уверенности. И еще — ей совсем не хотелось дальше флиртовать с Марком. Это еще более поражало потому, что в Марке не обнаруживалось ничего особенно замечательного. Он казался самым обыкновенным парнем, а Маргарет, как и многие, не предполагала, что ей суждено влюбиться в такого человека. Тем не менее, это произошло! Она злилась на себя. В ней, Маргарет Лон — девушке, которая до сих пор вполне оправданно считала себя хозяйкой трудных ситуаций,— произошли нежелательные изменения. Она обнаружила, пусть и не без слабого протеста, что ей невероятно *хочется*, чтобы ею кто-то управлял. Черное и белое поменялись местами и, что еще хуже, эти изменения ее почти радовали.

Ей не понадобилось много времени, чтобы сбросить легкое платьице и надеть более удобную для прогулки одежду. Вообще, если забыть о смятении чувств, Маргарет была молодой женщиной, которая всегда знала, чего она хочет, и поступала сообразно моменту. Очень скоро она появилась на балконе.

— Это подойдет?

Марк встал со своего кресла и одобрительно посмотрел на ее изящный белый костюм для верховой езды.

— Дорогая, лучше невозможно! Даже если бы он был некстати, вам так идет, что я бы никогда этого не сказал!

Они доехали на такси до аэродрома, и механики по приказу Марка принялись торопливо приводить его машину в рабочее состояние.

Реактивные самолеты были еще новинкой, и в Алжире такую машину видели впервые. Некоторые в качестве эксперимента использовались на почтовых трассах, но, в основном, люди знали их только по фотографиям. Когда «Солнечную птицу» вывели из ангара, большая часть наземных служащих поспешила оказать посильную помощь.

— Это и есть ваша «Солнечная птица»? — спросила Маргарет, наблюдая, как помощники вывозят маленький самолет на солнечный свет.

Марк кивнул.

— Как она вам? Признаюсь, с первого взгляда выглядит немного странно.

— По-моему, она прекрасна,— ответила девушка, не отводя взгляда от сверкающей серебристой машины.

«Солнечная птица» заметно отличалась от винтовых самолетов. Ее фюзеляж был шире и явно короче. Крылья треугольной формы начинались прямо от носа. Однако, несмотря на необычную форму, вызванную проблемами распределения веса, машина не казалась ни приземистого вида, ни кургузой. Она выглядела тем, чем была — компактным сгустком энергии. И так же отличалась от обычного самолета, как шмель от чайки.

Марк отпер дверцу кабины, сел на место пилота и, пригласив девушку занять соседнее кресло, произвел короткую проверку: бензобаки заполнены под завязку, подготовительные операции проведены безупречно. Маргарет с интересом огляделась. Их сиденья располагались непосредственно в носу самолета. В кабине было место и для большего количества сидений, но, видимо, Марк их убрал. Интерьер дополняли ящики, шкафчики и металлические крюки с ремнями для багажа, прикрепленные к полу и стенкам кабины.

На прощание Марк крикнул механикам, чтобы они отошли как можно дальше, если не хотят зажариться. Затем захлопнул дверцу, отсекая звуки внешнего мира. Маргарет он посоветовал откинуть голову на подушечку подголовника.

— При взлете довольно сильное ускорение,— объяснил он.

Она покорно отклонилась назад, а Марк выглянул в окно, чтобы убедиться, что люди отнеслись к его совету серьезно.

— Ладно. Тогда в путь.

Одной рукой он схватился за рукоятку, а другой передвинул небольшой рычаг в левом подлокотнике своего сиденья. Раздалось громкое гудение, и самолет содрогнулся и подпрыгнул. Затем «Солнечная птица» помчалась по полю, разбрасывая за собой языки пламени. Маргарет показалось, что огромный невидимый пресс вдавливает ее в спинку сиденья.

И вдруг «Солнечная птица» оторвалась от земли. Она почти вертикально взмыла в голубое африканское небо. В течение нескольких минут самолет был еще виден, а затем от него остался только инверсионный след.

Главный механик покачал головой: «Солнечная птица» поразила его воображение. Пожалуй, ему хотелось бы прокатиться на ревущем самолете. Его товарищи пришли к соглашению, что летные качества машины чудесные, но шум — просто устрашающий.

Самолет набрал высоту в двадцать одну тысячу футов и полетел на юго-восток. Марк улыбнулся девушке.

— Нравится?

— Это, конечно, последнее слово, которое приходит на ум, но я не совсем уверена, что мне действительно нравится. Мне не страшно, но... Сначала немного захватывает дух, не так ли?

— Скоро привыкнете.

Им пришлось лишь немного повышать голос, поскольку создатели обили корпус звукоизолирующим материалом, а окна состояли из двух слоев небьющегося стекла с полувакуумом между ними. В результате рев двигателя казался не более чем приглушенным гулом.

— Посмотрите вниз,— предложил Марк.

Под ними простиралось североафриканское побережье, граничащее с ярким Средиземным морем. С такой высоты не было видно никакого движения. Земля и море выглядели как-то искусственно: словно большая, ярко раскрашенная рельефная карта под огромной лампой. Казалось, резкие границы отделяют голубое море от зеленого берега, а равнины — от расположенных к югу гор. Маргарет казалось, что самолет неподвижно завис над нереальным миром.

— Мы движемся? — спросила она.

Вместо ответа Марк показал на указатель скорости. Стрелка ходила вокруг отметки «двести», и Маргарет видела, что она медленно поднимается.

— Это высота,— объяснил он.— Если бы поблизости были облака, вы бы почувствовали, с какой скоростью мы

движемся. Сейчас это невозможно, но через час вы впервые увидите Новое море.

Перед ними возвышались вершины Телль-Атлас. Марк поднял «Солнечную птицу» еще выше. Скорость возрастала, а сопротивление атмосферы уменьшалось. Он взглянул на еще один прибор, чтобы убедиться, что запасы воздуха обеспечивают внутри необходимое давление.

Мощные горные кряжи внизу выглядели теперь смятой тряпкой. Самолет давно уже летел над широким плато Шоттов и озерами, сверкающими, словно кусочки разбитого зеркала, случайно разбросанные в горах. Дальше, слева по борту, простирались последние ответвления огромного кряжа Атлас, а за пустыней, куда они направлялись, виднелся старинный город Бискра, сохранившийся таким, каким был в течение многих столетий. Марк изменил курс «Солнечной птицы» и направился немного восточнее. Затем, когда они миновали горный кряж поменьше, перед их взором, наконец, предстало одно из недавних чудес света — Новое море.

Идея Нового моря сама по себе была не нова. В девятнадцатом веке великий Де Лессепс, перед тем как заняться проектированием Суэцкого канала, поразил своих соотечественников, разработав проект Нового моря точно так же, как англичане разработали проект туннеля под Ла-Маншем. В течение почти ста лет проект представлял чисто академический интерес, но в 1955 году идея претворилась в жизнь. Французы решили затопить часть пустыни Сахары.

То, что идея вполне осуществима, давно признали многие эксперты, но пока Франция не осознала, что Италия охотно станет ее партнером, финансовые препятствия казались непреодолимыми. Договорившись о взаимовыгодном сотрудничестве, обе нации принялись за работу над самым честолюбивым инженерным проектом из тех, что когда-либо существовали.

Природа — капризное божество — приветливо улыбалась одним краям и сердито хмурилась на другие. Триполитания, похоже, была центром ее недовольства в этом регионе. Трудно найти равный по площади кусок земли, больше претендующий на звание худшей колонии мира. То была

узенькая полоска плодородного берега, тесно соседствующая с самой безнадежной пустыней, за которую итальянцы, из соображений гордости и престижа, цеплялись с невероятной настойчивостью. А теперь французский проект дал им возможность активно действовать.

Франция предвидела в создании внутреннего моря некоторые преимущества для себя. Прежде всего она надеялась, что от этого получат выгоду южный Тунис и часть Алжира. Новое море должно было сливаться с Тунисскими озерами — «Шоттами», которые располагались ниже уровня моря. Было доказано, что земля быстро станет плодородной. Вырастут деревья, поплывут облака, принося дождь; дождь будет способствовать пышной растительности и так далее, пока не зацветут пески восточных пустынь. Более того, Триполитания, лежащая на берегу моря, также получит свою выгоду. Она сможет поддерживать колонистов из Италии и облегчить такой опасный момент, как переселение по другую сторону Альп. Италия, удовлетворившись тем, что в плане нет подвохов, также заразилась энтузиазмом. Если ее бесплодная территория станет плодородной, колониальная экспансия даст ей шанс еще больше увеличить свое население. Великий день, когда мощь Римской Империи будет восстановлена, стал еще на один шаг ближе.

Совещания между двумя нациями были замечательны быстротой принятия решений и отсутствием разногласий. Начатая в 1956 году стройка продвигалась с таким успехом, что в марте 1964 года из первых больших труб на песчаную пустыню хлынула вода.

Теперь, в сентябре 1964 года, озера, большие и маленькие, уже слились. Внизу под «Солнечной птицей» простиралось огромное блестящее зеркало воды. Оно рябило на склонах холмов, и его уровень хоть и поднимался, но очень медленно. Берега непрерывно меняли свои очертания : временные острова уходили под воду и серебристое пространство разрывали только зеленые вершины пальм, похожие на заросли камыша.

«Солнечная птица» пересекла границу воды недалеко от арабской деревушки, состоявшей из белых домов с плоскими крышами. Деревушка стояла на невысоком холме,

но вода уже подступала к дверям самых верхних домов, а от стоявших ниже не осталось и следа. «Они долго не продержатся»,— размышлял Марк. Построенные большей частью из обожженной глины, домики скоро осядут или соскользнут, не оставив ничего, кроме нескольких камней. Невыразимой тоской веяло от этой деревушки, обреченной раствориться в воде после столетий сопротивления палящему солнцу. Двоих, сидящих в самолете, охватила легкая грусть.

— Все выглядит таким непостоянным,— произнесла Маргарет.— Это все равно что уничтожить кусок истории. Это, вероятно, глупо и сентиментально, но я думаю именно так. Столетиями люди здесь жили и боролись, караваны верблюдов брели сквозь пески, а теперь этого больше никогда не будет.— Помолчав, она добавила: — Всегда немного печально и страшновато, когда думаешь о чем-то необратимом.

Марк уловил ее настроение и согласился.

— Да. На новых берегах вырастут белокаменные города. Вероятно, они будут выглядеть точно так же, но такими же они не будут. Эта жизнь погублена безвозвратно. Забавно, что мы всегда видим историю через розовые очки, если не намерены постичь истину... Я имею в виду, что деревня, несомненно, убогая, жизнь в ней была тяжелой и, вероятно, жестокой, и все же ее гибель вызывает сожаление. Во всех нас есть жилка консерватизма.

Самолет опустился еще ниже и пролетел над остатками финиковой рощицы. Дети взбирались на пальмы, чтобы собрать оставшийся урожай и бросали плоды в примитивные лодки, пришвартованные внизу. Посмотрев вверх, они помахали пролетающему самолету.

В течение нескольких минут Марк и Маргарет летели, не говоря ни слова. Теперь Новое море простиралось под ними к горизонту во всех направлениях, кроме северного. Марк показал на горы, ограничивающие море.

— В один прекрасный день на этих склонах построят город наслаждений, и вся Европа будет приезжать сюда, чтобы погреться на солнышке и поплавать в море. Я обязательно приеду. А вы?

Подумав, она чуть заметно улыбнулась.

— Долго придется ждать. Наверное, прежде чем построят этот город, я успею стать старой и уродливой?

— Не преувеличивайте, дорогая. Даже в этом мире еще есть кое-что невозможное. Старше, вы, безусловно, станете, но не более того... Маргарет, если вы доживете до ста лет, этого все равно не случится...

На востоке в море впадала рукотворная река. «Солнечная птица» давно вошла в зону двенадцати огромных труб, извергавших воду. Вот уже два с половиной года вливались в пустыню пенящиеся искусственные водопады. Днем и ночью громадные насосы в двадцати милях от Кабе всасывали миллионы галлонов воды. Но, как бы огромны ни были эти трубопроводы, все равно с трудом верилось, что с их помощью удастся затопить всю эту землю. Потери от испарения, должно быть, в этом регионе огромны, размышлял Марк. Здесь нет ни одного дня, когда солнце не палило бы в полную силу. С самого начала многие люди считали этот план фантазией, и Марк вынужден был признать, что, если бы видел это место до начала операции, он стал бы одним из них. Величие задачи просто ошеломляло, но все же успех был такой, что инженерные триумфы Панамы и Суэца казались совершенно незначительными. Удовлетворят ли спонсоров конечные результаты — еще предстояло выяснить.

Они пролетели над пенящимся потоком и, следуя вдоль двенадцати труб, устремились к Каабе — город предстал их изумленным взглядам только через несколько минут. Оба были готовы к этому зрелищу по фотографиям, появлявшимся в любом журнале, но масштаб операций потряс. Инженерам следовало не только построить огромные помещения для насосов и приборов, но и изменить всю инфраструктуру человеческого поселения. Это больше не был арабский город, лежащий возле залива Кабе. Дым, шум и суета оскорбляли небо Африки. Если какое-нибудь место и заслужило название пятна на прекрасном лице природы, то это был новый город Кабе.

Но приходилось признать, что работа сделана хорошо. Оставалось только надеяться, что цель оправдает все отвратительные, грязные средства. Накидки на голову смени-

лись тряпочными шапочками, трактора и машины пришли на смену верблюдам и осликам, а синеву моря уродовали пятна отработанной нефти. На пальмах висели черные, как сажа, финики среди таких же черных листьев. И все же насосы работали, это было торжество силы.

Марку не терпелось рассмотреть их. Он решил, что в один прекрасный день приедет сюда — один. Он взглянул на Маргарет. На ее лице застыла гримаса отвращения. Пожалуй, она ничего не замечает, кроме грязи и разрушения. Она не уловила чувства силы и торжества над природой, которое за всем этим присутствовало.

— Хорошо, мы сейчас же улетаем отсюда,— сказал он.— Если хотите, мы можем вернуться, снова пролетев над Новым морем... Или можно обогнуть средиземноморский берег и полюбоваться старинным противником Рима, Карфагеном.

Маргарет помотала головой.

— Лучше Новое море. Это место отвратительно, а одного потрясения за день достаточно. Если с Карфагеном обошлись так же, как с Кабе, тогда поистине «Карфаген должен быть разрушен!»

Марк развернул самолет. Он вел самолет тем же курсом, пока не добрался до моря, где повернул немного к югу. Они миновали старые границы Шотт эль Джерид — теперь под ними простиралась недавно затопленная земля с многочисленными островками голого песка и еще живыми пальмовыми рощами. Они спускались, пока не пронеслись в каких-то ста футах над водой: в глубине, словно гигантские водоросли, колыхались пальмовые листья.

— А вот еще одна деревня,— показала Маргарет.— Но она уже разрушена: все крыши и некоторые стены исчезли. Я рада. Было бы слишком жутко думать, что рыбы селятся там, где раньше жили люди, проплывают по улицам, заплывают в окна и двери...

Марк засмеялся. Эта мысль вдруг показалась абсурдной. Он хотел было ответить, но его прервал ужасающий грохот. Взрыв сбросил людей с сидений.

«Солнечная птица» неслась с бешеной скоростью. На мгновение показалось, что она стоит на хвосте; затем ее встряхнуло и бросило вниз.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Марк открыл глаза и сразу же закрыл их: сверкающие солнечные лучи жгли голову, как раскаленная добела проволока. Боль наполняла все клетки тела. После небольшой паузы он с трудом перебрался в тень и снова открыл глаза, уже более осторожно. На этот раз ему удалось держать их открытыми. То и дело голову пронзала резкая боль, и тогда лицо его искажалось страдальческой гримасой. С минуту он, ничего не понимая, смотрел на крышу «Солнечной птицы», пока не припомнил все, что произошло. Он сел, обхватив голову руками, когда пульсирующая боль немного уменьшилась, осмотрелся. «Солнечная птица» лежала ровно: легкая качка говорила о том, что она на воде.

— Маргарет! — позвал он.

Девушка, съежившись, неподвижно лежала рядом с ним. Рыжие кудри прикрывали ее лицо. Похоже, она находилась в шоке. Нежно перевернув ее, Марк увидел, что лицо почти такое же белое, как и костюм. Единственной живой краской была тоненькая струйка крови, скользившая по щеке возле правого глаза.

— Маргарет! — снова позвал он.

Она дышала. Ее грудь ровно поднималась, словно она спала: пульс был регулярным, но частым. «Слава Богу, всего лишь последствия удара»,— подумал Марк. Он с трудом поднялся, удобно уложил Маргарет на подушках сиденья, подобрался к окну и выглянул.

Они попали в беду. Должно быть, что-то случилось с реактивным двигателем. Реактивные двигатели нельзя починить: система или работает, или она бесполезна. По счастью, воспламенения не произошло — иначе от людей не осталось бы ничего, кроме нескольких кусочков протоплазмы на дне Нового моря. Корпус «Солнечной птицы» был приспособлен для путешествия в стратосферу, и, похоже, сохранил свою герметичность после крушения — во всяком случае, следов течи нигде не наблюдалось. Почти наверняка взорвалась одна из смесительных газовых камер или из-за перегрузки, или из-за изъяна в отлив-

ке. Взрывом оторвало всю группу выхлопных труб и оба руля.

Корпус самолета обладал очень малой осадкой, так что входная дверца была полностью свободна. Марк отпер ее и толкнул, намереваясь вылезти на крыло и посмотреть, велик ли ущерб. Но вместо крыльев обнаружились несколько искривленных стержней, на фут или более выступающих из ровного бока самолета. Ценой значительного напряжения, от которого кровь в голове начала пульсировать с невероятной силой, Марку удалось по фрагментам крыла забраться на изогнутый бок, а оттуда на крышу. И только тут Марк до конца осознал, в какое затруднительное положение они попали.

Ободранный фюзеляж слегка покачивался на поверхности моря. Теперь это было не более чем беспомощное суденышко, похожее на толстую металлическую сигару. Солнце уже давно село, с севера дул легкий бриз. Вдалеке виднелись несколько островов с редкими пальмами. Марк мысленно поблагодарил Бога за то, что они упали не на них. Немного южнее из воды торчал еще один островок с пальмовой рощицей площадью в несколько акров. Он находился на расстоянии полутора миль, и ветер медленно гнал самолет к нему.

Марк молился, чтобы направление не изменилось. На суше он чувствовал бы себя в большей безопасности, потому что, хотя корпус и казался достаточно исправным, убедиться в этом можно только после тщательного осмотра. А пока следовало ожидать, что из какой-нибудь невидимой пробоины, которую он раньше не заметил, в любой момент может хлынуть поток воды.

Осторожно наклонившись к боку, Марк смог увидеть в окно, что Маргарет не двигается. Внезапно, почувствовав легкое дуновение бриза, он твердо решил, что должен спуститься и попытаться привести ее в сознание. Вполне возможно, что, пока он был занят, они проплыли мимо острова, и хотя песчаные холмики в изобилии прорезали водное пространство, другой суши внушительных размеров и высоты поблизости не наблюдалось. В дополнение к его неуверенности ветер задул на несколько румбов западнее, и он засомневался, не пропустят ли они берег острова.

Через четверть мили стало ясно, что они обогнут самую восточную отмель, по крайней мере, в пятидесяти ярдах от берега. Марк решил рискнуть: он потянет за собой обломки самолета, если сможет плыть достаточно быстро. Спрыгнув с обломков крыла, он обнаружил, что вода доходит ему до подмышек. Похоже, эти островки были не вершинами случайных холмов, а гребнями обычных песчаных дюн.

Дотащить «Солнечную птицу» до берега оказалось делом гораздо более долгим, чем он думал: если человек находится под водой на три четверти, у него совсем немного веса, дающего ему выигрыш в силе. Усложняло задачу и то, что средиземноморская вода более соленая, нежели океанская, и выталкивающая сила ее больше. Впрочем, дно поднималось отлого, и вскоре, наконец, раздался желанный звук скрежета металлического корпуса о песок. Несколько минут спустя Марк вынес Маргарет на берег и положил под дерево.

Влажной тряпкой он охладил ей лицо и вытер струйку крови. Веки ее открылись неуверенно, словно неохотно. Выгнутые брови выпрямились в жесткие линии и сдвинулись, образуя между собой глубокие складки. Марк, вспомнив о случающихся с ним приступах ослепляющей головной боли, предложил ей фляжку с бренди.

— Выпей немного — это пойдет тебе на пользу.

Она, не протестуя, сделала несколько глотков и закрыла глаза. Через несколько минут она снова посмотрела на него.

— Мне уже гораздо лучше. Помоги сесть.

Катастрофы сближают людей: чопорное «вы», видимо, утонуло вместе с обломками крыльев.

— Полежи еще. Ты очень сильно ударилась.

— А что со мной было?

Марк, как смог, объяснил.

— Если бы я не был таким дураком и не забыл о ремнях безопасности, с нами все было бы в порядке,— добавил он.— Я вообще не понимаю, как мы не размозжили себе черепа — я этого вполне достоин.

— Что же нам теперь делать?

— Пока не знаю. В любом случае нам придется остаться здесь на ночь. Через полчаса стемнеет. Завтра посмотрим,

что можно сделать. Большей частью это зависит от состояния «Солнечной птицы». Бедная посудина, теперь она не оправдывает своего названия: летать она, конечно, больше никогда не будет!

Он с сожалением посмотрел на серебристый корпус, сверкающий в последних лучах солнца.

— У нас есть немного консервов и небольшая канистра воды, так что с голоду мы не умрем.— Он с тревогой взглянул на нее.— Как ты себя чувствуешь?

— Намного лучше. Помоги мне сесть.

Он все еще не понимал, как она восприняла сложившуюся ситуацию.

— Мне чертовски жаль, что все так получилось...— начал он.

Она остановила его.

— Дорогой, ты ничего не мог сделать, даже если бы и мог, я вряд ли в состоянии добраться до дома.

Некоторое время она молчала, и он с удивлением увидел, что она начинает улыбаться. Он был готов к обвинениям, упрекам, раздражению, даже к тому, что она спокойно примет ситуацию, ко всему, кроме улыбки.

— Ты знаешь,— сказала она,— что мы побили рекорд?

— Что ты имеешь в виду?

— Никто до сих пор не терпел крушения в середине пустыни Сахары!

Марк весело улыбнулся.

— Если уж на то пошло,— сказал он,— то я не думаю, что какую-либо девушку когда-либо целовали на Сахарском острове!

•

Марку приснился неприятный сон. Ему казалось, что он превратился в лежащую статую и с него стирают пыль. Гигантская горничная сняла рыжий парик и провела им по его лицу. Для поддержки она положила одну руку на его каменную грудь и наклонилась вперед, чтобы лучше дотянуться. Волосы отвратительно раздражали ноздри...

Внезапно он проснулся. На груди у него что-то лежало и щекотало его ноздри. Он резко чихнул и сел, отшвырнув

темный, мягкий комок на песок. Существо бросилось прочь, но потом вновь обрело свое достоинство и замерло неподвижной темной тенью в свете луны. Прслышалось чуть протестующее мяуканье. Марк бросил недобрый взгляд.

— Черт тебя подери, кошка! — свирепо произнес он.

Кошке, больше привыкшей к пинкам, чем к словам, это показалось лаской. Она вернулась и приветливо потерлась головой о его руку.

Новое море сверкало под луной свирепой красотой. Стальная полоска света простиралась к горизонту. От бриза, такого легкого, что он едва чувствовался, пальмовые листья двигались, шурша, как бумага. Повернув голову, Марк с облегчением увидел, что корпус «Солнечной птицы» находится на прежнем месте.

После тщательного осмотра выяснилось, что корпус находится в лучшем состоянии, чем Марк предполагал. Взрыв прозвучал запоздало, так ловко оторвав хвост, что основная часть фюзеляжа осталась нетронутой — разошлись лишь несколько пластин обшивки. Ни малейших следов течи не наблюдалось. Обретя уверенность, Марк настоял на том, чтобы Маргарет спала на борту. Он ухитрился соорудить ей удобную постель, а обрубленные натяжные тросы связал вместе и привязал ими «Солнечную птицу» к стволу пальмы. Получилось достаточно крепко.

Марк поежился. От костра осталось несколько угольков, следовало вновь развести огонь. Ночи в Сахаре прохладные, и огонь служил двойной цели: он обеспечивал тепло и подавал сигнал.

Особой надежды на спасение не было, но всегда оставалась возможность того, что на этой трассе курсирует французский патрульный самолет. Марк знал, что они постоянно следят за продвижением моря, а при необходимости организуют спасательные работы. Правительство считало необходимым спасать упрямцев, которых даже угроза затопления до последнего момента не могла убедить покинуть деревню предков. У большинства арабав понимание продолжало бороться с убеждением. Предложения французов были достаточно вразумительны, но непонятны. Местные жители полагали, что пустыня всегда была и всегда будет;

она вечна. Их не удавалось убедить, пока вода не подобралась к самым дверям. Только тогда они завыли, прося о спасении Аллаха или французское правительство. Было время, когда все самолеты Франции и Италии были брошены на спасательные работы, но сейчас эвакуация с большинства затопленных участков полностью завершилась.

Запрокинув голову, Марк пытался услышать гул мотора, но ничто не нарушало тишину, кроме тихого плеска моря и чуть слышного шуршания пальмовых листьев. Он пробрался к огню и плотнее закутался в меховой ковер. Глядя на языки пламени, он думал о превратностях судьбы. «Солнечная птица» впервые подвела его, и не где-нибудь, а на нейтральной территории.

И все же им повезло. Если бы этот взрыв произошел над сушей или даже на большой высоте над водой — это бы означало гибель их обоих. Он подумал о многочисленных острых, темпераментных фразах, которые обрушит на создателей самолета, когда вернется домой. Он понимал, большой пользы это не принесет, но ему хотелось, чтобы они услышали, что он о них думает.

А ведь было еще и радио... Электронные лампы, считавшиеся небьющимися, разбиты, и вся установка бесполезна именно тогда, когда она больше всего нужна...

Кошка прервала ход его мыслей. Проведя хвостом по его лицу, она прошествовала по ковру, удобно свернулась и принялась мурлыкать, как миниатюрная массажная машинка.

— Ну хорошо, если ты настаиваешь,— заспанным голосом сказал он ей,— но если я тебя задушу во сне, пеняй на себя!

— Привет,— произнес голос,— как насчет завтрака?

Открыв глаза, он увидел Маргарет, склонившуюся над ним. Он с трудом сел и заморгал от солнца, которое, очевидно, взошло некоторое время назад, затем перевел взгляд на девушку. Она умудрилась стать почти такой же аккуратной и свежей, как в начале путешествия.

— Как тебе это удалось? — спросил он, чувствуя, что его подбородок зарос щетиной.

Она засмеялась.

— Вымылась и причесалась... но жаль все-таки, что я не захватила зубную щетку.

— Как голова?

Она помотала головой, волосы заблестели на солнце, как медно-золотистый нимб.

— Ни малейшего следа боли, хотя шишка еще величиной с яйцо. Сон и плаванье делают чудеса.

Появилась кошка. Она твердо уперлась в землю передними лапами, а задние вытянула так далеко, что ее поясница почти касалась земли, и широко зевнула. При дневном свете она казалась не такой уж привлекательной. Прежде всего в глаза бросались выпуклые глаза и выцветшая рыжеватая шерсть.

— Черт возьми, где ты ее нашел? — спросила Маргарет.

— Не я нашел: она меня нашла. Прилипла, в буквальном смысле слова.

— Кис-кис,— позвала Маргарет.

Кошка торжественно смотрела на него и в конце концов, решила помыть мордочку.

— Какая неблагодарность,— сказал Марк.— Нет более эгоистичного существа, чем кошка.

— Бедняжка. Ее бросили, и она могла утонуть. Давай возьмем ее.

— Если хочешь, но кошки умеют ждать. Давай поищем какую-нибудь еду. Я умираю с голоду.

В шкафчиках «Солнечной птицы» нашлось множество консервных банок.

— Грейпфруты, язык, несколько фиников с деревьев — что ж, не так плохо. Жаль только, что нет кофе. Даже французский кофе был бы сейчас не так плох. Терпеть не могу на завтрак чай.

Однако, насытившись, они с удовольствием закурили после еды. Маргарет наблюдала, с какой жадностью кошка лакает сгущенное молоко.

— Давай назовем ее Баст!

— Почему Баст?

— А ты не помнишь? Египетская богиня с головой кошки. А что, может быть, она потомок одной из тех кошек, которым египтяне привыкли поклоняться?

— Очень возможно. У нее такие манеры... Другие назвали бы ее нервной. Значит, Баст.

Маргарет затянулась сигаретой и сменила тему.

— Что мы будем делать? Ждать здесь?

— Я уже думал об этом,— нахмурился Марк.— Патруль обязательно появится, рано или поздно, но дело в том, что долго нам тут не продержаться.

— Море?

— Нет. С этим все в порядке. Вода прибывает так медленно, что это место не будет затоплено в течение нескольких недель, а, может быть, и нескольких месяцев. Нет. Я имею в виду запасы провианта. У нас есть консервы и финики — не слишком разнообразно, но лучше, чем ничего. Питьевая вода — вот настоящая проблема. Той, что у нас есть, нам хватит дня на два, на три. Мы должны пойти на риск. Или остаться здесь и надеяться, что нас найдут прежде, чем кончится вода, или попытаться выйти в море на бедной старой «Солнечной птице».

— Выйти в море?

— Не удивляйся. Она абсолютно водонепроницаема. Я не предлагаю подражать мудрецам, которые «пустились по морю в тазу». Мы должны из чего-нибудь сделать парус и приладить руль. Тогда нам останется только плыть вперед до тех пор, пока не достигнем суши. Море пока еще не слишком велико.

Маргарет, похоже, не была так уверена в успехе.

— А если мы упали там, где нет ничего, кроме пустыни?

— Кто знает? Придется рискнуть. На «Солнечной птице» мы доберемся до берега, но в конце путешествия нам, может быть, придется целые мили тащиться по песку. Что ты об этом думаешь?

— Решать, конечно, тебе. Но, если с «Солнечной птицей» все в порядке, нам надо действовать, а не сидеть и ждать, правда? Кроме того, если пролетит самолет, он скорее увидит нас на открытом пространстве, чем здесь.

— Ты права.— Марк с трудом поднялся на ноги и протянул ей руку.— Пойдем к нашей старушке, посмотрим, что с ней делать. И ты, Баст, иди с нами.

Соорудить из ковра парус оказалось не так трудно, как он думал. Правда, парус был так тяжел, что лишь небольшой

шторм мог бы наполнить его. Но он выполнял свою роль, преграждая путь ветру. Продвижение с его помощью будет медленным. Доски и прочие деревянные предметы с берега пошли на изготовление руля.

Рассматривая свою работу с острова, куда они пробрались, чтобы собрать остатки фиников, Марк рассмеялся. Странные суденышки бороздят моря и океаны, но таких посудин, как преобразившаяся «Солнечная птица», мало. Хорошо, что утлая металлическая ладья была более безопасной, чем ее мифологический прототип. Будь она обычным самолетом... Но тогда ни Маргарет, ни его самого не было бы в живых.

— Ну, Баст, отныне ты корабельная кошка,— сказал он, поднимая зверька и сажая его на плечо.

Он собрал все имущество и побрел назад.

Бывшие натяжные тросы были перетащены на борт; шкоты укорочены, и судно «Солнечная птица» медленно тронулось в путь, неохотно оторвавшись от берега.

— Мы отчалили,— восторженно произнесла Маргарет.

— Чудесно,— согласился Марк.— Мы, должно быть, делаем почти узел и на два узла дрейфуем. Подожди, вот только отплывем от острова и сможем двигаться по ветру. Мы разовьем бешеную скорость на зависть всем тихоходам!

Оба сели в кормовой части, не слишком удобно устроившись на полированной, изогнутой поверхности фюзеляжа. Баст, которая никак не могла найти уютного местечка, загнали в кабину для ее же безопасности.

— Хорошо,— сказал Марк,— что у нас нет преданных родственников, которые ждали бы нас в «Отель д'Этуаль»: они бы уже начали беспокоиться, а при таких темпах нас не будет еще несколько недель.

Маргарет, сооружающая тент из старой газеты, оторвалась от своего занятия и кивнула.

— Конечно, начали бы. А так, полагаю, никто нами не интересуется, кроме менеджера, который захочет получить свои деньги, и нескольких романтиков, которые распространят слухи, что мы сбежали, а ты меня похитил.

Часа через два Марк в одиночестве сидел у руля. Маргарет внизу готовила еду. Легчайший бриз продолжал гнать

«Солнечную птицу», хотя и со скоростью улитки. Лишь легкая рябь появлялась на поверхности воды; единственными звуками были слабые удары воды о нос и доносящийся снизу голос Маргарет.

— Нет, правда, Баст,— увещевала она,— ты ведешь себя не как леди. Улеглась на лучшей подушке. Мне стыдно за тебя. Если ты посмеешь...

Внезапно позади послышался шум. Удар, рев падающей волны, оглушительный шум воды. Марк оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть брызги от столкновения двух волн, падающих в пенящуюся воду. Спустя несколько мгновений странная рябь всколыхнула зеркальную поверхность, и потревоженная вода начала вращаться. Сначала медленно, затем набирая скорость, пока в центре не образовалась воронка. Пена исчезла. Вода закружилась еще быстрее, стенки углубляющейся воронки выглядели крепкими, как темное стекло.

Марк резко повернул румпель, стараясь уйти как можно дальше от начинающего затягивать их водоворота. Ветер был слишком слаб, чтобы сохранить суденышко. «Солнечная птица» качнулась, с секунду, казалось, поколебалась и начала медленно двигаться назад. Вдруг раздался ужасающий рев. В дверях появилась голова Маргарет.

— Что...— начала она.

— Осторожно! — крикнул Марк.— Я спускаюсь.

Он проворно соскользнул по боку корпуса, проник в отверстие и захлопнул за собой дверь.

— Что это? Похоже, все летучие мыши на свете вылетели на охоту!

— Смотри! — Он показал на окно, и они вместе прильнули к нему.

«Солнечная птица» начала двигаться быстрее, приближаясь к краю воронки. Они уже могли видеть пустоту, образованную в вертящейся воде.

— Наверное, разрушено дно. Скорее всего, в самом низу впадины.

— Ты думаешь...

— Не могу сказать. Может быть, водоворот достаточно сильный, чтобы нас затянуть. Вероятно, мы будем вращаться в центре, пока он не наполнится.

Марк оттащил Маргарет от окна. Она с испугом уставилась на него невероятно округлившимися глазами.

— Ах, Марк, если...

— Ладно. Нам придется привязаться ремнями к сиденьям. Если мы будем кружиться, возможны всякие неожиданности. Поторопись.

Они оба поспешно скользнули на свои сиденья и ощупью нашли пряжки спутанных ремней. «Солнечная птица» с огромной скоростью кружила по стене воды. Она опускалась по спирали, вращаясь, как волчок. Марк отчаянно надеялся. Неужели она?.. Неужели она?..

Лодка сильно накренилась. Вода темной стеной поднималась, закрывая окна. «Солнечная птица» внезапно развернулась носом вниз. Внутри вдруг наступила полная темнота. Возникло чувство невесомости и падения. Все ниже и ниже...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Посторонний наблюдатель сказал бы, что «Солнечная птица» падала несколько секунд, но секунды, растянутые до бесконечности, превращаются во что-то совсем иное. Она падала целую вечность. Жутко, как в детских снах Марка, когда он все быстрее и быстрее скользил по перилам лестницы, не имеющей ни начала, ни конца. Он испытывал то же ощущение невесомости, тот самый ужасный страх перед неизведанным и неизбежным.

Падение завершилось так же неожиданно, как и началось. Марка потянуло назад, словно на него навалилась немыслимая тяжесть. Ремни безопасности натянулись так, что стало тяжело дышать. Марк слышал, как у него невольно вырвался стон. Сначала он боялся, что ремень не выдержит и его прижмет к окну и раздавит. Но ткань выдержала и давление медленно ослабло. Наконец он смог вздохнуть полной грудью. Внезапно направление силы изменилось на противоположное, и их отбросило обратно на сиденья. «Ну вот, опять»,— подумал он. «Солнечная птица» неслась в глубины водоворота, то поднимаясь, то опускаясь.

Она прорвалась сквозь поверхность воды, развернулась, как плохо уравновешенный волчок, и унеслась дальше. Марк сел и приготовился ослабить ремень, но когда его пальцы коснулись ремня, раздался оглушительный удар воды о водонепроницаемую крышу. Машина качнулась, как плавучая бочка, и снова опустилась; снова поднялась и унеслась в бездну. Она вращалась, поднималась и падала, словно деревянная щепка под плотиной.

— Остается только надеяться,— уговаривал себя Марк.— Рано или поздно нас бросит в свободное плавание... Боже мой, подумать только, некоторые еще и платят за такое веселье! Надеюсь, я этим не заболею!

Наконец, они почувствовали удар и легкое трение с одной стороны. «Солнечная птица» продолжала неторопливое вращение. Подождав немного, Марк крикнул, расстегивая ремень:

— Мы выбрались! Да где же этот выключатель?

Маленькая электрическая лампочка осветила легкую фигурку Маргарет, по-прежнему вжатую в кресло. Она сделала слабую попытку улыбнуться.

— Господи, мне так плохо,— жалобно произнесла она.

— Держу пари, что так оно и есть. Только подожди минутку, сейчас я найду фляжку.

Баст вышла из своего убежища в одном из углов и ошеломленно уставилась на них зеленовато-желтыми глазами. Она печально мяукнула и направилась к Маргарет. Как ей удалось остаться невредимой, представляло собой неразрешимую кошачью тайну.

Бренди, которое раздобыл Марк, возымело немедленный эффект, не только успокаивающий, но и ободряющий. Маргарет отстегнула ремень безопасности и встала. Она слегка покачивалась.

— Это не от бренди, а от круговерти,— объяснила она.— Где мы? Снаружи совсем темно.

— Да Бог его знает,— произнес Марк как можно легкомысленнее.— Я бы подумал, что в пещере, но очень большой и глубокой.— Он нажал на выключатель.— Проклятье, фонарь не работает! Ну куда, черт возьми, я положил запасные лампы?

В глубине души он был убежден, что конец не за горами. Вода будет поступать сверху, пока не затопит всю пещеру. «Солнечная птица» постепенно поднимется до потолка. Вода сомкнется вокруг нее, и люди, беспомощные пассажиры, окажутся в смертельной ловушке. Запасы сжатого воздуха позволят им продержаться несколько часов, а потом...

— А, вот оно...— сказал он.

Их сильно качало; характер качки говорил о том, что они плывут, но непроницаемая темнота не позволяла хотя бы отчасти определить направление. Марк прошел через кабину и открыл заднюю крышку фонаря, висящего над передними окнами.

— Теперь,— сказал он, вставив новую лампу и снова захлопнув крышку,— мы сможем увидеть, куда падаем.

Яркий луч прорезал тьму. «Солнечную птицу» окружала черная, маслянисто поблескивающая вода; стремительный поток уносил суденышко в неизвестность. Они неслись с головокружительной скоростью: в нескольких ярдах слева от них промелькнула скала-стена. Марк включил боковой свет, но ничего не увидел, кроме волн, пляшущих у подножия скалы. Справа тоже простиралась вода. Высоко над потолком можно было смутно разглядеть куполообразный потолок громадной пещеры.

У Марка поднялось настроение. По крайней мере, катастрофа казалось менее близкой.

— Ну-ну, вот оно как. Но где мы и куда движемся, одному Господу известно,— сказал он.

Повернувшись, он посмотрел на девушку, и его легкомыслие тотчас же улетучилось. Она взглянула в его помрачневшее лицо и взяла под руку.

— Ничего, дорогой. Ты не виноват. Ты не мог знать, что на «Солнечной птице» взорвется двигатель, а потом ее затянет в чудовищный водоворот. Кроме того, мы же оба... мы же вместе, правда?

Марк посмотрел на собеседницу так, словно видел впервые. Ее белый костюм сильно пострадал, на скуле под правым глазом красовался небольшой синяк, мягкие темно-рыжие волосы перепутались, но взгляд карих глаз остался

прежним — в нем читалось и спокойствие, и твердость, и лукавство. Марк поцеловал девушку.

— Ты молодец!

Много позже, или им так показалось, неясно осветилась правая стена пещеры, больше похожей на скалистый тунель. Вероятно, огромное подземное озеро постепенно сужалось. Яркий электрический свет выхватывал из темноты детали простирающегося перед «Солнечной птицей» пространства. И зрелище это вызвало у Марка самые серьезные опасения. Скорость потока заметно увеличилась, а на его поверхности стали заметны воронки и небольшие волны; как глубоко лежали скалы, вызвавшие их, сказать было невозможно. С тяжелым сердцем Марк задался вопросом, как долго им удастся продержаться. При их теперешней скорости любая острая вершина могла пропороть дно от носа до кормы. Прелюдией чего был этот стремительный поток? Еще один водоворот, похоже, разобьет «Солнечную птицу» на куски. Им просто повезло, что первый водоворот заканчивался глубоким водоемом. А если внизу нагромождение скал?..

Похоже, те же мысли посетили и Маргарет; она хмуро посмотрела на бурлящую черноту и проговорила с напускной веселостью:

— От души надеюсь, что это не очередная воронка — от последней мне все еще не по себе. Я всегда считала людей, переправляющихся по Ниагаре в бочках, безумцами; теперь я знаю, что так оно и есть!

Марк оттащил ее к креслам.

— Здесь все же более безопасно.

Теперь стало видно, что впереди пещера сужалась, превращаясь в канал шириной футов шестьдесят-семьдесят. «Солнечную птицу», беспомощно раскачивающуюся и подпрыгивающую, несло к нему. У пассажиров перехватило дыхание — вряд ли они смогут благополучно миновать выступающую скалу слева от входа. Поток вовсю забавлялся с корпусом изуродованного самолета, словно у него не было большей радости, чем колотить этой металлической скорлупой по острым камням. В последний момент воды смилостивились над путешественниками, и «Солнечная птица»

промчалась мимо скалы на расстоянии всего нескольких дюймов.

Марк не стал выключать прожектор, но это только усиливало страх. Луч света беспорядочно блуждал, запутывая всякое представление о направлении движения, создавая впечатление, что суденышко вот-вот ударится о скалу. «Солнечная птица» постоянно наталкивалась на некие невидимые препятствия, и это безумно тревожило Марка — ему казалось, что корпус получил пробоину, но всякий раз, оглядывая кабину, он с облегчением убеждался, что никаких следов течи нет. Минут через двадцать пронзительный крик Маргарет заставил его внимательно посмотреть наружу.

— Смотри! — кричала она.— Свет!

Он взглянул в окно. Движение мешало убедиться в этом наверняка, но, казалось, он заметил небольшое серое пятнышко.

— Отражение,— предположил он.

— Нет, цвет другой — более холодный и более голубой, чем наш.

Он снова посмотрел, на этот раз внимательнее. Сияние заполняло высокую, почти готическую арку.

— Похоже,— заметил он,— это конец туннеля.

Странный свет. Фосфоресценция? Но откуда она здесь? В воде и намека на нее не было; головоломка, конечно, но вскоре она будет разгадана, потому что скорость «Солнечной птицы» ничуть не уменьшилась.

Таинственная арка приближалась, увеличиваясь в размерах — однако, гораздо медленнее, чем ожидал Марк. В кромешной тьме расстояния скрадывались, а тревожные ожидания и страстное стремление избежать их только усиливались. Пассажирам казалось, что минула целая вечность, пока, наконец, суденышко с молниеносной скоростью вылетело во второе озеро. Когда стремительный поток замедлил свой бег, они встали со своих мест и подошли к окнам. Молчание нарушила Маргарет.

— Это невозможно! Такого не бывает!

Марку открывшееся зрелище тоже показалось скорее сном, нежели реальностью.

Они смотрели на озеро, заполнявшее одну из самых больших пещер, которую когда-либо видел человек. Оно было так велико, что Марк с опаской смотрел вперед: казалось невероятным, что чудовищный купол может устоять без надлежащей опоры — колонн, арок или чего-нибудь еще. Впрочем, изумляли не только размеры пещеры и количество подземной воды. Источники света — вот чудо, поразившее воображение путешественников!

Под потолком пещеры на равном расстоянии друг от друга были размещены шары из неизвестного материала, похожего на заиндевевшее стекло. И каждый шар светился — мягкое, ровное, голубовато-белое сияние заливало огромное пространство.

Марк нервно оглянулся. Кто-то «зажег» свет. Но зачем? И кто? До сих пор они сталкивались с естественной и четко вычисляемой опасностью. Все зависело от плавучести и герметичности «Солнечной птицы». Но с появлением света все изменилось. Они оказались на пороге неведомой страны, в шаге от неизвестности, которая всегда пугает больше, чем реальные предсказуемые неприятности и беды. Это лампы, и их оставили здесь люди, говорил себе Марк, в этом нет сомнения. Но откуда здесь люди? И потом, ничего подобного этим светящимся шарам он в жизни не видывал, и свет, который они излучали, был ему незнаком. Похоже, тот, кто их создал, совершил открытие — интересно только, в какой отрасли знания? Ощущение опасности усилилось: какой же прием окажут непрошеным гостям спрятавшиеся глубоко под землей люди, о существовании которых на поверхности даже и не подозревают? Марк бросил тревожный взгляд на Маргарет. Казалось, ее внимание сосредоточено на чем-то более интересном, чем сияющие шары.

— Смотри, Марк, над линией воды есть пещеры! — И она показала на стену.

Посмотрев туда, Марк увидел несколько отверстий: некоторые почти над водой, другие высоко в стене, под самым потолком. Более того, он заметил и нечто ускользнувшее от Маргарет. От входа в самое большое отверстие к поверхности воды спускалась темная линия. Небрежного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это трещина в

скале; при более тщательном рассмотрении выяснилось, что она появилась здесь не случайно.

— Вряд ли это игра природы,— сказал Марк.— Скорее, тропинка, ведущая к пещере...

Несколько секунд он колебался. Теперь они двигались медленно вдоль стены. Что лучше: оставаясь в относительной безопасности «Солнечной птицы», мчаться все дальше и дальше по лабиринту туннелей или попытаться выбраться на поверхность? От дневного света путешественников отделяли сотни, если не тысячи, футов, и не было никакой гарантии, что выход из этого озера не приведет их к еще одному водовороту. С другой стороны, кого или что могут встретить они в этих пещерах?

Следовало выбирать из двух зол меньшее. Впрочем, Марка всегда влекли неизведанные места. В конце концов можно привязать «Солнечную птицу» к скале и потом продолжить плавание. Если они двинутся дальше, у них не будет шанса пристать к берегу. Марк снял куртку и сел, чтобы снять ботинки. Развязывая шнурки, он принялся давать указания Маргарет.

— Я поплыву к этой тропинке. Заберись наверх кабины: когда «Солнечная птица» окажется возле этого места — брось мне веревку. Помнишь тросы, которыми мы привязывали наше суденышко к пальмам? Они достаточно длинные, а если ты их соединишь, получится целая бухта. Думаю, ты справишься.

Маргарет кивнула и принялась искать тросы. Марк открыл дверцу, без колебаний нырнул в темную воду, и через десять минут задуманный маневр был завершен. Марк поймал брошенный конец, и металлическое дно «Солнечной птицы» шумно заскрежетало, когда он подтянул ее нос к склону. Маргарет спрыгнула и встала рядом с ним, наблюдая, как он закрепляет трос.

— Как здесь тихо! — жалобно произнесла она.— Я не думала, что где-нибудь может быть так ужасающе тихо.

Несмотря на то, что она говорила шепотом, эхо ловило ее голос и жутковато бросало от стены к стене, пока голос не превратился в блуждающий звук. Маргарет слегка содрогнулась.

— Не знаю, что хуже: тишина или такое эхо.

Тишина пела в ушах, и только редкий плеск волн нарушал ее.

— Ну,— весело произнес Марк,— если нет ничего, кроме тишины, нам нечего бояться.

Искаженная насмешливым гулким эхом, эта фраза напугала обоих. Они нервно посмотрели друг на друга. Маргарет взяла его за руку.

— Ты действительно думаешь, что нам удастся отсюда выбраться? — спросила она, глядя на тропу.

— Конечно,— проговорил он, вложив в свой ответ больше убеждения, чем чувствовал.— Воздух здесь свежий. Должен же он где-то циркулировать. Если только нам удастся...

Грохот, оглушительный в замкнутом пространстве, прервал его фразу. Скала под ногами задрожала. Мощные раскаты раздавались по всей пещере. В ста ярдах от путешественников отделился кусок скалы и шумно, подняв тучи брызг, рухнул в воду. Пальцы Маргарет еще сильнее сжали руку Марка. Он видел, как ее губы произносят какие-то беззвучные слова.

— Смотри! — крикнул он, показав назад, на туннель, по которому они приплыли.

Там поднималась стена пенящейся воды, простирающаяся почти по всей поверхности озера.

— Должно быть, обвалился потолок. Путь назад отрезан.

Маргарет напряженно улыбнулась.

— Ничего, дорогой. Его никогда и не было. Только семга умеет карабкаться по водопадам!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Итак, что у нас есть? — задумчиво спросил Марк.

Он бросил взгляд на лежавший за спинкой сидения сверток и принялся загибать пальцы, перечисляя предметы.

— Еда, бутылки с водой, фонари, бечевка, спички, нож... Господи, чуть не забыл...

Марк открыл небольшой ящик и принялся в нем рыться. Заинтригованная Маргарет увидела, как он вытащил

маленький пистолет и бросил его вместе с несколькими обоймами себе в карман.

— Зачем это? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Не думаю, что он нам понадобится, но... словом, лучше носить оружие, которое тебе не пригодится, чем горько сожалеть о том, что его нет. Мы можем столкнуться с... э... дикими племенами или чем-нибудь в этом роде. Когда выберемся отсюда.

Маргарет помотала головой. Последняя фраза прозвучала особенно неубедительно.

— Марк, ты не договариваешь. Чего ты боишься?

— Ерунда. Ничего я не боюсь. А чего нам бояться? Я просто готовлюсь, и все... Старинный лозунг бойскаута!

— Марк, не дури! Я, конечно, ничего не имею против того, чтобы меня защищали, но не позволю обращаться с собой, как с идиоткой. В чем дело?

Он посмотрел на Маргарет.

— Прости. Ты права. Я вел себя, как дурак. Я больше не играю в «настоящего мужчину». Откровенно говоря, я не знаю, чего ожидать. Все слишком подозрительно. Сначала огни, явно поставленные здесь с какой-то целью — вот только с какой? А эта трещина — тропа, отчасти естественная, но законченная, безусловно, чьими-то руками не за день и не за два. Кто бы это ни был, он работал в тайне от людей, живущих наверху. Десять к одному, что они... э... ну, что они, вероятно, захотят сохранить этот секрет.

— Ты хочешь сказать — нас могут убить?

— Наверняка сказать нельзя... поэтому я и готовлюсь.

— Но, Марк, кто это может быть? Должны же быть хоть какие-то предположения?

— Это-то и самое подозрительное. Я никогда не слышал о подрывных операциях или о чем-либо подобном в этих краях, правда ведь?

— Вероятно, французское правительство...

— Не думаю... во всяком случае, рано или поздно мы это выясним. А сейчас надо отсюда выбираться.

Они вылезли из «Солнечной птицы», и он хотел закрыть дверь.

— Нет, погоди минутку. Мы забыли...

Маргарет бросилась назад и вернулась с извивающейся меховой горжеткой.

— Бедняжка Баст,— сказала она.— Мы чуть не обрекли ее на ужасную участь. Ей придется пойти с нами.

Кошка замяукала. Марк неодобрительно посмотрел на нее. Вероятно, она станет обузой, но, как бы то ни было, вряд ли гуманно оставить ее умирать с голоду.

— Идем,— сказал он.

Тропинка была крутой, но недлинной.

За пару минут они достигли ровной площадки перед входом в пещеру и увидели длинный туннель, освещенный расположенными на равном расстоянии шарами, похожими на те, что видели над водой. Марк помедлил, чтобы бросить печальный взгляд на «Солнечную птицу», сверкающую, словно серебряный челнок. Затем они вошли в туннель.

Некоторое время шли молча, и каждый был погружен в свои мысли. Идти по гладкому и сухому полу оказалось даже приятно. Путешественники старались убедить себя, что туннель ведет вверх, правда, под очень небольшим углом — следовательно, им предстояло провести в дороге множество долгих дней. Монотонная, утомительная прогулка начинала действовать Маргарет на нервы. Она посмотрела в суровое, задумчивое лицо Марка.

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросила она, наконец.

Марк криво ухмыльнулся.

— Паршивая ситуация,— признал он.— Я озадачен. Зачем кому-то понадобилось освещать озеро? На нем не было даже лодок.

— Может, их унесло?

— Но тогда мы увидели бы причальные кольца или мостки, или еще что-нибудь — своего рода пристань.— Он помотал головой.— И эта тропинка... Она же уходит под воду! Может быть...

— Что?

— Ну, вероятно, озеро возникло совсем недавно... Так легче понять, почему огромная, сухая пещера освещена.

Предположим, вода только недавно прорвалась сверху и затопила ее.

— Да, возможно...

И Марк вновь задумался об обитателях пещеры. Где они? И что это могут быть за люди? Туннель и пещера хорошо освещены. Однако обитатели подземных лабиринтов не давали о себе знать. Здесь больше не было никого, кроме самого Марка и Маргарет. Или так только казалось?

Туннель начал поворачивать влево. Сверившись с карманным компасом, Марк обнаружил, что они движутся на север. Вряд ли это имело какое-либо значение, но лучше такая доля информации об их местоположении, чем никакой. Тоннель, вероятно, сообщается с другими, а затеряться в паутине подземных ходов — легче легкого. Сейчас им предстояло выбрать дальнейший путь: перед ними открылся тоннель — точная копия того, по которому они пришли — но прорезанный наискосок.

— Подбросим монетку,— предложила Маргарет.

Марк заглянул в новый туннель и кивнул, признавая, что этот способ не хуже любого другого.

— Если аверс, мы идем вперед; если реверс — поворачиваем.

Монетка была подброшена и со звоном упала на землю.

— Орел,— вскрикнула Маргарет, глядя на профиль Елизаветы Второй.

И они двинулись в избранном направлении. Теперь их лица обвевал легкий ветерок; немного похолодало. Потом появился какой-то запах: и знакомый, и незнакомый одновременно. Путешественники ускорили шаг, подозревая, что монотонность голых туннелей скоро сменится чем-то другим. Время от времени заглядывая в боковые ответвления, которые все чаще встречались на их пути, они уходили все дальше от «Солнечной птицы». Воздух становился более влажным и свежим, запах усиливался. Казалось, где-то находится заросший колодец. Туннель круто поворачивал, и когда путешественники преодолели этот поворот, перед ними предстало самое удивительное зрелище, какое только можно представить..

Не сговариваясь, они замерли «на пороге» огромной пещеры.

— Грибы! — слабым голосом произнесла Маргарет.

Мягкое сияние знакомых шаров заливало нечто вроде чудовищных размеров лужайки исполинского леса, с той только разницей, то росла на ней не травка в рост человека, а какие-то иные, совсем фантастические формы растительной жизни. Самыми массивными и заметными были грибы. Уродливые «поганки» с коричневатыми зонтичными шляпками величиной с тележное колесо на тоненьких белых ножках высотой в восемь-девять футов чередовались с более пропорциональными «красавцами», чьи скользкие конусы были окрашены в желтый, красный и серый цвета. Среди похожих на колонны грибов росли огромные шары — кирпично-красные, кремово-коричневые, белые — видимо, дождевики, достигшие гигантских размеров. Повсюду торчали разноцветные корни, стебли, усики — жирные, словно отъевшиеся анаконды, искривленные и согнутые усилиями найти свободное пространство. Какие-то плоды, которые, если бы не отбивающие аппетит цвета, можно было принять за кабачки, устилали землю между ножками грибов и громадными шарами. Царил хаос линий и форм, а сочетания цветов лишь усиливало это впечатление. Казалось, кисть обезумевшего художника оживила пейзаж внезапными легкими мазками, пурпурными, зелеными, красными и желтыми.

Увидев раскрытый от удивления рот Марка, Маргарет рассмеялась.

— Но это невероятно... Фантастика! — запротестовал он.

Она кивнула.

— Знаешь, что это мне напоминает? Картинку из детской книжки, только техника более современная. Огромные поганки, под которыми жили гномы. В одной книжке был точно такой же.— Она показала на особенно наглый алый гриб в белую крапинку.— Но я никогда не думала, что увижу это в реальной жизни. Подойдем поближе.

Они отошли от твердой скалы, граничащей с плодородной землей, и с любопытством рассмотрели ближайший гриб. Марк открыл нож и проткнул его. Ткань оказалась довольно мягкой. Марк отрезал кусочек ножки и тщательно обнюхал его и помял в пальцах: резкий грибной запах, ткань волокнистая — не очень привлекательная еда.

— Все в порядке, это гриб,— признал Марк.— Если нам удастся найти что-нибудь горючее, мы сможем разжечь костер и приготовить поесть.

Они продвигались все дальше по опушке сверхъестественного леса.

— Похоже на подземную ферму, тогда все эти грибы съедобны... Но я бы поискал что-нибудь знакомое. Я слышал, что любые грибы можно есть, нужно только правильно их приготовить. Но определить, что значит правильно — вот в чем проблема!

Маргарет отпустила кошку на землю, и та бесстрашно устремилась вперед — в полушаге от людей, с любопытством обнюхивая каждую толстую ножку.

— Чем больше я смотрю на все это,— произнесла Маргарет,— тем меньше мне нравится. Сначала странный свет, затем немыслимый грибной сад. Если здесь ведутся горные работы, шахтерам должны доставлять провизию с поверхности. Вряд ли они согласятся есть эту дрянь. Разумеется, эти грибы выросли такими не сами по себе; их чем-то обработали. Только как они появились здесь?

Марк фыркнул. Ему уже надоело удивляться, и он готов был принять все, что предложит судьба. Сейчас перед ними оказалась еда, которая пополнит их скромные запасы. Вдалеке виднелся экземпляр, отдаленно напоминавший шампиньон. Огромный гриб стоял на краю поляны и его было легко срезать — разрубив толстую, белую ножку.

— Отойди подальше! — предупредил Марк.

Гигант с шумом упал. Шляпка отвалилась и отлетела. Марк подошел к ней и принялся отрезать пригодные к употреблению куски. Внезапно он услышал взволнованный голос Маргарет.

— Марк, я схожу с ума? Это же гном!

— Что?

Он развернулся и взглянул на нее. Маргарет одной рукой прижимала к себе пойманную Баст, а другой показывала на гриб, похожий на грязный пляжный зонтик. Сверхъестественное создание, подобного которому Марк никогда не видел, неподвижно стояло в тени и смотрело на него.

На фоне фантасмагорической растительности невозможно было определить габариты этого существа. Марк решил, что гном значительно меньше его самого. Голое тельце покрывала серо-белая, как грязный пергамент, кожа. Полное отсутствие пигментации свидетельствовало о том, что этому созданию солнечный свет не знаком. Тонкие жилистые ноги поддерживали недурной формы стройное тело; худые руки казались гибкими, словно лианы; голова формой напоминала бильярдный шар. Большую часть лица занимали глаза: странно неподвижные, как у ящерицы или лягушки; взгляд их — твердый, но словно потухший, безжизненный — придавал лицу выражение глубокой, непреходящей меланхолии. В памяти у Марка что-то шевельнулось; он был уверен, что где-то, или на картине, или в реальной жизни, он видел такие лица с печатью бесконечной печали.

— Смотри, вот еще один,— Маргарет показала чуть правее.

И Марк заметил еще одну фигуру, до сих пор незаметную, поскольку ее бесцветная кожа почти сливалась с окраской грибных стволов.

— И еще! Их дюжины! — добавила она.

Марк занервничал. Давно появились здесь эти гномы? Может, целые толпы сейчас крадутся к ним через грибные заросли? Он чувствовал силу этих темных, печальных глаз, следящих за малейшим его движением. Марк вопросительно взглянул на Маргарет. Она тряхнула спутанными кудрями.

— Не знаю, дорогой. Они ведь не кажутся очень опасными, правда? Возможно, им просто интересно...

Марк задумался. Эти жутковатые существа, должно быть, знают дорогу на поверхность, и их надо заставить ее показать. Вероятно, их намерения самые мирные, но лучше в этом убедиться. Марк вынул пистолет и удостоверился, что магазин полон.

— Нам лучше вернуться в туннель, так будет безопаснее,— сказал он, разворачиваясь.

Они успели сделать несколько шагов, когда услышали среди грибов шуршание. По невидимому сигналу бело-се-

рые люди одновременно сдвинулись со своих мест. Марк, посмотрев через плечо, был поражен их количеством. Они появлялись в самых неожиданных местах и стали видимыми только благодаря движению.

— Беги! — крикнул он.

Послышалось шлепанье сотен босых ног, но путешественники уже замерли в относительной безопасности тунеля. Марк остановился, заслонив собой Маргарет, и повернулся лицом к преследователям. Пистолет его был угрожающе нацелен вперед. Очевидно, это оружие было знакомо гномам, потому что они остановились, как вкопанные. Марк попытался заговорить с ними по-английски.

— Мы хотим выбраться отсюда. Мы хотим подняться наверх,— сказал он, указав на потолок.

Серо-белые люди, числом более сотни, тупо и непонимающе смотрели на него. Он предпринял еще одну попытку. Показал сначала на себя, а затем вверх.

— Я... наверх,— с надеждой произнес он, но лица гномов оставались бесстрастными.

— Ах, проклятье!

Он гневно взглянул на них. Теперь, когда они вышли из-за грибов, стало легче определить их размеры: рост самого высокого достигал четырех футов шести дюймов, но многие были ему по плечо.

— Попробуй обратиться к ним по-французски,— предложил он Маргарет.

Девушка вышла из-за его спины, по-прежнему с кошкой на руках. Эффект был незамедлительным и потрясающим. Не успела она раскрыть рот, как маленькие человечки внезапно оживились. Сразу зажужжали голоса. Жестикулирующие руки показывали на нее. Она смущенно повернулась к Марку.

— Что?..— начала она.

— Осторожно! — Он резко оттащил ее назад.

Маленькие человечки ринулись к ним. Он проворно спустил курок, слепо стреляя в их тела. Промашки быть не могло. Обойма быстро закончилась. Несколько раненых кричали от боли. Звук выстрелов эхом раздавался в огромной пещере. Рев, поднявшийся после тишины, выражал

одновременно ужас и тревогу. Неподвижные фигуры на земле до боли напоминали детские тельца. Марку стало немного не по себе, но он продолжал целиться в лица остальных, знаком приказывая им отступить. Маргарет перевела дыхание, и ее выдохи были скорее похожи на всхлипывания. Она заставила себя оторвать взгляд от упавших тел и в ужасе посмотрела на него.

— Ах, Марк, они мертвы! Ты... ты...

Он взглянул на нее, и она отшатнулась. В ее глазах застыл ужас.

— Но, Маргарет, мне пришлось...

— Так неожиданно,— бормотала она.— Так ужасающе неожиданно! Минуту назад они бежали, а сейчас... Ах, Марк, что ты наделал?

Марк отступил. Он хотел только остановить их. Казалось, на курок нажал кто-то другой... Ах, проклятье...

Человечки отошли назад. Их лица снова были бесстрастны. Возможно, он поступил слишком опрометчиво. Вероятно, как и подумала Маргарет, они не хотели причинить вреда. Но он не мог позволить себе поддаться на простые «вероятно».

Не переставая следить за гномами, Марк вставил в пистолет новую обойму. Человечки снова заговорили на своем странном наречии. Большей частью их внимание, казалось, было направлено на Маргарет, хотя время от времени они с опаской глядели на пистолет. Видимо, приняв некое решение, толпа образовала полукруг у входа в туннель. Марк кожей чувствовал, что они замышляют новый бросок. Одной обоймы будет маловато для стрельбы на сто восемьдесят градусов!

С дальней стороны туннеля ему, может быть, удалось бы их удержать. Он начал отступать назад, неотрывно глядя в их лица. Но серо-белые люди не шевелились. Он в замешательстве задал себе вопрос, что кроется за этими печальными, лишенными всякого выражения лицами.

Марк стоял в добрых тридцати ярдах от входа, когда они двинулись вперед. Его пистолет безжалостно палил. Свинец прореживал ряды наступавших. От оглушительных выстрелов в замкнутом пространстве у Марка звенело

в голове. Он больше ничего не слышал и, естественно, не подозревал о топоте сотни босых ног у него за спиной.

Единственным предостережением послужил сдавленный крик Маргарет, но он раздался слишком поздно. Марк начал оседать под натиском странных серых существ. Пистолет выпал из руки. Тяжесть извивающихся тел выдавливала воздух из его легких. Маленькие кулачки вцепились в волосы и принялись бить его затылком о землю. В голове стояла адская боль. Мозг, превратившись в жидкую кашу, похоже, отказывался работать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сознание возвращалось к нему постепенно. Первым, что почувствовал Марк, была знакомая, ослепительная головная боль. Он попытался вспомнить. Был взрыв; весь мир перевернулся; «Солнечная птица» тонет в море... Нет, это случилось давно. Неужели с тех пор ничего не произошло? Ценой нечеловеческих усилий он открыл глаза. Каждое веко, казалось, весило несколько фунтов и окаменело от отсутствия движения. А когда глаза открылись, он не смог как следует сосредоточиться. Сквозь дымку он увидел нечто серое, плавно кружившееся перед ним. Спустя пару секунд все успокоилось и стало яснее. Скала? Что-то знакомое...

Воспоминания нахлынули на него мощным потоком. Туннели, пещеры, фантастические грибы и маленькие человечки...

— Маргарет? — слабым голосом позвал он.

Марк повернул голову, стараясь найти Маргарет, но вокруг не было ни единого человека. Он лежал в пещере размером с обычную гостиную. В центре потолка висел сине-белый шар, похожий на те, что освещали туннели, только поменьше. Возле него на полу стояла чаша из хорошо отшлифованного камня, почти до краев наполненная водой. Он протянул руку, чтобы подвинуть ее поближе, но тут же остановился: рука была слабой и выглядела такой худой и изможденной, что он едва ее узнавал.

Прохладная вода подействовала на него благотворно. Он откинул голову на подушку и внимательно осмотрел помещение.

Пещеру, несомненно, кто-то пытался сделать пригодной для жилья. Возле стен были размещены низкие, похожие на кушетки холмики ткани; видимо, на одном из них он и лежал. Две маленькие подушки и толстая подстилка, изготовленные из странных телесного цвета полосок шириной в дюйм, отделяли его от ледяного пола. Для тепла и большего комфорта кто-то обмотал Марка длинным, синим шерстяным шарфом.

Унылую протяженность серых стен несколько скрашивали рисунки и картины, выполненные прямо по голому камню в три-четыре краски. Трудно сказать, чем пользовались люди, создавшие эти произведения, но качество рисунка — несмотря на грубость его исполнения — выдавало руку мастера: набросок грибного леса производил впечатление не менее сильное, чем пейзаж арабской деревушки. Все казалось весьма узнаваемым, хотя некоторые персонажи картин выглядели как-то необычно. Марк узнавал арабов, представителей белой расы и даже серых гномов, но вот другие мужчины и женщины... Он никогда не видел таких людей.

Марк провел ладонью по голове и обнаружил, что она перевязана. Что произошло после той битвы в туннеле? Он смутно вспомнил склонившиеся над ним лица и голоса, шепчущие какие-то ободряющие слова, но это были незнакомцы. А где же Маргарет? Надо ее найти...

Он сел и едва не застонал от боли. Голова просто раскалывалась на куски, затем, постепенно, утихла. Марк с трудом встал на ноги и прислонился к стене. В ногах чувствовалась такая слабость, что от малейшего движения он мог вновь осесть на землю. Ценой неимоверных усилий он сделал несколько шагов. Сил ему придавала лишь тревога за Маргарет.

Вход в пещеру был вырублен в форме дверного проема. Он вел в коридор, тускло освещенный и простирающийся в обе стороны. Справа еле слышно доносились чьи-то голоса, и Марк решил идти именно туда. Он прошел, вероятно,

ярдов пятьдесят, но ему казалось, что это самое долгое путешествие в его жизни. Несколько раз он замирал, прислонившись к стене: слабость не позволяла ему ни дойти до цели, ни вернуться. Но всякий раз он усилием воли заставлял двигаться свои нетвердые ноги.

Наконец коридор привел Марка к пещере. Он стоял, глядя на мужчин и женщин, снующих от одного входа в туннель к другому. Он пытался позвать их, но его голос потерялся в шуме их шагов. И с людьми происходило что-то сверхъестественное... Казалось, они плавали... Вся пещера качалась, словно в пьяном бреду. Внезапно колени его подогнулись. Пол пещеры поднялся и накрыл его.

Чьи-то руки помогли Марку сесть; что-то гладкое прикоснулось к его губам.

— Вот, выпейте.

Марк повиновался. Незнакомый напиток обжег горло. Открыв глаза, он сквозь туман рассмотрел два бородатых лица, склонившихся над ним. Губы одного бородача шевельнулись:

— Что вы здесь делаете?

— Маргарет,— с трудом выдавил он.— Где она?

Мужчины переглянулись.

— Все в порядке, приятель. Не волнуйтесь. Вы должны отдыхать. Как насчет того, чтобы вернуться?

Они помогли ему встать на ноги.

— Вы сможете идти?

Марк кивнул, но на первом же шаге его колени снова подогнулись. Тот, что был повыше, с легкостью поднял его и зашагал по коридору. Марк снова почувствовал, что лежит на кушетке, которую недавно покинул. Через неопределенное время его кто-то поднял. Человек, который его нес, протягивал две миски, одну с водой, другую с чем-то вроде пюре.

— Что?..— начал Марк, но человек помотал головой.

— Нет, сначала съешьте это. Потом поговорим.

Марк выпил воды и принялся за пюре, у которого был земной запах, необычный, но не противный. Поглощая

еду, он еще раз рассмотрел обстановку. Он снова находился в расписанной пещере, но на этот раз у него было три посетителя. Тот, который предложил еду, был высок, широкоплеч, в лохмотьях французской военной формы. Его руки и лицо, скрытое спутанной бородой, были испачканы сажей. Волосы, которые, должно быть, некогда считались белокурыми, были неуклюже обрезаны, скорее всего, ножом. Далеко на затылок сдвинута помятая кепочка.

Марк перевел взгляд на следующего. Этот был потоньше и с редеющими волосами, обрезанными также грубо. Борода у него тоже была спутана, руки также грязны, но одежда другая. Лондонский модельер вряд ли узнал бы свое творение в этом тряпье, но лохмотья были высокого качества. Третьим был араб в бурнусе, в котором его владелец, казалось, прошел через военную кампанию. Это смутно напомнило Марку изорванные в битвах флаги, которые он видел в церквях.

Марк доел пюре, столь же грубое, как и все остальное, и отодвинул миску. Ему стало значительно лучше. В кармане он нашел пачку сигарет и предложил закурить новым знакомым. Трое посмотрели на него так, словно он сотворил чудо. Они закурили осторожно, с почтением.

— Ну, теперь, может быть, вы мне скажете, где Маргарет? — спросил Марк.

— Она была с вами? — поинтересовался крупный человек.

— Разумеется, со мной. Вы хотите сказать, что не видели ее?

Он вопросительно посмотрел на посетителей. Они помотали головами.

— Но она была со мной, когда меня ударили. Я должен ее найти.

Он попытался встать на ноги. Высокий поймал его за руку и снова посадил.

— Нет. Сидите пока. Вам много чего предстоит узнать. Например, что здесь не следует спешить.

— Но...

— Говорю вам, вы ничего не можете сделать. Во всяком случае, вы еще больны и некоторое время должны поле-

жать. Поверьте мне, если ваша девушка сейчас в безопасности, она и будет в безопасности.

— Это правда?

— Конечно, правда.

Марк ему поверил. Человек говорил твердо, словно не сомневался в своих словах. Кроме того, сейчас Марк был так слаб, что никому не мог бы помочь. Он снова опустился на подушки и принялся рассматривать незнакомцев.

— Ради Бога, расскажите мне об этом месте. Я не знаю, где я и долго ли тут нахожусь.

— Ну, вы последний из пришедших, это могу сказать точно, хотя долго болели. Вы самый франтоватый из нас на этой свалке. Как вы сюда попали? Расскажите нам о себе.

Марк рассказал им свою историю в мельчайших подробностях. Первая часть, казалось, больше заинтересовала слушателей, чем рассказ о грибном лесе, и высокий подавлял очевидное для европейца желание часто перебивать. Некоторое время после рассказа Марка он молчал.

— Так вот в чем дело,— задумчиво произнес он.— Неудивительно, что бедные дьяволы так озлоблены. Значит, им пришел конец.

— И нам тоже,— сказал другой.

Араб лишь кивнул.

— Но что вы здесь делаете? — нетерпеливо спросил Марк.— Вы же американцы, так ведь? Так почему же французская форма?

— Кстати, мы забыли представиться. Я Джон Смит, по крайней мере, так меня звали в Легионе. Это Чарльз Гордон из Лондона, Англия, а это Махмуд эль Жиззах из самой забытой Богом дыры в пустыне. Гордон арх... арх... Ну, словом, он раскапывает вещи, которые больше никому не нужны. А чем занимался Махмуд, я не знаю, но он получил образование в самом шикарном месте Англии — Оксфордском колледже.

— Болтун,— неодобрительно пробормотал араб.

— Но что вы все здесь делаете?

— Просто живем.

— Но почему?

— Потому что, черт возьми, мы не можем делать ничего другого. Думаете, мы здесь для удовольствия?

Марк посмотрел на их бороды и лохмотья.

— Как долго вы здесь?

— А какое сегодня число?

Марк задумался. Вероятно, с тех пор, как он потерял сознание, прошло несколько дней, но дату крушения «Солнечной птицы» он помнил.

— Когда мы упали, было шестнадцатое сентября.

— Какого года, приятель?

Он уставился на собеседника.

— Одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертого, разумеется.

— Значит, я здесь шесть лет.

— А я — семь,— сказал Гордон.

— А я — пять,— признался араб.

Марк вытаращил глаза. Он переводил взгляд с одного лица на другое, ища признаки розыгрыша.

— Семь лет! — Он уставился на Гордона.— Не может быть! Семь лет... Здесь, в этих пещерах?

Гордон кивнул и немного мрачно улыбнулся.

— Да, именно так.

— Но... я не понимаю. Должен же где-то здесь быть выход!

— Выходы есть... И, может быть, не один. Дело в том, что мы не можем их найти.

— Почему? Вы же нашли вход сюда?

— Вы тоже нашли, но вам же это не помогло, правда?

— Не могли же вы все спуститься сюда по водоворотам?

— Нет. На самом деле, проблема заключается в этих маленьких серых человечках. Они загнали нас в загон, как скот. Они даже не получили над нами преимущества. Скажем, легче вырваться из ада, чем из этого притона.

— Но не хотите же вы сказать, что мы здесь навсегда?

— Именно так...

— Но...

Марк снова почувствовал, что весь этот кошмар становится все страшнее и страшнее. Заключены в этой пещере до конце своих дней! Это фантастика, это не может быть правдой! Он повернулся к Гордону, разглядывавшему пейзаж арабской деревни.

— Это чистая правда,— спокойно заверил его араб.

— Это не может быть правдой! Должен же быть выход!

— Если бы кто-то когда-нибудь отсюда выбрался, это место стало бы известно! То, что оно остается тайным, означает, что никто никогда отсюда не выбрался!

Вмешался Гордон.

— Нет, это не так. Я верю в свою теорию, что...

— Да к черту все ваши теории,— перебил его Смит.— Даже если они верны, какой нам от них толк? Выбросьте их из головы! — Он вновь повернулся к Марку.— Чем скорее вы осознаете, что вы, я и все остальные заточены здесь навсегда, тем лучше для вас!

Выздоровление Марка было долгим. Иногда его раздражало, что он зря теряет время, и он начинал ворчать, Гордон делал все возможное, чтобы его успокоить.

— Во-первых, фраза «напрасная трата времени» здесь не имеет значения,— сказал он.— А во-вторых, вам вообще чертовски повезло, что вы выздоровели. Если честно, вы были в таком плачевном состоянии, оказавшись здесь, что мы не надеялись, что вы выживете. Попытка выбраться отсюда явно не пошла вам на пользу, вас просто избили! Так что, лежите спокойно и не волнуйтесь. То, что Смит называет «озлоблением», не пойдет вам на пользу!

Марк, как мог, старался следовать их советам и за последующее время хорошо узнал эту троицу. Ему пришлось изменить свои первые впечатления. Например, Смит не был таким закоренелым пессимистом, каким казался вначале. Он был полон надежд, хотя и утверждал обратное. За его утверждениями, что побег невозможен, не чувствовалось искренней уверенности; гораздо чаще это была защита, что-то вроде самоуспокоения, желания чтобы надежды не зашли слишком далеко. Однажды в момент непривычного откровения он признался:

— Если бы я не надеялся, что мы когда-нибудь выберемся отсюда, я бы уже давно расстался с жизнью; но, если я позволю себе слишком волноваться, то, вероятно, в один прекрасный день лишу себя жизни от полного разочарования. Большую часть времени я ожидаю худшего; хорошо, что этого не происходит!

Несложная теория Смита заключалась в том, что не надо искушать богов. Так обычно берут зонтик, чтобы заставить светить солнце, или путешествуют с двумя запасными колесами, чтобы избежать прокола. Его попытки блефовать с судьбой говорили о том, что он полон надежд куда больше остальных.

Гордон уже дошел до того состояния, когда мирятся с неизбежным. Только твердая вера в свои теории, которых, как обнаружил Марк, было много, мешала ему оставить мысль о возвращении. Но все равно он, похоже, не впадал в отчаяние, которого так боялся Смит. Гордон нашел силы отвлечься от окружающей обстановки и погрузиться в свою чисто условную жизнь, без которой был бы совсем одинок. Иногда он впадал в глубокое уныние, но часто даже случайное слово выводило его из апатии. В глазах вдруг загорался огонь возбуждения, худое лицо оживлялось, словно с него срывали маску, и через несколько мгновений он с жаром разглагольствовал, защищая собственные теории, иногда казавшиеся разумными, а иногда — чистой фантазией. Большей частью его речи, казалось, не вызывали у Смита ни малейшей реакции; хотя иногда Смит улавливал в потоке слов практическое предложение и с удовлетворением цеплялся за него.

Араб слушал их разговоры, время от времени фыркая. Марк не понимал, что кроется за этим молчанием: смирение или глубокая мысль. Как бы то ни было, казалось, сложившаяся ситуация волновала его меньше других. Когда он начинал говорить, это были воспоминания или какая-нибудь арабская басня, суть которой была совершенно непонятна европейцу. Единственным звеном, связывающим его с остальными, было восхищение Смитом.

Набираясь сил, Марк начинал проявлять интерес к окружающей обстановке, у него появлялось желание определиться, как ему жить в новой компании. Его подход был, без сомнения, уникален. Он хотел знать, как Смит попал сюда.

Смит задумчиво напряг слух и с сомнением посмотрел на остальных. Марк понял, что эти трое знают друг о друге все.

— Я не возражаю. Рассказывай,— согласился Гордон, а араб дружелюбно кивнул.

— Ну, рассказывать тут особенно нечего, но если хотите, пожалуйста. Мы — наш отряд, были посланы на какую-то работу в горы Гардая, а позвольте вам сказать, что если вы не знаете, где находятся горы Гардая, вы немного потеряли! Французы считают, что парень, выживший после пары месяцев в Легионе, настолько крепок, что его уже нельзя убить. И ведут себя соответственно. Они одевают вас в самые тяжелые одежды, какие только могут найти, дают тюк размером с верблюда и посылают пешком за тысячи километров, где солнце светит вдвое ярче, чем в любом другом месте. Я не могу сказать, сколько проклятых мучительных миль проделали мы в тот день, но я знаю, что они гнали нас, пока мы чуть не умерли. Некоторые из этих несчастных дьяволов чуть ли не спали на ногах, да я и сам едва не заснул. Полагаю, французы не хотели с нами бороться. Их главной мыслью было устроить яркое шоу мундиров, и каким бы могущественным ни был местный шейх, его, естественно, должна была затмить слава Франции. Да, мысль была достаточно правильная. Проблема заключалась в том, что арабы смотрели на это иначе. Может быть, мундиры не произвели на них должного впечатления! Во всяком случае, они подождали, пока мы не измотались окончательно, а затем вмешались. Мы шли по открытой местности, а они скакали, как антилопы, по скалам над нами. У них были ружья, и они играючи стреляли по движущимся целям, большей частью по быкам. Это было не смешно, и нам был дан приказ сделать единственно правильный шаг — укрыться у подножия скал. Там их было множество, и все всех размеров. Мы, не желая оставаться живыми мишенями, направились к скалам. Там и остановились. Нас заперли, и весьма успешно! Для того, чтобы получить фатальную дозу свинца, достаточно было выглянуть наружу. Некоторые ребята, которым говорили, что арабы не умеют стрелять, попытались выглянуть... однажды. Но как бы то ни было, мы не очень волновались, просто нам, наверное, очень хотелось спать. Прошло немного времени, и кто-то в штабе хватился нас и поднял

шум, желая узнать, где мы. Нам же ничего не оставалось делать, как только тихо сидеть и ждать. Но местный шейх не считал, что это забавно. Он затеял свою игру и собирался довести дело до конца. Вероятно, ему было бы легче объяснить исчезновение всего отряда, чем появление нескольких мертвых тел. Он любил крупные цифры, этот малый. Мы просидели под скалой примерно час, когда услышали ужасный треск справа. Пара наших людей выглянули и увидели, что произошло, но нам это мало помогло, так как их головы прошили пули. Остальные довольствовались тем, что тихо сидели и строили догадки, почему снаружи поднялась суматоха. Через полчаса мы узнали. Прямо над нами произошел сокрушительный взрыв. Половина скалы была разрушена и стремительно упала вниз. По крайней мере, этого было достаточно, чтобы замуровать вход в наше укрытие и уничтожить четырех несчастных дьяволов, стоящих поблизости. Коварный шейх был одержим превосходной идеей замести следы, и, похоже, мы оказались заживо похороненными... Полагаю, ребят, прятавшихся под другими скалами, постигла та же участь. Я никого из них больше не видел. Итак, нас осталось трое. Ольсен, Дюбуа и я. И перед нами встал выбор: умереть прямо здесь или осмотреть скалу и поискать, нет ли какого-нибудь другого выхода. Мы не надеялись сдвинуть тонны камней при входе. Вскоре мы нашли трещину сзади. В ней была тяга, это говорило о том, что она куда-то ведет. Мы протиснулись и пошли вперед, освещая путь свечами. Не знаю, сколько времени прошло до того, как мы с Ольсеном обнаружили развилку в одном из этих освещенных туннелей, скорее всего, несколько дней. И мне нет смысла вам рассказывать, что эти огни нас поразили; вы, наверное, чувствовали то же самое, когда увидели их впервые. Если бы их не увидел и Ольсен, я бы подумал, что сошел с ума. Мы потеряли Дюбуа. Он упал в пропасть и сломал шею, бедняга. Ольсен тоже был не в лучшем состоянии; он сломал руку и ударился о сталактит. Горстка белых пигмеев обнаружила нас, проходя мимо. Они, казалось, были не слишком удивлены, увидев нас. Они принесли нам еды и дали немного поспать, а потом привели сюда.

Он замолчал, по-видимому, считая, что рассказ окончен. С точки зрения Марка он едва начался.

— Но что это за место? — спросил он.— Вы забываете, что я фактически ничего не видел, кроме этой пещеры!

— Этой? Ну, ее вполне можно назвать тюрьмой. Это угловая пещера в их системе, вход сюда только один. Вы были «вырублены», когда они вас тащили, иначе вы бы запомнили путь. Они волокли вас по туннелю, похожему на все остальные, только он обрывается над пропастью. Глубина там примерно сто футов, и стена совершенно отвесна. В ней нет ни склона, ни ступеней. Они просто обвязали вас канатом и спустили сюда, вот и все. Вы не можете подняться на сто футов по отвесной скале, если, конечно, вы не муха в человеческом обличье!

— Но значит ли это, что никто не пытался подняться?

— Пытались? Господи, конечно, пытались! Но маленькие серые человечки всегда начеку. Внизу есть следы того, что кто-то пытался вырубить ступеньки. Говорят, ему на голову упал камень. Я однажды видел, как один малый пытался прорваться. Он был француз и полусумасшедший, иначе никогда бы не предпринял подобной попытки. Когда они спустили в загон очередного пленника, этот парень решил, что ему представился шанс. Француз вырвался из общей толпы, схватился за канат и начал карабкаться вверх, как обезьяна. Позволив ему проделать половину пути, они перерезали канат.

Марк по-прежнему был озадачен. Смит слишком долго пробыл под землей и не понимал недоумения новичка. Он так привык к этой системе пещер, что уже забыл, как удивлялся вначале. Она не удивляла, он с ней смирился, и жизнь под землей стала для него несчастьем, а не потрясением.

— Но кто эти маленькие белые человечки? Что они здесь делают? Почему не выходят наружу?

Американец помотал головой.

— Это меня не касается. У Гордона на этот счет есть теория. Попросите его как-нибудь вам рассказать. Сейчас меня интересует только секретная информация, которую вы нам дали. Она многое проясняет.

— Я вам дал?

— Конечно! Тот низкий спуск и пещера, затопленная Новым морем. Их что-то беспокоило, я это видел, но мы не могли понять, что именно. Теперь все стало понятно.

— Ну и как, помогло?

— Помогло? Да, конечно. Это значит, что, когда нас начнет заливать вода, нам будет незачем беспокоиться о том, чтобы выбраться отсюда!

В другой раз Марк безуспешно расспрашивал Гордона. Археологу, хоть он и был заточен дольше, чем Смит, удалось сохранить гибкость ума. Он, за исключением коротких периодов депрессии, не только проявлял интерес к происхождению этой подземной расы, но мог подойти к ситуации с другой точки зрения, чего был начисто лишен американец. Если Смит отвечал на требования Марка об информации с уверенностью, что «это не к спеху», и что Марку «придется чертовски долго выяснять», Гордон относился к любопытству новичка с некоторым опасением. Он задержался на замечании, что их жилище «вполне можно назвать тюрьмой».

— Мы в тюрьме ради безопасности,— объяснял он.— Нашей безопасности и их. Есть два хороших способа заставить человека хранить тайну: заткнуть ему рот или остановить его сердце. Не могу сказать, почему обычно выбирают первое. Люди в таких делах не очень разборчивы. Во всяком случае, этот способ эффективен. У нас собственные грибные пещеры, и мы выращиваем еду сами. Фактически, единственная разница между их положением и нашим заключается в том, что они могут выйти наружу, но не хотят, а мы хотим, но не можем.

— Сколько их здесь?

— В последний раз мы насчитали около полутора тысяч.

Марк, который по рассказам остальных предположил, что их приблизительно пятьдесят или сто, вздрогнул. Полторы тысячи?..

— Вы имеете в виду пленников?

— Да, пленников. Самых разных. Вы их увидите, как только наберетесь достаточно сил, чтобы передвигаться.— Гордон вдруг заговорил совсем как Смит.

— И никто никогда не убегал?

— Так они утверждают, но я думаю, что они ошибаются. Вероятно, это было чертовски давно, но, полагаю, было, и не однажды.

— Почему?

— Ну,— Гордон слегка нахмурился,— видите ли, это всего лишь моя теория. Я не говорю, что эти факты нельзя объяснить иначе, но настаиваю, что это возможное объяснение. Помните грибной лес?

— Ну, и что?

— Что он вам напомнил?

— Я не вполне...

— Вам он не показался чем-то знакомым, словно вы его где-то видели раньше?

Марк вдруг понял, куда клонит Гордон. Он вспомнил, как Маргарет заметила, что грибы похожи на поганки из детской книжки. Гордон просиял, услышав это.

— А что она сказала о белых пигмеях?

— Что они похожи на гномов, только у них нет бород.

Гордон развел руками, как ведущий какого-то шоу.

— Ну вот, видите! Вы в некоторой степени уловили ситуацию, и она вам не так уж незнакома, хотя вы думали иначе. И что это значит?

Марк, не имея ни малейшего понятия, что бы это могло означать, по-прежнему молчал. Гордон продолжал:

— Это значит, что какие-то сведения, какие-либо отдаленные слухи об этом месте просочились в мир. Во всех народных поверьях обязательно можно найти рациональное начало. Люди не выдумали сказки о гномах и троллях так же, как и о гигантских поганках. Кто-то услышал эту историю от человека, который действительно их *видел*, а, может быть, и от нескольких людей, ведь легенды быстро распространяются по всему свету. С течением времени они обросли выдумками, а в руках художников наши пигмеи тоже преобразились, но, тем не менее, остались карликами, которые в большинстве случаев недружелюбны к обыч-

ным людям. Говорю вам, пигмеи подлинны! Много веков назад кто-то, побывавший здесь, вернулся в мир и рассказал о них!

Марк, похоже, засомневался.

— Но им бы никто не поверил! Их бы просто засмеяли! Подумайте только, что бы сказали о нас, если бы мы выбрались отсюда и рассказали об этом без каких-либо доказательств?

— Вы не правы. Большинство первобытных людей были в некотором смысле мудрее нас. Они не насмехались над тем, что лежит за пределами непосредственной реальности. Вплоть до Средних веков было принято верить всяким россказням, пока не была доказана их ошибочность. Для современного же общества типично ничему не верить, пока не предложены неопровержимые доказательства. В старину люди верили в морских змей, теперь же не поверят и в кенгуру, пока не покажешь фотографий! Людей, конечно, можно еще обмануть, но другим способом. Кроме того, подумайте о крестьянах старой Европы. Почему рассказ о маленьких человечках, живущих под землей, более удивительны, чем о людях с черной кожей, которые ходят голыми? Первое так же вероятно, как и второе! Разница лишь в том, что со временем одна история подтвердилась, другая же, за неимением доказательств, стала тем, что мы называем фольклором. Только представьте, что черные убивали бы каждого белого человека, которого видели! Разве при этом их существование не стало бы мифом, как существование этих человечков? Разумеется, стало бы!

Впервые серьезно задумавшись над теорией Гордона, Марк почувствовал, что она столько же правдоподобна, сколько и неубедительна, поэтому предпочел не выражать своего мнения.

— Так вы думаете, что отсюда никто не убегал, вероятно, несколько столетий?

Гордон пожал плечами.

— Нельзя сказать. Может быть, и убегали. Но если это так, должны же быть, по крайней мере, слухи, истории, которые распространены среди арабов. Может быть, они и есть, но, как ни странно, до нас не доходили. Я убежден,

что в прошлом были побеги. Это самое большее, что я могу сказать.

— А почему сейчас побеги не случаются?

— Тому есть дюжина причин. Может быть, лазейку обнаружили и заделали. Вероятно, здесь есть не одна пещера-тюрьма. Должен признаться, больше всего меня озадачивает, почему нас не убивают, как только обнаруживают, но ведь у каждой расы есть свои оригинальные понятия об убийстве...

ГЛАВА ВТОРАЯ

В сопровождении Гордона Марк совершил путешествие по более крупным пещерам. Гордон видел, что вынужденное бездействие не пойдет Марку на пользу. Постепенно возвращающаяся сила находила выход в волнении и беспокойстве. Он постоянно и безуспешно спрашивал, нет ли каких-либо новостей о Маргарет, и от того, что все трое уверяли, что Маргарет в безопасности, ему не становилось легче. Даже Гордон не мог найти никаких объяснений ее исчезновения.

— Я никогда раньше не слышал, чтобы люди здесь исчезали,— признался он.— Каждого пленника неизменно приводят сюда, и ему ничего не остается, как только примириться с неизбежным. Уверяю вас, ее нет ни в одной из известных нам пещер, это было бы невозможно скрыть!

— Да, это так,— подтвердил Смит.— Никто не видел, чтобы она где-нибудь пряталась, это точно.

— Не думаете же вы, что ее... убили?

— Нет, зачем им это делать? — убежденно ответил Смит; остальные двое молчали.

Марк никак не мог определить, как долго он болел. День и ночь в пещере не различались; а с ними исчезали и другие измерения времени. Здесь ели, когда хотелось есть, спали, когда уставали. Время текло гладко и монотонно. Дни, месяцы и даже годы пролетали незаметно, и только вновь прибывший напоминал пленникам, что есть еще внешний мир, в котором бег времени не прекращался.

Каждого с нетерпением спрашивали, какой нынче год и месяц, определяли, сколько времени прошло с момента их пленения, а потом забывали до следующего носителя новостей. Сине-белые шары никогда не гасли, и их постоянный свет принимался большинством без удивления и интереса.

Гордон признался, что однажды из любопытства камнем разбил шар, закрывающий лампу в дальнем углу пещеры.

— Это было всего лишь любопытство, но оно ничего не прояснило. На пол брызнула какая-то блестящая жидкость, которая быстро испарилась. А сам шар, похоже, был сделан из стекла, только гораздо прочнее обычного.

— Но не значит ли это, что когда-то эти люди были высоко развиты, даже если сейчас о них этого не скажешь? — предположил Марк.

Гордон был склонен думать, что ничего особенного это не означает. Не было никакого сомнения в том, что пигмеи сейчас находятся на стадии угасания, но не похоже, что уровень их цивилизации был когда-то достаточно высок. Конечно, они строили свои лабиринты, расширяли и изменяли их, но очень трудно сказать, сколько здесь естественных пещер, а сколько искусственных. Что же касается освещения, то, возможно, это была просто счастливая случайность, одно из тех открытий, которые были сделаны, а потом забыты. Вспомните о паровом двигателе в Александрии, ведь о нем забыли на две тысячи лет. А колеса вечного двигателя, который, очевидно, не был таковым, но, безусловно, как-то работал. Он так и остался необъясненным. Это случается снова и снова. Во всяком случае, в этих лампах нет ничего чудесного. Они со временем изнашиваются. Вы увидите, что некоторые светят значительно тусклее остальных.

— Все равно, держу пари, они бы удивили наших физиков,— сказал Марк.

Он поймал себя на том, что думает, как гость, турист. Он все еще не мог осмыслить, что, может быть, никогда отсюда не выйдет, и боялся того момента, когда с этим смирится. Вероятно, этого никогда не произойдет. Смит, проведя здесь шесть лет, в глубине души до сих пор не уверен, что умрет под землей.

В таком расположении духа Марк снова предавался бесполезным размышлениям о судьбе Маргарет, и Гордон решил, что его нужно отвлечь, пусть он еще и не совсем здоров. Он повел его, слабого и с перевязанной головой, к большой пещере. В течение нескольких минут Марк молча созерцал новое зрелище.

Там было человек шестьдесят или семьдесят. Они стояли или сидели, ведя бессвязные, неинтересные разговоры. Над ними, казалось, витала атмосфера безразличия, которая намекала, что до завтра делать нечего, а здесь никакого завтра быть не может. Их глаза казались слепыми. Упадок духа был общей чертой.

Арабы и белые, то там, то здесь попадались негры и даже несколько индейцев, но были и такие, чью национальность он не мог определить с первого взгляда.

— Кто он, черт возьми? — спросил Марк, показав на одного из людей.

Человек, который его заинтересовал, был высоким и носил на сером теле минимум одежды.

— Он — абориген.

— Абориген? Я думал, они все маленькие, вы называли их пигмеями.

— Я не имел в виду пигмеев. Аборигенами мы называем тех, кто родился здесь, в тюремных пещерах.

— Боже правый, не хотите же вы сказать...

— Разумеется, хочу. Здесь, как видите, достаточное количество женщин. И вы не можете помешать мужчинам и женщинам оставаться таковыми даже в пещерах.

— Но выносить здесь ребенка...

— Я знаю. Нам это кажется достаточно жестоким по отношению к ребенку, но они так не думают. С их точки зрения ребенок неизбежен. Кроме того, аборигены справедливо говорят: «Почему мы должны быть приговорены к вечному целомудрию? Разве все так плохо?»

— Вы хотите сказать, что у аборигенов могут быть и родители аборигены?

— Именно. У этого, судя по всему, родители — аборигены.

Марк наблюдал, как человек скрылся из вида. Он был в шоке. Человек, который никогда не видел солнца и звезд;

никогда не слышал шума волн и шуршания листвы; никогда... можно продолжать бесконечно! А Гордон так спокойно об этом говорит. Неужели он совсем забыл внешний мир? Неужели все семь лет он глушил свои воспоминания? Скорее всего, он цеплялся за них, пока поверхность вспоминалась, как рай. Так вот о чем говорил на днях Смит... нет, здесь нет дней... вот о чем он говорил недавно!

— Вы спросили, не наскучило ли мне здесь. Господи, да как же здесь может не наскучить? Я бы мог целыми неделями смотреть на реку и находить ее чудесной. Я обычно считал старика Уордсворта немного глупым... Нарциссы! Только представь, что наверху есть целые поля цветов!

Мир стал для Марка садом, полным цветов, а на небе вечно царил закат. Сентиментальность? Конечно, сентиментальность, но она казалась более естественным состоянием, чем бесчувственность Гордона. Вот и сейчас он говорил об аборигенах холодно, бесстрастно, словно те были музейными экспонатами:

— Человеку свойственно приспосабливаться к окружающей обстановке. Многие другие существа, запертые вроде нас, умерли бы от депрессии, но не человек. Со временем аборигены превратятся в расу, отлично приспособленную к этому миру.— Он замолчал и посмотрел на Марка.— Вы думаете, что человек, которого вы только что видели, страдает? Вы думаете, он лишен своих законных прав... Что ж, все мы от этого страдаем, но знает ли он об этом? Этот человек никогда не знал открытого воздуха и не хочет знать! Он не представляет иной жизни, кроме существования в пещерах. Да и как ему понять?

— Но он, должно быть, знает о внешнем мире? Наверное, он слышал от вас и от кого-нибудь еще?

— Конечно, слышал, но это его не касается. Ваши родители, безусловно, рассказывали вам о небе, о том, как оно красиво, и тому подобное, но какое вам теперь до этого дело? Слишком неубедительно, слишком похоже на сказку. И он чувствует то же самое, когда слышит о внешнем мире. Для него это приятная, немного детская фантазия, имеющая мало отношения к реальности. Он слышит о небе, полях, облаках и горах точно так же, как вы слышите

об арфах, ангелах и улицах, вымощенных золотом, и имеет об этом ровно столько же понятия.

Марк нахмурился. Он увидел, к чему клонит Гордон: тебя не угнетает нехватка того, чего никогда не имел. Но если довести эту мысль до логического конца, получается, что человек — статичное существо, в то время как он существо динамичное. Человеку часто не хватает именно того, чего у него никогда не было. Вся история открытий является серией попыток восполнить пробелы. Человек никогда не летал, но ему не хватало полетов, и он изобрел самолет. Ему не хватало сил переплыть море, и он изобрел корабль. Его голос был слышен лишь вблизи, появилась сложная система связи. Поэтому философия англичанина — чушь. Ограничения можно чувствовать изнутри. Но аргументы буквально отскакивали от Гордона.

— Большей частью эти системы искусственны и громоздки. Посмотрите, какие сложности нужно преодолеть, чтобы передать сообщение. Сравните, как просто стая перелетных птиц узнает о месте встречи и времени полета.

— Но сам факт существования радио говорит о том, что мы поняли нашу ограниченность!

— Говорит? Сомневаюсь. Мы поняли это, как ограниченность системы, которую изобрели. Мы изобрели суррогат, называемый телеграфом и радио, и забыли о своей ограниченности, но она же никуда не делась. Скажите, сколько людей чувствуют ограниченность слов для выражения своих мыслей? Они обвиняют в этом язык, но многие ли понимают, что слова лишь замена того, чего им действительно не хватает — мысленного общения? Они не понимают нехватку прямого умственного общения потому, что никогда не имели. И смотрят на разговорный и письменный язык, как на естественный способ выражения мыслей.

— Да, но существует прогресс, люди совершенствуют изобретения. И если это не признание собственной ограниченности, что же тогда?

— Это *неполное* признание. Посмотрите, что произошло. Сначала было очень трудно без разговорного языка. Затем начали понимать, что его использование очень ог-

раниченно, и появился письменный язык. Но сообщения доходили медленно. Возникла необходимость в печати. Чтобы ускорить процесс, появилась электрическая связь. На все это ушли века, потому что ограниченность не сразу была замечена. То, чего нам действительно недостает — так это прямая мысленная связь.

— Но это невозможно! — Марк начинал раздражаться.

Серьезное лицо Гордона расплылось в неожиданной усмешке.

— Великолепно! Вот способность, которой у нас никогда не было, а раз не было, вы считаете, что ее никогда не будет. Словом, «чего никогда не было, по тому и не скучаешь». Почему же мысленная связь более невозможна, чем множество заменителей, которые нам удалось создать? Позвольте заметить, что ваше слово «невозможно» просто означает, что этого еще никогда не было!

У Марка не нашлось аргументов. Он чувствовал в рассуждениях достаточно слабых звеньев, но решил, что спор подождет. Сейчас его больше интересовало то, что он видел. Он стал расспрашивать об аборигенах.

— Мы их нечасто видим,— признался Гордон.— Их тошнит от нас и наших бесконечных воспоминаний о поверхности. Они стараются держаться от нас подальше.

— Они не хотят ничего знать о жизни на поверхности?

— Они не только не верят в сказки, но и считают, что эти сказки не имеют никакого отношения к их жизни. Многие пленники через несколько лет становятся полусумасшедшими и живут в состоянии меланхолии, которое озадачивает и пугает аборигенов. Они намного счастливее, когда не общаются с нами.

— И не хотят убежать?

— Нисколько. Для большинства из них это было бы несчастьем, скорее всего, они страдали бы от агорафобии и боялись взглянуть на окружающий мир.

Рассуждая, они добрались до дальнего конца пещеры. Ее обитатели почти не обращали внимания на Марка. Его удивление от того, что никто не толпится вокруг, чтобы задавать вопросы, уменьшилось, когда он вспомнил, что Смит, Гордон и Махмуд, должно быть, уже рассказали все

интересные новости. Повернувшись и посмотрев на апатичную толпу, он спросил:

— Это все, чем они занимаются? Вот так слоняются без дела?

— Некоторые среди них меланхолики, но большинство бесцельно слоняется по грибным пещерам. Может быть, немного работы пошло бы им на пользу и взбодрило, но вся проблема в том, что здесь и делать-то нечего. Поэтому они сидят, размышляют или спят. Единственное их развлечение — редкие стычки из-за женщин.

— Но неужели они не могут что-нибудь мастерить?

— Что? А, вы имеете в виду мебель или что-нибудь в этом роде. Могли бы, наверное, но вы же видите, что здесь нет деревьев. Кое-кто вырезает из камня. Я вам покажу.

Они поднялись по туннелю футов на десять. Через пятьдесят ярдов пути Гордон остановился у бокового поворота и позвал:

— Зикль!

Из прохода вышел высокий, хорошо сложенный негр. Он дружелюбно улыбнулся им обоим.

— Привет, Зикль! Я привел мистера Саннета полюбоваться твоей работой.— Негр улыбнулся еще шире и поманил их за собой.— Зикль воспитывался в миссионерской школе,— объяснил Гордон.— Отсюда его имя, но обучение, кажется, было немного поверхностным.

Они вошли в вырубленную в скале комнату примерно тех же размеров, что и та, в которой лежал больной Марк. Только стены здесь были не расписаны, а отделаны изощренной резьбой. Марк с первого же взгляда почувствовал замешательство. Зикль продолжал улыбаться.

— Вот главная достопримечательность,— проговорил Гордон, показав на левую стену.— Что вы об этом скажете?

Марк внимательно всмотрелся. В середине он увидел условное изображение человека, висящего на кресте. Но крест был не совсем традиционным: символизм и чуждые концепции сделали его похожим на тотемный столб. Над головой распятого человека злобно скалилось чье-то отвратительное лицо.

Негр увидел, что Марк почувствовал отвращение.

— Он пугать дьяволов,— объяснил Зикль.

— Он должен пугать,— весело согласился Гордон.— Подойдите ближе, Марк, и присмотритесь внимательнее.

Марк повиновался и принялся рассматривать произведение с явным восхищением, чем привел Зикля в восторг.

— Это все сделал ты? — Он показал рукой на стены.

— Да, сэр. Я сделала его весь.

Марк обернулся. Может быть, лексикон негра и насчитывал не так уж много слов, но замысел резьбы родился в мозгу талантливого человека. Марк почувствовал легкий ужас. Изобретательность, с которой объединились христианство и язычество, позволяла по-новому взглянуть и на то, и на другое. Причем традиции строго соблюдены не только в технике исполнения! Весь барельеф был пропитан единым образом мыслей. Это был продукт ума, склонного к экспериментам, не боящегося пробовать то, что иногда не удавалось.

— Это гениально! — воскликнул Марк.

— Вы правы,— согласился Гордон.— Я видел много африканских скульптур, деревянных и каменных, но эта с ними ни в какое сравнение не идет. Она гениальна, но мир никогда ее не увидит...

— Сколько времени понадобилось, чтобы сделать все это?

— Не знаю. Зикль не имеет ни малейшего понятия о том, как долго он здесь. Могу только сказать, что четверть работы была выполнена семь лет назад, а закончена она в последние три года. Он занимается резьбой почти все время, когда не делает что-то другое. Считает, что это позволяет сохранять здоровье.— Гордон бросил взгляд на устрашающую голову над крестом.— Я бы сказал, что он прав: наверное, это лучше, чем изводить себя бессистемными мыслями.

Негр возился в другом углу комнаты. В конце концов он протянул каждому по чашке из полированного камня. Когда они их взяли, Зикль указал на низкие табуреты, тщательно вырезанные из камня, но имитирующие деревянные. Гордон сел и одним глотком осушил половину чашки. Марк попытался сделать то же самое, но напиток был таким крепким, что он закашлялся.

— Боже мой, что это? — выдавил он, наконец, из себя.

— Это пойло сделано из грибов.

— Я так и подумал,— Марк сделал более осторожный глоток.

Он оглядел резные стены, снова и снова обращая внимание на детали. Под крестом он заметил дощечку, отделенную от креста широкой горизонтальной полосой. На ней были изображены знакомые низенькие фигурки, расположенные между гигантскими грибами.

— Белые пигмеи? — осведомился он.

— Или демоны. Для Зикля это одно и то же. Он убежден, что это место и есть Ад.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Зикля, и он кивнул.

— Это очень плохое место, Ад. Полно дьяволов. Я полно грехов.

— Вероятно, ты прав. Ты больше знаешь о своих собственных грехах, чем я.

Снаружи раздался голос.

— Зикль здесь?

Негр и Гордон переглянулись; Гордон кивнул, и Зикль ответил. В пещеру, нагнувшись, вошел незнакомый Марку человек, а за ним еще двое. Как и на Смите, на незнакомце были жалкие обноски французского мундира, но на этом сходство заканчивалось. У него была желтоватая кожа, а волосы и борода такие же неухоженные, как у Смита, но черные. Он снисходительно кивнул Гордону и повернулся к Зиклю. Чернокожий недружелюбно глядел на него.

— Для меня найдется выпить? — Голос был резкий, с грубоватой интонацией.

Зикль заколебался. Его глаза убийственно сверкали. Гордон успокаивающе положил руку на черное плечо и очень тихо что-то прошептал. Негр мрачно кивнул и неохотно отправился за чашкой. Гость засмеялся.

— Великий миротворец, да, Гордон?

Он сделал хороший глоток, вытер губы ладонью и посмотрел на Марка скорее с презрением, нежели с любопытством.

— Так это и есть новенький? И к тому же прилетел на самолете?

Гордон многозначительно повернулся к Марку.

— Это Мигель Сальвадес. Он не любит говорить, почему вступил в Иностранный легион, но догадаться можно.

Мигель неприятно засмеялся.

— Я вступил в него, потому что у себя на родине убил человека, и не могу поручиться, что не убью еще одного.— Он многозначительно посмотрел на негра.— Как его зовут? — добавил он, снова повернувшись к Гордону.

— Меня зовут Марк Саннет,— сказал Марк, негодуя на такое обращение.

Мигель, однако, продолжал обращаться к Гордону.

— Показываешь ему пещеры?

— Да.

— Наверное, ему будет интересно. Что ты видел?

Последний вопрос был задан Марку с добродушием, так резко контрастирующим с прежней грубостью, что Марк удивился.

— Пока не так много... только большую пещеру недалеко отсюда.

— И эту комнату ужасов. Что ж, тебе еще много предстоит увидеть, правда, Гордон?

— Да.— Голос Гордона звучал вовсе не ободряюще.

— Грибные и водяные пещеры?

— Да.

— А другое?

— Да.

Мигель снова повернулся к Марку.

— Да, тебе еще много предстоит увидеть. Гораздо больше, чем ты думаешь. Я тоже еще многого не видел, но обязательно увижу.

Произнося последнюю фразу, он смотрел на Гордона, но лицо последнего оставалось бесстрастным. Мигель сардонически улыбнулся и допил остатки спиртного.

— Ладно, ребята,— сказал он своим спутникам, все время остававшимся позади.— Идемте.

Насвистывая, он вразвалочку вышел из комнаты. Марк и Гордон через несколько минут сделали то же самое.

— Что все это значит? — с любопытством спросил Марк, когда они шли по просторной пещере.

Гордон предпочел уклониться от ответа.

— О Мигеле никогда ничего нельзя сказать наверняка. Он любит выпить и, вероятно, думает, что у нас спрятано много спирта. Не волнуйтесь из-за него.

Не удовлетворившись ответом, но, заметив, что дальнейшие расспросы нежелательны, Марк сменил тему.

— Насколько я понял, вы хотите сказать, что местное общество делится на два класса — пленников и аборигенов, которые с ними не смешиваются?

— И пигмеев. Не забывайте о них!

— Что? В этой части пещер?

— Их здесь несколько дюжин. Полагаю, это какие-то преступники. Очень немногие из нас что-либо знают о них. Если хотите узнать больше, вам придется расспросить Махмуда. Только он, Мигель и еще несколько человек потрудились выучить язык пигмеев.

— Значит, три основные категории. Пленники вроде нас, аборигены, родившиеся здесь, и пигмеи-преступники. Так?

— Да, но пленники тоже делятся на несколько категорий... Но это вы сами узнаете.

Дальнейший путь к расписанной пещере они проделали молча. Марк обдумывал полученную информацию. Этот мир под землей оказался сложнее, чем он думал, и, судя по поведению Мигеля, жизнь здесь кипит значительно круче, чем кажется на первый взгляд.

Его мысли прервал поток возбужденных голосов, доносившихся из пещеры.

— Эй, слушайте внимательно! — Голос Смита звучал громче других.— Махмуд расскажет кое-что интересное!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В пещере, кроме Смита и Махмуда, было четверо незнакомцев. Марк с удивлением заметил, что они повернулись и с интересом уставились на него. Однако интерес продлился недолго. Они снова повернулись к Махмуду. Смит заговорил, опередив араба:

— Вам бы, ребята, было легче понять, если бы вы сначала услышали рассказ Марка. Марк, расскажите им с того самого места, как ваша «Солнечная птица» упала в море.

Марк послушно рассказал о водовороте, воронке, блужданиях по пещерам и туннелям до того, как оказался в освещенной пещере.

— Спасибо,— сказал Смит, когда он закончил.— А теперь твоя очередь, Махмуд.

Махмуд недавно разговаривал с пигмеями-пленниками. Он взял себе за правило общаться с ними. Их язык дался ему без особых трудностей, и теперь он говорил довольно бегло. По причинам не совсем понятным он и Смит считали, что взаимопонимание с отбросами общества может иметь свои преимущества. Во всяком случае, не худо знать, что происходит в пещерах у пигмеев. Теперь Смит решил выяснить, что делает Мигель: его общение с маленькими человечками порождало самые разные домыслы.

Полку преступников-пигмеев недавно прибыло, и они принесли тревожные новости. До сих пор доходили слухи, что в главных пещерах дела обстоят не блестяще, но теперь до обитателей пещеры-тюрьмы впервые дошли новости из первых рук.

— Все дело в воде,— возбужденно объяснил Махмуд.— Новое море прорывается к пещерам, хотя карликам, конечно, не известно, что это море.

— Ну, мы это уже узнали от Марка,— заметил Гордон.

— Да, но прорыв был только один, это известно из нескольких источников. Было несколько больших водопадов вроде этого и много поменьше. Иногда дно Нового моря разрушается, но чаще вода прорывается сквозь вентиляционные шахты. Это неплохо. Поток обычно не очень сложно остановить. Но при образовании больших водопадов положение становится серьезным. Пока что их удавалось останавливать, прорывая отводные туннели, но сюда все же проникло большое количество воды.

Марк вспомнил звучный треск в туннеле, по которому они с Маргарет попали в освещенную пещеру. Значит, этот туннель разрушился из-за пигмеев...

Махмуд продолжал:

— Они испуганы. Заблокировать туннели одно дело, а вот избавиться от воды — совсем другое. Можно было бы воспользоваться насосами, но насосов у них, конечно, нет. В некоторых местах можно проделать отверстия и отвести воду пониже, но где гарантия, что в следующий раз не прорвет в другом месте? Кроме того, соленая вода уже проникла в некоторые пещеры-резервуары питьевой воды. Если бы уровень воды в море оставался таким, какой есть, карлики могли бы с успехом победить стихию, но уровень воды поднимается, и в любой момент может случиться новый прорыв. Они очень испуганы.

— Эй, подожди! Откуда им известно, что вода продолжает подниматься? Никто из них пока что не показывался здесь,— перебил его Смит.

— Потому что вода продолжает прибывать сквозь огромное количество вентиляционных отверстий.

— Что еще делают пигмеи?

— Ничего особенного, насколько я слышал. В конце концов что они могут сделать? Кажется, ходят разговоры о том, чтобы убраться на север. Там есть пещеры на более высоком уровне, но там нет грибных насаждений. Может быть, грибы удастся пересадить, но сомнительно, чтобы они скоро дали урожай.

— Значит,— задумчиво произнес Смит,— у них есть выбор между тем, чтобы остаться здесь и утонуть, и тем, чтобы уйти на север и умереть с голоду. Можно, конечно, выйти на открытое пространство. Но они этого не сделают,— добавил он, задумчиво глядя на Гордона.

Тот покачал головой.

— Да, они этого не сделают,— согласился он.

— Почему? — спросил Марк.— Это же так разумно.

— Разумность тут ни при чем. Она подразумевает, что жить на вулкане — безумие, однако люди продолжают на нем жить. Эти пигмеи слишком давно живут здесь и давно адаптировались. Конечно, солнечный свет сразу же ослепил бы их. Но дело в том, что при любом раскладе мы, безусловно, останемся здесь. Приятная перспектива.

Смит кивнул.

— Стоит только воде прорваться, и мы утонем, как крысы. Выход отсюда только один, и находится он на высоте ста футов — большинство пещер расположено именно на такой высоте. Может быть, мы смогли бы продержаться в воде, пока наши головы не упрутся в потолок, а затем — прощайте...

Марк, оглядев всех по очереди, увидел, что большинство смотрит на американца. Наконец один из незнакомцев спросил:

— Что же нам делать?

Казалось, он говорил за всех. Молчаливое признание лидерства Смита. Наверное, в некоторых теориях Гордона есть здравый смысл и, как Марк понял позже, в некоторых его планах тоже. Махмуда считали коварным, но очень умным. Но когда требовалось принять решение, они смотрели на Смита. И он начинал думать...

Гордон наблюдал, как человек, который может что-то предложить, если его спросят, но не будет делать этого добровольно.

Незнакомец снова нарушил молчание:

— А если мы объединим наши усилия? — спросил он.— Теперь уже, наверное, недалеко...— Он вдруг замолчал и бросил на Марка подозрительный взгляд, а Смит поднял глаза.

— Слишком уж ты разболтался, Браддон. Держи язык за зубами.— Он повернулся и задумчиво посмотрел на Марка.

— Все в порядке,— вмешался Гордон.— Он будет с нами. Марк не такой, как Мигель.

— Он не был бы сейчас здесь, если бы я думал иначе,— ответил Смит,— но все равно мы должны быть осторожными.— Он обратился прямо к Марку.— То, что мы говорим, не должно уйти дальше, понимаете? Мы не только против Мигеля. Он у нас как на ладони, чего не скажешь о некоторых его ребятах. Держите это в секрете, или вам не сносить головы!

— Мы только что видели Мигеля,— снова вставил Гордон.

— Где?

— У Зикля.

— И что он там делал?

Гордон пожал плечами.

— Высматривал, что бы стащить. Но единственное, что ему досталось, это выпивка.

— Что ж, будем надеяться, что он объявится там снова. Зикль может передать ему кое-какую информацию.

— Что ты имеешь в виду?

— Мигель что-то вынюхивает, и если нам понадобится направить его по ложному следу, Зикль это сделает. Он терпеть не может Мигеля, но торопиться не будет. Я бы не хотел оказаться на месте Мигеля, когда негр начнет действовать.

— Я этого не знал,— обиженно произнес человек, которого назвали Браддоном.— Что все это значит?

Смит признался, что ему и самому не все ясно. Что-то связано с женщиной, с которой живет Зикль. Мигель, видимо, заинтересовался ею, остальное угадать не трудно.

— Мигель ничего не добьется от Зикля,— добавил он.

— Но он чертовски подозрителен... Он знает, что в воздухе что-то витает.

— Ну, а мы разве этого не знаем?

— Нет, я говорю не об угрозе затопления, бьюсь об заклад, он прекрасно об этом знает. Я имею в виду нас.

— Да что ты? — Смит повернулся к Махмуду.— Ты что-то слышал?

Махмуд в самых неопределенных выражениях поведал, что Мигель недавно сблизился с некоторыми пигмеями-пленниками. За его бесконечными расспросами стояло нечто большее, нежели простое любопытство.

— Постарайтесь узнать все подробности. Вам предстоит выяснить, чем он заинтересован. У него, должно быть, есть какая-то причина выведывать, и этой причины достаточно, чтобы не шуметь. Мы должны быть осторожными.

— Конечно,— согласился один из пришедших,— но что нам делать?

— Ускорить, как можете, работу в верхнем туннеле. Что вы думаете о греческом туннеле, Гордон?

Гордон, казалось, уже обдумал этот вопрос, и его ответ прозвучал сразу.

— Затопить его.

Смит задумался. Верхний туннель круто поднимался вверх. Сейчас трудно было поверить, что его конец очень далеко от поверхности. Люди изнуряли себя тяжелой работой в этом туннеле бессчетное количество лет. Никто из живущих ныне в пещерах-тюрьмах не мог вспомнить, когда его начали, и лишь немногие избранные знали о его существовании. Группа мужчин, твердо решивших не погибнуть в этих катакомбах, начала прорубать дорогу наружу. Медленно, потому что скудный запас их инструментов совершенно не годился для такой трудной задачи, они прорубили проход под самым крутым углом. Продвижение оказалось медленнее, а путь длиннее, чем они ожидали, но это были люди, обладающие активным умом. Они продолжали работу над туннелем, потому что она давала надежду и занятие. Без работы они бы давно опустились до уровня большинства пленников, и осталась бы только безнадежная апатия, если не безумие. Поэтому работа продолжалась уже несчетное количество лет. По мере того, как увеличивалась длина, люди старели. Они больше не были молодыми и сильными обитателями пещеры. Они стали людьми среднего возраста или стариками с прерывистым дыханием и слабеющими руками.

Но на смену им приходили другие. Люди всех рас попадали в пещеры самыми разными путями, некоторые были обозлены, некоторые настроены фаталистически, кое-кто быстро уставал, но всегда находились сильные духом люди, которых воля к жизни побуждала к действиям. Те, кто планировал туннель, выбирали себе последователей: показывали им проход, который однажды выведет к свету и свободе, учили их работать с камнем и уговаривали продвигаться дальше. И мужчины помоложе брали иступившиеся инструменты и принимались за работу. Как и старики, они начинали прорубать дорогу к свободе, сохраняя душевное здоровье. Надежды они не теряли ни на минуту. Теперь, чтобы пройти туннель из конца в конец, требовалось несколько часов. Люди работали спокойно, но свет ожидания в глазах погас. И все же они знали наверняка, что в один прекрасный день раздастся глухой звон в скале,

лом пробьет тонкую поверхность, и в пещеру прольется свет. И продолжали трудиться.

Они тоже старели, и им на смену приходила молодежь. Авторы идеи туннеля не доживут до того, чтобы снова увидеть солнечный свет. Многие уже умерли, а те, кто остался, сильно одряхлели. Но их работа до сих пор жила. Остальные работали с верой, которую можно затуманить, но не задушить. Работники хорошо выбирали последователей. Отступников было мало. Большей частью работники держались поодаль от тех, кто пал духом, чтобы не попасть под их пагубное влияние. Остальные, как и положено, знали, что рабочие осуществляют какой-то план, но их это не интересовало. Если людям нравится работать, когда их никто ни о чем не просит, разве что иногда ухаживать за грибными пещерами, то это их собственная глупость. А сами рабочие пресекали на корню всяческие вспышки любопытства.

Проблему представляли собой несколько индивидуалистов вроде Мигеля. Это были нестойкие и асоциальные типы. Рабочие знали, что на них нельзя положиться в регулярной работе. Они были неуместны, и поэтому нежеланны. Их игнорировали, насколько это было возможно.

Отношения самих рабочих тоже складывались не гладко. Дважды у них возникали серьезные разногласия. За несколько лет до появления Смита человек по имени Джеймсон посеял смуту, убеждая других в бесполезности и колоссальной трудоемкости работы. Почему бы, спрашивал он, не прорубить горизонтальный туннель? Он давно уже должен был бы связать их с пещерами пигмеев, откуда, наверняка, есть дорога наружу. Пленников было достаточно, чтобы одолеть целую армию карликов.

После некоторых сомнений ему было разрешено начать строительство горизонтального туннеля, но, пройдя пятьдесят ярдов, он наткнулся на подземную реку, и дальнейшее продвижение стало невозможным. Его предложение попробовать заново в другом месте не встретило поддержки.

И все же еще один проход был начат греком, имени которого никто не помнил. Из неизвестного источника он узнал, что под ними неглубоко расположена еще одна система пе-

щер. Он, как и Джеймсон, был убежден, что в пещерах пигмеев они без труда найдут дорогу на поверхность. Направленный вниз проход был прорыт его последователями на глубину более ста футов, но безрезультатно. Вот этот Греческий тунель, как его называли, и предложил затопить Гордон.

— Почему? — спросил Смит.

— Во-первых, я не очень-то верю в ту затею, но главная причина заключается в том, что если Мигель всерьез шпионит за нами, то рано или поздно наткнется на рабочих в Греческом туннеле.

— Ну и что? Пускай. В конце концов главное — это выход наверх. Я подумал, что если нам удастся пробиться, он может послужить дренажем на случай затопления.

— В этом что-то есть,— признался Гордон.— Но у меня такое чувство, что лучше бы Мигель ни о чем не узнал.

— Ну, это несложно,— заявил кто-то из присутствующих.— Почему бы просто не уничтожить его?

— Это не так просто. У него есть приятели. Кроме того, неизвестно, как это воспримут остальные аборигены. Мы не должны пачкать руки убийством именно тогда, когда решили ускорить работу. Правильнее всего упорно работать. Сейчас мы должны были бы почти закончить.

Последняя реплика, похоже, ни на кого не произвела впечатления. Марк, наблюдая за лицами людей, спрашивал себя, как часто они и те, кто был до них, слышали эти слова: «мы должны были бы почти закончить». Вероятно, они начинали сомневаться, что это когда-либо произойдет. Однако предложение ускорить темпы приняли с энтузиазмом. Похоже, перед ними снова забрезжила надежда. Они будут работать, не считаясь со временем, до тех пор, пока не победят. Это было избавлением от утомительной монотонности бытия, в котором время не имеет значения.

Смит поднялся.

— Что ж, договорились,— сказал он.

Всеми забытый Марк наблюдал, как они расходятся. Гордон обернулся.

— Ложитесь спать,— велел он.— Завтра я вам еще кое-что покажу. А если здесь появится Мигель, в чем я очень сомневаюсь, помните — ни слова о туннелях!

Он помчался догонять остальных. Марк благодарно растянулся на своей постели. Он чувствовал себя изможденным, от усталости снова застучало в голове. Похоже, он еще не до конца восстановил силы. Сон сморил его, и он заснул с мыслями о побеге. Приятно было слышать слова Гордона. Его «завтра» вызывало чувство надежды в этом аду, где есть только бесконечное «сегодня»!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Где это мы? — спросил Марк, когда они с Гордоном вошли в большую пещеру.

— Примерно там, где вы увидели грибные пещеры... Потом вам придется здесь поработать.

Гордон говорил очень громко, чем привлек к себе внимание нескольких групп пленников, которые повернулись в их сторону. Одна из женщин указала на Марка и засмеялась. Услышав насмешку, он вдруг вспомнил детство и директора школы. Слова женщины были произнесены на неизвестном языке, но смысл он уловил. Он слышал те же самые нотки в голосах практичных людей, выносящих приговор непрактичным идеалистам. Так он попал в класс фарисеев.

Однако в тех «рабочих», с которыми он до сих пор встречался, не было ничего фарисейского. Они работали, потому что хотели выбраться на свободу, и для того, чтобы сохранить душевное здоровье, как негр Зикль. Превосходство, которое они, безусловно, испытывали перед пассивным большинством, было скорее случайным, нежели намеренным. Оно было лекарством от атрофии, поражавшей умы бездельников. Жизнь в пещерах доставляла минимум радостей, так почему же от нее отказываться? Особенно женщин пугала мысль о том, что они умрут, зная, что никогда не жили. Легче и понятнее жить по установленным правилам, чем пытаться изменить их.

«Что бы сделала Маргарет,— подумал Марк,— приговоренная жить здесь? Приняла бы она обычаи большинства, подобно этим женщинам, или боролась?..»

Он снова попытался стереть из памяти ее образ, постоянно возникающий в сознании. Он попробовал отодвинуть ее на задний план, направив все свое внимание на окружающую обстановку.

На этот раз они прошли мимо поворота, который вел к пещере Зикля, и направились к более широкому туннелю. Марк заметил, что пересекающиеся туннели часто представляют собой природные трещины в скальной породе, расширенные до восьми, а то и десяти футов в зависимости от важности. Острые, опасные углы выровнены и отшлифованы. Места для установки ламп на потолке были тщательно обработаны и очищены от сталактитов, которые в естественных пещерах создают впечатление, что вот-вот свалятся на головы смельчаков. Трещины на полу были заделаны или через них перебросили мостки. Полы и стены были выровнены, беспорядочная природа укрощена до тюремной суровости.

По пути Гордон то и дело показывал на боковые отверстия. Они, говорил он, ведут к пещерам, отданным аборигенам и пленникам-пигмеям. Марк не пытался запоминать дорогу. Для его проводника смена пещер, поворотов, туннелей и боковых отверстий была так же неповторима, как улицы города, но для новичка одни от других ничем не отличались. Попадавшиеся навстречу мужчины и женщины не проявляли к ним никакого интереса и неторопливо проходили мимо. Марк заметил, что некоторые несли за спиной огромные грибы.

Гордон остановился в большой пещере и артистичным жестом показал в сторону дальней стены.

— Вот задачка для вас,— произнес он.

Марк подошел, чтобы получше рассмотреть фигуры, высеченные в стене в виде барельефа.

— Египетские боги? — спросил он.

— Некоторые из них, но есть и другие. Посмотрите! Этот, с головой коровы Хатор, а другой малый, по-моему, Сет, хотя голова немного другая: морда короче, чем обычно. А это, должно быть, Ра: голова ястреба, правильно, но солнечного диска нет. И посмотрите на его скипетр — это шар, а не голова собаки... Махмуд говорит, что этот шар символизирует вот их,— он показал на горящие лампы.—

Если это так, то, значит, резьба выполнена уже после того, как эти люди отказались от внешнего мира и солнечного света. Ра был создателем всего существующего — без света не было бы никакой жизни. А это что? — Он указал на женскую фигурку с рыбой вместо головы.— Предположительно, какая-то богиня плодородия. Была такая богиня Хамхит, но у нее была рыба на голове, а не вместо. А вот еще один малый с головой змеи... Если бы это было изображение змеи на короне фараона... Но это обычная голова змеи. Рядом с ним Баст, трещотка и все...

— Баст? — переспросил Марк.

— Конечно, посмотрите на кошачью голову! Позже греки стали называть ее Бубастис, и все перепуталось. Они поставили ее во главе того, чем она никогда не собиралась управлять. Египтяне видели в Баст нежность и тепло, она была как-то связана с Ра, но...

Но Марк не слушал. Баст! Эта проклятая кошка! Может ли здесь быть какая-то связь? Он вспомнил, что когда на них напали, Маргарет держала на руках кошку.

— Это сделали пигмеи? — перебил он Гордона.

Гордон, которого прервали, выглядел озадаченным. Марк повторил:

— Эти фигуры вырезали пигмеи?

— Вне всякого сомнения. Очень давно. Думаю, еще до того, как эти пещеры стали использовать, как тюрьмы. А что?

— Они до сих пор поклоняются этим богам?

— Я бы сказал — да, если верить Махмуду. А что?

Марк проигнорировал второй вопрос, как и первый. Его только сейчас осенило, что присутствие кошки многое меняет. Да у него и не было причин об этом задумываться, пока он не увидел фигурку с головой кошки. Может быть, Маргарет не попала в тюремную пещеру, потому что несла кошку? Он спросил Гордона, и тот задумался.

— Интересно. Может быть, и так. Конечно,— добавил он,— нельзя сказать с абсолютной уверенностью, что это сделали пигмеи. Здесь, должно быть, когда-то побывали египтяне, но я не уверен, что именно они вырезали этот барельеф. Ра, например, египтяне никогда бы не изобразили без солнечного диска. Если бы это сделали пленники,

они, скорее всего, тоже не забыли бы про солнце. Оно всегда было их самым мощным символом. Поэтому я имею все основания предполагать, что этот барельеф — работа пигмеев. Более того, Махмуд что-то говорил об их поклонении животным. Животные здесь так редки, что когда они появляются, то автоматически становятся божествами.

— Значит, возможно, Баст, я имею в виду нашу кошку, стала объектом поклонения?

— Возможно, да, но я бы не стал возлагать на это больших надежд. Нам не так много известно о пигмеях.

Однако фантазия Марка разыгралась. Если здесь действительно сохранилось поклонение Баст, и кошка по-прежнему осталась священным символом, каково будет положение Маргарет? Разве к ней не будут относиться с почтением, как к посланнице богини, призванной передать какой-то знак? А, может быть, объявят полубогиней? Дурные предчувствия, не дававшие покоя, стали понемногу исчезать. Этим, несомненно, можно объяснить отсутствие Маргарет в тюремных пещерах...

Гордон, наблюдая за ним, увидел, как посветлело лицо Марка, и понял ход мыслей. Не стоит разрушать этот воздушный замок, но лично он не верил, что девушка в безопасности. Не менее вероятно, что ее обвинили в святотатстве за то, что она завладела священным предметом, а за такое преступление всегда полагается самое жестокое наказание. И все же не стоит об этом говорить. Марк еще не совсем оправился от болезни. Чувство надежды будет для него лучшим лекарством, поэтому Гордон продолжил рассказ о пигмеях.

— В старину их, должно быть, было гораздо больше. Сейчас они вырождаются, как все примитивные расы, и такая огромная система пещер им не нужна. Я думал, что эти фигурки, вероятно, были вырезаны, когда население было многочисленным, а пещеры еще не стали тюрьмами. Но, может быть, я ошибаюсь. Их могли вырезать пигмеи-пленники, стараясь искупить какую-то вину. Точно сказать нельзя. Можно лишь сказать, что фигурки похожи и одновременно непохожи на своих египетских двойников.

— Довольно странно, что они приняли египетских богов и продолжают им поклоняться,— задумчиво сказал Марк.

— Если это действительно так.

— Но, конечно...

— Я хочу сказать, откуда вы знаете, что это не египтяне приняли их богов? Раса пигмеев, думаю, настолько стара, что нам трудно это представить. Древние египтяне, наверное, значительно моложе наших пигмеев.

— Чем вы это докажете? Система пещер, наверное, совершенствовалась столетиями, но сказать, что они древнее египтян?..

Гордон пожал плечами.

— Когда-нибудь я поделюсь с вами своими соображениями, но объяснение будет долгим. А сейчас надо идти дальше.

Они вышли из пещеры с барельефом в туннель с пологим склоном. Марк давно понял, что тишина вокруг них не такая уж полная. Сначала они слышали только оживление и тихое эхо, но потом раздался новый звук, совершенно не похожий на шарканье шагов и голоса. По мере того, как они продвигались, звук становился все более похожим на журчание текущей воды.

Вскоре они остановились перед небольшим родничком, бьющим из трещины в стене. Гордон поднял каменную чашу и подставил под струю. Пил он с удовольствием.

— Слава Богу, соль еще не добралась до нашей воды,— с облегчением произнес он.— Это хуже, чем утонуть.

Он принялся рассуждать, как ужасно, когда нет свежей воды. Но даже представив себе пленников, сходящих с ума от жажды, Марк все равно не мог подавить радостное возбуждение.

Он воспрянул духом. Чувство надежды ускоряло мыслительный процесс. Казалось, слабость и тревога покрыли его ржавчиной. Теперь же вся ржавчина сошла, уступив место свежему маслу. Марк чувствовал, что его тело вырвется из этой тюрьмы, как вырвалась душа. Гордон был потрясен таким преображением. Марк выглядел сейчас инородным телом, он вновь обрел пружинистую походку, редкую среди обитателей пещеры. Гордона потрясло, как сильно надежда повлияла на физическое состояние Марка.

Повеяло слабым запахом сырости, и Марк понял, что они приближаются к грибным пещерам. Гордон говорил,

что их пять, и все связаны между собой. Их урожаи до недавнего времени легко удовлетворяли потребности людей, но с ростом населения, вызванным притоком новичков и рождением детей, пищи стало не хватать. Кризис в подземном мире стремительно приближался с разных сторон.

Гордон внезапно остановился и поднял руку. Марк ничего не слышал, кроме слабого журчания текущего мимо них ручейка.

— Кто-то бежит,— сказал Гордон.

Он молча схватил Марка за руку и прижал к стене. Марк недостаточно долго прожил в пещерах, чтобы понять, что назревает что-то из ряда вон выходящее. Люди здесь не знали, что такое бег. Да и зачем? Время не терялось и не выигрывалось: его не существовало! Наконец Марк начал различать звуки шагов. Оба с нетерпением следили за последним поворотом. Звук становился громче.

— Только один,— сказал Гордон, наклонился, поднял обломок скалы и крепко зажал в руке.

Фигура, одетая в развевающиеся серые лохмотья, выскочила из-за поворота. Заметив их, человек резко остановился и прислонился к стене. Гордон выбросил камень и вышел вперед.

— Махмуд! — удивленно воскликнул он.

Араб, слегка задыхаясь, приблизился.

— В чем дело? — спросил Гордон.

— Мигель,— взволнованно произнес Махмуд.— Я говорил с пигмеями, нашел таких, кто его ненавидит, и они рассказали мне...

— Что же? — с нетерпением спросил Гордон.

— Мигель пытается выяснить, где туннель!

— Ну, это нам известно! А что еще он пытается выяснить?

— Это не все! Он с друзьями и большинством пигмеев-пленников хотел заключить сделку с пигмеями. Мигель предложил показать им наш туннель в обмен на свою свободу, но те не согласились, и тогда он пошел на компромисс. Он покажет им туннель, если их выведут из системы тюрем и покажут ряд обычных пещер.

— Это не принесет ему большой пользы.

— А он и его друзья думают, что принесет. Вероятно, надеются, что он каким-то образом выберется на свободу и приведет помощь. Во всяком случае, сделка заключена.

Гордон уставился на него.

— Заключена?

— Заключена.

— Так вот на что он способен! Он безумец, если полагает, что ему когда-нибудь позволят выбраться отсюда!

— Но у него есть какой-то план, можете быть уверены!

— Он знает, где туннель?

— Нет, но...

— При его настойчивости это не займет много времени, чтобы выяснить, да?

Араб кивнул.

— Значит, придется им заняться,— заключил Гордон.

— Ты имеешь в виду — убить его? — спросил Марк.

— Именно, он же крыса!

— Но остальные, не продолжат ли они сделку и без него?

— Со всеми предателями мы обойдемся точно так же!

— Помогут ли такие меры? Мне кажется, настоящий вред уже причинен: пигмеи узнали о существовании туннеля. Он был в безопасности, пока о нем не знали. Сейчас кот выпущен из мешка, и я не вижу пользы от убийства Мигеля.

— Он обязательно найдет туннель, либо уже обнаружил. Он самый смышленый из этой банды. Я бы задержал его и продолжил работы над туннелем. Но если уже нашел, то от Мигеля надо тотчас же избавиться, пока он не рассказал кому-либо еще.

— А вы уверены, что он не успел рассказать?

— Уверен. Мигель боится, что приятели подведут, поэтому будет держать все в тайне до последнего момента.

Разговаривая, они подошли к первой из грибных пещер, и Марк поймал себя на том, что гигантские грибы удивляют, как и в первый раз. Почему-то запомнилось, что они куда меньше. Ему хотелось задержаться и осмотреть эту фантастическую картину, но его спутники слишком

спешили. Гордон вел налево, придерживаясь тропинки между порослью и стеной. Через проход шириной в несколько ярдов они проникли в следующую пещеру. Здесь многие грибы были срезаны и унесены в жилые пещеры, где из них готовили пищу. Они прошли по влажной земле, усыпанной мусором, и нырнули в поросль. Продвигались медленно и все более неуклюже. Гордон предупредил Марка, чтобы тот переступал через щупальца, а если возможно, то избегал их. Нет, признался он, серьезной причины для волнения нет, но лучше следов не оставлять.

В третьей грибной пещере Марк по-настоящему насторожился. Он шел по сложной тропе среди стволов и каких-то растений, похожих на длинные, изогнутые кабачки. Марк изо всех сил старался двигаться с тем же мастерством, с каким шли Гордон с арабом, и не оставлять следов, но чувствовал, что ему это плохо удается. Он сломал несколько стволов и раздавил несчетное количество щупальцев, и казалось невероятным, что кто-то может проделать такой извилистый путь, не оставив следов. Наконец Гордон громко сообщил, что они дошли до главных грибных пещер. Где-то здесь спрятано начало туннеля, ведущего вверх.

Марк испытал облегчение, когда увидел между двумя грибными шляпками серую каменную стену. Минуту-другую спустя они стояли на краю грибной рощи.

Услышав шарканье чьих-то шагов, все трое резко обернулись. Марк мельком заметил человека, исчезнувшего между стволами справа от них. Махмуд тоже его увидел. Прежде чем до остальных дошел смысл происходящего, он стремглав и бесшумно пустился в погоню, вслед за ним развевались лохмотья бурнуса. Марк раскрыл рот, но Гордон поднял руку. Оба остановились и прислушались.

Махмуд бежал между стволами по оставленному следу. Сначала ничего не было слышно, кроме стука шагов, приглушенных ударов стволов и щупальцев. Беглец впереди двигался на ощупь, топча низкорослые грибы и виляя между толстыми стволами. Тоненькие стебельки, которые он ломал на своем пути, трещали, но не так резко, как ветки, а глухо, как прогнившее дерево. Гордон с Марком могли следить за его продвижением по качанию многочисленных

высоких, похожих на зонтики шляпок. В воздух взметнулось облако белых спор. Брызгая слюной и кашляя, туда устремился Махмуд. Минуту спустя раздался сдавленный крик; еще минуту продолжалась ожесточенная борьба, сопровождаемая треском ломающихся стволов.

— Идемте,— сказал Гордон, направляясь на звук.

— Послушайте,— позвал Марк, но Гордон не слышал.

Он был уже далеко, когда Марк заметил, как еще одна фигура выскочила из-за ножки огромного гриба и помчалась по открытому пространству возле стены. Марк бросился вдогонку.

Второй беглец был разумнее первого. У него не было ни малейшего намерения путаться в стеблях. Чтобы благополучно добраться до отверстия, ему достаточно скорости и форы в тридцать ярдов.

Марк продвигался с трудом. Он еще не был в достаточно хорошей форме для таких упражнений и видел, что едва может постоять за себя. Человек, бегущий впереди, оглянулся и припустил быстрее. Марк безуспешно пытался увеличить скорость, но его ноги стали неуклюжими и тяжелыми. Вряд ли он знал, почему этого человека нужно поймать, но действия Махмуда и Гордона говорили, что это жизненно необходимо. Человек начал замедлять скорость — жизнь в пещерах не способствовала столь быстрому бегу. Но скорость Марка тоже пошла на убыль, а сердце болезненно стучало. Он безуспешно пытался передвигать отяжелевшие ноги.

Бледное толстое щупальце сбило его с ног. Марк наступил на него, и оно превратилось в скользкое месиво. Поскользнувшись, Марк шлепнулся в жирную грязь.

Он тотчас же сел, протер глаза, но беглеца уже и след простыл, а сам он был слишком изможден, чтобы продолжать погоню. Несколько минут он приходил в себя, затем встал и пошел искать своих.

Он нашел их на вытоптанной площадке. Махмуд лежал на земле, тяжело дыша. Гордон склонился над неподвижной фигурой с неестественно вывернутой головой. Когда подошел Марк, он выпрямился.

— Проклятье,— пробормотал Гордон,— мы могли бы что-нибудь узнать от него! За что вы его убили?

— Его шея или моя,— задыхаясь, произнес араб.

— Был еще один,— сказал Марк, устало опускаясь на землю.

— Вот, дьявол! Где он?

Марк рассказал о погоне.

— Проклятье! И вы не можете сказать, кто это был?

— Я никогда раньше его не видел.

— Жаль, что я его не видел... Черт возьми! Наверняка это малый из банды Мигеля. Значит, мы не должны терять времени. Идем, Махмуд!

Араб нетвердо поднялся, по-прежнему тяжело дыша.

— Идемте,— повторил Гордон Марку.

Они поплелись на край грибной плантации. Гордон без колебаний подошел к стене, засунул пальцы в неправильную трещину, отклонился назад и всем своим весом навалился вперед. Скальная плита медленно повернулась. Он быстро протолкнул своих спутников в пространство за ней и с силой задвинул плиту на место.

Марк оказался в комнате, в которой находились девять или десять человек. Среди них он узнал одного из тех, кто приходил к Смиту, а также Зикля. Остальные были ему незнакомы. Маленькая лампа на потолке светила тускло, но достаточно, чтобы увидеть начало узкого туннеля, круто уходящего вверх. Гордон не стал терять времени.

— Мигель что-то замышляет против нас,— сообщил он.

Негр неприятно оскалил зубы, на остальных сообщение не произвело впечатления.

— Ну и что? — спросил один из присутствующих.— Он не сможет сильно навредить нам, а если будет плохо себя вести, мы можем пришить его!

— Это не так просто,— возразил Гордон.— Давай, Махмуд, расскажи им все.

Махмуд повторил рассказ о союзе Мигеля с пигмеями. Некоторые помрачнели; другие, в том числе и тот, что предлагал «пришить» Мигеля, оставались бесстрастными. Похоже, не все осознали сложность ситуации, потому что один из них заявил:

— Не так уж много здесь пленников-пигмеев. Они не могут создать больших проблем.

Махмуд снова объяснил:

— Дело не только в пленниках. Мигель вступил в сговор с пигмеями из внешних пещер.

— Как? Они здесь никогда не появляются!

— Не знаю, как был заключен договор, знаю только, что он был заключен. Если Мигель поможет им остановить работу, то получит доступ во внешние пещеры. Разве вы не понимаете?

— Но как они нас остановят? Они никогда...

— Черт возьми, приятель! — вмешался Гордон.— Пошевели мозгами! Я знаю, мы никогда не видели здесь пигмеев, разве что в качестве пленников, но они могут напасть в любое время. Мы недостаточно сильны — нас человек сто пятьдесят. У них Мигель и его банда, с ними большая часть пигмеев-пленников и аборигенов. В остальных пленниках мы тоже не можем быть уверены. Может быть, они присоединятся к этой потасовке ради развлечения, но, думаю, большинство будет сохранять нейтралитет. Во всяком случае, нужно приготовиться к встрече. Где Смит?

— Он в туннеле.

— В конце?

— Нет. Он ушел совсем недавно.

— Тогда нужно скорее перехватить его! Скажите ему, что это срочно.

Один из молодых людей с трудом встал и направился в проход. Гордон снова оглядел группу.

— А ты, Зикль, собери наших людей, кого найдешь, и срочно веди сюда! — Когда негр встал, он добавил: — И берегись Мигеля — он мог оставить засаду!

— Конечно,— согласился Зикль, не слишком обрадовавшись такой перспективе.

Плита за ним затворилась, и оставшиеся уставились на Гордона. Он начал было речь, но одумался и помотал головой.

— Нет, лучше подождем Смита! Это по его части!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Во время вынужденного ожидания настроение в группе изменилось. Апатия, затронувшая всех, прошла. Время

начало что-то значить. Даже скептики, легкомысленно относящиеся к серьезному предостережению Гордона, встревожились. Существовала опасность или нет, а в их монотонной жизни появилось хоть что-то интересное. Люди обсуждали ситуацию. Их беспокойные движения говорили о возрастающем напряжении. Глаза у них горели. Вялость, отражавшаяся на лицах, исчезла. Марк удивился перемене.

Он оглядел каменную комнату. Она была почти пуста, если не считать нескольких скамеек, вырубленных в скале, и нескольких чаш с водой и грибным спиртом. В углу лежало несколько самодельных долот, молотков и других инструментов, среди которых он узнал длинные тонкие французские штыки, иступившиеся от частого употребления.

Марк задумался, как здесь оказались инструменты: железо и сталь в пещерах, должно быть, драгоценны и редки. Накоплено годами, предположил он, отобрано у вновь приходящих пленников. Вдруг его осенило: как здесь избавляются от мусора? От многих тонн скалы, выдалбливаемой год за годом, не осталось и следа, а где же осколки камней? За столько лет их бы хватило на небольшую гору. Он спросил Гордона, и тот объяснил:

— Время от времени нам встречаются трещины и разрывы, в которые можно сбросить мусор. Некоторые из них узкие и не очень глубокие, так что заполняются очень быстро; другие, кажется, практически бездонны, и через них надо прокладывать мосты. Мы их прокладываем и продолжаем строить туннель, а мусор бросаем в трещину сзади, пока не натыкаемся на новый разрыв, и все повторяется.

— Но в начале? Когда, например, делали эту комнату?

Гордон пожал плечами.

— Полагаю, им приходилось все это уносить до первой попавшейся трещины. Должно быть, это была тяжелая работа для бедняг. Я рад...

Его прервал внезапный скрип отодвигающейся плиты. Гордон вскочил и схватил острый кусок камня. Остальные последовали его примеру и стояли, расставив ноги, приготовившись к отпору. Плита тяжело поворачивалась на

каменных петлях. Из грибной пещеры просочился луч света. Руки ожидающих людей напряглись. Появилась взъерошенная, бородатая голова. Ее обладатель широко улыбнулся, увидев их.

— О'кей! Можете консервировать ваши фальшивые ананасы,— загадочно заметил он.— Это мы с ребятами!

Камни опустились, и все облегченно выдохнули. Плита отодвинулась достаточно, чтобы впустить человека. Говоривший вошел, а за ним ввалились еще человек десять самых различных рас и национальностей.

— Что за великая идея? — спросил он.— Этот сумасшедший негр, Зикль, говорит, как в день Страшного суда. Он спятил?

— Нет, с ним все в порядке. Это мы его послали. Дело в Мигеле...

— Мигель? Этот вшивый испанишка? Ну, ребята, вас тут недостаточно, чтобы побить его? Он горлопан, и вся его банда горлопаны. Так что у него на уме?

Гордон снова принялся объяснять. Не успел он дойти до половины рассказа, как из туннеля с топотом выскочил Смит и потребовал объяснений. Махмуда попросили рассказать историю в третий раз.

Смит выглядел серьезным и слушал молча. Когда Гордон дополнил историю рассказом о шпионах в грибных пещерах, он нахмурился.

— Вы правы,— признал он.— Тут есть чем заняться. Рассказ Махмуда, может быть, сам по себе не имеет значения, как и двое парней, снующих здесь. Но все вместе... Это значит, что дела продвигаются,— он повернулся к пришедшему.— Удалось ли Зиклю уговорить остальных, Эд?

Эд почесал бороду, и лицо его выразило сомнение.

— Полагаю, он сделает все, что сможет, но большинство смеется над ним. Мы с ребятами подумали, что тут что-то нечисто, поэтому обошли толпу кругом.

— Что ж, лучше тебе с ребятами вернуться и предупредить, чтобы они перестали смеяться над Зиклем, а то как бы не пришлось смеяться в последний раз! Понятно? Быстро приведи их сюда, и никаких «может быть»!

— О'кей! Понял!

Эд и еще четверо вышли, оставив дверь открытой. Смит продолжил:

— А теперь надо торопиться. Если Махмуд прав, пигмеи начнут наступление, как только Мигель передаст сведения об этом туннеле. Сколько времени у нас в запасе, зависит от того, как быстро они переварят новость и соберут войска. Нам нужно задержать их и продолжить работу над туннелем. Мы сделали чертовски много, и будь я проклят, если теперь все пойдет насмарку. До верха, наверное, не так далеко, сейчас мы могли бы уже закончить. Дело в том, где мы их остановим?

После долгих обсуждений от плана блокировать основные туннели отказались, хотя и неохотно. Как заметил Смит, слишком уж много боковых ответвлений. Как ни осторожничай, паутина путей оставит возможность для нападений сбоку и атак сзади. Более того, пигмеи могут прорыть ходы из пещер наверху и таким образом перехитрят защитников.

Безопаснее, хотя и обременительней, было бы вступить в бой недалеко от знакомых мест. До грибной пещеры, в которой расположен вход в туннель, можно было добраться только через три отверстия в дальнем конце, и Смит решил построить укрепление в самой узкой части пещеры. Это, заметил он, сохранит около двух третей площади, а, следовательно, и запас еды. Само укрепление следует построить в порослях на оставшейся трети, которая тем самым будет обнажена и не сможет служить прикрытием для атакующих.

Приняв план, он начал распределять обязанности:

— Махмуд и еще трое произведут разведку в трех туннелях. Один пойдет наверх и приведет тех, кого можно оторвать от работы над туннелем, но не допускайте, чтобы работа замедлилась. Остальные будут строить укрепление.

Марку дали острый кусок камня и велели валить гигантские грибы в дальнем конце пещеры. Несмотря на неудобный инструмент, поначалу дело шло неплохо. Острые, как у пилы, зубцы врезались в мякоть легче, чем он ожидал. Тогда он стал валить грибы, разрубая ножку чуть больше чем наполовину. Огромные шляпки слетали с большинства

ножек. Те, что еще держались, сбивали силой. Каждую белую ножку обхватывали вдвоем и откатывали, а Марк тем временем занимался следующей.

Но работа быстро приелась; вскоре его правая рука, сжимающая тяжелый режущий камень, заболела. Мужчины по обе стороны от него трудились успешнее. Мускулы у них были крепче от работы в туннеле, кроме того, он-то едва отправился от болезни. Однако Марк продолжал работать с отчаянной решимостью, преодолевая боль в руке и плечах. Он считал, что положил, должно быть, больше двадцати толстых ножек, прежде чем его прервали.

Услышав внезапный шум внизу, в узком конце пещеры, все приостановили работу. Люди уставились на баррикаду из стволов, приготовившись кинуть острые камни в первого пигмея, который покажется перед ними. Раздался стук камня о скалу, а затем рев знакомого голоса.

— Протрите глаза! Это мы с ребятами!

Появился Эд, он шел, круша стволы, как слон. Казалось, его радовало, что ему больше не надо идти украдкой. Смит, наблюдавший за работой над баррикадой, позвал его.

— Всех привел, Эд?

— О'кей, всю банду! Что нам теперь делать?

Марк бросил свой камень одному из спутников Эда.

— Поработай-ка им,— предложил он.— С меня пока хватит!

Он отошел и сел отдохнуть и понаблюдать за строительством баррикады. Высота стены уже достигла нескольких футов и поднимать толстые, мясистые стволы становилось все труднее. Марк впервые понял, как плохо, что здесь нет деревьев. Если бы в качестве рычагов использовать жерди, было бы куда легче подавать стволы. Из досок можно было бы соорудить скат и по нему закатывать их наверх. Если бы режущие камни снабдить рукоятками, они стали бы раз в десять эффективнее. Даже в эпоху неолита, с горечью подумал он, люди были лучше экипированы инструментами, чем мы, а что касается оружия... Из деревьев можно было бы сделать копья, а из некоторых сортов дерева — луки, стрелы и дубинки с каменными наконечниками. Но без дерева они фактически безоружны, имея лишь камни и кулаки...

Появление Эда с подкреплением придало всем уверенности. Большинство из ста пятидесяти человек, которых Смит называл работниками, теперь трудились на площадке, катая стволы и воздвигая стену. Работа обещала завершиться гораздо скорее, чем предполагал Марк. Смит удачно выбрал позицию. Пещера имела форму восьмерки, и нижняя половинка была вдвое больше верхней. Посередине противоположные стены приближались друг к другу на пятьдесят ярдов, и на этом сравнительно узком пространстве он сооружал баррикаду. Если бы им удалось очистить всю землю впереди до того, как начнется атака, перед пигмеями встанет неприятная задача пересекать ее без прикрытия.

Короткого отдыха было достаточно, чтобы полностью прийти в себя. Марк не был изможден, просто его мускулы с непривычки взбунтовались от внезапного напряжения. Он встал и направился к баррикаде. Смит увидел его со своего наблюдательного поста наверху и поманил к себе.

— Идите и помогите этим ребятам,— велел он.

На стороне стены, у которой стояли защитники, группа людей, в том числе и Гордон, что-то усердно мастерили из грубого каната. Сам канат был сплетен из узких полосок более крепких грибных ножек, а затем высушен на медленном огне. Некоторое время Марк внимательно наблюдал за ними. Они выбирали камень подходящей формы и вокруг него несколько раз обвязывали канат. Свисающие концы каната связывали вместе на расстоянии двенадцати или четырнадцати дюймов от каменного наконечника и начинали завязывать узлы. В результате получалась короткая дубинка, не слишком твердая, но и не слишком гибкая. Оружие, если не считать острого каменного наконечника, несколько напоминало моток веревки для белья. Марк поднял готовую дубинку и замахнулся. Из-за гибкости удар получился неудачным. Как бы то ни было, для рукопашной схватки оружие могло оказаться незаменимым — гораздо лучше, чем просто кулаки или камень в руке. Он бросил готовую дубинку в общую кучу и сам принялся за работу.

Баррикада еще не была закончена. Белая стена, сложенная из грибных ножек, простиралась от одной стороны

пещеры до другой с проходом посередине. Верх стены имел наклон вовнутрь, чтобы прикрыть защитников. Внешняя часть подпиралась круглыми грибными шляпками, сложенными в ряды, как огромные щиты. Если смотреть из почти пустого конца пещеры, это напоминало огромную черепаху или панцирь великолепно защищенного зверя. Смит прошел в оставшуюся щель и с удовлетворением посмотрел на работу. Было сомнительно, что грибные шляпки продержатся долго, но первый натиск они, безусловно, выдержат. Будет невозможно даже пытаться взобраться на стену до тех пор, пока не будут убраны эти скользкие плитки.

Через щель постоянно сновали люди. Они торопливо вносили внутрь укрепления грибы, не использованные, как строительный материал, но пригодные для еды, одновременно очищая вход пещеры. Там осталась только самая низкая поросль, бесполезная в качестве укрытия, но вполне способная помешать атакующим.

Смит тревожно ждал, пока последний, похожий на кабачок предмет и последние гигантские грибы осторожно откатят в сторону. Люди работали охотно и быстро. Он так давно не думал о времени, что затруднялся определить, сколько часов прошло с тех пор, как услышал рассказ Махмуда, но вряд ли больше пяти и меньше четырех. Никто не мог сказать, когда появятся пигмеи.

Мигель, если в пещере действительно был он, наверняка сначала вернется к пигмеям-пленникам, затем через охранников единственного выхода из тюремных пещер будет передано сообщение пигмеям, живущим снаружи. Те должны провести мобилизацию. Затем они спустятся в эту систему и в конце концов промаршируют по всему туннелю... Смит в сотый раз попытался подсчитать, сколько времени это займет. Вариантов ответа было так много, что они вряд ли могли хоть как-то пригодиться. Одно несомненно: они могли прийти в любой момент...

Смит позвал Махмуда и разведчиков из туннелей и приказал заделать щель. По верху баррикады поставили несколько охранников с запасом камней для метания. Самые усталые из строителей легли, чтобы немного отдохнуть, а остальных Смит послал на помощь тем, кто работал в тун-

неле. Что бы ни случилось, работа над туннелем должна продолжаться! В конечном счете, это была единственная надежда. Имеющуюся у них еду, конечно, можно растянуть надолго, но сомнительно, смогут ли они пополнять запасы провизии так же быстро, как поглощать ее. Сто пятьдесят человек способны съесть потрясающее количество мясистых грибов. Туннель должен быть закончен прежде, чем иссякнут запасы продовольствия...

Все свободные от заданий люди присоединились к изготовителям оружия. Работа не только была ускорена, но и оружие стало более разнообразным. Эд, смастерив себе булаву, достойную Голиафа, занялся примитивной баллистикой и изготовил нечто вроде болы, состоящего из двух камней, связанных двойным канатом. У Марка были сомнения относительно того, пригодится ли этот ранний предок цепи в битве, но Эд не сомневался. Однако вскоре сказался недостаток в канатах. Пришлось запалить костры, чтобы подсушить грибные полоски, и работа продолжилась. Это была профессиональная работа, и Марк оказался без занятия. Он нашел удобное местечко, лег и стал наблюдать за остальными.

С трудом верилось, что эти изобретательные люди несколько часов назад были совершенно апатичны. Странно, как быстро страсть к жизни может почти угаснуть или вспыхнуть с новой силой. Пленники, оставшиеся в жилых пещерах, были полностью деморализованы, а эти почуяли вкус к жизни. Потребность в работе действовала на них, как чудесный тоник. Сплетая канаты, они смеялись и болтали. Мужчины снова почувствовали себя мужчинами!

Голова Марка склонилась. Болтовня и смех доносились приятным журчанием. Веки устало опустились, и он погрузился в глубокий сон.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Марк проснулся от сильной боли в голени.

— Какого черта...— выругался он, хватаясь рукой за ушибленное место.

Споткнувшийся об его ногу человек с трудом удержался на ногах. Он явно запыхался, и поэтому голос его звучал сипло.

— Они приближаются. Будь готов.

Ощущение относительной безопасности тут же исчезло. Марк вскочил, схватил лежащую рядом дубину и метнулся к стене. Вскарабкавшись по торчащим во все стороны сучьям, он выглянул наружу.

Только теперь он окончательно проснулся и, наконец, понял, что сражение еще не начиналось. Перед стеной, как и перед входом в пещеру никого не было. Марк едва не впадал в ярость от того, что его понапрасну побеспокоили, но, оглядевшись, понял, что сердиться нет причины. Защитники не дремали и заняли боевые позиции вдоль стены. Он повернулся к соседу.

— Где они?

Тот явно не понял вопроса, отрицательно покачал головой и что-то неразборчиво пробормотал. Тогда заговорил его товарищ:

— Да идут они, идут. Просто они так долго добирались сюда, что Смит уже начал беспокоиться. Он даже послал Махмуда узнать, в чем дело, и тот едва унес ноги.

— А много их? — спросил Марк.

— Неизвестно. Махмуд только увидел их и тут же рванул обратно.

Разговоры среди защитников стихли. Теперь слышались только отдаваемые Смитом приказы. Впрочем, почти все находились на своих местах и ждали появления неприятеля. Смит распорядился, чтобы без его команды не начинали. Стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием защитников. Люди напряженно вслушивались, стараясь уловить звуки приближения неприятеля.

Марк тем временем предался невеселым размышлениям. Его вдруг осенило, что, примкнув к «рабочим», он еще больше отдалился от Маргарет. Он старался убедить себя, что она все еще жива и находится где-то во внешних пещерах. До сих пор он был просто одним из узников тюремных пещер, теперь же, примкнув к Смиту, практически угодил в тюрьму внутри тюрьмы. А если бы он примкнул к банде Мигеля? Тогда ему, возможно, представилась бы возмож-

ность обыскать внешние пещеры и найти Маргарет. А вдруг пигмеи ведут с Мигелем двойную игру? Это вполне возможно. Ведь после того, как они избавятся от слабого места, которое представляет собой туннель в тюремной зоне, какой смысл продолжать сотрудничество с Мигелем?

Было совершенно ясно, что от успешного исхода операции в туннеле зависит не только участь их всех, но и судьба Маргарет. Если попытка выбраться наружу закончится успешно, то пигмеям конец. Стоит только вступить в контакт с цивилизованным миром, и можно организовать экспедицию для спасения оставшихся узников. Вполне возможно, избранный им путь самый верный. Спасти Маргарет можно лишь при содействии извне.

А если не рваться наружу? Допустим, ему повезет, он ухитрится проникнуть в систему внешних пещер и найдет ее. Но что дальше? Вряд ли им удастся добраться до внешнего мира без посторонней помощи. И вообще, какие у пигмеев планы насчет Маргарет? Почему они держат ее в заточении? Раньше они никого не держали в застенках. Должно быть, все дело в проклятой кошке... не иначе.

Защитники стены зашевелились. Должно быть, показался неприятель. Марк прислушался. Да, были явственно слышны звуки шагов. Мысли о Маргарет мгновенно испарились. Он непроизвольно потянулся за валяющимся рядом булыжником. Прильнув глазом к щели между стволами, Марк заметил белые обезьяноподобные фигуры.

Теперь стало ясно, что послужило причиной задержки. Неприятель рассчитывал загнать их в ловушку. Две группы, а возможно, и третья, которой пока не было видно, должны были подойти одновременно. Невозможно улизнуть в одно отверстие, пока пигмеи входят в другое. Их действия указывали на то, что пигмеи намерены не только разрушить туннель, но и наказать тех, кто его построил.

Но защитники их удивили. Марк увидел, как пигмеи остановились и, удивленно жестикулируя, направились к баррикаде. Защитники бросились вперед, загоняя их обратно в туннель. Послышались крики.

Марк очень удивился, когда до него дошло, что это всего лишь вторая встреча с маленькими человечками. Он так

часто думал о них, что они стали казаться ему почти знакомыми, хотя после первой встречи во внешних пещерах он пигмеев не видел. У него снова появилось странное чувство, что подобных людей он видел раньше. Он хотел рассказать Гордону о своем открытии, но сейчас было не до разговоров.

Увидев баррикаду, пигмеи изменили планы. Они долго и громко совещались и, наконец, из главного туннеля появилась высокая фигура. Марк признал в нем европейца и усмехнулся, глядя на его испуганное лицо. Последовали оживленные объяснения, а за ними военный совет.

Смит, однако, бездействовал. Марк удивился. Град острых камней, брошенных в толпу, мог бы причинить значительный ущерб, хотя строй был длинным.

Наконец пигмеи приняли решение и совершили свою первую ошибку. Возможно, они полагали, что стену защищает всего несколько человек, и действовали грубо и неосторожно. Их тактика заключалась в том, чтобы выстроиться в шеренгу по всей ширине пещеры и броситься в атаку. Дав им пройти полпути, Смит открыл огонь.

Защитники поднялись, и в первые ряды бегущих полетел град камней. Многие упали, а те, что бежали следом, спотыкались и падали сверху. Не успели они подняться, полетела следующая партия острых камней, которые редко убивали, но могли больно ранить. Линия нападения была в нескольких местах прорвана группами карликов, с трудом поднимающихся на ноги, но сама атака не прекратилась. Те, кто остался невредимым, стремительно атаковали там, где путь был свободен. Поток камней теперь был нескончаем, но многим пигмеям все-таки удалось прорваться к подножию стены. Здесь они в ужасе останавливались, и лишь немногие предпринимали безнадежные попытки взобраться на стену. Остальные, остановившись в растерянности, служили мишенями для метателей камней. Единственным оружием пигмеев были каменные ножи, и не имелось щитов для защиты. Их замешательство было драматично: отважная атака превратилась в трагический фарс. Те, кто мог, поступали единственно правильно: разворачивались и бросались врассыпную туда, откуда пришли.

Раздался раскатистый рев Эда. Эта битва, как бы они к ней ни готовились, обернулась всего лишь огромной шуткой. Несколько брошенных камней обратили в бегство целую армию пигмеев! Для этого не потребовались даже импровизированные дубинки! Пленники засмеялись вслед за Эдом. Смех превратился в сильный рев, эхом раздающийся по всей пещере. Только несколько пигмеев остались неподвижными, остальные под раскаты хохота хромали к проходу в одиночку или цепляясь друг за друга.

Марк не мог присоединиться к смеху, слишком жестокому и полному презрения к маленьким человечкам. Он испытал такое же облегчение, как и остальные, когда увидел, что бой вовсе не бой, но он заметил и то, чего остальные, похоже, не заметили. Эти пигмеи, маленькие человечки с печальными глазами, сражались за то, чтобы сохранить свою расу. Они понимали, что если во внешнем мире узнают об их существовании, конец не заставит себя долго ждать. Они примитивны, как и говорил Гордон. Единственная их надежда продолжить свое существование заключалась в том, чтобы жить обособленно. Жизнь снова и снова показывала, что горстка примитивных людей не может сосуществовать с огромным современным миром. И не только из-за смертельных болезней, но и из-за упадка духа. Пигмеи не умеют адаптироваться. Они не приспособлены ни к какому миру и обществу, кроме своего собственного.

В них много благодушия, зачастую присущего примитивным расам, но энергия их не была полностью исчерпана. Они еще могли бороться за свое существование, хотя и не могли изменяться. Они не признавались или не желали признаться, что надежду надо оставить, их судьба предрешена. Если они смогут помешать строительству туннеля, им все равно придется бороться с водой. Пигмеи могут блокировать трещину за трещиной, но рано или поздно вода до них доберется. Новое море затопит весь их пещерный мир, как уже затопило нижние уровни. В конце концов им придется выплыть наружу или остаться здесь и утонуть.

Марку стало не по себе, когда он вспомнил, что тоже попал в ловушку. Иногда он с трудом верил, что туннель

сквозь сотни футов скалы когда-нибудь будет закончен. С таким скудным оборудованием это просто невозможно. Смит сказал «теперь в любое время», но как давно пленники так говорят? Кто из них имеет представление о глубине, на которой находятся пещеры? Эта фраза была не более чем пустым выражением надежды, частичкой веры, чтобы предотвратить апатию.

Марк поймал себя на том, что бесцельно смотрит на одну из распростертых фигур. Она не шевелилась. Она уже никогда не пошевелится. Одна сторона головы была разбита камнем. Вполне возможно, что этот камень бросил он... Ему вспомнились слова Маргарет:

— Так ужасающе неожиданно... Минуту назад они бежали... Ах, Марк, что ты наделал?..

Зачем он это сделал? Он не хотел убивать этого маленького человечка. Он никогда его раньше не видел. Он хотел лишь остановить его и других пигмеев, а не уничтожать их. Все было как всегда — бесцельное, бессмысленное избиение людей... Его глаза блуждали от одной одиноко лежащей фигуры к другой. Всего их было десять. Эд, наверное, считает, что это очень смешно: бой всего с десятью погибшими. Что ж, пусть смеется. В некотором смысле это действительно смешно: человеческая раса, уничтожающая себе подобных. Никто, кажется, не видит, как это бессмысленно. «Странная мы компания»,— бормотал он себе под нос.

Марк перевел взгляд на входы в туннели. Большая часть отступивших ушла через правое отверстие. Он вспомнил, что именно через него вошел сюда вместе с Гордоном.

Защитники оставались на своих местах, ожидая следующего нападения. Пигмеи, похоже, не сдадутся после первой же неудачи. Очевидно, их спор в соседней пещере был в самом разгаре, потому что оттуда доносились громкие голоса.

Смит решил, что непосредственной опасности больше нет. Пигмеям, должно быть, понадобится некоторое время, чтобы подготовиться. Он выделил группу на помощь строителям туннеля и разрешил изготовителям канатов возобновить работу. Остальные разбрелись по верху стены, не-

которые спали, другие разговаривали. Эд сел, положил ногу на ногу и принялся усовершенствовать свою булаву, продолжая переплетать канат, который у него каким-то образом получился. Работу он сопровождал тихой ковбойской песней, поразительно непристойной. Гордон прошел по баррикаде и сел рядом с Марком.

— Безумие, правда? — сказал он, глядя на распростертые внизу тела.

Марк кивнул.

— Чертовское безумие. Полагаю, так мы сделаны. Десять маленьких человечков мертвы, и никто из них нисколько не хуже и не лучше. Смит имеет хоть какое-нибудь представление, когда будет следующая атака? — спросил он.

— Нет,— помотал головой Гордон.— Поживем — увидим.

Некоторое время они вели бессмысленную беседу, затем Марк вспомнил, что давно хотел задать один вопрос.

— Я не могу отделаться от мысли, что раньше видел подобных людей. Разумеется, это абсурдно, ведь их никто не фотографировал, но этот тип мне не кажется таким уж незнакомым. На кого они похожи?

— А, вы тоже заметили, да? Это пигмеи.

— Нет, я имею в виду, какой они расы? Я знаю, что они ростом с пигмеев.

— Это и есть пигмеи, не сомневайтесь. Для них характерны не только рост, но и форма головы, необычные пропорции длинных, тонких конечностей и этот печальный, мрачный взгляд. На самом деле пигмеи не так печальны, как выражение их лиц.

Марк внезапно вспомнил фильм, снятый кем-то. Пигмеи, такие миниатюрные на фоне группы исследователей, озадаченно разглядывали камеру большими глазами. Каждое лицо, мужское или женское, взрослое или детское, неизменно отмечено меланхолией. Вот оно что, воспоминания об этом фильме были просто спрятаны в его сознании. Странно, что ему это раньше не приходило в голову: на лицах троглодитов было такое же выражение или вообще никакого,— но раньше он не находил подходящего определения. Он использовал слово «пигмеи», как сказал бы

«карлики», не понимая его значения. Однако не так уж странно, что он не сразу уловил связь: обитатели этой пещеры были бледными, грязно-белыми.

— Но пигмеи черные,— возразил он.

— Те, кто живет на поверхности. Но почему они должны быть черными здесь? Солнца нет, пигментации нет. Эти ребята, вероятно, были достаточно черными, когда пришли сюда. Это работа многих поколений. Посмотрите, что время сделало с детьми пленников — аборигенами: ни следа румянца на лицах.

— Но, черт возьми, за сотни миль отсюда нет никаких пигмеев!

— Сейчас нет, но когда-то были. У меня есть целая теория насчет того, как эти ребята появились здесь, если это вам интересно.

Марк попросил его продолжать. По крайней мере, это разгонит скуку от ожидания атаки, которой, может быть, никогда не будет.

— Сложность в том,— начал Гордон,— что мне никогда не удавалось проверить хоть одно из своих предположений. Если мы выберемся отсюда, я пойду в читальный зал Британского музея, чтобы удостовериться в правильности моей теории. Вот вкратце их история, как я себе ее представляю. Вы знаете, что тысячи лет назад весь европейский континент был теплее, чем сейчас? Этот факт в науке считается общепризнанным. Недалеко от Кромера, где когда-то был лес, нашли останки слонов. Слонов, заметьте, а не мамонтов. Мамонты не возражали против холодного климата, но слоны всегда стремились к теплу. Более того, такие же останки были найдены в Дорсете во рву, находящемся на глубине более двенадцати футов. Сейчас природа не роет рвы сквозь слои мела и кремня, в которые попадаются слоны, но есть существо, которое роет, и это существо — человек. Слон умер чертовски давно, потому что его убил человек. Англия еще не была островом. Субтропическая фауна здесь распространялась и процветала, но даже тогда некоторые наши предки убивали слонов, заманивая их в ловушки, или с помощью других хитростей. Это распространенная ошибка — судить о человеке по его тепе-

решнему внешнему виду. В конце концов мы же эволюционировали, как и другие виды. Существует еще тенденция (может быть, это уважение к генетике) представлять человека внезапно и полностью сформировавшимся к величайшему ужасу остальных обитателей мира. А это вовсе не так. Он развивался так же медленно и болезненно, как и все живое. Вероятно, люди, которые охотились на слонов в Северной Европе, выглядели не совсем так, как мы. Они, как и остальные существа, адаптировались к различным климатам. Пока они не усовершенствовали свою одежду и не изобрели огонь и другие средства защиты от невыносимой жары или холода, они так же зависели от природных условий, как и животные. Каждая раса, наверное, жила в своей собственной зоне, очень редко мигрируя на север или юг. Но со временем зоны менялись. Земная ось наклонилась, субтропическая флора начала погибать. Каждое лето вокруг полюсов скапливалось больше льда, и каждую зиму Северный полярный круг продвигался все дальше к югу. Процесс шел медленно, но неумолимо. Лед покрывал новые территории, сметая все на своем пути. Зима становилась жестче и длиннее, животные отправлялись на юг, охотники следовали за ними. Северная Европа стала зоной умеренного климата, а затем холодного. Однако лед продолжал свое движение, и люди с севера сталкивались с жителями знойных южных земель. Расы не перемешивались. Южные обитатели были мельче и слабее, чем захватчики, и они не могли сопротивляться натиску с севера; это были предки пигмеев. Северяне были крепче и лучше умели адаптироваться, потому что жизнь у них была тяжелее. Существовал естественный предел населения, который могла выдержать земля, и южане поняли: пришельцев им не одолеть. Пигмеи, чтобы выжить, отступили на юг. Они отправились в огромные леса и спрятались в джунглях, таких негостеприимных и непривлекательных, что ни одной расе никогда и в голову не приходило их выгнать. Это была одна из великих перемен в мире. Ледяные вершины, подкрадываясь ближе с севера и юга, сгоняли все живое в экваториальный пояс. Не только пигмеи, но и многие другие расы в других частях мира были вынуждены уйти с

открытой плодородной местности и искать землю, где смогут выжить. Примерно в это же время андаманцы добрались до своих островов, сакаи нашли Суматру, Семангс и Борнео, а пигмеи с Новой Гвинеи спрятались в своей земле. Там они и остались, потому что если лед и отступил, то захватчики этого делать не собирались. Их потомство снова подалось на север, но ушли далеко не все, земли не опустели. Вот что я имел в виду, говоря, что наши пленители — настоящие пигмеи.

— Вы считаете, что когда-то вся эта земля принадлежала пигмеям, и они выжили?

— Именно. Их вытесняли в негостеприимные районы, они же предпочли жить в пещерах. Обнаружив, что пещер полно, они спустились глубже. Все это, правда, происходило не сразу. Это была инстинктивная борьба ради самосохранения, продолжавшаяся из поколения в поколение по мере того, как ухудшалось положение. В то время, как одни направлялись в джунгли и никогда их не покидали, другие поселялись в пещерах, уединяясь все больше и почти не появляясь на поверхности, прячась от мира, в котором не выдерживали соперничества. Так появились поколения, которые знали о внешнем мире только понаслышке, как об ужасном, гибельном месте. Старшие умерли, и последнее связующее звено исчезло. Сообщение с поверхностью прекратилось. Они углублялись в землю, занимали пещеру за пещерой, образуя подземную страну. Они научились выращивать гигантские грибы для еды и сохранили секрет производства световой жидкости. В конце концов жизнь внешнего мира стала не более чем преданием, поддерживаемым случающимися иногда появлениями таких вот странников, как мы. Расы, преобладающие на поверхности, добились поставленной цели: память о пигмеях становилась все слабее, пока, наконец, совсем не стерлась и они не были забыты.

Некоторое время после того, как Гордон замолчал, стояла тишина. Марк обдумывал теорию. Фантастика, конечно, как и само существование подземных пигмеев, но ведь должно же быть какое-то объяснение. Тот факт, что наверху не осталось даже слухов, говорит о том, что со дня их полной изоляции прошло очень много времени.

— И как вы думаете, когда это произошло? — спросил он.

Гордон пожал плечами.

— Трудно сказать. Полагаю, где-то в позднем палеолите, наверное, ближе к ашельскому периоду.

— Нет,— сказал Марк.— Скажите по-английски. Сколько лет назад?

Гордон немного подумал.

— Вероятно, сто тысяч лет.

— Что-о? — Марк заморгал.

— Да, вот так. Проблема таких людей, как вы, в том, что вы плохо представляете себе, насколько древнее существо человек. Я вам говорю, что пигмеи представляют собой одну из самых старых из ныне существующих рас, а вас так поразили сто тысяч лет. Да это же просто блошиный укус на фоне всего развития природы. Пещерный человек жил, вероятно, триста или пятьсот тысяч лет назад. Люди, которые верят в правдивость Книги Бытия, считают, что раньше, чем примерно две тысячи лет назад, вообще ничего не происходило. Уверяю вас, происходило и задолго до этого срока. Чтобы вас подбодрить, признаюсь, что я наткнулся на два препятствия: это египетские боги и эти лампы,— он взглянул на потолок.— Они меня озадачили, несмотря на все мои теории. Оболочки ламп еще более загадочны, чем текущая в них жидкость. Я не понимаю, как эти люди, фактически раса каменного века, научились их делать, из чего они сделаны. В самом деле, это самое слабое звено во всей теории, будь оно проклято. Если бы не лампы, у них бы никогда не было...

Он вдруг замолчал. Марк, подняв глаза, увидел несколько белых фигур, вновь появившихся из туннеля. Смит позвал всех на баррикаду. Человек двадцать пигмеев выстроились в шеренгу вдоль задней стены. Каждый что-то держал в руке.

Защитники уже устали удивляться выдумкам пигмеев и не стали прятаться от возможной опасности. В карликов полетел целый град камней. Большинство из них тотчас же упали, а тех, кто остался на ногах, перехитрить не составляло особого труда.

— Не надо,— проворчал человек, стоявший за спиной Гордона.— Подождем лучше, пока они подойдут поближе.

Но пигмеи не торопились. Они сосредоточенно возились с инструментами, которые несли.

— Что это за игра? — поинтересовался кто-то.

Мгновение спустя он понял. Пигмеи вскинули правые руки, и в воздухе раздался свист острых камней. Один ударил человека в лицо и пригвоздил к стене. Марк, Гордон и остальные быстро пригнулись к земле.

— Рогатки! Проклятье, почему мы о них не подумали? — пробормотал Гордон.

Марк снова принялся смотреть в глазок, проделанный в стене. Камни, низко свистящие у него над головой, представляли собой заградительный огонь. Что-то, появившееся из правого туннеля, заставило его удивленно присвистнуть. Гордон рискнул поднять голову над краем стены и увидел, что это было. Он следил до тех пор, пока камень не ударился о ствол поблизости от его головы.

— Изобретательные дьяволы! — восхищенно произнес он, снова увернувшись.

Из прохода медленно появилась круглая шляпка гриба, похожая на огромную мишень для стрельбы из лука. Оказавшись в пещере, она отодвинулась в сторону, уступив место другой, и подалась немного вперед, чтобы не мешать стрелкам из рогаток. Вторая шляпка последовала за первой. К ним присоединялись еще и еще, пока не образовалась длинная шеренга.

Грибы были подняты так, чтобы защищать наступающих. Ножку несли несколько человек, а круглые шляпки служили превосходным щитом. Атаку не начинали до тех пор, пока не выстроились три ряда шляпок. Затем пигмеи двинулись вперед медленно и уверенно, соблюдая строй, в то время как стрелки из рогаток, подобно заправским артиллеристам, вели непрерывный огонь острыми камнями.

— А они не дураки,— с беспристрастным восхищением произнес Гордон.— Танки пигмеев в действии!

Сначала противодействие атаке было слабым и ограничилось несколькими камнями, безуспешно брошенными в шляпки грибов. Когда первый ряд прошел половину про-

странства, Эд поднялся на ноги и изо всех сил бросил камень. Он шлепнулся в одну из белых шляпок и завяз в мясистой массе. Другого результата не было. Эд, разочарованно застонав, снова спрятался за стену. Несколько человек тоже метнули камни в стрелков из рогаток, но с тем же успехом: не долетевшие до цели камни остались в белых шляпках, как темные пятнышки. Атакующие не колебались.

Смит приказал приготовить дубинки. Похоже, у подножия стены произойдет рукопашный бой. Пока защитники не боялись противников, хотя и оценили изобретательность маленьких человечков. В конце концов что могут сделать атакующие? Просто попытаются подняться на баррикаду? Но их будет легко оттуда сбросить.

Ряды грибных шляпок постоянно надвигались и дошли до баррикады. Здесь пигмеи подняли грибы над головами, шляпки образовали крышу, на которую летели камни защитников. Только трое пигмеев не добрались до цели, так как были сражены скорее случайными, нежели искусными попаданиями.

У стены они остановились. Защитники не видели происходящего под стеной, но догадывались, что пигмеи воспользуются ножками грибов, чтобы забраться на баррикаду. Внезапно Марк услышал крик одного из защитников и увидел, как тот показывает на отверстия. Оттуда появлялись все новые и новые фигуры. Они были мертвенно-бледными, как и остальные, но выше и лучше сложены.

— Боже правый, с ними аборигены! — пробормотал Гордон.

Стрелки из рогаток по-прежнему вели непрерывный обстрел, под прикрытием которого аборигены преодолели первые несколько ярдов, припав к земле и держа головы под линией огня. Подойдя поближе, они выпрямились и ускорили шаг. Интенсивный огонь из рогаток по-прежнему не позволял защитникам подняться во весь рост. Бегущие в первых рядах аборигены вскарабкались на задние ряды грибных шляпок. Стало ясно, что пигмеи намерены не только обеспечить себя щитом, но и создать платформу, по которой аборигены смогут ближе подобраться к защитникам.

Когда аборигены забрались на шляпки грибов и рванулись вперед, стрельба из рогаток прекратилась. Тогда над стеной во весь рост поднялись защитники и осыпали нападавших градом камней. Аборигенов было гораздо больше, но они находились в крайне невыгодном положении. По неровной и скользкой поверхности было трудно двигаться быстро, они представляли собой отличную мишень для обстрела. Единственным оружием им служили каменные ножи. Однако они продолжали двигаться. Им еще не приходилось сражаться врукопашную. Дубинка Марка методично поднималась и опускалась. Он наносил удары без гнева, холодно и сильно. Казалось, он не мог войти в боевой раж, сражаясь против этих людей. Он целился в плечи, довольствуясь тем, что выводил из строя руки. Его все еще не покидало чувство, будто это какая-то шутливая потасовка или досадное недоразумение.

Теперь они сражались по всей линии баррикады, и большая часть людей действовала весьма решительно. Они сражались, чтобы убивать или калечить. Марк предположил: дело в том, что он здесь новичок. Пробудь он здесь много лет, то понимал бы, что они чувствуют. В середине строя он видел Смита с дубинкой в каждой руке и Эда, размахивающего своей булавой.

Когда аборигены предприняли следующий натиск, в настроении Марка наметилась перемена. Один из нападающих оцарапал ему руку. Ничего особенного, боли он почти не почувствовал, но это заставило изменить точку зрения. Он начал наносить удары всерьез. Еще один абориген поймал его дубинку и попытался вырвать ее. Марк изо всей силы ударил его кулаком в челюсть. Человек покачнулся, а следующий ощутил всю тяжесть дубинки Марка. Неистовство атаки начинало утихать. Аборигены теряли отвагу и становились менее стремительными. Марк опустил руку и остановился отдышаться, но тотчас же принял оборонительное положение, увидев еще одну белую фигуру, нападающую на него. Он взмахнул дубинкой, но в этот момент ножка гриба, служившая ему опорой, надломилась, и он не удержался на ногах. Абориген выбил дубинку у него из рук и прыгнул через парапет. Марк предотвратил взмах камен-

ного ножа, схватив человека за правое запястье. Несколько секунд они катались по земле, и каждый старался оказаться сверху, но вдруг противник обмяк. Посмотрев наверх, Марк увидел склонившегося над ним Гордона.

— Спасибо! — поблагодарил Марк.

Он лежал в мелкой впадине между двумя белыми стволами. Марк был совершенно уверен, что несколько минут назад этой впадины не было. Один ствол, должно быть, упал и опрокинул его. Но почему?

Он подполз к краю стены и лицом к лицу столкнулся с пигмеем. Марк без колебаний ударил его кулаком и опрокинул назад. Появились и другие. Но как им удалось пробраться сквозь стену? Он огляделся и увидел, что кто-то лезет из стены. Пигмеи, прикрывшись грибными шляпками, должно быть, вынули из стены стволы. В некоторых местах наверху стволы были так сжаты, что не могли упасть, если даже вытащить несколько штук из нижних рядов, но в других, например, прямо над ним, бревна падали вниз и сами латали пробоину. Марк поднял свою упавшую дубинку и с криком спрыгнул вниз. Пока прорвались только несколько пигмеев и четверо защитников легко разделались с ними. Однако возникла необходимость в страже перед пробоинами, чтобы больше никто не проник.

«Вот так и я упал,— подумал Марк.— Еще несколько минут, и их здесь были бы дюжины!»

Он наблюдал за пробоиной в середине стены и был рад передышке. Делать было нечего, только смотреть и опускать дубинку на всякого, кто вылезет из дыры.

— Эй? — позвал голос у него над головой.

Подняв глаза, он увидел бородатое лицо Эда.

— Достаньте мне гриб, а? Только спелый, и будьте с ним осторожны!

— Как насчет этого? — показал Марк.

— О'кей! Я посмотрю.

Марк послушно подкатил к стене самый большой гриб.

— Можете его поднять? — спросил Эд.

Марк смог, правда, с трудом, потому что гриб был громоздкий. Эд как можно дальше протянул руку, вместе им удалось благополучно поднять его на стену. Эд сел и при-

нялся осторожно делать длинные разрезы острым камнем. Марк стоял внизу и смотрел на операции Эда, одновременно продолжая наблюдать за пробоиной. Он был озадачен, потому что бой на стене еще продолжался, а уклоняться от драки не в характере Эда.

— Зачем это? — спросил он.

Эд хихикнул.

— Идите сюда и увидите сами!

Марк забрался на стену и сел. Из пробоины внизу тотчас же появилась грибная шляпка. Марк бросил в нее камень, и она отодвинулась назад. По сравнению с первой атакой битва стала вялой. Вероятно, пигмеи собирались отвлечь защитников, пока сами будут пробираться сквозь пробоины в стене. Задние ряды не начинали атаку, а силы аборигенов иссякали.

Эд продолжал делать разрезы, расходящиеся, как меридианы, от центра шляпки. Ни один из этих разрезов не был достаточно глубок, но, тем не менее, кожица чуть не прорвалась. Эд осмотрел гриб, с удовлетворением улыбнулся и, держа обеими руками, поднял над головой. Шар был брошен в ряды атакующих. Когда он разорвался, двое аборигенов были погребены под ним. Облако белых спор разлилось в воздухе, как снегопад. Те, кто находился близко к нему, оказались скрытыми из поля зрения. Из движущегося тумана доносились звуки кашля и шипения.

Когда туман немного рассеялся, стали видны фигуры аборигенов, согнувшихся вдвое в приступах кашля, с каждым вдохом к ним в легкие попадало все больше и больше пушистых спор. Облако белой пыли распространилось шире, поражая все новых атакующих. Они потеряли способность сражаться. Глаза у них слезились, они чихали и хрипели, как самые тяжелые астматики.

Из уст Эда раздался восхищенный смех, похожий на рев.

— Эй, дай мне свою куртку и принеси другую,— приказал он.

Он принялся размахивать курткой перед собой, отмахиваясь от летящих в воздухе спор. В течение нескольких минут поле боя было покрыто пеленой спор, и защитники,

бросая дубинки, хватались за все, чем только можно было отмахиваться.

Аборигены были безнадежно деморализованы. Изнуренные кашлем, они шатались из стороны в сторону. Пигмеи, укрывшиеся под грибными шляпками, были не в лучшем положении, так как вдыхали споры, просачивающиеся сверху. Те, кто был оглушен собственным и чужим кашлем, должно быть, скрежетали зубами от ярости под звуки похожего на рев смеха защитников. Несчастные вылезали из-под своих грибных зонтов и, задыхаясь и кашляя, беспорядочной толпой кидались обратно к туннелям. Вслед раздавались взрывы смеха.

Эд в буйном восторге от успеха своей идеи расточал насмешки вдогонку убегающим. Зикль пел какую-то языческую победную песню. Даже Марк поймал себя на том, что смеется над неудачей этой второй атаки.

Последний задыхающийся пигмей убежал от ликующих звуков, но веселье продолжалось. Смит долго не мог убедить своих последователей, что необходимо отремонтировать баррикаду.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Марк посмотрел на Смита.

— Со времени второй атаки прошло, должно быть, несколько дней. Вы действительно думаете, что они больше не придут?

— Разумеется, не уверен,— кивнул Смит.— А зачем же тогда я приказал починить стену?

Он кивнул на Гордона, который согласился с ним:

— Они, конечно, так или иначе попытаются напасть. Чего бы им это ни стоило, они не допустят, чтобы мы убежали.

— Но со времени, как мы применили гриб, много воды утекло. Может быть, они уже сдались?

— Ни в коем случае! Я думаю, они собираются с силами и придумывают новую пакость,— Смит помолчал.— Меня волнует изобретательность, которую они проявили в после-

дний раз,— продолжил он.— Еще несколько минут, и сотни пигмеев пробрались бы сквозь стену. Кто мог догадаться, что эти маленькие человечки придумают такую штуку?

— А они ничего и не придумывали,— возразил Гордон.— Клянусь всем, чем хотите, что эту идею подсказал им Мигель или кто-то из его ребят! Более того, десять к одному: кто бы это ни был, он подстрекает их к новому нападению. Они хотят прижать нас к ногтю, а Мигель надеется получить власть над внешними пещерами, тогда у него будет больше шансов выбраться, чем у нас.

— Что ж, в таком случае,— задумчиво произнес Марк,— для чего мы торчим здесь?

Все удивленно уставились на него.

— Я имею в виду, если мы сдадимся, а Мигель выберется, он не станет держать в секрете существование этого места. Сюда снарядят экспедицию, так же, как и в том случае, если выберемся мы, а значит, если ему повезет больше, почему не дать ему уйти добровольно?

— Вы кое о чем забываете.

— Не вижу...

— Вы забываете, что Мигель заключил сделку с пигмеями. Я не знаю, какая у пигмеев мораль на этот счет, но почему они будут соблюдать ее условия? Насколько я понимаю, заставить их он не сможет. А что если они просто его используют? Им наверняка известно, какую игру он ведет, но они не позволят ему выбраться.

— Кроме того,— вмешался Гордон,— если они сумеют всех тут перебить, а нас сто пятьдесят человек, то задумаются, зачем уступать Мигелю и его парням. Причин они не найдут. Не понимаю только, почему он поверил их обещаниям. Не в его правилах действовать без гарантий.

Все трое некоторое время молчали. Марк снова заговорил первым.

— Я все думаю,— сказал он,— почему им не приходит в голову погасить эти лампы? — Он показал на сине-белые шары, светящие со скалистого потолка.— Представляете себе, какая поднимется суматоха, когда они в темноте попробуют вновь напасть на нашу баррикаду? Так у них будет больше шансов где-то прорваться.

— Тому есть несколько причин,— объяснил Гордон.— Во-первых, эти лампы не так-то легко разбить. Может быть, они и выглядят стеклянными, но куда прочней. А во-вторых, эти пигмеи боятся темноты больше, чем дети. Тьма для них — самое страшное. Может быть, вам непонятно, но они всю жизнь проводят под этими лампами, и на то имеется причина. Разбить их — значит, совершить святотатство. Их жизнь зависит от этих ламп, и они на них молятся! — Поймав вопросительный взгляд Марка, он добавил: — Это символ Ра. Помните, его статуэтка держала одну из них. Разбив лампу, они нанесут оскорбление божеству. Если они разобьют несколько, он так рассердится, что нашлет темноту, чтобы причинить им страдания. Если верить Махмуду, они настолько привыкли к свету, что не могут думать о темноте и боятся ее, как конкретного выражения неудовольствия Ра. И эта мысль не нова: я, кажется, что-то помню о страшной темноте над Египтом, которая очень не понравилась египтянам, хотя они прекрасно знали, что означает эта ночь.

Вряд ли эти слова убедили Марка. Разрушение ламп казалось ему самым простым способом создать невероятную панику. Шары, может быть, были крепкими, но камни пигмеев били точно... Они не были непробиваемы: он вспомнил, как Гордон рассказывал о своем эксперименте.

Гордон считал, что боязнь темноты у пигмеев только на пользу защитникам. Он так и сказал:

— Это самая надежная защита, которая у нас есть. Нет лучшей гарантии, чем хороший, обоснованный предрассудок. С ним сравнимы только решения Гаагского суда или Женевской конференции. Вы когда-либо что-нибудь читали по антропологии? Люди могут заковывать себя в кандалы, которые невозможно разбить, хотя, может быть, это за пределами разума и безопасности.— Он продолжал более спокойно и менее выразительно: — Предрассудками сейчас совершенно пренебрегают. Я не хочу сказать, что у нас нет огромного количества суеверных условностей и табу. Они есть, но часто бессмысленны, плохо контролируемы и иногда противоречат друг другу. Их влияние на мужчин и женщин весьма слабо. Вместо того чтобы использовать пред-

рассудки, власти о них забывают. Единственным способом влиять на людей остается массовое внушение. Это работает, но неэффективно и нуждается в постоянной поддержке. Нацию можно легко довести до состояния войны, но требуется постоянная, энергичная пропаганда, чтобы поддерживать людей в этом состоянии. Если же позволить мыслить самостоятельно, они рано или поздно выйдут из повиновения. Властям становится все труднее поддерживать пропаганду так, чтобы помешать думать самостоятельно. Более того, массовое внушение всегда порождает противодействие. Сначала это, весьма вероятно, чистое упрямство, но оно становится сильнее из-за людей, сообразивших, что их обманывают. Чертовски глупый способ воздействия! Это напоминает мне рекламу увеличения роста: это можно сделать, но лучше всего тогда, когда ты молод! Внушение, конечно, действует и на взрослого человека, но если вы хотите управлять народом, надо начинать внушать с детства. В этом отношении церковь совершенно права. Она начинает свое воздействие на человека, с момента крещения. На протяжении всего жизненного пути она навязывает ему свои правила игры, контролирует его мысли и поступки. Большинство древних религий терпели неудачу в основном из-за того, что неправильно пользовались своей властью, а не из-за того, что ослабевали. Некоторые из них слишком подавляли людей, а другие, наоборот, позволяли людям приподняться над предрассудками и увидеть, что все вокруг не так уж плохо. Позже религии потеряли свою огромную власть, так случилось у всех западных наций, но среди примитивных народов еще сохраняется суеверное воспитание.

— Это знак того, что власть предрассудков заканчивается,— прервал его Марк.— Люди обращаются к разуму.

— Разум — это моя опора! Пигмеи не будут готовы к разумному восприятию мира еще тысячи лет, если продержатся так долго. Боже мой, да посмотрите на мир, приятель!

— Но это правда! Религии умирают, на западе, во всяком случае. Я знаю, что люди поднимают вокруг них много шума, но это именно потому, что вера ослабла.

— Вздор! Религии не умирают! Если вы что-то назовете иначе, суть от этого не меняется. Вы можете иметь религию без антропоморфического лица, как можно иметь государство без короля. Демократия, социализм, коммунизм — все это религии.

Марк возразил:

— Нет, это политические теории.

— Позвольте, а вы когда-нибудь встречали религию, которая не была бы связана с политической теорией? Говорю вам, это такие же религии, как христианство, магометанство, буддизм! Это предрассудок. Что, как не предрассудок, могло родить фантастическую идею о том, что все люди равны? Только не разум. Что, как не предрассудок, могло заставить людей издавать законы, которых обязаны придерживаться даже самые блестящие умы? Разве это приют разума, когда общество тратит столько энергии и богатства для сохранения недееспособных, отворачиваясь от работящих? Они, видите ли, являются плодом эволюции людей, которые, как вы говорите, «поворачиваются к разуму». Разум! О, Боже мой!

Гордон встал и тяжелой походкой отошел. Смит широко улыбнулся Марку.

— Горазд болтать, да? Проблема в том, что он, так же, как и остальные, не знает, чего хочет. И все же иметь его рядом удобно: он заставляет ребят думать, спорить и они немного забываются.— Он встал.— Пойду посмотрю на Эда и его компанию. Идемте?

Они обошли пещеру и подошли к группе Эда сзади. С тех пор как начались занятия в «артиллерийской» школе Эда, некоторые места в пещере сделались небезопасными. Рогатка требует меткости, а это достигается только практикой, поэтому перед новичками было достаточно широкое свободное пространство. Возле стены пещеры в качестве мишени была установлена грибная шляпка, и в ней уже засела пара камней. Эд, как всегда веселый, повернулся к подошедшим.

— Это я попал! — гордо произнес он.

— Из скольких же? — спросил Смит.

— Ах, перестаньте! Вы же понимаете, что это не пистолет!

— А второй камень чей?

— Зикля. Этот негр на многое способен!

Зикль оскалил белые зубы.

— Да, второй — мой! — похвастал он.

Некоторое время Смит с Марком стояли и наблюдали за стрельбой по мишени. Скорость и сила метания была поразительной, хотя часто камни не попадали в цель. Эд, ничуть не обескураженный, заметил, что когда на них нападут, целей будет много!

Оставив Эда, они продолжили путь. Марк поинтересовался, как идет работа над туннелем. Смит ответил своим обычным — «теперь в любое время».

— Вы знаете, что там наверху? — Марк поднял палец к потолку.

— Не совсем. Что вы имеете в виду?

— А что, если там окажется холм или гора?

— Ну и что?

— А то, что вы, может быть, уже достигли нормального уровня и прорубаетесь сквозь гору!

— Возможно, но непохоже. Видите ли, в этой местности гораздо больше равнин, чем гор. Тысяча к одному против того, что мы не находимся под какой-нибудь горой, и, полагаю, что рискнуть все равно стоит.

— А, может быть, следует для эксперимента прорыть боковой туннель?

Смит помотал головой.

— Не сейчас. Это было бы пустой тратой времени. Не будь карты наши раскрыты, игра стоила бы свеч. Но сейчас лучше двигаться прямо наверх.

Они пошли дальше, беседуя, пока за стеной не услышали вой. Смит поспешил на звук.

— Что это?

— В правом туннеле что-то происходит! — пояснил дозорный.— Где-то здесь прячутся один или двое!

Смит с Марком ничего не могли разглядеть. Какое-то движение, безусловно, было, но различить, что происходит, было невозможно.

— Надо скорее созвать людей,— решил Смит.— Может начаться новая атака!

В течение двух минут по всей длине баррикады выстроились люди. Но настоящее наступление началось только через полчаса.

Эд предпочел расположить свою «артиллерию» примерно в середине баррикады. Люди с опаской обходили рогатки: все заметили, что камни имели обыкновение вылетать из них чуть ли не случайно.

После томительного ожидания, когда защитники уже решили, что это ложная тревога, из правого туннеля появились белые фигуры. Эд подождал, пока они выстроились в шеренгу, и отдал приказ начать стрельбу. Большая часть камней оказалась бесполезной: только один из нападающих упал на землю, схватившись за раненое колено. Остальные взметнули рогатки и ответили залпом. Люди на стене увидели, как на них летят странные метательные снаряды. Они были похожи на летящие снежные хлопья и летели гораздо выше. Только когда они упали на землю, стало ясно, что это вовсе не хлопья.

Один такой снаряд ударился о парапет прямо перед Марком, прорвался, и из него вылетело облако спор. Марк задохнулся и начал кашлять. Чем сильнее он дышал, тем больше спор попадало ему в легкие. Глаза заслезились так, что он почти ослеп, а белые шары все летели и разрывались, окутывая поле боя облаками спор.

В пыльном воздухе кашляли и задыхались люди. Белые хлопья окутывали их густым туманом, скрывшим все происходящее вокруг. Кашель вызывал невыносимую боль в горле и груди, и каждый новый вдох казался еще более болезненным.

Их перехитрили! Пигмеи или их советчики с радостью подхватили мысль о грибах, принадлежавшую Эду, но они пошли дальше. Им хватило ума, чтобы понять: нельзя под обстрелом защитников баррикады подкатить грибы к стене. Природная изобретательность подсказала выход: споры извлекли из спелых грибов и запили в мешочки из кожуры, пригодные для метания из рогаток. Но для чего?

Стена с ее защитниками почти исчезла в искусственном тумане, но пигмеи продолжали методично посылать новые снаряды, хотя облако уже не было таким густым. Пигмеи

и аборигены понимали, что в такой обстановке они не смогут атаковать. Споры окажут на них то же воздействие, что и на защитников. Весьма вероятно, что продолжающийся обстрел не имел целью выбить кого-то из строя, а служил прикрытием для более коварного плана. Брызжущие слюной, задыхающиеся защитники могли только догадываться, что затевается в конце туннеля.

Бесконечная, казалось, канонада прекратилась. Белый туман начал уменьшаться и исчезать. Дышать стало легче, глаза хоть и слезились, но уже что-то видели. Защитники старались разглядеть, что происходит вокруг, но пока не различали деталей, зато носы их почуяли слабый запах горения.

И снова со стороны пигмеев со свистом полетели камни. Марк прильнул к своему глазку, и ему стало понятно коварство операции пигмеев.

В конце пещеры они навалили груды хлама, от которого поднимались струйки тяжелого желтого дыма. Дым поднимался на несколько футов, затем опускался и расходился веером, а тяга из туннелей несла его в большую пещеру. Облака дыма перемешивались с воздухом и превращались в серо-желтую дымку, уже плывущую под неровным потолком пещеры. Лампы, окутанные дымом, потускнели, и в пещере наступил полумрак. Марк наблюдал, как дым, наступая с обоих концов баррикады, постепенно окутывает людей, прежде чем окончательно поглотить их.

В сумраке пещера выглядела совершенно иначе. Это больше не было знакомое всем будничное место. Закутки и углы, окутанные пеленой, казались враждебными. В потайных уголках сознания рождался страх, провоцируя панику.

Правая группа защитников перемахнула через парапет и спрыгнула на глинистую землю. Люди бежали к лампам, забыв о защите от камней. Пигмеи и стрелки из рогаток изменили тактику и осыпали их градом споровых бомб, взрывающихся у них под ногами. Бегущие люди гнулись в три погибели, их режущий ухо кашель доносился до тех, кто остался на баррикаде. На защитников обрушился град камней, вызвав в смельчаках бессильную ярость против пигмеев, по вине которых они барахтались в темноте.

Марк с немым вопросом взглянул на Смита. Тот помотал головой.

— Ни к чему! Им только этого и надо — одолеть нас на открытом пространстве. Если им это удастся, мы пропали!

Смит оказался прав, атаку удалось отразить благодаря выбранной позиции, а не числу защитников. Несомненно, люди умело действовали своими дубинками, но, хотя пигмеи были маленькими, их вместе с аборигенами было слишком много. Битва на открытом пространстве означала верную гибель. Марку стало грустно. Этого дыма он не предвидел. Легкой тяги из туннелей будет недостаточно для притока воздуха, чтобы можно было дышать. Скоро у них останутся только две возможности: прорваться или страдать от удушья. И то, и другое означало конец плана. Пигмеи, вероятно, предпочтут последнее: это доставит им меньше хлопот.

Теперь дым густой пеленой затягивал весь потолок. Люди в полутьме вопросительно уставились на своего предводителя. Смит их подвел: он не видел выхода, и их глаза, искали Эда. Тому тоже нечего было предложить, и он впервые за все время, что его знал Марк, выглядел удрученным.

— Нет, вы ошибаетесь,— возражал он тем, кто настаивал на атаке.— Может быть, с пять минут вы и поразбиваете им черепа, но если потом ваши головы тоже окажутся разбитыми, вам это никоим образом не поможет! Нам нужно выработать какую-нибудь новую тактику. Но,— добавил он, помолчав,— мне кажется, что найти ее невозможно... Ах, черт меня дернул воспользоваться этим проклятым грибом!

Дымовая завеса становилась гуще. В полумраке пещера приобретала устрашающий вид. Желтые клубы над красными огнями напоминали извивающееся тела. Пелена дыма рано или поздно обязательно опустится со сводов, выжив их с баррикады. За огнями с наветренной стороны, чтобы защититься от удушающего дыма, по-прежнему ждали стрелки из рогаток. Остальные заполнили туннели до отказа.

Защитники тоже ждали. Ничего больше они делать не могли. Судьба первой группы, попытавшейся вырваться из

пещеры, оказалась хорошим уроком. Люди больше не могли считать Смита или кого-либо другого своим предводителем. Фатализм, забытый когда понадобилось действовать, потихоньку возвращался, появилось отчаяние. Туннель, над которым они работали годами, теперь никогда не понадобится. Фраза «теперь в любое время» потеряла смысл. Последний луч надежды угасал по мере того, как дым заволакивал тоненькую полоску света, без которого они не могли жить. Это последнее слабое сияние заставило многих повернуться в сторону скрытой в тени баррикады в безнадежной вере, что, может быть, появится фигура с криком: «Мы прорвались»! Но никакая фигура не появилась. Баррикада и туннель, который они прорубили, исчезали в темноте...

— Если бы мы что-нибудь могли сделать,— бормотал Гордон.— Быть выкуренными, как стая крыс...

Внезапно в темноте послышался шум. Сто пар глаз повернулись туда. Негр Зикль внезапно вскричал:

— Вода!

Его крик в панике подхватили многие голоса:

— Вода!.. Вода!..

Долгие минуты хаоса. Все смешалось, как в калейдоскопе. Стрельба. Тяжело дышащие, изрыгающие проклятия люди. Тревожные, пронзительные голоса пигмеев. Последний залп из рогаток. Крики из туннелей, куда убегали пигмеи, топча друг друга. Чья-то рука крепко, словно тисками, сжала плечо Марка. Сквозь шум он услышал спокойный и твердый голос Гордона. Что он говорит?

— Подождите! Вас затопчут!

Подождать? Когда вода прорывается сюда, чтобы затопить их всех?

Марк дернулся, пытаясь высвободить плечо. Раздался голос Смита:

— У нас полно времени! Ждите!

Первые признаки паники утихли. Началась борьба за дисциплину. А вода прибывала сильным потоком. Тонны воды, извергающейся в пещеру и угрожающей все затопить. Частичная победа. Пещера большая, значит, чтобы

ее затопить, потребуется много времени. Душераздирающие крики из туннелей. Люди боролись, разрывали друг друга на куски, как обезумевшие от страха животные. Гордон спокойно говорил со Смитом:

— Пусть уходят. Туннель узкий, много воды не пропустит. У нас еще есть время.

Какой туннель? В голове у Марка начало проясняться. Их туннель, разумеется! Он прорублен! Но выходит, наверное, в Новое море! Никогда не думали о такой возможности! Туннель, который ведет к свободе... Марк начал както странно хихикать.

Гордон с силой потряс его.

— Прекратите!

Марк попытался, но не смог. Это было невыразимо смешно — туннель, который ведет к свободе...

Что-то тяжелое и угловатое ударило его в челюсть.

— Замолчите, слышите?

Его продолжали трясти. Приступ смеха прошел. Странно, но в конце концов это было не так уж и смешно. Его отпустили.

— Простите,— извинился он, и Смит фыркнул, потирая костяшки пальцев.

Эд легкой походкой прошел вдоль баррикады, за ним тянулись еще несколько человек.

— Свора сумасшедших и дураков,— заметил он, кивнув в сторону туннелей.— Вы можете с ними справиться?

Он с отвращением плюнул через парапет. С мгновение они слушали звуки борьбы, смешанные с шумом воды.

— Вот это да, а я думал, что у этих ребят есть мозги! Если они и были, то сейчас они на каникулах!

— Некоторые выбираются,— сказал Смит.

— Конечно, они выберутся, только зачем? Чтобы быть настигнутыми водой? Вы хорошо знаете, что выхода отсюда нет. Ну, выйдут они в первую большую пещеру, а что потом? Ждать, пока вода ее заполнит? Ну, чем не прекрасная смерть?

Они повернулись и посмотрели на землю за баррикадой. Вода уже подбиралась к ним и медленно ползла вперед, превращая глину в грязь.

— Что ж, она скоро потушит этот проклятый огонь,— философски пробормотал Эд.

— Посмотрите туда! — Гордон показал на качающийся в воде белый шар гриба, едва различимый в полутьме.

— Ну, и что?

— Он же плывет! Эти стволы тоже поплывут! Если два таких ствола соединить вместе, получится неплохой плот для трех-четырех человек!

— Но мы только поднимемся туда.— Марк показал на дымовую завесу под потолком.

— Нет. Когда вода поднимется, мы сможем проплыть по туннелям прямо к первой пещере, а потом...

Он внезапно остановился, почувствовав, как огромная рука Эда ударила его по спине.

— Вот молодец, парень! Ты это сказал! Дайте-ка мне кто-нибудь канат, я займусь плотом!

Рогатки и дубинки полетели в сторону. Все вязали парами толстые белые стволы. А вода тем временем поднималась и уже подтекала под баррикаду. Пять ламп потухли, взорвавшись с громким шипением. Первый законченный плот был переброшен через парапет и с брызгами упал на воду. Строители вскарабкались на него. Снова плеск, затем еще, и, наконец, все плоты закачались на грязной воде. Эд посмотрел на последнюю пару.

— Вперед, ребята! Пора в путь!

Спрыгнув в доходящую до колен воду, они пошли вперед, подталкивая плоты к туннелям. За их спиной был слышен рев стремительной воды, поднимающейся вокруг баррикады...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первое, что увидела Маргарет, проснувшись, был потолок скалы. Он поднимался на семь футов, но, казалось, давил на нее. Она надеялась, что эти тонны камня не причинят никакого вреда ее телу, но на душу они давили нестерпимо, пытаясь сломить ее сопротивление. Это был самый страшный момент ее «дня». Небольшой запас сил иссякал. Пробудившись, она с удовольствием лежала с закрытыми глазами, собираясь с силами, чтобы открыть их.

Сколько раз она с закрытыми глазами лежала без сна, напрасно надеясь, что это сон? Сначала она пыталась вести хоть какой-то счет времени, но один — или два раза? — ошиблась. Она сделала две царапины на стене, но потом передумала и одну стерла. Потом снова пропустила. Все спуталось. Да и что толку от этих царапин? Даже если периоды ее сна совпадают с ночью во внешнем мире, ей мало что даст знание того, как протекают дни, недели, месяцы. Это не поможет. Без всех этих дат можно представлять мир таким, каким видел его в последний раз. Даты означают изменения снаружи, и как-то горько думать о меняющемся мире, в котором сезоны приходят и уходят, цветы расцветают и отцветают, в то время как ты лежишь здесь, замурованный, словно мертвец в склепе.

Почему она не убила себя? Каждый раз, просыпаясь, она задавала себе этот вопрос. Иногда она решалась, но потом, когда сознание понемногу возвращалось, отклады-

вала смертный приговор. Еще успеется. Когда она постареет, кожа потеряет свою эластичность, а волосы станут седыми, и возвращаться во внешний мир будет ни к чему, тогда она и сделает это.

Маргарет подняла руку и притянула прядь волос на лицо. Вытянув, она, неудобно прищурившись, сосредоточенно разглядывала ее. Тщательный осмотр не обнаружил ни одного седого волоска в темно-рыжей шевелюре. Она слышала, что иногда люди седеют за одну ночь. Принимая во внимание собственное состояние, она была склонна считать это небылицей. Если это не так, она бы стала уже совершенно седой. Может быть, по бокам?..

Неудобно разглядывать, а зеркала поблизости нет!

Она встала. Грязно-желтый комочек шерсти в другом углу выпрямился, широко зевнул, потянулся, сел и уставился на нее.

— Доброе утро, Баст!

Кошка снова зевнула и, опустив глаза, приступила к утреннему туалету.

— Да,— согласилась Маргарет.— Время мыться.

Она поднялась с груды грибных полосок, служивших ей постелью, и направилась к выходу. При выходе в коридор ей пришлось нагнуться: выход пигмеи прорубили в расчете на свой рост.

Оказавшись снаружи, она поздоровалась со своими охранниками. Неприязнь, охватившая ее вначале, прошла. Что толку? Они ее больше не беспокоили, она даже немного жалела их. По существу, они были не более чем простыми, беззлобными людьми, вычеркнутыми из жизни.

Образовалась обычная процессия. Впереди шли два маленьких карлика, чей единственный наряд состоял из полоски на поясе, на которой висел каменный нож. Затем она в белом костюме, который раньше был таким нарядным, а теперь совсем потерял вид. Еще два пигмея с рогатками, камнями и ножами в ножнах. В таком порядке все пятеро направились к полузатопленной пещере, служившей плавательным бассейном.

Церемония состояла из омовения Маргарет. Операция, предназначенная для чисто практических целей, стала

непревзойденным спектаклем. Многочисленные потрясенные зрители, которым, по всей видимости, было нечего делать, пришли на него, как при других обстоятельствах пришли бы на смену караула.

Она часто со смехом вспоминала, как все заулыбались, когда она впервые поплыла. Она оказалась в воде прежде, чем они поняли ее намерение. Ужасный жалобный вой, приветствовавший ее, когда она вынырнула на поверхность, нельзя было приписать исключительно бескорыстной заботе о ее безопасности. Она никогда не интересовалась, какое наказание настигло бы охранников, допустивших самоубийство или побег почти священной особы, но, вероятно, оно было бы ужасным. Она оглянулась и посмотрела туда, где завывание замолкло, а остались только удивленные взгляды. Все возбужденно забормотали, когда она направилась к берегу, а когда она подплыла к краю, ее встретили с благоговением и раболепством.

Она не могла ни говорить на их языке, ни даже понимать его, но не требовалось слов, чтобы понять, что она поднялась в их глазах. Ее божественное происхождение сначала, вероятно, подтверждало только общение с кошкой, теперь же оно стало свершившимся фактом. Маргарет почувствовала, как изменились их взгляды, и решила обязательно воспользоваться преимуществом. Чтобы выполнить свои намерения, она сделала «ежедневное» плавание обычаем.

Нынешним «утром» (привычка делить свое время на определенные промежутки бросала вызов неаккуратности) церемония выполнялась, как обычно. Толпа примерно из ста человек, для которых большое количество воды всегда означало лишь наводнения и смерть, собралась на краю ее «бассейна», восхищаясь и изумляясь.

Когда она скинула одежду, от ложной скромности, беспокоившей ее вначале, не осталось и следа. У пигмеев ни мужчины, ни женщины обычно не носили одежду, и она теперь знала, что они смотрят на ее костюм не как на покров, а как на признак ее занятия. Они смотрели на ее обнаженное тело с восхищением. Один из них сказал, что тело Маргарет выглядит так, будто светится изнутри; его белизна в корне

отличалась от мертвенной белизны их собственной кожи. Она очень боялась, что когда-нибудь оно станет не таким здоровым от отсутствия солнечного света и воздуха.

С мгновение Маргарет стояла на краю, а зеваки в благоговейной тишине смотрели на ее стройную фигуру. Затем она бросилась вниз. Ее руки раскинулись, как крылья ласточки. Она почти без брызг нырнула под воду на двадцать футов.

Некоторое время она развлекала их, смеясь над теми, на чьих лицах еще оставались следы страха. Она поворачивалась, и ее белые руки и ноги мелькали в темной воде. Она ныряла и плыла на глубине двадцати ярдов под водой, сбивая всех с толку. Ее появление всегда встречали возбужденной овацией: она совершала чудо. Наконец она длинным, широким кролем направилась к своей пристани.

Пожилой пигмей с морщинистым лицом пошел за ней, когда она возвращалась в пещеру. Он был одет. Одежда не отличалась элегантностью, так как была грубо соткана из узких полосок грибной кожуры и представляла собой очень короткую тунику, зато выделяла его среди собратьев. Маргарет поздоровалась, назвав его «Гарм». Она так и не поняла, имя это или титул, но ей было все равно. Он небрежно спросил о здоровье женщины и очень заботливо о здоровье Баст. Она отвечала очень коротко, зная, что он не будет разговаривать, пока они не окажутся в ее пещере, где их не услышат охранники.

Разговаривала она только с Гармом. Изучив язык достаточно, чтобы ее понимали, Маргарет твердо решила получше познакомиться с людьми, но все ее вопросы встречали вежливый отпор. Время от времени пигмеи возмущались, но чаще всего просто игнорировали их, и Маргарет становилось ясно, что она задает бестактные вопросы. Они прощали ей нарушения менее важных табу, в конце концов она же была привилегированной особой, служительницей богини, но сердились, когда переходила некоторые таинственные границы приличия. И это случалось нередко. Отношения с пигмеями то и дело давали трещины. Маргарет изо всех сил старалась не допускать крупных просчетов, но это было нелегко.

Гарм отличался от остальных. Только глупцы с возрастом становятся нетерпимыми, а Гарм был неглуп. В своем мире он был мудрецом, видевшим многие несообразности в верованиях своего народа. Его благодушие было рано разрушено теориями, проросшими на гнилой почве, и он начал замечать изъяны, к которым, однако, относился с большой терпимостью. В его мозгу возникали нечестивые мысли. Многие новые заповеди засыхали на корню, только самые выносливые давали здоровую листву, но у него еще оставалось немалое количество вопросов, требовавших разрешения.

Всю жизнь он скрывал свои сомнения, отчасти из страха, но больше из политических соображений. Зачем высовываться? Если он нарушит установившийся порядок вещей, то, скорее всего, понесет наказание. Вероятно, его ждет обычная судьба еретиков, и ему не останется ничего, кроме как умереть ради ничтожно малой толики знания.

Но ему хотелось знать больше. Это желание и помогало ему держать язык за зубами, и теперь он был рад, что молчал. Обрывки информации, которые он получал от пленницы, были мудрыми, тривиальными или абсурдными. Немногие вписывались в его мозаику верований, остальные были бесполезны. Но все сведения были интересны и новы, вероятно, он был единственным человеком своей расы, проявлявшим интерес к новому.

Разговор между ними не был легким. Не только он учил ее своему языку. В ее жизни было столько всякого, о чем он не имел понятия и чего не могли объяснить слова и целые фразы его языка, что ему волей-неволей приходилось осваивать азы ее языка. Теперь они говорили, вместе пробираясь сквозь болото непонимания.

Возвратившись в пещеру, Маргарет тотчас проверила состояние Баст. Пока кошка жива, женщина в безопасности. Если она умрет, неизвестно, что случится. Будь Маргарет уверена, что тогда ее отправят в тюремные пещеры, жизнь Баст была бы недолгой. Но пигмеи верили в жизнь после смерти, эта вера распространялась и на животных. Возможно, ее отправят сопровождать кошку на прогулках по загробному миру. Осторожные расспросы Гарма, по-пре-

жнему считавшего кошек божествами, так и не рассеяли это заблуждение. В конце концов, заметил он, священную кошку вряд ли можно оставить гулять саму по себе, а кто может лучше ухаживать за ней, чем та, которая заботилась о ней при жизни? Если допустить, что кошка бессмертна, все звучит достаточно логично. Для Маргарет, сомневающейся в бессмертии, это было вдвойне неприятно.

Она осмотрела Баст и убедилась, что той понадобится много времени, чтобы перегрызть веревку. Никуда Баст не убежит, если даже и захочет это сделать. Убедившись в безопасности кошки, Маргарет принесла небольшую миску. Баст посмотрела на содержимое, фыркнула со свойственной кошкам сдержанностью и начала есть.

Вначале у Маргарет возникли проблемы. Баст наотрез отказывалась есть грибы в любом виде. Маргарет с помощью картинок, вызвавших всеобщее восхищение, удалось объяснить это пигмеям. Это их только удивило, потому что пища и грибы были для них синонимами. Молоко? Но нарисовать молоко невозможно. Она попыталась нарисовать корову. Безуспешно. Получилась не просто плохая картинка, изображавшая нечто квадратное с ногами в каждом углу, но она имела скрытый религиозный смысл. Только позже, увидев фигурки Хатор, она поняла, что вступила на опасную почву.

Маргарет снова задумалась. Что едят кошки? Разумеется, рыбу. На этот раз была спровоцирована оживленная дискуссия. Как потом объяснил Гарм, обсуждался вопрос первенства. Законно ли кормить символ Баст символами Хамхит? Тут возникал более практический вопрос: которая из богинь опаснее, а одна из них обязательно будет недовольна, потому что или кошке, или рыбе придется умереть. Головоломку решили просто: рыб много, а кошка одна. Хамхит не станет сердиться, потому что рыбы достаточно для всех!

Пигмеи принесли рыбу. Неприятные уродцы, попавшие в подводные реки и непохожие на то, что когда-то видела Маргарет. Белые и безглазые, миллионы их поколений рождались и жили в темноте. Одно существо, похожее на угря, особенно понравилось Баст.

Убедившись, что у кошки с аппетитом все в порядке, Маргарет теперь могла подумать и о собственной трапезе. Она привыкла к однообразному питанию и ела рубленые грибы с тем же безразличием, с каким дома жевала хлеб.

Гарм сел возле нее, зачерпнул каменной чашей спирта из миски и отпил. Миска стояла здесь только для него. Маргарет всего лишь один раз отведала этого пойла. Оно было значительно хуже водки, сделанной из хлеба. Гарму же оно явно нравилось: сделав несколько глотков, он вернулся к прерванному разговору. В данный момент его больше всего интересовало воспитание животных. Хотя его опыт ограничивался несколькими кошками, собаками, крысами и другими маленькими существами, каким-то образом проникавшими сверху, о других он знал по картинкам и статуэткам.

Первоначальное непонимание понемногу прошло. Маргарет удалось разубедить пигмеев в том, что корова состоит из бычьей головы на женском теле. Старик нашел это сенсационным, но вполне вероятным. Его беспокоила разница между живой собакой и классической фигурой богини Анубис.

— Вы не поклоняетесь животным? — спросил он.

— Нет,— сказала Маргарет.— По крайней мере, в нашей стране,— добавила она.

— А боги не сердятся?

— Не думаю. У нас, видите ли, разные боги.

Гарм задумался. Ему трудно было понять, что есть боги, не ассоциирующиеся с животными, но он все же понял.

— Но животные много едят! Если вы не боитесь богов, почему не убиваете всех животных?

— Мы заставляем их работать на себя.

— Но ты говорила о специальных металлических существах, которых вы заставили работать на себя, они гораздо сильнее людей и животных.

— Да, но иногда дешевле использовать животных, нежели машины.

Гарм с удивлением посмотрел на Баст.

— А что для вас делают кошки?

— Ловят мышей.

— Что такое мыши?

Маргарет тихо застонала и принялась объяснять. Эти разговоры ей всегда давались с трудом. Точек соприкосновения было так мало, что по каждому поводу приходилось давать самые тривиальные объяснения. Более того, ей надоело говорить о животных и хотелось сменить тему. Но с Гармом дело обстояло иначе. Он зубами вгрызался в тему и хотел получить исчерпывающий ответ. Вскоре он, к своему удовлетворению, узнал о существовании таких животных, как домашние любимцы, которые ничего не делают, и что общество защиты прав животных поддерживается в основном любителями этих паразитов. Он, похоже, увидел в этом начало возвращения к милосердию.

— Это говорит о том,— заметил он,— что вы снова начинаете поклоняться животным.

— Это не... это говорит о сублимации,— возразила Маргарет.

Она долго объясняла, что такое сублимация, но, наконец, Гарм понял. Идея ему понравилась. Он пустился в рассуждения об отношениях религии и сублимации и сделал вывод, что поклонение животным становится сильнее.

— Животных, которых называют домашними любимцами, держат без какой-либо видимой причины. Это значит, что в животных находят что-то такое, чего больше нигде нет. Божественный дух. Зная о нем, люди объединяются в благородное общество для того, чтобы проповедовать его, и чтобы другие люди могли узнать о божественном духе.

— Нет. Ты не понял. Тут нет ничего божественного, и вообще, говорят, у животных нет души.

Подобное заявление Гарма шокировало.

— Но они живут!

— Конечно, но люди говорят, что только человеческие существа имеют душу.

— Почему?

Маргарет вынуждена была признаться, что не знает — почему. Гарм торжествовал.

— Это значит, что ваши люди начинают возвращаться к вере. Вскоре они признают, что у животных есть душа.

Да, наверное, они уже знают. Иначе зачем тратят на животных столько времени и средств?

— Вполне возможно,— согласилась Маргарет.

— Нет, ты не понимаешь. Я хочу сказать, что, если бы они считали, что у животных нет души, тогда тратили бы время и богатство на людей, у которых душа есть. Иначе это пустая трата времени и средств. Ты говоришь, вашему миру сейчас трудно. Это неудивительно, потому что вы отвергли богов. Но сейчас, когда вновь появляются их служители, боги снова вам улыбнутся.

— Ох,— вздохнула Маргарет.

Идея спасения мира с помощью общества защиты животных была ей в новинку, но мало вдохновляла.

Гарм, удовлетворившись нынешним статусом животных, был готов перейти к обсуждению других тем. Маргарет поинтересовалась свежими новостями.

— Были ли еще прорывы?

— Нет,— ответил он,— прорывов не было, но когда начала протекать вода, две вентиляционные шахты пришлось закрыть.

Значит, Новое море все еще поднимается. Маргарет задумалась, как долго огромные трубы Кабе будут лить свои миллионы галлонов. Некоторое время серьезных прорывов не было, но такая возможность сохранялась. Тяжесть воды медленно и неумолимо находила слабые места и прорывалась сквозь них. Пока с ней боролись, заблокировав отдельные туннели, но заодно перекрывались и отверстия воздуховодов. Как много сотен естественных вентиляционных систем они заблокируют прежде, чем давление воздуха в жилых пещерах станет невыносимым? Каждый раз, когда она слышала, что еще одним проходом стало меньше, ей казалось, что в пещерах стало более душно. Похоже, вопрос стоял так: кто нанесет последний удар — удушение или затопление?

Конфигурация пещер ее озадачивала. Однажды Маргарет удалось улизнуть от своих охранников, и она пробралась в пещеру, куда они попали с Марком. Она стояла на вершине склона и смотрела на «Солнечную птицу», по-прежнему лежащую там, где ее пришвартовал Марк. Как

давно это было? Но вода больше не заливала пещеру. Отверстие было заблокировано. Только струйка, такая тоненькая, что она вряд ли могла вызвать волнение воды, текла по туннелю, по которому когда-то и они мчались к отверстию в противоположной стене. Пещерное озеро было совершенно спокойным.

Глядя на каркас искалеченной «Солнечной птицы», Маргарет испытывала искушение. Так легко было бы пробежать по склону, прыгнуть на борт и тронуться в путь. Разумеется, лучше было бы войти в другой туннель и рискнуть, чем продолжать существование среди пигмеев. Вероятно, побег не удастся, но разве это имеет значение? Просто умереть немного раньше, погибнуть при попытке, не ждать здесь и потом утонуть. Может быть, ей посчастливится выбраться наверх да еще и спасти это подземное место и его обитателей... И Марка. Она воображала, как будет спорить с чиновниками, дергать за все нити, пока, наконец, насосы Кабе не перестанут работать. Вниз будет послана экспедиция, чтобы спасти Марка и других обитателей тюремной системы.

Она долго смотрела, но хотя фантазия ее парила высоко, тело отказывалось двигаться. Она боялась, но это не было единственной причиной ее колебания. Ее удерживало чувство, что она может быть полезной здесь, что кто-то, может быть, Марк, нуждается в ней, и она окажется дезертиром. Убежать одной никак нельзя, предприняв такую попытку, она разрушит шансы остальных. Все было неясно, но манило непреодолимо. Вздохнув, она отвернулась от «Солнечной птицы» и отправилась искать своих обезумевших охранников.

Она знала, что были другие прорывы после того, который поглотил их с Марком, и все же «Солнечная птица» плавала фактически на том же уровне, что и раньше. Это озадачивало. Она решила расспросить Гарма, не открывая причин. На этот раз они говорили с трудом, но, насколько она поняла, он ответил:

— Пещеры расположены на многих уровнях. Часто они похожи на глубокие дыры, связанные туннелями. Только там, где полы связанных пещер находятся на равной или

почти равной глубине, туннели начинаются и кончаются на том же уровне. Часто было удобнее обрезать вход в скалу и делать наклонный уступ. Так можно значительно сократить работу над туннелем. Иногда встречались трещины и более твердые породы, которые приходилось обходить. Регулярности не было. Хотя в результате некоторых прорывов вода проникла на более низкие уровни, остальные, похожие на колодцы пещеры остались сухими. Нам удалось остановить воду прежде, чем она добралась до боковых туннелей и затопила их. К счастью, нас там было немного, удалось спасти почти всех.

Ей пришлось отступить, хотя многое оставалось неясным. Почему, например, слабый поток все-таки течет в пещере, где стоит «Солнечная птица»? Может быть, вода пробирается на нижний уровень? Если это так, почему пигмеи ее не остановят? Возможно, вода прорвалась где-то за пределами системы пещер пигмеев, но поток еще не соединился с подземной рекой, уже текущей по пещере. В конце концов она вздохнула и сдалась: в этом непостижимом месте столько проблем оставались нерешенными!

Она с облегчением узнала, что за последнее время прорывов не было. Каждый раз, когда она слышала о прорыве, ее сердце билось учащенно. Облегчение наступало после известий, что тюремным пещерам ничто не угрожает. Сначала Маргарет сердилась на себя за невольную тревогу. Она еще не простила Марку убийство пигмеев. Внезапное проявление насилия шокировало ее больше, нежели само насилие. Она уже давно не могла представить Марка без трогательно распростертых перед ним тел, похожих на детские.

Маргарет бессознательно заняла позицию пигмеев. Жизни были потеряны, это несчастье, но ничего тут уже не поделаешь. Никто не требовал крови убийцы, никто не намекал, что тот мог бы действовать иначе. Пигмеи, казалось, придают акту смерти гораздо меньше значения, нежели ее народ. Или она не права? Разве ее народ не превращает редкие формы смерти в сенсацию? Одно убийство, пусть даже оправданное, вызывает больше негодования и огласки, чем сто роковых дорожных происшествий. Но

очевидно, в расчет принимается способ, а не само действие, иначе не было бы разницы между повешением по закону или частными лицами. Все знают, что закон может многое из того, что не позволено обычному гражданину. Да, на эмоции людей действует именно способ. Если вам пришлось пристрелить человека потому, что он представлял опасность для общества, то все придут в ярость, но если вы убили образцового гражданина, нарушив правила движения, это никого особенно не обеспокоит. Все это сбивало с толку...

Внезапно выяснилось, что пигмеи не понимают этих различий, они, похоже, всякую смерть называют смертью от несчастного случая. В конце концов смерть так же естественна, как и рождение, и любой образ жизни только приближает ее наступление. Каждый приговорен к смерти с самого рождения, и изменить тут ничего нельзя.

Проходило время, и образ убитых пигмеев уже не так впечатлял. Отвращение от неожиданной жестокости Марка исчезло... По крайней мере, мысль о жестокости теперь не шокировала. В самом деле, нашлись аргументы в пользу грубости, разумеется, в малых дозах...

Гарм оборвал ход ее мыслей.

— Нам пора идти,— сказал он.

Маргарет давно уже не удивлялась, что все в мире временно. Она встала, подошла к Ба́ст, взяла ее и развязала веревку. Гарм одним глотком допил остатки спирта и направился к туннелю.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Поклонение Баст происходило в одной из больших пещер. Была проделана огромная работа, чтобы это помещение стало достойным богини. Обычай пигмеев сглаживать только самые острые углы и вырубать только опасно нависающие камни не делал пещеру похожей на божественное святилище. Следуя аксиоме, что хорошее помещение бестелесному духу нужней, чем собственной плоти и крови, пигмеи сделали все, что могли. Стены пещеры были выров-

нены и украшены барельефом. Широкие полосы живописных изображений, чередующиеся с узкими полосами условных рисунков, окружали зал от пола практически до потолка.

Маргарет подозревала, что на более широких полосах запечатлены страницы истории, но даже если это так, они предназначены для умов очень одаренных зрителей. Часто угловатость делала изображения не более информативными, чем геометрические фигуры над и под ними. Кое-где были изображены группы людей, в которых можно было угадать стрелков из рогаток, некоторые картины посвящались победам и поражениям, но взаимосвязь этих событий, если она вообще существовала, не улавливалась.

Гарм ничего не объяснял. Эти события давно преданы забвению, и связь между ними была утеряна. Для него и всей его расы эти фигурки были просто украшениями. Он знал только, что барельеф сделан его народом, так как фигурки изображали пигмеев. Кроме того, наблюдательная Маргарет заметила, что глаза изображены в фас, а лица в профиль, как у египтян, и что скупые краски нанесены умеренно, но очень искусно. Рассмотрев изображения повнимательней, она лишний раз убедилась, что раса стремительно вырождается.

В дальнем конце пещеры стояла огромная статуя богини Баст, конкретное свидетельство чуждого влияния. Громоздкая фигура сидела на троне. Прямая и величественная, она смотрела на пещеру, одной рукой сжимала трещотку, а другой щит. Чтобы подчеркнуть ее величие, скульптуру высотой в шестьдесят футов подняли на возвышение. Узкая лестница вела к алтарю, установленному между гигантскими ногами. Вероятно, на открытом воздухе, где-нибудь в египетских песках между двумя гигантскими величинами — пустыней и небом, эта фигура не произвела бы такого впечатления, но здесь, в замкнутом пространстве пещеры, она подавляла.

Скульптор, изобразив по обе стороны кошек высотой в двадцать футов, придал самой богине человеческий вид. Если бы он увенчал ее кошачьей головой, эффект получился бы устрашающим, но скульптор наделил ее мудрым

добродушием и миролюбием, и они смягчали чувство страха, внушаемое размерами. Взгляд на богиню, как ни странно, вселял чувство уверенности. Ее пропорции говорили, что Баст не из расы пигмеев. Маргарет думала, что эту работу выполнил какой-то пленник, более счастливый, чем она. С разных ракурсов она могла прочесть на каменном лице и в широких, спокойных глазах сострадание и, вероятно, тоску, словно невольничья жизнь художника ожила в камне.

Когда они вошли, толпа расступилась, оставив проход к лестнице. Гарм отступил, пропустив Маргарет перед собой. Она на мгновение остановилась, взглянула на Баст и, подняв лицо к статуе, медленно, с достоинством пошла вперед. Это всегда была самая мучительная часть церемонии. То, что Маргарет, на взгляд пигмеев, одета в почетную мантию, ничуть не придавало ей уверенности в себе. Ей казалось, что испачканный костюм стал еще грязнее, чем на самом деле. Ей остро не хватало юбки. В такой одежде есть изящество и ритм, в ней можно *двигаться*. А в брюках ходишь напыщенно или широкими шагами, достоинство достигается с большим трудом.

Пигмеи, мимо которых она проходила, почтительно кланялись, но не ей, а кошке, которую она держала в руках. Баст со свойственным кошкам отрешенным высокомерием взирала на окружающих. Сегодня пещера была заполнена больше, чем обычно. У Маргарет возникло чувство, будто толпа чего-то ожидает, не возбужденно или тревожно, но единодушно. Со времени своего пленения она всего лишь раз видела такое проявление эмоций, вызванное общим страхом перед наступлением воды. Но сейчас дело не в этом, ведь Гарм утверждал, что прорывов не было. Должно быть, случилось что-то такое, о чем она не знала. Маргарет раздражало, что ее не посвящают в ход событий. Гарм ничего ей не рассказал, и это обидно: в конце концов здесь случается так мало интересного. Эта цензура просто нестерпима...

Поднявшись по лестнице, она остановилась, опуская кошку на алтарь. Дальнейшие обязанности в качестве служительницы состояли в том, чтобы закрепить веревку и

почтительно поклониться. Затем она удалилась, предоставив поле деятельности Гарму.

Из-за ноги статуи, спрятавшись за изгибом огромной каменной лодыжки, Маргарет рассматривала скопление народа. Толпа, несомненно, была больше, чем обычно. Сотни молчаливых пигмеев — мужчин, женщин и детей — стояли и слушали возвышенную речь Гарма. Они следили за кошкой, потерянно бродившей взад-вперед по камню. Торжественное благоговение, которое вызывала в них Баст, в первые дни удивляло и забавляло Маргарет. Но теперь удивление прошло. Сам факт, что жизнь приняла другую форму, должен впечатлять тех, кто редко видит животных, если вообще видит. В разнообразии форм есть что-то волшебное, хотя разве сама жизнь не есть волшебство? Просто Маргарет повидала всяких животных, а от того, что чудо существования так знакомо, оно перестает казаться чудом. Для этих же людей, не знавших ничего, кроме себя самих, изобилия грибов и рыбы, простая кошка стала чем-то таинственным. Если бы одна из каменных кошек возле статуи ожила и спрыгнула с камня, они бы удивились, но не посчитали такое событие невероятным. Маргарет поразилась бы гораздо больше, нежели они. Кошка в их глазах была ожившим изваянием, неудивительно, что они перед ней благоговели, поклоняясь богине Баст, которая смогла вдохнуть жизнь в свой символ.

Маргарет переключила внимание с толпы на Гарма. Его речь была молитвой, отчасти льстивой. Она была обращена к кошке, как к посреднице между пигмеями и богиней. Язык пигмеев, как и большинство примитивных языков, представлял собой игру интонаций, и беспокойное поведение кошки объяснялось большим количеством пронзительных звуков. Знаний Маргарет оказалось достаточно, чтобы разобрать основной смысл речи жреца.

Богиню молили о помощи. Разумеется, они ее заслужили. Разве они не относились со всем почтением к ее символу, рискуя навлечь на себя неудовольствие Хамхит? Если не сделано что-то важное, то это не нарочно, а по невежеству их низменных, презренных умов. Из всех богинь Баст была самой великой, никто из всей небесной иерар-

хии не мог с ней соперничать. Символ любого другого бога не был таким грациозным, отрешенным и полным спокойного презрения ко всему человечеству. С Ибисом, воплощением Тота, у них нет никаких отношений, как и с самим Тотом, потому что людям не к лицу стремиться к мудрости богов. Может быть, шакал Анубис ждала их, но Анубис мало чем могла помочь...

Прославление Баст продолжалось, звучало пренебрежение ко всем богам. Всем, за исключением, конечно, Ра. Вероятно, пигмеи надеялись, что Баст не заметит этого упущения. Даже заискивание перед ней не исключало риска внезапной темноты.

Молитва продолжалась. Было брошено несколько уместных замечаний относительно падения рождаемости: «Наши отцы были многочисленны, как споры тысяч грибов, они заполняли пещеры с нижних уровней до верхних. Мы — остатки, сморщенные и ссохшиеся, как грибы в пустом месте», — но главная цель речи так и осталась скрытой.

Маргарет забеспокоилась. Церемония длилась дольше, чем обычно. Кошке надоело прогуливаться, и она уютно свернулась клубочком в середине алтаря. Гарм продолжал:

— ...А теперь мы умоляем Баст благословить нашу работу. Может быть, это разрушение, но мы надеемся, что наша конечная цель не разрушение, а спасение. Так как мы выполняли приказы, не растрачивали жизнь попусту и скорее брали в плен, чем убивали, мы просим о помощи. Неужели когда-нибудь будет сказано, что Баст допустила разрушение? Мы верим, что Баст никогда не покинет свой народ. Мы почитаем ее справедливость, милосердие, понимание, непостижимость. Неужели она не придаст нам своей мудрости, ума, непреодолимого могущества?

Гарм низко поклонился. Пигмеи опустились на колени и приложились лбами к полу. Старик продолжал бормотать распевную молитву о благословении. Он молился менее благоговейно, чем остальные. Все чувствовали, что жрец подходит к богине, зная ее обязанности по отношению к своему народу. На лице Гарма легко читалось: «Мы все сделали правильно, теперь твое дело не подвести нас». Концепция сделки очевидна, она высказана почти открыто.

Маргарет сделала одно интересное открытие. Ей стало любопытно, почему пигмеи с их легким отношением к смерти все-таки берут пленных. Теперь это выглядело, как прямое исполнение желания богини. За ним не крылось никакой гуманности, лишь слепое подчинение религиозным правилам. Будь они стеснены в пространстве, закон сразу бы потерял силу, но раз места много, то и проблем нет, пленники могут жить самостоятельно. Вероятно, они с Марком должны благодарить давно умерших египетских миссионеров, которые возвели храм, за то, что те включили в статьи веры закон о сохранении жизни пленников.

Но смысла сегодняшней службы Маргарет не понимала. В голосе Гарма отсутствовала покорность, но слышалось куда больше мольбы, чем в обычных официальных молитвах. Она оглядела сотни обнаженных белых спин. Ни одного тела со здоровой, блестящей кожей. Ее взгляд дошел до самого заднего ряда. Вдруг она напряглась, подалась вперед и выглянула из-за подножия камня. Маргарет открыла рот, но вовремя подавила возглас.

Возле входа стоял гигант, во всяком случае, таким он казался на первый взгляд. Она так привыкла к размерам пигмеев, что было трудно воспринимать его, как нормального человека. Ее сердце болезненно забилось от внезапного возбуждения, она прижала руку к груди. Но это был не Марк. Внезапный порыв тошноты, вызванной шоком и разочарованием, заставили ее прислониться к камню. Она заставила себя всмотреться в отдаленную фигуру и выпрямилась, чтобы разглядеть ее во всех подробностях. Абсурдно, что она едва не приняла этого человека за Марка. Незнакомец был смуглым и бородатым. Даже одежда не напоминала одежду Марка, на нем были лохмотья мундира...

Но что он здесь делает? Почему пигмеи не взяли его в плен? Невозможно, чтобы кто-то смог проникнуть сюда незамеченным... Или он сбежал? Нет, это уже явный абсурд. Но его присутствие здесь удивительно! Гарм говорил, что все пленники, кроме нее, содержатся в тюремных пещерах. Попадая туда, они остаются навсегда. Но тогда...

Маргарет отбросила все мысли и продолжала наблюдать. Незнакомец стоял, лениво прислонившись к стене,

казалось, происходящее вызывало у него лишь терпеливую скуку. Очевидно, он не боялся пигмеев. Но почему?

Молитва Гарма подошла к концу. Он призвал толпу провозгласить божественность Баст. Тонкие голоса пигмеев разносились по пещерам, как шум высокого ветра. Кошке наскучило слушать эти писки, и она принялась ходить по алтарю, жалобно мяукая. Гарм замолчал, подняв обе руки, он кое-что знал о ценности театрального эффекта! Во всей огромной храмовой пещере не было слышно ни одного звука, кроме тонкого голоска кошки.

Пигмеи ушли, и Гарм вместе с ними. Из сотен людей, заполнявших храм, остались только четыре охранника Маргарет. Но незнакомец в дальнем углу не исчез. Он стоял у стены и смотрел на редеющую толпу пигмеев. Те видели его, но особого внимания не обращали. Только когда последний из пигмеев исчез в туннеле, бородач лениво подошел к статуе. Маргарет ждала, наблюдая за его неторопливой походкой с дурным предчувствием. Никакого страха не было, просто чувство, что случилось что-то неприятное. Его непринужденность казалась совершенно неуместной.

Незнакомец выглядел довольно непривлекательно, но, напомнила она себе, так выглядел бы любой, только что сбежавший из тюремных пещер. Лохмотья мундира свисали и колыхались при ходьбе. Пиджак без пуговиц был просто накинут, позволяя видеть очень мускулистые, но не слишком чистые грудь и живот. Копна черных волос, на желтоватом лице темные глаза, смотрящие прямо на нее. Рот завешан неровными клоками бороды и усов.

Запрокинув голову, он смотрел на спокойное каменное лицо. Она увидела, как сверкнули белые зубы, когда он иронически улыбнулся. Незнакомец без колебаний начал подниматься по лестнице. Маргарет бросила взгляд на своих охранников. Они наблюдали за человеком с неприкрытым любопытством и, разумеется, без враждебности. Он приблизился и на мгновение перевел взгляд на кошку. Протянул руку и нежно погладил ее. Выражение лица охранников стало почтительным: было ясно, что этот человек

в хороших отношениях с богиней. Кошка замурлыкала и потерлась о его руку. Снова посмотрев на Маргарет, он сказал:

— Приятная работа, да? — по-английски он говорил хорошо, но с сильным испанским акцентом.

Он оглядел Маргарет с ног до головы, и ей это не понравилось. Она почувствовала себя более обнаженной, нежели тогда, когда плавала, чтобы произвести впечатление на пигмеев. Она пыталась отделаться от чувства неловкости, которое ей внушал незнакомец. Как нелепо, что она испытывала это чувство к первому человеку, подобному себе, увиденному... За сколько же? За очень долгое время!

— Кто вы? — спросила она.

— Мигель Сальвадес. А вы мисс Лон?

— Откуда вы знаете?

Мигель пожал плечами.

— В тюремных пещерах мало новостей, и когда что-то происходит, об этом знают все. Когда такая красивая леди содержится здесь, а не с остальными, то очень интересно всем!

— Так вы видели Марка? Скажите, как он?

— Теперь хорошо. Долгое время ему было плохо. Думали, что он умрет.

Маргарет тоже так думала. Как эти пигмеи били его! Она бросилась на них, пытаясь помочь, пока ее не оттащили прочь. Последний раз она видела его избитым и истекающим кровью, беспомощно распростертым на земле. Только неоднократные уверения Гарма, что Марк действительно остался жив после того избиения, слегка успокоили ее.

— Никаких тяжелых последствий? Ничего не сломано?

— Когда я видел его в последний раз, он выглядел совсем неплохо.

Она слегка успокоилась и могла теперь говорить не только о судьбе Марка.

— А как получилось, что вы не пленник? — спросила Маргарет.

— Я пленник. Нахожусь здесь уже четыре года.

— Нет, я имею в виду, как вы оказались здесь? Как вам удалось выбраться из тюремных пещер?

— Меня выпустили. Они не думают, что я могу причинить какой-нибудь вред.

— Только вас?

— Да, только меня.

Маргарет нахмурилась. Он умышленно уклоняется от ответа или просто глуп? Но Мигель не производил впечатления глупого человека. Она предприняла еще одну попытку.

— Но почему они вас выпустили? Я думала, что всех пленников всегда держат внизу?

— Кроме вас? Да, это так. Но я сумел оказать им услугу. Мы заключили сделку. Они позволят мне перебраться сюда, если я сделаю то, что они хотят.

— И что же это было?

— Всего лишь кое-какая информация.

Последний ответ он произнес с твердостью, исключавшей дальнейшие расспросы. Маргарет это рассердило. Ей не терпелось узнать, какая важная информация достойна такой сделки. Знания, которыми она время от времени пыталась поделиться с маленькими человечками, никогда не вызывали у них энтузиазма. Во всяком случае, Мигель, на ее взгляд, пока добился немногого. Лично она предпочла бы жить в тюремных пещерах в обществе себе подобных. Так она ему и сказала.

— Но я не собираюсь здесь оставаться. Я собираюсь убежать!

— Как?

Он пожал плечами.

— Я должен сначала осмотреться, все проверить. Всегда должен найтись выход.

Маргарет разглядывала его, раздумывая, как он собирается убежать. Насколько она понимала, вряд ли убежать отсюда легче, чем из тюремных пещер. Здесь были отверстия, вентиляционные шахты и сотни трещин, но пигмеи станут следить за ним, как следят за ней. Может быть, они отсталая, примитивная раса, но не дураки. Они, должно быть, понимают, почему он совершил сделку ради жизни во внешних пещерах.

— Гарм говорил мне,— сказала она,— что отсюда никто никогда не убегал.

— Я знаю, что так говорят, но... А кто такой Гарм?

— Старик, который только что читал молитвы. Он рассказал мне, что случилось с последним человеком, который совершил такую попытку.

— И что же?

— Тот начал взбираться по вентиляционной шахте. Они позволили ему немного подняться, а потом внизу развели большой костер. Не выдержав дыма и жара, он упал в огонь, а они не потрудились его спасти.

— Понятно. Они избавились от него, но никто не смог обвинить их в убийстве. Прекрасно.

Похоже, такая перспектива ему не улыбалась.

— Значит, вы не намерены лезть в шахту?

— Я должен осмотреться,— повторил он.— Насколько я вижу, спешка ни к чему: днем больше или меньше не в счет на фоне четырех лет. Надо все тщательно обдумать. Я должен выбраться с первой попытки, второго шанса не будет.— Он посмотрел в полные сомнения глаза Маргарет.— Хоть какой-то луч света, да?

— Что вы имеете в виду?

— До сих пор вы только и делали, что говорили мне, этого никогда не было и не будет. Можно подумать, вы заодно с этими маленькими дьяволами!

— Простите, но... Видите ли, сначала я ни о чем не думала, кроме побега. Затем мне стало ясно, что это безнадежно. Немного трудно снова стать оптимистом. Похоже, у вас даже нет плана...

— Может быть, и есть. Мне же удалось спланировать побег из тюремных пещер!

— Но сейчас вы все равно в тюрьме!

Он предпочел пропустить мимо ушей ее последнее замечание.

— А вы не пытались прорваться наверх?

Маргарет помотала головой.

— Сначала я об этом думала, но кое-что меня удержало.

— Что вы имеете в виду? — спросил озадаченный Мигель.

— Просто чувство, что если я это сделаю, то совершу ошибку. Я не уверена в благополучном исходе. Если я потерплю неудачу, то и остальных лишу возможности побега.

— Я не совсем вас понимаю.

— Вы знаете, как мы сюда попали?

Он кивнул.

— На обломках разбившегося самолета, не так ли?

— Да, мы его оставили в пещере. Сквозь нее течет какой-то поток, но я не знаю куда. Я думала, что если немного пройду вниз по течению, мне удастся выйти за пределы пещер, принадлежащих пигмеям, туда, где они не смогут меня поймать. Я понимаю, все это звучит довольно глупо. Собственно, это был не совсем план, просто идея.

— Думаете, этот поток выведет вас за пределы обитаемых пещер?

— Может быть. Должен же он куда-нибудь вести.

Мигель ничего не сказал, он погрузился в собственные мысли.

— Один человек обязательно должен отсюда выбраться,— продолжала она.— И как только об этом месте узнают, сюда пошлют экспедицию, которая спасет всех нас. Если вы или я...

Она, поколебавшись, посмотрела на него. В конце концов почему нет? Больше всего она боялась того, что ей не хватит сил для того, чтобы убежать. Мигель же далеко не слаб. Это крепкий, выносливый мужчина, которому по плечу любые трудности. Почему бы ему не рискнуть вырваться на «Солнечной птице»? Он принял предложение не слишком охотно.

— Вы предпочитаете, чтобы рискнул я, а не вы?

— Нет, не совсем. Я сказала, что не уверена в своей удаче.

Мигель по-прежнему не проявлял энтузиазма. Но в глазах у него появился блеск, которого Маргарет не заметила.

— Разве вы не видите? — продолжала она.— Это тот самый шанс, который вы ищете. Пигмеи не знают о существовании «Солнечной птицы». Они бы с самого начала стали в тупик. Пока бы они искали в вентиляционных шахтах, вы могли бы уплыть на много миль. Вы должны воспользоваться этим шансом, нашим общим шансом!

Но Мигель, похоже, продолжал сомневаться.

— А откуда мне знать, возможно ли найти выход?

— Но разве игра не стоит свеч? Ну, пожалуйста, пожалуйста, попытайтесь! Мы зависим от вас, все эти люди в

тюремных пещерах. Если вам удастся побег, вы спасете не только себя, но и всех нас!

— Но как я найду эту «Солнечную птицу»? Где она?

— Я не могу описать дорогу к ней, но могу показать!

Казалось, Мигель почти согласился. Он с сомнением взглянул на охранников.

— Нам придется от них избавиться.

— Я смогу перехитрить их. Как-то в одной из грибных пещер мне это уже удалось.

— Когда мы сможем отправиться? — Мигель вдруг заговорил резче.— Сейчас?

Маргарет заколебалась. Почему бы и нет? Они могли бы пойти окольным путем и ускользнуть от охранников.

— Да,— решила она.

Она взяла кошку и повернулась к лестнице, но вдруг остановилась. Вернулся Гарм, а с ним еще несколько человек. Она поспешно повернулась, чтобы предупредить Мигеля.

— Будьте осторожны с Гармом, он немного понимает по-английски! — Она быстро приняла решение.— Придется отложить! Мы не сможем справиться со всеми. Как-нибудь в другой раз.

Она повернулась к старику. Он не обрадовался встрече с Мигелем, но ничего не сказал. Маргарет хотелось бы знать, догадался ли жрец, что они говорили о побеге. Вероятно, догадался; тема так и просится на язык.

Она спустилась навстречу Гарму. Его приветствие было немного короче, чем обычно. Взгляд, который он, наконец, бросил на Мигеля, был далеко не дружелюбным. Мигель улыбнулся. По мере того, как они с Маргарет шли по длинному храму, его улыбка стала еще шире.

Слишком странным было это веселье для человека, который только что упустил шанс на спасение...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Нелегко назначить встречу там, где возможностей мало, а время не имеет значения. Насколько Маргарет смогла обнаружить, в пещерах только четыре события совершались с

завидной регулярностью: периоды ее сна, поклонение Баст, созревание грибов и период беременности. Для назначения времени свидания последние два пункта были бесполезны, а первый не зависел от внешнего мира. Пришлось планировать встречу, принимая во внимание Баст. Но даже и тут возникли трудности. С тех пор как Гарм попросил помощи у богини, ровное течение жизни пигмеев нарушилось. В пещерах теперь царило оживление, совершенно не свойственное подземным жителям. Обращения к Баст стали теперь многолюдней и короче, в них слышалось больше лести.

Только через четыре «дня», судя по периодам ее сна, они снова встретились с Мигелем. Будь этот срок покороче, ход событий мог бы стать совсем иным. Мигель встретил женщину, которая глядела на него новым, недоверчивым взглядом.

Маргарет говорила с Гармом. Два необычных происшествия за столь короткий срок: особая молитва Баст и появление Мигеля пробудили в ней любопытство, она обратилась за разъяснениями к старику. Гарм объяснил. Он выставил Мигеля в нелестном для того свете, что усилило сомнения Маргарет. Действительно ли Мигель не хотел воспользоваться для побега «Солнечной птицей»? А, может быть, он хотел отвести от себя подозрения, старясь, чтобы предложение исходило от нее?

Вероятно, она ошиблась. Если бы Мигель пришел и открыто заявил, что хочет воспользоваться «Солнечной птицей», разве бы она отказала? Вряд ли. Тогда почему он этого не сделал? Она пыталась поставить себя на его место, но безуспешно. Ее это не очень удивило, потому что Мигель, насколько она поняла, предпочитал прятать даже простейшие поступки за завесой таинственности.

Во время второй встречи он обратил внимание на ее изменившийся взгляд. Неужели она что-то заподозрила? Но что? Пусть заговорит первой, это будет безопаснее.

— Значит, вы попали сюда, бросив своих друзей? — начала она.

По лицу Мигеля скользнула гримаса раздражения.

— Вы сообщили пигмеям о туннеле, не так ли?

— Кто вам это сказал?

— Я спросила Гарма, почему вам позволили перебраться сюда, и он мне рассказал.

— Вы верите этой маленькой обезьянке?

— Верю.

Мигель презрительно фыркнул.

— Что еще он вам наплел?

Маргарет проигнорировала вопрос. Она холодно взглянула на него.

— Если это не так, то какова правда?

— Значит, вы верите всему, что говорит каждая маленькая свинья, да?

— Что вы сделали? — повторила она, и Мигель опустил глаза.

— Да, я им рассказал,— признался он, наконец.

— Вы сыграли дурную шутку с вашими друзьями.

— Они не были моими друзьями. Они работали только на себя.

— Но для вашей пользы. Если бы они построили тоннель, это означало бы не только их свободу, но и вашу!

— Если бы они построили свой туннель! — рассмеялся он.— Как будто они могли его когда-нибудь построить! Разве вы не знаете, как давно они пробивают ход? Годы, а другие люди трудились задолго до них! Эти дураки никогда его не прорoют! Надорвут кишки на работе, которая никогда никому не принесет пользы!

— Значит, вы свели на нет годы работы многих людей, рассказав все пигмеям?

— Ну, а кто бы отказался от такого шанса?

Маргарет с презрением посмотрела на него.

— Шанс! Вы разбили все их надежды выбраться отсюда, даже не имея плана дальнейшего продвижения! Просто понадеявшись на удачу!

— А вот тут вы ошибаетесь! План у меня был.

— Да, завладеть «Солнечной птицей»! Почему бы не сказать это прямо?

Мигель смутился.

— Вы бы не согласились!

— Да нет, согласилась бы, но теперь я в этом сомневаюсь.

— Вы?..— Мигель нахмурился.

— Что вы будете делать, когда выберетесь? Однажды вы уже предали своих друзей... Я очень сомневаюсь, что риск оправдан!

С ее стороны это была простая риторика. Она не собиралась скрывать, где находится «Солнечная птица», хотя и ощущала глубокую неприязнь к Мигелю. Однако он воспринял угрозу всерьез, испугался.

— Что вы имеете в виду? Она мне нужна! Вы что же думаете, я собираюсь гнить из-за вас в этой вшивой дыре? Чем скорее вы меня к ней приведете, тем лучше для вас!

Внезапно в его взгляде отразилась паника. Он понял, что в ее власти расстроить все планы и оставить его здесь до конца дней. Разумнее было бы держаться более покладисто, но тревога захватила его врасплох.

Маргарет тоже нахмурилась. Она не боялась его, но ее удивил безапелляционный тон мужчины. Он не соответствовал обстоятельствам, такого порыва можно было ожидать от человека, загнанного в тупик, а не от того, кто отправился с миссией спасения. Однако она не все знала. Во-первых, его отношения с пигмеями были не так просты, как он старался показать. Закрыв туннель, они вполне могут посадить его обратно в тюремные пещеры. Это будет неприятно. Друзья, которых он оставил на растерзание пигмеям, не станут ждать его с распростертыми объятиями, если он упустит свой шанс, а месть Смита, Эда и остальных будет такой, что мало не покажется. Мигель обладал хорошим воображением, когда дело касалось неприятностей. И сейчас сообразил, что поражение пигмеев тоже вполне возможно. Предположим, пленники прорвутся! Предположим, Зикль или кто-нибудь другой отправится по туннелям, чтобы наказать предателя! От этой мысли он покрылся холодным потом. Он должен завладеть «Солнечной птицей» и поскорее улизнуть! Мигель по-прежнему смотрел на девушку безумными глазами. Она спокойно спросила:

— А когда вы выберетесь? — Увидев, как он смутился, она продолжала: — Что тогда вы собираетесь делать? Кому вы сообщите о нас?

Мигель ответил что-то явно невразумительное. Ему самому свои слова показались неубедительными. Надо при-

думать что-нибудь более весомое. Проклятая женщина! Маргарет позволила ему споткнуться.

— Значит, вы никогда об этом не думали,— отрывисто произнесла она, когда он закончил.— Может быть, вы и не намеревались подумать об этом? Мне кажется, вы просто хотите спасти свою шкуру, вам наплевать, если остальные умрут здесь!

Отношение Мигеля было именно таковым, и потому его протесты, пусть и очень горячие, звучали неубедительно. Он все больше сердился, отчасти на Маргарет, отчасти на себя. Надо было все разузнать в прошлый раз, он, собственно, и считал, что все решено. Он не мог и подумать, что Гарм расскажет ей всю историю. Мигель досадовал на себя, он сознавал, что все обернулось бы по-другому, если бы сейчас он избрал иную тактику.

Разумеется, она права. Он надеялся, что остальные здесь умрут. Мигель никогда не стремился к славе. Если ему удастся убедить власти в существовании пигмеев (что само по себе нелегко), он окажется в лучах славы. Самые различные люди, годами разыскивающие его, тотчас же изловят беглеца с самыми роковыми для него последствиями. Если они не поверят в почти неправдоподобную историю, приключившуюся с ним, то пошлют в штрафной батальон, как дезертировавшего из Легиона. С него хватило самого Легиона. От мысли же о штрафном батальоне его тошнило. Он слышал кое-какие истории... Ему хотелось возвратиться без шума и огласки.

Маргарет убедилась, что он не собирается делать ничего, чтобы помочь пленникам. По ее лицу Мигель видел, что она не верит ни единому его слову. Губы ее были упрямо сжаты. Она поняла, что если он завладеет «Солнечной птицей», они о нем больше не услышат. Мигель сообразил, что зашел слишком далеко. Он обуздал свою ярость и сменил тактику.

— Вы мне не верите,— с горечью произнес он.

— Ни одному слову,— согласилась Маргарет.

Он был в отчаянии, однако шанс еще оставался.

— Почему бы вам тоже не отправиться со мной? — начал он.

Первым порывом Маргарет было отклонить это предложение, но она задумалась. Он объяснял свои трудности

откровенно и правдоподобно. Его позиция впервые стала понятной. Вступив в контакт с властями, он, несомненно, окажется между дьяволом и преисподней.

— С вами дело обстоит иначе,— заметил он.— Вы сможете поднять англичан и французов, чтобы вызволить отсюда всех пленников.

Эта мысль соблазняла. Чем больше Маргарет размышляла, тем привлекательнее она ей казалась. Когда и если они отсюда выберутся, то Мигель может исчезнуть, и ей тогда предстоит доложить обо всем властям. Трудности, пугавшие ее раньше, станут менее значительными, если рядом с ней будет спутник. Даже если их ждет неудача, то, по крайней мере, она попытается. Главным аргументом «против» был сам Мигель. Он был каким-то скользким. Изворачивался там, где не было необходимости. Почему он раньше не мог сказать, что боится властей? Нет, ему нельзя верить! Нет никакого сомнения в том, что он предал обитателей тюремных пещер, как и в том, что он, если потребуется, предаст кого угодно.

С искушением пришло чувство ответственности. Если в самое ближайшее время ничего не предпринимать, потом может оказаться слишком поздно. Никто не мог сказать, где произойдет прорыв, который затопит всю систему. С другой стороны, если Мигель готовит новую уловку, это разрушит последние надежды. Он все еще продолжал убеждать ее, но она вряд ли слышала. Маргарет вовсе не собиралась принимать поспешное решение. Надо все обдумать.

Ее нерешительность приводила его в бешенство. Он ругался, спорил и угрожал, но Маргарет оставалась непреклонной: ей нужно время.

Она ушла со своими четырьмя охранниками, оставив его дрожать от ярости и бессилия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В следующую «ночь» Маргарет мало спала. Она лежала, снова и снова с тревогой обдумывая свою проблему. Ее ум был отягощен обязательством и соображал медленно.

Теперь она смотрела на «Солнечную птицу», как на основное средство спасения: погубить ее означало потерять все! Если бы речь шла о ком угодно, кроме Мигеля, она без колебаний пошла бы с ним или даже позволила уйти одному. Но Мигель есть Мигель, и никакие пожелания его не изменят. Почему из сотен человек, находящихся в тюремных пещерах, сюда попал именно он? Ответ был очевиден. Если бы попал не Мигель, то кто-нибудь вроде него. Только очень беспринципный и безжалостный человек мог заключить такую сделку с пигмеями.

Что остановит его в дальнейшем? Зачем ему соблюдать условия договора, если его не держат никакие моральные принципы? Стоит им тронуться в путь, он просто перекинет ее за борт и утопит.

Маргарет стало не по себе. Да, это была бы детская игра. Такой исход полностью удовлетворил бы его. Маргарет почти читала его мысли: эта женщина может случайно сообщить о нем властям или же расскажет как о свидетеле истинности ее истории. Зачем рисковать? Проще избавиться от нее во избежание проблем.

А затем?.. Не только она лишится жизни, но и исчезнет «Солнечная птица»...

Неужели нет никакого способа заставить Мигеля соблюсти условия договора?

Деньги? Выплатить ему кругленькую сумму, когда она окажется в безопасности... Но у нее слишком мало денег! У Марка, она знала, их много, но от этого мало толку. Во-первых, тот может отказаться от ее обещания Мигелю, а во-вторых, шансы на спасение самого Марка весьма проблематичны... Нет, деньги тут не помогут. А что поможет?

Мысли Маргарет блуждали, как в лабиринте. Они множились, становились более сложными, запутанными, но ни к чему не приводили. Она не могла ничего придумать, все время мысленно возвращаясь к единственной проблеме. Все вертелось вокруг одного вопроса: имеет или не имеет она права рисковать, предоставляя «Солнечную птицу» такому человеку, как Мигель?

Если вопрос поставлен таким образом, ответ очевиден. Не имеет.

Приняв это решение, она постаралась заснуть.

На следующий «день» она решила рассказать Гарму о Мигеле. Задача была не из приятных. С точки зрения Маргарет, предательство ставило ее на одну доску с ним. Но она заставила себя это сделать. Если безопасность «Солнечной птицы» так важна, как она предполагает, ее надо обеспечить любой ценой. Мигель может найти самолет и без помощи Маргарет, может быть, уже ищет. Его надо остановить. Намеренно умалчивая о «Солнечной птице», она старалась, по возможности, очернить Мигеля.

Гарм слушал охотно. Он с самого начала невзлюбил Мигеля, и эта неприязнь была основана на тайных сведениях и на предрассудках. Жрец ничуть не удивился и не встревожился, узнав о замышляемом побеге: этого стоило ожидать, считал он. И чем быстрее это обнаружится, тем скорее решится вопрос с Мигелем. Однако когда Маргарет сказала, что ей тоже предложили бежать, он пришел в негодование. Предпринять побег ради собственной свободы естественно, но предлагать подобное служанке богини отвратительно!

И это было еще не все. Со все разгорающимся гневом он слушал красочный рассказ. Когда Маргарет закончила, ярость старика достигла апогея. Сам Гарм мало ценил безбрачие, но был убежден, что богиня требует от своей главной служительницы сохранения девственности. Но это еще не самое худшее. Оказалось, что этот подонок и мерзавец осквернил святыню, совершил грубое святотатство, оскорбив дух богини в ее святилище: он плюнул кошке в глаз!

Гарм в сердцах выбежал из пещеры, оставив Маргарет, ошеломленную собственным успехом. Запоздалая идея с кошкой сделала больше, чем все остальные слова. Она посмотрела на Баст, которая мигнула ей в ответ.

— Какое счастье, что ты не можешь меня выдать,— произнесла Маргарет.— С Мигелем, определенно, все кончено, а тебе он, кажется, нравился! Он так мило чесал тебе за ушками, да?

Ее вдруг одолели угрызения совести. Может быть, она преувеличивает? Хоть она и ненавидела Мигеля, ей вовсе

не хотелось, чтобы его смерть была на ее совести. Гарм, похоже, слишком рассержен, чтобы ограничиться простым заточением, но она надеялась, что дальше дело не пойдет. В конце концов Мигель хочет свободы не меньше, чем остальные. Методы его неблагородны, но других у него нет. Не стоит слишком осуждать...

Она решительно отогнала от себя эту мысль и попыталась сосредоточиться на своих обязанностях. Что бы теперь ни случилось, ситуация вышла из-под контроля!

Она взяла из миски белую, безглазую рыбу и принялась разрезать ее острым камнем. Баст, казалось, по-прежнему наслаждалась жизнью, и это было благословением. Маргарет положила кусочки в маленькую мисочку и подтолкнула ее по полу к кошке. Невероятно, до какой степени события зависели от этого комочка шерсти!

Если бы не Баст, она находилась бы сейчас в тюремных пещерах. Из-за того, что Маргарет оказалась здесь и могла показать дорогу к «Солнечной птице», Мигель заключил сделку с пигмеями. Она была уверена, что он с самого начала рассчитывал на ее помощь. Из-за его сделки в тюремных пещерах сейчас идет война. Ее мысли перенеслись к Марку. Хватит ли у него сил сражаться? Что это будет за бой? Огнестрельного оружия и мечей у пленников нет. Рукопашная, предположила она. Ряды пигмеев сильно поредели. С тех самых, изменившихся молитв Баст, которые, как она теперь понимала, были мольбами о сохранении воинов, сборища в храме посещали в основном женщины.

А пленники отразили первую атаку. Гарм рассказал ей об этом со смешанным чувством огорчения и удивления. Его гордость своей расой была уязвлена. С чисто практической точки зрения, судя по размерам, вполне можно было ожидать, что один пленник соответствует двум пигмеям, но когда примерно сто человек сумели бросить вызов более чем тысяче пигмеев, он испытал унижение. Он понял, что без обмана тут не обошлось.

— Мы,— объяснил он,— честные бойцы. Мы сражаемся, гордясь своей ловкостью и силой, но эти пленники...— он тряхнул головой.— Они не умеют сражаться. Они действуют хитростью и коварством, а не рогатками и ножами,

как подобает настоящим мужчинам. Так вырождается военное искусство... Конечно,— он вдруг стал великодушным,— вряд ли их стоит в этом винить. У них совсем другие стандарты. Неудивительно, что, придя из мира, в котором не поклоняются богам, а дьяволам воздаются почести, они усвоили нищету духа и недостойные уловки, которые мы презираем.

— У нас есть поговорка,— виновато произнесла Маргарет,— что на войне все средства хороши.

Гарма это, похоже, шокировало.

— У вас, конечно, есть замечательные поговорки, но полагаю, эта худшая из всех, что ты до сих пор вспоминала. Неужели в ваших воинах совсем отсутствует понятие чести?

— Ее очень мало. Хотя очень многие согласились бы с тобой, что самое коварное и смертоносное оружие должно быть упразднено.

— Значит, они знают, что это бесчестно? Тогда у тебя есть надежда.

— Нет, не совсем так. Видишь ли, они больше не применяют к войне понятия чести.

— Тогда почему они хотят, чтобы это оружие было упразднено?

— Они думают, что оно слишком опасно.

— Они трусы?

— Нет.

— Но они должны быть или трусами, или людьми чести.

— Они просто разумные люди.

— Но неужели среди вас нет людей, которые думают о военной славе?

— Есть, конечно, но в большинстве своем они слишком молоды, чтобы иметь хоть какой-либо военный опыт. Есть среди них и те, кто говорит, что на войне все средства хороши.

Гарм явно смутился.

— Ты хочешь сказать, что люди, которые используют все вероломные, коварные средства уничтожения противника, верят в военную честь?

— Почти всегда так оно и есть,— согласилась Маргарет.

— Но это абсурдно. Как война с помощью уловок может быть честной? Ловкость — да, но не уловки.

— Но то, что ты называешь уловками, они называют ловкостью,— терпеливо объяснила она.

— Нет,— возразил Гарм,— даже такая раса, как ваша, не могла опуститься так низко, чтобы смешать уловки с ловкостью. Ты — женщина, тебе этого не понять. Женский ум...

Маргарет поспешно вернулась к теме войны. Рассуждения Гарма насчет женского ума она уже слышала.

— Но что ваши люди собираются делать? Отступят?

— Отступят? — Гарм возмутился.

— А что делать, если ваши атаки можно отразить?

— Они уже однажды дали нам отпор. Мы изменим наши планы.

— Перехитрите их?

— Разумеется, нет. Мы воспользуемся другими методами. Мы никогда не действуем с помощью обмана. Когда мы сражаемся с врагом, который не имеет понятия о чести, мы приспосабливаемся — разумеется, временно — к его методам. Мы этого не одобряем, но самозащита требует.

— В этом есть что-то знакомое,— сказала Маргарет.

В разговоре обнаружилась неожиданная сторона деятельности пигмеев. Слова Гарма «когда мы сражаемся» удивили ее, поскольку сражаться им, похоже, было не с кем. Она спросила:

— Когда вы сражались в последний раз?

На этот вопрос Гарм не сумел ответить. На его веку никаких сражений не было. Однако предания рассказывали о том, что время от времени предпринимались экспедиции против пленников, и не раз велись войны против приверженцев иной веры. Во всяком случае, настаивал он, эти войны всегда велись честно. Но так как именно эта потасовка велась столь недостойно, возникла необходимость принять все доступные меры.

Аборигены охотно сотрудничали, так как пещеры были для них таким же домом, как и для пигмеев. Некоторые из

друзей Мигеля присоединились к ним, хотя невозможно было сказать, из принципа ли они решили примкнуть к победителям или в результате подкупа. Они обладали коварством, которого недоставало пигмеям. Отношение к ним Гарма было смесью восхищения изобретательностью и презрения к их методам. В языке пигмеев не было слова, обозначающего змею, а если бы существовало, он назвал бы отступников именно этим словом.

В конце концов Маргарет сделала вывод, что осажденные пленники пока не сдались и, похоже, продержатся еще некоторое время. Пока битва продолжается, Мигель уверенно передвигается по наружным пещерам и вполне может отыскать «Солнечную птицу».

Отношение к Мигелю изменилось не сразу. На встревоженные расспросы Маргарет охранники сказали только, что его приказали арестовать. Ей пришлось подождать, пока придет Гарм. Когда тот вернулся, выражение его лица было мрачным.

Нет. Мигеля еще не поймали. Он исчез. Спрятался в неиспользуемых туннелях. Хотя когда-то, когда пигмеев было много, как спор тысяч грибов... Маргарет снова терпеливо слушала рассказы о былой славе. Ее вдруг неприятно поразило, что она зря отгоняла от себя мысли о Мигеле.

— Но,— перебила она,— его, конечно, поймают?

— Конечно! — Гарм говорил с уверенностью, которая ничем не подкреплялась.

Скорее всего, он понимал, что в чем-то ошибается, а кое о чем неправильно информирован, но гордость старика от этого не становилась меньше. Мысль о том, что пигмеи могут не выполнить то, что задумали, не приходила ему в голову. Даже неспособность справиться с затоплением лишь слегка пошатнула его веру. В глубине души он был уверен, что пигмеи выдержат это испытание, как преодолевали остальные. Что же касается сбежавшего пленника, то немыслимо, чтобы он долго оставался в бегах. По-настоящему его беспокоило одно: как богиня не рассердилась на них

за то, что богохульника до сих пор не наказали. На поиски в неиспользуемые пещеры, должно быть, пошлют экспедицию, а у них в запасе сейчас не так уж много людей.

— Мигель знает, что вы хотите его поймать? — спросила Маргарет.

Гарм кивнул.

— Нам не везет. Мы нашли тела двух людей, которые были посланы на его поиски. Их рогатки и ножи пропали.

— Ты уверен, что их убил он?

— А кто же еще?

— Тогда он знает, что его ищут!

Маргарет испытывала дурные предчувствия. Мысль о бессовестном Мигеле, подогреваемая отчаянием, превращала ее опасения почти в страх. Впервые она радовалась постоянному присутствию четырех охранников. Мигель, наверное, не сомневается в том, кто затеял охоту. Было бы неприятно встретиться с ним наедине.

— Это было глупо,— говорил Гарм.— Они должны работать четверками, а не парами. Теперь, когда он предупрежден, мы потеряли время.— Он взглянул на Баст, свернувшуюся в ритмично сжимающийся шарик.— Она в порядке? — с тревогой спросил он.

— Вполне.

Гарм почувствовал облегчение. По счастью, богиня пока не проявляла неудовольствия. Но этим делом нельзя пренебрегать. Его осенила неприятная мысль: в тюремных пещерах произошло очередное поражение, тактика передвижения под защитой грибных шляпок себя не оправдала. Возможно ли, чтобы Баст таким образом выражала свое негодование?

Чем больше он думал, тем вероятнее казался такой вариант. Он удивлялся: почему не подумал об этом раньше? Ничто, кроме божественного противодействия, не могло помешать такой искусной атаке! Как он мог быть настолько глуп, чтобы предположить, что богиня ничего не предпримет? Какая богиня останется спокойной, когда ее символ стал мишенью для плевка? Чем скорее вина будет искуплена, тем лучше. Мигеля надо найти безотлагательно! Одержимый этим стремлением, старик почти выбежал из пещеры.

У Маргарет было тяжело на душе. Она представляла Мигеля, пробирающегося по туннелям и пещерам в поисках «Солнечной птицы». Или он спрятался в каких-нибудь неиспользуемых пещерах, чтобы избежать преследования? Станет ли такой человек, как Мигель, ждать, пока его отыщут? Скорее всего, отчаяние придаст ему безрассудную храбрость. Но шанс, что он отыщет «Солнечную птицу» до того, как его поймают пигмеи, ничтожен.

Маргарет постепенно успокоилась. Она четко представила себе все препятствия, которые выпадут на его долю. Если удача ему улыбнется, это будет чистая случайность. Она сделала все, что могла.

Маргарет устало покачала головой. Сколько же, интересно, она проспала? Во всяком случае, похоже, опять пора спать. Она расстегнула одежду и легла, глядя на горящую лампу. Сколько лет нужно прожить, чтобы привыкнуть к существованию без ночей? Без дня и ночи, кажется, нельзя полностью проснуться или заснуть, а можно только пребывать в дремотном состоянии, пограничном между сном и бодрствованием! Для Баст это не имеет никакого значения, если ее часто кормить, она, похоже, готова проспать сколько угодно. Маргарет захотелось, и не впервые, оказаться на ее месте...

Она продолжала с завистью смотреть на кошку, но вскоре почувствовала, что у нее слипаются глаза...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Маргарет разбудил едва раздичимый звук, доносящийся из внешнего коридора. Ее неспособность совместить свои «ночи» с периодами времени у пигмеев приводила к тому, что Гарму уже не раз приходилось будить ее для церемоний в храме. Когда и где пигмеи спали, она не знала, но подозревала, что по два-три часа через частые интервалы.

Некоторое время она лежала, не двигаясь, уставившись на вход, но старик не появлялся. Она крикнула на языке пигмеев:

— Кто там?

Ответа не последовало. Она приподнялась на локте.

— Охрана!

Снова никакого ответа. Только чуть слышный звук движения в коридоре. Маргарет поднялась, чтобы выглянуть. Должно быть, что-то случилось: раньше охранники всегда отвечали ей. Проход между кельей и основным туннелем был пуст. Но в конце, в левом углу, пальцами вверх торчала чья-то босая нога. Она видела часть неподвижно лежащей ноги до колена. Маргарет заговорила, но снова не получила ответа. Странно, почему молчат остальные охранники? Не могут же все они спать. Она шагнула вперед, глядя под ноги. Заглянув за угол, увидела распростертое на полу тело. Это был один из ее охранников, и он был мертв. Его голова была раздроблена, а по полу разбрызгана кровь. Маргарет открыла рот, но прежде чем успела вскрикнуть, ей заткнули рот.

Она подняла руки, дергая и царапая мускулистые пальцы, которые ее душили. Она вонзила ногти в кожу, но чужие пальцы не ослабили хватку, ей никак не удавалось их разогнуть. Маргарет ткнула локтем правой руки назад и почувствовала, что попала во что-то мягкое и податливое. Человек выругался, еще сильнее сжав ее стальными руками. Ей показалось, будто у нее из головы ручьем хлещет кровь. Маргарет почувствовала, что ее развернули и втолкнули обратно в келью.

Ее бросили лицом вниз на полоски грибной кожуры. Только тогда хватка рук, сжимавших ее горло, слегка ослабла. Она не могла ни кричать, ни бороться, а только судорожно хватала воздух широко раскрытым ртом. Но передышка была короткой. Ее ударили по затылку чем-то тяжелым, и она с такой силой уткнулась лицом в волокна, что у нее снова прервалось дыхание. Кто-то схватил ее за руки и крепко связал их. Грубая веревка глубоко врезалась в кожу. Маргарет ощупали, послышался треск: блузку на ее спине разорвали. Затем девушку перевернули и крепко заткнули рот обрывком шелка.

Оказывается, на нее напал Мигель. Он поднял окровавленную руку и принялся зализывать раны от ее укусов.

— Бешеная маленькая сучка! — злобно произнес он.— Теперь мой черед. Думала, что покончила со мной, да? Наплела обо мне всякой чепухи этим маленьким дьяволам! Я заставлю тебя подавиться своей выдумкой! Я заставлю тебя пожалеть о своих словах, грязная маленькая хитрюга!

Из дальнего угла раздался слабый звук. Мигель повернулся и увидел Баст, зевнувшую, как обычно, после пробуждения. Посмотрев на мужчину, она мяукнула.

— Ты сказала им, что я плюнул ей в глаз, да? Что ж, посмотри, что я сейчас сделаю!

Он подскочил к кошке и схватил ее за хвост. Кошка пронзительно заверещала, но тотчас же замолкла, когда ее голова шмякнулась о стену. Мигель бросил тело и гневно взглянул на Маргарет.

— С тобой будет то же самое... Вот увидишь!

Маргарет посмотрела в сторону входа. Где же остальные охранники? Должны же они прийти? Мигель поймал ее взгляд и засмеялся.

— Надеяться тебе не на что, так что лучше сдайся! Я прикончил всех четверых! Показался в проходе, двое из них за мной погнались. Покончив с ними, я вернулся и расправился с двумя остальными! Это было легко — глупые коротышки с куриными мозгами...

Он вдруг осекся и на цыпочках подошел ко входу. Маргарет напрягла слух, но ничего не услышала. Мигель скользнул назад и прислонился к стене возле входа. Снаружи раздался резкий, высокий возглас. Голос Гарма. Должно быть, он нашел убитого охранника. Маргарет попыталась предупредить его, но из горла вырвался только сдавленный стон. Гарм услышал его и вбежал в пещеру. Она успела увидеть его округлившиеся глаза, когда тот заметил, что служительница Баст лежит с кляпом во рту. Мигель ударил его кулаком в подбородок. Удар сбил старика с ног, и его голова треснулась о землю.

— Легко,— пробормотал Мигель.— Умер легко.

Он вернулся к Маргарет и приготовил вторую веревку, чтобы связать ей лодыжки. Несмотря на свое презрение к пигмеям, он решил, что пора уходить. Мигель поднял Маргарет и перебросил через плечо. Осторожно оглядев кори-

дор, он отправился в сторону неиспользуемых пещер, где его вряд ли сумеют отыскать. Никто из пигмеев этих пещер толком не знал.

Она открыла глаза, и их взгляды встретились. Он сидел совсем близко, жадно поглощая грибы.

— А, пришла в себя! — пробормотал он.

Он нес ее вниз головой, и она, должно быть, потеряла сознание, потому что совершенно не помнила, как попала сюда. С первого взгляда стало ясно, что это одна из неиспользуемых пещер. Во-первых, лампы на потолке совсем потускнели, а во-вторых, здесь было куда грязней, чем в обитаемых пещерах. По стенам сочилась слизь, а на полу валялись каменные обломки и блестели лужи. Стоял запах сырости и гнили. Маргарет ничего не чувствовала, кроме боли в связанных руках. Они онемели до такой степени, что потеряли чувствительность, но плотные веревки, врезавшиеся в запястья, казалось, перепиливают кости.

Мигель вытащил кляп, но губы ее слиплись и не желали шевелиться. Во рту так пересохло, что язык казался тяжелым и неповоротливым. Когда она попыталась заговорить, изо рта вырвалось какое-то карканье. Мигель несколько мгновений колебался, затем протянул ей чашу. Маргарет наклонилась, но не смогла взять ее.

— У меня болят руки,— пожаловалась она.

— А почему бы нет? Если бы пигмеи поймали меня, поверив твоей лжи, они бы со мной еще и не такое сделали!

Однако он все же развязал веревки. Она медленно, преодолевая боль, вытянула руки. Возвращающееся кровообращение причинило такие мучения, что Маргарет застонала. Мигель не собирался рисковать. Он подождал, пока пленница хоть немного придет в себя, и снова связал ей запястья. На этот раз — спереди и слабее, а затем вернулся к прерванной трапезе.

— Ну вот, теперь можно и поговорить,— сказал он.— И мне плевать, что ты будешь кричать — тебя здесь никто не услышит!

Маргарет оглядела пещеру и легко ему поверила. У пигмеев нет карт: они знают только те пещеры, в которых живут, а про те, которыми больше не пользуются, забывают. Нынешнее поколение пигмеев потерялось бы в этих местах так же, как и она. Не дождавшись ответа, Мигель продолжал:

— Думала, со мной все кончено, да? Что ж, почти так оно и было. Пара маленьких дьяволов почти достала меня, но я одного убил, а потом поддал другому, чтобы он увидел, почем фунт лиха. Да, ты им неплохо наплела насчет кошки, но, видит Бог, ты об этом пожалеешь!

Он замолчал и посмотрел на нее. Маргарет старалась не отвести взгляда. Мигель не должен узнать, какое чувство пустоты и слабости вызвала его злобная угроза. Наконец он отвел взгляд и фыркнул.

— Ну что, будем упрямиться, а? Не советую.

Маргарет по-прежнему молчала. Она боролась со своим усиливающимся страхом. Что затевает Мигель? Его тон пугал ее не меньше, чем сами угрозы.

— Скажешь ты мне, наконец, где находится «Солнечная птица»?

Маргарет помотала головой.

Он пожал плечами.

— Я знал, что ты так ответишь! Но я дам тебе шанс, которого ты не заслуживаешь. Скажи, и проблем не станет!

Она молчала.

— Жаль,— сказал он.— У тебя такие красивые руки!

Он отложил в сторону кусок гриба, демонстративно взял обломок скалы и принялся осторожно разбивать его камнем, который держал в другой руке. Работая, он продолжал говорить:

— Тебе известно, что случилось с твоим дружком и его бандой в тюремных пещерах?

— Они держатся.

— Они держались, но скоро пигмеи их одолеют! Их выкурили! Как долго они продержатся, прежде чем ослепнут и задохнутся? Думаю, их уже одолели! — Он отломил кусок камня и осторожно положил на пол.— Теперь уже слишком поздно,— продолжал он,— ты не сможешь им по-

мочь. Почему ты не хочешь быть разумной? Скажи мне, где «Солнечная птица», и мы вместе отсюда выберемся! Ты сможешь спасти многих людей!

Маргарет снова отрицательно помотала головой.

Она чувствовала тяжесть на сердце. Неужели Мигель говорит правду? Все равно, решила он, у Марка и его друзей должны быть какие-то шансы! В конце концов пленники отразили две атаки. Если Мигель лжет, положение остается прежним. Если же нет, то стоит ли пожертвовать «Солнечной птицей»? Нет, надо освободить всех пленников! Она представляла события, разворачивающиеся внизу, в ложном свете. Горстка сражающихся людей для нее стала важней сотен неповинных узников, но ведь среди них много женщин и детей, как говорил Гарм. Она не может пожертвовать этими людьми, чтобы спасти себя и Мигеля.

Он продолжал методично дробить камень. На полу уже лежало множество маленьких камешков. Она следила, с опаской спрашивая себя, что он намерен делать. Как он сказал? У нее красивые руки? Да, это так, но...

— Вот видишь,— непринужденно заговорил он,— ограничений во времени нет, рано или поздно тебе придется все рассказать!

Он положил камень и посмотрел на лежащие перед ним обломки. Их было десять, маленьких осколков скалы, довольно узких и не более дюйма в длину. Ее охватило смятение...

Он взял один и приблизился к ней.

— Ну, где «Солнечная птица»?

— Нет,— ответила она.

— Это твой последний шанс, проклятая маленькая ослица!

Он сжал ее связанные руки своей крепкой ладонью, свободной рукой засунул острие осколка ей под ноготь и сильным толчком вогнал его.

Маргарет закричала от невыносимой боли.

— Ну, что теперь скажешь?

Рыдания душили ее. Она не могла говорить.

— Прекрасно!

Он потянулся за другим тоненьким осколком камня.

— А в мужестве тебе не откажешь!

Мигель с невольным восхищением обратился к рыдающей девушке, лежащей на полу.

Маргарет его не слышала. Она боролась с нестерпимой болью, цепляясь за соломинку решимости: она не должна говорить, не должна говорить...

Мигель сидел и угрюмо смотрел. Ему было более чем не по себе. Ну почему эта дура сразу все не рассказала? Ему не хотелось пытать ее. Еще недавно он ненавидел ее за предательство, но ненависть прошла. Он назвал ее ослицей, но, видит Бог, ослица не была бы такой упрямой. Он был не прочь... Нет, это было бы глупо. Когда он зашел так далеко... Во всяком случае, он попробует еще раз. Он взял каменный нож, который снял с одного из убитых пигмеев, и вернулся.

Маргарет смотрела на стоящего над ней человека. Тот что-то говорил. Сквозь пелену, застилающую глаза, она видела, как шевелятся его губы. Она пыталась расслышать, что он говорит. Слова, казалось, доносились издалека, но смысл она понимала: он говорил, что сделает с ней сейчас. Она слушала, и ее тело дергалось, словно по нему проводили каменным ножом. Но он продолжал говорить, вдаваясь в ужасные, тошнотворные детали. Она вскричала:

— Нет! О, Господи, не делай этого!

— Тогда скажи мне, где «Солнечная птица»!

Она помотала головой.

— Не скажу!

— Хорошо, тогда...

Каменный осколок начал опускаться. Маргарет не могла оторвать от него глаз. Почему, ну почему?.. Ей ничего не оставалось, как только согласиться. Через секунду он коснется, потом разорвет, затем, о, Господи... Коснулся...

Она закричала:

— Я скажу... Я скажу...

Она отшатнулась, рыдая от душевной муки. Никогда еще она не чувствовала себя такой несчастной и унижен-

ной. Но если... Нет, она бы перенесла одну муку ради другой, вероятно, худшей. Рано или поздно она бы все равно сломилась... Но чувствовать себя поверженной было непереносимо горько.

Мигель отвернулся, радуясь, что она не видит его лица. Он вытер пот со лба и бросил каменный осколок в угол. Он чувствовал себя хуже, чем когда-либо. Никогда не следовало этого делать, но, слава Богу, угроза сработала...

Он вернулся к девушке и развязал ей запястья и лодыжки. Притащил из угла одежду, которую с нее недавно сорвал. Обрывки шелковой блузки он положил ей под голову вместо подушки, остальными тряпками укрыл. Затем прошел в угол пещеры и сел, прислонившись спиной к стене, и слушал ее рыдания, полные невыносимого отчаяния.

В голове Мигеля происходила революция. Весь его гнев и ненависть исчезли. Он чувствовал сожаление, что ему пришлось так поступить. В самом деле, ему с трудом верилось, что он способен на такую жестокость. Казалось, кто-то посторонний использовал его, как орудие. Наверное, Гордон объяснил бы такое поведение желанием жить, которое сильнее, чем тело, в котором оно поселилось. В Мигеле проснулись угрызения совести. Однако и коварство не покинуло его. Нельзя, чтобы она увидела его сожаления, решил мужчина. Она может стать еще упрямее и в конце концов победить. Он больше не повторит жестокостей, если...

Прошло много времени, прежде чем рыдания Маргарет ослабли, но, наконец, они стали стихать. Первоначальная ярость от поражения перешла в безнадежность. Мигель принес чашку с водой и подержал, пока она пила. Девушка подняла мокрое от слез лицо и посмотрела на него. Выражение лица Мигеля ее удивило. Она пробормотала сквозь слезы:

— Ах, Мигель, почему ты причинил мне такую страшную боль?

Мигеля рассердило, что она почувствовала его угрызения совести.

— Я должен был узнать,— коротко ответил он.

— И ты снова это сделаешь?

— Если понадобится, да!

Она пристально посмотрела на него.

— Я тебе не верю.

— Ты опять? Так ты...

Она содрогнулась.

— Нет... Нет! Я скажу! Ты победил меня... Сломал. Я тебе скажу! — Она лежала, рыдая от невероятной слабости, даже не трудясь спрятать лицо.

Мигель некоторое время смотрел как они плачет. Он больше не мог этого вынести.

— Скажи, где она, и я уйду!

— Не могу.

— Не можешь? — Он поднял руку.— Если ты...

— Нет! То есть я могу показать тебе дорогу, но описать не могу.

Мигель задумался. Ему следовало бы предвидеть, что описать дорогу будет невозможно.

— Хорошо, идем!

— И когда я выведу тебя к «Солнечной птице»...

Тут он замолчал.

— Но...

— Неважно, если ты убьешь меня не поздней, не сейчас! Я уже причинила весь вред, который могла, а там, может быть, появится шанс!

Придется подниматься на верхние уровни, размышлял Мигель. Пробираться одному было бы гораздо проще, но без нее «Солнечной птицы» не отыскать. А если она попытается поднять тревогу, Маргарет придется убить. Однако с этим можно подождать, пока не отыщется «Солнечная птица».

— Оденься,— приказал он.

Маргарет снова зарыдала.

— Не могу! Мои руки...

Он был вынужден сам одеть ее и снова завязал рот полоской шелка.

— Лучше не рисковать,— объяснил он.— Нам придется идти через туннели пигмеев. А теперь идем!

Мигель остановился на перекрестке двух хорошо освещенных туннелей.

— Куда? — вполголоса спросил он.

Маргарет кивнула вправо. Мигель гневно взглянул на нее.

— Ты играешь со мной, да? Я знаю, что этот путь ведет к храму Баст! Сколько раз ты проделывала этот трюк, проклятая маленькая змея? Я бы не прочь вернуться с тобой в забытые пещеры!

Маргарет округлила глаза от ужаса и мольбы. Она с силой замотала головой и кивнула вперед.

— Ладно,— Мигель пошел дальше.— Но если ты заведешь меня в ловушку, тебе поможет только Бог, больше никто!

Они вошли в грибную пещеру, где Маргарет с Марком впервые повстречали пигмеев. До «Солнечной птицы» оставалось не очень далеко. Маргарет смирилась со своей беспомощностью. Везение было на стороне Мигеля. Они не встретили ни одного пигмея, и никто не поднял тревогу. Мигель легко разгадал ее план обвести его вокруг пальца! В глубине души она чувствовала, что он не намерен брать ее с собой. Зачем ему такая обуза? А что он с ней сделает, ее мало волновало, казалось, это не имело значения.

Мигель пошел тропой, протоптанной между грибами. Сделав несколько шагов, он передумал и вернулся к стене. Здесь не только безопаснее в случае нападения, но под прикрытием грибных зарослей можно и передохнуть от утомительного перехода. У него возникло неприятное подозрение, что назревает нечто из ряда вон выходящее. Они столько уже прошли и не встретили ни одного пигмея. Что же те замышляют на этот раз? Мигель полагал, что было бы легче, если бы показался хоть один или два. Тогда он, по крайней мере, получил бы разрядку после активной борьбы, знал, кому противостоит, и не так бы нервничал. А сначала все шло как по маслу...

Обойдя часть стены, он остановился как вкопанный. Откуда-то из большой пещеры раздавалось странное мурлыканье. Он заглянул за угол, слушая и пытаясь определить, что это за звук. Это было нелегко, так как эхо отражалось от стен. Он мог только сказать, что звук идет из пещеры и становится громче. К своему ужасу Мигель об-

наружил, что голос не мог принадлежать пигмею. Уложив Маргарет под огромным грибом, он без колебаний направился к густой поросли и напряг слух. Звук раздавался все ближе. Теперь это был какой-то жуткий рокот, перебиваемый эхом. Наконец Мигель смог разобрать фразу:

— Я совершенно уверен, что на этот раз прав!

Мигель не узнал искаженный голос, но, услышав ответ, подпрыгнул от неожиданности.

— Уверен! Приятель, предыдущие три раза вы также были совершенно уверены, но оказались не правы!

Голос Смита! Как, черт возьми, он сюда попал?

— Подождите немного. Я знаю, что это здесь!

У девушки вырвался сдавленный крик. У нее не было ни малейшего сомнения, что это голос Марка. Мигель подскочил к ней, одной рукой грубо прикрыл рот, который и без того был заткнут кляпом, и угрожающе сжав кулак, поднес к ее глазам.

— Что это было? — донеслось из прохода.

— Вы ничего не слышали? Вроде голос!

— Полагаю, это проклятые пигмеи! Что ж, пускай идут, пока не нарвутся на неприятности, которых у них и так достаточно! Ну, где же этот ваш туннель? Если это не та пещера, то с меня довольно! Мне еще карабкаться по трехлятой вентиляционной шахте!

— И, вероятно, когда вы наполовину подниметесь, на вас польется вода,— едко произнес Марк.— Я вам говорю, что там, где мы оставили «Солнечную птицу», река течет на север, то есть под горы. Может быть, когда мы найдем отверстие, подниматься придется дольше, но, по крайней мере, над нами не будет воды.

— Конечно. Но откуда известно, что мы найдем отверстие? Мне кажется...

Но Мигель не стал больше слушать. Он узнал голоса Смита и Эда и решил, что третий, должно быть, Марк. Сколько их всего, он не хотел знать. Самое главное, что они тоже искали «Солнечную птицу» и могли добраться туда раньше него. Искушение оставить Маргарет и дальше пойти одному было велико, но он слишком рисковал. Вместо этого он снова поднял ее, перебросил через плечо и вновь побрел между грибами.

Мигель хорошо ориентировался, и это ему пригодилось. Продвижение между толстыми стволами по земле, кишащей извивающимися усиками, было нелегким и казалось слишком медленным, но ему в конце концов удалось дойти до середины тропинки. Здесь идти стало легче, если бы еще не тяжелая глина, прилипавшая к ногам. Он торопливо шел вперед, задыхаясь от тяжести. О возможности засады пришлось забыть: у него была только одна цель — добраться до дальнего конца пещеры раньше, чем туда доберется Смит со своими людьми. Они не спешили и пошли вдоль стены. Если бы он только смог проскользнуть незамеченным в противоположный туннель...

Годы неподвижности в тюремных пещерах явно не добавили ему проворства. Легкие работали тяжело, он чувствовал острую боль в боку, пот стекал по лбу и попадал в глаза. Звук дыхания, казалось, разносился по всей огромной пещере. Наконец, когда он уже почти выбился из сил, тропинка закончилась.

За последним огромным грибом он остановился, чтобы осмотреться. Людей не было видно, но он отчетливо слышал их голоса. Прежде чем он попадет в безопасное убежище туннеля, предстоит пройти по открытому пространству. Если бы только он мог рискнуть и оставить девушку... Но это значило, что он не узнает дороги. Он собрался с силами и стремительно, как заяц, рванул из поросли к входу в туннель...

И это ему удалось! Вслед ему не раздалось ни единого окрика. Его босые ноги бесшумно ступали по мягкой глине. Он был так уверен, что его засекли, что не верил в свое счастье. Затем на него нахлынула волна радости. Значит, он их победил! Попав в пещеру, они только увидят, как он отчалит на их драгоценной «Солнечной птице»! А он в конце концов посмеется над ними! Покачиваясь, он зашагал по туннелю.

Маргарет, которую он нес плече, отчаянно рыдала. От боли, усталости и разочарования слезы текли нескончаемым потоком... Люди были так близко: одно слово могло бы все решить, если бы Мигель не завязал ей рот! Теперь шанс упущен! Мигель сядет в «Солнечную птицу» и оста-

вит их всех здесь! А Марк, если когда-нибудь найдет ее, будет презирать за трусость...

— Куда? — спросил Мигель.

Она заколебалась. Он угрожающе потянулся к ее рукам. Она кивнула вперед, и он пошел. Это был конец! Поворотов больше не было, и она говорила правду, хотя могла бы направить по ложному пути. Но если бы она... О, Господи, неужели ей мало боли?

Еще одно усилие! Она должна предпринять последнюю попытку! Маргарет подняла свободную руку к кляпу. Прикосновение к мягкому шелку подействовало на ее покалеченные пальцы, как укол ножа. Но она должна это сделать! Она так сжала зубы, что почувствовала боль в челюсти. Окровавленные пальцы нащупали шелк...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Вот,— сказал Марк, указывая на вход в туннель,— вот он!

Его спутники не были потрясены. Смит зевнул. Дородный Эд фыркнул. Даже Зикль, казалось, уже перестал верить. Один Гордон не выглядел скептиком, но энтузиазма в нем тоже поубавилось.

Марк прошел вперед, рассматривая стены у входа, и взволнованно показал царапину на камне.

— Вот,— воскликнул он,— смотрите! — Все сгрудились за его спиной.

— Разве это не след от пули? — осведомился Марк.

Смит внимательно рассмотрел царапину.

— Вы это сказали,— признал он.— Ну, и что из этого?

— Разве вы не видите? Бой был здесь — это след от моей пули.

Отношение остальных немного изменилось, настолько слабо, что можно было сказать лишь одно: недоверие чуть уменьшилось.

— Вот что я вам скажу: я поверю, только когда увижу эту вашу «Солнечную птицу»! — произнес Смит, проявляя свои чувства не более чем обычно.— Одному Богу известно,

как долго мы ее ищем, но мне кажется, целую неделю, и я начинаю думать, что ее больше не существует.

— Послушайте,— сказал Марк, направляясь к туннелю,— на что спорим?

— Ни на что, приятель. Я не краду игрушки у детей.

— Вам везет...— Он осекся.

Где-то впереди раздался голос. Слова были неразличимы и резко оборвались. Мгновение спустя они услышали пронзительный крик.

— Что, черт возьми...

— Пигмей,— коротко произнес Эд.

— Да какой пигмей! Это была женщина! Пошли!

Смит бросился вперед, остальные побежали за ним. Они завернули за угол и подбежали к перекрестку.

— Куда? — спросил Смит через плечо.

— Прямо,— задыхаясь, ответил Марк.

Они недолго неслись по прямой, завернули за угол и нашли ее: оборванную, в лохмотьях, жалобно плачущую. Заметив их, девушка подняла мокрое от слез лицо.

— Маргарет! — воскликнул Марк.

Смит остановился прямо перед ней.

— Господи, посмотрите на ее руки!

— Мигель! Остановите его! Он возьмет «Солнечную птицу»! — простонала она.

Смит бросился вперед, предоставив Марку позаботиться о девушке, но бежал вторым. Его опередил Зикль, которому давно не терпелось свести счеты с Мигелем. Зикль бегал лучше, чем Смит, и быстро оторвался. Эд догнал Смита, и оба немного замедлили темп.

— Пусть Зикль позабавится,— пыхтел Эд.— И если он его не утихомирит, мы подоспеем как раз вовремя! — он вынул из-за пояса свою импровизированную дубинку.

Зикль обогнул угол. Теперь ничто не отделяло его от входа в затопленную пещеру, но Мигеля нигде не было видно. Зикль вышел из туннеля и поднялся наверх выступа. Внизу лежал аппарат, похожий на огромную серебристую скорлупу. Фигура в лохмотьях на ощупь искала канат, которым он был привязан к скале. Негр повернулся и помчался вниз по склону.

Мигель испуганно оглянулся и вскочил на борт. Поскользнувшись на скользкой крыше, он бросился вниз и попытался отвязать канат с другой стороны, но тот не поддавался. Зикль буквально взлетел на «Солнечную птицу». Мигель выпрямился, чтобы встретить его. Когда нога негра коснулась крыши, Мигель ударил его кулаком в челюсть. Удар был сильный, но даже он не смог остановить стремительный прыжок. Голова Зикля откинулась назад, но ноги его скользнули вперед, сбив Мигеля, и они оба покатились по изогнутой крыше.

Мигель воспользовался шансом и набросился на Зикля, пока тот не оправился от удара. Но не успел крепко захватить, потому что негр вырвался и попытался сам схватить соперника. Мигель пустил в ход колени. Одновременно он пальцами зажал Зиклю нос. Он воспользовался всеми приемами борьбы, которые знал. А если в родной деревне Зикля такие правила борьбы неизвестны, кто упрекнет Мигеля?

Смит и Эд добрались до вершины выступа и встали, глядя на дерущихся. Зрелище было довольно неэстетичное!

— Черт, противный забияка! — возмутился Смит.

— Ну, Зикль тоже не промах! Только посмотри на этого парня!

Негр крепко держал Мигеля, сжимая его, словно тисками. Огромные черные бедра были напряжены, как камень. Слышалось тяжелое, сдавленное дыхание Мигеля, пытающегося оторвать от своих глаз черные руки. Он отчаянно вырывался из железных объятий Зикля, но ему это не удавалось. Руки негра буквально вцепились в лицо соперника. Мигель кричал и бешено вертелся. Сцепившиеся тела скользнули, на мгновение зависли, и по изогнутому каркасу скатились в воду.

Несколько секунд ничего не было видно, кроме бурлящей воды и брызг. Когда тела снова показались, уже расцепившиеся, стало видно, что оба отчаянно барахтаются и пытаются за что-то ухватиться. Мигель схватил негра за горло, и оба опять скрылись под водой. В течение долгих секунд никого не было видно, затем появилась одна голова. Голова Мигеля.

— Что ж, я...

Но не успел Смит заговорить, как на поверхности показалась курчавая голова Зикля. Черные руки вытянулись вперед, пальцы, как когти, впились в шею Мигеля, и оба опять погрузились под воду.

Остальные пристально наблюдали за происходящим.

Несколько пузырьков булькнули на поверхности воды...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Маргарет медленно приходила в себя. Она, казалось, возвращалась в сознание из почти коматозного состояния. Каково же было ее удивление, когда она увидела, что находится на «Солнечной птице»!

Однако в полной мере она осознала происходящее только через несколько минут. Девушка принялась благодарить судьбу, совершенно забыв, что недавно была повержена. Дело стоило всех перенесенных ею мук! В конце концов победа оказалась за ней. Если бы она сдалась на полчаса раньше, победил бы Мигель. Он бы беспрепятственно прошел по пещерам и теперь плыл по подземной реке. Никакое бодрящее зелье не подействовало бы на нее так, как эта мысль. Чувство победы придавало новые силы.

Но это не была физическая бодрость. Мускулы ее отчаянно ныли, чтобы поднять руку, требовались невероятные усилия. Подняв ее, Маргарет обнаружила, что рука плотно перебинтована. Она попыталась поднять вторую руку и увидела, что и та тоже в бинтах. Почувствовав себя совершенно беспомощной, она открыла рот и удивилась слабости собственного голоса. На крыше послышались чьи-то шаги. Наконец Марк ворвался в открытую дверь и склонился над ней.

— Тебе лучше, дорогая?

Она улыбнулась и запрокинула голову. Он поцеловал ее в губы.

— Даже слишком. Что произошло?

— Не думай сейчас об этом. Просто лежи тихо. Я принесу тебе поесть.

— Есть я не смогу. А вот попила бы с удовольствием.

— Чего? Кофе?

— Кофе? Ты сказал кофе?

Марк засмеялся.

— Да, кофе! Мы снова почти цивилизованные люди. Можешь выпить кофе или какао, а вот бренди почти не осталось!

— Кофе,— твердо решила Маргарет.— Знаешь,— добавила она,— я никогда не думала, что когда-нибудь снова буду пить кофе!

— Скоро ты сможешь пить любой кофе, который только существует в мире: мы выберемся отсюда! — Марк включил небольшую электрическую плиту и поискал в шкафчике кофейник.— Как только вернутся остальные, мы отчалим и тронемся по реке.

— Остальные? — удивилась она.— Кто они такие?

— Одного зовут Смит, он упрям, но мозгами не обделен. Он американец. Второй — Эд, который еще упрямее и еще более американец. И Гордон, англичанин, несмотря на свое имя. Он археолог. Сейчас их только трое. Было больше.

— Я слышала, что вас было более сотни?

— Конечно, но я не о них. Я хотел сказать, что наша теплая компания была больше. Был Зикль, негр, и Махмуд, кажется, араб.

— Что с ними случилось?

Марк замялся.

— Знаешь, тебе надо отдохнуть.

— Чепуха, Марк. Я проспала, Бог знает, как долго. Я хочу знать, что случилось. Я ничего не понимаю. Я думала, вы с другими пленниками осаждены в тюремных пещерах, а не расхаживаете где-то здесь. Пока мы шли с Мигелем, я не видела ни одного пигмея. Расскажи мне все, пока я буду пить!

Марк рассказал об атаке пигмеев и о своем поражении.

— Но разве они не пытались вас выкурить? Мигель что-то говорил об этом...

— Да, это было их последнее коварство! Они бы нас победили, если бы не хлынула вода!

— Откуда?

— Из туннеля, который прорубили наши люди.

— Что с ними случилось?

— Не знаю.

— Но разве их не затопило?

— Мы их не видели. Я надеюсь, что их, бедняг, там не зажало.

— Что случилось, когда вода проникла в вашу пещеру?

— По счастью, вода поступала медленно, туннель оказался узок, поэтому у нас было время подготовиться.

Он продолжал рассказывать о строительстве плота из грибных ножек. Маргарет снова перебила:

— Но что стало с пигмеями?

— Они ушли. Им хватило одного взгляда на воду, чтобы прекратить атаки. Мы остались одни. Вода поднималась очень медленно, особенно в самых больших пещерах. Больше всего меня беспокоило, что я не мог вспомнить, как быстро поднималась вода ко входу в тюремные пещеры. Хотелось понять, насколько опасна ловушка, в которую мы попали. Но оказалось, мне не о чем волноваться, вода поступала очень медленно. Еще нас беспокоило: не готовят ли пигмеи засаду? Ты знаешь, что они делают в случае прорыва? Замуровывают туннель в стратегически важном месте, жертвуя теми, кто находится наружи. Если бы они это сделали, пока мы были в грибных пещерах, с нами было бы покончено. По счастью, они этого не сделали. Мы лишь толкали плоты и плыли быстрее течения. Один или два раза нам даже пришлось ждать, пока вода поднимется настолько, чтобы мы могли продолжить путь. Это было предельно просто. За время всего пути мы не увидели ни одного пигмея, аборигена или кого бы то ни было еще. Но это было слишком хорошо, чтобы длиться долго. Наконец, мы добрались до последней большой пещеры. Ты, конечно, никогда ее не видела. Полагаю, что это одна из самых больших здешних пещер. На одном конце туннель, по которому мы приплыли, а другой — тот единственный, что связывает две системы пещер. Это очень узкий и короткий проход. Прежде чем попасть в него, надо подняться на сто футов по голой скале. Когда мы туда попали, я и не представлял, что нам делать. Меня тревожило, что вода уже поднялась до самого выступа, а я не мог

сообразить, что нам предпринять. В пещере мы увидели одно из самых отвратительных зрелищ, которые когда-либо доводилось наблюдать. Все живые души из тюремных пещер хлынули сюда во время первой тревоги: пигмеи, пленники и аборигены — все прибежали одновременно. На выступе группка пигмеев спускала канаты, чтобы поднять своих товарищей, но к ним кидались и все остальные. Некоторые пленники пытались подняться, но маленькие дьяволы сбрасывали их с канатов. У пигмеев внизу вряд ли был шанс. Все остальные нисколько не сомневались: спасется кто угодно, только не пигмеи, для бедняг наступил тяжелый момент. А те, кто был наверху, не собирались помогать узникам, пусть даже погибнут соплеменники. Они продолжали успешно сбивать карабкающихся наверх, и те падали вниз. Пигмеи уже были готовы перерезать канаты. Насколько я мог видеть, ни один пленник не добрался до верха, и я не думал, что кому-либо это удастся. Вода у основания стены уже доходила до лодыжек, и все сходили с ума от страха. Я никого не осуждаю, неприятно видеть, как поднимается вода, чтобы затопить тебя! Плавать умели немногие пленники и никто из пигмеев, но и умение плавать вряд ли бы кому-то помогло. Им придется ждать конца чуть дольше, чем прочим, вот и вся разница. Словом, все потеряли головы, всех охватила слепая паника. В этот самый момент из туннеля появились мы на наших плотах. Нас заметили через минуту-другую, но когда заметили... Ну, это не поддается никакому описанию! Люди забыли обо всем и бросились к нам. У нас не было шансов остаться в живых! Нас было немного, а их сотни, и все обезумели от страха. У них были кулаки, камни и ножи, а женщины орудовали когтями. Через пару минут они бы выцарапали нам глаза. Смит заорал, чтобы мы отступили назад. Многие послушались его, но кое-кто пытался защищать свои плоты. Что с ними стало, я не знаю. Мы видели, что многие утонули, вот и все. Затем, разумеется, началась еще одна драка. Для того чтобы увезти их всех, понадобилось бы в десять раз больше плотов, и люди начали бороться за свое спасение. Это была самая отвратительная стычка, которую я когда-либо видел. Вода в нашем конце пещеры

уже доходила до пояса, обезумевшие от ужаса люди топили друг друга, чтобы взобраться на утонувшего. Они хватались за плот одной рукой, а другой отталкивали соперников. По всей пещере разносились душераздирающие крики на всех языках Африки и Европы. Мы со Смитом отплыли ко входу в туннель и наблюдали. Каков был его план, я не знаю. Тогда я полагал, что он намерен позволить этим безумцам утопить друг друга, а потом броситься вперед и отремонтировать часть плотов. Даже двух было бы достаточно для нашей небольшой группы. Пара грибных ножек спокойно удержала бы человек десять, если бы они не залезали на плот, а просто ухватились за него. Вероятно, Смит думал именно об этом. Мы наблюдали, стоя спиной к туннелю, через который только что прошли. Я начал спрашивать себя, не настало ли время взять ситуацию в свои руки, но тут получил толчок в спину. Оглянувшись, я увидел огромную грибную ножку, медленно движущуюся из туннеля. Нам не понадобилось ремонтировать плоты. Туннель, по которому мы приплыли, был заполнен плавающими стволами и грибами. Не знаю, были ли это остатки нашей баррикады или грибы, недавно сломанные водой, но откуда бы они ни появились, их было полно. Люди бросились к спасительным обломкам. Вскоре этого хлама оказалось достаточно, чтобы удержать большое количество человек. Наша небольшая группа подхватила три ствола, связала их парой канатов и залезла, когда вода уже дошла до подмышек. На другом конце пещеры пигмеи, находящиеся на выступе, отчаянно пытались спасти тех своих товарищей, которые еще держались. Маленькие белые фигурки вертелись в воде, как щепки. Пигмеи отбросили канаты, как бесполезный груз. Они работали с молниеносной быстротой, но время, похоже, брало верх. Даже в этом конце пещеры, на самом мелком месте, вода уже доходила пигмеям до пояса, а их оставалось еще бесчисленное множество. Большинство из них обезумело от страха, они кричали и беспомощно отталкивали от себя воду. Маленькие бедняги! До того времени, как начались прорывы, они видели воду только в чаше для питья или маленьком ручейке! Прихватив с собой как можно больше плавучего мате-

риала, мы начали грести руками. В конце концов нельзя сидеть и смотреть, как тонут пигмеи: ты забываешь, что час или два назад сражался с ними. Нам оставалось только ждать прибывающую воду, которая постепенно поднимет нас к выступу. Пигмеи, склонившись с выступа, смотрели на нас и о чем-то совещались. О чем они говорили, было совершенно ясно. Если они замуруют вход в туннель, ведущий в наружные пещеры, то не только прекратят поступление воды, но и покончат с нами, но в этом случае придется пожертвовать всеми пигмеями, которые барахтались в пещере. Перед ними стоял неприятный вопрос: а стоит ли игра свеч? Не думаю, что они испытывали особенную благодарность к нам за то, что мы спасли их товарищей. Хотя, может быть, это было и несправедливо, но мысль о том, что мир пигмеев обречен, и они бессильны что-либо сделать для своего спасения, постепенно овладевала нашими умами. Как бы то ни было, они подождали, пока мы поднялись наполовину, что-то крикнули пигмеям, которые были с нами, и ушли. Махмуд объяснил, что они предложили нам уйти всем вместе, а пигмеям, которые оставались в пещере, закрыть за нами проход, чтобы вода не проникла в тюремную систему. Вот так все и произошло. В ту же минуту, когда туннель закрылся, пигмеи бросились врассыпную, и Махмуд убежал вместе с ними. С тех пор мы ни одного из них не видели. Думаю, они ушли на север, на более высокие уровни. Махмуд совсем не верил в затею с «Солнечной птицей» и настаивал, что безопаснее всего пойти с ними. Остальные узники разделились на группы и пошли искать выход самостоятельно. Мы же держались вместе, пытаясь найти старую, добрую «Солнечную птицу». Нам это казалось самым правильным выходом.

— И где ты ее нашел? — спросила Маргарет.

— Наша группа отправилась вниз по течению, чтобы найти выход.

— Но не ты?

— В пещерах оставался кое-кто, кто был мне нужен больше свободы! Его я и собирался искать!

Маргарет улыбнулась.

— Дорогой!

Сделав паузу, она спросила, нахмурившись:

— Ну, а что случилось с Мигелем?

Он передал рассказ Смита о драке. Она содрогнулась.

— Бедный Мигель!

— Что? — воскликнул Марк, взглянув на ее перевязанные руки.— После всего этого?

— Он был очень слаб. Пытая меня, он чуть не плакал! Вероятно, при других обстоятельствах...

Марк безмолвно смотрел на нее.

— Я не понимаю,— проговорил он, наконец.

— Ничего, дорогой! Я так и думала. Расскажи, что случилось с остальными. Ты ведь говорил, их было трое?

— Они отправились за грибами, на борту не хватит еды на пятерых. Они должны скоро вернуться.

На приборном табло «Солнечной птицы» были электронные часы. Когда обнаружилось, что они еще идут, течение времени вдруг приобрело большую важность. Часы символизировали наступление перемен и движение к прогрессу: они служили постоянным напоминанием о напрасно растраченном времени, о том, что еще предстоит сделать, и о том, что никогда не будет сделано. Маргарет смотрела на часы с удивлением и неприязнью. Стоило к ним привыкнуть, и становилось понятно, что лучше существовать без времени. Ее подавляли стрелки, неумолимо скользящие по цифрам и отталкивающие их в прошлое...

Прошел час, прежде чем раздался чей-то оклик. Маргарет слышала, как Марк с кем-то поздоровался, и почувствовала, что «Солнечная птица» маневрирует. Толчок подсказал, что к борту причалил плот. Марк вернулся с двумя мужчинами, одетыми в лохмотья, бородатыми, как и он сам. Огромные фигуры заполнили маленькую каюту.

— Смит и Эд,— представил он.— А где Гордон?

— Сейчас придет,— ответил Смит.

Он справился у Маргарет о самочувствии и сказал пару ласковых слов в адрес Мигеля.

— А мне почти жаль, что он достался Зиклю! Я бы и сам был не прочь показать ему, почем фунт лиха!

— Все к лучшему,— сказала Маргарет.— Могло быть и хуже! — Она с содроганием подумала о каменном ноже.

Смит посмотрел на нее и пожал плечами.

— Это, наверное, и есть тот самый христианский дух, о котором мне так часто твердили в школе. Господи, подумать только, этот парень сумел так обвести всех вокруг пальца...— Не закончив фразу, он повернулся к Марку: — Надо быстрее забрать это барахлишко на борт, нечего терять время!

Марк с Эдом вышли и принялись передавать грибные шляпки, а Смит аккуратно укладывал их на корме.

Гордон спустился по склону как раз тогда, когда работа была закончена. Одну руку он держал за спиной, другая была пуста. За ним, крадучись, шла ободранная, тощая кошка.

— Где вы были? — спросил Марк.— Мы уже начали беспокоиться, что с вами приключилась какая-нибудь неприятность. Кроме того, мы надеялись, что вы принесете грибы. Где они?

Гордон помотал головой.

— Я совсем забыл о них! — признался он.— Но посмотрите, что я принес!

Он вынул руку из-за спины и протянул блестящий шар, немного поменьше тех, что горели под потолком пещеры. Все обступили его.

— Чтобы утащить это, потребовалось время,— объяснил он.

Кошка обогнула его, подошла к двери «Солнечной птицы» и исчезла внутри.

— Для чего это? — спросил Смит.— У нас есть электрический свет, да и батарейки еще не сели!

Гордон с жалостью взглянул на него.

— Остолоп ты этакий,— возмутился он, тотчас же переходя на чужой язык.— Неужели ты не видишь, что это? Холодный свет, приятель! Никакого электричества, никакой теплоотдачи! Это принесет нам миллионы! Да за это можно отдать все, что угодно, подумайте только, сколько всего нужно, чтобы выработать электричество! Холодный, химический свет! Да это же мечта всего мира! И теперь он у нас в руках!

Смит фыркнул.

— Может быть, ты и прав, но мы еще отсюда не выбрались! Давай же, забирайся на борт! Во всяком случае, грибов теперь у нас достаточно.

Они втиснулись в маленькую каюту. Рыжеватый комочек шерсти свернулся на коленях у Маргарет.

— Смотрите,— удивленно произнесла она.— Баст вернулась. Где вы ее нашли?

— Баст? Ах, эта кошка! Не знаю. Она, мурлыча, подошла ко мне, когда я доставал лампу. Когда я отправился обратно, она пошла со мной.

— Я думала, она умерла, бедняжка.

— Их нельзя убить,— сказал Смит.— Так уж устроены африканские кошки! А теперь положи куда-нибудь эту лампу, Гордон, и нам пора!

Он залез на крышу, а Эд тем временем сошел на плот, чтобы отвязать канаты.

— О'кей?

— О'кей!

Глубоко вздохнув, Эд вскарабкался на борт.

«Солнечная птица» заскользила по пещерному озеру. Примерно в центре она плавно повернулась носом к черному отверстию в скале. Луч прожектора освещал ей путь. Стены туннеля сжимались вокруг. Сине-белые лампы остались позади.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Впереди свет! — Голос Смита эхом прокатился под каменными сводами.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой! Многочасовое восхождение по естественным туннелям, узким расселинам и гулким пещерам вымотало их настолько, что они уже почти потеряли надежду. Если бы не настойчивость двух американцев, они бы давно сдались и остались умирать в каком-нибудь закутке каменного лабиринта. Только недюжинная сила Эда позволила им пройти через все испытания, потому что именно он, упершись руками в одну стену, а ногами в другую, взобрался по перпендикулярному «дымоходу» и бросил веревку остальным.

Никто не знал, сколько времени прошло с тех пор, как они оставили «Солнечную птицу» качаться на подводной реке и начали подъем. Вероятно, дня два-три, но это время казалось вечностью. На этом пути их поджидали разочарования, тупики, отступления и новые старты. Им встречались трещины, слишком узкие для прохода, стены, слишком ровные для того, чтобы по ним взобраться, пещеры с единственным выходом на потолке. Маргарет, все еще слабая, вскоре устала. Марк помогал ей до тех пор, пока силы его не иссякли, тогда Эд пришел ему на помощь. Спокойное терпение американцев изумляло. Они снова и снова без горечи или бессильной ярости возвращались из тупиков и искали другой путь. Если они и чувствовали отчаяние, то не показывали его, их уверенность поддерживала остальных.

Если не считать моментов, когда Эд совершал восхождения, Смит шел впереди. На груди у него был подвешен прожектор с «Солнечной птицы», а на спину он взвалил батарею. За ним двигался Эд, несущий Маргарет, затем Гордон, светящий своим шаром. Марк с еще одной лампой и батареей поменьше замыкал шествие. Каждый нес с собой грибы для еды. Первоначальный запас уменьшился втрое, а то, что осталось, стало сухим и жестким.

Голос Смита вдохнул в них новую жизнь. Марк забыл, что ноги его в изодранных в клочья ботинках покрыты волдырями, и прибавил шаг, догоняя Гордона.

— Дневной свет? — изумился он.

— Конечно, солнечный свет! — воскликнул Смит.

Они вышли из щели на узкий выступ. Солнце собиралось садиться за шероховатую линию гор. Некоторое время все молчали.

— Вот это да! — сказал, наконец, Эд, наклонившись к Маргарет.— Ну, разве это не замечательно? Во всем Божьем мире нет места лучше... И, думаю, больше я такого не увижу! Как же там, под землей, нам не хватало солнца!

Марк подошел к Маргарет и обнял ее.

— Не надо плакать, дорогая. Все позади.

— Я знаю,— с трудом произнесла она.— Поэтому я и плачу. Это так замечательно, и я так счастлива. Ах, Марк...— Она обняла его за шею забинтованными руками.

Гордон осторожно положил свой легкий шар на землю и уставился на закат с видом человека, наблюдающего интересный и несколько необычный феномен.

— Ну, что мы будем делать дальше? — довольно прозаично спросил он, когда скрылся последний луч.

— Спать! — незамедлительно ответил Смит.

— Как скажешь,— согласился Эд.

— Нам надо как можно скорее уносить отсюда ноги,— заметил Смит, доедая уже совсем сухой и неаппетитный гриб.— Никто не знает, когда произойдет следующий прорыв и насколько велик он будет. Если мы хотим вызволить остальных, нам надо сейчас же отправляться в путь. Вот что я предлагаю.— Он повернулся к Гордону.— Ты немного говоришь по-арабски, так ведь? — Гордон кивнул.— Тогда вы с Марком пойдете в ближайшую деревню, выясните, где мы находимся, и возьмете что-нибудь, на чем можно ехать, неважно — верблюдов, лошадей, мулов. И принесете нам с Эдом какое-нибудь арабское тряпье, бурнусы или как там они называются? Мы будем вас ждать, а затем все вместе отправимся к цивилизации. Ну, как?

Гордон заколебался.

— А почему бы не пойти вам с Эдом? Вы оба вдвое крупнее нас, а арабы очень крупные люди.

— На это есть две веские причины. Во-первых, мы знаем только два слова из этой тарабарщины, зато ты хорошо понимаешь их язык, у Марка же есть деньги, которые везде с успехом заменяют язык! А во-вторых, эти отрепья! — Он показал на лохмотья мундира.— Наткнемся на арабского кавалериста, и нам конец!

— При чем здесь кавалерист? — спросила Маргарет.

— А это нечто вроде местного копа. Он получает двадцать пять франков за каждого дезертира из Легиона, живого или мертвого. С мертвым меньше проблем, сами понимаете.

— Но вы же не дезертиры!

— Нет, но кто в это поверит? Не очень-то хочется, чтобы нас убили, а потом признали невиновными. Более того, мне кажется, мы избавим себя от многих проблем с дока-

зательствами, если вы тронетесь прямо сейчас. Что скажете? — Он вопросительно посмотрел на Эда.

— Идея подходящая.

— А что потом? — спросил Марк.

— Направимся туда, где можно встретить белого человека. Осмотримся, и если все будет нормально, расскажем о пигмеях. И, поверьте мне, нам придется запастись очень вескими доводами!

— У нас есть доказательство! — Гордон показал на шар.

— И оно нам понадобится. Ну, как вам мое предложение? Что скажете?

— Да,— согласился Марк,— но где мы найдем деревню?

Смит посмотрел на долину. Он показал на маленький ручеек, извивающийся по грязному дну.

— Видите? Держу пари, кому-то этот ручеек служит источником воды. Здесь не привередничают. Идите вниз по течению и вскоре найдете деревню.

— Вы правы. Что ж, до свидания, позаботьтесь о Маргарет!

— И присмотрите за лампой,— добавил Гордон.— Не позволяйте этой проклятой кошке приближаться к ней!

Трое оставшихся на выступе наблюдали, как они спустились и повернули на север.

— Им ничто не угрожает? Вы уверены? — спросила Маргарет Эда.

— Клянусь жизнью,— ответил тот более уверенно, чем сам ожидал.

Неделю спустя группа, накануне пришедшая в Алжир из Джельфы, сидела за столиком в кафе. Они привлекали интерес своей необычной внешностью. Во-первых, у их ног дремала непривлекательного вида кошка, а во-вторых, у девушки были перебинтованы руки. Лоб и верхняя часть лица одного из спутников девушки были покрыты темным загаром, а нижняя часть оставалась белой, словно он недавно сбрил бороду.

— Жаль, что у меня не хватило ума сохранить бороду! Я выгляжу, как цирковой клоун! — обратился он к своим товарищам с аккуратно подстриженными бородами.

Маргарет засмеялась.

— Ничего, дорогой, ты мне больше нравишься без нее, а лицо вскоре покроется загаром.

Смит с большим удовольствием опрокинул четвертую порцию бренди.

— Вот так пьет белый человек! — Он заказал еще и посмотрел на улицу.

— Ну, где же Гордон, черт возьми?

— Отправился за чемоданом для своего драгоценного шара! Сказал, что ему понадобится для этого полчаса.

— Ну, он уже опаздывает! — Смит замолчал и тревожно нахмурился.— Вы уверены, что правильно все поняли? — спросил он.— Вы идете втроем и передаете информацию, но не говорите о нас с Эдом! Мы останемся «на сладкое»! Если вам не поверят, тогда вмешаемся мы!

— Я не понимаю, что они могут вам сделать, даже если обнаружат, кто вы,— сказала Маргарет.— В конце концов срок службы в Легионе — пять лет, и он давно истек!

— Если нас записали в дезертиры, то на это срока давности нет, наивная вы душа! — ответил Эд.— Хоть убегай за тысячу миль!

— Вот он! — сказал вдруг Марк.

Гордон спешил к ним по наводненному людьми тротуару. Он выглядел возбужденным, а лицо у него было таким же темно-белым, как у Марка. В одной руке он сжимал ручку неуклюжего куба кожаной коробки, а другую поднял над головой и размахивал газетой.

— К чему такая спешка? — осведомился Смит, когда тот подлетел к столу.— Ты и так опоздал на полчаса, так о чем волноваться?

— Посмотрите! — Гордон, задыхаясь, бросил газету на стол и упал на стул.

— Боже правый! — Марк заметил заголовок.

Все четверо вытянули шеи и прочли:

«ТАЙНА НОВОГО МОРЯ».

И ниже более мелкими буквами:

«Уровень опускается на 24 сантиметра за ночь».

— Сколько это? — спросил Эд.

— Дюймов девять-десять,— пробормотал Марк, читая дальше.

«Новое море, уровень которого некоторое время оставался постоянным, прошлой ночью вновь удивило экспертов. Инженеры, отвечающие за работу, были спешно подняты с постелей. Прибыв на наблюдательную станцию, они обнаружили, что уровень Нового моря быстро понижается. „Это потрясающе,— сказал мосье Радье, руководящий работами в Кабе, в интервью нашему корреспонденту.— Никогда раньше ничего подобного не наблюдалось. До десяти часов уровень продолжал, как обычно, повышаться, а потом стал быстро падать. Дежурные встревожились и сообщили нам. Прибыв на место, мы тотчас же удостоверились, что их тревога небеспочвенна. Падение уровня воды продолжалось всю ночь, хотя насосы, как обычно, работали. Сегодня утром уровень упал на 23, 832 сантиметра, и до сих пор эта цифра остается неизменной. Для нас это очень серьезно, так как означает несколько лишних недель работы". На вопрос, видит ли он какую-нибудь причину, мосье Радье ответил: „Нет. Это необъяснимо". В ответ на предположение, что подобное может повториться, он пожал плечами. „Пока нельзя сказать ничего определенного. Требуются наблюдения и исследования",— заявил он. Еще один ответственный чиновник, мосье Пон, в интервью сказал: „Падение, должно быть, вызвано внезапным оседанием морского дна". На вопрос, обычное ли это явление, он ответил: „Нет, но меня это не удивляет. Земная поверхность подобна губке". Тогда наш корреспондент предположил, что просачивание такого большого объема воды грозит опасностью, если она достигнет раскаленного слоя. Мосье Пон, улыбнувшись, ответил: „Не стоит этого бояться: если бы вода добралась до магмы, мы бы сейчас с вами не разговаривали"».

Дальше шли заметки, повторявшие друг друга. Все четверо прочли интервью и посмотрели друг на друга. Смит выпил бренди и закурил.

— Бедняги,— сказал он.— Я догадывался, что так оно и будет!

Марк кивнул. Десять дюймов воды над этим обширным пространством представляли собой немыслимое число гал-

лонов. Да, это был конец. Настал большой прорыв. Теперь из пещер пигмеев никому не спастись!

— Интересно, выбрался ли кто-нибудь, кроме нас? — спросила Маргарет.

— Вероятно, кое-кому из пленников,— предположил Гордон,— и посчастливилось подняться по вентиляционным шахтам, но только не пигмеям...

— Что ж,— произнес Эд с некоторым облегчением в голосе,— это дает нам свободу. Сейчас уже нет смысла сочинять всякие байки, и я не прочь доложить вам, ребята, что когда уберусь с французской территории, у меня станет гораздо легче на душе!

— У меня тоже,— согласился Смит.— Но куда мы отправимся?

— Разумеется, в Лондон,— ответил Гордон.— Вы забыли, что являетесь членами правления «Колд Лайт Компани Лимитед»?

Маргарет оглядела группу.

— Да. Лондон,— согласилась она.— Но есть кое-что поважнее «Колд Лайт Компани». Вы приглашены на свадьбу!

Смит опрокинул остаток бренди.

— Бесплатная выпивка? — осведомился он.

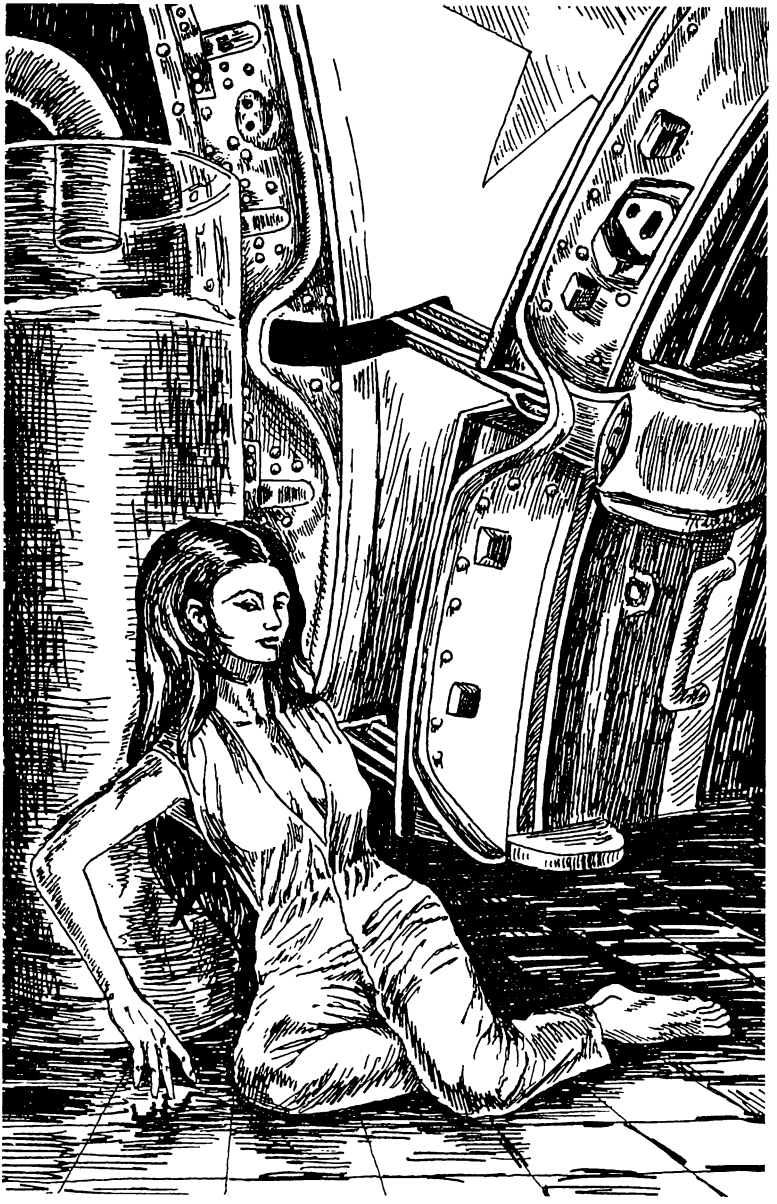
— Целый океан!

Смит встал и потянул за собой Эда.

— Это хорошие новости, Маргарет! Вези нас в Лондон!

ЗАЙЦЕМ НА МАРС

Глава первая

СМЕРТЬ НЕЗНАКОМЦА

Джейк Рейли, ночной сторож, совершал обычный обход. Он не чуял опасности и даже зевал. Покинув лабораторное крыло, он зашел в главный монтажный цех. На пороге он на мгновение остановился, глядя на сооружение в центре и смутно гадая, как же продвигается строительство. Судя по всему, создание подобной машины — дело весьма долгое. На его взгляд, ее внешний вид уже много месяцев не менялся.

Но видел-то Джейк немногое. Высящийся посреди цеха корабль так тесно окружали строительные леса, что тусклый свет, пробивающийся между опорами, лишь кое-где отражался от полированной металлической поверхности.

— Надо думать, теперь работают, в основном, внутри,— сказал он самому себе.

Он включил фонарик и с любопытством провел белым лучом туда-сюда. Центральная часть здания была круглой. Вдоль стены располагались токарные и другие легкие металлорежущие станки. Сооружаемая конструкция загораживала противоположную стену, и сторож двинулся в обход, старательно осматривая помещение. Луч его фонаря метнулся вверх, пробегая по узкой галерее, протянувшейся вдоль стены. Все выходящие в зал двери оказались закрыты. Он направил луч выше уровня тускло светящих, зате-

ненных ламп. Там перекрещивались идущие в разных направлениях тяжелые валки, с которых свисали огромные тали. Соединенные с ними тросы и цепи провисали, закрепленные на железных крюках в стенах. Сторож накренил фонарь так, что яркий круг света снова пробежал вниз по выпуклой металлической стенке.

— Все равно как оказаться внутри этакого газгольдера, вот на что это похоже,— не в первый раз сказал он себе.— Эта штука, должно быть, стоила кучу денег, и, по-моему, она так и не взлетит.

Раздавшийся звук заставил его одеревенеть. Звякнул металл о металл. Сторож переложил фонарь в левую руку, а в правой появился большой черный пистолет. Рейли пошарил лучом, прошелся кругом света по более темным частям помещения.

— Ну-ка, там! Кто тут? Выходи,— приказал он.

Ответа не было. Голос его гулко отражался от металлических стен.

— Лучше выходи по-быстрому. У меня пистолет,— бросил Джейк в полумрак.

Он начал пятиться к двери, где находилась кнопка сигнализации. В одиночку тут никого не поймаешь, решил он. По этим лесам можно носиться часами.

— Лучше выходи сам, если не хочешь схлопотать пулю,— пригрозил он.

Но ответа он по-прежнему не услышал. Он теперь находился рядом с кнопкой. И засомневался. Звякнуть могла и крыса. Однако лучше убедиться в своей правоте, чем потом сожалеть. Он повесил фонарь на мизинец правой руки и, не оборачиваясь, протянул руку к выключателю.

Откуда-то из темноты внезапно донеслось «пу». Джейк конвульсивно дернулся. Пистолет и фонарь со стуком упали, он и сам повалился на пол.

Из-за лесов выскользнула темная фигура и бегом пересекла зал. Подбежав к сторожу, таинственный гость на мгновение нагнулся. Убедившись, что сторож мертв, он оттащил тело в сторону и положил его за токарным станком, где труп не сразу попадется на глаза. Возвращаясь, незнакомец пинком отбросила фонарь, подобрал упавший

пистолет и сунул его в карман. Несколько секунд темная фигура оставалась на месте, а затем, убедившись, что сигнализация не сработала, прицелилась в ближайшую из светящихся лампочек. Четырежды раздалось приглушенное «пу», словно удар палкой о подушку, и каждый раз лопалась лампочка. В полнейшей темноте прозвучал щелчок — в пистолет вставили новую обойму. «Гость» осторожно прокрался к центральным лесам, по пути расстреливая лампочки.

Балконная дверь внезапно открылась, и тьму пронзил веер лучей.

— Эй,— произнес голос,— что со светом? Где этот дурень Рейли? Рейли! Где тебя черти носят? — проорал он.

Таинственный гость задержался лишь на миг, а затем навел пистолет на силуэт в дверном проеме. Снова раздалось приглушенное «пу». Стоявший наверху исчез, и дверь захлопнулась. Человек с пистолетом что-то пробормотал и кинулся к лесам.

Он едва-едва успел добраться до них, когда прожектора залили помещение ярким светом. Человек в темном, ослепленный, испуганно озирался, но был по-прежнему один. Он снова поднял пистолет и прицелился в прожектор. «Пу!» Один готов, теперь следующий.

Но следующему не довелось погаснуть. В замкнутом пространстве грохнул взрыв. Человек быстро повернулся. Грохот раздался вновь. От удара тяжелой пули он пошатнулся и рухнул ничком у подножия лесов.

— Попал,— объявил голос.

Дверь на галерею снова широко распахнулась.

— Тебе чертовски повезло, что он не попал в тебя,— отозвался другой охранник.

— У него был неудобный угол стрельбы. Он попал в перила,— спокойно ответил первый.

Послышался невнятный гул приближающихся голосов. Дверь внизу распахнулась, появилась группа взъерошенных людей. Очевидно, их разбудили выстрелы, а задержались они ровно настолько, чтобы натянуть пальто поверх пижам и прихватить оружие. Один из стоящих на галерее крикнул вниз:

— Все в порядке. Мы его подстрелили. Он с этой стороны.

Охранники двинулись по галерее, а группа внизу пересекла цех. К тому времени, когда стрелки спустились, вокруг тела собралась небольшая толпа. Человек, стоявший рядом с ним на коленях, поднял голову:

— Он мертв.

— Как же так, доктор? Я же не собирался вышибать ему мозги...

— Нет, вы попали ему в плечо, но он, падая, ударился головой об одну из опор.

— Проклятье. Я надеялся что-нибудь из него выжать. Есть при нем хоть что-нибудь, чтобы определить, кто он такой? — Сторож обвел взглядом собравшихся.— Где черти носят этого Рейли? Кто-нибудь, сходите и приведите его.

Один из группы отправился выполнять поручение. Неподалеку от двери он остановился, заметив торчащую из-за токарного станка ногу. Подозвал остальных:

— Рейли здесь. Боюсь, его подстрелили.

Доктор, стоявший на коленях рядом с первым трупом, поднялся и поспешил осмотреть тело сторожа. Ему хватило и одного взгляда.

— Бедный старина Джейк, пуля угодила прямо в сердце.— Он повернулся к спустившемуся с галереи мужчине.— Что нам с ним делать, мистер Кертенс?

Дейл Кертенс нахмурился и на мгновение заколебался.

— Перенесите обоих ко мне в кабинет,— решил он.

Доктор подождал, пока люди с носилками удалятся, и посмотрел на Дейла.

— Что же на самом деле случилось? — спросил он.

Дейл пожал плечами.

— Я знаю примерно столько же, сколько и остальные. Я задержался допоздна, работая с Фуллером, и ничего не слышал. А ты, Фуллер?

Секретарь покачал головой.

Дейл продолжил:

— Потом, когда мы вышли на галерею, свет погас, и кто-то выстрелил из пистолета с глушителем. Мы, естественно, побежали и включили прожектора, а затем я пальнул в него.

— Ты его знаешь?

— Никогда раньше не видел. А кто-нибудь из вас его узнал?

Оба собеседника покачали головами. Доктор подошел к телу и продолжил обследование.

— При нем ничего нет,— объявил он через некоторое время.— Не удивлюсь, если окажется, что он иностранец; во всяком случае, одежда на нем не английская. Вы, конечно, понимаете,— добавил доктор,— что нам придется сообщить в полицию?

Дейл нахмурился.

— А нельзя ли нам... э-э?..— начал он.

— Нет, определенно нельзя. Сейчас все уже знают об убийстве. Очень скоро слух о нем дойдет и до полиции. И тогда замалчивание будет выглядеть не слишком-то хорошо. Нет, боюсь, что вам придется через это пройти.

Дейл все еще хмурился.

— Проклятье! Это означает, что нашему уединению конец. Газеты станут мусолить эту историю. Тут будут кишмя кишеть репортеры. Они станут повсюду рыскать и пытаться всех подкупить. Мне хотелось сохранить нашу подготовку в тайне,— а теперь об этом не может быть и речи. Черт побери!

— А так ли это важно? — встрял секретарь Фуллер.— В конце концов монтаж почти завершен. Никто другой не сможет за оставшийся срок построить «челленджер». Мне кажется, что нам почти нечего терять — за исключением покоя, конечно.

— Это правда,— согласился Дейл.— Мы сохраняли тайну, ожидая, что на каждом шагу нам будут ставить палки в колеса.

Доктор помолчал, раскуривая трубку, и задумчиво посмотрел на Дейла.

— Как мне представляется, тайна и так раскрыта. Для чего он, по-твоему, здесь шастал? — Доктор кивнул в сторону трупа в черном костюме.— Это не просто случайный взломщик, можно не сомневаться. Пистолет с глушителем, никаких документов... Нет, на нас уже кто-то вышел. И кто бы это ни был, он прислал шпиона.

— Одно утешение, что раньше нас такую машину никто построить не успеет. У нас у самих будет хлопот полон рот, чтобы закончить к концу сентября.

— Но, возможно,— мягко поправил доктор,— кто-то давно ее строит. В секретность-то играть могут и двое. Ну, а теперь, я полагаю, нам пора позвонить в полицию.

Глава вторая
ДЕЙЛ

Дейла Кертенса нельзя было назвать бесстрашным человеком. И не только потому, что бесстрашный человек — это человек, лишенный воображения, но и потому, что со старыми страхами трудно расстаться. Но, глядя на Дейла, на его шестифутовую, широкоплечую фигуру, на длинные руки с сильными веснушчатыми кистями и голубые глаза, холодные и твердые, как лед, могло показаться, будто перед тобой настоящий герой. Воин скандинавского происхождения с чередой предков: суровых бойцов, которые с мечом в руке не страшились ничего в этом мире и мало чего в мире ином — ибо они чтили Одина только для того, чтобы обеспечить себе вечное сражение среди защитников Валгаллы. О Дейле же, их потомке, обитающем в мире, где сильным нет необходимости сражаться, как и быстроногим — бегать, можно было сказать, что он менее труслив, чем его собратья.

Дейлу не следовало бы жениться, по крайней мере, не следовало жениться на такой женщине, как Мэри. И Мэри в глубине души сама это понимала.

Ему бы следовало покорить одну из тех девочек, которые увивались за ним в прошлом. Следовало поселить в своем доме одну из тех хорошеньких златовласок, которые только на это и надеялись. Супруга испытывала бы вечную радость, что она избрана и находится ближе всех к герою, которому аплодируют миллионы. Ее бы постоянно питала зависть этих миллионов, она бы жила в отраженном блеске его триумфа. Супруги могли бы жить долго и счастливо, пока Дейл голову не сломит.

Мэри не преклонялась перед мужем. Не тот у нее был темперамент, хотя вначале и она не смогла остаться нечувствительной к очарованию его успеха. Возможно, что как раз ее спокойствие по контрасту с бурным восторгом других и привлекло Дейла при первой встрече. Быть может, он устал от триумфа в обществе и легких побед. Так или иначе, он влюбился в нее. А Мэри любила его на свой лад.

Нынешним утром, сидя в постели с развернутой газетой над нетронутым подносом с завтраком, она мысленно окинула взглядом их совместную жизнь.

Стремительный роман и стремительный брак. Одно слово вырвало ее из прежней спокойной жизни и окунуло в безумный водоворот известности. Во время учебы ей постоянно докучали просьбами дать интервью, подписать статью, приставали фотографы и рекламщики. Пресса обыграла их брак в лучшем виде: она отняла у Мэри даже свадьбу, подменив ее публичным цирком.

Дейл так и не узнал, как она негодовала. Казалось, он никогда не считал, что присущая журналистам жажда подробностей граничит с нарушением приличий. Мэри старалась не возражать. Но неизбежно, что они смотрели на такие вещи по-разному. Она воспитывалась в кругу людей неброских, незаметных, не страдавших от известности в обществе и не желавших ее. А Дейл практически родился на газетной передовице — в блестящей сорочке и с мегафоном, объявлявшим о его прибытии. Первый и, как оказалось, единственный сын Дэвида Кертенса, известного всему свету как «Авиационный Форд».

Да, Дейл стал новостью с момента рождения. Газеты выплеснули ее крупным шрифтом. У Дэвида Кертенса, человека, создавшего «гирокерты» — воздушные «форды» — мультимиллионера, первейшего в мире промышленника, занятого массовым производством летательных аппаратов, родился сын Дейл. Не удивительно, что известность ничуть не беспокоила Дейла.

После медового месяца пресса на время оставила молодоженов в покое. И хотя Мэри ощущала на себе взгляды журналистов, приглядывающихся к ней в надежде первыми сообщить сенсационную новость о надвигающемся «сча-

стливом событии», пара лет прошла сравнительно мирно. Фамилия Дейла лишь изредка появлялась на первых полосах. Казалось, молодой Кертенс успешно превращался из современного героя в героя легендарного.

А теперь вдруг это!..

Под датой «10 марта 1981 года» шла шапка заголовка:

«ДВОЙНАЯ СМЕРТЬ В ЦЕХЕ КЕРТЕНСА»

Ниже следовало:

«ТРАГЕДИЯ НА ЗАВОДЕ КОРОЛЯ СКОРОСТИ»

Мэри, нахмурясь, прочла о судьбе ночного сторожа и проникшего в ангар постороннего, личность которого в настоящее время установить не удалось. Последнего, похоже, уложил самолично Дейл в ходе длительной и отчаянной дуэли. Редактор выражал радость, что сам ас скорости остался цел и невредим. Мэри уже достаточно поднаторела в традициях журналистики, чтобы отбросить большую часть сенсационной упаковки. Но факт оставался фактом: случились две смерти, и Дейл снова попал на первую полосу. Все ее старания уйти в тень пропали пропадом.

Но если газетная передовица вызвала раздражение, то последний абзац привел ее в настоящее смятение.

«Одним из последствий этой трагедии стало открытие, что в мастерских Кертенса в последнее время проводилось много тайных экспериментов. Надежный источник сообщает, что конструкторы Кертенса далеко продвинулись в создании летательного аппарата нового типа, хотя пока нельзя открыть никаких подробностей. „Что Кертенс будет делать дальше?“ — вот вопрос, который станут задавать себе многие. Хотя сам Дейл Кертенс хранит на этот счет строгое молчание, не может быть никаких сомнений, что его новый ракетоплан — шаг к новому рекорду. Какой бы рекорд он ни собирался попытаться побить, мы знаем, что с Кертенсом будут не только наши добрые пожелания, но и добрые пожелания наших читателей. „Керти“, кото-

рый приложил столько сил, чтобы вывести Англию „на первое место в воздухе", обнаружит по возвращении, что его место в Зале Славы Англии не позволили узурпировать никому. Удачи тебе, Керти».

Мэри нажала кнопку звонка рядом с постелью и попросила явившуюся на вызов горничную:

— Дорис, передайте, пожалуйста, мистеру Кертенсу, что я хотела бы сейчас же его видеть.

Девушка заколебалась.

— Он очень занят, мадам,— неуверенно проговорила она.— Джентльмены из газет...

Мэри приподнялась на локтях и выглянула в окно. Лужайку и поле за ней усеяло множество гирокертов и других летательных аппаратов. Странно, что она не заметила их прибытия.

— Давно они здесь? — спросила она.

— Как я понимаю, мадам, некоторые пробыли тут почти всю ночь, а другие прилетели сегодня еще затемно. Они ждали встречи с мистером Кертенсом, он спустился к ним всего несколько минут назад.

— Понятно. Тогда, наверно, сейчас его лучше не беспокоить.

Когда девушка вышла, Мэри расслабилась и уперлась невидящим взором в потолок. Она знала по личному опыту, что Дейла невозможно оторвать от этих упорных молодых людей из прессы. Связи с общественностью занимали первое место, а она — лишь второе.

Мэри протянула руку к газете и перечитала последний абзац. Какой же она была дурой, надеясь, что этого не случится. Она выронила газету и лежала, думая о Дейле и о себе.

Когда она вышла за Дейла, то сумела вызвать у себя сочувствие к его интересам. Теперь же вынуждена была признаться себе, что утратила это сочувствие. В редкие мгновения полной откровенности она признавала, что ревнует к его мужским интересам.

Десять лет назад, когда Дейлу было всего двадцать четыре, он выиграл свой первый беспосадочный Экватори-

альный Полет и стал кумиром для тысяч людей. И это было лишь начало его фантастических успехов. Он продолжал идти от победы к победе, собирая в ходе своей эффектной карьеры призы и срывая все новые аплодисменты. С той поры он трижды побил собственный рекорд. Благодаря упорному труду и выносливости Дейл вырос в глазах общественности до масштабов какого-то сказочного сверхчеловека.

Супруга сожалела, но принимала тот факт, что массы давали ему нечто такое, чего она не могла дать. Как-то раз, находясь в состоянии полной депрессии, она призналась подруге:

— Мои соперницы не столько люди, сколько вещи. Вещи, вещи, вещи! Почему мужчины так много думают о вещах? Почему им всегда хочется все менять и изобретать новые и новые машины? Ненавижу их машины! Иногда я думаю, что они естественные враги женщин. Когда я вижу пролетающую ракету, то часто говорю себе: «Мэри, вот твоя соперница — она может дать твоему мужу больше, чем ты...» Нет, это не чепуха. Если я сейчас умру, то он тут же обратится к своим машинам и напрочь забудет обо мне, делая их. Но если у него заберут его любимые машины, он не посвятит себя мне, а попросту захандрит и будет несчастен.

Я ненавижу его машины. Мне хотелось бы разнести их на мелкие кусочки. Они меня пугают и иногда снятся по ночам. Большие колеса гудят, кружатся, а длинные стальные штоки скользят вверх-вниз. Дейл стоит среди них, смеясь надо мной, потому что я не могу к нему пробиться, а ряды колесных зубцов готовы перемолоть меня, если я попытаюсь подойти. Я могу лишь стоять в отдалении и плакать, тогда как Дейл смеется, а проклятые машины грохочут и грохочут. Говорю тебе, ненавижу я их. Ненавижу!»

Неразумно было, сообразила она теперь, выжимать из Дейла обещание, что он прекратит гонки на ракетопланах и будет участвовать только в состязаниях для маломерных судов класса флип. Он уступил лишь с большим скрипом, это раздражало его, хотя сперва он и пытался скрывать

раздражение. Теперь же она поняла, что Дейл не мог сдержать свое обещание.

Размышления Мэри прервал хруст гравия. Чьи-то голоса выкрикивали невнятные фразы. Раздался глухой стук моторов, зажужжали вращающиеся паруса. Гирокерты и другие аппараты взмыли в воздух.

Дверь открылась, и вошел Дейл. Нагнувшись, он поцеловал супругу. Усевшись на край постели, взял ее за руку и извинился за опоздание. Мэри лежала, откинувшись на подушку. Он выглядел таким молодым, таким сильным и полным энергии. Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, Мери порой казалось, что она старше. Дейла невозможно было представить себе иным, только юным искателем приключений. До нее вдруг дошло, что муж выглядит счастливее, чем в последнее время.

— Дейл,— спросила она,— чего хотели все эти репортеры?

— Прошлой ночью у нас в мастерских случилась одна небольшая неприятность,— признался он.— Они хотели об этом знать, дорогая. Ты ведь в курсе, как они стремятся вызнать все до мельчайших подробностей.

Мэри посмотрела ему в глаза.

— Дейл, пожалуйста, будь со мной откровенен. По-моему, их гораздо больше интересует вот это,— она взяла газету и показала последний абзац.

Он прочел и согласился:

— Наверное, да.

— А теперь, когда ты рассказал о своих исследованиях всему миру, мог бы рассказать и собственной жене.

— Сожалею, дорогая. Я вообще никому не рассказывал, и никто бы еще много месяцев ничего не узнал, если бы не вчерашний случай. Газетчики пронюхали, и их было не остановить.

— Дейл, ты обещал мне, что оставишь гонки на ракетах.

Он опустил глаза и поиграл с пальцами руки.

— Это не совсем ракетные гонки...— начал он.

Она покачала головой.

— Но ты мне обещал...

Он встал и подошел к окну, засунув руки в карманы брюк.

— Я должен. Когда я это обещал, то не ведал, что говорю. Думал, что смогу угомониться, бросить все это. Я попробовал, но, видно, не создан проектировать машины для других людей. Черт подери, я еще не старик. За последние два года я спроектировал и построил несколько лучших в мире ракетопланов! А потом мне приходилось сидеть на земле, словно какому-то замшелому старцу лет восьмидесяти, в то время как разные молодые дураки проигрывали гонки и гробили мои машины чертовски скверным пилотажем. Думаешь, легко мне было смотреть, как измываются над моими творениями? А я все время знал, на что способны мои машины, и мог это доказать! Последний год был для меня просто адом, это было все равно как... все равно как рожать одного мертворожденного ребенка за другим.

— Дейл!

— Извини, Мэри, извини, милая.— Он снова повернулся к ней.— Мне не следовало этого говорить. Но неужели ты не понимаешь, что для меня значат ракетопланы? Работа с ними отнимала всю мою жизнь. Попытайся это понять, дорогая.

Слушай, ты всю свою жизнь хотела ребенка, которого тебе предстоит родить. А что если бы тебе вдруг сказали: ты не сможешь его иметь,— вообще никогда не сможешь иметь детей. Разве после этого весь мир не показался бы тебе никчемным? Разве жизнь не лишилась бы смысла? Именно это я и ощущал. Я пообещал тебе бросить дело, которым всю жизнь хотел заниматься до того, как встретил тебя. Ну, я пытался и сделал все, что в моих силах, но этого обещания я сдержать не смогу...

Мэри лежала молча. Она не понимала, точнее, не хотела понимать. Муж вел себя эгоистично и глупо. Сравнивать разбившуюся машину с мертворожденным ребенком! Говоря так, словно его страсть к скорости можно сравнивать со стремлением родить ребенка. Какая чушь! Он сам говорил, словно ребенок. Почему он не мог понять, что это значило для нее?..

Дейл продолжал говорить. Что-то о том, что она творит своим телом, а он — своим умом. Что ни ему, ни ей нельзя налагать запрет на право другого творить. Но она никогда и не говорила, что ему не следует строить ракетопланы — ему не следует на них летать. Это нечестно... Ведь это его ребенка ей предстояло родить. Его собственного ребенка, который заставлял ее чувствовать себя такой больной и старой...

— Что ты собираешься делать с новой ракетой? — спросила она.

— Попытаюсь выиграть приз Кейнца,— кратко ответил он.

Мэри резко села на постели. Глаза ее расширились в ужасе.

— О, Дейл, нет...

Голос ее оборвался, Мэри упала в обморок.

Глава третья
ПОСЛЕДСТВИЯ

Во вторник вечерние газеты подняли изрядный шум вокруг Дейла, но читающая публика, закаленная примерами того, как сегодняшние сенсации на следующий день опровергаются, в среду утром восприняла это сообщение как новинку. Игнорировать извергнутые с Флит-стрит заголовки было невозможно.

«КЕРТЕНС ОТВАЖИВАЕТСЯ
НА СМЕРТЕЛЬНЫЙ РЕЙС» —

вопила «Дейли Хейл».

«„КЕРТ“ И ПОКУШАЕТСЯ НА ПРИЗ КЕЙНЦА» —

ревела «Дейли Эксцесс», а «Вьюс-Рикорд» подхватывала:

«АНГЛИЙСКИЙ АВИАТОР
БРОСАЕТ ВЫЗОВ КОСМОСУ»

«Постер» и «Телеграмм» напечатали передовицы о британской смелости и отваге, поминая Нельсона, генерала

Гордона[1] и Малькольма Кэмпбелла[2]. «Постер» также поведала, что Дейл когда-то охотился верхом.

«Дейли Социалист» после похвального слова на первой странице, очень схожего с помещенным в «Хейл», в короткой статье, на менее заметном месте газеты, задавалась вопросом: нельзя ли было пущенные на такое предприятие средства с большей выгодой израсходовать на социальные нужды? «Дейли Артизен» преподнесла данную историю под несколько пристрастным заголовком:

«МИЛЛИОНЕР НАЦЕЛИВАЕТСЯ
НА НОВЫЙ МИЛЛИОН».

«Громовержец» упомянул в небольшом абзаце «этот интересный проект».

В девять часов утра «Вечернее Знамя» сообщило в спецвыпуске:

«ПЛАНЫ АВИАТОРА»

На что «Стеллар» ответила:

«ПОЛУЧИТСЯ ЛИ У НЕГО?
МОЖЕТ ЛИ ОН ПРЕУСПЕТЬ В ЭТОМ?»

В десять часов телефон в кабинете главного редактора «Дейли Хейл» зазвонил вновь. Чей-то голос уведомил, что миссис Дейл Кертенс желает увидеться с ним по срочному делу.

---

[1] Гордон, Чарльз Джордж (1833–1885) — английский генерал. В 1855 году участвовал в Крымской войне. В 1860 — в колониальной войне Англии и Франции против Китая. В 1863–1864 подавлял там же восстание тайпинов, проявив при этом исключительную жестокость. С 1874 по 1879 гг.— губернатор в Судане (сначала до 1877 г. провинции, потом всей страны). В 1884 г. снова отправлен в той же должности в Судан для подавления восстания махдистов, где и был убит во время штурма Хартума.

[2] Кэмпбелл, Малькольм (1895–1948) — английский гонщик, установивший мировые рекорды скорости в гонках на суше и воде. Все свои гоночные автомобили и глиссеры он называл «Синяя птица».

— Ладно,— согласился он.— Тащите ее наверх.

В десять двадцать у главного редактора «Дейли Хейл» завязался долгий и сложный телефонный разговор с лордом Дитерниром, владельцем концерна «Концентрированная Пресса». Приблизительно в десять сорок он распрощался с миссис Кертенс и вернулся к письменному столу с пересмотренной издательской политикой.

В одиннадцать часов мистер Фуллер от имени мистера Кертенса сообщил агентству по найму, что ему требуется полдюжины компетентных секретарей.

В двенадцать часов некий Билл Хиггинс, рабочий, занятый на строительстве моста Черинг Кросс, отправился на обед. Насытившись мясным пирогом и несколькими глотками холодного чая, он обратился к новостям со всего света, листая «Экспресс». Неспешно просматривая газету, он со временем добрался и до первой страницы. Там на него произвела впечатление большая фотография Дейла Кертенса. Для усиления героического эффекта камеру расположили ниже, чем обычно. Взгляд Билла поднялся к заголовку, он нахмурился и толкнул локтем в бок соседа.

— Что это за Приз Кейнца, Альф? — спросил он.

— Тю! — промямлил Альф, аккуратно сплевывая в мутные воды Темзы.— Неужто ты никогда не слыхал о Призе Кейнца? Тю!

— Нет, не слыхал,— уведомил его Билл. Он был человеком терпеливым.

Альф любезно объяснил.

— Этот малый, Кейнц,— американец. Он построил первую фабрику ракетопланов в Чикаго, а потом почти сразу стал миллионером. Но ему было мало того, что его клятые ракетопланы бухают и грохочут по всему миру; он не понимал, почему бы им не рвануть и куда подальше.

— Что ты имеешь в виду? На Луну? — спросил Билл.

— Да, на Луну и к другим планетам. Так что в 1970-м он взял да и выложил пять миллионов долларов — а это

больше миллиона фунтов. Создал фонд, который выплатит эти деньги первому, кто доберется до какой-нибудь планеты. Конечно, если тот вернется.

— Тю! Миллион фунтов! — Сумма произвела на Билла впечатление.— И его еще никто не заработал?

— Никто — и вряд ли кто получит,— пренебрежительно бросил Альф.— И вообще не увидит как своих ушей,— добавил он и снова сплюнул в Темзу.

В час двое вполне сытых на вид джентльменов решили поесть в «Кафе-Ройяль».

— Вижу,— непринужденно заметил тот, что повыше ростом,— что твой племянник подписал себе смертный приговор. Думаешь, он пойдет до конца?

— Дейл? О, да, он, безусловно, попытается. Надо отдать ему должное, он всегда оставался без единой царапины.

— Ну-ну. Полагаю, это означает, что тебя тоже ждет кругленькая сумма?

— Никогда не радуюсь раньше времени. Кроме того, Дейл не дурак. Он знает, что делает. Возможно, ему это удастся.

— Да брось. Ты ведь на самом-то деле в это не веришь?

— Когда-нибудь кто-нибудь да сумеет это сделать. Так почему бы не Дейл?

— Чепуха! Добраться до другой планеты и вернуться! Это невозможно. Для нынешнего века межпланетное путешествие то же самое, чем был для прежних столетий философский камень. Это фантастика и химера.

— Современникам и первый полет человека в воздухе казался фантастикой.

В два часа молодой школьный учитель обвел учеников серьезным взглядом.

— Это,— сказал он,— урок истории. Мне хотелось бы знать, что же для вас в действительности означает история. Я хочу, чтобы вы видели в ней то же, что и я — не унылую череду фактов и дат, а повесть о восхождении Человека на

пьедестал Славы: повесть, которая все еще не рассказана до конца. Если кто-либо из вас видел сегодняшние утренние газеты, то мне интересно — осенила ли вас, как она осенила меня, мысль, что через год с чем-то мы увидим, как создается новая история. Понимаете, о чем я говорю?

— О полете ракеты Керти, сэр? — выкрикнул визгливый голос.

Учитель кивнул.

— Да. Мистер Кертенс собирается получить Приз Кейнца за первый межпланетный рейс. Как вам известно, мистер Кертенс очень храбрый человек. Многие уже пытались получить этот приз, и, насколько нам известно, все они погибли.

Многие расстались с жизнью, пытаясь добраться до Луны, и большинство людей говорило, что добиться этого невозможно — возникло даже движение за запрет подобных попыток. Но люди продолжали стремиться к иным мирам. Дункан, К. К. Смит и Садден действительно добрались до Луны, но разбились при посадке на ее поверхность. А затем пришел великий Драйверс. В 1969-м году он облетел на своей ракете вокруг Луны и целым и невредимым вернулся на Землю. Все были поражены, и впервые действительно поверили, что мы сможем покинуть Землю, если приложим достаточно стараний. И мистер Кейнц, который жил в Чикаго, сказал: «Если человек способен добраться до Луны, то способен добраться и до других планет». Он отложил пять миллионов долларов для тех, кто сумеет добраться туда и вернуться. Первым попытался Йорнсен. Его ракета оказалась слишком тяжелой. Он упал обратно на Землю где-то в Тихом океане. Затем сделал попытку великий Драйверс. Он набрал достаточно большую скорость, чтобы не упасть обратно, подобно Йорнсену, но недостаточно большую, чтобы оторваться от планеты, и застрял. Его ракета по-прежнему находится на орбите; иногда ее видят мельком в большие телескопы.

— Скажите, сэр, а что случилось с самим Драйверсом?

— Должно быть, умер с голоду, бедняга,— если у него раньше не иссяк воздух. Он летел вместе с другом, и, наверное, их трагедия одна из самых мрачных — оказаться в капкане на орбите, откуда они могли смотреть на планету

внизу, зная, что им никогда не вернуться. После этого сделал попытку Симпсон на ракете, созданной в мастерских самого Кейнца. Он стартовал где-то в Иллинойсе, но что-то вышло не так. Ракета упала на берегу озера, на самой окраине Чикаго, и взорвалась. Взрыв разрушил сотни домов и убил несколько тысяч человек. С тех пор было еще десять или более попыток. Некоторые ракеты упали обратно, другие оторвались, и о них никогда больше не слышали.

— Значит, сэр, возможно, кому-то уже удалось это сделать, а мы и не знаем?

— Такое возможно. Сказать точно ничего нельзя.

— Как по-вашему, сэр, Керти сумеет выиграть этот приз?

— Этого тоже нельзя сказать. Но если он сумеет, то напишет более важную страницу истории, чем Колумб.

В три часа мистер Джефферсон, преподаватель физики в той же школе, продемонстрировал заинтересованному, хотя и скептически настроенному классу, что в вакууме ракетный двигатель еще эффективнее, чем в воздухе.

— Ньютон учил нас,— начал он,— что всякое действие вызывает противодействие, равное по силе и противоположное по направлению...

В четыре часа новость дошла до бунгало на склоне горы в Уэльсе. Принесшая ее девушка тяжело дышала после того, как вернулась из деревни внизу. Она взволнованно обратилась к мужчине среднего возраста.

— Папа, сообщают, что Дейл Кертенс намерен получить Приз Кейнца.

— Что? Дай посмотреть.

Он набросился на выпуск «Эксцесс», торчавший у нее из сумки с покупками, и со своего рода отчаянной живостью развернул его.

— Наконец-то,— сказал он, добравшись до конца колонки.— Наконец-то! Теперь они обнаружат, что мы были правы. Мы сможем убраться отсюда, Джоан. Сможем вернуться и посмотреть им в лицо.

— Возможно, папа, но он пока еще не осуществил задуманное.

— Если кто-то и сможет это сделать, то только Кертенс. И ему-то они все будут вынуждены поверить.

— Но, папа, милый, тут даже не говорится, что он намерен добраться до Марса. Венера намного ближе; ракета, вероятно, полетит туда.

— Чепуха, Джоан, чепуха. Конечно, она летит на Марс. Смотри, здесь сказано, что он намерен стартовать где-то в октябре. А Марс выйдет в противостояние примерно к середине апреля следующего года. Кертенс явно основывается на расчетах Драйверса — чуть меньше двенадцати недель на полет до Марса и меньше одиннадцати — на возвращение. Это даст ему несколько дней на исследования планеты и ремонт машины. Он не может позволить себе отложить возвращение ни на день после противостояния. Видишь, все сходится.

— Не вижу, папа, но не сомневаюсь, что ты прав.

— Конечно, прав, это ясно как день. Я намерен написать ему.

Девушка покачала головой.

— Я бы этого не делала. Он может передать письмо репортерам, а ты знаешь, что это будет означать.

Мужчина утратил свой душевный подъем и нахмурился.

— Да. Наверно, он так и поступит. Мы подождем, милая. Подождем до тех пор, пока он не расскажет, что обнаружил на Марсе. Вот тогда мы вернемся домой и посмотрим, кто посмеется последним...

В пять часов телефонный разговор между миссис Дейл Кертенс и ее свекровью был в разгаре.

— ...Но, Мэри, милая, это бесполезно,— говорила старшая миссис Кертенс.— Ты никак не сможешь остановить его. Я знаю Дейла. Коль скоро он что-то решил, остановить его невозможно.

— Но его надо остановить. Я не могу ему это позволить. И нажму на все кнопки, чтобы остановить. Вы не понимаете, что это для меня значит.

— Дорогая моя, я понимаю, что это для тебя значит, но я его мать, и потому знаю о том, что это значит для него. Нам придется просто подавить свои эгоистические устремления.

— Эгоистические устремления! Вы называете эгоистическими устремлениями попытку помешать ему погубить себя.

— Мэри, неужели ты не видишь, что делаешь? Ты теряешь его. Если тебе удастся остановить его, он возненавидит тебя за это, а если продолжишь уговоры, он возненавидит тебя за попытки остановить. Пожалуйста, Мэри, оставь это. Это нечестно и по отношению к Дейлу, и к тебе, и к ребенку. В твоем состоянии непозволительно так себя вести. Мы можем делать лишь то, что приходится делать большинству женщин — безропотно мириться с происходящим.

— Вы не понимаете. Без него у меня больше ничего не будет.

— У тебя будет ребенок, Мэри. Ты должна устраниться от всего прочего. Приезжай сюда и сиди тихонько, пока все не закончится.

— Как я могу где-то сидеть тихонько, пока это продолжается? Вы должны приехать и увидеться с ним. Наверно, если мы обе с ним поговорим... Вы приедете?

Миссис Кертенс помолчала, прежде чем ответить.

— Ладно. Приеду.

Она положила трубку и вздохнула. Самое большее, на что она могла надеяться — это на то, что удастся убедить Мэри в бесплодности ее попыток бороться с судьбой.

В шесть часов диктор прочел два срочных сообщения, сводку погоды и добавил:

— Все, несомненно, прочли газетные сообщения о желании мистера Кертенса выиграть Приз Кейнца. Нам удалось убедить мистера Кертенса лично явиться на студию и рассказать вам, что именно он надеется совершить. Мистер Дейл Кертенс.

На миллионах экранов появилось приятное лицо Дейла, дружески улыбающегося невидимым зрителям.

— Сегодня вечером Би-Би-Си любезно пригласила меня сюда,— начал он,— и я благодарен ей за предоставленную мне возможность исправить определенные недоразумения, которые, кажется, существуют в отношении моих намерений. Во-первых, позвольте мне сказать, что я намерен добраться до другой планеты и вернуться на Землю. Верно также и то, что по множеству причин, в которые я не буду сейчас углубляться, планета, избранная мной — это Марс. Но совершенно неверно, будто я намерен совершить этот рейс в одиночку. На самом-то деле, когда мой корабль взлетит, на борту нас будет пятеро. Мне также хотелось бы рассеять распространенное мнение, будто я совершаю преднамеренное самоубийство. Заверяю вас, что мы не самоубийцы. Имеются более дешевые и менее утомительные способы покончить с собой... Конечно, мы рискуем. Существуют известные опасности, к которым мы можем подготовиться, опасности, которых мы надеемся избежать, уповая на удачу, и опасности совершенно неизвестные. Но мы убеждены, что это не пустые надежды — мы справимся. А не будь мы убеждены, мы бы и не пытались... Благодаря смелости и настойчивости тех, кто со времен подъема Огюста Пиккара в стратосферу в 1931 году раздвигал границы исследования пространства, нам не придется бросаться головой в омут. Мой корабль станет лучше любого, летавшего прежде. В отличие кораблей первых пионеров, он спроектирован с таким расчетом, что должен справиться с полетом в безвоздушном пространстве. Кроме того, мы надеемся, что сумеем пережить и неизвестные опасности. Каждая экспедиция, покидающая Землю, имеет больше шансов на успех, чем ее предшественница — иначе говоря, она меньше рискует. Я утверждаю, что если мы преуспеем, то завоюем для Англии честь быть первой страной, осуществившей межпланетное сообщение. Подчеркну: для того, чтобы это стало возможным, отдали свои жизни лучшие люди. Если можно выделить из армии героев одного человека и сказать: «Вот этот — величайший из них всех»,— то я бы указал на Ричарда Драйверса. По сравнению с тем риском, на который пошел этот храбрый гений, мы мало чем рискуем. История упорства этого изумительного человека перед

лицом мира, глумящегося над ним, после того как трое его друзей насмерть разбились на Луне, и повесть о его одиночном полете вокруг нее навсегда вошли в бессмертный эпос человечества. Его достижения не имеют себе равных. Именно благодаря ему стало возможным наше путешествие. Так что, как видите, мы не первопроходцы. Мы лишь последователи великой традиции, надеющиеся пройти по пути знания чуть дальше, чем прошел предыдущий исследователь. Если нам будет дарован успех, то мы удовлетворимся тем, что окажемся достойны своих предшественников и своей страны...

Замигал красный огонек, и погасли софиты, когда студию отключили от эфира. Вошел некий джентльмен важного вида. Он поздоровался с Дейлом и пожал ему руку.

— Благодарю вас,— сказал он.— Вы поступили очень любезно, прибыв так скоро.

Дейл улыбнулся и покачал головой.

— Нет, это я должен вас благодарить.

Джентльмен озадаченно посмотрел на него.

— Разве вы не видели сегодняшнее вечернее «Знамя»? — продолжал Дейл.— Они пытаются остановить меня. Это означает, что завтра этим займется и «Хейл». Я был рад высказаться первым.

— Пытаются вас остановить?

— Да. Не знаю почему. Остановить меня не удастся никому, но попытки могут оказаться хоть и мелкой, да досадной помехой, если у них наберется много сторонников.

— Хм. Удивительно, как это людям не тошно от подобных фокусов Дитернира? Но, похоже, их не воротит. Ну, я рад, что вы приехали, и надеюсь, что вы на самом деле настроены столь же оптимистично, как во время выступления.

— Почти,— признался Дейл, когда они расставались.

Глава четвертая
...И РЕАКЦИИ

В цех Кертенса, где в окружении лесов покоилась огромная ракета, проникали лишь слабые отголоски обще-

ственного волнения. Хотя Дейл достаточно охотно давал интервью алчущим труженикам прессы, он категорически отказывался нарушить нормальный ход работ в своих мастерских. Тех немногих журналистов, которые, прибегая к разным уловкам, пытались проникнуть в цеха, принимали отнюдь не вежливо. Увеличенный штат сторожей охранял двери с помощью полицейских собак, и работа продолжалась с той же неспешной эффективностью, что и раньше, до того, как тайное стало явным. Самым наглядным результатом всемирного интереса к этой работе было новое здание для разросшегося секретариата Дейла.

О расследовании по делу о проникшем на завод незнакомце сообщалось со всеми подробностями, сообщения эти изучались самым внимательным образом, но никаких сенсационных откровений не появлялось, тело так и оставалось неопознанным. Главный свидетель дал показания, получил от коронера поздравления с тем, что уцелел, побывав на волосок от смерти, и покинул суд с репутацией смельчака.

Два дня спустя «Чикаго Эмблем» объявила, что покойный был американским гражданином по фамилии Фордер. И негодующе потребовала более тщательного расследования обстоятельств дела, намекая, что тогда Дейл, возможно, станет выглядеть далеко не так красиво. Передовая статья заканчивалась воинственным требованием провести через конгресс специальный закон, дабы помешать Призу Кейнца уплыть за границу.

— Вот в этом-то и вся соль,— объявил Фуллер, показав статью Дейлу.— Держу пари, за этим делом стоят «Мастерские Кейнца». Они боятся, что ты уведешь приз.

— Похоже на то,— кивнул Дейл.— И все же это в некотором смысле хорошая новость. Она предполагает, что американцы не делают ракету с целью попробовать самим получить приз.

— Не знаю,— Фуллер смотрел на развитие событий не столь оптимистично.— Знаю, что нам сообщают именно такие сведения, но с этими агентами никогда нельзя сказать наверняка: не являются ли они двойными или тройными? В равной мере вполне возможно, что «Мастерские

Кейнца» готовятся к такой попытке и думают, что у любых соперников руки опустятся, когда те поймут, что у них нет шанса получить приз.

— Ну, наши ребята из разведки нас пока не подводили. Можешь быть уверен, что если бы где-то сооружали космическую ракету, мы бы об этом узнали — точно также, как сейчас весь мир прослышал о нашей.

— Возможно. Но я бы сказал, что это их рук дело, поскольку застреленный тобой тип — американец. В любом случае, наши соперники намерены заполучить приз и накопившиеся по нему проценты. Не говоря уж о деньгах, сам факт достижения цели вернет их на вершину славы. За последние год-два репутация «Мастерских Кейнца», знаешь ли, сильно пошатнулась — и если приз получит кто-то другой, это станет их концом.

На следующий день «Дейли Хейл» выбросила за борт свою шумную, но неинтересную редакционную политику под лозунгом: «Спасем Английского Короля Скорости от Самого Себя» и присоединилась к «Эксцесс» в бранном дуэте против «Эмблем». После язвительного ответа, в котором поминались Георг III и американский долг, «Постдамер Тагеблатт» перевела вопрос в другую плоскость, указав от имени фатерланда, что Кейнц, прежде чем стать американцем, был гражданином Германии, вот он с истинно немецкой щедростью и предложил свой приз всему миру. Кейнц, ответила с некоторой горячностью «Эмблем», был также евреем, которому пришлось бежать из любезного фатерланда. Америка, страна свободных людей, предоставила ему убежище. И битва продолжалась.

За рамками основной потасовки «Вьюс-Рикорд» объявлял, что «Марс должен быть интернационализирован». А Суоннен Хаффер в «Дейли Социалист» спрашивал: «Не будут ли эксплуатировать марсианских рабочих?» «Дейли Артизен» же предсказывала открытие процветающей системы марсианских советских республик. Джеральд Берди писал статьи о «Планировании Нового мира» и необходимости ввести в состав кабинета министра инопланетных дел. «Женская Любовь», публикуя статью о «Женах первопроходцев» со специальными, хотя и неточными ссылками на Мэри

Кертенс (которая хотя и не имела пока, к несчастью для журналистов, собственных детей, однако посвятила себя детям других людей, не делая никаких различий между ними), упустила возможность обнародовать самую громкую сенсацию в своей жизни. «Лондонское Иллюстрированное Обозрение» напечатало чертеж типичного ракетного корабля в разрезе и сообщило интересные данные о солнечной системе. «Газета Уэксфордских Пчеловодов» объявила, что будет следить за мистером Кертенсом и предупредила его, чтобы он оставался там, куда его определил Бог.

Акции «Коммерческих Взрывчатых Веществ», компании с ограниченной ответственностью, за три дня поднялись так, словно взлетели на собственном топливе, а затем снова спустились на уровень чуть выше нормального. Сильное падение цены на золото застало всех врасплох. Причину этого удалось отследить: кто-то распространил слух, что спектральный анализ показал присутствие на Марсе золота в огромных количествах. Слух, как положено, оказался ложным, но вот цены на золото на это никак не прореагировали. Это вызвало куда меньше удивления, поведение цен на золото и в самые лучшие времена бывало, мягко говоря, непостижимым. Ставки на бирже стояли пятьсот к одному против того, что Дейл доберется до Марса, и десять тысяч к одному против путешествия в оба конца. Слух о том, что русские уже не один год сооружают ракету под названием «Товарищ», побольше и получше, чем у Дейла, все никак не желал рассеяться, пока советское правительство не выступило с официальным опровержением существования или даже планов создания такой ракеты. Слухи о ракетах немецких, американских и японских соперников были еще менее правдоподобны. Строить догадки насчет имен спутников Дейла стало чем-то вроде национальной игры.

А тем временем работы над ракетой Кертенса шли в том же темпе. Дейл был слишком занят, чтобы чувствовать что-либо, кроме беспокойства о том, будет ли его корабль закончен в срок к середине сентября. Казалось, он слишком занят, чтобы чувствовать себя одиноким от того, что жена переехала в дом к его матери.

Мэри сдалась. Она перестала противиться и освободила мужа от данного им обещания, но была не состоянии вынести пронизывающего весь дом ощущения беспокойства. Она сбежала в тихую сельскую местность в Дорсете, где о царстве машин ей напоминал лишь изредка проплывающий гирокерт, который вращал белыми парусами среди летних облаков.

Ребенок иногда шевелился у нее в утробе, причиняя боль. Теперь уже скоро. Бедный малыш, в каком же мире он появится на свет? Мэри надеялась, что это будет мальчик. Этот мир был миром мужчин, а несчастные женщины со страхом ходили среди его шестеренок и маховиков, преодолевая трудности с помощью грез и стараясь урвать те немногие радости, какие выпадали на их долю. Машины были ненавистными диктаторами и для мужчин, и для женщин. Лишь мужчины могли быть настолько тупы, чтобы мнить себя правителями.

Глава пятая
ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

Те немногие упорные люди, которые решили провести ночь под открытым небом на негостеприимной солсберийской равнине утром на двенадцатое октября 1981 года, спали только до зари, потому что с первыми лучами солнца начался приток публики, который продолжался весь день.

Истерическая шумиха, скоординированная по времени так, чтобы достичь пика в этот день, поддерживалась непревзойденной степенью искусства журналистики. Рождение сына Дейла оживило интерес, и все читатели газет в стране познакомились с несколько тестообразными чертами лица Виктора Кертенса. Обнародование фамилий спутников Дейла по межпланетному рейсу открыло миру трех неизвестных людей и одну более знакомую общественности фигуру. Всякий, кто мог добраться до телевизора, увидел и услышал, как принц королевской крови говорит:

— Нарекаю этот корабль именем «Глория Мунди»[1]. Да направит путь его Бог и да приведет Он его к нам обратно целым и невредимым.

Фильм об этом событии показывали во всех кинотеатрах. Нелегкий подвиг транспортировки «Глории Мунди» из цехов в Кингстоне, где она родилась, на подходяще пустынную часть солсберийской равнины, где она должна стартовать, отслеживался во всех подробностях. Когда открылось, что часть дороги заминирована, поднялась волна народного негодования, и атмосфера в обществе дошла до лихорадочного накала. Все наперебой гадали, кому это понадобилось. Заверения, что самого Дейла постоянно охраняли двое или более вооруженных полицейских детективов, общественность встретила с огромной признательностью. Написанная во время первого экваториального рейса песня «Керти, Король Облаков» вновь обрела популярность и уступала по частоте исполнения только национальному гимну. В последние две недели пресса действительно разошлась во всю, и публика, преданно откликаясь на ее усилия, готовилась вторгнуться на равнину в масштабах, вызывавших у властей тревогу.

Первым активным признаком подготовки к старту в сером свете того исторического понедельника стал подъем более дюжины маленьких управляемых аэростатов, выкрашенных в ярко-желтый цвет. Они расположились кольцом вокруг места действия. В пределах отмеченного ими периметра не разрешалось появляться никаким судам, кроме полицейских патрулей, и считалось, что этот пятимильный круг с избытком гарантирует безопасность. В воздух поднялось полдюжины полицейских гирокертов, они зависли в стратегических точках, откуда могли контролировать движение и на земле, и в воздухе. С запада прилетел, громыхая, первый в тот день огромный хараплан. Он приземлился и высадил своих пассажиров, а через пять минут улетел за новой партией. Со всех сторон начали пребывать машины всех видов: от изящного флипа до массивного

[1] Часть латинского выражения Sic transit gloria mundi — так проходит мирская слава.

гиробуса, все под кружащимися белыми парусами с отражающимися лучами утреннего солнца на ярко раскрашенных корпусах. Их парковка стала серьезной задачей. Через полчаса перегруженное дорожное движение замедлилось до утомительного переползанья с черепашьей скоростью на самой низкой передаче.

Со стоянок воздухолетов и автомобилей вливались толпы народа, направляясь к своим загородкам, а немногие счастливчики — к трибунам. Лотошники хорошо поставленными голосами предлагали серебряные побрякушки в виде миниатюрных ракет, открытки с фотографией Дейла, фотографии самого ракетного корабля и носовые платки с теми же изображениями в качестве подходящих сувениров в память о данном событии. Работала сотня полевых кухонь. Полдюжины громкоговорителей грянули неизбежное «Керти, Король Облаков».

Где-то около девяти тридцати зависший в воздухе полицейский гирокерт номер 4 приблизился к номеру 5. Пилот номера 4 взял мегафон и крикнул коллеге:

— Ты только глянь на толпу внизу, Билл. Словно гребаный муравейник, верно?

Билл в гирокерте номер 5 кивнул.

— Если они и дальше будут прибывать такими темпами, то нам придется парковать их вертикально,— проорал он в ответ.

Лежавшая под ними равнина преобразилась. Многие акры сельской местности за пределами маяков-аэростатов покрылись автомобилями и воздухолетами. Из них к кругу аэростатов тянулись скопления черных точек, делаясь по мере приближения все гуще и гуще. Барьер, который удерживал публику на безопасном расстоянии, уже выглядел сплошным черным кольцом диаметром в две мили, более толстым с западной стороны, где располагалось разные временные строения, несколько трибун, вышки для наблюдателей и операторов радио и телевидения. И, наконец, в самом центре в блистательной изоляции виднелась сама «Глория Мунди».

Портативные мастерские для тех, кто занимался последними испытаниями и наладкой, убрали, оставив только

обесцвеченные прямоугольники примятой травы, показывающей, где они стояли последние две недели. Исчезла также и ограда из оцинкованного железа, сдерживающая любопытных все эти недели, и ракета, все еще укрытая чехлом, осталась под охраной полицейского кордона.

К полудню толпа все еще росла. Владельцы киосков с прохладительными напитками начинали гадать, хватит ли у них запасов, и в соответствии с законами экономики повышали цены. Какой-то самозваный пророк под знаменем, допускающим, что «Воля Божья свершится», терпеливо предупреждал своих, к сожалению, легкомысленных слушателей о святотатственном аспекте предстоящего события. А с вышки телерадиовещания диктор уверенно сообщал миру:

— День выдался прекрасный. Лучше и быть не мог. Люди все еще прибывают, как прибывали весь день, и хотя взлет назначен на полпятого, волнение уже достигло небывалых высот. Думаю, вы слышите шум толпы. Здесь теперь, должно быть, полмиллиона народу. Вам не кажется, мистер, Джонс?

Как поняли слушатели, мистер Джонс полагал, что на равнине собралось как минимум три четверти миллиона.

— Наверное, вы правы. В любом случае народу много, а день действительно прекрасный. Вам не кажется, мистер Джонс?

Слухи стекались к трибуне прессы, как железные опилки к магниту.

— Ее дюзы не выдержат старта,— заявил Треверс из «Хейл».— Один мой знакомый, металлург из Шеффилда, заверил меня, что неизвестно сплава, способного выдержать такую температуру...

— Она не сможет взлететь,— говорил Деннис из «Рефлектора».— Она слишком тяжелая. Сотрудник «Коммерческих Взрывчатых Веществ» показал мне цифры. Ракета перевернется и вспашет землю. И надеюсь, Бог даст, она попрет не в мою сторону.

— Если она взлетит,— допустил Доуз из «Верэйэсити» — то у нее не будет ни единого шанса преодолеть это чертово притяжение. Положитесь на мое слово — это будет еще один полет Драйверса.

Тенсон из «Координатора» точно знал, что увеличение темпов постройки означало неполные испытания.

— Чистое безумие,— таков был взгляд сотрудника «Эксцесс».— Ракеты должны быть маленькими. Можно с таким же успехом попробовать запустить в космос собор святого Павла, как и взлетать на этой здоровенной штуке.

Коротышка из толпы подергал за рукав сержанта полиции Ярдера и показал на небо.

— Смотрите, сержант, вон гирокерт в кольце аэростатов.

Сержант Ярдер прикрыл ладонью глаза от солнца и поглядел, куда нацеливался указательный палец самаритянина.

— Это мистер Кертенс и остальные, сэр. Их-то пришлось пропустить, иначе и спектакль не состоится.

Прибытие воздухолета заметили и другие. Раздались приветственные крики, сперва негромкие, но звук нарастал до тех пор, пока не взметнулся ввысь, перейдя в громовой рев из десятков тысяч глоток. Зрители сообразили, что Дейл, наконец, здесь. Воздухолет медленно опустился и совершил посадку. Открылась дверца, и Дейл помахал рукой, приветствуя толпу. Он сошел на землю, а за ним последовали четверо спутников. Несколько мгновений спустя дружно ринувшиеся вперед фургоны киношников и автомобили прессы заслонили их от толпы. Гирокерт снова взлетел, и компания из фургонов и автомобилей придвинулась к зачехленной ракете.

Диктор на вышке телерадиовещания взволнованно проговорил в микрофон:

— Он здесь! Вы только что видели, как Дейл Кертенс прибыл с товарищами, чтобы сделать попытку межпланетного перелета. Теперь они двигаются к ракете. Пятеро астронавтов где-то там, в середине вон той группы. Толпа кричит до хрипоты. Здесь мы более чем в миле от ракеты, но сделаем все возможное, чтобы показать вам церемонию открытия. Пожалуйста, подождите, пока мы меняем объективы.

Сцена на экранах телевизоров замерцала, а затем смазалась, когда камера развернулась. Изображение снова сфо-

кусировалось и остановилось на Дейле и окружавшей его группе. Он стоял на временной деревянной трибуне у подножия ракеты. В одной руке он держал конец веревки, тянувшейся вверх за пределы поля зрения телеэкрана.

— А сейчас мы услышим, как сам мистер Кертенс говорит через микрофон, который вы видите рядом с ним,— продолжал диктор.

Толпы вдруг выжидающе умолкли. Те, кто принес с собой портативные телевизоры, смотрели, как Дейл, улыбаясь, вышел вперед. Остальные приставили ладони козырьком ко лбам, глазея на группу людей в миле от них. Наверное, представляли себе хорошо известную улыбку, когда заговорила сразу сотня громкоговорителей.

— Все, что я мог бы сказать в ответ на такое приветствие, каким вы встретили меня, наверняка будет неадекватным. И я могу сказать от лица своих спутников и себя лично лишь одно — «Спасибо». Мы приложим все силы, чтобы оказаться достойными такого приема. Еще раз — «Спа́сибо»!

Он помолчал и крепче сжал свисающую веревку.

— А теперь,— добавил он,— вот моя «Глория Мунди».

Он потянул, и в первый миг, когда все затаили дыхание, казалось, что ничего не происходит. Затем чехол спал, соскальзывая по полированным металлическим бокам, и бурными волнами опустился на землю. Прежние приветственные крики были всего лишь тихим ропотом по сравнению с громовым «ура», грянувшим из толпы.

«Глория Мунди» заблистала на солнце. Она возвышалась на плоской равнине, словно чудовищный снаряд, спроектированный для артиллерии великанов; стройная масса сверкающего металла, покоящегося на треноге из трех огромных выступов, нацеливала свой тупой нос в голубое небо, куда она — если все пойдет как надо — вскоре и устремится.

А затем, удивительное дело, приветственные крики стихли. Все выглядело так, словно для массы зрителей в первый раз дошло, что пятеро стоящих на трибуне добровольно шли на почти верную смерть; что похожий на снаряд силуэт был и в самом деле снарядом — самым большим ракетным снарядом, какой когда-либо видел мир, и этот

снаряд, за исключением небольшой части неподалеку от носа, где виднелись круглые иллюминаторы, начинен самой мощной взрывчаткой.

Когда толпа загомонила вновь, в ропоте ее появилась новая нота. Большое праздничное торжество сменили беспокойство и ощущение трепета. Даже флегматичный сержант Ярдер почувствовал смену настроения.

До сих пор предполагаемый рейс лишь слегка будоражил его воображение; да и то лишь потому, что толпа, собравшаяся увидеть старт корабля, была самой большой из тех, что он видел. Теперь же он посмотрел на ракету с новым любопытством. Ну почему Земля для них недостаточно велика? Странным же должен быть человек, которому настолько малоинтересны пять континентов и семь океанов, что он желал улететь на снаряде в пустоту космоса. И какой прок кому бы то ни было, даже если они сумеют добиться успеха? Какой прок вообще когда-либо бывал от этих ракет? Даже рейс Драйверса вокруг Луны не принес никому пользы. Только зря оказались потрачены миллионы долларов, и погибли десятки хороших людей...

Сержант фыркнул и вытащил часы. Они были полезным, хотя и неточным инструментом.

— Как раз минуло полчетвертого. У них есть еще час,— пробормотал он про себя.

Его маленький сосед рискнул сделать поправку.

— По-моему, без двадцати четыре, сержант. Они скоро зайдут в ракету.

Сержант неодобрительно покачал головой.

— Зачем они это затеяли? Провалиться мне, если я когда-нибудь согласился бы лететь в одной из этих штук — даже за миллион не полетел бы. Быть национальным героем дело хорошее, но много ль тебе с того проку, если разобьешься на такие мелкие кусочки, что их никому и не найти? И уж совсем никакого проку, если с тобой будет то же, что и с беднягой Драйверсом.

— Думаю, с Кертенсом этого не произойдет,— покачал головой коротышка.— Он великий человек, и эта его «Глория Мунди» — величайший корабль из всех. У него должно получиться.

— А что, если ракета взорвется? — спросил сержант.

Коротышка улыбнулся.

— Думаю, они не успеют ничего понять.

Сержант беспокойно шевельнулся.

— Но ведь нам-то здесь она повредить не может, не так ли? Гляньте, как они далеко.

— Но это расстояние рассчитано лишь на то, чтобы нас не задело огнем дюз. Если же «Глория Мунди» взорвется — ну, вспомните Симпсона в Чикаго; его ракета была вполовину меньше этой.

Несколько молчаливых мгновений сержант, почувствовавший себя вдруг очень неуютно, вспоминал Симпсона.

— Но для чего им хочется это совершить? — снова с грустью задался он вопросом.

Коротышка пожал плечами.

— Думаю, дело не столько в том, что они хотят, сколько в том, что должны. Похоже, что-то толкает их все дальше и дальше, хотят они того или нет.

Круглая дверца высоко на стенке ракеты с решительным стуком захлопнулась. Немногие счастливчики из прессы, которых допустили на маленькую площадку рядом с кораблем, затопотали, спускаясь по деревянной лестнице, и присоединились к своим менее привилегированным собратьям на земле. Чуть ли не раньше, чем последний из них убрался, бригада рабочих уже начала переворачивать площадку вместе с лестницей, забрасывая доски на грузовик. Фургоны киношников и автомобили журналистов рванули через лужайку к трибунам для прессы. От них не сильно отставали и грузовики, увозящие последних из рабочих. Пылающая в лучах заходящего солнца «Глория Мунди» осталась в гордом одиночестве.

Барнс из «Дейли Фото» с негодованием оглянулся.

— Ничего сексапильного,— пробурчал он.

— Никакой женской стороны дела. Вот в том-то вся и беда с этой работой. Будь все проклято, ведь долг жены — появляться в подобное время — и приносить малыша. Народ хочет видеть снимки последний объятий. Он имеет на это право. А вместо этого его жена сидит дома и смотрит отлет по телевизору. Как можно с этим бороться? Это не-

честно по отношению к нам — и к публике. Будь я на его месте, уж я бы, черт возьми, позаботился, чтоб моя жена...

— А заткнись,— оборвал его сосед.— Для чего, черт побери, существуете вы, ребята из худотдела, если не способны сделать в подобных случаях малюсенький монтаж. Завтра ты увидишь фотографию последнего прощания. Она хороша. Когда я в первый раз увидел ее на прошлой неделе, то чуть не прослезился.

Автомобили заехали в загородку. Журналисты высадились и направились к бару. Громкоговорители снова грянули «Керти, Король Облаков». Минутная стрелка на тысячах часов минула цифру двенадцать. Медленно ползли последние полчаса.

Глава шестая

СТАРТ

— Двенадцать минут,— произнес безо всяких эмоций Дейл.

Если другие и услышали его, то никак это не проявили. Капитан ракеты посмотрел, отмечая реакции спутников на напряжение ожидания, они стояли, скопившись у круглых иллюминаторов. Из пяти человек, находящихся в этом стальном гробу, он волновался меньше всех. Долгие годы гонок на ракетопланах породили в нем способность встречать опасность в духе холодного фатализма — или, точнее будет сказать, временно замораживать естественные эмоции. Четверо других смотрели сквозь толстые литые кварцевые стекла на невзрачную равнину так, словно она самый прекрасный пейзаж на Земле.

Джефри Дуган, самый молодой из команды, почти не трудился скрыть свои чувства. Дейл сочувственно посмотрел на его ярко сияющие от волнения глаза, отметил его приоткрытые губы и учащенное дыхание сквозь стиснутые зубы. Он знал, что именно чувствует сейчас Дуган. Разве он сам не переживал все это? Ему было двадцать четыре года, как раз столько, сколько сейчас Дугану, когда он участвовал в своей первой гонке вокруг Земли, и он не

забыл своих ощущений перед стартом. Паренек сделан из верного теста. Дейла радовало, что именно его избрал штурманом и помощником пилота из тысяч возможных специалистов.

Фрауд, журналист, обернулся и встретился взглядом с Дейлом, неубедительно улыбнулся, а затем снова уставился в иллюминатор. Дейл заметил, что тот нервничает. Выходит, напряжение взяло за живое и этого циничного джентльмена?

Джеймс Бернс, механик, приник к стеклу, глядя на равнину. На вид он оставался почти столь же спокойным, как сам Дейл, но раздраженно-резкие движения выдавали его состояние. Выражение лица Бернса оставалось серьезным, как на собственных похоронах.

В том, что касалось экипажа, опасения Дейла вызывал только последний член его команды. Вид лица доктора, зловеще бледного и изможденного, внушал тревогу. Решение включить в свою команду этого человека пятидесяти шести лет вызвало сильную критику, и, похоже, критика могла оказаться оправданной. И все же сожалеть теперь было слишком поздно — можно лишь надеяться на лучшее.

Доктор Грейсон поднял взгляд на ясное голубое небо и невольно содрогнулся. Ему казалось, что лицо у него холодное и влажное, и знал, что побледнел. Он считал, что его глаза за толстыми линзами очков выглядят остекленевшими. Как он ни старался, не мог унять дрожь в руках. Более того, его воображение сыграло с ним злую шутку. Оно постоянно рисовало заполненные народом городские улицы, громыхающие шумом движения, залитые яркими огнями всех цветов, мигающими и мерцающими. Доктор Грейсон вновь и вновь повторял, что если б у него хватило здравого смысла убраться из этого стального гроба, то он мог бы этим же самым вечером оказаться именно в таком месте...

Фрауд глядел через равнину, на сдерживаемую армией полицейских черную линию. На вышке для прессы виднелись маленькие темные фигурки собратьев-журналистов, с которыми он недавно попрощался. Они все сказали, что

завидуют ему. Он сомневался, говорил ли хоть один из них всерьез и согласился бы поменяться с ним местами, представься такая возможность. В данный момент он сам охотно поменялся бы местами с любым из них. Фрауд повернулся и снова посмотрел на плотно сбитые толпы.

— Тысячи и тысячи их, дружно ждущих большого взрыва,— пробормотал он себе под нос.— Их, вероятно, оглушит сильнее, чем им хочется. Эй, вон кто-то с гелиографом! — он подался вперед, характерная, похожая на серп черная челка упала ему на лоб.

— Ж е л а е м у д а ч и,— прочел он по буквам из вспышек.— Пожелание едва ли оригинальное, но доброжелательное — и оно получше, чем многие другие. Я бы не отказался держать пари, что там целая толпа тех — не исключая и моих собратьев по профессии — кто считает, что если мы взорвемся, то зрелище выйдет куда лучше, чем при удачном старте.

— Да, тут вы правы,— согласился Бернс, глухой голос которого полностью соответствовал мрачному выражению его лица.— Это те, кто считает, что виденное не стоило затраченных денег, если какой-то бедняга не разбивается в воздушной гонке. Но с «Глорией Мунди» их ждет разочарование. Я помогал ее строить, и она не взорвется.

Доктор раздраженно шевельнулся.

— Я желал бы, чтобы вы перестали толковать о взрыве. Неужели ожидание и без воображаемых ужасов недостаточно тягостно?

Юный Джефри Дуган согласился с ним. Написанное у него на лице нетерпеливое предвкушение сменилось беспокойством.

— Поддерживаю, док. Хотел бы я, чтобы мы могли взлететь сейчас же. Это подвешенное состояние выматывает меня. Сколько еще ждать? — добавил он, снова поворачиваясь к Дейлу.

— Четверть часа,— уведомил его Дейл.— Нам лучше готовиться, Дуган. Что там говорит метеовышка?

Дуган перешел к одному из других иллюминаторов.

— Скорость ветра — двенадцать миль в час,— доложил он.

— Хорошо. Для такого большой поправки не нужно,— Дейл снова повернулся к другим.— Закройте теперь ставни. Нам пора расходится по подвесным койкам.

Он включил маленькую лампочку на потолке. Ставни на иллюминаторах, тяжелые листы стального сплава, захлопнулись, и их отделанные резиной края втиснулись в пазы. Когда последнюю ставню задраили до предела и сделали воздухонепроницаемой, участники экспедиции разошлись по подвесным койкам.

Это были подвешенные на металлических штангах кушетки. Чтобы добиться максимального комфорта, их изготовили из прекрасно закаленной стали и самого мягкого ворса. Ни одна сказочная принцесса на горошине никогда не покоилась на постели и наполовину столь роскошноподатливой, как те, какими обеспечили этих пятерых астронавтов.

Они забрались без разговоров и застегнули ремни безопасности. Бледное лицо доктора стало еще белее. Под нижней губой у него собрались бисеринки пота. Дуган увидел, как неуклюже тот возится с ремнями, и наклонился к нему.

— Вот, дайте-ка, это сделаю я, док,— предложил он.

Доктор благодарно кивнул и откинулся на спину, покуда сильные руки Дугана затягивали пряжки.

Механик лежал неподвижно с торжественностью каменного рыцаря на гробнице. Журналист слегка ерзал, стараясь найти самую удобную позу.

— Хорошие постели ты предоставляешь своим гостям, Дейл,— пробормотал он.— Заставляют гадать, почему ж это мы, дураки проклятые, вообще занимаемся чем-то, кроме сна.

Дейл лежал молча, не сводя глаз с секундной стрелки часов. Пальцы его правой руки уже сжимали установленный сбоку от койки стартовый рычаг. Сосредоточившись, он не показывал видимых признаков страха, волнения или беспокойства.

— Две минуты.

Напряжение возросло. Фрауд перестал ерзать. Дуган почувствовал, что сердце у него забилось чаще. Доктор

подсознательно считал секунды. Даже сейчас еще не слишком поздно отказаться от полета. Если он вскочит на ноги и бросится на Дейла...

— Полминуты.

А потом-то — что? — подумал доктор. Он повернул голову. Его обеспокоенный взгляд встретился со взглядом Дугана, и он услышал ободряющий шепот.

— Пятнадцать секунд,— произнес Дейл.

Доктор погрузился в омут фатализма. Раньше или позже, а умереть придется. Так почему бы не сейчас? Он неплохо прожил отпущенный ему срок. Только бы это произошло быстрее...

— Пять... четыре... три... две... одна...

Разговоры в толпе стихли до еле слышного ропота, а потом наступила напряженная тишина, нарушаемая только неумолимо отсчитывающим время голосом из громкоговорителей. Все взгляды обратились к центру круга, дружно сфокусировавшись на сверкающей ракете. Люди едва смели моргнуть, чтобы не пропустить критический момент старта. В этот миг в душу каждому закралось некоторое понимание истинного значения сцены — волнение и гордость перед неукротимым духом человека, который стремится порвать вековечные путы: дотянуться до самых звезд.

Так отправлялись навстречу неведомым опасностям кнорры Лейфа, сына Эйрика; и точно так же отправлялись в путь каравеллы Колумба, страшась, что могут заплыть за край света и рухнуть в Бездну Вечности. Вполне возможно, что этот день, это 12 октября, так же войдет в историю, как поворотный пункт в истории человеческой цивилизации...

Телескопы крупных обсерваторий были наведены и готовы к работе. Их наводили и раньше. Они отслеживали хвостовые выхлопы искателей приключений с Земли, видели, как те вырываются из скорлупы атмосферы в пустоту космоса, видели как им не удавалось выдержать курс, и наблюдали начала падений, которые будут длиться месяцами, пока не закончатся, наконец, на Солнце. И теперь,

в скором времени, о судьбе «Глории Мунди» расскажут огромные линзы — поможет ли астронавтам судьба, и пылающий красный диск Марса будет постепенно становиться все больше и больше, или она отвернется, и тогда ракета будет безжалостно затянута в центр солнечной системы. Прошли последние напряженные секунды. Огромная ракета рванулась в небо. Казалось, она балансировала на столпе огня, разрезая голубую синь небес, словно огромный снаряд, которым она и была. Огонь извергался из ее дюз в расширяющемся нимбе сиренево-синего пламени, похожем на хвост какой-то чудовищной кометы. И когда грохот ударил по ушам толпы, ракета уже сделалась огненной искоркой в небесах...

Корреспондент «Дейли Хейл» покинул телефон на вышке для прессы, и теперь естественное притяжение повлекло его к бару. Но прежде чем он смог до него добраться, к нему обратился взволнованный субъект в комбинезоне механика.

— Мистер Трэверс, вам нужна сенсация? — настойчиво спросил он.

— Сенсация? — переспросил он.— Нынче нет никаких сенсаций. Обо всем, что случилось, всем все известно.

— Не верьте этому,— серьезно настаивал механик.— Если вы заплатите, как следует, то у меня найдется для вас самая настоящая сенсация.

— «Хейл» всегда честно расплачивается,— проявил преданность родной газете Трэверс.— Что за сенсация? Насчет ракеты?

Механик кивнул. Поспешно оглядевшись, чтобы убедиться, что в пределах слышимости никого больше нет, он нагнулся поближе к журналисту и зашептал ему на ухо. После первой же фразы Трэверс остановил его.

— Больше никто не знает?

— Ни единой души. Положитесь на мое слово.

Две минуты спустя механик и твердо сжимающий ему руку выше локтя Трэверс неслись через площадку по направлению к специальному воздухолету «Хейл».

Глава седьмая
В ПОЛЕТЕ

Доктор Грейсон лежал с плотно закрытыми глазами. Он отчаянно сжимал веки, словно эти тонкие мембраны могли отрезать его от всех ощущений. Дуган лежал с открытыми глазами и слегка повернул голову, следя за Дейлом. Рычаг управления и лежавшая на нем ладонь оставались скрытыми от его глаз, но он видел, как напрягалась правая рука, когда Дейл сжимал пальцы.

Внезапно раздался рев, громкий и ужасающий, несмотря на пустотелые двойные стенки ракеты. Невидимый вес глубоко вдавил его в подушки койки. От содрогания ракеты он, невзирая на амортизирующие пружины, затрясся всем телом от вибрации, которая, казалось, вот-вот развалит его на куски. Голова у него закружилась, а потом, похоже, налилась свинцом.

Рев перекрыла новая высокая нота, пронзительный визг. Ракета со свистом проносилась сквозь атмосферу. Приложив усилие, Дуган сумел повернуть голову и посмотреть на подвешенный над Дейлом термометр. Температура внешнего корпуса уже повышалась, а указатель скорости пока миновал лишь отметку миля в секунду. Три тысячи шестьсот миль в час. Дугана внезапно охватила паника: знает ли Дейл?

Дейл не сводил глаз с большого диска, на котором имелась единственная секундная стрелка. Постепенно, в соответствии с запланированным ускорением по сто футов в секунду, он поворачивал рычаг управления. И стрелка указателя скорости постепенно клонилась в сторону увеличения. На людей продолжали давить неосязаемые силы. Стало трудно дышать. Отличные пружины и мягкий ворс стали казаться каменными: сжавшиеся внутренние органы нестерпимо болели; сердца работали с напряжением, жилы набухли. Головы горели, а в висках стучало; глаза, казалось, не помещались в глазницах.

Свист воздуха миновал порог слышимости; температура продолжала расти, но была все еще намного ниже красной

отметки опасно высокой жары. Указатель скорости скользил вперед — три с половиной — четыре — четыре с половиной мили в секунду — четыре минуты после старта... Немного отстаем от графика...

Дуган перестал следить. Он не мог ясно разглядеть приборы. Ему казалось, что глаза у него вот-вот лопнут. И словно рефрен, в голове у него все повторялось: «Семь миль в секунду... семь миль в секунду...» Меньшая скорость будет означать, что оторваться от Земли не удалось.[1]

Дуган, самый молодой и самый сильный, открыл глаза первым. Его сразу же сильно стошнило. Прежде чем он оправился, зашевелились и другие, проявляя схожие симптомы. Когда Дуган малость овладел собой, то первой заботой стал указатель скорости, и он облегченно вздохнул, увидев, что тот регистрирует скорость чуть выше семи миль в секунду. На самом-то деле, будь она на одну-две десятых ниже семи — это, возможно, и не помешало бы им оторваться от Земли, но коэффициент безопасности был бы тогда неприятно низок. Перевернувшись на бок, он посмотрел на Дейла, который начал немного двигаться. Как этот человек выдержал давление, доводя ускорение до нужной отметки, являлось загадкой. Кому-то, решил Дуган, надо будет изобрести автоматический контролер ускорения.

Он с величайшей осторожностью принял сидячее положение и расстегнул ремни. Ракетные дюзы теперь отключились, и корабль летел по инерции, так что никакого притяжения сейчас нет. Он отсоединил от зажимов ботинки с магнитными подошвами и обулся, прежде чем опустить ноги на пол.

Бернс оказался менее осмотрительным. Расстегнув пряжки ремней, он резко уселся на койке и со стуком столкнулся с потолком. И выругался.

— Где у тебя голова? — брюзгливо проворчал доктор. Чувствовал он себя крайне нехорошо, и его совершенно не забавляло зрелище того, как Дуган тащит механика обратно на койку.

---

[1] 7 миль/сек — 11,5 км/сек.

— Не думал, что мы так скоро окажемся в зоне невесомости,— объяснил Бернс.

Доктор покачал головой.

— Никакой невесомости не существует,— резко поправил он Бернса.

— Да ну? А вот ощущение такое, словно она есть, черт дери,— неприязненно отозвался механик.

— Не обращайте внимания на дока,— посоветовал Фрауд, прервав на время возню с ботинками.— Вы действовали вполне в духе самых лучших традиций. Герои Уэллса и Верна стукались точно так же. Слушайте, нельзя ли нам открыть одну из этих ставен?

Дуган посмотрел на Дейла, все еще пребывавшего в горизонтальном положении.

— Лучше подождать приказа.

— Да все в порядке,— раздался слабый голос Дейла.— Открывайте — если иллюминаторы не разбились. Я немного полежу здесь.

Трое космонавтов энергично взялись за одну из ставен, доктор отыскал в своем саквояже шприц, прежде чем переместиться к Дейлу. Ставни отдраили с трудом. Без веса в телах, служащих в качестве рычага, каждое движение требовало точки опоры. Наконец ставню заставили распахнуться.

На фоне бархатной тьмы сияли, словно алмазы, ярким и нерассеянным светом мириады звезд. Яркие искры, бывшие огромными солнцами, одиноко горели в темноте, хотя им там было нечего освещать, и они не могли рассеять свой свет. В глубинах космоса не существовало никаких размеров, никаких масштабов. Невозможно рассмотреть, что миллион световых лет длиннее вытянутой руки. Микрокосм путался с макрокосмом.

Некоторое время никто не произносил ни слова, а затем Фрауд спросил:

— А где Земля?

— Скоро взойдет. Мы ведь вращаемся вокруг своей оси,— сообщил ему Дуган.

Они ждали, а ярко горящие звезды медленно уплывали в стороны. Появился темный сегмент, загораживающий от

глаз все прочее. Он становился все больше и больше, и вот блеснул серп Земли. Фрауд пробормотал про себя:

— Боже мой, ну разве она не красавица? Переливается, словно жемчужина.

Огромный серп Земли не обладал ясными, четкими очертаниями полумесяца. От него исходил холодноватый зеленоголубой свет. Он висел в небе, огромный и яркий, размытый, словно осыпанный пыльцой какого-то небесного цветка. Закат только что накрыл Европу, и граница ночи двигалась к Атлантике. Обе Америки застыли поблизости от внешнего края, и более значительные горные хребты все еще оставались различимыми. Было как-то странно думать, что высоко в этих горах находились обсерватории, откуда на них нацелились телескопы. И еще более странным было думать о миллиардах людей, кишащих на этом небесном теле.

Дейл и доктор пересекли отсек и присоединились к остальным. Ракета продолжала вращаться, унося Землю из поля зрения. Внезапный пылающий свет из окна застал астронавтов врасплох.

— Быстро закройте ее, а то мы все изжаримся,— приказал Дейл.

Солнце «взошло». Оно напоминало шар яркого пламени, испускавший сильный жар и блиставший слишком ярко. Дуган и Бернс дружно захлопнули ставню.

Дейл повернулся и перебрался к креслу управления, где и принялся изучать показания приборов и датчиков. Термометр показывал, что ускорение контролировалось: нагрев оставался намного ниже опасной точки. Данные датчиков воздушного давления и очистки воздуха были в порядке. Указатель скорости твердо держался на цифре чуть выше семи миль в секунду. И вплоть до той минуты, пока он не подошел к показателю уровня горючего, Дейл не находил никаких крупных отклонений. Зато перед этим прибором он остановился и нахмурился. Между его расчетами и тем, что показывал прибор, существовала заметная разница. Капитан был озадачен.

— Странно,— шепнул он стоявшему рядом Дугану.

— Ошибка невелика — кроме того, мы вышли за отметку семи миль в секунду,— ответил тот.

— Знаю, но, даже делая скидку на это, что-то идет неправильно. Это ж один из самых простых расчетов — количество энергии, требующейся для подъема данного веса с данной скоростью. Это элементарно. В этом мы не могли ошибаться. Минуточку.

Он достал из ящика калькулятор и быстро произвел кое-какие подсчеты.

— Как я понимаю, где-то между ста тридцатью и ста сорока фунтами. Так откуда же, черт побери, у нас взялся этот лишний вес, хотел бы я знать?

— Ты поднял ускорение на пятой минуте.

— Знаю. Я это скомпенсировал.— Он обратился к остальным.— Кто-нибудь из вас принес на борт что-то лишнее?

Фрауд и Бернс покачали головами. Их имущество было взвешено с точностью до унции. Доктор Грейсон слегка смутился.

— Ну? — резко бросил Дейл.

— Э... моя маленькая внучка, знаете. Она настаивала, что я должен взять талисман.— Он порылся в кармане и извлек кошечку из черного бархата. У нее был пушистый хвост и надменное выражение мордочки.

Дейл улыбнулся.

— Вероятный вес — одна унция. Мы вам это простим, док. Но не принесли ли вы, к примеру, свой микроскоп?

— К несчастью, нет. Тебе, Дейл, знаешь ли, следовало позволить мне взять его. Он мог бы нам пригодиться на Марсе.

— Так же, как и целая уйма иных вещей, но нам пришлось обойтись без них. А остальные абсолютно уверены, что у вас нет ничего лишнего?

Все покачали головами.

— Странно, зато все остальное сработало, как часы.

— Будь у вас мои внутренности, вы бы этого не сказали,— заметил Фрауд.— У меня все болит не только снаружи, но и внутри. Я серьезно сомневаюсь в том, придет ли когда-нибудь в норму мой желудок, и самая мысль о еде...— Он состроил выразительную гримасу.

— Что дальше? — поинтересовался у Дейла Дуган.

— Скорректируем наш курс и остановим вращение. Всем по койкам.

Фрауд застонал.

— О, Боже мой. Снова?

— На сей раз ничего особенного, но нас может немножко подбросить.

Двадцать минут они с Дуганом, заняв кресла управления, вновь и вновь корректировали курс, и послушный им корабль совершал серию резких дерганых движений.

— Пока все,— объявил, наконец, Дейл.— Можете теперь встать, и если хотите открыть ставню, то теневая сторона вон там.— И, повернувшись, к Дугану, добавил: — Достань-ка мне карты номер один, два и три, и мы подробно отметим курс.

Дуган покинул помещение через люк в полу. За ним тянулась металлическая лесенка. Про эту лесенку нельзя было сказать, что она вела вниз, так как в ракете теперь не существовало ни «верха» ни «низа». Жилой отсек, рубка «Глории Мунди», располагалась впереди, на носу. Пол у нее был круглый, а стены — сигарообразной формы, они слегка сближались к потолку. Дейл решил, что отдельная штурманская рубка не нужна. Полет ракеты, коль скоро удалось преодолеть притяжение Земли, это, строго говоря, вовсе не полет, а падение. Оказавшись в космосе и на правильном курсе, требуется уделять внимание лишь легким поправкам курса, для этого достаточно коротких вспышек из рулевых дюз. Поскольку корабль теоретически мог оставаться на расчетном курсе до тех пор, пока его не затормозят для посадки, Дейл счел, что отводить место для специальной навигационной рубки — напрасная потеря полезного пространства.

Вдоль стен главного помещения шли пять иллюминаторов. Между ними располагались телескопические инструменты. Они могли работать, когда ставни приходилось закрывать. Теперь, когда движение вокруг оси исчезло, можно упаковать пять подвесных коек поплотней, а к полу привинтить стол с намагниченной поверхностью и сделать другие изменения ради комфорта во время полета, который должен был продолжатся двенадцать недель.

За люком находились кладовые для продовольствия и других необходимых вещей. Батареи для освещения и отопления. Запас воздуха и ректификационный агрегат. Кабинка немногим больше стенного шкафа для применения при чрезвычайных обстоятельствах в качестве лазарета. Верстак, небольшой токарный станок и пирамида с инструментами для мелкого ремонта, и даже угол, оборудованный под камбуз — хотя трудности приготовления еды в невесомости исключали надежду на большой выбор горячих блюд.

На втором уровне и кончалась пригодная для обитания часть корабля. Дальше располагались топливные баки с тоннами взрывчатки, смесительные камеры и насосы, снабжающие топливом камеры сгорания, откуда расширяющиеся газы с ревом вырывались из дюз.

Дуган перебрался в ту часть кладовой, где хранились навигационные карты. Оттолкнувшись, он проплыл к полу. Его магнитные подошвы с легким лязгом стукнулись о поверхность, и он сразу же почувствовал себя почти нормально. Хотя невесомость и ожидалась, астронавты чувствовали себя не в своей тарелке. Дуган нагнулся и потянул, открывая длинную лицевую сторону шкафчика с картами, а затем застыл, выпучив глаза. Когда он видел их в последний раз, карты лежали, аккуратно свернутые в трубочки; теперь же большинство из них сплюснуло давление, вызванное ускорением. Удивило его однако не это, а торчащий меж складок бумаги предмет, смахивающий на носок сапога.

Несколько мгновений Дуган постоял в оцепенении, прежде чем у него достало ума опять запереть шкафчик и отправиться на поиски пистолета. Вернувшись в жилой отсек, он доложил:

— На борту заяц, Дейл.

Когда смысл замечания дошел до астронавтов, те уставились на штурмана во все глаза. Дейл пренебрежительно хмыкнул.

— Невозможно. Корабль все время охраняли.

— Но он там. Я видел...

— И его обыскали, прежде чем мы улетели.

— Говорю вам, я видел в шкафчике с картами чью-то ногу. Сходи и сам посмотри.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Дейл поднялся из-за пульта управления и протянул руку.

— Отдай мне пистолет. Я разберусь с зайцем. Теперь мы знаем, откуда взялся лишний вес.

Капитаном владел холодный гнев. Присутствие зайца вполне могло означать гибель для них всех. Не удивительно, что корабль с самого начала немного отставал от графика, и не удивительно, что уровень потребления горючего превысил ожидаемый. Дейл пролез через люк, а остальные последовали за ним. Лицевая сторона шкафчика все еще оставалась запертой. Он крутанул задвижку и резко распахнул ее.

— А ну, выходи! — приказал он.

Ничто не шелохнулось. Он потыкал среди бумаг дулом пистолета и почувствовал, что наткнулся на что-то податливое.

— Вылезай! — повторил он.

Торчащий носок сапога шевельнулся, заставив кучку карт выплыть из шкафчика. Открылся зашнурованный до колена сапожок. Заяц извивался, медленно выбираясь из отверстия ногами вперед. За сапожками последовали бриджи и куртка из мягкой кожи, и, наконец, появилось удрученное испачканное лицо. Бросив беглый взгляд на лицо, окруженное растрепанными волосами, Дейл опустил пистолет.

— Боже мой, это женщина,— произнес он тоном, в котором звучало откровенное отвращение.

— Вот те на...— вторил ему Фрауд.

— Точь-в-точь, как в кино, верно?

Девушка выбралась из шкафчика и поплыла по помещению. Не будь ее тело невесомым, она бы рухнула без сил. Потом незнакомка вытянула руку, чтобы ухватиться за опору, но не дотянулась. Глаза у нее закрылись, она по инерции плавала в воздухе.

— И что еще хуже,— добавил Дейл,— она из тех, кто начинает с обморока. Во имя неба, что мы такого сделали, чтобы заслужить подобное?

Доктор схватил девушку за руку.

— В этом ее винить нельзя. Мы все потеряли сознание, а мы ведь лежали на пружинных койках. Будет удивительно, если она ничего не сломала.

Бернс выудил из кармана фляжку.

— Дайте девушке капельку бренди,— предложил он.

Доктор нетерпеливо оттолкнул его.

— Отойди, приятель. Как ты сможешь налить жидкость в стакан, черт подери? Пошевели своими куриными мозгами.

Бернс сконфуженно отступил, глядя с озадаченным выражением лица на непроливаемое бренди.

— Полагаю, лучше забрать ее в лазарет и позаботиться о ней,— неохотно решил Дейл.— Док, хорошо бы вымыть ее. Никогда не видел никого грязней. Вероятно, она погубила часть карт.

— Лично я бы,— посоветовал Фрауд,— сначала ее умыл, а уж потом приводил в чувство. Она никогда не простит, если очнется и увидит себя такой, как сейчас. Эта часть ее выступления куда ниже киностандартов: никто пока не видел кинозвезду сразу после того, как ей стало дурно.

Глава восьмая

ДЖОАН

По возвращении в жилой отсек воцарилось тягостное молчание. Дейл застыл у пульта управления и уставился на приборы, ничего перед собой не видя, так как им овладело чувство нарастающего негодования. Бернс сидел у стола и мирно ждал. Фрауд попытался упасть на одну из коек. Делая этот небрежный жест, он забыл об отсутствии веса и завис в воздухе. Дуган подошел к одному из незабранных ставнями окон, изучая чудеса космоса.

Тишину нарушил Фрауд.

— Ну и ну,— задумчиво пробормотал он.— А я-то думал, что мне досталось единственное чисто мужское редакционное поручение с тех пор, как изобрели сексапильность. Это лишь показывает — даже журналист может

иногда ошибиться. Знаете,— добавил он,— чего бы там ни говорили о старине Оскаре Уайльде, он был в чем-то прав.

Отвлекшись от созерцания звезд, Дуган с озадаченным видом повернулся к Фрауду.

— О чем ты, черт возьми, толкуешь? — спросил он.

— Да про нечто совершенно безвредное. Всего лишь о том, что у Уайльда была теория насчет того, что природа подражает искусству. Типичное искусство наших дней — это кино. Отсюда и эта ситуация. Кто ж, кроме возросших на киноподелках Голливуда, додумался бы лететь зайцем на ракете? Поэтому...

— Хорошо,— отмахнулся от него Дейл,— но случай, похоже, далеко не так забавен, как ты полагаешь. И вся соль вот в чем: что нам с ней делать?

— Делать? — повторил Фрауд, словно эхо, ничуть не встревоженный словами Дейла.— Как что, да очень просто — за борт ее.

— Эй, послушайте...— начал было Дуган.

Фрауд усмехнулся.

— Именно. Но факт остается фактом, это единственное, что мы можем сделать. Альтернатива — к которой мы, несомненно, обратимся — вообще ничего не делать: фактически смириться с этим положением, нравится нам оно или нет.

— Будь это мужчина,— заявил Дейл,— я бы предпочел выкинуть его за борт — и это нельзя было бы назвать убийством.

— Но так как это не мужчина?..

— Ну, черт бы все побрал, а почему бы и нет? Женщина ест не меньше, и дышит не меньше. Есть какая-нибудь действительно веская причина, по которой с ней не следует обойтись точно так же?

— Ни единой,— тут же ответил Фрауд.— Одинаковая плата за одинаковый труд, одинаковое наказание за одинаковые преступления. Вполне логичная и правильная процедура. Но никто и никогда не осуществляет ее на практике, так как в сердце каждого мужчины сокрыт рыцарь,— любезно объяснил он.

Всецело занятый данной проблемой, Дейл не обратил внимания на его слова.

— Она просто злоупотребляет своим полом, как и все женщины — вот в чем дело. Считается само собой разумеющимся, что мы не причиним ей вреда просто потому, что ей довелось родиться женщиной.

— Нет, будь к ней справедлив,— возразил журналист.— Злоупотребляет она твоим полом. Будь на «Глории Мунди» экипаж из женщин, она бы, скорей всего, оказалась за бортом. Но она рассчитывает, что ты, будучи мужчиной, поведешь себя нелогично — и что еще важнее, она совершенно права.

— Неужели ты не можешь хоть несколько минут побыть серьезным?

— Я серьезен. Я смотрю прямо в лицо страшному будущему, о котором вы, ребята, еще не подумали. К тому времени, как она пробудет здесь неделю, эта девица станет командовать всем парадом и заставит нас чувствовать себя так, словно лишний груз тут мы, а не она. Знаю я их.

— Если она останется.

— Останется-останется, не сомневайся. И я действительно не понимаю, из-за чего вы подымаете весь этот шум. Ты же отлично знаешь, что ни у кого из нас не хватит духу вышвырнуть девушку за борт, и что в итоге нам придется просто примириться со сложившимся положением.

— Совершенно верно,— вставил Дуган.— В любом случае действительно серьезный вред она уже причинила, просто отправившись с нами. Продовольствия у нас хватит на всех. И я хочу сказать, не можем же мы просто... э-э... выкинуть ее, не так ли?

Он повернулся к Бернсу, и тот молча кивнул.

Дейл отвел взгляд. Выглядел он довольно кисло. Что не удивительно для того, кто считал, что проявил слабость, столкнувшись с первой же чрезвычайной ситуацией в экспедиции. Он вышел из положения, сменив тему.

— Ну, я хотел бы узнать, кто провел ее на борт. Я знаю, что никто из вас не стал бы проворачивать подобный дурацкий фокус, но когда мы вернемся, я намерен выяснить, кто это подстроил. И ей Богу...— возвращение доктора оборвало его угрозу.

— Ну?

— Дал ей успокаивающее. Она теперь спит.

— Ничего не сломано?

— Думаю, нет. Синяков, конечно, преизрядно.

— Гм, ну, хоть в этом посчастливилось. Окажись у нас на шее еще и калека, это бы стало последней каплей.

— Думаю, на этот счет вам не о чем беспокоиться. Через день-другой она, вероятно, придет в норму.

— А пока,— заключил Фрауд,— нам остается лишь терпеливо ждать, что она выкинет дальше.

Прошло полных сорок восемь часов, прежде чем доктор Грейсон позволил капитану навестить свою пациентку и даже тогда впустил его весьма неохотно. Доктор сообщил, что она оправилась, но теперь тревожится, как ее примут на борту корабля, и это замедляет выздоровление. Он считал, что стоит пойти на небольшой риск, лишь бы решить этот вопрос раз и навсегда, чтобы девушка поняла, в каком именно положении она находится.

Дейл сразу же направился к люку. Легче будет, подумал он, провести эту первую беседу, уединившись с ней в крошечном лазарете. К своему раздражению он обнаружил, что прибыл туда не один.

— А тебе чего надо? — набросился он на Фрауда.

— Мне? Я просто пристроился в хвост,— мирно ответил ему спутник.

— Можешь вернуться к остальным. Ты мне не нужен.

— Но вот тут-то ты и не прав. Дело в том, что я официальный хроникер экспедиции — и нельзя отгораживаться от меня в тот миг, когда происходит что-то интересное.

— Ты все узнаешь позже.

— Это будет не одно и то же. Мне требуются первые слова зайца и реакция капитана. Боюсь, что у тебя неправильный подход, Дейл. Так вот, здесь у нас Романтика — с заглавной Р...

И покачал головой в ответ на недовольное фырканье Дейла.

— Точно, она самая — несмотря на то, что это звучит по-идиотски. В моей профессии это аксиома. Неожиданное

появление любой девушки — это всегда Романтика. А я — представитель мировой общественности — многих тысяч миллионов людей, дружно, шумно и настойчиво требующих Романтики. Разве честно, разве порядочно будет просто из прихоти лишить...

— Ладно. Полагаю, тебе лучше пойти. Только, Бога ради, болтай, черт возьми, поменьше. Фактически, вообще не болтай — если сумеешь сделать это, не лопнув.

Капитан открыл дверь, и они втиснулись в тесную клетушку лазарета.

За минувшее время внешность зайца преобразилась чудесным образом. С трудом верилось, что девушка, лежавшая на подвесной койке и изучавшая своих визитеров спокойным оценивающим взглядом, та самая злополучная фигура из шкафчика с картами. Обоих мужчин захватил врасплох серьезный, спокойный взгляд ее темных глаз. Ни тот, ни другой толком не представляли, какой именно реакции ожидать, но уж никак не предвидели такого отсутствующего, спокойного вида. Дейл, на мгновение растерявшись, уставился на нее. И увидел овальное, загорелое до мягко-коричневого оттенка лицо, обрамленное блестящими темными кудряшками. Мелкие, тонкие и правильные черты лица; твердый рот с губами лишь чуть более красного оттенка, чем предназначалось природой, и под ним подбородок, намекающий на решительность без упрямства. И как-то незаметно ситуация изменилась, беседа с самого начала пошла совсем по иному руслу.

— Ну? — ровным тоном осведомилась девушка.

Дейл взял себя в руки. Он собирался начать с грубости, но почувствовал в заранее выбранном тоне что-то неверное.

— Я — Дейл Кертенс, и мне хотелось бы получить объяснение вашего присутствия на борту моего корабля. Во-первых, как вас зовут?

— Джоан.

— А фамилия?

Взгляд девушки не дрогнул.

— Думаю, в настоящее время это не имеет значения.

— Для меня — имеет. Я хочу знать, кто вы такая, и для чего вы здесь.

— В таком случае, вас ждет разочарование, так как я не считаю нужным называть вам свою фамилию. А если вы решите надавить на меня, то смогу назвать вымышленную. Никаких средств, чтобы проверить, у вас нет. Будем считать, что фамилия моя — Смит.

— Не будем,— резко огрызнулся Дейл.— Если вы не желаете сообщить свою фамилию, то, наверно, будете любезной объяснить, почему без спроса присоединились к нашей экспедиции. Полагаю, вы не понимаете, что одно лишь ваше присутствие могло в самом начале привести нас к катастрофе.

— Я надеялась помочь.

— Помочь?.. Вы? — Презрительный тон капитана заставил девушку покраснеть, но глаз она не опустила. В этот миг наблюдавший за ней Фрауд почувствовал, как в его памяти что-то шевельнулось.

— Я уже где-то встречал вас,— внезапно проговорил он.

Ее взгляд переместился с лица Дейла. Ему представлялось, что он уловил легкий след тревоги, но впечатление было мимолетным.

— Вот как? — произнесла она.

— Да. Я уловил это только сейчас, когда вы рассердились. Мне уже доводилось видеть вас такой. Только вот где же это было? — Он свел брови, пристально глядя на нее, но ответ ускользал. Замечательно уже и то, что он вообще вспомнил ее, выделив из тех тысяч девушек, которых встречал каждый год в ходе своей работы. Это предполагало, что они, должно быть, встречались при необычных обстоятельствах, но он, хоть убей, не мог припомнить — когда и где.— Полагаю,— продолжал Дейл,— что вы одна из тех девушек, которые думают, что им нынче все может сойти с рук. Улыбнись улыбкой кинодивы, и все будут только рады взять вас с собой, а газеты будут просто упиваться, расписывая ваши достоинства, когда вы вернетесь. Но на сей раз вы ошиблись. Я не рад, что вы с нами — никто из нас не рад — мы не хотим вас видеть...

— За исключением меня,— вставил Фрауд.— С точки зрения сексапильности, ваше присутствие будет...

— Заткнись,— оборвал его Дейл. И продолжал, обращаясь к девушке: — Я хотел, чтобы вы знали: благодаря вашему вмешательству, нам очень повезет, если мы сумеем вернуться. Будь вы мужчиной, я бы выкинул вас за борт — мне следовало бы это сделать даже с женщиной. Но позвольте мне сообщить следующее: вы здесь не будете маленькой героиней или живым талисманом. Когда потребуется выполнить какую-то работу, вы будете выполнять ее точно так же, как остальные. Вот уж точно, поможете!

Глаза у девушки вспыхнули, и тем не менее заговорила она спокойно.

— Но я, правда, могу помочь.

— Поможете вы нам, вероятно, одним — дадите Фрауду еще одну историю для его придурочной общественности. Только вы, вероятно, одновременно испортили его шанс когда-либо вернуться и рассказать ее.

— Послушайте,— негодующе начал журналист,— моя публика не...

— Помолчи,— отрезал Дейл.

Все трое умолкли. Девушка пожала плечами, но продолжала смотреть Дейлу прямо в глаза, нимало не смущенная его дурным настроением. Молчание затянулось. Она, похоже, не сознавала, что естественным шагом в разговоре должна стать какая-то реакция на сказанное. Дейл начал нервничать. Не то, чтобы он не привык к молодым женщинам, не сводящим глаз с его лица, но те, обычно, одновременно поддерживали непрерывный поток слов, сопровождаемых частными улыбками. А эта девушка ждала, когда он сам заговорит. И еще он осознал, что Фрауд находит в этой ситуации какой-то неясный источник веселья.

— Как вы проникли на борт? — задал он следующий вопрос.

— Я знала одного из ваших людей,— призналась она.

— Которого?

Она молча покачала головой. На лице у нее появилось укоризненное выражение.

— Вы подкупили его?

— Не совсем. Я указала, что если он проведет меня сюда, то будет единственным, кто об этом знает, и что

«Эксцесс» или «Хейл» могут щедро заплатить за эксклюзивную информацию.

— Ну, будь я проклят. Так значит, теперь уже все об этом знают?

— Думаю, да.

Дейл беспомощно посмотрел на Фрауда.

— И ведь по-прежнему,— задумчиво произнес репортер,— все еще есть люди, которые сомневаются в могуществе прессы.

Дейл снова повернулся к девушке.

— Но зачем? Зачем? Вот что я хочу знать. На вид вы не из тех, кто... я хочу сказать, будь вы не такой, какая есть, я бы так не удивлялся, но...

Он закончил неопределенным жестом.

— Это не совсем ясно,— сказала она и в первый раз слегка улыбнулась.

— По-моему, он пытается сказать, что вы не похожи на любительницу сенсаций — что это не просто феминистическая выходка с вашей стороны,— попробовал подступиться к ней Фрауд.

— Нет,— покачала головой мисс Смит. Разметавшиеся кудряшки остались разметавшимися, вместо того чтобы упасть на свои места. Не сознавая этого странного эффекта, она продолжала: — Фактически, я бы подумала, что он по натуре куда больший феминист, чем я.

— Да, уж,— глупо потупившись, произнес Дейл, тогда как Фрауд улыбнулся.

К двери подошел доктор Грейсон.

— Вы уже закончили? — осведомился он.— Мою пациентку, знаете, нельзя утомлять.

— Вы правы, док,— согласился, поднимаясь, Фрауд,— хотя, как мне представляется, вы сильно недооцениваете способность своей пациентки к восстановлению сил.

— Что она сказала? — подступил с вопросом Дуган, когда они вернулись в жилой отсек.

— Крайне мало. За исключением того, что зовут ее Джоан Смит, и что она считает Дейла феминистом — что, конечно же, совершенно верно,— уведомил его Фрауд.

Дуган озадаченно посмотрел на него.

— Разве вы не спросили ее, зачем она это сделала...
— Конечно.
— Ну?
Фрауд пожал плечами и смахнул со лба челку.
— Похоже, эта экспедиция окажется еще интересней, чем я ожидал.— Он задумчиво посмотрел на своих спутников.— Наша пятерка и эта дамочка пробудем три месяца в тесноте на борту ракеты. Если соотношение полов не изменится, то впору будет кричать «караул, убивают». Возможно, убийства мы как-нибудь избежим, но кто его знает.

Глава девятая
ОПОЗНАНИЕ

Гнев Дейла был вызван не только страхом перед последствиями присутствия девушки, но и практическими результатами добавочного веса. Эта девушка, Джоан, была неизвестной величиной, вторгшейся в его тщательно подобранный экипаж. Он видел в ней потенциальную причину эмоциональных расстройств и, вполне возможно, сопровождаемых насилием ссор, способных превратить путешествие в муку. Многонедельное пребывание в тесном замкнутом пространстве было бы и для одних мужчин достаточно суровым испытанием, потому что хотя Дейл и подобрал людей, которых хорошо знал, общался-то он с ними только в нормальных условиях. А уж как они станут себя вести теперь, он мог только гадать — и без большого удовольствия.

В конечном итоге многое зависело от характера девушки. Если она девушка рассудительная, то, возможно, им удастся пережить ее присутствие без серьезных неприятностей: если же нет... И теперь, по истечении десяти дней по земному счету, он все еще не мог ничего решить. Для всех, насколько он знал, девушка по-прежнему оставалась той же таинственной незнакомкой, какой явилась из шкафчика с картами. Она по-прежнему не называла причины своего присутствия на борту, и все же по тому, как она держалась, как проявляла характер, какие мысли выказа-

ла, Дейл сознавал, что на эту авантюру ее толкнула отнюдь не мелкая прихоть и не стремление к известности. Но если дело не в них, то в чем же тогда? Что еще могло толкнуть безусловно привлекательную девушку на такой путь? Она, похоже, не имела никаких эмоций. Общее образование у нее было хорошее, а знание астрономии — необычным; в физике она тоже разбиралась лучше среднестатистической гражданки, но и это знание не было всепоглощающей страстью, чтобы ради нее преодолеть почти непреодолимые трудности. Но должна же существовать какая-то причина...

Несмотря на ее отказ быть откровенной, Дейл признавал, что с дополнительным грузом им могло не повезти куда больше. Как указал Фрауд, с такой же легкостью им на шею могла свалиться какая-нибудь легковесная блондинка с киноамбициями. По крайней мере, Джоан была спокойной и незаметной, она выполняла любую предложенную работу. Большую часть своего времени Джоан проводила у иллюминаторов, хотя после того, как новизна путешествия притупилась, она, казалось, не рассматривала далекие звезды. Возможно, усеянная звездами чернота у нее перед глазами освобождала разум, позволяя бродить по царству фантазии. Только вот никто из астронавтов даже не подозревал, о чем она думает. На загорелом, серьезном ее лице стыла маска равнодушия. Лоб ее не хмурился так, словно она искала решение каких-то проблем, не наблюдалось никакого намека на нетерпение. Только иногда казалось, что глаза у девушки становились более темными, а мысли бродили где-то уж совсем далеко. Разговоры остальных астронавтов она пропускала мимо ушей, но изредка какое-то замечание привлекало ее внимание, и она поворачивалась посмотреть на говорившего. Иной раз возникало впечатление, что втайне, про себя, она улыбается.

Сейчас ее заставил обернуться вопрос Фрауда к Дейлу. Капитан сидел за столом — сидел в силу привычки, поскольку в состоянии невесомости и сидя, и лежа отдыхается не лучше, чем стоя.

— Я собирался и раньше у тебя спросить, да все как-то вылетало из головы: почему ты решил лететь на Марс? Я бы подумал, что естественной целью первых экспедиций

станет Венера. Она ведь ближе к Земле, чем Марс. На полет к ней ушло бы меньше горючего. Именно туда и метил Драйверс, не так ли?

Дейл оторвался от книги и кивнул.

— Да, Драйверс пытался добраться до Венеры. Фактически, вначале я и хотел отправиться на Венеру, но передумал.

— Вот жалость-то. Во всей литературе только Марс и фигурирует. Либо мы отправляемся на Марс, либо марсиане прилетают к нам в гости. Благодаря Уэллсу, Берроузу и дюжине других авторов, у меня такое чувство, что я уже знаю эту планету. Венера внесла бы разнообразие.

— Если мы найдем на Марсе что-нибудь из романов Берроуза, то нас ждут необыкновенные приключения,— рассмеялся Дуган.— Почему ты отказался от полета на Венеру, Дейл?

— По нескольким причинам. Хотя бы потому, что о Марсе мы знаем чуть побольше. Венера под этими облаками может оказаться, скажем, огромным шаром воды. Про Марс мы, по крайней мере, знаем, что он — суша, и там у нас будет шанс поставить «Глорию Мунди» стоймя для того, чтобы отправиться в обратное путешествие. А если бы мы сели в море, это бы означало смерть. Опять же, гравитация на Марсе намного меньше, хотя с кораблем даже там придется повозиться. Не знаю почему Драйверс выбрал Венеру — вероятно, не хотел ждать противостояния Марса или что-то в этом роде. Но ты не прав, думая, что на полет к Венере понадобится меньше горючего. На самом деле его уйдет больше.

— Но Венера же подходит к Земле примерно на десять миллионов миль ближе,— возразил с озадаченным видом Фрауд.

— Но эта планета намного крупнее Марса. Чтобы оторваться от нее для полета обратно потребуется намного больше энергии. Движение в космосе не требует никакого горючего. В счет идут лишь остановка и старт, а чем больше планета, тем больше и ее притяжение, тем труднее освободиться.

— Понятно. Ты хочешь сказать, что в том положении, в каком мы находимся сейчас,— в отрыве от притяжения

Земли — мы можем отправиться хоть на Нептун или даже на Плутон, затратив не больше энергии, чем для полета на Марс?

— Разумеется. Фактически, мы могли бы улететь из нашей солнечной системы в соседнюю — если ты не против провести в пути несколько веков.

— Ого,— задумчиво произнес Фрауд.

— Хотелось бы знать,— вставил, ни к кому конкретно не обращаясь, доктор,— почему мы занимаемся подобными вещами? Ведь это же на самом-то деле глупость. Ведь мы все могли бы вполне комфортно и безопасно пребывать дома. Станет ли кто-нибудь счастливее или лучше, узнав, что человек может, если пожелает, пересечь космическое пространство? И все же мы именно этим и занимаемся.

Со стороны иллюминатора раздался голос Джоан.

— Это сделает нас мудрее. Разве вы не помните, что говорил Кейвор Бедфорду в Уэллсовских «Первых людях на Луне». «Подумайте о новых знаниях!»

— Знаниях? — переспросил доктор.— Да, полагаю, это так. Вечный поиск знаний. И мы даже не понимаем, почему мы их ищем. Это инстинкт, вроде инстинкта самосохранения; примерно такой же непостижимый. Почему, хотелось бы мне знать, я все цепляюсь за жизнь? Ведь я знаю, что рано или поздно мне придется умереть, и все же делаю все возможное, чтобы это произошло попозже. А мог бы разом покончить с этой проблемой. В конце концов я свою задачу выполнил — продолжил свой род, и все же по какой-то загадочной причине хочу жить и пополнять знания. Просто инстинкт. Какой-то выверт в эволюционном процессе вызвал во мне страсть к знаниям, и в результате перед нами человек — странное маленькое создание, шмыгающее туда-сюда в поисках знаний.

— А потом это существо обнаружит, что изрядная масса этого товара не идет ему впрок,— вставил Фрауд.

Доктор кивнул.

— Вы правы. Человеческие знания трудно назвать нетленными. Полагаю, в них есть какая-то цель. Как по-вашему, что произойдет, когда в один прекрасный день человек откинется на спинку кресла и скажет: «Познание

завершено»? Видите, это даже звучит-то глупо. Мы привыкли собирать знания, но не можем представить себе мира, где они все собраны и сбор закончен.

Он поднял голову, поймал взгляд Дугана и улыбнулся.

— Не надо так на меня смотреть, Дуган. Но скажите, зачем, по-вашему, мы здесь — посередине пустоты?

— Не знаю,— заколебался Дуган.— Я никогда по-настоящему об этом не думал, но у меня возникло своего рода ощущение, что люди вырастают... Вырастают духовно точно так же, как вырастают из своей одежды. Они должны расширять свой ареал обитания.

Их снова удивил голос Джоан, когда та спросила Дугана:

— Вы когда-нибудь читали «Путешествие к иным мирам» Дж. Дж. Астора?

— Никогда о нем не слышал. А что? — спросил Дуган.

— Да лишь то, что он, пожалуй, испытывал довольно схожие чувства еще в 1894 году. Насколько я помню, он говорил: «Точно так же, как Греция стала слишком мала для цивилизации греков, так и все человечество в будущем ждут исследования, по крайней мере, солнечной системы». Как видите, почти та же идея.

Доктор с любопытством посмотрел на девушку.

— И вы тоже придерживаетесь этого взгляда?

— Мое личное мнение... Не знаю. Но могу сказать, что я думала о подспудных причинах своего пребывания здесь. С меня хватает и непосредственных причин.

— Сожалею, что вы не хотите откровенно рассказать о них. Думаю, нам было бы интересно.

Девушка не ответила. Она снова повернулась к иллюминатору и уперлась взглядом в черноту, словно не расслышав сказанного. Несколько мгновений доктор задумчиво смотрел на нее, прежде чем вернуться к остальным. Подобно Дейлу, он был совершенно уверен, что на борт «Глории Мунди» ее привела не просто прихоть, но он тоже не мог подыскать никакой убедительной причины ее присутствия.

— Причина нашего пребывания здесь,— заявил Фрауд,— наверняка заключается в ожиданиях того, что мы найдем на Марсе. Док в первую очередь биолог, и его понять легко. Я, как журналист, охочусь за новостями ради них самих.

— Поверхностно, но так,— согласился доктор.— Однако я говорил о фундаментальном стремлении — об источнике того любопытства, которое отправляло поколение за поколением гоняться, казалось бы, неизвестно за чем. Полагаю, у каждого из нас есть собственные представления о том, что именно мы найдем на Марсе, но готов поспорить, что ни одна из фантазий, даже если они все осуществятся, не станет, разумно говоря, достаточно веской причиной, чтобы мы рисковали жизнью. Про свои ожидания я знаю точно. Я ожидаю найти новые виды флоры. Если найду, то буду в восторге, но — и в этом-то вся суть: окажутся ли они полезными или совершенно бесполезными? Что заставляет меня вновь задать вопрос: почему я готов рисковать своей жизнью для того, чтобы найти их?

Когда он умолк, в разговор вступил Фрауд.

— На самом-то деле, ваша причина та же, что и у меня,— сбор информации. Разница в том, что ваша информация специализированная. Все мы — собиратели информации, иначе говоря, знаний — так что теперь мы возвращаемся к тому, с чего начали.

— Ну, а что ожидаете найти вы? — спросил доктор.

— Да, в общем-то, я не знаю. Думаю, больше всего я хочу обнаружить доказательства существования расы существ, построивших марсианские каналы.

Тут вмешался Дуган.

— Каналы! Да все же знают, что это с самого начала было недоразумением. Просто когда Скиапарелли открыл их, то назвал canali, и он имел в виду русла высохших рек. Потом это итальянское слово перевели буквально и стали полагать, что он имел в виду искусственные сооружения. А он ничего такого и не подразумевал.

— Мне это известно,— холодно отозвался Фрауд.— Я проходил это в школе, как и вы. Но это не мешает мне считать их искусственными.

— Но подумай о масштабах работ. Это же невозможно. Каналы в сотни миль длиной, и многие из них шириной в пятьдесят миль. Вся планета покрыта их сетью. Такого просто невозможно создать.

— Признаю, что это колоссальный труд, но не согласен с тем, что такое невозможно. Фактически, я утверждаю,

что если бы океанам Земли грозило скорое обмеление, а единственным способом получить воду стала бы транспортировка ее с полюсов, то мы бы соорудили то же самое.

— Но подумай, сколько потребуется трудов!

— Ради того, чтобы выжить, стоит потрудиться. Но если ты хочешь поколебать мою веру в теорию о том, что марсианские каналы сооружены разумными существами, то тебе надо всего-навсего объяснить их образование как-то иначе. Если у тебя есть идея, которая объяснит, каким образом природа сооружает прямые пересекающиеся рвы постоянной ширины и в сотни миль длиной, то я хотел бы о ней услышать.

Дуган обернулся за подмогой к Дейлу, но тот покачал головой.

— На этот счет у меня нет своего мнения. Не хватает информации.

— Для меня прямые линии — достаточное доказательство,— продолжал Фрауд.— Пустоты природа не терпит, разве что в космосе... Но прямых линий она не терпит везде и всюду.

— Да,— согласился Бернс.— Она не способна ни начертить прямую линию, ни работать по плану. Ее путь — метод проб и ошибок, и в уйме случаев она разбазаривает силы, действуя методом проб и ошибок.

— Значит, вы, подобно мне, ожидаете обнаружить следы разумной жизни? — спросил журналист.

— Не знаю, но это одна из тех вещей, которые я надеюсь выяснить. Хотя теперь, когда вы меня спрашиваете, должен признаться, что я никогда не понимал, почему мы должны считать, что все Божьи создания должны находиться на одной крошечной планетке.

— Тут я вас поддерживаю,— согласился доктор.— С какой стати? Мне кажется, что появление жизни — общая черта для всех планет в определенной стадии развития. Пойду и дальше. На мой взгляд, кажется вероятным, что в одной солнечной системе обнаружатся схожие формы жизни. То есть в солнечной системе вы обнаружите, что молекулы жизни везде построены на углеродной основе, в то время как в других системах протоплазма может не образоваться, хотя жизнь там существует.

— Мне этого не понять,— признался Дуган.

— Вы пытаетесь подвести меня к предположению, что на Марсе есть или были разумные существа, похожие на людей?

— Господи, нет! Я лишь предполагаю, что если там есть жизнь, то она, вероятно, не будет радикально отличаться от известных нам форм. Она будет зависеть от молекул кислорода, азота, водорода и углерода, которые идут на создание протоплазмы. А уж какие она может принять обличья, остается только подождать, чтобы увидеть.

— Какая уникальная возможность вновь возродить такой жанр, как повести путешественников,— вставил Фрауд.— Мы можем здорово повеселиться, рассказывая на Земле байки о драконах, единорогах, циклопах, кентаврах и гиппогрифах.

— Ты позабыл, что служишь в экспедиции фотографом. Ведь потребуют доказательств,— напомнил ему Дейл. Фрауд усмехнулся.

— Камера никогда не лжет, но как же много можно сделать с фотографией, прежде чем ее напечатать. Забавно будет,— продолжал он,— увидеть, который из писателей оказался ближе всех к истине. Уэллс с его желеобразными созданиями, Вейнбаум с его странноватыми птицами, Берроуз с его курьезным зверинцем, или Стэплдон с его разумными облаками? И который из теоретиков? Ловелл, который первый выдвинул идею канальной ирригации, Люйтен, который сказал, что условия на Марсе в самый раз, но только в обрез достаточны для того, чтобы там существовала жизнь, Ширнинг, который...

Внезапно он умолк. Остальные увидели, что он повернул голову и смотрит на девушку. А та отвечает ему таким же прямым взглядом, не отводя глаз. Выражение ее лица ничего не говорило. Губы девушки слегка приоткрылись. Дышала она, казалось, чуть чаще, чем обычно. Ни она, ни Фрауд не произнесли ни слова.

— Ну,— нарушил затянувшуюся паузу Дуган,— и что там говорил этот... как бишь его там?

Но астронавты оставили его вопрос без внимания. Доктор слегка хмурился, словно пытаясь что-то вспомнить.

Дейл выглядел откровенно сбитым с толку, даже Бернс что-то заподозрил. Фрауд по-прежнему не сводил глаз с лица девушки, он вопросительно поднял брови. Та какую-то секунду колебалась, затем едва заметно кивнула.

— Да,— медленно произнесла она,— полагаю, теперь они должны узнать.

Фрауд резко развернулся лицом к остальным.

— Джентльмены, тайна загадочного зайца «Глории Мунди» раскрыта. Разрешите представить, перед вами мисс Джоан Ширнинг.

Это объявление на слушателей подействовало по-разному.

— Так вот оно что,— пробормотал доктор, когда снова посмотрел на девушку. Бернс кивнул и поглядел на нее на манер человека, решившего не торопиться с суждениями. Дуган выпучил глаза, а Дейл смотрел с озадаченным выражением.

— Что все это значит? — раздраженно спросил он.

— Господи, помилуй, приятель. Ты... э-э... наверняка, не мог забыть историю с Ширнингом.

— Кажется, я где-то слышал эту фамилию, но почему и когда она упоминалась?

— Около пяти лет назад. Грандиозная газетная утка. Взлетела, а потом хлопнулась замертво. Ты никак не мог забыть...

— Должно быть, я был в отъезде. Точно, последнюю часть 1976 года я провел в китайской больнице из-за крушения над пустыней Гоби. Так что это была за история с Ширнингом?

Фрауд снова посмотрел на девушку.

— Мисс Ширнинг сможет рассказать об этом лучше меня.

— Нет,— покачала головой Джоан.— Я бы предпочла, чтобы сперва вы рассказали, что вам известно.

Поколебавшись, Фрауд согласился.

— Ладно. А потом вы можете добавить подробности. Насколько я помню, дело обстояло примерно так: Джон Ширнинг, член Королевского Научного Общества, доктор наук и так далее, преподавал физику в Вустерском Университете. Университет этот некрупный, и там были рады

иметь такого преподавателя, потому что он являлся крупной фигурой в мире физики. Ширнинг проработал там несколько лет, и его это, казалось, вполне устраивало. И где-то осенью 1976 года он под секретом рассказал одному другу, что наткнулся на какую-то замечательную машину. Признался, что не может понять принципа ее работы. В ходе разговора он предположил, что машина уникальна и, возможно, имеет внеземное происхождение.

А друг этот оказался не таким уж хорошим. То ли он и правда подумал, что Ширнинг сошел с ума, то ли захотел создать впечатление, будто тот слетел с катушек. Так или иначе, но принялся трепаться об этом на каждом углу. Если бы речь шла о первом встречном-поперечном, то никто бы и ухом не повел, но байку-то связывали с именем Ширнинга, и люди начали проявлять любопытство. Пошли разговоры, и вскоре коллеги по университету стали приставать к профессору с расспросами, что за таинственную машину он имел в виду. Ширнинг совершил одну ошибку: он не стал все отрицать, не задавил слух в зародыше. Вместо этого он посоветовал коллегам-преподавателям не лезть не в свое дело, а заниматься своим, чего они, конечно, делать не стали. В скором времени слухи об инопланетной машине профессора дошли до прессы, журналисты принялись насмехаться.

Тогда профессора взялись за него всерьез. Сказали Ширнингу, что он превращает университет в посмешище, и потребовали, чтобы тот тотчас же публично опроверг эти россказни. Но профессор потряс их, заявив, что не может этого сделать, потому что все правда. Конечно, коллеги сделали большие глаза, они покачали головами и не поверили. И их едва ли можно винить. Поэтому что Ширнинг объявил, мол, эта штука уже почти месяц находится у него дома. И он убежден, что никто на Земле не мог бы ее создать. А если ему не верят, то он готов буквально на следующий день ее предъявить. И добавил, что покажет машину также и прессе. И пусть тогда кто-нибудь объяснит, что это за штука, и на каких принципах она работает.

На следующий день примерно двадцать пять журналистов явились на демонстрацию. Я освещал ее для «Посте-

ра». Мы все набились в одну комнату у него в доме, и профессор произнес большую и горячую речь о машине. Мы слушали, некоторые откровенно скучали, на других речь произвела серьезное впечатление. Университетские же преподаватели выглядели обеспокоенными.

Ширнинг сказал, что сейчас покажет нам машину, и как раз открыл дверь, чтобы провести нас к себе в лабораторию, но тут вбежала его дочь. Кстати, я извиняюсь перед мисс Ширнинг за то, что так долго не узнавал ее... Она вбежала со словами, что эта штука пропала.

— Вы хотите сказать, похищена? — спросил Дуган.

— Нет, дело обстояло еще хуже. Дочь сказала, что машина растворилась, распалась в лаборатории на составные части, растеклась, словно ртуть. Ширнинг ринулся в лабораторию, а остальные — за ним по пятам. Мы увидели лишь большую лужу металла на полу. Профессор чуть не обезумел...

Вы представляете, к чему это привело? Для дешевых газетенок это стало подарком. Они подняли громкий вой и рвали Ширнинга на куски на потеху публике. Ему пришлось сразу же покинуть свой пост. Карьере его пришел конец.

Если никакой машины не существовало, то озадачивал вопрос: с какой стати профессор приглашал прессу? Человеку с его положением не нужны трюки для саморекламы. Недоброжелатели решили, что профессор переработался, а на мой взгляд, он выглядел нормальным. После этого они с мисс Ширнинг исчезли, и, как всегда бывает в таких случаях, слухи быстро заглохли... Я рассказал беспристрастно, не так ли, мисс Ширнинг?

— Именно так все и произошло, мистер Фрауд. Учитывая то, что писало в газетах большинство журналистов, думаю, вы рассказали очень честно.

— Не будьте слишком суровы к журналистам. Им приходилось зарабатывать свой хлеб.

— Они зарабатывали его, ломая жизнь моему отцу.

— Мне эта история кажется полнейшей чушью,— вмешался Дейл.— Вы хотите сказать, что Ширнинг и в самом деле считал, будто машина прибыла на Землю с другой планеты?

— Если точнее,— заявила девушка,— она прибыла с Марса.

— Ну и ну,— только и смог сказать Дейл, и в жилом отсеке «Глории Мунди» воцарилось продолжительное молчание.

— Значит, вы по-прежнему настаиваете на своем? — спросил, наконец, Фрауд.

— Да, это была машина с Марса.

— Но я все равно не вижу никаких причин, чтобы пробираться зайцем на мой корабль,— заявил Дейл.— Даже если вы настаиваете, что ваша фантастическая байка — чистая правда. Есть ли жизнь на Марсе, мы выясним независимо от того, с нами вы или нет.

— Я уже говорила, что явилась помочь,— спокойно сказала девушка.— Я вам писала, но вы не ответили на мое письмо, поэтому я явилась сама.

— Писали! Боже мой! Да в тот же миг, как пресса сообщила о нашем рейсе, мне посыпались письма со всего мира. Чтобы разобраться с почтой, пришлось завести целый выводок секретарей. Они раскладывали почту кучами: кандидаты в пассажиры, мистические предупреждения, сумасшедшие изобретатели, обыкновенные психи, нищие, разные прочие. Которое было вашим? Скорее всего, оно попало в категорию «обыкновенные психи». Эта куча была самой большой.

— Я предложила свои услуги.

— И примерно миллион других людей сделали то же самое. Чем вы могли помочь?

— Я переводчик.

В отсеке снова воцарилось тяжелое молчание. Взглянув на выражение лица Дейла, Фрауд не смог удержаться от смешка.

— Послушайте, девушка,— процедил капитан, когда обрел дар речи,— вы пытаетесь сыграть со мной в какую-то игру? Если так, это не очень смешно.

— Я говорю совершенно серьезно.

— Ясно, письмо было от «психа обыкновенного». Могу я в таком случае спросить: в каком университете выдают дипломы лицам, владеющим разговорным марсианским?

Джоан не смутилась, она продолжала смотреть в лицо Дейла. И медленно произнесла:

— Это тоже не смешно, мистер Кертенс. Я не умею на нем говорить, зато умею писать! Мне кажется, что я единственный человек на Земле, кто это умеет. Хотя, возможно, я ошибаюсь.

— Не увиливайте,— заявил Дейл.— Я вполне готов поверить, что вы единственная в своем роде.

Девушка долго изучала его взглядом.

— В марсианском письменном — да,— сказала Джоан.— Тема эта — щекотливая, и вы поупражнялись в остроумии. Полагаю, что теперь, когда вы облегчились на свой лад, то к вам вернулись способности контролировать свой мозг.

— Молодчина! — восхищенно пробормотал Фрауд.

Дейл покраснел. Открыл было рот, затем захлопнул. Видимо, посчитал, что лучше промолчать.

— Мисс Ширнинг,— сказал Фрауд,— я был на той встрече в доме вашего отца. И не думал, что вышла смешная история, как полагало большинство других. Я слишком хорошо знал репутацию вашего отца, чтобы считать его поведение розыгрышем. Кроме того, я внимательно наблюдал за ним. И у меня не возникло сомнений, что он верит в каждое свое слово. Но после сокрушительного провала с демонстрацией машины, ничего нельзя было поделать. Куда подевалась машина? Если это был розыгрыш, то в чем он состоял? Вы же ничего не объяснили!

— Что проку было рассказывать? Мы потеряли единственное доказательство — саму машину. Все, что мы могли сказать, послужило бы новой пищей для насмешек!

— Машина! — взорвался доктор.— Вы все время твердите о какой-то машине. Господи Боже, девушка, есть тысячи разновидностей машин, от швейных до механического экскаватора. Чем была эта ваша машина, преподающая язык? Своего рода телетайпом?

— Нет. Нечто, не похожее ни на что известное. Если вам действительно интересно, могу рассказать.

— Конечно, интересно. Если вы рассказываете правду, тогда что же вы нашли? Если ничего, то мне интересно ваше психическое состояние. Единственное, в чем я сейчас

уверен: это не розыгрыш. Иначе бы вы здесь не оказались. Рассказывайте.

— Ладно,— согласилась она. Порывшись в кармане, Джоан извлекла полдюжины карточек и выложила их на стол.— После того, как машина самоуничтожилась, остались кадры из снятого нами фильма. Вот они.

Доктор взял фотографии. Фрауд подошел сзади и посмотрел через его плечо. На заднем плане он узнал дом Ширнинга в Вустере, а предмет на лужайке перед ним удивил репортера. Предмет имел корпус, похожий на гроб, в горизонтальном положении его удерживали четыре пары ног. Четыре снимка были сделаны с разных сторон, чтобы машину можно было хорошо рассмотреть. На пятом рядом с ней стояла Джоан Ширнинг. Этот снимок позволял оценить длину корпуса примерно в шесть футов. На следующей фотографии Фрауд разглядел сложное расположение линз и приборов на передней панели машины. Последний снимок позволял рассмотреть машину сбоку: к корпусу подсоединялись два отрезка, похожих на армированный шланг.

Журналист вернулся к фотографиям, где объект был снят целиком. Он увидел, что на двух боковые «шланги» свернуты в кольца и прижаты к корпусу машины, а на других вытянуты, словно они размахивают в воздухе.

— Боже,— задумчиво произнес Фрауд.— Так вот, значит, как выглядела в натуре эта великая «чтозаштука».

— И что же она делала? — спросил доктор.— Для чего она предназначалась? Люди не делают машины просто потому, что им так хочется. Они создают их, чтобы использовать для какой-то цели.

— Именно так,— призналась Джоан,— мы с отцом и думали. А делать машина могла очень многое. Хотя отец считал, что главное назначение нашей машины — связь.

Дейл молча протянул руку и сгреб фотографии.

— Не расскажете ли вы нам все с самого начала? — спросил доктор, повернувшись к девушке.— И уж тогда мы посмотрим, что можно об этом сказать.

— Поддерживаю,— добавил Фрауд.

Джоан взглянула на других астронавтов. Те промолчали. Дейл озадаченно смотрел фотографии. Дуган избегал

встречаться с ней взглядом. Бернс сохранял уклончивый вид.

Джоан решилась.

— Расскажу, но при условии, что вы не будете перебивать и подождете с вопросами до конца рассказа.

Двое из пяти мужчин кивнули.

Глава десятая
РАССКАЗ ДЖОАН

Двадцать третьего сентября того года отец отправился в Малверн по какому-то делу. Уже смеркалось, когда он возвращался по шоссе к Вустеру. Расстояние, как вам известно, там невелико, не больше десяти миль. А от нашего дома и того меньше, мы жили на малвернском конце Вустера. Отец проехал примерно треть пути и притормаживал на крутом повороте, неудобном из-за перекрестка с сельской дорогой, когда услышал испуганный крик. Справа со двора фермы выбежал какой-то человек. Отец еле-еле успел затормозить. Одновременно раздался громкий цокот копыт, и из ворот с шумом вырвались, испуганно храпя, две рослых ломовых лошади. При виде автомобиля они шарахнулись в стороны, и одна отвернула, зато другая врезалась, помяла крыло и разбила фару. Лошадь пошатнулась, а затем галопом унеслась прочь.

Отец, вполне естественно, был сильно раздосадован. Не только от того, что пострадал автомобиль, но и потому, что лишь случайно избежал наезда, в котором был нисколько не виноват. Он мельком заметил испуганное лицо человека, когда тот пронесся в свете фар. Лошади, несомненно, тоже бежали в страхе. Отец выключил мотор и прислушивался, как стихает, удаляясь по дороге, цокот копыт. Он выбрался посмотреть, в чем дело. Повреждения автомобиль получил поверхностные, они вряд ли бы помешали продолжить путь, но отец решил пожаловаться фермеру. К этому времени дневной свет почти исчез, и ему казалось, что вокруг темно, хоть глаз коли. Он пересек половину двора, прежде чем заметил ту машину.

Она стояла неподалеку от навозной кучи. Отец удивился, что не заметил ее сразу же, как миновал ворота. На фоне темных сараев полированный металл блестел с такой яркостью, какой невозможен для сельхозмашин. Отец остановился и уставился на нее, замечая все больше деталей по мере того, как глаза привыкали к сумраку. Увиденное его заинтриговало. Не понимая назначения машины, он из любопытства подошел поближе. Достаточно странно, но отец не подумал, что именно ее испугались человек и лошади.

Ну, я показывала вам фотографии этой машины. На что она похожа на первый взгляд? Отец обнаружил ее в полутьме и заранее считал сельскохозяйственным орудием, хотя и не мог сказать, что это такое. Стоял похожий на ящик корпус на восьми коленчатых опорах. По бокам ящика имелись какие-то шланги, свернутые в спирали. В угасающем свете поблескивали линзы. Отец обошел машину кругом, испытывая все большую озадаченность. Он не обнаружил никаких средств управления и, самое таинственное, не мог и представить, что за работу могла бы выполнять машина, коль скоро ее удастся запустить. Ему также показалось странным, что такую новенькую машину оставили под открытым небом и даже не зачехлили.

Отец подошел и коснулся корпуса. Металл казался совершенно холодным, но ему почудилось, что он почувствовал легчайшую дрожь вибрации, словно работал плавно вращающийся гироскоп. Он приложил к корпусу ухо и прислушался. Кажется, внутри что-то слабо бренчало. И тут одна из металлических спиралей развернулась и вытянулась, словно щупальце. Это повергло отца в шок не только от неожиданности, но и потому, что не раздалось ни стука, ни бряка. Отец отступил на несколько шагов, думая, что случайно задел какую-то кнопку, и теперь гадал, к чему это приведет. Вот тут-то он и понял, что же напугало лошадей. Внезапно эта штука шагнула к нему...

Отец, думаю, не менее храбр, чем большинство людей, но и не храбрее их. Он поступил так же, как поступило бы большинство: бросился бежать. А машина последовала за ним. Он слышал, как топочут за спиной ее металлические ноги.

Прыгнув в автомобиль, отец завел мотор. Когда двигатель взревел, он врубил передачу и включил сцепление. Но автомобиль не рванул с места, как ему полагалось бы, а едва пополз. Его, казалось, что-то удерживало. Внезапно раздался треск, и отца бросило вперед. Он оглянулся, но ничего на темной дороге не увидел. Зато через боковое окно автомобиля обнаружил, что заднее крыло оторвано напрочь.

Вскоре автомобиль достиг максимальной скорости и уносился все дальше по шоссе. Страх отца немного поутих. Фактически, ему стало стыдно: он, образованный человек, прореагировал на неизвестную машину, как тот работяга и лошади. Он сказал себе, что нельзя просто сбежать. Для того чтобы сохранить самоуважение, нужно было вернуться и выяснить, что же это за машина такая. Отец притормозил, случайно взглянул направо и увидел, что машина бежит по шоссе вровень с автомобилем.

Он вцепился в руль, автомобиль вильнул и заехал на поросшую травой обочину. Отец сумел вырулить обратно на шоссе, всего на несколько дюймов разминувшись с телеграфным столбом, а затем бросил украдкой еще один взгляд, надеясь обнаружить, что ошибся. Машина не померещилась, она по-прежнему бежала вровень с ним.

Вот тогда он действительно запаниковал. Надавив до отказа на акселератор, он пустил автомобиль во всю прыть. Спидометр метнулся за цифру семьдесят, и несколько секунд отца занимало только одно — как бы не слететь с дороги. Лишь добравшись до прямого отрезка шоссе, он оглянулся.Оказалось, что машина мчится, уравняв скорости. Тут как раз появился встречный автомобиль. Машина блеснула в лучах фар и чуть отстала, чтобы пропустить встречный транспорт. Отец сделал отчаянное усилие, пытаясь выжать из своего автомобиля еще несколько миль, но это ничего не дало, бегающая машина снова поравнялась с ним.

На дорожке около дома пришлось притормозить. Она была достаточно узкой, машина снова отстала, и отец какое-то время надеялся, что та сдалась. Возле дома он резко затормозил, и прежде чем заглох двигатель, выскочил из автомобиля и кинулся к передней двери. Позади раздавал-

ся шорох бегущих по гравию ног. Отец обернулся, но слишком поздно: когда он закрывал дверь, эта штука уже на полкорпуса пересекла порог. Она просто оттолкнула отца в сторону и ворвалась в дом.

И там она остановилась. Мы оба сперва страшно испугались, я и теперь не понимаю, почему мы не побежали куда-то за подмогой. Полагаю, мы боялись, что она будет гнаться за нами в темноте. Лучше уж оставаться с ней в доме. Дома, по крайней мере, горел свет, и мы видели, что она делает.

А она ничего не делала. Отец беспомощно смотрел на машину. Он велел мне ближе не подходить и рассказал, что же произошло. Выслушала я его немного недоверчиво и предложила выпить капельку бренди. К моему изумлению, когда мы пошли в столовую, машина последовала за нами.

Бренди помогло отцу восстановить душевное равновесие и в какой-то мере избавило от страха. В конце-то концов чем бы там ни была эта штука, она не казалась опасной. Она была только совершенно непохожа на все наши представления о механизмах. Машина, способная бегать со скоростью семьдесят миль в час, уже поразительна, но и это не все. Насколько мне известно, никто на Земле пока не умел создавать такие гибкие металлические щупальца, которыми она пользовалась вполне осмысленно. И тут случилось самое невероятное — она заговорила. С одной из мембран, размещенных около передних линз, донеслось странное металлическое дребезжание...

Джоан умолкла и посмотрела на слушателей. Никто не сказал ни слова.

— Эта штука пришла к нам в дом и не собиралась его покидать,— продолжила девушка.— Через некоторое время мы уже не пугались, когда она приближалась к нам. Решили, что она не опасна. Отцу стало стыдно за прежние страхи, он недовольно ворчал, коря себя за испуг. «Чем я лучше дикаря? — спрашивал он.— Первая моя реакция на непонятное — суеверный страх. Точь-в-точь как у дикаря, который впервые видит автомобиль...»

Так он рассуждал, пока не восстановил самоуважение. Машина уже пугала его не больше, чем заводная мышка.

Зато его интерес возрос почти до одержимости. Отец боялся, что о машине прознают другие люди и заберут прежде, чем он разберется, как она устроена. Лишь единственный раз отец по неосторожности поделился с коллегой. Что из этого вышло, вам рассказал мистер Фрауд.

Отец проводил с машиной все свободное время, пытаясь хоть что-то выяснить. Один раз он даже снял верхнюю часть корпуса, осмотрел находящийся внутри механизм, но ничего не понял. Он не нашел даже двигателя. Ничего, хотя бы отдаленно на него похожего. Когда он принялся осторожно копаться внутри, машина развернула одно из щупалец, мягко оттолкнула отца в сторону и сама установила на место крышку.

Что касается меня, то я и не пыталась понять. Я просто принимала машину как загадку. Свой страх я потеряла позднее отца, но через несколько дней обнаружила, что теперь думаю о ней как о своего рода большой собаке. Да, очень умной большой собаке!

— А чем же ее считал ваш отец? — не удержавшись, впервые перебив ее Фрауд.

— Он очень скоро начал думать, что машина является механизмом, которым управляют дистанционно. Машина обладала несколькими видами чувств. Она видела, слышала и, определенно, обладала чувством осязания. Звуки, исходившие из ее мембраны, являлись чем-то вроде речи, хотя мы ничего не понимали. Отец вбил себе в голову, что машина прислана для связи между нами и ее создателями. Что она, по существу, приемо-передающая станция. Он выдвинул идею, что условия на Земле непригодны для создавшей ее расы, хотя та и нашла способ пересекать космическое пространство. Поэтому создатели машины отыскали вот такой способ обойти трудности.

Исходя из своей теории, отец принялся работать над созданием двусторонней связи. Когда мы обнаружили, что овладеть устным языком — дело безнадежное, то начали работать со схемами и знаками. Мы убедили сами себя, что происходит она с Марса, но не понимали, что за космический корабль привез ее. Постепенно мы научились с большими трудностями понимать ее письменный язык. Но

надеялись, что вот-вот общение станет беглым. Тут-то машина и самоуничтожилась...

Джоан закончила рассказ, и некоторое время мужчины, испытывая дискомфорт, молчали. Каждый ждал, когда заговорят другие. Девушка смотрела им в лица, сохраняя непроницаемое выражение. Первым не выдержал Дейл. Он заговорил холодным и презрительным голосом.

— И значит, у вас нет других доказательств, кроме этих? — Он указал на фотографии.

— Никаких,— спокойно ответила Джоан.

— Ну, в свое время я наслушался немало сказок, но эта...— Он оставил фразу незаконченной. И когда продолжил, заговорил уже другим тоном: — Бросьте, вы теперь здесь, и обратно вас отправить нельзя, так почему бы не сказать правду? Кто ввел вас в эту игру? Кинокомпания, агентство новостей, кто это подстроил?

— Никто меня не «вводил в игру». Я хотела отправиться на Марс и отправилась. Об этом никто не знал, кроме того, кто мне помог. Я даже отцу не сказала — оставила для него письмо.

— Послушайте, я не собираюсь тянуть из вас клещами каждое слово, просто хочу знать, кто за этим стоит.

— А я вам отвечаю, что никто! — какой-то миг она прожигала его взглядом. А затем, сознательно сдерживая гнев, продолжила: — Я скажу вам, почему я здесь. Потому, что намерена очистить доброе имя отца. Нас заклеймили, как лжецов. Его выбросили с работы. Нам пришлось сменить фамилию и уехать туда, где нас никто не знал. Последние четыре года мы прожили в ссылке в одной злосчастной деревне посреди гор Уэльса. Если случалось встретить тех, кого мы знали в прежние дни, то почти никто из них не желал с нами разговаривать. Они либо считают нас мошенниками, либо ухмыляются и вертят пальцами у виска. Когда появился шанс доказать, что мы были правы, я решила его не упустить. Я намерена убедиться в нашей правоте, и сообщу об этом всему миру, когда мы вернемся.

— Молодчина,— одобрительно сказал Фрауд.

Дейл резко повернулся к нему.

— Господи Боже! Не хочешь же ты сказать, будто веришь в эту безумную байку? Из всех чертовых россказней, какие я когда-либо слышал — эта самая неубедительная. Да я сам, наверное, могу в десять минут сочинить байку получше.

— Точно. Я тоже. Так же как и мисс Ширнинг. Так же как любой. И это весьма веская причина верить ей.

Дейл презрительно хмыкнул.

— Я полагаю, вид плохо построенного дома убеждает тебя, что у строителя были первоклассные материалы, а раз дом неладно скроен, значит — крепко сшит,— язвительно сказала он.

— Неудачная аналогия. Я знаю, что тебя гнетет. И ты тоже, только не признаешься в этом. Тебя терзает мысль, что если поверить мисс Ширнинг, то придется признать, что нечто или некто уже пересек космос в противоположном направлении. Тогда твоя «Глория Мунди» потеряет приоритет.

— Вот как? Позволь кое-что тебе сообщить. Ты веришь в эту чушь потому, что провел столько времени за писанием романтической тошнятины для недоумков, а тот разжиженный комочек мозга, какой у тебя есть, давно протух. Можешь отправляться к черту. Меня тошнит от этой чепухи!

Он пролез в люк и закрыл его за собой.

Фрауд посмотрел на Джоан и усмехнулся.

— Про меня не в бровь, а в глаз.

— Что он станет делать? — спросила девушка.

— А что он может сделать? Через некоторое время остынет. Так вот, Джоан, просто чтобы окончательно завершить разговор. Как насчет того, чтобы преподать мне первый урок литературного марсианского?

Глава одиннадцатая
НА ПОЛПУТИ

Обитатели «Глории Мунди» привыкли к установившемуся порядку. Они по привычке делили свое время на дни

и часы по земному счету, частоту трапез и период сна определяли по хронометру. Возможность говорить «сегодня утром» и «сегодня вечером» смягчала чувство оторванности и давала ощущение реальности путешествия в космосе. После того как пропала первая новизна, вид окружающей черноты и далеких неизменных созвездий действовал угнетающе. Не верилось, что они летят сквозь космическое пространство со скоростью семь миль в секунду. Казалось, что за пределами ракеты все застыло в состоянии спячки.

Избежать скуки оказалось непросто. Астронавты начали думать о ней, как о злой силе, которая только и ждет, чтобы наброситься на тебя в любой миг, принося мысли о бесплодности этого фантастического путешествия. Скука стала для экипажа врагом номер один. За первую же неделю она научила, что стоит ей дать поблажку, она стремительно заразит всех и вызовет всплеск антиобщественных эмоций.

Джоан развеяла скуку, когда согласилась обучать Фрауда знакам, которые, по ее утверждению, являлись марсианской письменностью. Скоро интерес к этому занятию проявил и доктор. Дуган недолго побыл в роли беспристрастного зрителя, признал, что изучение письменности поможет провести время, и присоединился к ученикам. Фрауд и доктор часто вступали в спор, это замедляло процесс обучения, но ничуть не вредило делу. Времени на обучение тому немногому, что знала девушка, у Джоан хватало с избытком. Когда случался такой спор, они с Дуганом молча слушали, лишь изредка подбрасывая слово-другое, чтобы подхлестнуть спорщиков.

Когда астронавты получше узнали девушку, беспокойство Дейла стало менее острым. Хотя он все еще не понимал, что за сила толкнула ее на полет зайцем, но пришел к выводу: девушка неопасна. Наверно, лишь Фрауд понял, что беспокойство Дейла не столько необоснованно, сколько направлено не по тому адресу.

Сама Джоан воспринимала ситуацию четче Дейла, хотя и понимала меньше, чем Фрауд. Но ее мысли были устремлены к одной-единственной цели. Все, что находилось в стороне от этой прямой линии, казалось ей ничего не зна-

чащим пустяком. Она преуменьшала последствия своего появления на корабле, помня лишь о реабилитации отца и себя самой. На время экспедиции она отложила в сторону все личное, намереваясь стать лишь инструментом правосудия, как будто можно забыть, что она женщина.

Она отводила себе роль равной и изо всех сил пыталась ее сыграть. Но механик и Дейл наглядно показали, что нельзя относиться ко всем мужчинам совершенно одинаково. Дейл по-прежнему держался с ней недружелюбно, а иногда и агрессивно, в то время как Бернс дополнял свое безразличие налетом пренебрежительности. И она не могла относиться к ним, как к трем остальным, с которыми общалась. Репортер ей верил. Доктору и Дугану хватало такта рассматривать ее рассказ как гипотезу, которая будет доказана или опровергнута.

Капитана раздражало, что его мнение не могло поколебать Джоан. Она продолжала говорить о своей байке, как о факте; факте необычном, но не фантастическом. Самые острые шпильки Дейла разбивались вдребезги, девушка не проявляла слабости, пытаясь отвечать тем же.

Фрауд и Грейсон нашли новую пищу для спора. В ходе урока они слово за слово перешли к обсуждению сравнительных достоинств иероглифического и алфавитного письма. Спор возник из-за попытки классифицировать марсианскую письменность, но вскоре достиг той стадии, на которой Фрауд страстно утверждал превосходство иероглифики, хотя знал о ней крайне мало, а доктор защищал алфавит.

— Взять, например, Китай,— говорил, размахивая руками, Фрауд,— страну с сотнями диалектов. Так вот, при алфавите любому человеку, желающему писать для всей страны, пришлось бы изучать все эти диалекты и языки, а потом переводить свой текст, тогда как при иероглифике, между прочим...

— Ему приходится усвоить тысячи иероглифов,— блестяще парировал доктор.

— ...образованные люди по всей стране могут общаться друг с другом независимо от своего языка. Если бы Европа

вместо того, чтобы пользоваться двумя или тремя алфавитами, писала только иероглифами, то скольких недоразумений удалось бы тогда избежать! Подумать только, какие бы открылись возможности для международного общения.

— Что-то не припомню, чтобы в Европе было намного меньше недоразумений, когда все образованные люди говорили и писали на латыни,— заметил доктор.— И мне кажется, что иероглифы не только более ограниченные средства выражения, чем слова, они даже скорее приводят к неверному истолкованию. Более того, разве Китай в его нынешнем застойно-болотном состоянии может служить рекламой чему бы то ни было? А вот когда китайцы перейдут на алфавит...

— Им также придется изобрести своего ряда китайский эсперанто. Если они этого не сделают, то все книги придется переводить на дюжины языков и...

— Эй! — перебил Дейл.— Оставьте-ка на минутку в покое Китай и подумайте о том, где мы находимся.

— Ну,— осведомился Фрауд,— и где же мы находимся?

— Я вам объясню. Мы тут ровно на половине пути.

По какой-то причине все поднялись и стояли, вглядываясь в знакомую темноту за иллюминаторами.

— По-моему, все то же самое,— пробормотал, наконец, Фрауд.— Помню, схожее чувство обмана, когда я в первый раз пересек экватор, хотя тогда мы это дело отмечали,— с намеком добавил он.

Дейл с видом фокусника извлек из-за спины бутылку виски. Высоко поднял ее и похлопал ладонью.

— Прихватил специально для такого случая,— сообщил он.

Все наблюдали, как он откупоривал бутылку. Поведение жидкостей в невесомости все еще завораживало их, а сегодня — в особенности.

Держа открытую бутылку горизонтально, Дейл направил ее на Джоан и слегка хлопнул по донышку. Из горлышка выплыло небольшое количество виски, поболталось, а затем сложилось в маленькую янтарную сферу, которая медленно поплыла через отсек. Джоан мягко остановила ее ладонью, оставив висеть перед собой.

— Док,— сказал Дейл, снова стукая по донышку бутылки.

Через шесть минут перед всеми шестью членами экспедиции плавало шесть полупрозрачных золотистых шариков. Дейл выпустил бутылку, и та уплыла прочь.

— За дальнейшие успехи,— предложил он тост.

Все приложили губы к жидкости и всосали ее в рот.

— Ах! — промолвил Фрауд.— Впервые за шесть недель. Никогда раньше так долго не соблюдал сухой закон. А раз одно из преимуществ питья здесь состоит в том, что посуда не нужна, и мыть ее не надо, то как насчет — еще по одной?

Джоан утекла в закуток, предназначавшийся под лазарет, который стал ее каютой. Небольшое празднество напомнило ей о статусе шестой лишней. Неуютное ощущение, что хотя она и летит на корабле, но в экипаж не входит, побудило ее удалиться. Девушка выпила один шарик, зная, что если откажется, то Фрауд и доктор станут настаивать. После сочла, что вольна уйти. Она вытянулась на койке, пристегнула одеяло, чтобы вызвать ощущение веса, и лежала, прислушиваясь к звукам приглушенных голосов.

А в жилом отсеке бутылка в третий и последний раз прошла по кругу. Дейл сделался непривычно разговорчив, и Фрауд с тихим весельем наблюдал, как он, доктор и Дуган с энтузиазмом хлопают друг друга по спине. Бернса, похоже, даже угощение в виде виски не смогло развеселить. Тот сидел отчужденно, словно остальных не существовало. Внезапно он икнул, направился к люку и закрыл его за собой. Дуган рассмеялся.

— Видели? А еще шотландец. Я думал, они начинают употреблять виски с молоком матери.

— Ну, все мы давно не тренировались,— отозвался Фрауд, задумчиво остановив взор на закрытом люке.— Фактически, я совсем не уверен, что мой желудок приемлет чистое виски точь-в-точь так, как бывало. Честно говоря, я чувствую себя немножко...— Он сконфуженно улыбнулся.— Возможно, безопасней будет...— Он не закончил фразу, когда тоже направился к складу.

Дуган снова рассмеялся.

— А еще журналист. Не говори, что следующим захмелеешь ты, Дейл.

Дейл покачал головой.

— Вероятно, все дело в невесомости,— предположил доктор.— Из-за нее, должно быть, возникает много побочных эффектов. Хотя должен сказать, что я-то чувствую себя совершенно нормально.

Стоило Фрауду закрыть за собой люк, как улыбка его исчезла. Бернса на складе не было. Ступая настолько тихо, насколько позволяли металлические подошвы, репортер прокрался к маленькому лазарету и распахнул дверь. Помещение казалось переполненным, но он сумел проскользнуть внутрь.

— Привет! Как интересно,— заметил он.

Бернс из-за отсутствия веса столкнулся с некими трудностями. Удержать мускулистую молодую женщину, пусть даже ее сковывало покрывало койки, оказалось весьма сложно. А рука, затыкавшая ей рот, встретилась с очень острыми зубами.

Бернс повернул голову, прожигая Фрауда злобным взглядом и тяжело дыша.

— Проваливай!

Фрауд покачал головой:

— Окончательное решение за хозяйкой.

— Проваливай,— повторил Бернс. Но Фрауд не шелохнулся.

— Ладно, не хочешь по-хорошему, будет по-плохому.

Механик выбросил вперед большой кулак. Фрауд отдернул голову в сторону, и костяшки пальцев врезались в металлический дверной косяк. Прежде чем Бернс смог шевельнуться, Фрауд сделал два стремительных коротких тычка кулаком в его живот. Бернс крякнул от боли и сложился пополам.

— Быстро и аккуратно,— пробормотал Фрауд.— Извинись.

Он оторвал магнитные ботинки от пола и отбуксировал механика на склад. Там он открыл люк и вытолкнул его в жилой отсек.

— Эй, док,— позвал он, когда фигура механика, все еще ловящего воздух открытым ртом, проплыла в отсек.— Для вас работенка. Похоже, ему что-то противопоказано.— Он закрыл люк и вернулся к Джоан. Та все еще лежала на койке и подняла взгляд, когда он вошел.

— Спасибо вам огромное, — поблагодарила она.

— Пустяки,— отмахнулся он.— Спасение от участи хуже смерти — моя специальность. Я на этой почве не раз рисковал... Был один случай с девушкой в Сан-Франциско, после оказалось, что тот парень был ее мужем. Вот уж чего никак нельзя было подумать.— Он умолк.— Что-нибудь пострадало?

— Пуговицы с рубашки сорваны, в остальном, думаю, ему досталось гораздо больше. И надеюсь, рука у него болит. На вкус она отвратительна.

— М-м, мне бы тоже не понравилось. Эти механики, знаете ли. Пропитались за долгие годы машинным маслом и все такое.

— Как вы узнали, что он затеял? — с любопытством спросила она.

— А, этакое сальное, угрюмое выражение у него в глазах. Я этого ожидал. Фактически, я ожидал этого раньше.

— И были правы,— сказала она.— Только в прошлый раз дело происходило на складе, и я находилась в более выгодном положении. Сумела увернуться и улизнуть обратно в жилой отсек.— Она задумчиво посмотрела на него.— Что-нибудь еще?

— Ну,— уклончиво сказал Фрауд,— раз уж вы завели об этом речь, то я припоминаю, что в последние четыре дня на лице у Дейла появилась странная на вид царапина. Он упомянул, что неудачно побрился, и плохо отнесся к моему вопросу: всегда ли он пользуется для этой цели циркулярной пилой?

— В то время он казался очень раздосадованным,— кивнула Джоан.

Они посмотрели друг на друга. Фрауда восхищало ее спокойствие.

— Неудобно быть женщиной,— предположил он.

— На корабле это мешает,— согласилась она.— Интересно, отстали бы они, если бы я сказала Дейлу, что любовница Бернса, а Бернсу — что любовница Дейла?

Фрауд подчеркнуто покачал головой.

— Нет, это не помогло бы. С Дейлом это может сработать. Но Бернс такой тип, который сочтет, будто это означает, что вы легко доступны. А если не так, то в любом случае возникнет напряженная атмосфера. Они окажутся на ножах, но, вероятно, так или иначе выяснят, что вы обманываете их обоих... Как только я увидел на борту женщину, сразу понял, что путешествие будет интересным,— добавил он.

— Прекратите! Я вот готова забыть на двенадцать недель, что я женщина; почему они не могут сделать того же?

— Наверное, вы не так преуспели, как вам думается. Кроме того, они оба с самого начала негодовали, что вы пробрались на ракету. Вот в наших друзьях и взыграли половой антагонизм, желание господствовать и остальной стандартный набор. Покуда вы отшиваете их, они будут вас донимать. Во всяком случае, Бернс будет. А если не станете, они будут вас презирать.

— Чудо как ободряюще, не правда ли? — усмехнулась она.

— Конечно, я мог бы спать в хранилище,— предложил он.

— И таким образом ввести еще одного старого друга — близость? Нет, это не пойдет.

— Я боялся, что так и получится. Знаете,— продолжал он,— вы пытаетесь совершить невозможное. Как вы можете с вашей фигурой и лицом всерьез ожидать, что пятеро нормальных мужчин двенадцать недель кряду... А, ладно,— оборвал он себя.

Примерно через двадцать минут Фрауд вернулся в жилой отсек. Бернс приветствовал его хмурым взглядом. Дуган сочувственно спросил, чувствует ли он себя лучше и услышал, что кризис миновал. Фрауд порылся в рундуке, где хранились его личные принадлежности, и вскоре нашел то, что требовалось: маленький пистолет. Достав его, сунул оружие в карман. Другие пораженно уставились на него.

— Для Джоан,— легковесно объяснил он.— Ей подумалось, что она увидела крысу.

— Крысу, здесь? Не говори ерунды,— сказал Дейл.

— Не знаю, не знаю — эти крысы чудо какие предприимчивые твари. В любом случае, ей так показалось. Она стреляет в крыс без промаха. Они с отцом, бывало, подстреливали их сотнями в своей уэльской хижине. Так что я пообещал одолжить ей эту игрушку на случай, если она снова увидит крысу.

Покинув недоверчиво глядящую ему вслед группу, он вернулся к девушке.

— Вот вам,— протянул он оружие.

Она осторожно взяла его.

— А как оно действует? Я никогда им раньше не пользовалась.

Глава двенадцатая
РАССУЖДЕНИЯ

Пересечение невидимой отметки середины пути породило ощущение, что они достигли чего-то важного. Временно на борту «Глории Мунди» улучшилось настроение. Мелочное раздражение, сильно обостряемое теснотой, чуть отступило. Дейла перестали попрекать тем, что зубы он обычно чистит не менее десяти минут. На доктора почти не косились, когда тот шумно сморкался. На Дугана не набрасывались за немузыкальную серию зевков, которой он объявлял о своем пробуждении. Даже Фрауду простили его раздражающую привычку барабанить пальцами. В этой общей оттепели к Дейлу вернулась его обычная веселость. Похоже, он простил Джоан ее вторжение, и казалось, испытывал облегчение, что та отказалась ответить на его авансы. В результате отпора он вроде бы даже почувствовал твердую почву под ногами. Иногда Фрауд гадал, а не нарочно ли Дейл подверг девушку этому испытанию.

Какой бы ни была причина, все благодарили Бога за эту перемену и обнаружили, что хотя Дейл по-прежнему отрицал возможность марсианского происхождения машины

доктора Ширнинга, однако заинтересовался ею до такой степени, что выспрашивал у Джоан подробности, которые та могла сообщить. Но убедить его присоединиться к изучению языка пока не удалось.

Только Бернс оставался в решительной и мрачной изоляции, редко разговаривая с остальными, не присоединяясь ни к одному из занятий. Он следил за другими из своего кокона отчужденности взглядом, который действовал всем на нервы. Оценив механика с профессиональной беспристрастностью, доктор решил, что Бернс находится или скоро будет находиться в состоянии, которое потребует тщательного ухода.

Эта мысль заставила его обратить внимание на остальных. Дейл на предыдущих стадиях доставил ему несколько тревожных минут, но причины тут был сложные — ответственность, негодование из-за зайца, неприятности перед стартом, а также поведение миссис Кертенс, которая не помогала мужу облегчить бремя... Доктора радовало, что Дейл сумел так хорошо справиться с неприятностями.

И Дуган. Ну, Дуган явно запал на эту девушку. Оно и к лучшему, если девушка сумеет сохранить свою нынешнюю сдержанность. Этот паренек был странно юн для своего возраста, он имел нежные взгляды, вполне довольный возможностью преклоняться перед Джоан, и не испытывал желания требовать большего.

Фрауд? Доктор мысленно покачал головой. Ему представлялось, что эмоции Фрауда редко брали верх над его разумом. Себя же самого он видел в роли доброго дядюшки по отношению ко всей группе, включая и девушку. Его бы порядком задело, знай он, что Дуган втихомолку считал его ненадежным типом из породы повес.

Прошло уже три земных дня после пересечения середины пути, когда Джоан преподнесла еще один сюрприз.

Дейл и Дуган как раз закончили одну из своих периодических проверок.

— Идем точно по курсу,— сообщил Дейл.— Удивительно, что мы почти не корректировали путь. Мы пока так мало знаем о космосе, что я готов был обнаружить непредвиденные источники отклонения.

— Даже и при этом,— вставил Фрауд,— трехмерная навигация кажется делом весьма утомительным. Если бы пришлось часто корректировать курс, вы бы все время только и делали, что маневрировали. Полагаю, в грядущие времена, когда по всей солнечной системе будут носиться туда-сюда пассажирские лайнеры и грузовые суда, люди будут вспоминать нас и дивиться, как это наша скорлупка ухитрилась пережить хотя бы взлет. Полагаю, тогда станут путешествовать при помощи какой-то системы направляющего луча. Вроде тех штук, какие у нас используют для ведения воздушных лайнеров в тумане. Только это, конечно же, будет не обыкновенное радио. Вся трудность в том, чтобы найти какой-то тип излучения, кроме света, которое будет проходить сквозь слои Хэвисайда.

— Напротив, вся трудность в том, чтобы избежать маньяков, утверждающих, будто они его уже нашли,— возразил Дейл.— Половина предложенных мне для этой экспедиции экспериментальных передатчиков весили бы ничуть не меньше самой «Глории Мунди».

— И все никуда не годные?

— Большинство из них — определенно. Хотя и попалось один-два таких, какие я бы хотел как-нибудь испытать. Но на этот раз я не мог рисковать, беря лишний груз.

— Тебе не понадобится. Во всяком случае, если мы найдем существ, отправивших машину Джоан. Те, похоже, разрешили проблему,— сказал Дуган.

— При условии, что управление машиной осуществлялось с Марса,— согласился доктор.— Но у нас нет никаких доказательств. Мы не должны упускать из виду того факта, что машину могли создать и на Земле.

— Маловероятно,— подумал вслух Фрауд.

— В конце концов кажется разумным, что человек, сумевший изобрести такую штуку, вряд ли станет использовать ее просто для шутки. Да ведь одна лишь эта хитрая штука с гибкими щупальцами произвела бы революцию на всем транспорте.

— Конечно, это маловероятно,— нетерпеливо проговорил доктор.— Но возможностей существует масса. Даже если машина прибыла с Марса, ее должен был доставить

какой-то корабль. Почему же тогда источником дистанционного управления не может быть корабль, а средством связи — обыкновенное радио?

— Но это было не обыкновенное радио,— вставила Джоан.— Мой отец искал этот самый источник управления и не нашел никаких следов.

— Мне кажется, что она управлялась откуда-то с поверхности Земли. Судя по тому, что вы нам рассказывали, реагировала она мгновенно, сразу же. Это невозможно, если бы сообщения отправлялись до Марса и обратно.

— Об этом я как-то не подумал,— признался Фрауд.

— Я все гадала,— обронила Джоан,— когда же кто-нибудь заметит эту трудность.

Все посмотрели на нее.

— Что вы имеете в виду? — спросил Дуган.

— Ну, даже свету, двигающемуся со скоростью 186 тысяч миль с секунду, потребуется заметное время, чтобы добраться до Марса и обратно. Нужно учитывать и задержку на то время, пока прореагирует оператор. И все же машина реагировала мгновенно — быстрее, чем мы. Я проверяла.

— А согласно Эйнштейну, ничто не может двигаться быстрее света. Правильно? — весело спросил доктор.

— Мне это не приходило в голову,— признался Дейл.— Коль скоро вы завели об этом речь, вопрос кажется достаточно очевидным. Так или иначе, похоже, вопрос рубит под корень идею о дистанционном управлении с Марса.

— Именно так я и думала,— сказала Джоан.

Все снова воззрились на нее.

— Минутку. Что вы имеете в виду? Что именно вы думали? Черт возьми, вы же говорили...— начал Фрауд.

— О, нет, я этого не говорила. Я сказала, что такой теории придерживался отец. А вы решили, что и я тоже в нее верила.

— Но я же отчетливо помню разговор! По крайней мере, мне думалось, что помню... А, ладно, если вы думаете иначе, то скажите.

Уверенность Джоан немного поуменьшилась, она заколебалась, а когда заговорила, то в голосе ее звучала слегка вызывающая нота.

— Она мне казалась самостоятельной особью, которая сама способна думать.

Мужчины переглянулись.

— Нет, черт возьми, всему же есть пределы,— промолвил, наконец, Фрауд.

— Никак иначе я этого объяснить не могу. А вы можете?

— Как насчет идеи управления с корабля, который ее привез? — вставил доктор. Но Джоан покачала головой.

— Говорю вам, она реагировала быстрее нас. Из-за оператора возникали бы задержки.

— Глупости вы говорите,— сказал Фрауд.— Вы не можете утверждать этого всерьез. Мыслящая машина — да это же абсурд!

— Знаю,— спокойно произнесла она.— Но абсурд или не абсурд, а права я либо отец. Но если он прав, то не прав Эйнштейн. И хотя я восхищаюсь отцом, моя дочерняя преданность имеет свои пределы.

Я почти с самого начала была уверена, что машина некая... некая особь. Не просто увеличенный инструмент, как другие механизмы. Именно потому-то она и пугала меня сначала, я так и не избавилась до конца от своего страха. Полагаю, он был вызван незнанием того, на что способна машина и какие у нее ограничения. Понимаете, она была совершенно чуждой. Я, бывало, лежала ночью, не могла уснуть и придумывала всякие тесты, чтобы доказать себе, что ошибаюсь. Но ничего не доказала. Опыты все ясней и ясней доказывали мне, что машина — особь, отрезанная от Марса в той же мере, что и мы.

Говорю вам, когда я подвергла ее тестам, она понимала, что я делаю. Она, бывало, следила за нами своими линзами так, словно знала, что нас озадачивает. И умела о себе позаботиться, даже заменила одну из поврежденных ног новой, которую сделала сама. Я готова признать, что приказы она могла получать через дистанционное управление, если бы не одно обстоятельство — отсутствие временного люфта.

— Вы хотите сказать,— переспросил Дуган так, словно эта мысль только-только дошла до него, преодолев сильное сопротивление.— Вы хотите сказать, что эта штука была — как бы это сказать поточней? — роботом?

— Роботом ее назвать нельзя,— поправил его доктор Грейсон.— «Робот» — это слово, употребляемое Чапеком для обозначения синтетического человека — рабочего, но с тех пор, как злосчастные коллеги Фрауда подхватили это слово, оно вообще перестало что-либо значить. В любом случае, эта штука на вид ничем не походила на человека.— Он повернулся к Джоан.— Беда в том, что вы такая рассудительная девушка. Выдвини такое предположение любой другой, я бы порекомендовал ему хороший, долгий сон и успокаивающее. А так...

— Чтобы к этому привыкнуть, потребуется какое-то время,— признала она, пожав плечами.

Фрауд кивнул.

— Кстати, это ведь не способ сделать большой подарок некому журналисту, снабдив его готовым материалом?

— Однако — продолжала Джоан, словно не расслышав,— когда попривыкнешь к мысли, что машина может быть разумной, то она почему-то кажется совсем уж абсурдной. Машинерия должна постепенно эволюционировать: так почему бы не к разумности? — Она посмотрела на Дейла.— Вы когда-нибудь по-настоящему думали о машине?

Дейл повернулся к ней с добродушным, но озадаченным видом. Очевидно, он решил забыть былые обиды, так как обошелся без презрения. Держался он примерно как человек, который сознательно играет в какую-то игру по правилам, придуманным другим игроком:

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду — я всегда думаю о машинах,— сумел любезно ответить он.— Думал с еще вот с таких лет, но определенно не о таких, которые...

— Нет,— покачала головой Джоан,— я неудачно выразилась. Я имею в виду не ту машину, о которой мы говорили, не какую-либо конкретную машину... Я думала о Машине, рассматриваемой как мировая сила.

— Фактически, «генус махина» [1],— предположил доктор.

— Именно,— кивнула Джоан, а затем пригладила волосы, которые зависли у нее перед лицом. Выражение лица Дейла прояснилось.

---

[1] Genus machina (лат.) — род машины.

— А, понимаю. Но это довольно большой и трудный вопрос, чтобы ответить сходу. Кажется, я ее так не рассматриваю. Привыкнув к ним и всегда находясь среди них, я склонен думать о машинах и механизмах, но едва ли когда-нибудь о Машине. Видите ли, я сызмала был счастливей всего, когда бывал с механизмами. Они составляли огромную часть моей жизни. Я освоил столько всяких машин, и все они были разными. Но я не могу представить машины, как новую расу. Хотя до некоторой степени понимаю, что именно вы имеете в виду. Моя жена часто смотрит на них именно так, видя Машину как раз в таком свете.

Понимаете, я ведь не могу без машин. Я не хочу сказать, что просто умру с голоду, если сломаются все машины, это и так ясно. И не только я, примерно восемьдесят процентов мирового населения тоже умрет с голоду. Я хочу сказать, что машины имеют существенное значение для чего-то во мне. Потерявший пальцы пианист потеряет не больше моего, если я лишусь их. Они являются огромной и существенной частью того мира, в котором я вырос.

Механизмы, как и все прочее, можно и употреблять по назначению, и злоупотреблять ими. Но когда вы говорите о Машине, то рассматриваете ее под таким углом, которого я не знаю. Думаю, что моя жена поняла бы вас лучше меня. Она совершенно определенно думает о Машине почти как о личности, ненавидит и страшится ее. Или, скорее, ненавидит ее, потому что страшится, а страшится, потому что не понимает. Совершенно первобытная позиция — дикари боятся грозы по той же причине. Но жена идет дальше, она твердо решила вообще не понимать: даже живя благодаря машинам, она пытается притворяться, что потребностей в них не существуют, что человечество было бы без машин счастливее и лучше. Две минуты честного раздумья показали бы нелепость этой позиции, но, похоже, на эту тему она не способна размышлять. Если изучить ее позицию беспристрастно, то обнаружится, что в ней много общего с позицией туземца, который не станет изучать природу своих враждебных богов из страха навлечь их гнев на свою голову. Он, по возможности, игнорирует

их, чтобы не возбуждать собственный страх. Должно быть, что-то в этом роде было и на уме у Мэри Шелли, когда она задумала свой роман о Франкенштейне. Уверен, что на взгляд моей жены, Машина — это своего рода Монстр Франкенштейна.

Он умолк, словно его только что осенила новая мысль.

— Да, именно так. Ее отношение к машинам — суеверие. Полагаю, вам это кажется довольно нелепым. Но если бы вы услышали, как она говорит о машинах, то, думаю, поняли бы, что я имею в виду.

— Я отлично вас понимаю,— заверил его доктор.— Такое очень часто встречается у женщин совершенно разных типов. И у некоторых мужчин, конечно, тоже, хотя сравнительно реже. Если бы это случалось только среди отсталых личностей, то было бы легче понять. Я хочу сказать, что неумная дура-баба из прислуги, которая боится пылесоса или телефона, удивления не вызывает. Но умная образованная женщина, которая регулярно пользуется такими машинами, зачастую отказывается понимать, как работают ее автомобиль или гирокерт. Получается, что в глубине души она придерживается той же позиции, что и дура-баба. Именно этот отказ учиться так озадачивает. Возможно, что небольшой, почти пренебрежимо малый класс женщин делает это, чтобы поощрять мужскую гордость видом собственной беспомощности, иногда это вызвано умственной ленью. Но почему столько неглупых женщин предпочитают быть ленивыми по данной конкретной теме?

— Наверно, потому, что женщины не так часто вступают в контакт с машинами, как мужчины,— предположил Дуган.

— Ныне девочки и мальчики сталкиваются с мелкими домашними машинами с самого раннего возраста, но вскоре начинает проявляться разница. Я обобщаю, и потому не трудитесь бросаться на меня с конкретными примерами женщин — блестящих инженеров. Мальчик разбирает свои игрушки, чтобы посмотреть: а что находится внутри? Девочка же принимает тот факт, что эта штука работает, не волнуясь — почему. Она не хочет знать, почему что-то работает. Ей это не интересно, хотя ее жизнь может зависеть

от работы машины. Вы должны признать, что это как-то странно.

— Ревность,— пробормотал Фрауд, не обращаясь ни к кому конкретно,— чудовище с зелеными глазами и тому подобное.

— Что именно вы подразумеваете под словом «ревность», произнеся его таким таинственным тоном? — спросил доктор.

— Высший долг женщины — это материнство,— разъяснил Фрауд.— Оно — венец ее существования. Никакая женщина не может сказать, что она состоялась, пока не создала жизнь, не почувствовала в себе шевеление этой новой жизни, пока не выполнила ту функцию, которую Мать-Природа сделала ее священной задачей, ее мистической радостью, ее высшим достижением во все века...

— Что, черт возьми, все это значит? — терпеливо спросил доктор.

Фрауд поднял брови.

— Вам не нравится? А моим читателям такие рассуждения по душе, чуточку утешают их, как-то возмещая кавардак воспроизводства — заставляют забыть, что кошки, крысы и цветы делают то же самое более эффективно и просто.

— Да забудьте на секунду про своих читателей, если вам есть чего сказать. Попробуйте обыкновенной прозой.

— Моим искусством пренебрегли,— развел руками Фрауд.— Ладно, по вашей просьбе я сдеру все это рококо. Никто не может отрицать, что величайшее устремление женщины, я говорю обобщенно,— это творить. Такое творческое стремление необходимо для выживания человечества. Но природа позаботилась, чтобы при всей силе этого стремления его направление было ограниченным. Иными словами, природа решила: «Пусть женщина будет сознательной личностью, но создает только то, что необходимо для продолжения рода. Она не должна валять дурака, создавая омнибусы, консервные ножи или страховые компании. Пусть ее созидательный инстинкт будет сосредоточен на производстве детей и на делах, связанных с этой проблемой».

Я думаю, что это подлый трюк. Он привел к тому, что огромное количество женщин в очень большом и интересном мире заперто в весьма неинтересных отсеках. Потому что оказалось: дабы удержать женщин в этих рамках, необходимо ограничить их воображение. Такова средняя женщина: история ничего для нее не значит; будущее — и того меньше, хотя ее детям придется в нем жить; а мировые катастрофы куда менее интересны, чем местные неприятности. Природа дала ей монотонное воображение.

— Очень оригинально,— заявил доктор.— Но какое это имеет отношение к нашему...

— Я как раз к этому подхожу. Суть в следующем: женщины — создательницы, Машина — создатель, в этом они соперники. Чего же подсознательно страшатся женщины? Не того ли, что в один прекрасный день мужчина может применить Машину для создания жизни? Они не понимают своих страхов, но негодуют на необходимость делить мужчин наравне с машинами. Женщины мрачно ревнуют. Они пытаются принизить машину, словно отметая чары соперницы. Они не могут сказать о ней ничего хорошего. Машина и шумная, и грязная, и уродливая, и замасленная, и воняет. Она всего лишь путаница из металлических деталей. Что в этом может быть интересного? Она же не человек, она не разумна. Вот тут-то и таится разгадка: новая создательница, не человек, сталкивается с создательницей-человеком.

— Полагаю, все это что-то да значит,— произнес, словно размышляя вслух, Дуган, когда Фрауд умолк.

— Определенно,— ехидно согласился доктор.— Это значит, что мужчины интересуются машинами больше, чем женщины.

Фрауд небрежно махнул рукой.

— Валяйте! Можете не обращать внимания на мое мнение. Я всего лишь пытался пролить немного света...

— А вы, как женщина, какого мнения об этих перлах мудрости? — доктор повернулся к Джоан.

— Невысокого,— улыбнулась она.

— Именно этого и следовало ожидать,— хмыкнул Фрауд.— Вот если бы она могла высказаться как существо среднего рода...

— Большинство известных мне женщин,— продолжала Джоан,— не любящих машины, не любят их активно. Я хочу сказать, что они не любят их не так, как, скажем, не любят некомфортабельный дом. Впрочем, такие женщины во все века негодовали на игрушки мужчин, точно так же как мужчины — на поглощенность женщины домашней жизнью... Но мы, кажется, отвлеклись от темы. Дейл говорил, какие он испытывает чувства к машинам. Он привел в пример миссис Кертенс лишь для того, чтобы рассказать, чего он не думает, но мы не дали ему закончить.

— Я не считаю,— отозвался капитан, с трудом подыскивая слова,— что хорошая машина — это совершенно безличная вещь, путаница из металлических деталей, как только что сказал Фрауд. Как не считаю, будто музыкальная композиция — путаница из нот. И машина не может быть безличной. В ней остается нечто от создателя, его изобретательности, мастерства и гордости работой, как в тронутом резцом камне остается нечто от скульптура. А инженер при виде плавно ходящих, быстро вращающихся валов и колес, скользящих штоков, точных взмахов и идеального взаимодействия частей получает своего рода чувственное наслаждение. И за всем этим кроется ощущение силы. Силы, которая в соединении с человеческими мозгами не знает границ.

— Сила для свершения чего? — спросила Джоан.

— Чего угодно. Не знаю. Иногда кажется, будто сила сама по себе цель: сила, побуждающая к овладению силой.

— Послушать вас,— вмешался Дуган,— все кажется таким пугающе-сложным. Я хочу сказать, машины-то мне нравятся, спору нет. С ними очень забавно поиграть, но будь я проклят, если способен понять хоть половину из того, о чем вы говорили. Машины созданы просто для того, чтобы мы ими пользовались; и мир без них был бы крайне скучен. Мне бы не хотелось родиться пару веков назад или даже один век. Как представлю себе, что летать невозможно! Это было бы... Чем же тогда мы бы занимались? Честно говоря, я не понимаю, к чему вы клоните. У нас есть машины, мы не можем без них обойтись. Естественно, мы пользуемся ими. Что еще тут можно сказать?

И тут прозвучал голос, которого не ожидали. В разговор вмешался Бернс:

— Да, ты прав, мальчик. Пользуйся машинами, и пользуйся ими достойно. Не перегружай их, не разбивай им сердца. Заботься о них, и они тебя не подведут, а это больше того, что можно сказать о некоторых людях.

Глава тринадцатая
ПРИБЫТИЕ

Здесь не место для лекций о подробностях межпланетного путешествия. Если вам нужны цифры количества использованной взрывчатки, темпы ускорения и торможения, подробности коррекции курса, расхождения между теорией и практикой, то вы их найдете вместе со множеством других подробностей в книге Дейла «Мост через Космос», а изложенные более популярно — в книге Фрауда «Рейс „Глории Мунди“». Автора же интересовали такие мелочи, которые ни тот, ни другой джентльмен не включили в свои книги. И хотя я считаю, что Фрауд какое-то время подумывал о более живом и полном рассказе о полете, теперь уже маловероятно, что он будет когда-либо написан.

Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как обсерватория «Маунт Вильсон» потеряла из виду «Глорию-II». Неизвестно, удалось ли Дейлу, Фрауду и остальному экипажу добраться до Венеры. «Глория-II» так и не вернулась. Следовательно, если я не расскажу вам эту историю такой, какой узнал от Джоан, а частично — от остальных, то ее, вероятно, никогда так и не расскажут.

Читатели могут сказать: эти люди, похоже, слишком много разговаривали на отвлеченные темы. Похоже, астронавты не задумывались, что участвуют в одном из величайших приключений в истории. Но позвольте заметить, что хотя космическое путешествие и может быть волнующим приключением, однако на практике, как меня заверили, оно крайне нудное.

Вот что сказал доктор Грейсон:

— Космический полет — это мечта купить немеркнущую славу ценой всего лишь шести месяцев заключения в тесном гробу.

В то время как Фрауд процитировал классические слова неустрашимого летчика былых времен: «Это был паршивый полет — и это еще мягко сказано».

Но, оглядываясь на прошлое, они видели его в перспективе и соглашались, что путешествие не всегда было монотонным. Полет распадался на отчетливые фазы, каждая со своими особенностями. Скажем, все оживились, когда Джоан объявила, что верит в разумность машины.

Момент она выбрала весьма удачно. Четырьмя наделяли раньше, когда воспоминания о повседневной жизни еще не сгладились, такое утверждение тут же высмеяли бы. Но теперь от него не стали отмахиваться хотя бы потому, что изменилось отношение астронавтов к девушке. А еще потому, что при угрозе смертельной скуки нельзя было отказаться от любой темы, сулившей интересную беседу. Невероятное предположение Джоан приняли более благосклонно, чем оно того заслуживало. Хотя и сомнительно, что кто-либо из экипажа поверил в разумность машин, зато нашлась тема для рассуждений. Тем более что в это время интерес астронавтов к тому, что их ждет на Марсе, стал острее.

Ожидания Дейла были скромными. Он признался, что был бы разочарован, обнаружив лишь безводный мир, неспособный поддерживать жизнь. Хотя пустился в путь, предвидя именно такие условия.

— Может, вы так и думали,— сказал доктор,— но в действительности это узда, которую вы надели на себя, чтобы избежать болезненного разочарования. Вы бы не стали брать с собой меня в качестве биолога, если бы не надеялись обнаружить какую-либо форму жизни. Я уже говорил, что рассматриваю жизнь, как этап в распаде планеты, и ожидаю обнаружить подтверждение. Вероятно, жизнь на Марсе уже прошла весь цикл и существует только в низших формах, но меня не очень сильно удивит, если мы вообще не обнаружим живых созданий.

— Для меня это весьма печальная перспектива,— подумал вслух Фрауд.— Гнетущая. Мировая общественность,

приученная Берроузом и остальными к мысли, что Марс кишмя кишит необыкновенными животными, странными людьми и прекрасными принцессами, ожидает от меня, что я перещеголяю писателей; а по вашим теориям получается, что мне придется сочинять страстные романтические истории из жизни немногочисленных амеб.

Дуган неодобрительно посмотрел на доктора.

— Вы действительно думаете, что все будет так скучно? Но ведь жизнь никогда не упрощается до самого предела. Неужели не будет никаких зверей?

— Или крабов? — добавил Фрауд.— Помните тех чудовищных крабов, которых у Уэллса путешественник по времени обнаружил в умирающем мире? Скверные ребята, в детстве они мне, бывало, по ночам снились. Но если крабов окажется много, то сомневаюсь, что моя преданная публика вообще получит хоть какую-то историю.

Доктор пожал плечами.

— Это же наши догадки, не более. Там могут быть только простейшие, могут быть и ракообразные...

— И там есть машины,— вставила Джоан.

— Превосходный пример узкого кругозора,— великодушно заметил Фрауд.— Должен сказать, я начинаю надеяться, что вы правы; это дало бы мне обильный материал. Но возникает вопрос: а кто создает эти машины? И для чего? В конце концов, как сказал один из нас, машине предназначено что-то делать.

— Если бы мы смогли понять, что именно знаменует собой машинерия или Машина,— сказала Джоан,— то знали бы, чего ожидать. Дейл видит в машинах произведения искусства. Миссис Кертенс, судя по его словам, придерживается обычного мнения, что техника прямо противоположна искусству, она лишает личность индивидуальности. Дуган видит в машине своего рода огромную игрушку. Доктор Грейсон...— она сделала паузу.— Хотя вы открыто этого не говорили, док, но мне кажется, что вы согласны пользоваться машинами просто потому, что они есть. Вы, как и мой отец, склонны игнорировать любую машину, пока не возникнет нужда использовать ее для каких-то практических целей.

— Думаю, это справедливо. Человек не был создан для машины. Это машина была создана для того, чтобы человек пользовался или не пользовался ею.

— А взгляд Фрауда отличается очень немногим, но он еще сильней зависит от машин, когда зарабатывает себе на жизнь.

— Что-то я вас не пойму. Как это машина может что-либо «знаменовать собой»? — поинтересовался Фрауд.

— Машина с маленькой буквы себя и знаменует. А вот существование Машины знаменует собой очень многое. Вдумайтесь. Менее двух веков назад человек начал впервые применять машинерию с механическим приводом. Конечно, в прошлом были водяные и ветряные мельницы и штуки, приводимые в движение бегающей по кругу лошадью. Но они не были истинными предками наших машин, это изолированные открытия, долгие годы остававшиеся, по существу, неизменными. Когда же появилась машина с механическим приводом, то в мир, который вполне прилично обходился и без нее, свалилось нечто совершенно новое. Никто тогда не понял ее смысла, не видят и сейчас ничего, кроме непосредственной выгоды. Но мы можем оглянуться на сто пятьдесят лет назад и понять, что же произошло.

С одной стороны, машину провозгласили создательницей нового века, своего рода освободительницей человечества; а с другой — хулили и зачастую ломали те, кто страшился ее, как конкурента. И те, и другие были правы, в конечном итоге машина принесла нам досуг и новый мир, чтобы наслаждаться им на досуге. А смысл, который в то время, похоже, упустили, заключается вот в чем: те, кто получит для наслаждения новый мир, и те, кто получит досуг, совсем не обязательно одни и те же люди.

Люди словно открыли новый ящик Пандоры, а все человечество было так взволновано, что не приняло мер предосторожности для перехвата выскочивших из ящика бед и несчастий. Машину просто бросили в мир, собираясь и дальше жить по-прежнему. Но мир не мог не измениться. Если повару внезапно взбредет в голову включать в каждое блюдо большое количество слабительного, то тело не может не реагировать.

Хотя машина явилась как раба, пятьдесят лет спустя она стала хозяйкой. Нужно поддерживать ее для того, чтобы она могла поддерживать нас. Население планеты не может существовать без машин, но мы не научились их контролировать. Мы предсказываем лишь самые простые и очевидные последствия, но и тут часто ошибаемся. Машина дала нам неисчислимые блага, она же ввергла в бесчисленные беды. И теперь машина является частью нас, подобно рукам и ногам. Да что там! Более важной, чем те и другие! Мы жить не сможем, если машина будет ампутирована от цивилизации.

И все же многие по-прежнему рассматривают людей и машинерию отдельно. Они считают машину всего лишь дополнением к жизни, чем-то таким, что дает более быструю связь, больше продукции, больше развлечений, и не видят один из великих факторов нашей реальной жизни. Порой слышишь о промышленном перевороте, словно тот был всего лишь фазой, законченной и завершенной. Хотя не видно никаких признаков, что он когда-либо завершится. И это сочетание — «промышленный переворот!» Словно он подобен мелкому свержению правительства. Явилась машина, и жизнь никогда уже не станет прежней, как не может она стоять на месте. Но к каким переменам она нас ведет? Именно это я и имею в виду, говоря о скрытом смысле машины.

— Понимаю,— задумчиво произнес доктор.— Значит, вы считаете, что если ваши догадки насчет найденной машины верны, то мы отыщем на Марсе средства, которые помогут разобраться с проблемами наших земных машин?

— За исключением того,— вставил Фрауд,— что эти космические, предположительно марсианские, машины не кажутся спроектированными с целью что-либо делать.

— У вас весьма узкий кругозор,— нелюбезно оборвал его доктор.— Вы постоянно повторяетесь.

— И еще раз повторю. Первое, что хочется знать о любой машине: «Для чего она?» До тех пор, пока это не узнаешь, далеко не продвинешься. А второй вопрос будет: «Что заставляет ее работать?»

— А имеет ли значение с вашей точки зрения,— спросила Джоан,— простой вопрос: «Как она стала такой, какая есть?»

— Не знаю. Я намерен погодить, увидеть разумную машину и спросить у нее, если я ее увижу. На мой взгляд, все наши рассуждения — пустые предположения,— коротко ответил Фрауд.

Бывали времена, когда эта тема приедалась, как приедались все темы, однако к ней возвращались вновь и вновь. Становясь привычной, тема теряла свою первоначальную фантастичность. Экипаж «Глории Мунди» сильно бы удивился, имей возможность сравнить свое первое, насмешливое отношение к идее Джоан с последующим, когда астронавты фактически приняли гипотезу. Джоан оставалась единственной, кто не поколебался в своих убеждениях. Хотя, пожалуй, и Бернс тоже.

Но Бернс был непроницаем. Он замкнулся в скорлупе отчужденности, которая начала вызывать серьезные опасения у доктора Грейсона. Временами у него в глазах появлялся странный блеск, и доктор очень живо представлял себе грядущие неприятности. Затем Бернс опять погружался в менее тревожную, но все равно нездоровую апатию, из которой его, казалось, невозможно вывести. После своего нападения на Джоан он ее не замечал, как и всех остальных.

Девушка не могла решить, что его сдерживало — мысль о пистолете Фрауда, который она носила в кармане, или же какие-то процессы, протекающие у него в голове. Джоан чувствовала себя слегка виноватой в его изоляции. Хотя и знала, что Фрауд никому не рассказал об инциденте, а Бернс замкнулся в скорлупе совершенно добровольно. Какой-то инстинкт побуждал девушку вовлекать его в компанию. Она впервые выделила одного из мужчин.

Джоан втягивала механика в общий разговор, задавала вопросы, старалась извлечь из скорлупы самоизоляции. Ее вопросы часто оставались безответными, иной раз он односложно отзывался. Но она не отставала.

Пик наступил в один прекрасный «день», когда до прибытия на Марс оставалось меньше двух недель. Среди экипажа царило оживление, что делало изоляцию механика более явной. Джоан, чувствуя, что солидарность группы крайне важна, присела рядом с ним и начала расспросы об износе облицовки ракетных дюз. Астронавты не слышали его ответа, но увидели, как она напряглась и покраснела, заметили блеснувший в ее глазах гнев. Дуган решил вмешаться. Он потребовал, чтобы Бернс повторил свои слова погромче. Механик его проигнорировал. Дуган гневно повторил:

— Что вы сказали мисс Ширнинг?

Бернс медленно поднял голову. В глазах у него мелькнул тот самый блеск, который тревожил доктора, но заговорил он спокойно:

— Не лезь не в свое дело.

Дуган нахмурился и вопросительно взглянул на девушку. Та покачала головой.

— Пустяки,— сказала она.

Бернс неприятно усмехнулся.

— Видишь, она не против. А если тебе все еще охота знать, то я посоветовал ей не стервозничать и идти на...

Но Дуган уже получил предлог. Прежде чем механик успел закончить, он ударил его с плеча. Удар получился неуклюжим. Позабыв про состояние невесомости, он неверно рассчитал усилия. Кулак прошел мимо челюсти и угодил противнику в плечо. Механик как раз стоял, прислонясь спиной к стене. Прежде чем остальные смогли вмешаться, Бернс взметнул твердый угловатый кулак. Тот стремительно рванулся к подбородку Дугана, оторвал младшего члена экипажа от пола и отправил вверх по наклонной линии. Дуган извивался, пытаясь встать на ноги на сводчатом потолке. Бернс впервые за много недель рассмеялся. Дуган еще больше разъярился и сумел, наконец, примагнититься. Он повернулся, принял прыжковую стойку, а затем устремился обратно. Но до механика не добрался, Дейл и Фрауд совместными усилиями перехватили его в полете и стащили на пол.

После Фрауд скорбел, что не удалось посмотреть настоящую драку в невесомости. Она обещала стать уникаль-

ным зрелищем, но репортер согласился с Дейлом, что нельзя рисковать.

Джоан убралась прочь, а усмешка Бернса стала сардонической, когда он смотрел ей вслед. Фрауд и Дейл повисли на плечах Дугана и не отпускали, пока гнев его не остыл. Этой маленькой вспышке дали угаснуть. Но незавершенная стычка оставила после себя возросшую враждебность ее участников. Трещина между штурманом и механиком, и так уже слишком широкая, увеличилась еще больше.

— Теперь уже недолго,— сказал доктор.

Они с Джоан стояли у иллюминатора. Розовый диск вырос до размеров полной луны, видимой с Земли. Он, казалось, висел прямо над ними и выглядел так, словно еще немного, и до него можно будет дотянуться рукой. Нужно стать чуть повыше ростом, тогда вытянешь руку и сможешь сорвать с неба сияющий шар. Такой близкий, он все же оставался таинственным и загадочным, как всегда.

Марс озадачивал наблюдателей своими перекрещивающимся линиями, которые могли быть каналами, белыми шапками полюсов, которые, почти наверняка, сковывал лед. Телескопические приборы исследователям почти ничего не поведали, устойчиво держать их на одном месте оказалось невозможно. Фрауд был уверен, что видел блеск воды, но не мог повторить свои наблюдения. Доктор утверждал, что увидел каменное образование, которое могло иметь искусственное происхождение, но заметил его лишь мельком и не сумел отыскать вновь. Остальные ничего не разглядели.

— Еще лишь четыре дня,— усилил нетерпение доктор,— и все рассмотрим на месте.

— Целый век. Четыре самых длинных дня,— сказала, не поворачиваясь, Джоан.— Почему-то теперь, когда мы так близко, я боюсь. Впервые я начинаю сомневаться... А действительно ли у нас с отцом была та машина? А что, если это был сон? А вдруг на самом деле машина вообще никогда не существовала?..

Голос ее стих. Несколько минут они молча глядели на планету, прежде чем она продолжила:

— Если это неправда, если Марс лишь мертвый мир, где не осталось ничего, если на нем никогда не было жизни, то что я стану делать? Я не смогу вернуться и посмотреть им в лицо... Я не смогу посмотреть в лицо даже любому из вас... Я покончу с собой.

Впервые она призналась в слабости, в мучительных сомнениях, которые в последние недели настойчиво грызли ее. Что, если они с отцом все-таки ошиблись? Вдруг их жестоко разыграли? Нет, это невозможно! Такую машину не могли создать на Земле, и все же...

Доктор отвернулся от иллюминатора.

— На вас это не похоже,— нахмурился он.— Вы в последние дни не спали, как следует.

— Спала я немного,— призналась Джоан.— Все дело в том, что Марс становится таким близким, а мы все равно знаем ничуть не больше, чем до отправления. А что, если...

— Перестаньте терзаться предположениями,— посоветовал доктор.— А то делаетесь такой раздражительной. Позвольте мне дать вам какое-нибудь снадобье.

— Ладно,— устало кивнула она.— Но пока еще рано. Дайте еще немного посмотреть.

— Да ведь пока ничего не видно,— хмыкнул он.— Старый Марс хорошо хранит свои тайны.

— Я боюсь,— повторила Джоан.— Если я права, если та машина была особью, то что это значит? Что мы там встретим? Как машины могут обойтись с нами? Меня это пугает, док. Нечеловеческие машины...

Он взял ее за руку.

— Так не годится, Джоан. Вы бессмысленно накручиваете себя. Я дам вам то успокаивающее...

— Да,— печально улыбнулась она.— Это на меня не похоже, не правда ли? Извините. Вы не станете рассказывать остальным?

— Не стану, если вы немедленно примете снадобье. Хороший долгий сон пойдет вам на пользу. Заставит взглянуть на жизнь по-иному. Идемте.

Дейл пристегнул пояс безопасности и зафиксировал себя в кресле управления.

— Закрыть ставни,— приказал он.

Изгиб планеты занимал теперь половину поля зрения, и экипаж с неохотой запирал ставни.

— Мы не можем тормозить более плавно, чем набирали скорость,— разъяснил Дейл.— А теперь все по койкам.

— Как я ненавижу этот приказ,— пробормотал доктор, когда пристегивал ремни.

— Готовы? Тогда поехали,— сказал Дейл.

Он толкнул рычаг, и «Глория Мунди» задрожала всем корпусом. Монотонный рев ракетных дюз стал громче. Тела, которые почти три месяца были невесомыми, испытали навалившуюся тяжесть. Возросло давление, еще более неприятное из-за непривычности. Индикатор скорости пополз к менее фантастическим цифрам, когда они пошли на снижение, двигаясь по спирали, чтобы использовать преимущество вращения планеты. В двух тысячах миль над поверхностью Дейл обнаружил, что корабль все еще летит слишком быстро. И сдвинул рычаг дальше.

— Ух! — крякнул Фрауд.— Счастливой посадки! — пробормотал он, едва не теряя сознание от перегрузки.

Мощность ракетных выбросов возросла. Ощущения астронавтов оказались не более приятными, чем при старте.

Глава четырнадцатая

БЕРНС РАЗЫГРЫВАЕТ ДОСТАВШИЕСЯ КАРТЫ

«Глория Мунди» совершила посадку рядом с одним из поясов растительности, которые опутывают Марс крупной паутиной. При этом она опрокинулась на бок и покатилась, подпрыгивая. Застыла ракета, зарывшись двумя иллюминаторами в песок и уставясь прочими в лилово-голубое небо. Но к тому времени, когда Джоан сумела доползти со своей койки до основного отсека, ставни на иллюминаторах уже распахнули, экипаж толкался возле них. Доктор уступил ей свое место. Как химик экспедиции, он отправился брать пробу атмосферы.

Джоан впервые взглянула на марсианский ландшафт. И была разочарована. Пейзаж выглядел так невзрачно, а достижения астронавтов такими незначительными, если учесть, сколько они вынесли. Подсознательно она ожидала большего.

Это была пустыня. До горизонта тянулись красноватые камни и барханы. Мрачная пустыня, в которой ничто не двигалось и не росло. Солнце отражалось сверкающими точечками на зазубренных кристаллических осколках. Негостеприимный пейзаж. Она упала духом. Такая земля ничего не могла произвести, вообще ничего. Они были правы, те, кто говорил, что Марс — всего лишь безжизненный шар. Наверное, жизнь — просто случайность, которая произошла только на Земле...

Затем до нее дошло, что Дейл и Фрауд, стоящие у другого иллюминатора, обмениваются взволнованными репликами. Даже Бернс пробормотал нескольких фраз. Джоан прошла по изогнутому полу, который раньше был стеной, и присоединилась к ним.

На некотором расстоянии от корабля из песка торчали низкорослые, ржавые на вид кусты незнакомых очертаний. Передовые дозоры, оторвавшиеся от главного фронта растительности, начинавшегося примерно в миле от ракеты. Растительность была невзрачной, чахлой и опаленной, но все равно это жизнь. Планета еще не умерла, пока соки по-прежнему текут по этим искривленным стеблям и медным, лопатообразным листьям, которые чуть трепетали на ветру.

Доктор провел пробы атмосферы и обратился к экипажу.

— Состав,— объявил он,— почти тот же, что и у нас, лишь немного отличаются пропорции, процент двуокиси углерода чуть ниже. Дышать местной атмосферой совершенно безопасно, но давление существенно ниже привычных для нас пятнадцати фунтов. Для дыхания придется надевать кислородные маски. Нам не потребуются громоздкие скафандры, но придется надеть теплоизолирующие комбинезоны.

Все дружно рванули к рундукам и загалдели, натягивая желтые комбинезоны.

— Слава Богу, что нам не пришлось надевать скафандры,— порадовался Фрауд.— Они не только отвратительно пахнут, но когда ты одет, словно гибрид водолаза с эскимосом, то невозможно выглядеть так, как подобает послам Земли. Конечно, мы и в кислородных масках будем выглядеть не слишком красивыми, но не потеряем человеческого облика.

Джоан боролась с одним из запасных комбинезонов, который был ей слишком велик.

— Ну что, ни одна из ваших машин пока не явилась посмотреть на нас? — спросил Дейл, подключив висевший за спиной кислородный ранец.

— Подождите чуток,— она пыталась говорить легковесным тоном.— Они покажутся. Крайне маловероятно, чтобы такая штука, как «Глория Мунди», которая с ревом пронеслась по марсианским небесам, осталась совершенно незамеченной.

— Если за массой убогих на вид кустов найдется, кому замечать,— скептически ответил Дейл.

— Дайте им время,— сказала девушка.

— Точно,— согласился доктор.— Нельзя ожидать, что они просто вырастут, как из-под земли. Если они вообще существуют, то мы не знаем, из какого далека им придется ехать. Этот округ не похож на жилой район, даже для машин он несколько диковат. Кстати, где мы?

— Чуть севернее экватора. Примерно с такой точностью я могу вам ответить.— Дейл подошел к рундуку. Открыл его и сказал: — Все должны взять винтовки! Знаю, это может показаться нелепым, но вспомните, что мы вообще ничего не знаем об этом местечке. Внешность может оказаться до крайности обманчивой.

— Что? И я тоже? — запротестовал Фрауд.— Но, послушайте, как же быть с кинокамерами, фотокамерами и прочим оборудованием репортера? Я и так буду выглядеть, словно столб, обклеенный объявлениями о продаже и обмене. Помилосердствуйте.

— Камеры будут весить меньше, чем дома,— единственное, что сказал в утешение Дейл.— Мы не можем себе позволить идти на риск. Там, где возможна жизнь для кустов, она возможна и для других тварей.

— А, снова уэллсовские крабы.

— Увидим. Во всяком случае, никому не отделяться, пока мы не узнаем чуть побольше. Ясно? Держимся вместе.

Он раздал легкие винтовки и запасные обоймы, подождал, пока астронавты экипируются. Возникла еще одна задержка, Фрауд навьючивал на себя футляры с камерами, штативы, экспонометры, чехлы со сменными объектами и так далее. Наконец, он сказал:

— Вот! Человек-рождественская елка.

Дейл проследил за подготовкой масок и трубок, подававших кислород через нос, оставляя рот свободным. Убедившись, что все они работают, как положено, он прошел ко входному люку, и, впервые за семьдесят четыре дня с тех пор, как они покинули Землю, тот распахнулся. Одного за другим капитан пропустил свой экипаж через шлюз.

Джоан, выходившая предпоследней, прошла по крупному, красноватому песку и остановилась рядом с Фраудом. Тот делал серию моментальных снимков, поворачиваясь по часовой стрелке.

— Марсианское представление о ландшафте — весьма примитивное,— небрежно обронил он.— Должен сказать, что это местечко обманывает ожидания. Дома у нас есть пустыни ничуть не хуже, и для прогулки по ним не нужны спецкостюмы. Полагаю, теперь мне лучше снять разок-другой старушку «ГМ», снимки пойдут под заголовками «Земные Искатели Приключений у Цели» или «Триумф...»

— Т-шш! — оборвала его Джоан.

— Что значит «т-шш»? В чем дело?

Она ткнула его локтем в бок и кивнула на входной люк. Дейл как раз покинул шлюз; в одной руке он держал лопатку, а в другой шток с флагом. Остальные стояли и смотрели, как он выкопал неглубокую ямку, всадил в нее флажок и утоптал красный песок. А затем отошел и полюбовался своей работой. «Юнион Джек» плавно развернулся на легком марсианском ветру. Дейл отдал честь.

— Именем Ее Величества королевы Елизаветы Второй Английской, я объявляю эту землю частью Британского Содружества Наций. От ее имени и от имени всех народов

Содружества я воздаю дань уважения тем храбрым людям, которые отдали свою жизнь, чтобы это событие стало возможным. Да будет оно посвящено их памяти, да будет оно удачным к вящей их славе. Они подарили нам эту землю, не проливая чужую кровь. Да окажемся мы достойными их доверия.

Астронавты молча выслушали его краткую речь. Доктор чуть озадаченно посмотрел на Дейла, затем перевел взгляд на журналиста. Но Фрауд смотрел в сторону. Он явно интересовался только тем, как зафиксировать событие, и все внимание посвятил маленькой кинокамере.

Дейл завершил церемонию.

— И что теперь? — смущенно нарушил молчание Дуган.

— Смотреть, кажется, стоит только в ту сторону,— показал на кусты Фрауд.

Доктор согласился:

— Я должен взять несколько образчиков этих растений; и чем раньше, тем лучше.

Дейл извлек маленький компас.

— Бог его знает, где тут магнитный центр,— сказал капитан,— но он, по счастью, где-то тут есть. Если мы предположим, что он на севере, то это даст нам какую-никакую точку отсчета. Это означает, что кусты расположены строго на западе. Не забудьте, что я сказал насчет необходимости держаться вместе.

Густая растительность, когда они добрались до нее, оказалась похожей на первые низкорослые кустики во всем, кроме размеров. Стебли кустов оказались полыми и такими хрупкими, что не мешали идти в любом направлении. Продвижение сопровождалось резким треском сломанных веток, смешанным с бумажным шорохом падающей листвы. К сожалению, коричневые заросли выглядели такими же монотонными, как и оставшаяся позади пустыня.

Через полчаса единственный член отряда, кто не чувствовал неудовлетворенности, был доктор. Он, казалось, пребывал в ботанической горячке, горя решимостью получить очередной образчик, который по виду ничем не отли-

чался от других побегов, листьев, веток и корней, уже забивших контейнеры.

Идущие вдоль марсианских каналов пояса растительности зависят от почвы. Они могут простираться на двадцать миль от канала либо вторгаются на территорию пустыни всего на милю-другую от берега. Экипаж «Глории Мунди» прошел по зарослям немногим более мили. Стало заметно, что кусты выглядят все здоровее и упитанней. Отряд уже с трудом пробивался сквозь заросли. Более влажные стебли упруго гнулись, не желая ломаться. К восторгу доктора появились новые разновидности флоры. Он с энтузиазмом набросился на оливково-коричневые растения, напоминающие кактусы без колючек.

— На мой взгляд, они смахивают на старые кожаные сумки,— высказал свое мнение Фрауд.— Далеко ли ты собираешься завести нас в этот не столь уж девственный лес? — спросил он Дейла.

— Пройдем чуть дальше,— решил Дейл.— Док должен собрать весь хлам, какой сможет, похоже, впереди растительность разнообразнее.

Они, чертыхаясь, продолжили путь, заметив, что идут вверх по склону. Дейл внезапно поднял руку и остановился. Все замерли в молчании, нарушаемом лишь шуршанием стеблей да шелестом листвы.

— Что случилось? — спросила Джоан.

Обратившийся в слух Дейл расслабился.

— Мне почудилось, будто я услышал впереди что-то вроде лязганья. Кто-нибудь еще слышал?

Все покачали головами, но дальше двинулись более осторожно. Чуть позже уже Джоан остановила их:

— Слушайте!

Но и на этот раз тишину не нарушало ничего, кроме естественных шорохов.

— В чем дело? — осведомился Фрауд.— Вы пытаетесь сделать подход более волнующим, нагоняя страх?..

— Заткнись! — оборвал его Дейл.

И тут где-то неподалеку раздался слабый треск. Не говоря ни слова, Дейл сдернул с плеча винтовку и снял ее с предохранителя. Он двинулся вперед.

— Это местечко, похоже, не совсем безжизненно,— сказал Дуган.— Должно быть, там было что-то весьма крупное.

Дейл пошел впереди, остальные вытянулись за ним цепочкой. Вскоре капитан крикнул, что впереди просвет, и через несколько минут они вышли на открытое пространство.

— Полагаю, это канал, а не море? — спросил Дуган.

Вправо и влево непрерывной линией тянулся берег. А впереди до самого горизонта простиралась вода, слегка рябя на ветру и искрясь на солнце. Дейл попробовал воду и тут же выплюнул: она оказалась соленой.

— Все равно это один из каналов,— заявил Дуган.— Вспомните, что ширина даже самых маленьких — десятки миль.

— А горизонт тут ближе, чем дома,— вставил доктор.— Почти невероятно, что их создали искусственно. И сейчас мы, похоже, ненамного ближе к пониманию того, кто или что создало каналы. Склон, по которому мы поднимались, это, должно быть, материал, из которого они...

— Смотрите! Что это? — воскликнул с внезапным волнением Дуган.

Он показал налево. Воду рассекал трудноразличимый из-за расстояния темный предмет. Белая крапинка по его курсу походила на низкий бурун. Дейл достал полевой бинокль.

— Что это такое? — спросил Фрауд, пытаясь одновременно установить треногу и сменить объектив камеры.— Плывет к нам?

— Не разгляжу. Над водой высовывается немного. На вид что-то вроде кита. Похоже, движется строго на юг.

— Ну-ка, дайте мне посмотреть! — доктор выхватил бинокль и торопливо подправил фокус. Но никаких деталей различить не смог. Он даже не мог решить, что именно видит — живое существо или судно. И бегло выругался.

— Как насчет того, чтобы дать несколько выстрелов? Может, сумеем привлечь его внимание,— предложил Дуган. Но Дейл идею не одобрил.

— Нет, невозможно предугадать, во что это выльется. Мы прилично удалились от «Глории Мунди». Лучше проявить осторожность.

Фрауд установил маленькую камеру с огромным объективом и, надеясь на удачу, сделал серию снимков, щелкая Дейла, Дугана и стоящего рядом с ними доктора, стараясь захватить в панораму побольше деталей. Чей-то возглас, раздавшийся позади, заставил обернуться четверых.

Бернс стоял, повернувшись к ним лицом. Левой рукой он обхватил за талию Джоан, прижав спиной к своей груди. В правой руке он держал пистолет.

Дейл нахмурился и сузил глаза; открыл было рот, собираясь заговорить, но передумал. Выражение лица механика говорило, что надо быть осторожным.

— Эй, что за дела, Бернс? — спросил он, стараясь, чтобы голос его казался небрежным.

Он не сводил глаз с лица девушки, пытаясь сообщить, чтобы та вела себя спокойно. Казалось, Джоан поняла, потому что чуть расслабилась. Но он не принял в расчет своих спутников.

— Ты что делаешь, черт побери? Убери от нее свои проклятые руки! — выкрикнул Дуган.

И шагнул вперед, сжав кулаки.

— Назад! — резко скомандовал механик.— Назад, а то продырявлю!

Не было ни малейших сомнений, что он не шутит. Дуган поколебался, а затем угрюмо отступил. Фрауд зевнул.

— И что все это означает? Это кажется весьма драматичным,— заметил он.

Бернс переключил внимание на журналиста и прожег его злобным взглядом.

— Будь поосторожней со словами! Не забывай, что все это означает! Вы все это прекрасно знаете, чертовски хорошо знаете. Полагаете, я не догадывался, что происходило всю дорогу, пока мы летели сюда? Думаете, я не понимаю, почему стал нежеланным? Вы все получали удовольствие, черт вас побери, а теперь и я намерен получить свое.

Фрауд выглядел озадаченным.

— Ты имеешь в виду...

— Заткнись, сволочь!

— Но послушайте, Бернс, вы, знаете ли, совершаете ошибку...— попытался воззвать к его разуму Дейл.

— Ах, я ошибаюсь, да? Я бы сделал большую ошибку, если бы поверил тебе. Ты! Полагаю, ты думаешь, я не заметил, как ты переменился к ней после того, как поимел?

— Черт тебя побери! Я не...

— Ах, так ты значит «не»? И остальные из вас, полагаю, тоже «не»? Да за кого вы меня принимаете — за слепца? К черту всю вашу проклятую компанию! Я видел, как все вы в разное время украдкой шмыгали в хранилище. Имели ее, как хотели, а меня отшивали, словно я не человек. И думали, что я это стерплю. Да, я терпел, но больше не намерен. Теперь моя очередь. И никакой дележки не будет.

— Но, любезный, вы все неверно поняли,— вмешался доктор.— Мы не...

— Совершенно верно. Еще один врет то же самое, но меня не одурачить! Я давно этого ждал. Неделями об этом думал. Должен признать, что сперва ты меня одурачил, поскольку ты ей в отцы годишься,— но ненадолго. И теперь моя очередь.

— Ах ты, грязная свинья! Эта девушка...

Бернс повел пистолетом.

— Ты сказал достаточно, Дуган. Держи язык за зубами.

Дейл в упор смотрел на механика, гадая, может ли он рискнуть и выстрелить. Винтовку, заряженную и готовую к стрельбе, он держал в руках, но понимал, что может задеть Джоан. Бернс, по всей вероятности, выстрелит из пистолета прежде, чем он успеет прицелиться. Они обменялись беспомощными взглядами с доктором.

Бернс повернул пистолет и прижал его дуло к боку девушки.

— Если я ее не поимею, то не поимеет никто,— пригрозил он.— А теперь сложите винтовки вон там,— он кивнул, указывая на место примерно посередине между собой и четверкой мужчин.— Один за другим, а не то случится что-то очень скверное!

Они заколебались, но в глазах Бернса горел опасный огонек, он явно не блефовал.

— Давай! — резко скомандовал он.

Фрауд пожал плечами, медленно прошел вперед, положил винтовку и шагнул назад. За ним последовал доктор, затем Дейл, и, наконец, Дуган.

Бернс кивнул.

— А теперь отойдите назад, все вы. До самой воды.

Они поступили, как приказано, и он, не отпуская девушку, подошел к винтовкам.

— Подбери их,— приказал ей.

Джоан подчинилась. Прижатый к ребрам пистолет не оставлял никакого выбора. Она ни на миг не сомневалась, что при необходимости он воспользуется оружием, Джоан не хуже остальных понимала, что в своем нынешнем безумном состоянии он способен на все. Пистолет, который дал ей Фрауд, лежал у нее в кармане, но карман-то находился под комбинезоном. Но даже и будь он под рукой, она сомневалась, что способна выстрелить первой. Одну за другой девушка передала винтовки Бернсу, и тот, перекладывая пистолет из одной руки в другую, повесил их на плечи.

— И свою,— резко приказал он.— Не забудь про нее.

Она сняла винтовку и протянула Бернсу. Тот задумчиво посмотрел на четверых спутников, а затем опустил глаза на собственный пистолет. Момент был не из приятных.

— Нет смысла,— решил он,— тратить зазря пули. Но если кто-то из вас подумывает последовать за нами, то мой вам совет: подумайте еще разок.

Его большая ручища сомкнулась у девушки на запястье. Он неприятно осклабился.

— Попрощайся со своими любовниками,— сказал он ей.

— Ты...— начал было Дуган.

Бернс дернул пистолетом. Раздался резкий треск, и у ног Дугана взметнулась земля.

— В следующий раз будет повыше,— предупредил он.

Он оставил их, больше не сказав ни слова. Часто оглядываясь через плечо, он повел девушку тем же путем, каким они добирались сюда.

Глава пятнадцатая
...И ПОБИТ КОЗЫРЕМ

Четверо мужчин смотрели, как Бернс и Джоан исчезают в кустах. Фрауд уселся на землю, разбирая камеру и складывая треногу. Остальные стояли, глядя на него. И вопрос, который, по мнению остальных, не стоило облекать в слова, задал Дуган.

— Ну,— резко спросил он,— разве мы не собираемся что-то предпринять?

— Пока нет,— коротко ответил Дейл.

Дуган недоуменно уставился на него.

— Да что с вами случилось? Если вы не собираетесь помочь девушке, то помогу я.

Он повернулся и побежал к кустам.

— Назад, дурак,— позвал капитан, но Дуган не обратил внимания. Он рысью бросился по следу Бернса и исчез. Миг спустя раздался резкий треск выстрела. Трое спутников переглянулись, но Дуган вернулся. Он выглядел потрясенным и порядком сконфуженным.

— Почуял, гад,— подосадовал он.

— Тебе повезло,— бросил ему Дейл.— А теперь сядь и веди себя как взрослый.

— Это,— сказал Фрауд, роясь под комбинезоном,— большая неприятность.

Он перестал шарить и извлек желтую пачку:

— Закуривайте.

Все взяли по сигарете. Он закурил и скривился.

— Боже мой, ну и дерет! Вот что делает с человеком трехмесячное воздержание.

— Что же,— снова спросил Дуган, но менее горячо, чем раньше,— мы собираемся предпринять?

— Ничего,— уведомил его Дейл.

— Ничего! Ты хочешь сказать...

Доктор коснулся ладонью руки Дугана.

— Успокойся, малыш. Ты не понимаешь, какая случилась беда. Ты хочешь сейчас хорошенько побоксировать с человеком, которого считаешь свиньей.

— Ну, а разве он не свинья?

— Может быть, но, по крайней мере, на данный момент, вся соль в том, что он ненормален. Я наблюдал за ним все последние недели, и, наверное, в каком-то смысле я виноват в том, что это случилось. Мне следовало предупредить всех, что он на грани помешательства. Я рассчитывал, что все нормализуется, когда мы прибудем на Марс, но ошибся. Бернс не отвечает за свои действия, твоя же отвага принесет больше вреда, чем пользы: он, скорее, убьет Джоан, чем позволит приблизиться кому-нибудь из нас, в этом я уверен. Фактически, я удивлен, что он не пристрелил нас на месте.

— Так же как и я,— согласился Фрауд.— И у меня возникла скверная мысль, что его осенила идея подождать, пока иссякнут наши запасы кислорода.— Кстати, Дейл, насколько их хватит?

— С теперешней скоростью расхода, думаю, кислорода хватит часов на двадцать.

— И два из них уже прошли.

— И вы, тем не менее, считаете, что мы ничего не должны делать? — недоверчиво спросил Дуган.

— Единственный, кто может что-то сделать, это сама девушка,— сказал доктор.— И если я знаю Джоан, она сделает. Я в нее верю, она знает, как поступить, вне всяких сомнений.

— А что, если нам быстро прорубиться через кусты и устроить ему засаду на другом конце?

— Что? При листве, поднимающей шум, словно целая фабрика оберточной бумаги? Будь хоть немного поразумней,— посоветовал Фрауд.— Нет, док подал верную мысль. У нее есть пистолет, рано или поздно ей представится случай им воспользоваться.

— А если не представится?

— Тогда, похоже, наше дело плохо. Полагаю, Бернс будет с комфортом сидеть в «Глории Мунди», глядя, как мы умираем от удушья.

— Но ему-то от этого какой прок? Он же не сможет привести «Глорию Мунди» назад в одиночку.

— Неужели до тебя все никак не доходит, что этот человек ненормален? В данный момент он хочет только од-

ного — девушку, а еще отомстить нам, так как полагает, будто мы его обделили. Дальше этого он в своих мыслях не заходит.

Дуган беспокойно нахмурился.

— Да, я теперь это понимаю. Но вы действительно полагаете, что это понимает она? Я хочу сказать, вдруг она будет ожидать нашей помощи, пока не станет слишком поздно?..

— Не будет.

Слова Фрауда звучали категорически, но сам он не был убежден в своей правоте. Если Джоан сможет выстрелить в Бернса, все будет хорошо. Но сможет ли она? Секундное колебание, и механик сможет ее обезоружить. Дрогнувшая рука или мелкий просчет может закончиться легкой раной, которая только разъярит Бернса. Хладнокровно застрелить нелегко даже сумасшедшего. Что случится с ней и со всеми, если она упустит удобный случай?

Разговор угас. Все четверо сидели, обдумывая неприятности.

— Сколько мы дадим ему времени, Дейл? — спросил, наконец, доктор.

— Я думаю — час. Трудно сказать. При том, что мы знаем, он может все еще поджидать нас в засаде за первым же поворотом.

Доктор кивнул. Час, подумал он. Разумно при условии, что у человека в таком душевном состоянии достанет терпения просидеть в засаде целый час.

Когда время вышло, Дейл поднялся на ноги.

— Итак, помните, идти как можно тише. Не станем спешить. Осторожность сейчас намного важнее скорости. Нужно оказаться поблизости, когда что-то случится, но не стоит форсировать события.

Они одолели, наверное, треть расстояния до ракеты, когда впереди раздался звук винтовочного выстрела. Шедший впереди Дейл замер, прислушиваясь. Грохнул второй выстрел, а за ним последовали еще несколько в быстром темпе. Дейл неуклюже побежал, с трудом удерживаясь на

ногах из-за низкой силы тяжести. Остальные последовали за ним, кто как мог и сумел. Если Дейлу и приходило в голову, что выстрелы могли быть хитроумно подстроенной ловушкой, то он оставил эти мысли при себе. В кустах, несомненно, что-то двигалось. И все выглядело так, словно Бернс открыл пальбу, разобравшись, что же там двигалось...

Они обнаружили механика не слишком далеко от края пустыни. Тело его лежало в центре просеки лицом к небу. Оно являло собой зрелище не из приятных. А девушки не было.

Все четверо резко остановились. Увиденное вызвало тошноту.

— Господи Боже,— произнес Фрауд.— Кто мог такое сотворить?

Он нервно оглянулся. Не было никакого намека, что кто-нибудь таится в кустах, не раздавалось никаких звуков, кроме шороха трущихся друг о друга высохших стеблей. И все же совсем недавно здесь находилось нечто — что-то крупное и опасное. Не говоря ни слова, доктор опустился на колени. Приподнял растоптанное и изломанное тело, стянул с плеч винтовочные ремни и вернул оружие владельцам. Шесть винтовок на четверых. Дуган взял две. Дейл нагнулся и высвободил ту, что была зажата в мертвых руках. Магазин ее был пуст. Он перезарядил обойму. Остальные ждали его, беспокойно шаря глазами по зарослям и держа винтовки наготове.

— Возможно, она побежала к кораблю,— сказал Дейл.— Нам лучше посмотреть. Позже, когда узнаем, с чем столкнулись, вернемся за бедолагой Бернсом.

Они двинулись дальше. На этот раз медленно, стараясь как можно меньше трещать сухими ветками. И рыскали настороженными взглядами по окружающим кустам, страшась увидеть внезапное движение. Но в поле зрения ничего не появлялось, до ушей астронавтов не долетало ни звука.

Растительность поредела, и они с облегчением поняли, что снова приближаются к пустыне. На открытом пространстве им не будет угрожать внезапное нападение.

В высоком же кустарнике преимущество находилось на стороне нападавшего. Еще сто ярдов, и они достигли опушки. Высокие растения совершенно внезапно сменились маленькими, высотой по колено, иссохшими кустиками. За ними лежали пологие барханы красноватого песка с выступающими кое-где скальными выходами, а неподалеку они увидели «Глорию Мунди». У всех четверых вырвался вздох облегчения.

— Уж не знаю, чего я ждал, но, слава Богу, этого не случилось,— промолвил Фрауд.

— Иногда мы придерживаемся одинакового мнения,— признался доктор.

— Что это было? — резко вскинулся Дуган.

— Что было, о чем ты?

— Я видел, как что-то вспыхнуло около «Глории Мунди».

— Вероятно, это Джоан показывает то, что увидела нас,— предположил Фрауд.— Полагаю, что она... Да, вот опять.

— Проклятье. Должно быть, я оставил свой бинокль у воды,— подосадовал Дейл.

— Ну, возвращаться за ним мы определенно не станем, так что пошли дальше.

Они одолели половину расстояния, когда Дейл приказал остановиться.

— Мне кажется, я вижу, как около девушки двигаются какие-то штуки,— сказал он.

— Ты прав,— согласился Дуган.— Но не могу разобрать, что они собой представляют. Ты думаешь...

— Смотрите! — вскрикнул доктор. В голосе его прозвучали панические нотки, заставившие всех резко обернуться.

Из только что покинутых ими кустов выбиралась процессия, при виде которой они лишились дара речи.

Присутствие духа сохранил только Дейл. Неподалеку находился небольшой бугор из ломаного камня и нанесенного ветром песка. Он приказал бежать туда.

— И не стрелять, пока я не скомандую,— добавил он, когда они распластались на вершине.

Глава шестнадцатая
ДЖОАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Джоан, шедшая впереди, увидела эту штуку первой. Они спешили, по крайней мере, Бернс торопился, приходилось торопиться и ей. Он подождал в кустах ровно столько, чтобы сделать единственный предупредительный выстрел, заставивший Дугана вернуться к остальным, и сразу погнал ее к ракете. Манеры его изменились. Уверенность сменилась беспокойным стремлением как можно скорее оказаться на борту «Глории Мунди». Он убрал пистолет в карман и на всякий пожарный случай держал наготове одну из винтовок. Ее нервозность возросла, хотя Бернс стал казаться более нормальным. В его глазах исчез тот жестокий блеск, который заставил ее почувствовать себя слабой.

Когда они торопливо шли по зарослям, мысли ее устремлялись вперед. Сейчас ей нечего было страшиться, зато когда они не доберутся до ракеты...Что произойдет при закрытой наружной двери? Они снимут кислородные маски. А потом и толстые комбинезоны. У нее будет шанс дотянуться до пистолета в кармане... Вот оно! Пока он будет возиться, выбираясь из защитного костюма, ей выпадет шанс. Бернс на несколько мгновений окажется в ее власти. И тогда не должно быть никакой ошибки. Не только ради себя, но и ради остальных, нельзя ее допустить...

Кусты вокруг стали более сухими, а почва под ногами — песчаной. В скором времени они доберутся до открытой пустыни. А там уж недолго и до... Вот тут она и увидела. Голубовато сверкнуло что-то в кустах справа. Она бешено рванула прочь. Из ветвей метнулся, едва не задев руку, своего рода коленчатый шток. Девушку пронзил внезапный ужас. Она бросилась вперед, бегом, прыжками, не смея оглянуться. Удирая, она услышала удивленный вскрик Бернса. Раздался выстрел, а затем частая стрельба. Автоматическая винтовка вела огонь, пока не кончились патроны. Этот шум погнал ее вперед. Позади раздался крик, похожий на тонкий визг, и ужас, казалось, придал ей кры-

лья, так что она так и полетела сквозь кусты. Мчась, она ни разу не оглянулась.

Затем кусты внезапно закончились, и она заметалась среди низкорослых иссохших кустиков. Но не задержала своего бега очертя голову. Джоан не собиралась останавливаться, пока дверь «Глории Мунди» надежно не оградит ее от того, что бы там ни было в кустах. И лишь пробежав по песку половину пути, она заметила двигавшиеся вокруг ракеты штуки. И тогда в смятении остановилась. Она боялась встретиться с ними, но не смела и обернуться к кустам. Оставалось только ждать, остальные должны услышать выстрелы. Скоро они будут здесь. Она огляделась, подыскивая какую-нибудь впадину, где могла бы залечь и спрятаться, пока они не появятся.

Внезапно ее глаза уловили какой-то блеск на одном из скальных гребней справа. Она вздрогнула и вгляделась внимательней. Там снова блеснуло, вне всяких сомнений, это было отражение от быстро движущегося металлического предмета. Она застыла на месте, глядя, как он стремительно приближается. Каждый раз, когда предмет преодолевал очередной гребень или песчаный бугор, ей удавалось различить все больше деталей. Вскоре у Джоан не было сомнений, что это дубликат машины с ее фотографий — с той разницей, что эта бегала на шести ногах вместо восьми.

На расстоянии двадцати ярдов машина остановилась и навела на нее свои линзы. Из одного из отверстий в корпусе раздалась серия звуков металлического тембра. В разряженном воздухе они казались резкими и слабыми. Поколебавшись, Джоан двинулась к пятачку гладкого песка и написала указательным пальцем несколько знаков. А затем отступила и стала ждать.

Машина приблизилась беззвучно, если не считать шороха шести ног по песку. Она остановилась около знаков, внимательно изучая их. Джоан написала, что прибыла с Земли с мирной целью.

Снова из динамика послышались металлические звуки. Джоан разгладила песок и снова принялась писать.

«Пиши. Я не понимаю речь».

Одно из четырех щупалец машины метнулось вперед. И быстро накарябало:

«Откуда ты знаешь нашу письменность?»

Медленно по сравнению с быстродействующей машиной Джоан нарисовала ответ.

«На Землю прилетала машина».

«Тебя привезла она? Где она?» — быстро написала машина.

«Нет, она,— Джоан поколебалась,— сломалась». Она наблюдала за машиной, та снова принялась писать. Начертив не более трех знаков, она внезапно остановилась. Прежде чем Джоан успела что-то сообразить, машина рванулась вперед. Два металлических щупальца обвились вокруг девушки и подняли ее. Третье хлестнуло по чему-то у нее за спиной, машина с лязгом столкнулась с неизвестным предметом. Девушка не могла видеть, что именно им угрожает, но заметила, как металлическая лапа просвистела мимо ее головы и обрушилась на корпус державшей ее машины. Схватка оказалась такой неожиданной, что привела Джоан в полнейшее замешательство. Не успела она и глазом моргнуть, как уже путешествовала через пустыню в щупальцах шестиногой машины, которая с головокружительной скоростью мчалась на юг.

Глава семнадцатая
ЗНАКОМСТВА

Четверо астронавтов лежали, распростершись на вершине бархана, и наблюдали за выползавшей из кустарника цепочкой металлических машин. Создание с фотографий, которые им показывала Джоан, казалось странным, но эти выглядели сущим кошмаром. Мужчины не верили собственным чувствам; такие штуки могли быть только галлюцинацией. Дуган небрежно обронил, пытаясь казаться беспечным:

— Я знаю, что это такое. Кто-то подсунул в мой баллон с воздухом спирт.

Дрожь в голосе противоречила беззаботности его слов.

Фрауд прищурился, разглядывая механическую кавалькаду. И решительно покачал головой.

— Извините, но я в это просто не верю.

Не попадалось хотя бы двух одинаковых машин. Они различались по виду, по размерам и форме корпусов, своими причиндалами. У некоторых корпуса были сферические, у других — кубические, у третьих — пирамидальные, у четвертых — прямоугольные, а какие-то походили на гроб, описанный Джоан. Единственное, что их роднило, все они передвигались на ногах различного вида, на глаза не попадалось ни одного колеса. Особенно пристально Фрауд разглядывал яйцеобразное чудище. Оно опиралось с одного бока на две коленчатые ходули, которые были широко расставлены в стороны, чтобы компенсировать три проворные, но куда более короткие ноги с другого боку. Торпедообразное создание имело сзади по одной ноге с каждого боку, а передней частью опиралось на лыжное шасси без стойки. Одна из сфер ухитрялась передвигаться на треноге из неравных ходулей, лязгая и гремя на ходу. Многие корпуса были покрыты пятнами ржавчины и местами заштопаны заплатками из иных металлов; то тут, то там виднелись когда-то покрытые краской узлы, ни одна из машин не была одноцветной.

— Бред, бред, бред. Это не может быть реальным,— повторял Фрауд.

— Если бы я об этом прочел, то наверняка выбросил бы книгу,— проворчал доктор.— Но раз они существуют, они реальны. Должна быть причина для их создания.

Нескладные машины развернулись в строй в виде полумесяца и продолжали приближаться. Более быстрые сбавили скорость до ковыляющего шага медлительных.

— Когда я дам команду,— распорядился Дейл,— цельтесь им в линзы и берегите патроны, лишних у нас нет.

— Полагаю, они враждебны,— вставил Фрауд,— но не забывайте, что говорила Джоан...

— Это не те штуки, о которых она говорила. Кроме того, я не забываю, как выглядел Бернс, и не желаю рисковать,— сказал Дейл.

Он терпеливо ждал. Машины приблизились метров на пятьдесят, когда капитан приказал открыть огонь.

Результат первого залпа оказался обнадеживающим. Наступление резко прекратилось. Одна машина рухнула наземь, распялив свои металлические ноги. Другая разлетелась на куски. Третья впала в буйство. Она зашаталась, полуобернулась, а затем ее щупальца принялись хлестать невпопад, а свободно сочлененные части громко залязгали. Она пьяно устремилась по пустыне со всей скоростью, какую смогли развить ее пять разновеликих ног. Дейл приказал дать второй залп.

Упала еще одна машина. Ноги второй заклинило так, что она пропахала на песке круг. Неповрежденные машины начали отступать, утаскивая с собой пострадавших. Фрауд бросил винтовку и схватил камеру.

— Классическая картина стаи чегототамов, убирающихся несолоно хлебавши,— пробормотал он.

— В одном Джоан была права — они способны думать,— сказал доктор.— Это не просто дистанционно управляемые механизмы — это разумные, способные к самостоятельным действиям машины.

— Может быть,— хмыкнул Фрауд.— Но для такого разума место только в сумасшедшем доме. Да я и сам чувствую себя немного спятившим. Черт побери, это не может быть реальным — даже здесь, на Марсе! Это своего рода кошмар, гибрид из Льюиса Кэрролла с Карелом Чапеком. В подобных машинах нет никакого смысла. Только взгляните на них. На кой черт они нужны?

— Да, но вспомните ту, на фотографиях Джоан,— сказал доктор.— Она-то была в порядке. Как бы странно она ни выглядела, но, по крайней мере, была логически продуманной и цельной. С этими же вышло что-то не так. Они не разумны — это своего рода безумные неудачи. Гляньте-ка вот на ту квадратную груду.

Он показал на один из кубов. Из его нижних углов вырастали две одинаковых металлических ноги и одна совершенно не схожая с ними, в то время как четвертый угол опирался на гибкое щупальце. Машина деловито волокла одну из сломанных машин с помощью щупалец, выступающих из верхних углов.

— У меня появилась мысль насчет того, что это значит. Понаблюдайте за ней немного,— посоветовал Дейл.

Когда машина достигла того, что, очевидно, считала безопасным расстоянием, куб остановился. Установленные на одной из его сторон линзы были приведены в действие, и машина исследовала обломки. После осмотра она опустила собственный корпус на землю и принялась усердно расчленять свой трофей. Пять минут спустя она снова стояла, но теперь покоилась на четырех ногах, а наверху колыхались четыре щупальца. Если не считать мелких расхождений в длине ног, куб был полностью завершенным и готовым к чему угодно.

— Ну, это решает вопрос. Мы все окончательно рехнулись,— сказал Фрауд.

— Странно,— пробормотал доктор,— и где-то даже неприлично. Своего рода механический каннибализм.

Он наблюдал за тем, как еще одна машина со смешными разнородными частями приблизилась к вышедшей из строя и обменяла сильно поврежденное щупальце на то, которое находилось в лучшем состоянии.

— Вы полагаете, что конечный итог — это своего рода супермонстр, собранный из запчастей?

— Не спрашивайте меня ни о чем,— попросил его Фрауд.— У меня такое ощущение, словно мое второе имя Алиса.

Содрав с павших полезные части, уцелевшие машины перестроили ряды и снова двинулись в наступление.

— Так же, как раньше,— приказал Дейл.

И второй раз они отразили атаку.

— Это несложно. С нами будет все в порядке, пока у нас не иссякнут патроны и воздух,— решил он.— Но Бог его знает, что случилось с Джоан.

Пленившая Джоан машина мчалась по пустыне, не издавая ни звука. Металлические стопы шуршали по песку, иной раз корпус лязгал, когда задевал каменные осколки. О механизмах, работающих внутри корпуса, говорило лишь низкое гудение. Они действовали с безупречной точностью, невозможной для тех, что создавались на Земле человеческими руками. Машина ни разу не зашаталась и не

оступилась на своих шести спешащих ногах. Плавное совершенство передвижения по пересеченной местности вызывало жуть; каждый подъем и спуск проделывался изящно, без малейшего намека, что автомат может поскользнуться или споткнуться.

Преодолев первый шок, Джоан отчаянно боролась, но не могла дотянуться до кармана, где лежал пистолет. В панике она колотила по корпусу, пока руки не заболели, несмотря на толстые перчатки. На машину это никак не подействовало. Пришлось смириться. При той скорости, с которой они пересекали пустыню, девушке потребовалось бы много часов, чтобы вернуться. Джоан решила лицом к лицу встретиться с той судьбой, какую уготовила ей машина.

Мельком она увидела на западе группу машин, те тоже их заметили. Они неуклюже, но быстро помчались вслед. Пленившая ее машина свернула в сторону и прибавила скорость. Она с легкостью оставила их позади. Вид преследователей привел девушку в точно такое же замешательство, как Дейла и остальных во время безумной атаки. Мельком увиденные странные, искаженные механизмы совершенно не вписывались в тот логичный мир, который она себе рисовала. Ее машина убежала от преследователей, словно боялась — глупое слово в приложении к машине,— но она рванула прочь явно торопливо и вернулась к прежней скорости не раньше, чем механические уродцы пропали из виду. Не одна ли из таких штук, гадала Джоан, чуть-чуть промахнулась, пытаясь ударить в кустах?

Солнце заходило, и короткие сумерки быстро сменялись пронизанной звездами темнотой. Странно было глядеть на небо и видеть звезды почти такими же, как они выглядели с Земли: мерцающие точки на темно-синем полотне, горящие искры в черноте космоса. Скорость машины не снизилась. Дневной свет, темнота или же обманчивый блеск марсианских лун — машине, похоже, было все равно, это не влияло на ее точность.

А в душе Джоан этот лунный свет, разлившийся по пескам пустыни, вызвал ощущение безысходного отчаяния. Ей казалось, что они несутся по пустыне уже несколь-

ко часов, и никаких признаков того, что это кошмарное путешествие когда-нибудь закончится. Девушка начала страшиться, что иссякнет кислород в ранце. Она умрет, хватая воздух раскрытым ртом, а металлический монстр будет и дальше мчаться по пустыне, неся ее труп. Она не подумала спросить у Дейла, на сколько часов хватит запасов воздуха, и теперь ее преследовал страх, что она уже делает свой последний вдох. И тут, словно в утешение, впереди появился блеск огней. Они показались всего на несколько секунд, потом их загородила следующая возвышенность, но огни дали новую надежду. Джоан возблагодарила Бога, что кому-то на Марсе нужен искусственный свет...

Позади осталось еще несколько миль пустыни, и ноги машины заклацали по твердой ровной поверхности. Перед ними вырос массивный черный силуэт, вырезая в залитом лунным светом небе темную кляксу. Машина продолжала следовать прямо. С обеих сторон поднялись высокие стены, запирая их в траншее темноты. Звезды над головой внезапно исчезли. От огней не осталось ни следа. Сквозь черноту не пробивалось ни проблеска. Зато возникло ощущение, что вокруг нечто движется, шевелится во мраке, который тщетно пытались пронизать ее испуганные глаза. Время от времени что-то мягко задевало ее, а в ушах раздавалось постукивание металла о камень. Но как она ни старалась, ей не удавалось различить ничего, кроме более глубокой черноты — темного на темном, что вполне могло быть обманом зрения.

Затем, наконец, она снова увидела огни. Поворот свел их лицом к лицу с высоким зданием, фасад которого усеивали освещенные окна. Из больших открытых дверей выплескивался веерообразный луч. В его свете она разглядела множество сновавших туда-сюда машин, схожих с той, что держала ее. Девушку без остановок доставили к дверям. Сразу же за порогом Джоан поставили на пол. Из динамика машины раздалось несколько металлических звуков, а затем она умчалась в царящую за дверями темноту. Миг спустя массивные створки сомкнулись, отсекая всякую надежду на бегство.

Освободясь от плена сковывающих щупальцев, окостеневшая девушка прислонилась к стене, пока болезненно восстанавливалось кровообращение. Она огляделась вокруг со смесью любопытства и опасения. Помещение площадью в каких-нибудь три квадратных метра было голым и холодным. Две противоположные стены были сложены из гладко отделанного красноватого камня, а слева и справа обнаружились смыкающиеся двери (через правую ее внесли). Компанию Джоан составляли шестиногие машины. Ни одна из них не обращала на девушку ни малейшего внимания. Когда через некоторое время двери слева раскрылись, машины сразу же деловито выскочили наружу. Джоан, не зная, чего ожидать, последовала за ними.

У нее возникло впечатление, будто она видит освещенный город посреди темных руин. Девушка вышла в огромный круглый зал, заполненный светом из источников непонятного происхождения. Потолок походил на купол и в центре, как прикинула она, достигал метров сто. В ширину же зал был раза в два больше, чем в высоту. По стенам с равными интервалами располагались широкие балконы, связанные в иных местах лестницами, а в иных — пандусами. Арочные проемы вели в невидимые коридоры или комнаты. Вдоль стен размещались точно такие же арки, а между ними двигались потоки куда-то спешащих машин. Некоторое время она наблюдала, как они перемещаются, иные нагруженные, другие — со свернутыми в спирали щупальцами. Машины двигались с постоянной скоростью по каким-то своим непостижимым делам. Единственными звуками служили только торопливое шарканье их ног и урчание приборов в корпусах. Она наблюдала со слабым интересом, недоумевая, что же ей теперь делать. Цель, которая привела ее на «Глорию Мунди», достигнута. Теперь, когда она свободна от щупалец, ее страх перед машинами поутих, но она чувствовала себя покинутой. Джоан гадала, почему ее доставили сюда. Мотивы машин не поддавались пониманию. У нее возникло искушение обратиться к одной из них и заставить объяснить, чего от нее желают. Но чего хотела сама Джоан? Определенно, не того, чтобы ее унесли

обратно через многие мили пустыни. Страх остаться без воздуха угнетал девушку...

Вопрос разрешился без ее вмешательства. Прикосновение к руке заставило Джоан обернуться, и она оказалась лицом к лицу не с машиной, а с человеком. Она уставилась на него, не шевеля ни единым мускулом.

Человек не носил защитной одежды, он был облачен в шорты из какого-то собранного в складку блестящего материала, стянутого на талии узорным металлическим поясом. Кожа у него была красноватого оттенка, грудь — широкая и мощная, но ростом человек лишь чуть-чуть превышал девушку. Голова его под шапкой черных волос привлекала внимание своими необычными размерами, а уши, хотя и не казались уродливыми и не были оттопырены, выглядели крупнее, чем у любого землянина. Необычность остальных черт лица состояла лишь в изяществе без намека на слабость и правильности без утраты характерности. На нее чуть меланхолично смотрели темные проницательные глаза.

Странное создание, подумала она, но не лишенное своеобразного обаяния... Покуда она смотрела, в уголках его глаз образовались легкие морщинки, а рот раздвинулся в дружеской улыбке. Неверно говорить о нем, решила девушка, как о «странном создании»...

Он поднял руку и сделал знак, что ей следует снять кислородную маску, она заколебалась. Возможно, для него тут достаточно безопасно, но вместимость ее легких куда меньше по сравнению с теми, что располагались под его широкой грудью. Марсианин настойчиво повторил свой знак, показывая на двери, через которые она вошла. Ей впервые пришло в голову, что назначение этих съезжающихся дверей то же самое, что у шлюза. Джоан осторожно приподняла маску. Она почувствовала, что воздух в здании не только плотнее, но и теплее, чем снаружи. Девушка со вздохом облегчения стянула маску. Теперь настала очередь незнакомца пристально разглядывать, а ей — отвечать дружеской улыбкой. Он заговорил. Джоан догадалась, что он употребляет тот же язык, что и машины, но голос у него оказался звучным и приятным. По-прежнему улы-

баясь, она покачала головой, но этот жест был ему явно незнаком. Девушка нетерпеливо рванула застежку своего комбинезона и порылась в карманах. Ни ручки, ни карандаша, но среди прочих женских принадлежностей, почти не используемых во время полета, она нашла помаду. Сгодится, решила она. Присев, она объяснила затруднение карминными знаками на полу. Незнакомец понял. Он взял у нее помаду и написал указание следовать за ним.

Глава восемнадцатая
НОВОПРИБЫВШИЕ

Солнце опустилось ниже, и тени простерли по пустыне длинные исковерканные пальцы, словно темные силы протягивали руки, норовя вцепиться в эту землю. Пустыня и небо окрасились алым светом, и даже кусты на западе на несколько коротких минут утратили свою мрачность и преобразились в сполохах огня. Последний краешек солнца скрылся за вершинами; между колышущихся ветвей сочились красные блестки, а затем наступила ночь. Даже сквозь свои термокомбинезоны астронавты с «Глории Мунди» ощутили расползающийся по марсианским пескам холод.

Четыре раза машины шли в самоубийственную атаку, и четырежды отступали, чтобы заново экипироваться частями павших. Теперь неактивные, но зловещие машины замерли — ряд гротескных фигур в виде неясных силуэтов на фоне темнеющего неба.

Астронавты устали. Нечеловечность врагов, их сверхъестественность и неизвестные возможности надломили ту силу духа, которая не покинула бы их перед лицом обычных опасностей. Рассудок людей, казалось, колебался между презрением к жалким неуправляемым механизмам и страхом перед неизвестностью. Переплет, в который они попали, действовал на нервы.

— Черт бы побрал эти штуки! — пробормотал доктор.— По-моему, они знают, что нам некуда деваться. Они всего лишь машины. Им не нужно ни есть, ни пить, а если и нужен воздух, то для них его тут достаточно. Стоя на месте,

не расходуя никакого горючего — что бы там ни служило горючим! — они могут хоть век проторчать, если охота. А мы рано или поздно должны вернуться на корабль — и, черт их побери, они знают, что мы должны двинуться к ракете.

— Нет смысла взвинчивать себя,— коротко посоветовал Дейл.— Мы можем протянуть еще немало часов. А до той поры может измениться многое.

— На планете, способной производить подобные штуки, может случиться все, что угодно,— согласился Фрауд.— Сколько в этих краях длится ночь?

— Немногим дольше, чем дома. Мы недалеко от экватора.

Из-за неровного горизонта выскользнула первая луна, Деймос, и песок под ее лучами сделался серебряным. Отполированный корпус корабля выглядел таким близким, но ряды машин блестели, вытянувшись поперек. Лунный свет, казалось, придавал их металлическим фигурам еще более безжалостный вид, а резкие тени выглядели еще более странными, чем оригиналы. Земляне молча лежали на вершине бархана и дружно ломали головы, пытаясь придумать хоть какой-то план. Прошло почти два часа, и ночь стала еще светлее.

— Господи, ну разве это не прекрасно? — восхитился Фрауд.

По небу мчалась вторая луна, Фобос, догоняя Деймос.

— Какая там скорость! — на Дугана это зрелище произвело меньшее впечатление.— Вы бы тоже показали скорость, если бы захотели обогнуть планету за семь с половиной часов,— отозвался он.

Дейл внезапно поднялся на ноги.

— С меня хватит. Я собираюсь прорваться к кораблю. Можете меня прикрыть. Эти машины, должно быть, на ночь отключились. С тех пор как солнце зашло, они не двигались.

Но он ошибся. Не успел он пройти и дюжины ярдов, как ряды зашевелились, негромко лязгая в разряженном воздухе. Дейл заколебался и сделал еще пару шагов.

— Назад,— позвал Дуган.— Ты не сможешь соревноваться с ними в скорости на такой дистанции.

Дейл признал, что это верно. Даже при пониженной гравитации ему не убежать от щупалец, которые будут хватать его. Он неохотно вернулся обратно.

Фобос настиг своего лунного собрата и исчез. Вскоре и Деймос заглядывал за горизонт на другую сторону мира. В наступившем сумраке машины стали почти неразличимы. Четверо астронавтов полагались на свой слух, который предупредит о первом же движении противника. Они страдали от голода и жажды — особенно от жажды. Вода в их флягах давным-давно иссякла, от их единственной еды, твердых плиток шоколада, желание пить лишь усиливалось. Около часа никто из них не произнес ни слова.

— Выход только один,— сказал, наконец, Дейл.— Нам самим придется их атаковать. Если не иссякнут боеприпасы, то у нас, возможно, есть шанс. В любом случае лучше прорываться, чем сидеть на месте. Приказ будет такой: «Стрелять по линзам и держаться подальше от щупалец».

Он сам в душе не сомневался, что предлагает почти невозможное, но, выбирая между быстрым концом и затяжной смертью от удушья, предпочитал для себя и своих людей первое.

— Вы, Дуган и Фрауд, займете фланги.

— Погодите! Что это? — Доктор чуть склонил голову набок, прислушиваясь. Звук уловили и другие. Глухой гул становился с каждой секундой все громче. По их прикидкам, он раздавался где-то за каналом. Очевидно, мембраны машин тоже уловили его. Видно было, как зашевелилась их линия.

На западе появились отблески красного света. Гул быстро нарастал, переходя в громовой рев. Дуган первым увидел, как это подействовало на машины. Он опустил взгляд как раз вовремя, чтобы заметить, что они удирают, скрываясь в кустах.

— Вот наш шанс,— выкрикнул он и, увлекая за собой остальных, побежал вниз по ближайшему к «Глории Мунди» склону бархана.

Шум превратился в громовой оглушительный грохот. Что бы там ни громыхало в вышине, казалось, оно несется прямо на них. Дейл и Фрауд рухнули на песок, прижав

ладони к ушам, и миг спустя остальные сделали то же самое. Весь мир, казалось, дрожал от этого звука, который словно раскалывал надвое само небо. Грохот нарастал до тех пор, пока не показалось, что громче уже и быть не может. По небу протянулся шлейф пламени, похожий на длинное огненное знамя, озаряя пустыню странным неестественным светом. Земля дрожала. Внезапно грохот прекратился, оставив потрясающую тишину. Над песком прокатилось опаляющее дыхание, столь же жаркое, как само пламя. За ним последовал порыв прохладного воздуха, поднимая миниатюрную песчаную бурю. Фрауд перевернулся на бок и, прищурившись, посмотрел на Дейла сквозь пыль. Капитан временно оглох и, хотя видел, как шевелятся губы Фрауда, расслышать ничего не смог. Но он угадал вопрос.

— Это,— проорал в ответ он,— была другая ракета.

Дейл выглянул в иллюминатор. Вторая ракета лежала милях в двух, ее хвостовая часть едва виднелась над изгибом бархана.

— Но откуда, черт подери, она взялась? — спросил он приблизительно в десятый раз, не адресуя вопрос никому конкретно.

Их четверка вернулась целой и невредимой и собралась в жилом отсеке. «Глория Мунди» не пострадала. Машины, которые кружили вокруг, либо не смогли ее открыть, либо оказались достаточно нелюбопытными и удовлетворились внешним осмотром. А у экипажа желание узнать, кто же прибыл на Марс вслед за ними, боролось с желанием спать. В любом случае придется подождать, так как кислородные баллоны нуждались в перезарядке. В обычных условиях этот процесс был бы задачей Бернса, но теперь его обязанности выпадали на долю Дугана.

— Видит небо,— сказал Фрауд,— она побольше «Глории Мунди», верно?

— Трудно сказать. Возможно, она ближе, чем кажется. Расстояние здесь чертовски обманчиво.

К ним присоединился доктор.

— Что дальше? — спросил он.— Ищем Джоан или же обследуем чужака?

Дейл нахмурился.

— Будь у нас хоть какой-то след, я бы сказал — искать девушку, а без него что мы можем поделать? У нас нет ни малейшего представления о том, что с ней случилось, мы не смеем разделиться для поисков. Фактически, нам нельзя рисковать, чтобы искать ее вчетвером. Честно говоря, мне думается, что почти нет шансов найти ее.

— Понимаю,— медленно кивнул доктор.— Вы думаете, что с ней стряслось то же, что и с Бернсом?

— Боюсь чего-то в этом роде.

Все уставились на негостеприимную пустыню, избегая встречаться взглядами.

— Очень храбрая леди. Я рад, что она оказалась права,— сказал доктор.

Наступило долгое молчание, прежде чем Фрауд произнес с непривычной неуверенностью:

— Могу предложить другое решение. Вместо того чтобы, как выражается док, обследовать чужака, пускай чужаки обследуют нас. Честно говоря, я начинаю чувствовать, что это местечко куда более опасное, чем мы полагали прежде. Оно, определенно, не такое пустое, как мы думали. Мне кажется, что если кого-то и застигнут на открытой местности машины, то куда лучше, если это окажутся другие ребята.

Дейл заколебался. Ему страстно хотелось побольше узнать о другой ракете, однако Фрауд провел верный анализ ситуации.

— Думаешь, машины вернуться?

— Если их заинтересовало прибытие одной ракеты, то прибытие двух должно заинтересовать еще больше,— предположил Фрауд.

Доктор поддержал его:

— Не вижу оснований подвергать себя ненужному риску. В конце концов, если мы не вернемся домой, то от нашей экспедиции не будет никакой пользы.

— А ты, Дуган, что думаешь? — спросил Дейл.

Дуган оглянулся, по-прежнему не отрывая руки от вентиля подзарядки кислорода.

— Мне все равно. Знаю одно: я хочу вернуться на Землю. И хочу сказать всем, кто смеялся над Джоан и ее отцом, что те были не правы. Сейчас все зависит от того, есть ли у нас хоть какой-то шанс вернуться, не так ли?

— В смысле?

— Ну, у нас небольшой запас горючего, а добавочный вес Джоан заставил нас израсходовать больше, чем мы рассчитывали. Хватит ли его, чтобы забрать нас домой и затормозить, когда мы доберемся туда?

Все посмотрели на Дейла. Тот медленно ответил.

— Думаю, хватит. Сами знаете, сюда прилетело шестеро, а возвращаться, похоже, придется четверым. Кроме того, мы можем выкинуть за борт изрядное количество тяжелых вещей, таких, как винтовки и боеприпасы. После того, как взлетим, они нам будут больше не нужны.

Дуган кивнул.

— Об этом я не подумал. Ну, тогда я согласен с Фраудом и доком. Пусть ребята из другой ракеты приходят посмотреть на нас, если есть охота.

Несколько часов спустя Дейл все еще сидел у иллюминатора, нес вахту. Иной раз он завистливо поглядывал на спутников. Он тоже желал бы прилечь и поспать, но знал, что все равно не сможет заснуть, пока не решена проблема с другим кораблем. Возможно, что это местный марсианский корабль, но как-то не верилось в эту перспективу. Ракета предназначалась для космических полетов, в этом не приходилось сомневаться. Иначе у нее имелись бы крылья, большие крылья для такого-то разряженного воздуха. Не была ли это ракета, гадал он, марсианским космическим кораблем, вернувшимся домой с другой планеты, возможно, с Земли? Рассказ Джоан доказывал, что этот мир успешно отправил на Землю, по крайней мере, одного посланца. Ему страстно хотелось бы убедиться, что это так. Но что-то в затылочной части мозга настойчиво твердило то, во что ему меньше всего хотелось верить: этот корабль последовал за «Глорией Мунди» с Земли.

Именно этот страх и не давал ему спать.

Они стали первой экспедицией, достигшей Марса, но это еще полдела. Он должен быть первым, кто расскажет Земле о Марсе. Лидером первой успешной межпланетной

экспедиции в мировой истории. Дейл Кертенс, Покоритель Космоса — имя, которое никогда не забудут. А теперь он столкнулся с соперником, который способен выхватить у него бессмертие прямо из-под ног.

Будь он в состоянии, взлетел бы сию же секунду, направив «Глорию Мунди» к Земле со всей скоростью, на которую та способна. Но это было непрактично по нескольким причинам, а самая непосредственная состоит в том, что сейчас ракета лежит на боку. Прежде чем они смогут стартовать, придется установить ее вертикально.

Дейл не умел проигрывать. Он слишком часто выигрывал с того дня, когда возглавил первый экваториальный рывок вокруг света. Марсианское предприятие должно было стать венцом его карьеры. Не из-за пяти миллионов долларов — черт с ними, он потратил куда больше на постройку и горючее «Глории Мунди». Нет, это делалось ради триумфа быть не просто первым, но на какое-то время и единственным человеком, связавшим между собой планеты. Именно мысль, что другой корабль мог опередить, и держала его у иллюминатора, пока экипаж спал.

Он вновь и вновь спрашивал себя, кто же мог отправить ракету. Сотрудники фирмы Кейнца? Выходит, его все-таки неверно информировали насчет них? Разве кто-то еще в мире способен построить космический корабль?

И тут на гребне со стороны другого корабля появилось несколько черных точек. Машины или люди? Он нашел запасной бинокль и сфокусировал его. А затем торопливо подошел к спящим спутникам и растолкал их.

— Эй, просыпайтесь!

— Черт побери! — пробурчал Фрауд.— Снова марсиане вернулись?

— Нет, люди с другого корабля. Идут в нашу сторону.

Глава девятнадцатая

ВЕЙГАН

Они остановились в помещении, куда вел коридор с третьего балконного уровня. Марсианин сделал Джоан

знак оставаться здесь, и она уселась на табурет с мягким верхом, в то время как человек исчез в следующем проеме.

В ожидании она изучала помещение в нерезком свете, льющемся с потолка. Комната была обставленна с суровой простотой. Вся мебель состояла из похожих на ящики табуретов с мягким верхом; одного более массивного куба, служившего, надо думать, столом; широкого сиденья у одной из стен, которое могло быть кушеткой либо кроватью. Всю стену напротив входа занимало окно. На фоне залитого лунным светом неба она видела огромные силуэты черных зданий и между ними кусочек вытянувшейся в бесконечность пустыни.

Пол и стены были бледно-зеленого цвета. Слева располагался проем, через который вышел ее проводник, по обе стороны находились прямоугольные панели из дымчато-серого стеклообразного материала. Возможно, служат они не просто для украшения. В других стенах узкие щели очерчивали дверцы стенных шкафов. Справа, неподалеку от ложа, она заметила пульт управления с большим набором рычагов и ручек.

Помещение с неким учрежденческим душком: не то, чтобы нежилое, но безличное. Его бы обставить книжными полками, повесить одну-две картины и поместить где-нибудь цветы. Тут она посмеялась над собой — не одобрять здешнюю комнату потому, что та не похожа на комнату земного дома! Книги и картины на Марсе, наверное, имеются, а цветы... С внезапной печалью она стала гадать, сколько же долгих веков прошло с тех пор, как эта усталая старая планета вырастила свой последний цветок... Эта комната была слишком суровой, слишком утилитарной. Она лучше подходила для обитания машины, чем человека. Поневоле казалось, что именно машина тут и жила, но ее проводник так походил на человека...

Теплоизолированный комбинезон в отопляемом здании был лишним, он сковывал движения, и вернувшийся проводник застал ее, когда она пыталась раздеться. Он поставил две чашки с жидкостью на куб побольше и с любопытством уставился на нее. Ее кожаный костюм, казалось, озадачил его. Он пощупал его, пробуя текстуру, но непо-

нятно, разобрался ли. Ей подумалось, что марсианин смотрит с легким весельем, разглядывая, как она проводит расческой по волосам.

Торжественные моменты так редко оправдывают ожидания, сказала она себе. Ведь это же поворотный пункт в истории: впервые встречались люди двух планет,— а она ведет себя так, словно заскочила проведать. Подобное событие требовало одного из тех бессмертных изречений, с которым исторические персонажи встречали кризисы. А она вместо этого расчесывает волосы... А ладно, здесь нет никаких зрителей. Бессмертные фразы она сможет придумать и позже — вероятно, большинство исторических персонажей поступали точно так же. Она снова улыбнулась марсианину и взяла протянутую им чашу.

Бесцветная жидкость оказалась не водой. Она обладала легким, не поддающимся определению привкусом и густотой. Чем бы там она ни являлась, бодрящие свойства жидкости вызвали у нее чувство благополучия. Марсианин кивнул, словно удовлетворенный. Открыв одну из дверок на стене справа, он извлек два подноса, поверхность которых была покрыта чем-то вроде воска. Нацарапав на поверхности одного из них серию знаков, передал ей. Другой оставил себе. Джоан приготовилась к первому уроку устного марсианского.

Метод обучения сперва показался простым. Он будет писать слово, с которым она уже знакома, и произносить его вслух, в то время как она попытается повторить его. Девушка ожидала, что процесс превращения письменного словаря в устный не представит никаких трудностей. Она считала себя способной в самый короткий срок отбарабанить те слова, которые стояли перед ее мысленным взором. Но ее иллюзии быстро развеялись. Джоан оказалась совершенно неспособной уразуметь принципы языка. У нее в голове уже сложилось представление, что эти символы по своей природе являются фонетическими знаками. Что, например, про определенный знак можно сказать, что он обозначает «т». Первые два-три раза, когда такой знак встретился, он звучал совсем по-другому, и в слове вообще не оказалось звука «т». Как в английском «с» может про-

износиться либо «к», либо «s», а «s» — либо «с», либо «z». Марсианские буквы меняли свое звучание с намного более сбивающей с толку частотой. Более тонкие градации в гласных звуках почти ускользали от ее слуха даже после многократного повторения, но еще хуже было открытие, что многие согласные в виде незнакомых щелкающих звуков вообще невозможно воспроизвести. И никакого толку с того, что учитель сидел напротив, преувеличенно работая ртом. Он-то обучался этим языковым фокусам с ранней юности, а вот ее гортань отказывалась воспроизводить такие звуки.

Джоан почувствовала нарастающее отчаяние. Какая нелепость — она так упорно трудилась, овладевая письменной речью только для того, чтобы упереться в тупик, превращая ее в речь устную. Ее выводило из себя чувство, что она упустила какой-то важный принцип, но если его уразуметь, то все станет ясно как день. Одна беда, если такой принцип и существовал, то продолжал ускользать от нее. Чем дольше длился урок, тем глубже она увязала в болоте неправильного понимания. Ее предположения, как должны звучать написанные слова, никак не оправдывались. Всякий раз слова звучали словно наобум.

Через два часа она сидела перед своим учителем со слезами на глазах. Она могла назвать некоторые вещи в комнате: табуреты, окно, чаши на столе, этим ее успехи и ограничивались. Писать — дело медленное и утомительное, более того, она быстро открыла, насколько ограничен ее словарь. Она разгладила воск у себя на подносе и написала: «Не могу понять. Это слишком трудно»,— испытывая ощущение, что их мышление работает по разным правилам, хотя оба способны понять общие трудности. Что-то в этом же роде могло бы произойти, считала она, если бы Алиса попыталась обучить французскому языку Болванщика. Похоже, что стимулирующее действие напитка иссякло, так как она снова почувствовала усталость и желание спать.

Марсианин взял у нее поднос и прочел послание. Снова внимательно посмотрел на нее, казалось, изучая под новым углом зрения. И после паузы написал под ее словами: «Я мог бы, если хочешь, попробовать...»

Последнего слова она понять не смогла, оно было новым, но согласилась почти без колебаний. Раздраженная собственной неспособностью обучиться, но отчаянно стремясь понять марсианский язык, она почти не волновалась насчет того, к каким средствам для достижения этой цели прибегнет учитель, лишь бы они привели к успеху. Его же лицо выражало неуверенность.

«С нашими соотечественниками это, наверняка, получилось бы,— написал он,— а ваш разум может оказаться иным. Но я попробую».

Джоан позволила отвести себя к кушетке и улеглась так, как он указал. Марсианин придвинул один из табуретов и присел, впившись ей в глаза немигающим взором. Глаза его, казалось, утратили всякое выражение. Они теперь смотрели не в зрачки, а сквозь них, словно исследовали скрывавшийся за ними разум, подчиняя ее сознание и изучая самые сокровенные мысли. На мгновение Джоан охватила паника, ее чувства взбунтовались против вторжения в тайники ее души. Девушка попыталась освободиться от захвата, но его глаза сломили сопротивление, запрещая сомкнуть веки. Комната вращалась, становясь нереальной и искаженной, словно ускользала прочь. Не только комната, она сама и все вокруг ускользало. Неподвижными оставались только его глаза на потерявшем четкость очертаний лице. Пришлось уцепиться за них, как за единственную точку опоры в кружащейся вселенной.

Ей показалось, что она пробудилась ото сна, но глубоко уставшей. Его глаза все еще смотрели в ее зрачки, но взгляд утратил свою пристальность, словно отступал сам в себя. Лицо марсианина вновь сделалось отчетливым, а затем проступила обстановка комнаты. Чувство времени исказилось. Джоан не могла сказать, улеглась она на кушетку давным-давно или всего несколько минут назад. Она обернулась, за окном стояла темнота, обе луны успели закатиться. Девушка повернула голову к человеку на табурете.

— Я так устала,— сказала она.— Мне хочется спать.

— Поспишь,— сказал он. И заботливо поправил покрывавший ее плед.

И лишь когда он покинул комнату, она сообразила, что марсианин и она поняли друг друга.

Когда Джоан проснулась, он сидел рядом, протягивая чашу с той же бесцветной жидкостью, которую она пила минувшей ночью. С ясного лилового неба в комнату лились солнечные лучи. Заговорила она, лишь вернув опустевшую чашу.

— Вас зовут Вейган? — спросила Джоан, но прежде, чем он успел ответить, добавила: — Конечно же, так. Я знаю, что это так, но не понимаю — откуда я это знаю. Это странно: я теперь говорю на вашем языке, но у меня такое чувствую, словно он — мой родной. Мне не приходится задумываться, как сказать. Вы меня гипнотизировали?

— Что-то вроде того,— согласился он,— только посложнее. Я ввел вас в транс и обучил. Это трудно объяснить простыми словами. При определенных обстоятельствах можно изменить мышление. Нет, «изменить» — неподходящее слово. Это больше похоже на внесение в мозг новой области знания. Скажите, как вы себя чувствуете?

— Совершенно сбитой с толку,— улыбнулась Джоан.

— Конечно. Озадаченной, но не больше, так?

— Да,— ее охватило беспокойство.— Вы ведь ничего не сделали с моим разумом? Не совершили ничего такого, чтобы сделать меня иной? Я имею в виду, не стану ли я теперь и мыслить по-другому?

— Надеюсь, что нет. Почти уверен. Я действовал предельно осторожно. Это было очень трудно. Ваше мышление кажется менее четким, чем наше. В нем есть накладки между не связанными между собой темами и помехи балансу суждений, поэтому оно работает по-иному. Логические процессы протекают заторможено, нелогичные выводы очень часты, но тоже заторможены. Я не спешил и потратил немало времени: никому из нас не было бы пользы, если бы я испортил ваш разум.

— Я не совсем это понимаю.

— Может, лучше сказать, что ваше мышление обладает большей живостью, но хуже отрегулировано, чем наше?

— Ладно, не будем сейчас углубляться в частности. Покуда я уверена, что по-прежнему остаюсь собой, я ничего не имею против.

И, удивительное дело, она обнаружила, что и впрямь — не против. Его вторжение в ее самые сокровенные мысли не вызвало ни малейшего негодования, став свершившимся фактом. Хотя Джоан поежилась бы от такой перспективы, если бы прошлой ночью поняла его намерения. Впоследствии она не раз гадала: может быть, он предвидел ее негодование и принял меры? Например, напоил той жидкостью... Сейчас же радость от уничтожения языкового барьера с легкостью победила все прочие соображения.

Девушка желала побольше узнать о машинах, о жизни на Марсе, о марсианине и его народе. Вопросы посыпались градом, заставив его улыбнуться.

— Вы так полны рвения,— сказал он, словно извиняясь.— Так страстно желаете узнать. Должно быть, и мы были когда-то такими, только давным-давно.

— Давным-давно?

— Я хочу сказать, когда наша раса была молода. Теперь мы старые: наша планета стара. Мы прирожденные старцы по сравнению со старейшими из вас. Прилети вы спустя пару-другую веков, и, возможно, не застали бы тут никаких людей. Наша долгая история подошла бы к концу. Вы спрашиваете о жизни на Марсе. Я не знаю, что вам ответить, потому что для вас жизнь — нечто вроде обещания, тогда как для нас...— он замолчал, не в силах подобрать слов, затем нашелся: — Я вам покажу! Этот город, в котором вы находитесь, назывался... пока называется Ханно. Он самый большой из семи все еще населенных городов. Однако в нем сейчас проживает не более трех тысяч мужчин и женщин. У нас рождается все меньше и меньше детей. Наверно, это и к лучшему. Каждое поколение лишь продляет нашу агонию. У нас было славное прошлое, но славное прошлое горько для ребенка с безнадежным будущим. Вам, думающим о жизни, как о борьбе, это трудно понять.

— Но неужели вы ничего не можете поделать? — спросила Джоан.— Вы же должны столько всего знать! Разве

вы не можете выяснить, почему детей рождается меньше, и исправить это?

— Наверное, можем, но стоит ли? Вы бы пожелали родить ребенка, которого ждет пожизненное заключение, который сможет жить только в искусственных условиях, таких, как тут? Мы испробовали все, что могли. Даже создали чудовищ, почти нелюдей, которые могли жить при разряженном воздухе. Но чтобы выжить на такой планете, где больше не произрастает ничего, пригодного в пищу, нужно нечто большее, чем физическая сила. Наши чудовища оказались слишком неумны, чтобы выжить, а мы сами не приспособились физически. Та жизнь, какой она представляется вам, очень мало для нас значит. В скором времени мы исчезнем, и останутся только машины.

— Машины? — повторила Джоан.— Что такое эти машины? Это именно та загадка, которая и привела меня сюда,— она рассказала ему о машине, которая каким-то образом добралась до Земли.— Я нервничала, общаясь с ней,— призналась она,— и нервничала в окружении ваших машин прошлой ночью. Думаю, это первая реакция людей Земли на собственные машины. Некоторые не хотят иметь с машинами никаких дел, другие привыкают, но почти все чувствуют что, несмотря на все блага, в них есть нечто злое. Самое присутствие машин вынуждает нас идти теми путями, которыми мы не хотим идти. Мы ощутили это с тех пор, как впервые их завели. На тему о зле Машины было создано много книг, пьес, картин. И эта идея все еще жива, идея о том, что Машина в конечном итоге победит человека. Похоже, вы смотрите на них совсем по-другому.

— Да. Но я ведь говорил, что наше мышление работает по-разному. Наши первые машины были придуманы, чтобы преодолеть трудности, и они успешно справились с ними.

— Но ведь и наши тоже, разве не так?

— Я в этом не уверен. Когда я заглядывал прошлой ночью в ваш разум, то узнал весьма много из вашей истории. Мне показалось, что машины не справились. В истории вашей расы машины появились рано. Они не являлись необходимостью. Машины словно внезапно навязаны расе,

не сталкивавшейся с большими проблемами, более того, расе настолько первобытной, что она все еще остается в плену суеверий. Мы изобрели машину, когда это стало необходимым для выживания. Вы же заставили машину стать необходимой для вашего выживания. Нас она спасла, а вы навязали ее неготовому миру и сами не сумели к ней приспособиться.

— Но мы изменились. Сильно изменились. Весь наш кругозор совершенно не похож на взгляды наших прадедов и даже дедов. Мы признаем, что в сегодняшнем мире надо идти в ногу со временем.

— Возможно, вы изменились, но очень мало, да и то против воли. Вы, как я понимаю, типичны для своей расы, и в вас очень сильно сопротивление переменам,— он помолчал, глядя на нее чуть нахмурившись.— На Марсе,— продолжал он,— человек был самым приспособляющимся из всех одушевленных существ.

— И на Земле,— вставила она.

— Так ли? Мне кажется, что вашей расе грозит серьезная опасность. Впечатление такое, словно вы теряете способность адаптироваться. Возвышение человека и его выживание зависят от его приспособляемости. Прежние властелины мира утратили свою власть именно потому, что не смогли адаптироваться. Новые условия привели их к гибели. Вы создали новые условия, но почти не затронули свой образ жизни, чтобы приспособиться к ним. Меня мало удивляет, что вы страшитесь Машины. Хоть вы и пользуетесь ею, но пытаетесь жить жизнью ремесленников. Вы негодуете на перемены, так как подсознательно понимаете, а открыто не признаете, что изменения будут означать полный разрыв с прошлым. В ваш мир явилась новая сила, которая делает конец неизбежным. Чем же он будет — концом вашего образа жизни или и вас самих?

Джоан озадаченно посмотрела на него.

— Но не хотите же вы сказать, что надо будет отбросить все традиции? Да ведь вы сами только что говорили о вашем собственном славном прошлом.

— Традиции — полезные сорняки для связывания почвы, но когда они разрастаются слишком густо, то душат

остальные травы. Их нужно периодически выжигать. Подумайте, в каком бы положении вы сейчас находились, если бы время от времени не уничтожались традиции ваших древних рас.

Джоан какое-то время молчала, мысленно оглядываясь на вещи, практиковавшиеся прежними цивилизациями. Человеческие жертвоприношения, рабство, каннибализм, религиозная проституция, «божий суд», оставление новорожденных девочек на волю стихий и масса других почтенных обычаев в разные века. Большинство из них, как выразился Вейган, выжгли, во всяком случае, на западе. Другие отпадут со временем: война, смертная казнь, золотой фетишизм.

— Неразумно пользоваться только одним глазом, когда имеешь два,— сказал Вейган.— Поднятые вами проблемы следует изучать, используя все возможности интеллекта, нельзя, чтобы они решались сами собой.

— Ваш народ некогда сталкивался с похожими проблемами? — спросила она.

— У нас дело обстояло по-иному. Наши машины внесли в дезорганизованный мир порядок. А ваши сделали нечто прямо противоположное.

— Думаю, что я понимаю. Но что же такое эти ваши странные механизмы? Они ни в чем не похожи на наши. Похоже, они самостоятельно мыслят.

— А почему бы им этого не делать?

— Не знаю, просто это кажется мне фантастичным. Именно разум и служило темой тех сочинений, о которых я вам говорила. И я нахожу разум машин пугающим. Ваши машины правят вами или вы правите ими?

Ее слова сперва озадачили Вейгана, а потом позабавили.

— Вы твердо решили, что между человеком и машиной существует антагонизм. Вы их не понимаете. Именно ваше упорство в неправильном обращении с машинами и заставляет вас бояться их. Почему, собственно, обязателен антагонизм? Было время, когда машины не могли существовать без нас, равно как и мы без них. Теперь положение изменилось, но сотрудничество продолжается. Несомненно, если бы они пожелали, то могли бы положить нам

конец, но с какой стати им это делать? Мы обречены, а они продолжат путь.

— Вы хотите сказать, что они вас переживут? — недоверчиво переспросила Джоан.

— Определенно, переживут. Думаю, если вы копнете поглубже и вникните в мотивы, то обнаружите, что главная причина, по которой мы не совершили самоубийства и не вымерли от обескураживающей бесплодности существования, это наша вера в машины. Много тысяч лет мы боролись с Природой и оставались при своих, но она, наконец, взяла верх. Она сметает нас, как смела всех остальных в свою огромную мусорную кучу, где на окаменелостях миллиона веков истлевают кости динозавров. Какой от нас был толк? Похоже, никакого, и все же... нет, разум не приемлет бессмысленности. Вот и не исчезает эта, возможно, нелогичная мысль о некой цели существования... Но физически мы уже не способны выживать.

Для любого другого вида животных это означало бы вымирание, но у нас есть то, чего никогда не было у других существ — интеллект. Это и есть наш последний трюк. Наш интеллект все-таки не умрет. Машины — такие же истинные дети нашего интеллекта, как вы — дитя из тела своей матери. Они — следующий шаг в эволюции, мы передаем эстафету.

— Эволюция! Но эволюция — это постепенное видоизменение. Невозможно эволюционировать из плоти в металл.

— Вы так думаете? Потому что до сих пор дело обстояло именно так? Но вы упускаете из виду фактор, которого никогда не было в эволюции, пока не появились мы — опять-таки интеллект. Это величайший фактор из всех, и он производит величайшее изменение.

— Но что такое машина? — возразила Джоан.— Почему следует продолжаться в облике машины? Она не живая, у нее нет души, она не может любить. С какой стати путь должен продолжать какой-то набор металлических частей?

— А с какой стати путь должен продолжать какой-то набор химических частей? Вы не понимаете наших ма-

шин. Сущность жизни в них такая же, как и в вас. Возможно, это слегка иная форма жизни, но нельзя же судить только по внешнему виду. В конце концов если человек снаряжен четырьмя искусственными конечностями из металла, если ему нужны очки для того, чтобы видеть, приборы, чтобы слышать, а вставные зубы, чтобы питаться, он все же живой. В корпусах машин существует своего рода жизнь. Ну, а то, что скелеты у них из металла, а не из кальция, значения не имеет. Что же касается любви... А амеба любит? А рыбы любят? Но они продолжают путь — они воспроизводятся. Любовь — это просто наш механизм продления рода; у рыб он другой, а у машины — иной.

— Машина со стремлением к воспроизводству! — Джоан не смогла удержаться от саркастического тона.

— А почему бы и нет?

— Но она же металл — не плоть и кровь.

— А дерево — древесина, но оно воспроизводится. У продления рода есть более глубокая причина, чем зов плоти к плоти — будь иначе, наша раса давно бы пришла в упадок от связанных с размножением неудобств. Нас ведет воля к власти, а любовь — самая скромная служанка ее.

— И у ваших машин есть эта воля к власти?

— Как вы можете в этом сомневаться? Подумайте о непреклонности машин; прибавьте к этому интеллект и прикиньте, что может устоять перед их волей?

Джоан пожала плечами. И, поколебавшись, сказала:

— Я не могу по-настоящему понять. Наши машины совершенно иные. Мне трудно уразуметь голую идею мыслящей машины.

— Вы так недавно открыли для себя машину, у вас еще нет никакой идеи о том, что именно вы нашли.

— Мы продвинулись достаточно далеко, чтобы построить машину, которая смогла привезти нас сюда...

Она внезапно умолкла. За эти часы она совершенно забыла о своих спутниках с «Глории Мунди». В последний раз она видела их, когда астронавты стояли обезоруженными около канала, а Бернс уводил ее прочь. С приливом

нарастающего беспокойства она принялась гадать, что с ними сталось. Не пали ли они жертвами тех штук, что двигались в кустах? Снова обратившись к Вейгану, она спросила, не очень-то надеясь на ответ, нет ли у него новостей о землянах. Ее тон заставил его улыбнулся.

— Конечно. Если хотите, я покажу вам их.

— Покажете?

Он щелкнул выключателем на пульте. Одна из серых панелей осветилась, делаясь полупрозрачной. Оказалось, что это телеэкран. Сцена выглядела смазанной, но когда он поработал с управлением, стала четкой и устойчивой. Казалось, будто смотришь откуда-то с огромной высоты на пустыню, кустарник и часть канала. В одном углу экрана поблескивал серебристый пулевидный силуэт. Марсианин еще что-то подрегулировал. С головокружительным эффектом, как будто она падала вниз, Джоан наблюдала за тем, как увеличивается ракета, пока та не заполнила собой весь экран. Девушка нахмурилась: ракета выглядела как-то не так. Может быть, дело в странном эффекте перспективы? Вейган поманипулировал, пейзаж сдвинулся, словно наблюдатель медленно обходил вокруг корабля. Джоан недоумевала, но не проронила ни слова, пока не увидела противоположную сторону ракеты.

— Но это не «Глория Мунди»,— заявила она.— На ней какие-то незнакомые буквы; я не могу их прочесть. Не понимаю, что случилось.

Вейган недоверчиво посмотрел на нее.

— Минутку! — он нажал еще одну кнопку.

Из динамика раздался металлический голос. Вейган задал вопрос и внимательно выслушал ответ. И снова повернулся к Джоан.

— Они говорят, что за два часа до рассвета совершила посадку еще одна ракета.

— Тогда это, должно быть, она. Но где же тогда наша?

Марсианин пробежался по другим кнопкам. На экране они увидели пустыню с большой высоты. Местность, казалось, медленно двигалась под ними. В поле зрения появился второй серебряный снаряд.

— Вот она,— быстро сказала Джоан.

Снова возникло жуткое ощущение падения. На этот раз она смогла прочесть «Глория Мунди», написанное заглавными буквами как раз за иллюминаторами кабины. Сквозь оплавленный кварц иллюминатора она даже сумела различать черты Дейла. Тот внимательно приглядывался к чему-то, находящемуся вне поля зрения. Прежде чем она успела это предложить, Вейган переключил управление и показал группу людей, идущих по песку той странной походкой, которую вызывала низкая гравитация. Она заметила, что кислородные маски на них незнакомого типа и в руках у них винтовки иной системы.

— Это люди с другого корабля,— сказала она.

— Похоже, ваши друзья не рады их видеть,— заметил он.

Картинка на экране снова изменилась. Появился знакомый жилой отсек «Глории Мунди», так что Джоан могла почти поверить, будто сидит там. Она увидела спину Дейла, тот стоял, глядя в иллюминатор. Доктор протирал глаза и зевал. Дуган достал из рундука пистолет и заряжал обойму патронами. Фрауд установил кинокамеру у свободного иллюминатора. Он пытался помешать треноге разъезжаться по металлическому полу и одновременно работать с камерой..

— Мы их послушаем, и вы будете переводить мне, что они говорят,— предложил Вейган. И нажал очередную кнопочку.

В комнату ворвался взрыв возмущенной брани Фрауда.

Вейган выглядел пораженным.

— Что это было? — спросил он.

Джоан рассмеялась.

— Боюсь, совершенно непереводимое. Бедняжка! Как я, должно быть, сковывала его стиль все эти недели.

Глава двадцатая
КАРАМИНОВ ДЕЛАЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

— И чтобы этой проклятой штуке гореть в аду! — выразил горячую надежду Фрауд. Он дико озирался в поисках вдохновения и на глаза ему попался доктор.

— Сюда, док, кончайте физзарядку и, Бога ради, подержите эту чертову хреновину, пока я с ней работаю. Должен снять этих ребят, кем бы они там ни были.

Доктор любезно просеменил к нему и крепко ухватился за треногу. Фрауд занялся регулировкой фокуса и диафрагмы объектива. Дуган сунул заряженный пистолет в карман и присоединился к ним.

— Как по-вашему, кто это, черт возьми, такие? — спросил он. Вопрос был адресован Дейлу, но ответил Фрауд.

— Ну, можно точно сказать, кем они быть не могут, а именно — марсианами. Видите, они постоянно чуть не валятся друг на друга? Интересно, неужели и мы сперва выглядели так чертовски глупо? — гадал он, приводя в действие камеру.

Приближающаяся группа остановилась в сотне ярдов и, похоже, совещалась. Предводителем этой шестерки явно был самый высокий. Они наблюдали за тем, как он поднял руку и показал на установленный Дейлом «Юнион Джек». Он отпустил какое-то замечание, которое позабавило остальных. Наблюдая за ними, Дейл нахмурился не столько из-за их действий, сколько из-за своей неспособности опознать предводителя. Он больше не сомневался в том, что вторая ракета тоже прилетела с Земли, а совершить такой перелет могло лишь ограниченное число людей. Невероятно, что он никогда не встречал этого человека или не видел его фотографий. Но лица всех шестерых закрывали кислородные маски с очками, и узнать кого-либо было затруднительно.

Группа снова неуклюже двинулась к ракете, направляясь к иллюминатору с камерой. В жилом отсеке «Глории Мунди» царила тишина. Фрауд ее нарушил.

— Это должно стать хорошим снимком: «Марш марсианских пугал»,— сказал он.

В нескольких шагах от ракеты незнакомцы снова остановились. Удалось разглядеть блеск глаз за стеклами масок, но опознать людей никак не получалось. Предводитель смотрел на Дейла. Он делал знаки, показывая сперва на себя, а потом на «Глорию Мунди». Дейл поколебался, а затем поднял три пальца и кивнул, показывая местонахождение входа. И повернулся к Дугану.

— Присмотри за шлюзом, но впусти для начала не больше трех.

Дуган прошел через отсек и потянул за рычаг, открывая наружную дверь. Загоревшаяся лампочка сообщила, что в шлюз кто-то вошел. Он толкнул рычаг обратно, покрутил штурвал запорного крана и проследил за тем, как стрелка на циферблате указателя давления поехала из района семи обратно к нормальным пятнадцати фунтам. Фрауд развернул камеру и вновь установил ее.

— Это,— заметил он никак не реагирующему Дейлу,— тот случай, когда тебе надо шагнуть вперед и сказать с веселой улыбкой: «Доктор Ливингстон, я полагаю...»[1]

Внутренняя дверь шлюза распахнулась, и вошел высокий предводитель, слегка нагнувшись, чтобы не задеть головой косяк. В отсеке он выпрямился, а затем поднял руку и снял маску, открыв под ней длинное, загорелое лицо. Его черные, глубоко посаженые глаза внимательно следили за Дейлом, когда тот кивнул в знак приветствия.

— Здравствуйте, мистер Кертенс,— сказал он.

Говорил он по-английски достаточно хорошо, но без интонаций, словно механически.

— Хэлло, Фрауд,— кивнул он журналисту.

Фрауд разинул рот, моргнул и быстро взял себя в руки.

— Ну! И! Дела! — заметил он.

— Вы могли бы меня представить,— предложил высокий.

— Конечно. Джентльмены, разрешите представить вам товарища Караминова, он комиссар...— Фрауд оборвал фразу.— А чего вы в данный момент комиссар? — осведомился он.

Высокий пожал плечами.

— Полагаю, в настоящее время вы можете сказать — комиссар без портфеля. А со временем, будем надеяться, комиссар по межпланетным делам.

— Что ж,— спокойно произнес Фрауд,— ваши надежды никогда не бывали скромными, не так ли, Караминов?

---

[1] Фрауд цитирует слова своего коллеги Г. М. Стенли, когда тот нашел, наконец, пропавшего без вести в Африке Дэвида Ливингстона, знаменитого путешественника.

Помните тот раз, когда мы с вами повстречались в Горках? Если я правильно помню, вы тогда надеялись стать комиссаром североамериканского континента.

— Знаю. Нас ввели в заблуждение. Эта страна все еще слишком буржуазна, но улучшается. Скоро она станет советской.

Дейл выступил вперед и грубо спросил:

— Мы так понимаем, что вы командир корабля, посланного сюда российским правительством?

— Именно так, мистер Кертенс. Корабля СССР «Товарищ».

— «Товарищ»! Но ведь ваше правительство недвусмысленно опровергло слухи о его существовании.

— Да, нам это показалось благоразумным. В конце концов это ведь наше личное дело. Американцы тоже умалчивали о своем корабле.

Экипаж «Глории Мунди» глупо уставился на него.

— Американцы! Бог милостивый! Не хотите же вы сказать, что и у них тоже есть ракета?

— Ну, разумеется! Фирмы Кейнца. Похоже, вы располагали не совсем полной информацией, мистер Кертенс.

— Но...— Дейлу не хватало слов. Он стоял, лишенный дара речи, уставясь на русского.

— Похоже, ракеты посыплются градом. Большое разочарование,— заключил Фрауд.— Скажите, Караминов, сколько их еще?

Русский покачал головой.

— Больше никаких. С немецкой произошел... э-э... несчастный случай. Возможно, вы о нем читали: об этом сообщили, как о взрыве на фабрике по производству боеприпасов. Вероятно, она была бы наилучшей из всех. Немцы, знаете ли, очень умны и очень хотят добыть себе колонии.

— И поэтому там произошел... э-э... несчастный случай? Гм, Дейлу еле-еле удалось сорвать... э-э... несчастный случай с «Глорией Мунди». Очень интересно.

Наступила пауза, во время которой Караминов представил двух других русских. И добавил:

— А теперь нам, думаю, необходимо кое-что обсудить.

— Минутку,— вмешался Фрауд.— Меня чуточку озадачивает несколько вещей. Вы стартовали после нас?

— На день-другой позже.

— И, имея на выбор миллионы квадратных миль планеты, вам повезло совершить посадку по соседству с нами?

— О, везение тут ни при чем,— русский подчеркнуто покачал головой.— Мы следили за вами в телескопы. Увидели пламя ваших дюз, когда вы совершали посадку, и отметили это место. А потом немного задержались.

— Вы что?..— выпалил Дуган.

— Задержались.

Дуган уставился сперва на него, а затем на Дейла. Оба они знали, что «Глория Мунди» никак не смогла бы выполнить такой маневр. В голосе Дугана появился невольный оттенок уважения, когда он сказал:

— Должно быть, ваш «Товарищ» чудесный корабль.

— Да,— самодовольно подтвердил Караминов.

Возникла пауза. Караминов подошел к западному иллюминатору и задумчиво выглянул наружу. Мрачноватые кусты колыхали своей бумажной листвой, а легкий ветерок поднимал столбики красноватой пыли, но его глаза смотрели на другое. Он изучал взглядом чисто земное явление — развевающийся на флагштоке «Юнион Джек».

— Я вижу, вы, что называется, застолбили свои права на территорию,— сказал он, поворачиваясь лицом к Дейлу.

— Властью, данной мне Ее Величеством, я аннексировал эту территорию, присоединив ее к Британскому Содружеству Наций,— уведомил его не без легкой напыщенности Дейл.

— Ну и ну! Всю планету? Полагаю, именно так. В территориальных делах англичане отнюдь не отличаются скромностью.

— Вы бы сделали то же самое, окажись здесь первыми,— нетерпеливо вмешался Дуган.— Но вам не повезло, вот и все.

Караминов улыбнулся. И насмешливым тоном заметил:

— Изумляет меня этот английский человек действия. Он наделен уникальным даром — жить одновременно и в

двадцатом, и в семнадцатом веках. Технически он передовой, а социально — или мне следует сказать антисоциально? — он триста лет пребывает в застое. Мне совсем не нужно напрягать воображение, чтобы представить себе, как какой-нибудь Кертенс в тысяча шестьсот лохматом году всаживает флаг в землю какого-либо острова в Тихом океане и отдает ему честь с теми же словами, какие, должно быть, употребил здесь современный мистер Кертенс — только, конечно, со словом «Империя» вместо «Содружество».

— Ну, а почему бы и нет? Это прекрасная традиция,— огрызнулся Дуган с неясным негодованием на тон русского.— Она создала самую прекрасную в мире империю.

— Согласен. Но и у римлян тоже некогда была самая прекрасная в мире империя, как раньше у греков и у ассирийцев. Все они стали достоянием истории, как и Британская Империя. Неужели вы не понимаете, что эта нахальная аннексия собственности давно вышла из моды? Ваш метод не что иное, как причудливый анахронизм. Вы действительно думаете, что ваше суверенное право будет признано просто потому, что вы воткнули здесь флаг? Что другие народы Земли будут сидеть сложа руки и позволят вам забрать планету и делать с ней все, что вам заблагорассудится? Беда с вами, англичанами, в том, что вы всегда думаете, будто играете в какую-то игру, правила которой вы удобно составили сами.

Тут впервые с тех пор, как впустили русских, заговорил доктор.

— А вы, надо полагать, свободны от этого буржуазного идеала империализма?

— Я нахожусь здесь не для того, чтобы аннексировать и завоевывать, если вы это имеете в виду.

— Тогда для чего именно вы здесь находитесь?

— Я нахожусь здесь, чтобы помешать завоеванию; предложить гражданам Марса объединиться с Советскими Социалистическими Республиками и заключить оборонительный союз против капиталистических государств, которые...— он внезапно оборвал речь и прожег взглядом журналиста.— Вы находите что-то забавным? — холодно осведомился он.

Фрауд подавил смех и вытер глаза.

— Вы тоже найдете это смешным, когда увидите здешних «граждан»,— с трудом выговорил он.— Горю желанием услышать, как вы будете обучать одного из встреченных нами прошлой ночью друзей петь «Интернационал». Но не обращайте на меня внимания. Продолжайте.

Тут встрял доктор:

— Полагаю, я весьма туп, но разница между нашими миссиями, кажется, состоит, главным образом, в терминах. Она сводится к выбору союза с нами или Советами.

— Если вы не видите разницы между объединением с нами и подчинением власти империалистических и капиталистических интересов, то вы, должно быть, как вы сами говорите, весьма тупы.

Доктор немного подумал.

— Ладно, допустим, что я туп. Так вот, что же вы предлагаете?

Прежде чем Караминов успел ответить, в разговор вступил Дейл.

— Не понимаю, зачем нам нужно затягивать эту бесполезную дискуссию. Факты совершенно очевидны. Я первый предъявил претензии на эту территорию. И другие страны, за исключением Советов, естественно, признают их.

Русский изучал его задумчивым взглядом.

— Именно такого рода утверждения и стяжали англичанам славу людей коварных. Никто другой никогда бы не смог поверить, что такое простодушие — искреннее. «Будь англичанин столь бесхитростным, то почему он еще существует на свете?» — спрашивают они. Приходится признать, что это — загадка, и принять ее, как принимают другие причуды природы. Вижу, что вы искренне верите в то, что говорите.

— Вы думаете, что другие страны осмелятся оспаривать наши претензии? У них нет для этого ни малейших оснований.

— Но, дорогой мой, зачем им нужны какие-то основания? Кто выдумал правила этой игры? Тот факт, что они хотят получить здесь территории, вполне достаточное ос-

нование. Знаете, на самом-то деле за последние несколько веков одним из самых обескураживающих для дальновидных и проницательных людей зрелищ было, должно быть, наблюдение, как англичане бодро совершают по всему свету одну грубую ошибку за другой, и идут от успеха к успеху благодаря комбинации случайностей и веры в собственную непогрешимость. Просто чудо, что перед лицом такого везения все еще может существовать идея плановой, разумной цивилизации.

И теперь, просто потому, что вы прибыли сюда на несколько часов раньше нас, вы совершенно искренне полагаете себя вправе претендовать на все минеральные богатства, какими может обладать эта планета.

— Именно так,— заявили чуть ли не хором Дейл и Дуган.

Караминов повернулся и посмотрел на своих спутников.

— Разве я не говорил вам, как все будет? — с улыбкой спросил он.

Один из них быстро ответил ему по-русски. Караминов перевел.

— Товарищу Васильеву надоело. Он желает, чтобы мы... э-э... кончали треп.

— Товарищ Васильев — человек разумный,— одобрил доктор.— Выкладывайте свои карты.

— Выложу. Они следующие. На эту землю не должно выдвигаться никаких территориальных претензий: никаким государством, правительством или группой лиц. В тех полезных обменах, какие могут быть совершены между Землей и Марсом, никакое государство не будет получать льготного режима. Такая коммерция будет находиться под прямым контролем правительства, и не будет открыта для эксплуатации частными лицами. Марс сохранит право на самоуправление и самостоятельную политику. Как во внутренних, так и во внешних делах. Будет...

— И все же,— вставил доктор,— вы намерены пригласить их объединиться с Советами? Это, кажется, едва ли совместимо...

— Если они свободным волеизъявлением выберут...

— Чертов негодяй! — выкрикнул Дуган.— Вы отлично знаете, что это будет означать правление из Москвы. Так вот что вы называете предоставлением им свободы! Надо же набраться такой дьявольской наглости!

Караминов развел руками.

— Видите,— сказал он,— даже ваш горячий юный патриот уверен, что они предпочтут присоединиться к нам.

— У них вообще не будет такого шанса. Мы притязаем на эту территорию по праву открытия, и мы намерены, черт возьми, заполучить ее.

Фрауд зевнул и подошел к иллюминатору. Несколько секунд он пристально разглядывал кустарник, а затем жестом подозвал к себе Караминова.

— Вам не кажется, что вам лучше начать переговоры с «гражданами», прежде чем формулировать конституцию? Видите вон там, в кустах, таится потенциальный товарищ?

Взгляд Караминова устремился в указанном пальцем направлении. Он смог разглядеть лишь что-то, двигающееся среди ветвей, и увидел сияние солнечного света на металле. В этот миг один из трех оставшихся снаружи «Глории Мунди» русских подбежал к иллюминатору. Он взволнованно показывал в том же направлении. Караминов кивнул и снова повернулся к остальным.

— Отлично, мы сейчас уйдем. Я дам вам знать об исходе моих переговоров, но чем бы они ни завершились, поверьте, что на этот раз англичанам не сойдет с рук захват земель.

Ему никто не ответил. Трое русских надели кислородные маски и один за другим прошли через шлюз. Экипаж «Глории Мунди» наблюдал за тем, как они воссоединились со своими спутниками. Последовал долгий взволнованный разговор с частыми жестами в сторону кустов, и группа двинулась было в этом направлении. У флагштока Дейла она задержалась. Находящиеся в ракете увидели, как Караминов поднял взгляд на флаг, а затем обернулся и посмотрел на корабль. Дыхательная маска скрывала его черты, но они догадывались, что он улыбается. Один из русских присел, чуть согнув ноги, а затем взмыл в прыжке, который на Земле был бы невозможен. Его вытянутая рука схватила флаг и сорвала его со столба.

— Проклятая свинья! — выкрикнул Дуган.

И прежде чем остальные успели его остановить, он пересек отсек и нырнул в шлюз.

Караминов вытянулся вверх, чтобы привязать к голому столбу красный флаг с белыми серпом и молотом, когда стоявший рядом русский внезапно схватил его за руку и развернул назад. Другой стремительно обернулся, стреляя с бедра по входному люку. Внешне ничуть не тронутый их действиями, Караминов закончил закреплять флаг, отступил на шаг и помахал рукой обитателям корабля, но смотрел на него в иллюминатор только Фрауд. Дейл и доктор обеспокоенно ждали у шлюза, пока сравняется давление. Дверь распахнулась, открывая взорам сидящего на полу Дугана. Лицо у него сделалось лиловым, а из ноги сочилась струйка крови.

— Глупый юный дурак,— выругался доктор.

— Рикошетом от наружной двери,— произнес, тяжело дыша, Дуган.— В ногу.

— Тебе повезло, что ты не задохнулся. Дай-ка я взгляну.

— И в эту свинью, Караминова, я тоже не попал,— охнул Дуган.

— Он не смог дотянуться очень высоко, так что его флаг развевается только на середине мачты, если это может тебя как-то утешить,— хмыкнул стоявший у иллюминатора Фрауд.— Караминов разделяет отряд. Тип, в которого ты пульнул, вместе с еще одним русским идет домой, а сам он и трое других направляются к кустам.— Внезапно он покинул иллюминатор и метнулся через отсек.— Куда задевался этот проклятый телеобъектив? Какой случай! Я должен снять, как Караминов здоровается с одушевленной жестянкой. Вот он, прямо у иллюминатора. Как мы его назовем? Глядите! Глядите, вон сейчас из кустов выходит товарищ Механизм. Ух ты!

Настойчиво застрекотал, прорываясь сквозь другие звуки, какой-то механический голос. Из-за его быстроты и резкости Джоан не смогла уловить слов, но ей думалось,

что он говорил что-то о ракете. Вейган щелкнул кнопкой, и интерьер «Глории Мунди» на экране поблек, одновременно оборвались и голоса экипажа.

— Где? — резко спросил Вейган.

Голос протараторил ряд неразборчивых указаний, услышав которые Вейган принялся снова регулировать приборы и нажимать кнопки. Экран принял однообразно-лиловый оттенок. И лишь когда по нему проплыла струйка негустого облака, Джоан сообразила, что он показывает марсианское небо. Вейган внимательно наблюдал за ним, медленно подкручивая ручки настройки. Вскоре по экрану проскользнула яркая искра, и он хмыкнул. Очевидно, он нашел то, что ему требовалось. Марсианин поманипулировал настройкой, удерживая искру в центре экрана.

— Что это? — спросила Джоан.

— Еще одна ракета вроде вашей.

— Еще одна? — она вспомнила, что говорил русский об американской ракете.

— Разве вы не можете дать ее покрупнее? — спросила она.

— Пока нет. Она слишком далеко.

Некоторое время они молча наблюдали. Искра на экране быстро выросла из точки в пылающую массу, пока ракета снижалась. Дюзы яростно работали, стараясь прервать ее падение, изрыгая струи добела раскаленного огня. Струи проносились вдоль бортов, чтобы умереть в драных шлейфах пламени за кормой. Ракета подлетала все ближе к поверхности планеты, окутанная адским пламенем, словно метеор. Казалось невозможным, чтобы в таком огне сам корабль не раскалился добела. И все же он не потерял управления. Корабль заметно снижал скорость. Но Вейган пробормотал:

— Он летит слишком быстро... Чересчур быстро...

Теперь марсианин изменил угол зрения так, что они, казалось, смотрели на ракету сверху, следуя за ее курсом. Под ней струился, смазываясь от быстрого приближения, марсианский ландшафт. На какую-то секунду ракета выскользнула за пределы картинки. Вейган подкрутил ручку

настройки и снова поймал ее в фокус. Она стремительно падала. Ее дюзы извергали огонь, словно миниатюрные вулканы, но скорость все равно оставалась громадной. Внизу проносились неразличимые от быстроты барханы. У Джоан сжались кулаки, она затаила дыхание.

— Они не могут... не смогут сесть при такой скорости! — вскричала она.— Ох!

Вейган накрыл рукой ее ладонь и ничего не сказал. Ей хотелось отгородиться от страшного зрелища, но глаза отказывались оторваться от экрана.

Корабль почти опустился. Он находился всего в нескольких сотнях футов над пустыней, все еще мчась со скоростью тысячи миль в час. Джоан тихо застонала. Теперь уже было слишком поздно. Они никак не смогут подняться, чтобы повторить посадку на втором заходе; им придется садиться. Ракета пронеслась над самыми вершинами барханов. Неизбежный конец был страшен.

Корабль коснулся песка и подскочил, крутясь и вращаясь. Он кувыркнулся в воздухе, словно планета попыталась отшвырнуть его обратно в небо. Ракета рухнула. Ее снова подбросило вверх, словно огромный вращающийся факел, сверкающий в пламени и солнечном свете. В третий раз она упала на пояс кустов, поджигая их. Подскакивая на барханах, она скользила к каналу.

Насыпь ее чуть не спасла. На какой-то неопределенный миг она заколебалась на краешке берега. А затем накренилась и соскользнула в воду... В лиловое небо поднялся огромный пенистый столб, и двести ярдов берега перестали существовать, когда она взорвалась.

Вейган смотрел, как вода хлынула в пустыню, а вдоль линии сухих кустов промчалось пламя. Но Джоан ничего этого не увидела, так как потеряла сознание.

Глава двадцать первая

ХАННО

Придя в себя, Джоан обнаружила, что рука Вейгана поддерживает ее, а другой рукой он подносит чашу с на-

питком. Одновременно он громко отдавал инструкции о ремонте прорванной дамбы и предупреждал о пожаре на берегу.

Когда у девушки открылись глаза, он обеспокоенно спросил:

— С вами все в порядке?

— Думаю, да. Глупо было с моей стороны падать в обморок. Извините.

— Это часто случается?

Она покачала головой.

— Нет. Это все из-за катастрофы при посадке.

Он посмотрел на нее так, словно ее слова его озадачили.

— Эмоции могут сделать с вами такое? — подивился он.

— Вы никогда раньше не видели, как кто-то падает в обморок?

— Никогда. У нас их не бывает.

Джоан оглянулась через плечо. Экран снова принял свой обычный дымчато-серый цвет.

— Это чудесный прибор,— сказала она.— Но мне он не нравится. Он подглядывает за людьми.

Его, казалось, удивило и позабавило, что на Земле телевизору нужен передатчик.

— Но это же крайне примитивно! Мы поступаем намного проще. Одновременно направляются два луча. Точка, где они встречаются, сфокусирована на экране. Путем сужения лучей их интенсивность увеличивается, передавая изображение объекта, если понадобится, хоть в натуральную величину. Это крайне просто.

Джоан покачала головой.

— Мне это кажется сложным. Боюсь, я не очень хорошо понимаю подобные вещи.

Он взглянул на нее и улыбнулся.

— Вы говорите так, но на самом деле намерены сказать вот что: «Я не хочу понимать подобных вещей». Почему?

— Это правда,— признала она.— Но почему, не могу объяснить. Полагаю, это инстинкт. Наверно, я ощущаю, что если буду слишком хорошо разбираться в вещах, то сама стану частью вещи, а не личностью. Я боюсь что-то

утратить, но не совсем понимаю, что именно. Или вы полагаете, что это лишь оправдание лености ума?

— Нет. Ваш разум не ленив. Но я вас не понимаю. Что можно утратить, узнав больше? Скорее, наоборот: чем больше узнаешь о каких-то вещах, тем верней подчиняешь их себе.

— Да. Я знаю, что это разумный взгляд, но инстинкт противится ему. Наверное, я унаследовала его от своих первобытных предков. Они считали, что слишком много знать опасно, и поэтому просто поклонялись всяким явлениям или принимали их как данность. Наверное, со временем мы перерастем такие взгляды. Фактически, когда дело касается чего-то, о чем мне действительно хочется узнать, вроде ваших бегающих машин, то я охотно пополняю знания.

— Скоро вы познакомитесь с машинами получше. Но сперва не объясните ли мне, о чем спорили в вашей ракете? Что все это значило, и зачем они вешали те куски цветной ткани?

— Цветной ткани? А, флаги. Это национальные символы; их выставили для предъявления прав на территорию.

— Так у вас все еще есть нации? Как странно. Нации и государства у нас были давным-давно. Наши дети даже сейчас иногда играют в нации: это фаза, через которую они проходят. Но о чем же они говорили?

Выслушал он не без веселья. Джоан посвятила его во все подробности, какие сумела припомнить из разговора между англичанами и русскими, но когда закончила, лицо его исказила тоска. Марсианин не произнес ни слова, а лишь сидел, глядя в окно и устремив невидящий взгляд в пустыню.

— Ваш народ вступит с кем-нибудь в союз? — спросила она.

— Что? Я думал не об этом. Думал о командах вашей и другой ракеты: такие люди были когда-то и у нас. А вступать в союз или нет, станут решать машины, это теперь их мир.

— «Их мир»,— повторила Джоан.— Значит, машины все-таки правят вами.

— В некотором смысле машина должна править с того мгновения, как ее пустили в ход. Приходится капитулировать перед ее высокой эффективностью, именно потому она и была создана. Но правильнее будет сказать, что мы сосуществуем.

Джоан встала.

— Можно взглянуть на ваши машины? Позвольте мне увидеть их в действии, чем бы там они ни занимались, тогда, наверное, я пойму лучше. Я все еще как следует не освоилась с идеей самостоятельной, независимой машины.

— Хорошо. Возможно, это поможет лучше понять нас и машины,— согласился Вейган.

Они покинули здание через шлюз, которым она воспользовалась предыдущей ночью. По настоянию Вейгана она надела марсианский скафандр. Тот оказался куда удобней, чем комбинезон с корабля. Тонкий серебристый материал, из которого он был сделан, отлично защищал от наружных перепадов температуры, а прозрачный шар, окружавший голову, утомлял куда меньше, чем кислородная маска. Установленные внутри мембраны могли передавать ее собственный голос и улавливать внешние шумы, и когда она пересекла порог наружных дверей, то хорошо различала звуки движения вокруг нее.

Ни один звук не преобладал. Скорее, возникал эффект слитного гула, негромкого гудения, постоянных щелчков и топота, смешивающихся с приглушенной резкостью нечеловеческих голосов. Это не был постоянный ритм механической мастерской с ее урчанием и стуком машин и не гул заполненной народом улицы на Земле, однако казалось, что присутствует нечто от обоих.

Джоан наблюдала за тем, как шестиногие машины пробегали, пересекая открытое пространство перед ней. Некоторые несли какой-то груз, другие держали щупальца свернутыми. Большинство двигалось с примерно одинаковой скоростью, хотя время от времени мимо проносилась какая-нибудь явно спешившая машина, умело выбирая извилистый путь на скорости вдвое выше средней. Джоан

следила за переплетением потоков машин, калейдоскопическим перемещением их движущихся частей. У нее захватило дух, закружилась голова. Она все ждала неразберихи, которую вызовет неизбежное столкновение, но никакой путаницы не возникало. Машины никогда не задевали друг друга, хотя никто движения их не регулировал, точность маневров восхищала. Похоже, машины не знали погрешностей. В первый раз она получила некоторое представление о том, что же ей пытался сказать Вейган.

Это были не такие машины, с какими она сталкивалась на Земле. Они не жили, во всяком случае, в ее понимании, однако не были и инертным металлом. Машины представляли собой гибрид разумного с неразумным.

Она не смогла подавить нарастающее чувство возмущения; никак не получалось побороть предубеждения и поверить, что эти монстры могут оказаться более приспособленными для выживания, чем ее собственный вид. Ей пришла в голову мысль более фантастическая, и все же более приемлемая, потому что не разбивала ее предубеждений.

— Разве у них в корпусах нет мозгов? — спросила она у Вейгана.

— Что? — он на секунду задумался.— А, понимаю, что вы имеете в виду. Нет, мы так и не смогли трансплантировать в машину человеческий мозг, хотя и пробовали. Но даже если бы это и удалось, то не принесло бы никакой пользы. Если бы этими машинами управляли человеческие мозги, столкновения были бы неизбежными. У нас недостаточно быстрая реакция. Вы зря теряете время, пытаясь мыслить антропоморфными категориями. Машины есть... машины.

Он провел ее через открытое пространство (бывшее некогда, рассказал он, садом, который не удалось сохранить, несмотря на все усилия) и свернул на одну из улиц. Джоан держалась поближе к нему, с трудом преодолевая страх, что механизмы, проносившиеся вокруг, по ошибке растопчут их. Она так и не смогла поверить, что они управляют намного лучше людей, но ей стало легче, когда заметила, что ради них двоих поток машин разделился. В скором

времени она восстановила самообладание и прислушалась к тому, что говорит Вейган.

В свое время, рассказывал он, в Ханно проживало от пяти до шести миллионов человек. Ныне машины приспособили немалую часть города для себя, в то время как остальные строения стоят пустыми. Выжившие мужчины и женщины обитали в единственном герметически непроницаемом здании.

— А где они? — перебила Джоан.— Я пока не видела никого, кроме вас. Когда я смогу увидеть остальных?

— Наверное, завтра. Они настаивают, чтобы вы прошли медицинское обследование. Ведь вы можете запросто оказаться разносчиком земных микробов, которые будут для нас смертельными.

— Но если я опасна для них, то почему не для вас?

— Кто-то ведь должен рискнуть,— он улыбнулся.— Я рад, что выбор пал на меня.

Джоан колебалась, не зная, что сказать. А затем сменила тему.

— А почему никого из них не видно на улицах?

Он объяснил, что большинство горожан никогда не покидало центрального здания.

— Мы можем, если хотим,— добавил он,— но нам редко хочется. Мы чуть ли не музейные экспонаты. Они больше не нуждаются в нас.

Она нахмурилась. «Они», очевидно, означало машины.

— Знаю, это должно казаться глупым, но я по-прежнему не могу думать по-новому. Я не понимаю, почему они не покорили и не перебили вас. И все же вы, похоже, относитесь к ним как к друзьям — почти покровительственно.

— Неужели вам непонятно, что машины не враги, а дополнение человека? Я говорю сейчас о ваших машинах. Вы явно не разобрались в том, что создали. Человечество наделено гибкостью, а машинерия — нет. Если вы не адаптируетесь к ней, то она вас покорит. Вы должны научиться управлять автомобилем, который вас возит, иначе он не станет вас слушаться,— он помолчал, а затем продолжил: — Но это применимо лишь к вам, для которых машина но-

вость. С нами же все обстоит иначе. Вы говорите, что мы относимся к ним покровительственно. Это правда. Они — наше будущее, все будущее, какое у нас есть. Разве я не говорил, что они дети наших мозгов? Они — последнее продолжение нас самих, и поэтому есть все основания гордиться, а не ревновать к ним.

У вас на Земле обстоятельства другие. У более крупной планеты более долгая жизнь. Дни вашей расы еще далеко не сочтены, и поэтому вы смотрите на машины с ревностью и страхом. Возможно, вы будете ревновать к ним до самого конца, но кончина человечества на Земле не будет похожа на его кончину на Марсе. Оттого, что наша планета мала, конец настал на раннем этапе эволюции — естественные формы жизни развиваться здесь больше не способны. Но Земля едва достигла своего среднего возраста, есть еще время для развития многих видов существ. Но может сложиться так, что вы удушите себя своими же машинами. И тогда сбудутся ваши собственные пророчества, что другое создание, биологическое или механическое — неважно, завладеет Землей и будет оглядываться на человека точно так же, как человек оглядывается на динозавров.

— Нет,— импульсивно возразила Джоан.— Человек должен быть венцом творения.

— Что за тщеславие! Говорю вам, великие Владыки Земли еще грядут. Они могут развиться из человека, но совсем необязательно. Но если и произойдут от человека, то не будут теми людьми, к каким все привыкли. Существуют перемены, всегда существуют перемены... Даже на этой умирающей планете мы — лишь орудия, которые создали новых владык. Они грядут после нас, возможно, они, в свою очередь, создадут следующих владык, которые их сменят на путях эволюции. Неужели вы действительно полагаете, что сможете неизменными противостоять Природе миллионы грядущих лет? Мы попытались, но изменились, пытаясь не меняться. А теперь убедились, что мы не более чем орудия эволюции, которая есть сама Природа. Мы говорим, что боремся с ней, в то время как выполняем ее волю — она подшутила над нами.

Вейган повел ее дальше. Он показал великолепные залы, голые и пустынные, великие библиотеки, где хранились книги, напечатанные на нетленных листах, но с выцветшими знаками. Она увидела, что множество полок, тянущихся вдаль, зияют пустотой. Машины забрали все для себя полезное: оставшиеся книги рассказывали о людях, а в них больше не нуждались. Вейган провел ее по галереям, заполненным скульптурами, которых сам никогда раньше не видел. На них наросла оседавшая век за веком пыль. Они заходили в театры, странные круглые сцены которых вот уж тысячи лет не видели актеров. Он попытался в месте, смахивавшем на кинотеатр, показать ей хотя бы мельком давний-предавний цветущий Ханно, но аппаратура проржавела и не работала. Он завел ее в зал, заполненный странными маленькими автомобилями, некогда гонявшими по улицам. Ее удивило, что все это сохранилось. На Земле город, заброшенный хоть на маленькую толику того времени, что пробыл полупустым Ханно, давно превратился бы в груды развалин. Вейган объяснил это сухостью климата, отсутствием растительности и прочностью материалов.

— Но даже при этом,— сказал он,— если посмотреть на углы зданий, то заметно, что они не такие острые, какими были. Ветер стачивает их песком, но, думаю, что в конечном итоге они переживут и ветер.

Они вышли в районы, где остались совсем одни, улицы были пусты, как здания вокруг. Это навевало меланхолию. Джоан невольно затосковала, пусть даже предыдущая активность была всего лишь суетой машин. Ей показалось, что Вейган тоже почувствовал облегчение, когда она предложила вернуться.

— А теперь я покажу вам ту часть Ханно, которая не умерла,— сказал он.

Он привел ее на фабрику, где машины делали новые машины. Она огляделась, надеясь понять, что происходит, и тщетно пыталась изменить сложившиеся стереотипы мышления. Она чувствовала, коль скоро ее разум примет идею живущей машины, как свершившийся факт, то сможет принять взгляды Вейгана. Но ее рассудок по-прежнему

пасовал. Выдвигать теорию о мыслящих машинах в жилом отсеке «Глории Мунди» — это одно дело; а вот принять ее как реальность — совсем другое. Может быть, гадала девушка, так и проявляется негибкость сознания землян, о которой говорил Вейган?

— Это — одна из ремонтных мастерских,— показывал марсианин.

Она осмотрела участки, отведенные для починки или замены поврежденных щупалец, ног, линз и других частей.

— Похоже, у машин случается много поломок,— сказала она.

— Да, но это не имеет значения. Некогда мы пытались снабдить машины более сложной нервной системой для защиты. У нас получилось, но мы отбросили эту идею, как неперспективную. Когда происходил несчастный случай, это вызывает ненужную боль, а части очень легко заменить новыми. Заменить невозможно только одно — память. Потому что память каждого индивида складывается из опыта, накопленного со временем. Если банк памяти разбит, то приходится ставить свежие платы памяти, и машине приходится начинать заново. Это похоже на смерть, так как машина утрачивает все, что составляло ее личность.

Джоан задала вопрос, который уже несколько раз пыталась прояснить:

— А те странные машины в кустах и в пустыне? Здесь нет ничего, похожего на них. Что они такое?

— В основном, ошибки. Ошибки или эксперименты, которые сбежали либо были выдворены, чтобы посмотреть, как им удастся выжить.

— Но почему вы их не уничтожили?

— Они нас не тревожат и редко приближаются к городам. Обычно они бродят целыми стаями. Понимаешь, у них нет никаких фабрик, и когда что-нибудь портится, им приходится чинить себя, пользуясь частями других машин. В этом мире еще существует такая вещь, как удача, и вполне возможно, что эти «ошибки» могут оказаться ценными, научив чему-то остальных.

Машины ни в коем случае не совершенны, вероятно, они никогда такими не будут, и поэтому делаются посто-

янные попытки улучшить их. Одно время мы полагали, что сможем создать машину, которой не понадобится начинать с чистыми платами памяти. Это сэкономило бы время на развитие. Это можно даже назвать образованием. Чтобы помочь им встать на ноги, закладывались основы искусственной памяти, но обычно с прискорбными результатами. Эксперименты продолжались много лет, именно тогда и было создано большинство «ошибок». Если взять эти машины,— он махнул окрест,— и считать их нормальными, тогда можно сказать, что те, в пустыне — безумны. Ныне мы стараемся (или, скорее, машины стараются, так как создают сами себя) как можно меньше манипулировать с разумом.

— С разумом,— повторила Джоан.— Желала бы я это уразуметь. Мне трудно понять и биологический мозг, а механический разум — невозможно.

Вейган озадаченно посмотрел на нее.

— Разум — это контроль мозга памятью. Почему это трудно понять?

Джоан сдалась. Как она могла объяснить десятую долю своих затруднений человеку, который видел в машинах расу существ, отличающихся от него самого лишь способом изготовления?

После медицинского обследования, когда машины провели анализ крови, механические камеры, работающие на ультракоротких волнах, обследовали внутренности, автоматы зарегистрировали ее реакции, Вейган отвел ее в комнату на третьем уровне центрального здания. Она с облегчением скинула скафандр и шлем.

— Как скоро выяснится, смогу ли я встретиться с вашими соотечественниками? — спросила она.

Он полагал, что о результатах анализов сообщат на следующее утро.

— А как насчет моих друзей? — продолжала она.— Что с ними происходит?

Она надеялась, что он снова включит телевизионную панель, но, похоже, ему такая мысль даже в голову не пришла.

— Машины присматривают за ними,— сказал он.

— И что, по-вашему, что они сделают?

— Они собираются отправить их обратно в самом скором времени.

— Что?!

— Конечно. Ваши друзья не смогут мирно ужиться с нашими машинами. Они их не понимают. И с нашими людьми они общаться не смогут, слишком велика разница. Ваша раса молода и честолюбива, а наша обрела мир и покой, которые, говорят, дает пожилым людям приближение смерти. Как раса, мы смирились с судьбой...

Он стоял у окна. Солнечный свет падал косо. Промежутки между зданиями погрузились в густую тень, а сухой красный песок все еще искрил, словно дрожа.

— Как раса...— повторила Джоан.— Но вы? Что думаете вы, как человек, Вейган?

Он с грустной улыбкой повернулся к ней.

— Я не столько думал, сколько чувствовал — чувствовал историю.

— Историю?

— Муки роста более молодых цивилизаций. Марс, знаешь ли, не всегда был старым. В его отрочестве на нем царили амбиции, войны, победы, поражения и, прежде всего, надежды. Это был прекрасный мир. В нем были деревья, животные, цветы; времена года, когда появлялись листья, и времена года, когда они опадали; жили миллионы мужчин и женщин. У нас была история...

Но потом, очень много тысячелетий назад, Марс начал стареть. Воды становилось все меньше и меньше; это объединило нас. Впервые в истории все нации работали сообща и построили великие каналы, которые много поколений сохраняли плодородие нашей почвы. Но это была лишь временная победа. Всегда оставались клочья пустыни, и с течением времени они разрастались, словно злокачественная опухоль. Они оттесняли жизнь, и растительность теперь сохранилась только по берегам каналов.

Воздух становился все более разреженным. Он постепенно улетучивался в космос, жизнь под открытым небом для животных стала невозможной. Мы пытались тем или

иным способом отсрочить конец, цепляясь за существование до последнего, как всегда цепляется жизнь. Со временем все приходит к концу. Через несколько сотен миллионов лет само солнце вспыхнет в последний раз и погаснет, и тогда исчезнут все следы жизни в солнечной системе... И все же мы, рассудку вопреки, боролись, пытаясь сохранить себя еще на несколько поколений. Итак, несмотря на все, что мы совершили, и все, что знаем, мы постепенно подошли к концу. Нас становится все меньше и меньше; и немногие выжившие должны проводить всю жизнь в собственноручно построенной тюрьме.

Я думал о том, что мы утратили, обо всем, что есть у вас. И о вещах, которых у меня не было никогда. Мы прирожденные старцы. Я никогда не знал радости, энергии и амбиций, которые присущи юности. И все же я осознаю эту утрату и чувствую себя лишенным наследия. Вы можете мечтать о собственном будущем и будущем своих детей: мы же можем мечтать только о прошлом. Я думаю, что мне следует удовлетвориться этим малым, как довольствуются глубокие старики, но не могу. Я увидел людей вашей расы и ревную к ним. Рассудку вопреки, я негодую на судьбу, которая забросила меня в умирающий мир, где существование лишено неожиданностей. Во мне словно вновь ожило нечто забытое. И зашевелилось какое-то незнакомое чувство или, возможно, пустое желание, которое не может сбыться. У меня такое ощущение, что я мог бы воскликнуть: «Дайте мне жизнь! Разрешите пожить прежде, чем умру».

Он умолк и снова посмотрел на нее, внимательно вглядываясь в лицо.

— Вы не понимаете... не можете понять. В вас бродит юность; она поднимается в ваших жилах, как, бывало, в наших деревьях сок. Она расцвечивает все ваши мысли, это надежда, это чувство будущего. Даже когда вы состаритесь, то не почувствуете той усталой сухой бесплодности, от которой не можем избавиться мы.

— И все же,— мягко произнесла Джоан,— вы сейчас говорите так, словно в жизни вас больше не ждет ничего хорошего. Раньше вы говорили так, словно забыли про эмоции, и все же сейчас...

— Да. Я почти забыл о них. Мы должны о них забыть в этом мире... Вы говорите сейчас с ненастоящим Вейганом. Перед вами более молодой Вейган; тот Вейган, который мог жить миллион лет назад. Тот Вейган, который не смеет сейчас существовать, чтобы не умереть от отсутствия надежды.

Это сделали со мной вы. Вы и те другие, что явились с вами. Но, в основном, вы, лично вы, Джоан. Вы позволили мне мельком взглянуть на иную жизнь, увидеть людей, которые живут. В вас и вокруг вас есть какой-то — как бы это сказать? — какой-то дух. Это жизненная сила молодых особей, тянущихся в неизведанное, все еще восходящих на непокоренные пики жизни. Мы же давным-давно перевалили эти пики и тысячи лет спускаемся с вершин. Однако осталась вещь, которая взывает от вас ко мне и ворошит те останки Вейгана, который в давно забытые века радостно карабкался на пики, ничего не зная о ждущем его по другую сторону бесплодии. Эта вещь заставляет меня думать, что, вопреки всему, конец — это не только холодный вселенский шлак. Я теперь чувствую, что сама жизнь — достижение, и хотел бы умереть, как те люди в ракете. По крайней мере, те, прежде чем умереть, познали надежду.

Джоан не знала, что ответить. Она почти не обращала внимания на его слова, их значение не доходило до нее, но глазами она видела куда больше того, что он сказал. Он взял ее за руки, и его пальцы чуть дрожали. Его широкая грудь поднималась и опускалась от участившегося дыхания. У нее возникло чувство, словно ожил мужской манекен.

— Вы! — прошептал он.— Вы на короткое время оживили меня. Вы раздули искру, которая почти погасла, и мне от этого больно, Джоан. Мне от этого больно...

Глава двадцать вторая

ОСАДА СНЯТА

Дуган щелкнул выключателем, и запасная лампа установленного у окна прожектора погасла. Он схватил би-

нокль и навел его на группу, занимавшую бархан неподалеку от кустов. Несколько минут он наблюдал за вспышками куска металла в руке человека. Затем опустил бинокль, передал лампой прожектора знак «сообщение принял» и повернулся к остальным.

— Они говорят, что запаса воздуха у них хватит еще на восемь часов,— сказал он.

Четверо космонавтов переглянулись.

— Ну, а мы можем что-нибудь сделать? — спросил доктор.

— Будь я проклят, если способен что-то придумать,— пробормотал Дейл.

Фрауд посмотрел в сторону группы на бархане. В сухом воздухе удалось даже на таком расстоянии различить фигуры четырех русских и кольцо окружающих машин.

— Я чувствую себя чуточку свиньей,— произнес он.— Чисто человеческая порядочность предполагает, что их следовало предупредить. А вместо этого я лишь поощрял Караминова лезть, очертя голову, в эту передрягу.

— Я бы на этот счет не волновался. Они бы нам все равно не поверили и рано или поздно повстречались бы с машинами,— попытался успокоить его доктор.

— Может быть,— хмыкнул Фрауд.— Но все одно, есть чертовски большая разница между попыткой спасти человека и действиями, когда подталкиваешь его к пропасти. Однако у Караминова, по крайней мере, хватило ума вернуться, когда он увидел, что именно выходит из кустов. Но что мы, черт побери, можем тут предпринять? Они блокировали их точно так же, как нас. Русские пробыли там уже шесть часов, и маловероятно, что их и на этот раз прервут...— он оборвал речь.— Эй, Дуган, они сигналят.

Дуган снова взял бинокль. И через минуту объявил:

— Не могу прочесть. Должно быть, сигналят собственному кораблю.

Фрауд прижался лицом к кварцу, пытаясь рассмотреть корму ракеты. То, что иллюминатор находился на изгибе, ограничивало поле зрения, но увидел он достаточно: напротив входного люка неподвижно застыла дюжина гротескно собранных машин.

— Все еще тут,— мрачно проговорил он. Он присел на одну из коек.— Дело дрянь. Если мы выйдем, то сами попадемся и никому не поможем. Но если мы собираемся когда-нибудь улететь, то рано или поздно нам все-таки придется выйти, чтобы поставить корабль вертикально, и это будет нелегким делом. У меня такое впечатление, что Джоан и Бернсу, в конце-то концов, повезло больше, по крайней мере, все кончилось быстро...

— Почему они, черт возьми, не могут оставить нас в покое?

— Чтобы поделить с нами планету? — спросил доктор.

— Чушь! Эти штуки не могут так рассуждать. Будь они людьми, тогда в их негодовании был бы какой-то смысл. Но машины... Я вас спрашиваю, зачем машинам нападать, едва нас увидев?

— Думаю, из-за металла,— неожиданно предположил Дуган.— У них его, похоже, нехватка. Вы видели, как они ремонтируются деталями с других машин. А с корабля они получат уйму металла.

— Это верно,— согласился Фрауд.— Убрав нас с дороги, они смогут разломать корабль. Возможно, ты попал в точку.

— Полагаю, переместиться, чтобы принять стартовую позицию, не выходя наружу, невозможно? — предположил доктор.— Я спрашиваю, нельзя ли запустить «Глорию Мунди» по песку на хвостовых дюзах?

— Скорей всего, мы врежемся в какой-нибудь бархан и зароемся в песок,— подумал вслух Дейл.

— Да и немного толку, если мы просто передвинемся на несколько миль,— добавил Фрауд.

— Наши друзья, никелированные кошмары, тоже попросту немного прогуляются.

— Ну, черт побери, не можем же мы просто сидеть тут сложа руки и ничего не делать! — взорвался Дуган. Но никакой альтернативы он не предложил. Равно как не смог предложить и никто другой. На какое-то время в отсеке повисло безнадежное молчание.

— Все это настолько чертовски глупо,— пробормотал, наконец, Фрауд,— что меня удручает именно нелепость

ситуации. Мы взлетели под рукоплескания всего мира, мы успешно избежали всех опасностей космоса и прибыли сюда целыми и невредимыми только для того, чтобы обнаружить: «a»,— он выделил пункты своей речи интонацией,— что это местечко кишмя кишит идиотского вида машинами; «b» — что взлетели еще две ракеты, но безо всяких рукоплесканий; и «c» — что обезопасить себя от названных идиотских машин мы можем, только оставаясь запертыми. Это не просто неудачное стечение обстоятельств. Это совсем не то, благодаря чему Рэли и Кук[1] попали в учебники истории.

— Кроме того,— сказал доктор,— подумать только, какие байки о героизме придется выдумывать на потребу доверчивой публики, если нам доведется когда-нибудь вернуться.

Дуган снова посигналил прожектором.

— Спрашиваю, их корабль до сих пор ли в осаде,— объяснил он.

Они ждали, когда он получит ответ.

— Ну? — спросил Дейл.

— Да. У них осталось на борту «Товарища» двое, и машины теперь блокируют вход, чтобы группа Караминова не могла вернуться на борт. А те двое, которых они отправили на корабль — тот, в которого я пульнул, и другой, похоже, исчезли. Либо на них напали машины, либо они укрываются где-то за дюнами.

— Значит, всего на «Товарище» летело восемь. Очень неплохую ракету они построили,— неохотно признал Дейл.

— Жалко,— заметил Фрауд,— что никто не подумал прихватить несколько ручных гранат. Бросить одну-две в эту кучку у входа, и вполне бы хватило, чтобы вывести их из игры,— он умолк, словно осененный новой мыслью.— Слушайте,— взволнованно продолжал репортер,— а поче-

---

[1] Уолтер Рэли (1554?—1618) — фаворит английской королевы Елизаветы I, известный мореплаватель, основал первую английскую колонию в Америке.

Джеймс Кук (1728—1779) — знаменитый английский мореплаватель, открыл много новых земель, в том числе и Австралию с Новой Зеландией.

му бы нам ни смастерить пять-шесть штук? Видит Бог, на борту хватает взрывчатки!

Все повернулись к Дейлу. Тот ненадолго задумался.

— Ладно. Я ожидал, что появятся еще какие-нибудь машины, но попробовать стоит.

— В любом случае, появится время, чтобы вытащить из передряги Караминова и К°,— согласился Дуган.— Я просигналю ему, что мы затеваем, а он сможет передать сообщение людям на «Товарище», чтобы они занялись тем же.

— Жаль, мы не можем просигналить прямо на борт «Товарища»,— подосадовал Дейл. Он выглянул в другой иллюминатор.— Если бы он сел всего на несколько футов левее, мы бы видели их иллюминаторы, и не было бы необходимости в этом трехстороннем...— он внезапно оборвал фразу, так как из-за склона бархана вылетела на полной скорости цепочка машин.— Здрасьте, что за дьявольщина происходит?

Экипаж столпился около него. Они наблюдали, как машины изменили курс, направляясь к кустам. Миг спустя за ними последовала еще дюжина или около того, тоже бежавшая во всю прыть. А в стороне слева Фрауд заметил серию вспышек, пересекающих гребень другого бархана.

— На подходе более активное железо,— заметил он.— Что, черт возьми, заваривается? Но что бы то ни было, тем железным ребятам, что поближе, кажется, не по нутру. Гляньте-ка, какую пыль они подняли.

Неуклюжая кавалькада проковыляла мимо, развивая самую максимальную скорость, какую позволяли ее разнородные части. Фрауд метнулся к другому иллюминатору.

— Те, что вокруг Караминова, тоже драпают,— доложил он.— Мчатся к...

— Боже милостивый! — воскликнул голос Дугана.

— Гляньте-ка на это!

Он неистово показывал на объект, который внезапно появился на гребне бархана между ними и другим кораблем. Странное, похожее на бак устройство опиралось на неисчислимое множество коротких ножек, заканчивающихся широкими круглыми дисками. На гребне устройство остановилось, из-за солнечного света, отражавшегося

от выпуклого корпуса и сверкавшего на линзах, на него было трудно смотреть. Внезапно из него вырвались разряды ярко-голубых молний, и среди улепетывающих машин воцарился ужас. Не было никаких снарядов, никаких видимых причин для той смуты, в которую они оказались ввергнуты, однако наступила полнейшая дезорганизация. Машины сбились с курса и заметались туда-сюда, беспорядочно размахивая щупальцами и коленчатыми рычагами. Их разноразмерные ноги неслись самыми немыслимыми зигзагами, они налетали друг на друга и с грохотом сталкивались. Многие спотыкались и падали, ломая или сворачивая ноги другим. Большая машина выдала новый залп молний, и замешательство разрослось. Будь такое возможным, экипаж «Глории Мунди» сказал бы, что они видели, как машины сходят с ума. Они превратились в буйствующую массу мечущегося, молотящего куда попало металла, прущего то туда, то сюда, безнадежно спутавшись и сцепившись между собой, врезаясь и толкаясь взад-вперед в безумной свалке. Похожее на бак устройство быстро спустилось с бархана, по-прежнему испуская голубые молнии и ввергая машины в еще большее неистовство. Следом за большой машиной бежала дюжина объектов, похожих на гроб. За исключением того, что имели на пару ног меньше, они ничем не отличались от машины с фотографий Джоан.

— Ну, слава Небесам, эти машины выглядят так, словно их создали нормальные люди,— порадовался Дуган.

— Аллегория,— молвил Фрауд.— Порядок, кладущий конец Хаосу.

— Да, но почему вообще существуют хаотические машины? — задался вопросом доктор.

— А почему,— ответил контрвопросом Фрауд,— вообще существует Хаос?

Большая машина прекратила обстрел. Механические уродцы, похоже, превратили себя в несколько куч металлического лома. Фрауд восхитился эффективностью операции. И восхищенно сказал:

— Знаете, а мысль довольно ценная: попросту своди с ума своих противников, и любуйся, как они изничтожают

друг друга. Мы должны прихватить эту идею с собой. А что теперь, по-вашему, случится?

Глава двадцать третья
ИЗГНАНИЕ

Сперва Джоан не понимала, почему проснулась. В комнате было темно и тихо. Вейган еще не проснулся. Она лежала, не шевелясь, и, положив голову ему на плечо, прислушивалась. Ее левая рука лежала у него на груди, плавно поднимаясь и опускаясь в такт дыханию. Затем она осознала присутствие постороннего звука — слабого, знакомого гудения, которое подсказало ей, что в комнате находится какая-то машина. Она задержала дыхание, прислушиваясь, а затем расслабилась. Какое это имеет значение? Пусть машины носятся, словно дурацкие игрушки, каковыми они собственно и являются. Они больше ничего не значили.

К ее плечу прикоснулось что-то холодное, и из темноты раздался резкий, металлический голос. Она приняла сидячее положение. Вейган тоже проснулся, когда его рука упала с ее бедра. Он накрыл ее ладонь своей.

— Что такое? — спросил Вейган.

— Машина,— почти прошептала она.— Она прикоснулась ко мне.

Он нашел выключатель, и потолок озарился постепенно усиливающимся светом. Машина стояла рядом с постелью, наведя на людей свои холодные, пустые линзы.

— Что такое? — повторил Вейган, но на сей раз вопрос адресовался машине.

Как и раньше, Джоан не успевала уследить за частой, отрывистой машинной речью, но следила за выражением лица Вейгана, и сердце у нее замерло. После нескольких вопросов, вызвавших пространные ответы, он повернулся к ней. И увидев его глаза, она поняла, что он собирается сказать еще до того, как услышала хоть слово.

— Медицинский доклад неблагоприятен... Ты носительница опасных бактерий. Доклад гласит, что тебе придется улететь.

— Нет, Вейган. Это ошибка. Я здоровая и чистая.

Он взял обе ее руки в свои.

— Милая, это правда. Анализы не лгут. Этого-то я и боялся. Носимые тобой земные бактерии могут вызвать здесь болезнь, которая уничтожит весь мой народ, а у тебя, считают они, нет иммунитета ко многим бактериям, носимым нами. Общение наших народов самоубийственно.

— Но нам с тобой, Вейган, какое дело? Мы же...

Он мягко согласился.

— Знаю, милая, знаю.

— О, позволь мне остаться. Позволь мне остаться здесь, с тобой...

— Это невозможно. Они говорят, что ты должна улететь.

— Они? Машины?

— Не только машины. Так говорит и мой народ.

Джоан упала на постель и уткнулась лицом в подушку. Вейган обнял ее рукой за голые плечи. Другой рукой он погладил ее по голове.

— Джоан, Джоан. Послушай. Ты не можешь здесь оставаться. Даже общаясь с нами, ты не смогла бы жить нашей жизнью, для тебя она стала бы медленной смертью. Тебе было бы одиноко, как никому и никогда раньше. Твое сердце разбилось бы, милая, и мое, думаю, тоже. Я не смог бы вынести, видя, как ты сокрушена безнадежностью. У очень старых и очень молодых нет ничего общего. Мы с тобой встретились на несколько коротких мгновений. И через тебя я познал, по крайней мере, на какое-то время, как мог бы жить; почти узнал, каково это — чувствовать себя принадлежащим к юной расе. Теперь это закончилось, но я никогда не забуду, ибо ты подарила мне нечто куда более прекрасное, чем все, о чем я когда-либо мечтал.

Джоан подняла голову и посмотрела на него сквозь застилавшие взор слезы.

— Нет, Вейган. Нет. Они не могут заставить меня сразу же улететь. Всего несколько дней — пусть, неделю. Неужели они не могут дать нам всего неделю?

Вмешался резкий голос машины.

— Она говорит, что времени немного,— перевел Вейган.— Ракета должна стартовать, как только наступит рассвет, или ей придется ждать еще день.

— Заставь ее подождать, Вейган. Оставь меня здесь и уговори подождать еще один день.

— Я не смог бы, даже если бы захотел,— он посмотрел на машину.— Это теперь их мир, а они не желают вас видеть. Именно это сообщение вы и должны забрать с собой на Землю. Земля должна оставить Марс в покое. Несколько лет назад они отправили корабль на Землю, чтобы провести геологоразведку, и когда тот вернулся, приняли именно такое решение. Они это серьезно, Джоан.

Но та, казалось, его не слышала. Она подняла руку и сжала его плечо.

— Вейган, ты отправишься с нами. Почему бы тебе не взлететь вместе с нами? Место на «Глории Мунди» есть. Я смогу убедить Дейла, чтобы он взял тебя. Ты сможешь доставить ему горючего, если его не хватает. Да, ты должен лететь с нами! О Вейган, милый, скажи, что ты отправишься с нами!

Он печально посмотрел ей в лицо.

— Не могу, Джоан.

— Но ты должен. О, ты отправишься.

— Но, милая, разве ты не видишь? Я не должен общаться с твоей расой точно так же, как ты — с моей.

Он соскользнул с постели и встал рядом, глядя на нее. А затем стянул в сторону одеяло и взял ее на руки. Она прильнула к нему.

— О Вейган, Вейган...

— Эй! — позвал Дуган.— Ты у нас самый подкованный. Что там пытается сказать этот малыш?

Фрауд присоединился к нему у иллюминатора, и они стали наблюдать за движениями копошившейся внизу машины. Та очень деловито царапала на тщательно разглаженном участке земли свои символы.

— Замечательный маленький пляжный художник, не правда ли? — восхитился Фрауд.— Насколько я вижу, это

инструкция, что мы должны отправляться через один что-то после рассвета.

— Что значит — «один что-то»?

— Полагаю, это какая-то мера времени.

— Очень толковое указание. Эй, Дейл!

— Что такое? — раздраженно оторвался от расчетов Дейл.

— Приказ об отплытии, но мы не можем его прочесть.

— Ну, не можете, так не можете. По моим подсчетам, нам надо взлетать в час двадцать после рассвета, а это значит, что у нас есть еще,— он взглянул на часы,— тридцать две минуты.

Фрауд переместился к другому иллюминатору, чтобы взглянуть но «Товарища». Подобно «Глории Мунди», он был поставлен вертикально, нацелив свой тупой нос в небо. Журналист нахмурился, гадая, каким образом машины поставили обе ракеты вертикально за такой короткий срок, а также прикидывая, насколько глубоко машины оскорбили достоинство обитателей «Товарища», когда тех бросило кулями на пол внезапно накренившегося корабля.

— Одного я не могу простить,— пробормотал он, не обращаясь ни к кому конкретно,— они держали нас запертыми здесь, покуда сами поднимали корабль. Многое бы я отдал за то, чтобы увидеть, как же они это сделали, и заснять несколько кадров.

— Все равно было слишком темно для съемки,— утешил его доктор.— Хотя я желал бы, чтобы они предварительно предупредили нас. Я себе чуть череп не расколол об пол, когда они приступили к подъему безо всякого сигнала. И расколол бы, если бы весил здесь чуть побольше.

Фрауд продолжал, не обращая на него внимания:

— Мне в свое время довелось освещать несколько неважнецких командировок, но из всех провалов, этот — самый провальный. Мы прилетели сюда, за нами гонялись какие-то безумные машины, а какие-то чуть менее безумные машины велели нам убираться домой. Мы не знаем, что заставляет их двигаться, кто их сделал, как их сделали, где сделали, когда сделали и зачем их сделали. Фактически, мы ни черта не знаем, а само изгнание кажется

настолько глупым, что для него не подобрать подходящего слова. Мы потеряли бедняжку Джоан, и Бернс пропал ни за грош. Если это называется межпланетными исследованиями, то я предпочитаю археологию.

— С другой стороны,— вставил доктор,— мы знаем, что у каналов пока еще существует жизнь. Я взял несколько образчиков, а ты провел киносъемку и сделал много фотографий. Дейл доказал, что межпланетный полет воз...

— Эй! — перебил Фрауд.— Вон что-то спешит, только гляньте на него! — он следил, как яркая крапинка неслась к ним с изумительной скоростью, оставляя позади бархан за барханом.

— На вид она отличается от остальных. По-моему, машина что-то несет. Где этот бинокль? Да! Она держит в щупальцах некого типа. А бежит она сюда. Готовь шлюз, Дуган.

Дуган послушно потянул за рычаг наружной двери.

— А как он собирается до нее дотянуться? — начал было он, но его оборвал окрик Фрауда.

— Это не тип! Это Джоан. Джоан! — он выронил бинокль и неистово замахал руками. Рука девушки в незнакомом комбинезоне махнула в ответ, машина обогнула ракету и скрылась из виду.

Все четверо астронавтов столкнулись у внутренней двери шлюза, они не сводили глаз с огонька индикатора.

— Как они собираются поднять ее к люку? — обеспокоенно спросил Дуган.

— Не волнуйся. Такая мелочь им не... Вот! — закончил Фрауд, когда загорелся огонек. Дуган потянул за рычаг и повернул штурвал запорного крана. Несколько секунд спустя дверь открылась, и в отсек шагнула Джоан.

Она, казалось, не заметила приветствий. Не обращая внимания на сыпавшиеся градом вопросы, Джоан свинтила с головы прозрачный шлем и выскользнула из комбинезона-скафандра. Когда она подняла взгляд, мужчины увидели, что девушка плачет.

— Пожалуйста, не сейчас. Я расскажу вам позже,— попросила она.

Застыв в молчании, они смотрели, как она кинулась к люку и исчезла в нижнем отсеке. Фрауд удрученно почесал

затылок. Нагнувшись, он поднял сброшенный ею серебристый скафандр.

— И где же, во имя Земли — в смысле Марса! — она это раздобыла?

Джоан лежала на койке в маленьком закутке. И говорила голосом, который не мог долететь до другого отсека. Вейган пообещал ей, что включит экран. Она знала, что в той комнате, далеко в Ханно, ее лицо смотрит со стены, а голос шепчет ему в уши. Ей требовалось столько ему сказать — столько всего о том, что могло быть, но...

Казалось, прошло не больше минуты, прежде чем голос Дейла призвал:

— Всем по койкам! И не забудь про ремни, Джоан.

— Хорошо,— слабым голосом ответила она, когда ее руки потянулись к ремням.

Осталось всего несколько минут. Она настойчиво шептала в пустом отсеке. Вот уже остались какие-то секунды. Она слышала, как Дейл ведет отсчет, медленно и ровно...

— Пять... четыре... три... два... один...

— О Вейган. Вейган...

Глава двадцать четвертая
ФИНАЛ

История возвращения «Глории Мунди» хорошо известна. Рассказать о том, как она приземлилась седьмого апреля 1982 года в Северной Африке, имея в баках всего литр-другой неизрасходованного горючего, могут даже школьные учебники, и нет необходимости давать подробный отчет. А если вам требуются цифры для объяснения того, почему обратный путь занял семьдесят дней, тогда как полет туда — семьдесят четыре, или вам хочется знать, на сколько минут и секунд больше сорока часов ракета провела на Марсе, то самое лучшее, что я могу сделать, это снова отослать вас к книге «Мост через Космос». Ее Дейл начинил огромным (на мой взгляд, неудо-

боваримым) количеством математической и технической информации.

Пережитое экипажем и, особенно, Джоан вызвало споры, которые все еще не утихли. Одна научная школа рассматривает историю полета, как свидетельство того, что человек на Марсе действительно повелевает машинами и использует их для собственных целей, другая приводит ее в качестве доказательства прямо противоположного тезиса. Из-за отсутствия подробностей маятник спора качается в сторону пренебрежительного мнения третьей группы ученых мужей, которые не верят ни единому слову из рассказов астронавтов и провозглашают, что весь полет был просто-напросто надувательством. Никто, мол, никуда не летал.

После возвращения ракеты людям Земли было достаточно и того, что человек, наконец-то, закинул свой первый хрупкий зонд в космос. Дейл и его экипаж чествовали, научные общества соперничали друг с другом за право принять их в почетные члены, и, наверное, никогда еще имена пионеров не пользовались такой огромной популярностью.

И никогда еще, думала Мэри Кертенс, прожектора, наведенные на семью Кертенс, не заливали ее таким ярким светом, как в настоящее время. Но теперь, за месяцы ожидания, она научилась терпеть это с миной безразличия; она примирилась с этим ради Дейла и сохраняла в тайне свою надежду, что этот шум и крик скоро стихнут. Этой надежде суждено было сбыться намного раньше, чем она ожидала.

Очень скоро начал проявляться дух недоброжелательства. Экспедицию вообще и Джоан в особенности обвинили в том, что они не сумели сполна воспользоваться представившимися возможностями. Маятник общественного мнения качнулся от преклонения перед героями к осуждению настолько же болезненному, насколько и удивительному. Поговаривали, что враждебность вызвана тем, что американцы отказывались поверить сообщению Джоан о крушении ракеты со звездно-полосатым флагом на борту. Как бы там ни было, а за несколько недель она навлекла на себя брань и гонения за все свои действия, начиная с отлета. За несколько коротких дней девушка превратилась из герои-

ни во лгунью и разрушительницу великих возможностей. И то, что другие члены экипажа ее поддержали, ничуть не помогло. Их перекричали. Не сочли достаточным оправданием и сказанное Фраудом:

— Какое вы имеете право обвинять эту девушку? Она же человек. Да ведь, черт побери, когда грянет труба судного дня, то половина женщин пропустит его, потому что у них будет в самом разгаре какой-нибудь роман.

Буря общественного мнения была решительно против Джоан, и она могла лишь спасаться бегством в поисках убежища.

Из России пришли неприятные слухи, что Дейл на Марсе намеренно вывел из строя «Товарищ» и оставил Карамзинова и его экипаж умирать. И по мере того, как проходили недели и месяцы, а русская ракета не возвращалась, в эту клевету верили все больше.

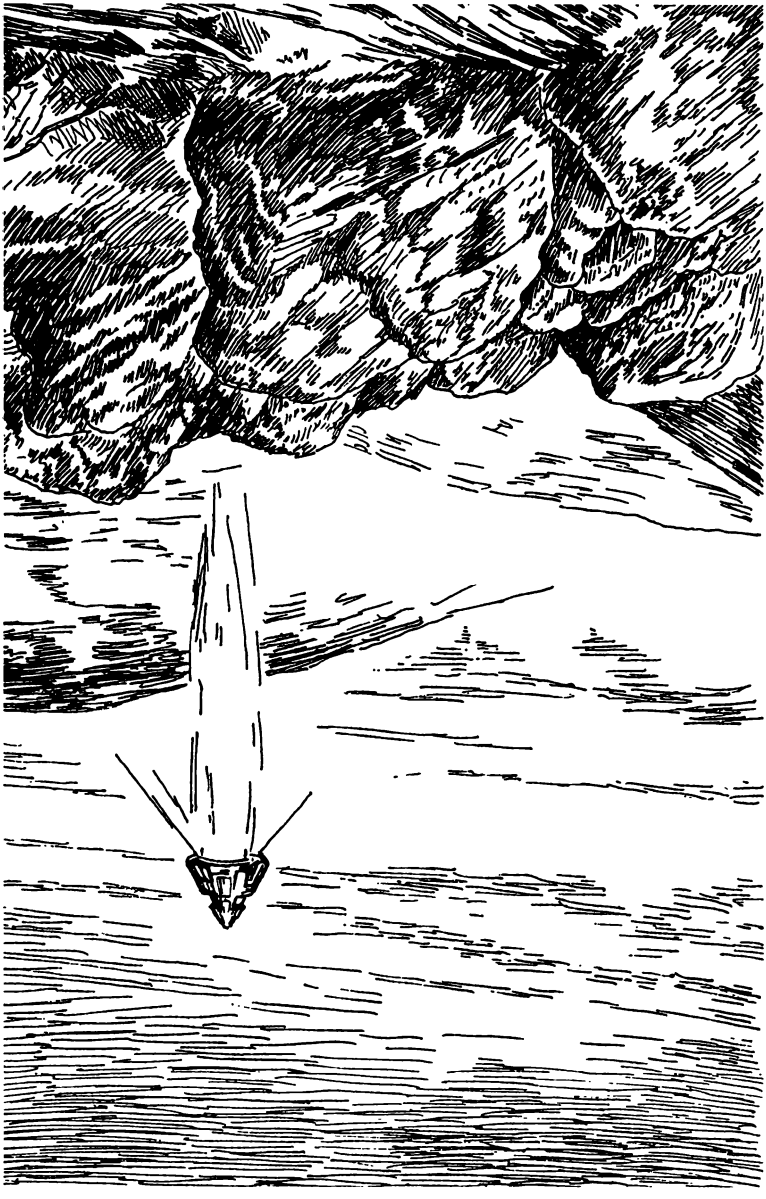
Так и закончился рейс «Глории Мунди».

Прошло пять лет, прежде чем общественное мнение смогло забыть о своей низости и восстановить Дейла в положении, схожем с положением Христофора Колумба. Дуган, Фрауд и доктор Грейсон разделили с ним это возвращение в уважаемые члены общества, но Джоан — нет.

Через шесть месяцев после возвращения «Глории Мунди» Джоан умерла в маленькой хижине среди гор Уэльса, рожая своего ребенка. Но повесть о сыне Вейгана — это уже другая история.

СПЯЩИЕ МАРСА

Глава первая
МАРСИАНСКИЕ МАШИНЫ

Солнце, которому за миллиарды лет довелось повидать множество удивительных вещей на планетах своей системы, несколько часов назад взошло над экваториальной областью Марса. День только начинался. Косые утренние лучи освещали красноватые дюны и острые скалы, бросавшие на песок резкие тени. Песчаные дюны и скалы покрывали почти всю поверхность Марса. Солнце взошло еще выше, и тени пропали; унылый, залитый холодным светом ландшафт простирался во все стороны на сотни миль, пустынный и неизменный на протяжении многих столетий.

Все планеты когда-нибудь умирают. Некоторые — например, ледяной Плутон на свой отдаленной орбите — никогда и не были живыми. Они были рождены в огне, и их ожидает ледяная смерть, но они слишком отдалены от Солнца, чтобы породить жизнь. Совсем другое дело — внутренние планеты. В их число входит и Марс. Но в звездной системе не может быть ничего вечного. Жизнь возникает только на короткое время, пока на планете существуют подходящие условия. А на Марсе время, выделенное жизни, подходило к концу.

На самом деле это время истекло уже несколько тысячелетий назад, но жизнь упорно отказывалась отступать. Планету опоясала сеть каналов, что позволило ненадолго задержать натиск пустыни. Если бы не подобные отчаянные

усилия, то на Марсе вскоре остались бы только низшие формы жизни, погибая на узкой полосе между ледяными шапками на полюсах и наступающими песками.

Но даже каналы не могли предотвратить неизбежное. Они отложили гибель на несколько столетий, но это была всего лишь отсрочка. На песчаных берегах кое-где еще виднелась растительность: сухие, рыжеватые кустики с полупрозрачными листочками. Когда из пустынь налетал слабый порыв ветра, кустики издавали жутковатый шелест и над берегами словно оживали голоса призраков. Увы, годы их существования были тоже сочтены. В каналах еще хватало воды, чтобы питать корни, но с каждым годом прибрежной растительности становилось все меньше. Небо, которое когда-то было голубым, стало пепельным. Воздух постепенно уходил из атмосферы в космос, а с ним уходила и жизнь. Пустыня подбиралась все ближе и ближе к берегам каналов...

Но, в конце концов, что мы подразумеваем под словом «жизнь»? Разве мудро с нашей стороны полагать, что жизнь — это только нечто на основе углерода и кислорода? Ибо в пустыне, в покинутых городах и кустах по берегам каналов копошились странные существа, которые, казалось, совершенно не страдали от недостатка воздуха. А в экваториальном поясе — регионе, еще пригодном для жизни, где в атмосфере пока хватало кислорода для дыхания,— имелись веские доказательства того, что всеобщий упадок пока остановлен.

...Два высоких металлических цилиндра, стоящих на расстоянии мили друг от друга, нарушали монотонность безжизненного пейзажа. Они одинаково суживались кверху и напоминали два гигантских указующих перста, направленных в небо. В их очертаниях не было особенных различий; только один, на котором русскими буквами было написано «Товарищ», стоял на четырех огромных опорах, а другой, меньший по размерам, но носивший куда более пышное название «Глория Мунди», опирался на три.

У подножия кораблей суетились какие-то подвижные механизмы, поблескивая в солнечном свете металлическим

блеском. На первый взгляд они напоминали муравьев за работой, но вблизи можно было заметить, что эти существа не принадлежали ни к миру насекомых, ни вообще к животному миру. Причина сходства крылась во внешнем облике механизмов — три пары ног поддерживали их гробообразные металлические тела, а два подвижных щупальца напоминали усики насекомого. И тела, и конечности механизмов были изготовлены из белого металла. Там, где у насекомых находится голова, имелось нечто вроде сложной видеокамеры с подвижной линзой. И все-таки суетой возле кораблей эти механизмы невольно напоминали насекомых.

Пришельцы с Земли оказались нежеланными гостями, и обоим кораблям было приказано немедленно покинуть Марс. Но марсиане не собирались их просто вышвырнуть в пространство — безо всяких проявлений враждебности корабли быстро и тщательно подготовили к отлету на Землю. Насекомоподобные механизмы не только поставили оба корабля в вертикальное положение, но и провели мелкий ремонт, устраняя последствия довольно жесткой посадки. Русский корабль, более крупный и сложный по устройству, был поврежден сильнее, чем английский. Ремонтные работы шли быстро и четко — куда быстрее, чем их удалось бы провести самим космонавтам.

Людям, проделавшим путь в тридцать пять миллионов миль сквозь космическое пространство, удалось получить только самое поверхностное знакомство с планетой. Английская ракета «Глория Мунди» под командованием знаменитого летчика-космонавта Дейла Кертенса (помните песенку «Керти, Король Облаков»?) прибыла первой. Приземлившись, космонавты решили первым делом совершить короткую разведывательную экспедицию к берегу ближайшего канала. Эта вылазка оказалась первой и единственной — и далеко не такой короткой, как предполагалось. На обратном пути, едва только космонавты выбрались из колючих кустов на красноватые песчаные холмы, как убедились, что отрезаны от корабля ордой механизмов с явно враждебным намерениями. После нескольких часов осады на одном из холмов космонавты уже решили, что враждебные

намерения марсиан увенчаются успехом — запас кислорода был на исходе.

В этот момент в небе появилась русская ракета. Кольцо осады разорвалось, и огромная орда механизмов устремилась в пустыню к месту ее приземления. Люди с «Глории Мунди», не теряя времени, воспользовались этим шансом и вернулись на корабль. Позднее русским космонавтам довелось пережить то же самое. Караминов, капитан корабля, в сопровождении пяти членов команды вышел на разведку. Еще двое: Гордонов, инженер, и Жаткин, штурман, остались охранять «Товарищ».

Для начала Караминов хотел навестить ракету англичан. Короткий разговор с Кертенсом закончился неприятным инцидентом, после которого разведывательная команда сократилась до четырех человек. Пока Караминов менял флаг Великобритании, установленный гордыми англичанами, на красный флаг с серпом и молотом, раздумывая при этом, передает ли поднятие флага всю планету под юрисдикцию той или иной страны, на «Глории Мунди» неожиданно откинулась крышка люка. Оттуда высунулся рассерженный молодой человек и выстрелил в командира «Товарища». К счастью, выстрел не нанес серьезного ущерба — Миклецкий, биолог, был ранен в бицепс правой руки. Васильев, помощник командира, отскочил в сторону и удачным выстрелом вывел из строя англичанина, который свалился назад в люк и умудрился захлопнуть за собой крышку. Но этой неприятностью дело не закончилось. Настоящие проблемы ожидали русских космонавтов позднее.

Чтобы не задерживать экспедицию, Караминов отослал раненого на корабль в сопровождении доктора Плотвинова, а сам капитан и три оставшихся члена команды — Винский, Васильев и Стейнов, направились на разведку к кустарнику, где капитан заметил подозрительное шевеление. Трудно сказать, что он ожидал найти в этих сухих зарослях, но уж никак не то, что там оказалось. Команда разведчиков замерла на месте в полной растерянности, когда в их сторону хлынула армия механизмов самых разнообразных форм: сферической, кубической, пирамидаль-

ной, яйцевидной, и таких, каким еще не придумано названия. Большинство из них высотой не доходили человеку до пояса. Они передвигались по песку с помощью гусениц, щупальцев, суставчатых и несуставчатых ног — всего, чего угодно, кроме колес. Многие машины состояли из странных блоков, на первый взгляд совершенно абсурдных и не подходящих друг к другу.

После секундного колебания четверо космонавтов бросились бежать. Но не успели они преодолеть и четверти пути, как из-за песчаного холма им наперерез кинулась еще одна банда металлических уродцев. Исследователи оказались отрезанными от корабля — точно так же, как и англичане некоторое время назад.

Ситуация казалось довольно неприятной, и капитан не видел пока никакого выхода. Несколько метких выстрелов по линзам вывели из строя небольшую часть механизмов, остальные мигом разобрались, что к чему, и отошли на значительное расстояние. Расположившись вокруг холма, они остановились и замерли, словно собираясь держать пришельцев в осаде вечно. Возможно, они и готовились к длительной осаде, но у космонавтов времени не было. Винский вывернул линзу из видеокамеры и начал подавать световые сигналы на «Товарищ». Вскоре вдалеке показались ответные вспышки света. Сообщение оказалось неутешительным: Миклецкий и Плотвинов тоже были отрезаны от корабля и держали оборону против небольшой банды механизмов, а двое сидели, запершись в корабле, окруженном марсианскими машинами. Винский попытался такими же сигналами связаться с «Глорией Мунди» и узнал, что корабль англичан тоже в осаде.

День прошел в вынужденном бездействии; космонавты лишь изредка обменивались световыми сигналами, чтобы хоть как-то разнообразить обстановку.

Больше шести часов русские космонавты пролежали на вершине холма, залитого солнцем. Близился вечер, странное пепельное небо потемнело. Сила была на стороне марсиан, и земляне ничего не могли ей противопоставить. На исходе шестого часа с «Глории Мунди» просигналили: «На сколько часов рассчитан ваш запас кислорода?»

Винский бросил взгляд на датчик и быстро произвел подсчеты.

«Около 8 часов»,— сигнализировал он в ответ.

Перспективы не радовали. Запаса кислорода оставалось в лучшем случае на полчаса, а в марсианской атмосфере содержалось слишком мало кислорода для дыхания. Если не произойдет ничего экстраординарного, космонавтам придется выбирать между смертью от удушья в ближайшие часы или самоубийственной попыткой прорываться сквозь плотный строй окружавших холм механизмов.

После небольшой паузы с «Глории Мунди» снова замелькали световые сигналы. «...собираются атаковать... передайте вашему кораблю...» — читал Винский. Неожиданно сообщение прервалось. Краем глаза Винский заметил движение справа и тут же забыл об английской ракете. По склону холма поднимался хаотический вал безумных машин. Их, казалось, становилось все больше и больше. Винский невольно привстал и понял, что машины через несколько секунд будут на вершине холма.

Нельзя было терять ни единого мгновения. Винский с криком схватил оружие и вскочил на ноги. Он действовал инстинктивно, не раздумывая, и это спасло ему жизнь. Отступив на два шага, он совершил отчаянный прыжок, едва ускользнув от лавины наступающих машин. Такой прыжок на Земле был бы невозможен, но слабое тяготение Марса превратило Винского в сверхчеловека. Он взвился над неровными рядами машин и приземлился позади них. Но у трех его товарищей времени на прыжок не осталось. В одно мгновение они исчезли под массой металлических тел.

Атака прекратилась так же неожиданно, как и началась. Казалось, механизмами овладело своего рода безумие. Они хаотически вертелись, сталкиваясь друг с другом и переплетаясь конечностями. В пустыне появилось нечто новое. В сопровождении гробообразных механизмов по песку двигалось странное многоногое устройство. Было ясно, что именно оно каким-то образом вызвало хаос в рядах наступавших механизмов. По крайней мере, его вид не был настолько абсурдным. Но хотя многоногая машина и пре-

кратила атаку, она не собиралась помогать землянам. Когда поток механизмов отхлынул с холма, Винский понял, что из четверых выжил он один. Он взглянул на тела своих товарищей, изуродованных до неузнаваемости, и с тяжелым сердцем побрел к кораблю.

Глава вторая
ПРИКАЗ ПОКИНУТЬ МАРС

Винский подошел к кораблю беспрепятственно. Многоногая машина расчистила пустыню от агрессивных механизмов. Некоторые убрались прочь, а прочие лежали бесформенными кучами. Винский забрался в корабль и встретился наконец с товарищами. Доктору Плотвинову тоже удалось добраться до корабля, но раненый Миклецкий погиб в пустыне: коленчатая рука одного из механизмов раздробила ему голову. Из восьми человек команды осталось только четверо. Они прилетели на Марс, чтобы исследовать природные условия планеты и, если будет возможность, войти в контакт с местным населением. За несколько часов команда сократилась вполовину, причем двое даже не успели покинуть корабль.

Новым командиром был единогласно избран Винский. Никто из четверых не был лидером по натуре, но в тот момент украинец, историограф экспедиции, оказался единственным человеком, способным взять бразды правления в свои руки.

Единственное, в чем по-настоящему разбирался Жаткин, киргиз с печальным и задумчивым взглядом,— это сложные вычисления. Когда дело доходило до менее отвлеченных вещей, он становился на удивление непрактичным.

Доктор Плотвинов имел научный склад ума. Он наблюдал, изучал, классифицировал; его интересовало множество вещей, но к вопросам власти он был равнодушен.

Оставался Гордонов, инженер. В те времена, когда он жил на берегах Клайда, его настоящая фамилия была Гордон. Двигатели и машины составляли радость и гордость

его жизни. Некогда в его жизни был период, когда жгучее чувство социальной несправедливости и стремление к равенству возможностей заставили его стать советским гражданином. Но с тех пор его не интересовало ничего, кроме своих профессиональных обязанностей.

Таким образом, руководство экспедицией перешло к Винскому, но тому было нечего им предложить. Казалось, что путешествие подошло к концу. Четверым членам экипажа не удалось бы привести ракету в вертикальное положение, необходимое для успешного старта. Единственное предложение Винского заключалось в том, чтобы оставаться внутри корабля, пока еще есть запасы кислорода и пищи, и ждать конца.

Интересно, подумал он, что собираются предпринять английские космонавты? Может быть, стоит объединиться с ними? Вместе им, возможно, удастся поднять обе ракеты. Но воспоминание об инциденте со стрельбой удержало его от этого шага.

Ночью космонавтов внезапно разбудило безумное ощущение, что мир переворачивается с ног на голову. Вскоре они поняли, что марсианские механизмы пытаются решить их главную проблему: поднимают ракету, чтобы поставить ее в вертикальное положение.

Снаружи было слишком темно, чтобы разглядеть, как продвигаются дела, но наступило утро, и космонавты увидели, что обе ракеты стоят прямо.

Четверо людей собрались возле одного из иллюминаторов. Вдалеке, на расстоянии около мили, поблескивал маленький конус «Глории Мунди».

— По крайней мере, они не делают различий между кораблями,— заметил Гордонов,— это немного утешает.

— Слабое утешение,— пробормотал доктор.— По-моему, это прозрачный намек на то, что нам здесь совсем не рады.

— Да что вы говорите? — отозвался Винский.— Думаю, этот вывод можно было сделать и раньше.

— Но они же не захотят вышвырнуть нас отсюда, не сделав попытки вступить в контакт,— возразил Плотвинов.— Они даже не знают, что нам от них нужно. Черт

побери, ведь не каждый день к ним прилетают гости с других планет!

Винский поднялся на ноги и надел кислородную маску. Доктор после секундного колебания сделал то же самое, и два космонавта одновременно вошли в воздушный шлюз. Теперь, когда ракета стояла прямо, люк находился на расстоянии более ста футов от земли. Открыв внешнюю дверь люка, исследователи смогли увидеть обширное пространство вокруг корабля, которое не было видно из иллюминатора.

Внезапно они услышали отрывистые механические звуки. Их звучание искажалось в разряженном воздухе, но, без сомнения, это была своего рода речь. Винский огляделся в поисках источника звуков и обнаружил, что один из гробообразных механизмов стоит немного впереди остальных, вытянув свои щупальца в направлении людей. Именно он издавал это странное бормотание. Винский коснулся плеча доктора и указал на механизм. Несколько долгих минут они смотрели и тщетно вслушивались в непонятные звуки.

— Похоже, этот шум что-то означает,— сказал наконец Плотвинов,— но для нас толку от этого немного. Попробуйте обратиться к ним по-английски. Может быть, они уже успели пообщаться с нашими друзьями из Британской империи.

Ответа от машины не последовало. Но, похоже, она или ее оператор сообразили, что зря теряют время. Бормотание резко оборвалось. Из корпуса машины выдвинулись две коленчатые руки, двумя взмахами разровняли песок и быстро нацарапали ряд значков.

— В любом случае, она старается,— сказал Винский, разглядывая загадочные символы.— Но почему она считает, что мы поймем буквы, если явно не поняли речь? Так мы ничего не добьемся.

«Стеклянный глаз» механизма уставился на пришельцев. Ему не понадобилось и пары секунд, чтобы понять, что вторая попытка не удалась. Щупальце без колебаний стерло ряд символов. Помедлив мгновение, машина одним движением нарисовала на песке круг. Указывая на него одним щупальцем, другое она вытянула в сторону Солнца.

Затем нижнее щупальце нарисовало вокруг первого рисунка три концентрических круга и остановилось напротив внешнего, в то время как верхнее указало прямо на космонавтов.

— Ну, это просто; она говорит, что мы прибыли с третьей планеты,— сказал Винский, наблюдая, как щупальце рисует на песке четвертый круг — орбиту Марса. Рядом с точкой, означающей нынешнее положение Марса, машина схематически нарисовала ракету и, наведя на космонавтов свою линзу, чтобы убедиться в их внимании, медленным жестом провела линию от Марса к орбите Земли.

— Похоже, мы были правы,— сказал Винский, обращаясь к доктору.— Мы здесь нежеланные гости, и нам пора убираться. Если на этой планете нет других форм жизни, кроме вон тех внизу, не могу сказать, что я об этом очень жалею.

Плотвинов кивнул. Судя по всему, информации от машин им было не дождаться. Он еще раз взглянул на рисунок, и машина точно повторила прежний жест. Тогда Винский указал рукой на ракету англичан и попытался изобразить вопрос. Машина с готовностью нарисовала вторую ракету рядом с первой и провела от нее линию к орбите Земли.

— Их тоже выставляют отсюда,— сказал Винский.

Машина, убедившись, что ее поняли, стала действовать иначе. Она подняла с земли металлический прут, отнесла его на некоторое расстояние от корабля и воткнула в песок. Затем она указала щупальцем на солнце, на тень от прута, а потом нарисовала возле нее ракету.

— Чем дальше, тем хуже,— заметил Винский,— бред какой-то. И что нам делать дальше?

Машина навела линзу на людей, убедилась, что они смотрят, и продолжила свои малопонятные действия. Она прочертила еще одну линию от основания прута, так что обе черты образовали острый угол. У конца второй линии она еще раз нарисовала ракету.

— До чего же этой уродине нравится рисовать ракеты,— проворчал Винский.— Только не пойму, какой во всем этом смысл?

Плотвинов нахмурился. Затем, глядя на машину, он указал направо и резко поднял обе руки верх. Машина в точности повторила щупальцами его жест и снова указала на рисунок.

— Что это за...— начал Винский, но доктор прервал его.

— Я понял, что ей надо. Мы должны покинуть Марс в тот момент, когда тень от прута совпадет со второй линией. Таким образом, у нас есть около трех часов. Пойдемте лучше и спросим Жаткина, что он думает по этому поводу.

Они закрыли люк и возвратились в корабль. Винский вкратце рассказал остальным о происшедшем.

— Самое главное нам должен сказать товарищ Жаткин,— добавил он.— Хватит ли трех часов на то, чтобы подготовить ракету к взлету?

Жаткин кивнул. Он взглянул на хронометр, и его туманный взгляд сразу стал острым. Он быстро вышел, чтобы начать подсчеты. Винский продолжал уже менее бодрым тоном.

— Теперь второй вопрос. Мы должны решить, следует ли нам подчиняться этому приказу.

Он задумчиво взглянул на Плотвинова и Гордонова.

— Мы не узнали о Марсе почти ничего, кроме того, что здесь существует разумная жизнь. Имеем ли мы право вернуться с практически пустыми руками? Подумайте, сколько сил и средств было вложено в нашу экспедицию... Мы должны были наладить отношения с местным населением. Можем ли мы вернуться и сказать, что мы даже не знаем, кто они такие? Ведь мы имели дело только со странными машинами. Мы ничего не знаем о флоре, фауне, полезных ископаемых — мы видели только небольшой участок пустыни. Не следует ли нам еще раз попробовать установить контакт хоть с этими машинами, если мы не знаем, кто их хозяева? Можно попробовать убедить их, что мы прибыли с мирными намерениями.

— Я сомневаюсь, что их это заинтересует,— ответил Плотвинов,— особенно после того, как мы уничтожили несколько десятков машин. В любом случае, какой им смысл общаться с нами и какое соглашение можно заключить с механизмами?

— Есть еще один вопрос,— вмешался Гордонов.— Я, прямо скажу, против вылета, даже через три часа. У меня на это свои причины. Я ведь так и не успел осмотреть корабль и убедиться, что с ним все в порядке. Сможет ли «Товарищ» взлететь после такой посадки и провести в космосе еще три месяца? Я не уверен.

— А что, корабль не в порядке?

— Пока не знаю, все может быть.

Винский взглянул в иллюминатор. Вдалеке поблескивала английская ракета.

Некоторое время он задумчиво ее рассматривал, а затем сказал:

— Англичане говорят, что вопрос обладания зависит от того, как прочитать закон. Типичное высказывание для капиталистической страны. Сейчас ни мы, ни они не можем уверенно заявить, что владеем Марсом,— до этого еще далеко; тем не менее первое, что сделали англичане,— это водрузили свой флаг и тем самым формально присоединили планету к Британской империи.

С одной стороны, это, конечно, смехотворно, но с другой стороны, это вопрос серьезный. Как только англичане вернутся на Землю, они сразу заявят о своих притязаниях. Это будет первое заявление такого рода, и его запомнят, даже если оно не будет иметь юридической силы. А если они проявят мудрость и предложат разделить Марс другим капиталистическим странам, то их притязания поддержат во всем мире. Если наша заявка будет второй, всем покажется, что наши претензии необоснованны.

Но если мы первые заявим, что Марс теперь является последней республикой, вошедшей в состав Советского Союза, то ситуация в корне меняется. Конечно, будет много проблем, споров и тяжб, но в сознании всего мира останется мысль, что наша заявка была первой. Разумеется, Кертенс начнет вопить, что приземлился первым, но вопрос приоритета все равно останется спорным.

Сейчас вы думаете, что это неважно, но скоро времена переменятся. Когда-нибудь появится более быстрый и эффективный способ путешествия на Марс, чем наши громоздкие ракеты, и вопрос обладания этой планетой станет

вполне практическим. Когда придет этот день, не хотелось бы, чтобы все считали Марс одной из колоний Британской империи — если, конечно, к тому времени империя еще будет существовать.

— Конечно, не хотелось бы,— отозвался Плотвинов,— и поэтому вы предлагаете...

— Как можно быстрее отправиться назад и первыми заявить о своих притязаниях. Шансы, что мы сможем провести здесь какие-либо исследования, невелики.

— А сможем ли мы долететь быстрее них?

— Нет никаких сомнений. «Глория Мунди» меньше, чем наш корабль. У нее меньший запас топлива. Кроме того, она была рассчитана на пять человек, а там сейчас шесть.

— Так это правда — насчет девушки, которая тайком пробралась на корабль? — спросил Жаткин, входя с результатами вычислений.

— Думаю, да.

— Но мы не видели никакой девушки, когда ходили на разведку,— возразил Плотвинов.

— Может, они ее выбросили за борт? — предположил Гордонов.

Винский покачал головой.

— Вряд ли. Но сделали они это или нет, они в проигрыше. Корабль израсходовал лишнее топливо, и теперь им придется экономить. А у нас, поскольку мы потеряли половину экипажа, есть значительное преимущество. Даже если бы Караминов и остальные были с нами, мы бы смогли достичь ускорения на 0,5 мили в секунду больше, чем «Глория Мунди», а если нас теперь четверо...

Винский замолчал — вывод был очевидным.

— Нет никаких сомнений,— подтвердил его слова Гордонов,— 0,5 мили в секунду — это более, чем достаточно. Я бы сказал, хватит ускорения и в 0,1 мили. Жаткин может подсчитать более точно.

— Ладно,— согласился Плотвинов,— жаль, конечно, что мы проделали такой путь впустую и узнали настолько мало. Но идея опередить англичан мне нравится. Конечно, если мы прибудем вторыми, это будет бессмысленно.

— Пусть-ка этот Кертенс впервые в жизни придет вторым,— добавил Винский.— Все его соперники будут ужасно довольны. В общем, мы отбываем домой вместе с «Глорией Мунди»?

Только Гордонов сомневался. Он продолжал настаивать, что надо тщательно изучить состояние корабля перед вылетом. Винский пожал плечами:

— Я понимаю ваши сомнения, но у нас нет иного выбора. Мы пока что заперты здесь в корабле, и я не думаю, что в ближайшие три часа вам позволят выйти и провести осмотр ракеты.

— Надеюсь, нам повезет,— пробормотал Гордонов.

Глава третья
БРОШЕННЫЕ НА МАРСЕ

Внутри «Товарища» наступило напряженное молчание. Четверо космонавтов лежали наготове на антигравитационных ложах. Гордонов внимательно смотрел в небольшое круглое зеркало, закрепленное у него над головой; в руках он держал рычаги управления на длинном гибком кабеле. Страх перед предстоящим путешествием и возможной неисправностью корабля на время отступил. Кроме того, в зеркале можно было увидеть далекий силуэт второй ракеты. Вычисления Жаткина показали, что марсиане точно определили время, необходимое для подготовки корабля к старту. Люди неохотно пристегнулись к своим ложам: перспектива провести еще одиннадцать или двенадцать недель запертыми в тесном пространстве ракеты их не радовала.

Ремонтные машины, облепившие корабль, удалились на значительное расстояние. Они явно осознавали, что оставаться поблизости от сопла ракеты небезопасно. Теперь, судя по всему, все зависело от того, согласится ли «Глория Мунди» подчиниться приказу марсиан. Если да, то «Товарищ» также покинет Марс и направится к Земле; если нет, то он останется до тех пор, пока космонавты не выяснят, что случилось. В любом случае технические характеристи-

ки корабля давали им преимущество перед англичанами. Взгляд Гордонова ни на миг не отрывался от круглого зеркала. Старт корабля конкурентов мог произойти в любой момент. Расхождение в подсчетах Жаткина и временем, указанным марсианами, составляло несколько секунд. Пальцы инженера лежали на кнопке «старт», готовые нажать на нее, как только под английской ракетой вспыхнет пламя. Остальные ждали, нервно посматривая на его руку. Секунды тянулись страшно медленно. Затем момент настал.

Из сопла английской ракеты вырвалось пламя, и она стремительно рванулась в бледные марсианские небеса. «Глория Мунди» прочертила небо и исчезла, как метеор.

В тот же миг Гордонов нажал на кнопку. «Товарищ» задрожал и устремился вверх. На космонавтов внезапно, как удар, навалилась перегрузка и тотчас же исчезла. За окном завертелись песчаные холмы. Людей, привязанных к своим ложам, швыряло во все стороны. Ракета кувыркалась как безумная в течение нескольких кошмарных секунд, пока Гордонов не понял, что происходит, и не отключил подачу топлива. Ракета совершила последний рывок, качнулась и покатилась куда-то вниз все быстрее и быстрее. Затем после резкого толчка корабль остановился.

— Да уж,— произнес Гордонов с замечательным самообладанием, тихо покачиваясь вместе со своим ложем,— надо было все-таки взглянуть на дюзы.

— Похоже, нас швыряло по всей пустыне, как воздушный змей в бурю. Что произошло? — спросил Винский.

Гордонов пожал плечами.

— Можно предположить, что часть дюз была повреждена, и поэтому корабль упал на бок при старте. Впрочем, это только догадки.

— Нам все-таки повезло,— сказал Жаткин.— Мы, по крайней мере, не взорвались.

— Вы считаете, это большая удача — провести остаток жизни на Марсе? Может быть, взрыв корабля избавил бы нас от напрасных страданий,— мрачно заметил Винский, вставая с антигравитационного ложа, и выглянул в иллюминатор.

— Ну вот, проклятые машины опять здесь. На этот раз не меньше сотни.

— Что они там делают? — спросил Гордонов.

— Подают сигналы,— сказал Винский, глядя наружу.

— Похоже, что один из них хочет войти внутрь. Он несет что-то вроде коробки.

— Будет лучше, если мы его впустим,— посоветовал Жаткин.— Мы же не сможем остаться здесь навсегда. Если машины захотят до нас добраться, то рано или поздно они это сделают; а если они не хотят нам вредить, самое время попытаться наладить с ними контакт.

Остальные согласно закивали.

Ситуация изменилась в корне. Если раньше враждебные действия машин вызывали у космонавтов только раздражение и разочарование из-за невозможности узнать о Марсе так много, как хотелось бы, то теперь земляне понимали, что только от марсиан зависит, будут ли они жить или погибнут через несколько недель от недостатка пищи и кислорода.

Винский принял решение. Через иллюминатор он подал механизму знак приблизиться к люку и нажал на рычаг, открывающий его внешнюю заслонку. Через полминуты в кают-компанию корабля вполз металлический монстр.

Команда «Товарища» напряженно рассматривала его — впервые они видели марсианскую машину так близко. Но ничего принципиально нового космонавты не заметили. Серебристый металл, из которого она была изготовлена, мог быть каким угодно сплавом, а внешний вид механизма не давал никаких подсказок о его устройстве. Машина передвигалась абсолютно бесшумно — даже на расстоянии ярда космонавты не услышали ни звука.

Машина не тратила время на знакомство: она сразу подползла к столу и поставила на него свой ящик. Он представлял собой металлический куб, одна из сторон которого была сделана из дымчато-серого стекла. Одним из щупальцев машина нажала на рычажок на обратной стороне ящика и откатилась назад. Винский взглянул на ящик и ахнул. Прочие, привлеченные его восклицанием, собрались у стола.

Серый экран осветился изнутри, и на нем возникло лицо человека. Оно выглядело старым, но точный возраст определить было невозможно. По обеим сторонам лица висели редкие пряди темных волос. Черты лица были правильными и приятными, только уши выглядели непропорционально: обычной формы, но слишком большие. На лице незнакомца доминировали глаза. В первую очередь космонавты обратили внимание именно на них — темные, широко расставленные, слегка усталые, печальные, но властные и выразительные.

Винский почувствовал легкое прикосновение к руке. Машина жестом велела ему встать напротив экрана, и несколько секунд командир корабля и незнакомец пристально смотрели друг на друга. Винскому показалось, что темные глаза просверлили его насквозь

Один за другим люди подходили к ящику и подвергались такому же изучению. Потом экран внезапно погас. Космонавты в ожидании смотрели, каждого из них не покидало ощущение, что он был тщательно изучен более сложным разумом, чем его собственный. Только Гордонов тихо и чуть насмешливо пробормотал по-английски поэтическую строчку об устрашающем взгляде Марса.

Наконец из коробки раздался голос. Машина повернула свое щупальце и коснулась Плотвинова. Доктор сделал шаг вперед, не отрывая взгляд от лица на экране. Медленно, словно подчиняясь неслышному приказу, он сел на стул и положил руки перед собой на стол. Он продолжал, не мигая, смотреть в глаза марсианину; его дыхание почти замерло. Прочие настороженно наблюдали за ним: казалось, что-то происходит, но они не могли понять, что именно. Прошло несколько минут — доктор не двигался.

— Плотвинов! — резко произнес Жаткин.

Доктор остался неподвижным как статуя.

— Мне это не нравится,— шагнув вперед, сказал Винский. В воздухе просвистело щупальце и преградило ему путь, мягко, но настойчиво отодвинув назад. Гордонов наклонился и принялся рассматривать доктора.

— Наш доктор оказался подходящим объектом — отключился сразу же. Не следует ничего предпринимать.

Опасно беспокоить человека, погруженного в гипнотический транс.

— Но с какой целью его загипнотизировали? — спросил Винский.

— Надо подождать, и мы обязательно узнаем,— ответил Гордонов.

Прежде чем доктор пошевелился, прошло без малого четыре часа. Его глаза внезапно закрылись, а голова упала на руки. Лица незнакомца исчезло с экрана, но сам экран продолжал по-прежнему светиться.

— Он уснул,— сказал Гордонов.— Дадим ему поспать с полчаса, прежде чем разбудим.

Ровно через полчаса он подошел к доктору и положил руку ему на плечо. Машина на этот раз не сделала попытки остановить его. Плотвинов пошевелился, протер глаза и широко зевнул.

— Что произошло? — спросил он.

Доктор с удивлением встретил испытующие взгляды своих товарищей.

— Что-то не так? Почему вы на меня так странно смотрите?

Гордонов протянул ему стакан воды, который доктор принял с благодарностью.

— Как вы себя чувствуете? — спросил инженер, когда стакан опустел.

— Слегка усталым, но...

Его прервало механическое бормотание, внезапно раздавшееся с экрана. После недолгого замешательства Плотвинов ответил на том же языке. В кают-компании воцарилось изумленное молчание.

— Вы... вы ему ответили! — наконец сумел выговорить Винский.

— Разве? Да, действительно...— с изумлением произнес доктор.— Что со мной случилось?

— Мы тоже хотим знать,— хором ответили три космонавта.

На экране между тем снова появилось лицо незнакомца. На этот раз он заговорил без промедления. Плотвинов ответил ему так уверенно, словно говорил на родном языке.

Последовавший разговор, состоявший из странных дифтонгов и незнакомых звуков, показался слушателям невыносимо длинным, хотя на самом деле продолжался не дольше сорока минут. Затем лицо исчезло с экрана, и экран погас.

— Ну? — сказал Винский.— Теперь расскажите нам, в чем дело.

Плотвинов вкратце пересказал суть разговора.

Марсианина, чье лицо они видели на экране, звали Соантин. Он представился как правитель Ханно, главного из семи обитаемых городов Марса. Насколько понял доктор, Соантину принадлежала власть надо всем Марсом, хотя понятия о власти здесь были своеобразными. Первым делом Соантин извинился, что загипнотизировал доктора без его ведома, поскольку необходимо было как можно скорее найти эффективный способ общения.

Далее он заявил, что корабль и его команда не могут оставаться на том месте, где находятся сейчас. Машины сообщили ему, что «Товарищ» нуждается в ремонте: необходимо заменить часть дюз и провести починку двигателя. Имелись еще несколько менее существенных повреждений: в общем, по мнению Соантина, корабль чудом избежал взрыва и полного разрушения.

— Очень любезно с его стороны,— заметил Гордонов,— учитывая, что именно по его приказу нам не позволили осмотреть корабль.

Этот Соантин, продолжал Плотвинов, не хотел причинять нам вреда, но вступать в более близкий контакт решительно отказался. Один марсианин, сказал он, уже пообщался с землянином с «Глории Мунди», и в результате подхватил земную болезнь, которой не в силах сопротивляться. И хотя распространение болезни удалось предотвратить, сам он погиб. Поэтому было решено, что ни один из земных космонавтов не сможет посетить Ханно или любой другой из обитаемых марсианских городов. Так что, посовещавшись с машинами, Соантин решил выделить нам для временного жилья мертвый город Аилико.

Этот город находится недалеко, к северу от места крушения. Он в хорошем состоянии, поскольку население поки-

нуло его относительно недавно — около пятисот марсианских (или около тысячи земных) лет назад.

Уже отдан приказ привести в рабочее состояние некоторые из жилых помещений Аилико — включена вентиляция, водоснабжение, обеспечение питанием. Земные космонавты смогут жить в комфорте, пока машины будут ремонтировать их корабль.

Соантин не мог точно сказать, сколько времени займет ремонт: требовалось еще подобрать жаропрочные сплавы, идентичные земным. Если такие сплавы найти не удастся, то скорость корабля заметно упадет. Задержка эта хоть и вынужденная, но необходимая. Потом корабль будет заново снабжен пищей и топливом. Работы начнутся утром следующего дня, после того как земляне будут переправлены в Аилико.

Это было благородное предложение, хоть марсиане и не предоставили космонавтам особого выбора. Ничто ведь не препятствовало марсианам бросить корабль в пустыне и позволить землянам погибнуть от голода.

— В общем, я поблагодарил Соантина от вашего имени и сказал, что мы будем готовиться к переезду,— закончил рассказ Плотвинов.

Винский кивнул.

— Мы в их руках,— согласился он.— В этом есть один плюс — мы многое сможем узнать о марсианах, гораздо больше, чем англичане.

— Что он имел в виду, когда сказал «посовещавшись с машинами»? — спросил Жаткин.— Как можно «совещаться» с машиной?

— Не знаю, но именно так он и выразился,— ответил доктор.

— Может, он имел в виду, что делит власть с машинами или что машинам отдана определенная сфера жизни...— продолжал допытываться Жаткин.

Плотвинов устало взглянул на него.

— Вы думаете, я изучил всю историю и государственное устройство Марса за несколько минут? Я пересказал разговор, только и всего. А сейчас, прошу, дайте мне немного поспать.

Глава четвертая
ПОКИНУТЫЙ ГОРОД

Утренние лучи солнца бросили розоватый отсвет на белые стены Аилико. Город выглядел таким же прекрасным, как в день творения, словно время не коснулось его. Он возвышался в пустыне как утес с тысячами окон.

Машины, тащившие «Товарищ» через пустыню, остановились в полумиле от белых стен. В песках остался глубокий след, словно от громадного плуга. Одна из машин постучала щупальцем по стеклу иллюминатора. Вскоре люди в кислородных масках, каждый из которых нес оружие и разнообразную амуницию, покинули корабль. Винский и Плотвинов, кроме того, несли кинокамеры, катушки с пленкой и коробку с экраном для связи с Соантином. Их встретила машина, которая, не теряя времени, повела их за собой в узкую арку между зданиями. Люди шли за ней неуклюжей подпрыгивающей походкой — результат слабого тяготения.

— Хотел бы я знать,— сказал Гордонов негромко, словно сам себе,— хотел бы я знать, как устроена эта штука. Судя по металлическому корпусу, это должна быть машина. Но машина ли это? Может быть, внутри этого механизма находится живое существо, которое им управляет? Может, это что-то вроде водолазного костюма, только для пустыни?

— Не думаю,— ответил Винский.— Скорее мы имеем дело с чем-нибудь более необычным для землянина — например, с симбиозом: наполовину машиной, наполовину живым существом.

Инженер задумался.

— Как такое может быть? Я не представляю.

— Я тоже не представляю. Но, с другой стороны, а почему бы и нет?

Они замолчали и пошли дальше, не произнося ни слова. Вход в город представлял собой узкий каньон между двумя искусственными отвесными стенами. До самого входа дорога была засыпана песком, но между зданиями она пре-

вращалась в гладкую бетонную полосу. Слабые ветры Марса не могли занести песок дальше. Вскоре стало ясно, что путь ведет к одному из огромных зданий недалеко от входа. Они повернули за угол, пересекли открытую замощенную площадь, прошли в высокую дверь и оказались в небольшом пустом холле. Машина вкатилась последней, и стена мягко сомкнулась за ней. Через минуту раскрылась стена напротив. Машина что-то кратко произнесла, и Плотвинов снял кислородную маску.

— Все в порядке, здесь достаточно кислорода для дыхания,— сказал он остальным.

Короткий коридор привел землян на открытую площадку высоко над городом. С изумлением разглядывая впечатляющую панораму стеклянных крыш под ногами, они не сразу осознали, что находятся внутри прозрачного купола. Пол был земляным, утоптанным.

«Интересно, что это за место?» — подумал Плотвинов и обратился к машине с вопросом, а потом перевел ее слова остальным.

— Она говорит, что раньше здесь был сад. Такие сады были на крыше каждого здания.

— Поразительно,— произнес Винский.— Кажется, что они покинули это место только вчера. Никаких следов упадка! Наверно, марсиане были замечательными строителями. Создается впечатление, будто время не имело для них никакого значения.

— Можно сказать и так,— согласился доктор.— Если ничего не меняется, время действительно теряет значение. Здесь нет растений, а воздействие климата сведено к минимуму. Разве что ветер поднимается, да и то изредка. А что касается дождя, думаю, последний раз он шел на Марсе несколько сот лет назад.

Жаткин обвел открывающийся вид своим печальным и задумчивым взглядом.

— Мне не нравится это место. Здесь полно призраков. Призраков тех, кто жил здесь — выглядывал из тех окон и перегибался через балконные перила, чтобы взглянуть на детей, игравших на улицах и площадях. Мне кажется, эти люди знали, что их конец близок и что у их детей нет

будущего. Наверно, они были очень несчастными. Тысячи лет ничего не значат — ведь они все еще здесь.

— Лучше вам хранить свои впечатления при себе,— проворчал Винский.— Нам здесь еще жить.

Но печальные мысли мертвый город навевал не только на Жаткина.

Машина провела их по длинному балкону вдоль края купола в огромную, почти пустую комнату. Винский сразу подошел к окну во всю стену, но не увидел ничего, кроме бесконечных красноватых песков, уходящих за горизонт. Где-то вдалеке слева сквозь ржавые сухие кустики — судя по всему, единственный вид марсианской флоры — поблескивала вода канала. Должно быть, в прошлом этот канал снабжал Аилико водой. Справа виднелась борозда, пропаханная в песке «Товарищем», но самого корабля не было видно.

Винский обернулся и оглядел комнату. Плотвинов по-прежнему стоял возле входа и внимательно слушал металлическое бормотание машины. Меблировка комнаты была предельно простой. Несколько кубических стульев, низкий диван у стены и большой куб — стол — составляли все предметы обстановки. Однако на стенах комнаты располагалось множество панелей управления и щитков, похожих на дверцы шкафов. Стены и мебель были жемчужно-белого цвета с едва заметным орнаментом из бледных цветных линий. В одну из стен был вмонтирован большой матово-серый экран.

Бормотание машины прекратилось, и она без промедления покинула комнату. Плотвинов обернулся к товарищам и сказал:

— Что же, можно что угодно говорить по поводу обычая марсиан держать гостей на безопасном расстоянии, но все равно в гостеприимстве им не откажешь. Судя по рассказу этой машины, мы потеряли не так уж много — если я, конечно, не забыл, на какие кнопки нажимать.

Оказалось, что в пределах Аилико землянам предоставлена полная свобода. Комната была отлажена так, чтобы поддерживать привычные для землян силу тяжести и состав воздуха, но прогулки по городу были возможны только

в кислородной маске. Зато, добавил Плотвинов, в каждом здании имелись склады скафандров любых размеров во вполне рабочем состоянии. Они предназначались жителям города на случай, если системы жизнеобеспечения выйдут из строя.

О еде также можно было не беспокоиться. Она изготовлялась химическим путем, и ее запасы были достаточно велики — правда, предстояло еще попробовать ее на вкус. Еду можно было получить в любой момент, послав запрос одной из машин, расположенных в основании здания.

— Но как они могли взять и бросить такое место? — поразился Винский.— Судя по всему, город не был оставлен внезапно.

— А почему бы им и не оставить город? — возразил Плотвинов.— Население Марса сокращалось. Городов вскоре осталось больше, чем требовалось марсианам, и они начали уезжать. Зачем им жить в полупустых городах? Запасов стало слишком много, а потребителей мало. Думаю, что сюда можно вернуться в любой момент, чо зачем, если рождаемость падает с каждым годом?

Винский неторопливо кивнул.

— Понятно. Наверно, так оно и было. Система ценностей должна измениться в вымирающем обществе. Довольно трудно землянину взглянуть на ситуацию с точки зрения марсиан...

— Будьте добры, взглянуть на ситуацию с моей точки зрения,— прервал его Гордонов.— Плотвинов вроде упомянул про еду. Как нам ее получить?

Плотвинов подошел к щитку на стене, нажал на одну из кнопок и что-то сказал на языке марсиан.

Ждать пришлось около минуты. Затем раздался щелчок, и открылась прямоугольная панель в стене. В углублении за ней стоял ряд глубоких мисок, над которыми поднимался пар.

— Вот это сервис,— восхитился Гордонов.— Мне начинает нравиться это место.

Еда оказалась на удивление вкусной. Запах всех блюд был довольно непривычным, но по большей части приятным. Ясно, что марсианские химики понимали разницу

между просто питательной пищей и едой, которая возбуждает аппетит.

После еды земляне тщательно изучили устройство комнат. Несмотря на обилие незнакомых технологических приспособлений (с которыми, впрочем, они быстро научились обращаться), комнаты также оказались комфортными и функциональными. Однако некоторые устройства так и остались для них загадкой. Основное неудобство состояло в том, что комнаты выглядели пустыми и неуютными. Причиной тому было пристрастие марсиан к минимализму и мебели, встроенной в стены.

Вернувшись в центральную комнату, Плотвинов задумчиво уставился на матовый серый экран.

— Что это такое? — спросил Винский.

— Похоже, что-то вроде телевизора. Машина говорила об этом, но я не вполне разобрался, как он работает. Впрочем, стоит взглянуть на него поближе.

Он быстро разыскал панель управления. Нажатие главной кнопки заставило экран осветиться, но понять остальное оказалось далеко не так просто. Прошло больше получаса, прежде чем на экране появилось нечеткое, размытое изображение все той же красноватой пустыни.

Плотвинов осторожно нажал одну из кнопок, и изображение стало более четким; нажал другую, и экран погас.

— Ну что, как он работает? — с любопытством спросил Гордонов.

— Насколько я понял, принцип действия совершенно не такой, как у ящика, с помощью которого мы говорили с Соантином,— то есть это не передатчик. Сначала мы определяем место, которое хотим увидеть, затем точку обзора — вашу собственную позицию, затем на объект направляется два луча, назовем их условно — позитивный и негативный — и все, изображение получено.

— Главная сложность в том, чтобы понять, для чего служат все эти кнопки. В любом случае, с помощью этого экрана мы можем увидеть все, что захотим, в этом полушарии. Но не то, что происходит внутри зданий — они защищены специальным полем.

— Очень тактично,— заметил Гордонов.

— Ну что же, давайте попробуем взглянуть на наш «Товарищ».

— Как насчет того, чтобы посмотреть это место — как его, Ханно,— предложил Жаткин,— мы хоть узнаем, как живут настоящие марсиане.

— Я думаю, первое, что нам надо сделать, это составить генеральный план Марса и прежде всего нанести на карту расположение каналов,— заявил Винский.

— Погодите, дайте разобраться, как работает эта чертова штука,— возразил доктор и снова погрузился в изучение устройства панели.

Глава пятая
СУДЬБА МАРСИАН

Винский вошел в центральную комнату. Гордонов мельком взглянул на него и снова обернулся к видеоэкрану, на котором машины занимались ремонтом «Товарища». Сняв на ходу стеклянный шлем, Винский положил его на стол, отстегнул с плеч кислородный баллон и стянул серебристый скафандр. Затем он подошел к стене, нажал на кнопку и произнес марсианское слово. В окне вскоре появилась миска с жидкостью. Винский взял миску и уселся на диван рядом с инженером.

— Как у них продвигается работа?

— Неплохо, неплохо,— сказал Гордонов.— Они закончили ремонт дюз и теперь что-то делают в кают-компании. Похоже, им осталось трудиться не больше двух дней.

— Отлично,— произнес Винский, устремив взгляд на экран.— Чем быстрее мы выберемся из этого морга, тем будет лучше для нас всех.

Гордонов кивнул. Ему пребывание в Аилико тоже действовало на нервы. Этот опустелый город, казалось, был пропитан чувством уныния и безнадежности. Первые дни они были слишком заняты, чтобы обращать внимание на свои ощущения. Каждое новое открытие заставляло забыть о тоске. Но когда космонавты свыклись со своим положением и освоились, чувство безнадежности вернулось. В этом

была одна из причин, почему Гордонов с каждым днем проводил все больше времени у экрана, наблюдая за работой машин: починка «Товарища» была практической деятельностью, несущей надежду на избавление. Сосредоточась на этом плодотворном труде, Гордонов забывал об упадке вокруг.

Они пробыли в Аилико уже семнадцать дней, и эти дни показались им очень долгими. Это унылое место постоянно вызывало нежеланные мысли: мертвый город на умирающей планете, дом вымирающей расы. Соантин рассказал Плотвинову о том, что численность населения за несколько тысяч лет сократилась до ничтожной кучки жителей. Они обитали в семи городах, и того было для них слишком много. Через пару поколений, скорее всего, наступит конец — разумная жизнь на Марсе вымрет. Не оставалось никакой надежды, что изменятся условия существования или эволюция их расы обратится вспять. Марсиане были так же уверены, что у их детей нет будущего, как если бы речь шла о них самих. Однако это нельзя было назвать коллективным самоубийством — они просто ждали конца. Это угнетающе действовало на Гордонова и остальных землян. Многочисленные попытки обратить процесс умирания вспять ни к чему не привели: ирригация всей планеты, постройка городов-куполов только продлили их существование на несколько столетий. Если бы они вообще ничего не делали, конец был бы тот же самый.

Но даже теперь они еще не сдались окончательно. Новая форма жизни, если ее можно было так назвать,— разумные механизмы постепенно вытесняли марсиан и занимали их место на планете. Марсианам казалось, что этот процесс происходит по их воле, но у землян создалось впечатление, что это не так. Сознание, что от человека тут ничего не зависело, больше всего угнетало их. Невольно напрашивались аналоги с Землей, и в этом была истинная причина депрессии, охватившей космонавтов. Через несколько дней после прибытия в Аилико один вопрос постоянно терзал их: зачем?

Действительно, зачем все? Зачем развиваться, строить города? Зачем нужны космические путешествия? Зачем

вообще что-то предпринимать, если всех ждет один конец? Когда-нибудь, думали они, Землю ждет судьба Марса. И тем не менее земляне с еще большим упорством, чем марсиане, цеплялись за свое существование. Почему? Они не знали ответа на этот вопрос и все равно боролись. Но чем дольше они оставались на этой дряхлой планете, тем сильнее ими овладевало чувство бессилия. Марсиане, казалось, знали так много, но не могли остановить вымирание своей расы — на что же могла рассчитывать Земля? Да и останется ли население, когда планета достигнет такого ж состояния, как Марс? Соантин считал, что это сомнительно.

— Ваша планета больше, чем Марс, и ее существование будет более долгим,— сказал он.— Я думаю, что эволюция у вас еще далеко не завершена.

Он предположил, что со временем на Земле появятся потомки человека, так же не похожие на него, как не похож человек на динозавров. Эта теория повергла слушателей в большее уныние, чем перспектива вымирания человеческого рода вместе с планетой. За примером не надо было далеко ходить: марсиане пошли по пути создания разумных машин. «Это будут наши наследники, новая раса марсиан,— говорил Соантин.— У них есть разум, они такие же живые существа, как и люди. Несмотря на их металлические тела, они имеют способность к развитию. Они независимы от окружающей среды как ни один другой организм. В основе их строения есть нечто от животного мира, но больше, пожалуй, от растений. На них не влияют ни температура, ни отсутствие кислорода. Их жизнь, основанная на процессе фотосинтеза, может длиться столько, сколько будут существовать вода и солнце».

Но какое это имеет значение, спрашивал себя Гордонов. Машины — это не люди, и какая разница, насколько переживут человека его создания. Вода закончится, погаснет Солнце, и конец неминуемо придет. Все суета — зачем беспокоиться, предпринимать что-то... Таков был итог размышлений, которые порождали у землян стены Аилико. Но они все равно беспокоились и, по крайней мере, прилагали усилия, чтобы выбраться из этого места. За его пре-

делами неизбежный конец казался более отдаленным и менее реальным.

— Куда пошли все остальные? — спросил Винский.

— Не знаю,— ответил Гордонов, не отрывая глаз от экрана.— В больницу, наверное. Это место так и притягивает Плотвинова.

— Не удивительно, если учесть, что он врач. Вы и сами провели несколько дней в мастерских.

— Разумеется. И совершенно озверел от досады. Если бы местные жители, как и мы, использовали бы только простые вещи — например, пар, нефть или электричество,— я смог бы почерпнуть какие-нибудь полезные идеи. Но я даже не понял, что представляют собой их источники энергии, не говоря уже обо всем остальном...

— Не думаю, что разобраться так уж сложно,— с сомнением заметил Винский,— электричество тоже когда-то казалось людям колдовством.

— Спасибо за полезный совет. Конечно, я смог бы разобраться, если бы кто-нибудь объяснил мне базовые принципы. А так я не представляю даже, откуда начать. Будь в моем распоряжении побольше времени, я бы, конечно, напряг мозги... Кстати, если оборудование больницы такое же сложное, то нам придется связать Плотвинова, чтобы увезти его оттуда.

— Не беспокойтесь за него. Атмосфера Аилико действует на него меньше, чем на нас. Жаткин пошел с ним?

— Естественно, здесь ему скучно, а гулять в одиночестве он, по-моему, боится. Говорит, в каждом закоулке Аилико полно призраков.

Собеседники прервали разговор и пообедали синтетической пищей, после чего Гордонов опять уставился на экран. Винский некоторое время сидел рядом, но вскоре ему надоело. Оно взял со стола шлем и снова надел его.

— Пойду прогуляюсь и посмотрю, что там делает доктор,— сказал он.— Все лучше, чем сидеть здесь без дела.

Он надел скафандр и вышел. Гордонов кивнул, но ответить не удосужился.

Пройти по Аилико можно было двумя способами: по улицам или через подземные переходы, которые связывали

между собой отдельные здания. В те дни, когда город был обитаемым, переходы были заполнены воздухом, что позволяло жителям передвигаться без скафандров. Но теперь большой разницы не было, поскольку воздух отсутствовал везде.

Тем не менее Винский решил идти через подземный переход, поскольку там пролегал самый короткий путь в больницу. Он спустился на лифте до самого низкого уровня, активизировал подачу кислорода и вступил в воздушный шлюз, отделявший здание от подземных туннелей.

Он долго шел в одиночестве по слабо освещенному коридору и думал, что нельзя порицать Жаткина за то, что он повсюду видит призраков. Много раз, проходя через полутемные перекрестки и галереи, он сам с трудом удерживался от приступов паники. Даже при дневном свете под пепельным небом космонавтов часто охватывало чувство беспричинной тревоги.

Возможно, все дело в том, думал Винский, что этот город был готов в любой момент возродиться к жизни. Ничего не было брошено, разрушено или демонтировано; все системы жизнеобеспечения были наготове. Не верилось, что город покинут навеки.

Найти дорогу не представляло труда. Винский шел и поглядывал на карту, где Плотвинов подчеркнул нужные указатели: оставалось только сопоставить их с надписями на стенах туннелей. Однако идти до самой больницы ему не понадобилось: за полмили до конца пути Винский услышал знакомые голоса и увидел товарищей, идущих навстречу. Они несли какой-то массивный, блестящий предмет, подхватив его с двух сторон. Винский остановился и приветствовал их. Приходилось говорить громко — разреженный воздух плохо передавал звук.

— Я уже начал беспокоиться о вас. Думал, не случилось ли чего,— сказал он.— Что за штуковину вы тащите?

Доктор и Жаткин положили ношу на землю. Это был длинный стеклянный контейнер с закругленными краями, один шире другого.

— Марсианин,— ответил Плотвинов,— я захотел взглянуть на него повнимательнее и сейчас несу его к нам.

Винский склонился над контейнером. Казалось, контейнер был заполнен мутноватой зеленой жидкостью. В жидкости плавало, слегка покачиваясь, обнаженное тело марсианина. Винский подумал, что он выглядит точно как заспиртованный уродец, даже еще хуже. Мутная жидкость не позволяла разглядеть детали, но было заметно, что пропорции фигуры марсианина существенно отличаются от земных.

— М-да. Нечего сказать, приятное занятие вы придумали,— произнес Винский, морщась.— Только марсианских трупов нам тут и не хватало. Где вы это нашли?

Плотвинов усмехнулся.

— Могу показать,— предложил он.

— Мне что-то не хочется. У меня и так паршивое настроение, и вид марсианского кладбища меня вряд ли развеселит.

— Тем не менее я считаю, что вам будет интересно на это взглянуть.

— Ну ладно,— неохотно сдался Винский. В глубине души его заинтересовала находка доктора.

Они оставили контейнер на полу, а сами отправились обратно в больницу.

Пройдя мимо ряда лифтов, они зашли в самый последний, и, к удивлению Винского, лифт поехал вниз. Проехав несколько десятков футов, лифт остановился, и исследователи очутились в небольшой пустой комнате. Плотвинов нажал на какую-то кнопку, и массивная дверь на противоположной стороне комнаты отворилась. Доктор вошел внутрь, нажал на невидимый рычаг, и темнота осветилась рядами тусклых огней.

Глава шестая
В СКЛЕПЕ

Винский огляделся и громко вскрикнул. Перед ним расстилалось уходящее в бесконечность подземелье. Под потолком в обе стороны уходили ряды бледных ламп, постепенно превращаясь в едва заметное мерцание вдалеке.

Все пространство подземелья было заполнено точно такими же стеклянными контейнерами, какой несли Плотвинов и Жаткин. Тысячи — а может, и сотни тысяч контейнеров с телами марсиан стояли горизонтально в пятиярусных стеллажах. Их бледные тела едва просвечивали сквозь зеленоватую жидкость

Но крик Винского был вызван не только этим поразительным зрелищем. Его взгляд был устремлен на лежащее на полу среди осколков контейнера тело. Две ячейки ближайшего стеллажа были пусты.

Тело принадлежало женщине — судя по всему, довольно молодой. Она выглядела так, словно умерла всего несколько минут назад. Даже теперь казалось, что она вот-вот пошевелится и что-нибудь скажет.

Винский вопросительно взглянул на Плотвинова. Доктор покачал головой.

— Да, боюсь, что я в этом виноват. Когда мы пытались открыть контейнер, я понятия не имел, как обстоят дела внутри, и бедная женщина умерла. Крайне прискорбно.

— Она... что? — не веря своим ушам, переспросил Винский.

— Она умерла — здесь, на полу.

Винский пристально посмотрел на доктора, затем медленно обвел глазами зал, и его взгляд остановился на мертвом теле.

— Вы серьезно, Плотвинов? Вы хотите сказать, что все эти марсиане в стеклянных ящиках живы?

Плотвинов утвердительно кивнул.

— Абсолютно точно. Они не мертвы. Впрочем, и не совсем живы. Мы с Жаткиным забрели в этот подвал случайно. Там, внизу, еще пять этажей точно таких же, как этот. Сначала мы подумали, что это такой способ погребения: что-то вроде мумифицирования. В конце концов, на земле хватает людей, имеющих глупость верить в жизнь после смерти, так почему бы таким не быть и на Марсе? Мы решили, что в этом склепе мириады умерших марсиан ждут звука последней трубы, который их разбудит. А поскольку лично я очень сомневаюсь, чтобы здесь нашлась подобная труба, я решил, что не будет большого вреда, если я изучу

одного-двух марсиан поближе — хотя бы, чтобы взглянуть, чем их внутреннее и внешнее строение отличается от нашего. Итак, мы разбили один контейнер, и бедная женщина умерла от удушья, так и не успев возвратиться к жизни. Очень неприятный случай.

— Это было ужасно,— вздрогнув, произнес Жаткин.

Взгляд Винского все еще был недоверчивым.

— Вы действительно говорите правду? Я не могу в это поверить.

— Я вас понимаю. Я бы и сам не поверил, если бы не увидел все собственными глазами.

— Это было ужасно,— повторил Жаткин.

— Но что они сделали с этими людьми? — задал вопрос Винский.

— Я и сам хотел бы знать. После того как мы вышли из склепа, первым делом мы пошли в библиотеку при этой больнице. Как ни странно, мы довольно быстро нашли нужную нам информацию. Вещество в контейнерах не является жидкостью — это тяжелый газ, обладающий свойством останавливать все жизненные процессы живого организма. Я не смог подобрать точного перевода понятия, которым у марсиан обозначают такое состояние — каталепсия, анабиоз, летаргия — ни одно из них не подходит.

— Но оно может длиться сколько угодно?

— Похоже на то. Я не нашел упоминания о каких-либо временных ограничениях.

— Но когда и зачем они это сделали?

— Откуда мне знать? Могу сказать только, что это произошло страшно давно, поскольку в больничной библиотеке я не нашел никаких записей о массовом анабиозе.

— И что, всех этих людей,— Винский махнул рукой в сторону бесчисленных контейнеров,— можно оживить?

— Можно. Конечно, не обойдется без отдельных несчастных случаев, но...

— Одна точно никогда не проснется,— вставил слово Жаткин, указав на тело женщины.

— Нет, я не могу поверить!

— Я и сам с трудом верю,— сказал Плотвинов,— и поэтому собираюсь проверить. Для этого мы и несли тот

контейнер в нашу квартиру — ведь здесь почти нет воздуха. Ну что, пойдемте?

Доктор и Жаткин подняли контейнер и побрели по коридору дальше. Винский пошел за ними, невольно завидуя хладнокровию Плотвинова. У доктора были самые крепкие нервы. Он спокойно исследовал пустынный город, и общее чувство уныния обходило его стороной. Винского раздражали собственные ощущения. Будучи убежденным материалистом, он отдавал приоритет строго научному анализу фактов и событий, а на эмоции всегда старался не обращать внимания. А теперь именно чувства искажали его мысли и суждения. Преодолевая стыд, Винский произнес слова, которые подсказывала ему интуиция.

— Вы думаете, стоит возиться с этим?

Плотвинов с интересом взглянул на него.

— Что вы имеете в виду под словом «стоит»? Что наш поступок будет бессмысленным или опрометчивым?

— Я не знаю, но мне кажется, вряд ли эти люди оказались в трансе случайно. Это было сделано явно с определенной целью: кто-то определил, что они должны спать и не просыпаться. Что мы знаем об этой планете, чтобы так бесцеремонно вмешиваться в чьи-то планы? В общем, я считаю, что будет гораздо разумнее с нашей стороны оставить все как есть.

Доктор презрительно хмыкнул.

— Вы становитесь суеверным, как Жаткин. Я — человек науки. Мне интересно, как это было сделано, и было ли это сделано успешно. Я не собираюсь вести себя как тупая деревенщина. Кроме того, все эти люди останутся в трансе, кроме одного, которого я собираюсь разбудить.

— И женщины, которую мы убили,— добавил Жаткин.

— Полно, выбросите ее из головы. Я уверяю вас, что она умерла по недоразумению. Она ничего не успела понять. Это был всего лишь несчастный случай.

Они вышли в главный туннель, подобрали контейнер, и Винский, испытывая неловкость из-за своего нелогичного, продиктованного чувствами предположения, помог нести его. Ноша показалась на удивление легкой для его земных мускулов.

— Все готово? — спросил Плотвинов. Остальные кивнули без особенного энтузиазма. Казалось бы, в этот момент все посторонние чувства должны быть вытеснены любопытством, но вместо этого зрители не могли избавится от беспричинного страха.

Полтора часа прошло с того момента, как они принесли контейнер в свою комнату. Доктор настоял, чтобы контейнер не пытались открыть до тех пор, пока температура внутри него не сравняется с внешней.

Плотвинов с размаху ударил молотком по стеклянной поверхности саркофага. Контейнер покачнулся, забурлил зеленоватый газ, но контейнер даже не треснул.

Плотвинов ударил еще раз, немного сильнее, но снова безо всякого эффекта. Третий удар оказался успешным, контейнер треснул вдоль и распался на две половины. Тяжелый зеленый газ растекся по полу и начал медленно литься вниз, словно вода при замедленной съемке. Гордонов выступил вперед и быстро набрал немного газа в герметично закрывающийся флакон.

Плотвинов отбросил молоток и склонился над контейнером. Винский помог ему вытащить тело и перевернул его лицом вниз. Изо рта и ноздрей марсианина начал вытекать зеленый газ. Потом его перенесли на диван, и доктор принялся делать ему искусственное дыхание. После нескольких энергичных нажатий из легких спящего выделились последние остатки газа. Не прерываясь, Плотвинов попросил Жаткина передать ему шприц, быстро сделал инъекцию и снова вернулся к массажу.

Прошло около получаса, прежде чем доктор прекратил делать искусственное дыхание. Марсианин дышал достаточно ровно и глубоко, но сознание к нему еще не вернулось. Доктор сделал еще один укол и завернул тело спящего в теплое одеяло. Теперь оставалось только ждать.

— Все должно быть в порядке,— произнес он через некоторое время.— Может быть, у них есть и более быстрые методы возвращения к жизни, но я не хотел рисковать. Думаю, и этот окажется достаточно эффективным.

Через час с лишним веки спящего дрогнули, и он пошевелился. Никто не произнес ни слова. Сначала взгляд мар-

сианина был пустым и неосмысленным. Он лежал и глядел в потолок. Но вскоре он, словно с огромным усилием, повернул голову, и его глаза встретились с глазами землян.

На лице марсианина отразились изумление и тревога. Он сделал попытку привстать. Плотвинов мягко опустил ему руку на плечо и произнес несколько слов на местном языке. Марсианин послушно лег обратно на диван, но его взгляд оставался озадаченным.

Спустя пару минут к нему вернулась способность говорить. Плотвинов понял его слова — хотя интонация и показалась ему необычной — и стал переводить их остальным.

— Кто вы? — едва слышно спросил марсианин.

— Друзья,— ответил доктор.— Мы объясним позднее.

— Какой сейчас год? Сколько лет я спал?

Этого Плотвинов сказать не мог: он понятия не имел о марсианском летосчислении. Поэтому он ответил:

— Очень долго. Я не знаю точно сколько.

— Триста лет? — предположил марсианин.— Они сказали, что пробуждение наступит через триста лет.

Доктор покачал головой, и этот жест удивил его собеседника.

— А каналы? — спросил он.— Они построили каналы?

— Да, каналы они построили,— заверил его доктор.

— Хорошо. Значит, все было не напрасно,— явно успокоенный, прошептал марсианин, закрывая глаза. Через несколько минут он уснул обычным, здоровым сном.

Плотвинов обвел товарищей взглядом, полным трепета и изумления.

— Прежде чем появились каналы! — прошептал он.— Интересно, сколько тысяч лет прошло с тех пор?

Глава седьмая
ИСТОРИЯ СПЯЩЕГО

— Послушайте,— сказал Плотвинов.— Вам надо поесть.

Марсианин послушно повернулся и отошел от окна. Он двигался так, словно еще не вполне проснулся.

— Это не может быть Аилико,— повторил он.

— Это именно Аилико,— мягко подтвердил доктор в третий или четвертый раз.

— Но он окружен пустыней, и она выглядит так, как будто была здесь всегда. Вокруг Аилико пустыни не было... Где она заканчивается?

— Не знаю. Не думаю, что она вообще где-то заканчивается. Весь Марс покрыт песками, кроме узких полос растительности по берегам каналов.

— Каналы... Да, каналы. Но их строили именно для того, чтобы спасти землю. Почему же теперь повсюду пустыня?

Марсианин замолчал и пристально посмотрел на землянина.

— А вы кто такие? Вы не похожи на нас — ваши руки и ноги толще, уши — меньше, грудная клетка более узкая. Почему?

Плотвинов объяснил все марсианину, как мог, пока тот ел. Гордонов включил экран, чтобы показать «Товарищ» и ползающие вокруг него машины.

— С Земли? — недоверчиво переспросил марсианин.— Но почему меня разбудили пришельцы с Земли? Почему не мой собственный народ?

На этот вопрос Плотвинов и сам хотел бы знать ответ. Но в свою очередь спросил марсианина:

— Расскажите нам о себе. Мы практически ничего не знаем об этой планете. Что произошло? Почему мы нашли вас в состоянии летаргии?

История марсианина, довольно несвязная, требовала множество дополнительных пояснений, но позднее Плотвинов обдумал ее и пересказал своими словами остальным.

— В мое время,— рассказывал молодой марсианин, чье имя приблизительно звучало как Яодин,— Марс был перенаселен, и в этом причина всего происшедшего. Теперь это не так, судя по всему, хотя мне кажется, что я пришел в больницу только вчера. А тогда в мире витало предчувствие катастрофы. Казалось, вот-вот, и Марсу придет конец.

Урожайность падала, хотя мы делали все, что могли. Както случился неурожайный год; запасы скоро кончились, и население оказалось на пороге голодной смерти. Мы с трудом дотянули до следующего года, но он опять оказался неурожайным.

Тогда был создан специальный комитет. Он провел исследования почвы и объявил, что больше рассчитывать на крупные урожаи не придется, поскольку земля истощена повсюду, кроме редких речных долин. Притом климат становился все более засушливым — моря, реки постепенно высыхали... Короче говоря, был сделан вывод, что Марс уже не может прокормить все наше население.

Разразился серьезный кризис, который закончился кровавой войной. Все понимали, что перспектива одна — уменьшение рациона, голодание, смерть от истощения. Война не решила проблемы — хоть население и сократилось, но часть плодородных земель оказалась разорена. После заключения мира ситуация стала еще безнадежнее. Тогда на смену вражде пришло сотрудничество. Снова собралась огромная всемирная конференция и постановила начать создание глобальной ирригационной системы, от полюса до полюса,— то, что вы называете каналами.

Сначала этот план казался неосуществимым. Отыскивались другие средства, но безуспешно — время шло, население голодало, а на постройку каналов могли уйти десятилетия, если не столетия.

Наконец мы оказались перед выбором: либо мы продолжаем выжимать из наших скудных земель все, что возможно, в то время как население постепенно вымирает от недоедания, либо необходимо каким-нибудь образом сократить численность населения, чтобы оставшиеся могли жить нормально. Первый вариант означал поражение в борьбе за жизнь; второй предполагал два пути: или добровольная эвтаназия для большинства, или сокращение рождаемости. Понятно, что идея массового самоубийства никого не прельщала, а идея ограничения рождаемости по ряду религиозных и этических причин натолкнулась на такое сопротивление, что вскоре стало ясно — это тоже не выход.

И вот однажды в разгар ожесточенных дискуссий врачи высказали новую идею: почему бы не погрузить значительную часть населения в состояния обратимой смерти, в анабиоз? Риска почти не было. Большая часть уснет; меньшая, освобожденная от постоянной угрозы голодания, бросит все силы на постройку каналов. Когда система ирригации будет готова и земля оживет, спящие будут пробуждены и снова вернутся к жизни.

Этот последний план не встретил серьезных возражений. Эксперименты доказали, что состояние анабиоза не вызывает никаких вредных последствий. Эту идею многие активно пропагандировали, и, в конце концов, население ее восприняло. В числе тех, кто приветствовал эту идею, были моя жена Карлет и я.

Мы оба были молоды и не имели охоты умирать ни от голода, ни от эвтаназии. Мы хотели жить и давать жизнь детям. Но мы не имели права обрекать их на голод или возможное «ограничение» — что означало узаконенное убийство. А так нам была дана надежда: вновь жить в новом, цветущем мире. Мы с женой посоветовались и решились на анабиоз, и многие тысячи мужчин и женщин поступили так же.

Все происходило быстро: с фабрик поступали контейнеры, в химических лабораториях изготовлялся газ, и все новые марсиане засыпали в подвалах больниц. Мы не были первыми. Мы видели, как заснули многие из наших друзей, и завидовали им, потому что каждый лишний день ожидания означал утраченный день в мире изобилия. Но вот наконец пришла наша очередь. Мне с трудом верится, что мы с Карлет легли в контейнер не пару часов назад.

А что нас ожидает теперь? Разве мы можем рожать детей в этом пустынном мире? Где тот мир, который нам обещали?

Яодин подошел к окну и снова выглянул наружу.

— Они ведь не умерли, не так ли? Они построили каналы — почва должна снова стать плодородной. Но почему они не разбудили нас, как обещали? Почему они обманули нас и Марс превратился в пустыню, где не хватает даже воздуха для дыхания?

— Они ничего вам не дали,— подтвердил Плотвинов,— я уже говорил, что это брошенный город.

— Брошенный! Но разве на Марсе больше нет жителей?

— Есть — несколько тысяч, наверно.

— И они оставили нас лежать в подвале... Бросили нас, надеясь, что мы никогда не проснемся! Мы, которые уснули добровольно, чтобы их предки могли выжить!

Он долго стоял неподвижно, глядя на красные пески за окном. Плотвинов с опасением посматривал на него, испуганный этой внезапной вспышкой ярости. Но марсианин хорошо владел собой. Вскоре его лицо стало суровым и холодным. Затем он глубоко вздохнул и сказал с едва заметной горечью:

— Расскажите все, что вы знаете об этом месте. Похоже, в собственном городе я стал чужестранцем — как и в моем собственном мире.

— Мне совершенно ясно, что тут произошло,— сказал Плотвинов немного позднее. Марсианин Яодин спал в соседней комнате — ему все еще был необходим покой, и доктор сделал ему инъекцию успокаивающего.

— Да? — спросил Гордонов.— Вам, может, и понятно, но не мне. Так что здесь случилось?

— Ну, похоже, все произошло именно так, как рассказал этот юноша, с самыми честными и благородными намерениями с обеих сторон. Прошло время, каналы были построены — жизнь должна была стать легче и наступить эпоха изобилия. И что же случилось? Они поняли, что земля не стала плодородней, что огромные работы были проведены впустую! Может быть, марсиане снова столкнулись с угрозой перенаселения. И как вы думаете — много ли внимания при этих обстоятельствах они могли уделить обещанию, данному их далеким праотцам? Я думаю, очень мало. Наш друг Яодин и прочие были все равно что мертвы — ну и пусть остаются мертвыми, решили их потомки.

Так оно и продолжалось много столетий. С каждым годом почва становилась все менее плодородной, и пробуждение спящих откладывалось и откладывалось. А возможно, о них просто забыли. В любом случае, проснуться им не суждено — для них теперь нет места на Марсе. Они останут-

ся спать в своих стеклянных ящиках до тех пор, пока Марс не превратится в глыбу льда, а Солнце не остынет. Они уснули счастливыми, надеясь проснуться в новом мире. Нового мира никогда не будет, но они об этом уже не узнают.

— Кроме бедняги Яодина,— сказал Винский.

— Похоже, он воспринял ситуацию довольно спокойно,— заметил Гордонов.

— Спокойно?! — воскликнул Жаткин.— Да я ни разу не видел человека, разъяренного до такой степени! Это ясно любому, кто способен видеть чуть дальше своего носа! Идиот!

Гордонов с ругательством вскочил на ноги.

— Ты, косоглазый уродец! Как ты посмел назвать меня идиотом...

— Заткнитесь оба! — рявкнул Винский, вставая между ними.— Успокойтесь и научитесь следить за своим языком...

Жаткин пожал плечами.

— Только идиот может назвать спокойным человека, который кипит, как вулкан. Он не просто зол — он самый обозленный человек, которого я встречал. И на вашем месте, Винский, я бы его убил.

Все изумленно уставились на киргиза.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Винский.

— То, что сказал. Пойдите и убейте его прямо сейчас, пока он спит. Тому есть две причины. Во-первых, это будет гуманный поступок. Пробуждение уже заставило его страдать, а дальнейшая жизнь только углубит его страдание. А вторая причина в том, что он очень, очень опасный человек.

— Почему это опасный? — поинтересовался Плотвинов.

— Не могу сказать. Просто когда я вижу обманутого человека, да еще с подобным выражением лица, я знаю, что он опасен.

— Допустим,— медленно произнес Винский.— Пойдите и убейте его сами.

— Я не могу.

— Я тоже.

Темные глаза Жаткина обратились на доктора.

— Но вы, Плотвинов, вы можете. Вы лишили его мира и спокойствия, пробудив. Одна небольшая инъекция, и все будет кончено.

Плотвинов сурово взглянул на него.

— Вы не понимаете, что предлагаете, Жаткин. Убийство всегда убийство, что здесь, что на Земле.

— Разбудить его было еще худшим преступлением.

— Какие глупости! Я готов признать, что марсианин получил удар и что этот удар оказался тяжелее, чем я предвидел. Но в любом случае он предпочтет быть скорее живым, чем мертвым. А насчет ваших слов, что он опасен,— я не понимаю, о чем вы говорите. Он не вооружен; допустим, он расстроен, но не более безумен, чем мы.

— Ну, хорошо,— сказал Жаткин.— Если вы не хотите его убить, то что собираетесь делать с ним дальше? Взять с собой на Землю? Мне почему-то кажется, что в Ханно его появление никого не порадует. Или бросим его здесь, в этом городе, а сами улетим?

— Мы решим этот вопрос позднее. Надо будет узнать, чего хочет сам марсианин.

— Это уж точно не помешает.

— Кончайте ваши намеки. Что вы имели в виду, когда...

Маленький переносной экран вдруг издал мелодичный звон. Плотвинов наклонился и включил его. На экране появилось знакомое лицо Соантина. Доктор приветствовал его, и завязался оживленный разговор. Остальные напряженно слушали.

— Хорошие новости — сказал наконец Плотвинов, выключая экран.— Ремонт корабля почти завершен. Завтра его заправят топливом, и около полудня мы можем отправляться домой. Точное время он сообщит позднее.

— Наконец-то! — воскликнул Гордонов.— Я так и думал, что они уже скоро закончат. Они не особенно торопились.

— Чем раньше мы уберемся отсюда, тем счастливее я буду,— добавил Винский.

— Жалко, что нет шампанского, чтобы отпраздновать наше избавление,— заявил Гордонов.— Ради такого случая я бы даже водки смог выпить.

Глава восьмая
ПРОБУЖДЕНИЕ СПЯЩИХ

Следующее утро внешне ничем не отличалось от предыдущих. Взошло Солнце в безоблачном небе, как оно всходило много тысячелетий назад. Но для землян это был особый день — день их избавления. Конечно, им предстояло еще путешествие обратно — не меньше двенадцати недель — но то был путь домой. В покинутом городе им оставалось провести всего одну ночь.

Гордонов первым вышел в центральную комнату и сразу включил экран. Увидев прямой силуэт «Товарища», он почувствовал, что смутные страхи, терзавшие его всю ночь, отступили. Ракету уже привели в вертикальное положение, и машины занимались заправкой топлива. Входной люк был открыт, и из него свисала веревочная лестница до самой земли.

Гордонов позвал остальных. Глаза космонавтов впились в экран, и на лице Винского появилась торжествующая улыбка.

— Теперь я наконец поверил, что мы улетим,— сказал он.

— А что, вы начали в этом сомневаться? — спросил доктор.

— А разве все мы не сомневались? Это место отнимает надежду. Один вид нашей старой ракеты заставил меня почувствовать себя новым человеком.

— Что с вами? — спросил он, перехватив взгляд Жаткина.— Развеселитесь, дружище, завтра мы отправляемся домой!

— Вы уверены? Я все еще боюсь этого места.

— Ладно, ладно, ворон, можешь каркать дальше, только не очень громко.

Сомнения Жаткина не смогли испортить бодрое настроение остальных. Покинутый город уже не наводил на них тоску, и они были полны замыслов. Плотвинов собирался пойти в больницу и собрать там коллекцию препаратов, инструментов и медицинских книг; Винский хотел доснять

фильмы об Аилико; Гордонов лелеял напрасную мечту проникнуть в тайну марсианских механизмов. Только Жаткин не вынашивал никаких планов. Он сидел с безразличным видом на диване и завтракал. После еды он задал вопрос:

— Вы не забыли про Яодина? Где он?

— Все еще спит, наверно,— ответил Плотвинов. Но киргиз покачал головой.

— Его там нет. Я проверял.

Винский поднялся из-за стола и заглянул в спальню.

— Жаткин прав — он ушел! И давно: его одеяло уже остыло. Похоже, он ушел несколько часов назад.

— Почему вы не сказали нам раньше? — возмутился доктор.

Жаткин пожал плечами.

— Я забыл; к тому же это не имеет никакого значения.

Плотвинов нахмурился. Действительно, не было большой разницы, если бы новость сообщили полчаса назад, но его раздражало, что не он первым заметил исчезновение марсианина.

— В любом случае, далеко уйти он не мог. Он вернется, когда проголодается.

Жаткин неприязненно взглянул на доктора.

— Совершенно ясно, куда он пошел,— уверенно заявил он.

— И куда же?

— Туда, откуда мы его притащили. В склеп под больницей, куда же еще?

Гордонов встал и подошел к шкафу, где они хранили свои скафандры. Там их осталось только три — четвертый, его собственный, исчез.

Винский встал из-за стола.

— Нам лучше пойти за ним. Бедняга может сойти с ума один в таком месте. В конце концов, мы в ответе перед ним. Нам, может быть, даже придется взять его с собой на Землю. Давайте возьмем со склада запасной скафандр и пойдем в больницу.

Земляне вместе прошли через подземный туннель. Подойдя к входу, Плотвинов нажал на рычаг, но дверь не открылась.

— Странно,— сказал он,— раньше дверь всегда открывалась.

Он сделал еще одну попытку, но безуспешно.

— Попробуем войти со стороны улицы,— предложил Винский.

Они вышли на поверхность и подошли к центральному входу в больницу. Плотвинов дернул дверь на себя, но результат был тот же самый, что и в подземелье

— Он заблокировал двери! — воскликнул Гордонов.— Он не хочет, чтобы мы попали внутрь!

Винский согласился с ним.

— И, похоже, мы ничего не можем с этим поделать,— добавил он.

— Все это понятно,— возразил Плотвинов, озираясь по сторонам в поисках запасного входа.— Но как я смогу теперь взять книги и инструменты?

— Не думаю, что здесь есть другие входы,— заметил Винский, перехватив его взгляд.— Чем меньше дверей, тем меньше возможность утечки драгоценного воздуха.

— Я должен туда войти, и я войду,— угрюмо произнес Плотвинов.

Они попытались найти вход, но через некоторое время оставили Плотвинова одного и ушли. Винскому не хотелось потерять последний шанс снять фильм о Марсе, а Гордонов побежал в мастерские изучать свои машины. Доктору не повезло — жаль, но у других были свои, не менее важные дела.

Жаткин тоже ушел, сохраняя свой безразличный и отстраненный вид. Он вернулся в помещение, служившее им приютом все это время, и включил видеоэкран. Сначала настроил его на панораму Ханно. Улицы были забиты толпами спешащих по своим делам машин. Лишь изредка между ними мелькал прозрачный шлем марсианина.

Машины уже давно интересовали Жаткина. Он легче, чем его товарищи, поверил в их разумность, и теперь хотел проследить за их поведением. Он не меньше Гордонова хотел выяснить, как они устроены. Жаткин обратил внимание, что фабрики, где изготавливались эти машины, были так же защищены от просмотра, как и жилые дома.

Максимум, чего ему удалось достичь, это направить лучи на проходную одной из фабрик, но толку от этого оказалось мало. Только ряды машин мелькали туда и обратно. Однако ему удалось выяснить, что, каковы бы ни были отношения между марсианами и их машинами, первые не имели прямого контроля над последними. Соантин сказал, что в Ханно проживает не более трех тысяч человек, а количество машин превосходило это число в сотни раз.

Когда Жаткину надоело смотреть на машины, он настроился на другой вид. Установив точку обзора на высоте нескольких тысяч футов над землей, он начал рассматривать огромный канал, ведущий из Ханно на юг. Как-то раз он заметил некое существо, рассекающее его воды, но не успел заметить — человек это или машина. Жаткин хотел выяснить точно, что это было: животное ли, если они выжили на Марсе, или корабль, совершающий рейс между обитаемыми городами. Но бесконечная темная линия канала на экране казалась абсолютно неподвижной.

Шли часы, близился вечер. Никто не отвлекал Жаткина от его монотонного занятия. Разумеется, земляне приходили обменять опустевшие кислородные баллоны на полные, но они делали это внизу, на складе скафандров. Жаткин был рад этому: он не хотел ни с кем разговаривать. Он предпочитал сидеть в одиночестве перед экраном, наблюдая за сценами марсианской жизни.

Внутреннее чувство, которое он не пытался анализировать, подсказывало ему, что активная деятельность бессмысленна. Такое же чувство охватило его, когда он предложил убить Яодина.

До заката солнца оставалось не более двух часов, когда шаги в коридоре оторвали Жаткина от созерцания. Он очнулся и увидел Гордонова, а с ним еще одного человека — оба они были в скафандрах. Гордонов крепко держал незнакомца за руку.

— Плотвинов здесь? — спросил он.— Меня интересует, что хочет сказать этот парень.

Он втащил незнакомца в комнату, загородил собой дверь и снял с него шлем. Жаткин с любопытством взглянул на него. Это, несомненно, был марсианин, чем-то похожий на

Яодина. Марсианин устало сел на диван, опустил лицо на руки и надолго замолчал. Вскоре он поднял голову, встретился глазами с Жаткиным и что-то спросил. Жаткин не понял ни слова, но заметил, что марсианин смертельно устал. Тогда он подвел его к щитку и нажал на кнопку. Марсианин понял, что от него требуется. Он произнес несколько слов и через мгновение накинулся на еду, словно голодал целую вечность.

— Где вы его нашли? — спросил штурман у Гордонова.

— Болтался вокруг мастерских. Сначала я подумал, что это Яодин, но это не он.

— Это я и сам вижу. Но кто это?

— Я сам хочу знать. Я привел его сюда, чтобы Плотвинов с ним поговорил. Он почти не сопротивлялся. Эти марсиане — слабосильные парни, что и неудивительно, судя по их костлявому виду. Что я не понимаю, так...

Его слова прервало появление Винского.

— Происходит что-то странное! — взволнованно проговорил он.— Клянусь, я только что видел на улице парутройку человеческих фигур. Кто это? — тут командир заметил марсианина.— А этот откуда взялся? Что случилось?

— Несложно догадаться,— задумчиво ответил Жаткин.

Через мгновение в комнату ворвался Плотвинов, он явно был не в себе.

— Он сделал это! Черт возьми, вы были правы, Жаткин! — крикнул он.— Его нельзя было выпускать. Он выводит их из транса. В больнице горит свет, в окнах видны силуэты людей. Как вы думаете, что они собираются делать?

— Лучше спросите этого,— предложил Гордонов, указывая на своего пленника.

Плотвинов кинулся к марсианину и забросал его вопросами. Но тот ответил не сразу. Пища помогла ему прийти в нормальное состояние, но не разгладила складки на его лбу. Он встал и твердо взглянул в глаза доктору. Потом марсианин начал говорить — медленно, раздельно, с ярко выраженной враждебной интонацией, которая ни от кого не ускользнула.

Сначала Плотвинов был ошарашен его враждебностью, но через несколько секунд выражение его лица изменилось и он сказал марсианину несколько слов. Лицо последнего также слегка просветлело. Завязался разговор, Винский и прочие терпеливо ждали его завершения. Вскоре встревоженный Плотвинов пересказал им суть разговора.

— Вначале он думал, что мы марсиане,— объяснил он.— Но слегка остыл, когда я объяснил ему, кто мы такие, но, по-моему, нас все равно ожидают неприятности.

Разумеется, их освободил Яодин. Он очнулся посреди ночи и сразу отправился в больницу. Там он разыскал и включил систему вентиляции. Он ожидал, что мы пойдем искать его, и заблокировал все двери. Как только состав воздуха и давление достигли нормы, он начал открывать контейнеры. Пробужденные марсиане сразу принимались помогать ему. Они работают уже четырнадцать часов, и сотни марсиан на свободе. Их возвращают к жизни гораздо быстрее, чем я думал,— все оборудование под рукой. Они все еще там!

— Что они собираются делать? — спросил Винский.

— Во-первых, они активизируют все системы жизнеобеспечения и сделают Аилико пригодным для жизни. Этот парень вместе с другими как раз отправились на разведку. А потом они собираются отомстить. Они хотят уничтожить всех марсиан, которых найдут.

Вы слышали тон этого парня, когда он думал, что говорил с марсианами. Пробужденные не намерены щадить никого.

— А они могут? — спросил Гордонов.— Даже если они восстановят города, чем они будут питаться? Им понадобится сырье, продукты...

— Я не в курсе, хватит ли им запасов на жизнь. Думаю, нет. Но их этот вопрос пока не интересует. Они одержимы идеей мести. Они хотят убить тех, кто не выполнил клятву и не разбудил их. Для них это что-то вроде священной войны. Завтра они собираются послать людей в другие города, чтобы начать открывать контейнеры там.

— Но сколько же их? Миллионы? Им просто может не хватить места.

— Я знаю. Но разве вы не понимаете их состояния? Кроме того, Яодин рассказал им о нас. Он сказал, если мы можем совершать космические путешествия, то могут и они. Они построят ракеты и начнут переселяться на Землю и Венеру. Им была обещана лучшая жизнь, и они намерены ее получить.

Но сначала их собственный народ должен заплатить им за обман. Мы видели и слышали двоих. А теперь представьте ярость тысяч и сотен тысяч...

Глава девятая
КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Винский кивнул. Если все пробужденные марсиане находились в состоянии подобной холодной ярости, Соантина и его сограждан ждала ужасная участь.

— Нам надо предупредить Соантина,— сказал он.— Мы не можем остаться в стороне и позволить пробужденным уничтожить его и многих других.

Гордонов с ним согласился.

— Он пошлет против них машины и проследит, чтобы другие контейнеры остались закрытыми. Возможно, они сумеют договориться с теми, кто уже освобожден.

— Не годится,— покачал головой Плотвинов.— Я сказал этому марсианину, что в Ханно они столкнутся с тысячами машин. Но его это не напугало. Они знают, как устроены машины, и знают, как выводить их из строя. Мне кажется, нам уже ничего не сделать.

— По крайней мере, мы можем предупредить Соантина,— повторил Винский.— Это наш долг. Мы обязаны ему жизнью. В конце концов, мы ответственны за то, что здесь произошло.

— Это наша вина,— согласился Плотвинов.— Моя уж точно. И как вы думаете, что подумает об этом Соантин?

— Вы сделали это не нарочно. Мы же не знали, что произойдет, когда вернули к жизни этого человека. Нас никто не предупреждал. Предупредим хоть его, пока дело не зашло слишком далеко!

— Возможно, он сумеет что-нибудь предпринять! — поддержал капитана Гордонов.

— А вы что скажете, Жаткин? — спросил доктор.

Жаткин приоткрыл сонные глаза.

— Что ж, предупредите его. Но я думаю, что все напрасно — вред нанесен непоправимый.

Плотвинов подумал мгновение и попросил Гордонова запереть марсианина в одной из спален. Когда инженер вернулся, на экране уже виднелось лицо Соантина. Плотвинов наклонился к экрану и быстро заговорил с ним на марсианском языке.

Лицо Соантина стало более серьезным, на нем выразилась озабоченность. Затем экран погас.

— Ну? — спросил Винский

— Похоже, это не так серьезно, как мы опасались. Они собираются послать машины, чтобы предотвратить пробуждение других марсиан. Пока не решено, что надо делать с уже проснувшимися. Он сказал, что машины теперь устроены по-другому и их не удастся вывести из строя. Нас он не винит: он понимает, что мы действовали по незнанию. Однако он сказал, что лучше всего нам немедленно покинуть Марс. Вылет «Товарища» перенесен и состоится на шесть часов раньше.

— То есть сразу после рассвета,— уточнил Гордонов.— Почему бы нам не подняться на борт и не переночевать там?

— К сожалению, это невозможно — заправка еще не завершена, а в жилых отсеках корабля еще нет воздуха.

— Соантин уверен, что он сможет справиться с этими проблемами? — спросил Винский.

— Без сомнения. Он сказал, несколько сот машин справятся с этой ситуацией. Мы не так уж много здесь напортачили,— довольно добавил Плотвинов.— В общем, завтра...

Его прервал голос Жаткина.

— Доктор,— медленно, с расстановкой произнес он,— почему вы лжете?

Доктор подскочил на месте, сжал кулаки и с ненавистью взглянул на говорившего. Жаткин, не шевелясь, смотрел ему прямо в лицо.

— О чем вы? — крикнул Плотвинов.— Ах ты, татарский крысеныш!..

Винский решительно отодвинул доктора в сторону.

— В чем дело? Почему вы обвинили его во лжи?

Жаткин пожал плечами.

— Потому что он лжец. Он ни разу не упомянул ни контейнеры, ни пробужденных в разговоре с Соантином.

Лицо Плотвинова побелело. Одного взгляда на него было довольно, чтобы поверить Жаткину. Наконец доктор овладел собой, но слишком поздно.

— Откуда вам знать, что я говорил, а что нет? Вы же не понимаете ни слова на их языке!

— Так и не слова? — мягко переспросил Жаткин

Плотвинов отвел глаза.

— Ну ладно — допустим, я ему не сказал. И что с того? Если здесь начинаются неприятности, не лучше ли нам поскорей убраться отсюда? Это не наше дело — зачем нам в него вмешиваться? Нам лучше поскорей покинуть это место, и поэтому я попросил Соантина перенести старт.

— А, так это отчасти правда? — спросил Гордонов.

— Ну конечно! Но если вы все еще настолько глупы, что собираетесь предупредить Соантина, пусть это сделает Жаткин — потому что я не хочу.

Жаткин покачал головой.

— К сожалению, я не могу.

— В таком случае,— подвел итог Плотвинов,— Соантин ничего не узнает.

На следующее утро они поднялись с первыми лучами солнца. Плотвинов заказал завтрак — последнюю пищу, которую они ели на Марсе. Гордонов, как всегда, первым делом включил видеоэкран, чтобы взглянуть на «Товарищ». Утреннее солнце ярко сверкало на его полированных боках — он был готов к старту. Из выходного люка свисала веревочная лестница.

Все четверо в молчании глядели на корабль. Отбытие казалось теперь чем-то нереальным: его слишком долго ждали. Меньше чем через час они окажутся в знакомой кают-компании, а через два уже будут в открытом космосе и начнется долгий трехмесячный путь домой.

Завтрак был закончен, и космонавты принялись за сборы. Винский обвешался камерами и вытащил из стенного шкафа ружья, оказавшиеся не нужными. Плотвинов упаковывал материалы, которые успел набрать в больнице, в том числе и флакон с зеленым газом из контейнера Яодина. Гордонов прихватил с собой небольшой мотор — он надеялся, что на Земле найдутся специалисты, которые в нем разберутся и подарят миру абсолютно новую форму производства энергии.

Только Жаткин ничего не собирался взять с собой — он сидел и равнодушно смотрел на остальных.

Винский выпрямился и осмотрел комнату.

— Мы ничего не за...

Его прервал топот в коридоре. Через мгновение в дверном проеме возник Яодин — в скафандре, но без шлема. Он обвел взглядом землян, заметил Плотвинова и уставился на него с неукротимой яростью. Плотвинов невольно отступил на шаг назад.

Марсианин разразился целым потоком слов. Резкие, горькие фразы звучали как удары. Доктор отступил еще на шаг и предостерегающе поднял руку. Марсианин не шелохнулся, а на лице доктора появилось виноватое выражение — он начал что-то сбивчиво говорить, но Яодин оборвал его.

Развязка наступила неожиданно. Яодин поднял правую руку и вытянул ее в сторону Плотвинова. Винский сразу понял, в чем дело, и бросился вперед. Но было поздно. В воздухе вспыхнуло ослепительное беззвучное пламя, и Плотвинов упал на пол со сквозным отверстием, прожженным в голове. На мгновение все застыли на месте. Тишину нарушил возглас Гордонова.

— Смотрите! Винский, смотрите!

Он указывал на экран. Три фигуры в серебристых скафандрах карабкались по веревочной лестнице, свисающей вдоль «Товарища». Один стоял в открытой двери люка, еще четверо бродили внизу.

Винский взглянул на эту сцену, схватил шлем и выбежал без лишних слов из комнаты, отшвырнув с дороги Яодина.

— За мной! — крикнул он.

Гордонов, не мешкая, кинулся за ним. Жаткин не шевельнулся.

Он остался сидеть на диване, глядя на два тела, лежащих на полу. Оба они были мертвы: Плотвинов с дырой в голове и Яодин со сломанной шеей — удар Винского оказался для марсианина слишком силен.

Жаткин понимал, что случилось. В речи разгневанного марсианина несколько раз позвучало слова «Карлет». Плотвинов упоминал, что так звали жену Яодина. С ней он, полный надежд, пришел некогда в больницу, чтобы проснуться в лучшем мире. Именно Карлет умерла тогда в склепе, и однажды Яодин нашел ее там... Ну что ж, теперь они оба обрели покой.

Штурман снова взглянул на экран. Трое поднимавшихся по лестнице марсиан уже исчезли в люке корабля. Вдруг в углу экрана Жаткин заметил движение: две человеческие фигуры в сопровождении нескольких машин неслись к кораблю. Внезапно машины остановились; люди продолжали бежать вперед с нечеловеческой скоростью, возможной только на Марсе. Одна из фигур вырвалась вперед и быстро полезла вверх по лестнице, другая отставала на несколько шагов.

Люк наверху захлопнулся; к тому времени первый землянин преодолел почти полпути. Внезапно лестница вместе с обоими людьми оторвалась и полетела вниз. Упав на землю, несколько секунд оба лежали без движения. Потом один поднялся и в бессильной ярости погрозил кулаками, глядя на ракету. Другой человек так и не пошевелился. Первый вскоре заметил это, наклонился и приподнял его голову. Даже на экране было видно, что его шлем разбит. Если удар о землю не погубил его, это сделало удушье. Выживший человек медленно поднялся на ноги, еще раз долгим пристальным взглядом посмотрел на сияющие бока ракеты, взвалил на плечи своего погибшего товарища и медленно побрел назад в город.

Внезапно из сопла ракеты вырвался поток пламени. Он был настолько ярок, что на мгновение затмил Солнце. Жаткин невольно прикрыл ладонью глаза. Когда он снова

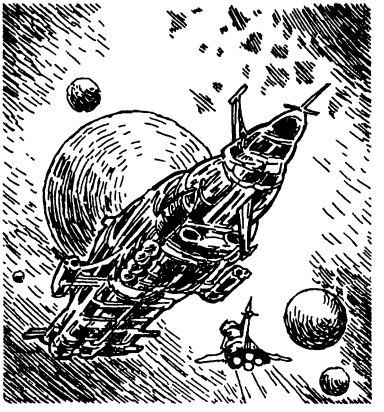
открыл их, «Товарищ» исчез. На том месте, где он стоял, в расплавленном песке чернела яма. От людей не осталось и следа.

Жаткин сидел, не в силах пошевелиться. Наконец он глубоко вздохнул и поднялся на ноги. Его блуждающий взгляд остановился на ружьях, которые второпях бросил Винский, на телах доктора и Яодина.

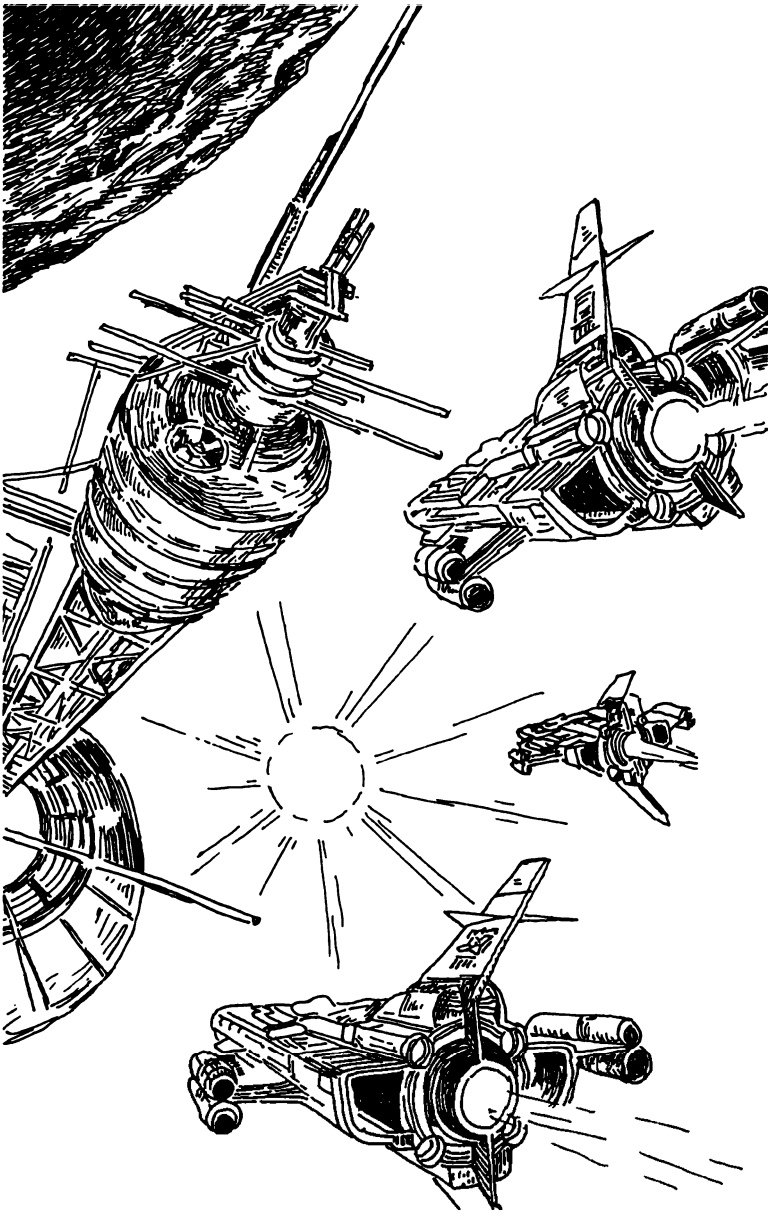
«Что будет дальше? — подумал он.— Вернется ли „Товарищ“ на Землю с марсианским экипажем? Или он полетит на Венеру, или, что скорее всего, затеряется в космосе? Мне не суждено это узнать».

Жаткин рассеянно смотрел на предмет, выпавший из рук Яодина. Он был похож на электрический фонарь, только на том месте, где должно быть стекло, оставалось отверстие. Жаткин медленно наклонился и поднял его. Это было очень простое, но эффективное оружие. Судя по всему, оно приводилось в действие нажатием маленькой аккуратной кнопки.

Жаткин еще раз обвел глазами комнату, а потом он направил трубку на себя и нажал на кнопку.

ЗАТЕРЯННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

ОБМЕН МИРАМИ

Глава 1
БЕЖЕНЕЦ ИЗ 2145-го

За окном лаборатории ярко светило солнце. Был один из тех июньских дней, когда забываешь обо всех недостатках цивилизации и кажется, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Мы с профессором Лестранжем проработали уже около трех с половиной часов и не предвидели никаких неприятностей.

Тогда, в 1945 году, Лестранж выглядел точно так же, как на портрете, сделанном десять лет спустя и украшающем обложки школьных учебников физики. В сорок лет у него был высокий лоб — отличительная черта человека выдающегося ума — и проницательные глаза, замечающие многое из того, что скрыто от обычных людей. И хотя в ту пору он еще не совершил ни одного из своих революционных открытий, его разработки уже принесли ему признание в научных кругах. Но время, когда его имя стали чтить наравне с именем Эдисона, а портреты появились на первых полосах миллионов газет, еще не наступило.

Подходил решающий момент нашего эксперимента. Я с трудом пытался преодолеть растущее возбуждение и унять дрожь в руках. Лестранж же был холоден и абсолютно спокоен: во время работы его лицо хранило бесстрастное выражение как у хорошего игрока в покер, и ни одно поспешное движение не выдавало его беспокойства. Он последний раз проверил, все ли подключено и настроено как

надо, и велел мне отойти в сторону. Когда я выполнил его указание, Лестранж положил руку на рубильник. Я буквально впился взглядом в сложную конструкцию: через несколько секунд станет ясно — стоим ли мы на пороге удивительного открытия или же перед нами плод потраченных впустую долгих месяцев работы.

Грохот, внезапно раздавшийся за нашими спинами, ударил по моим натянутым нервам как разряд молнии. Я подскочил от неожиданности и резко обернулся. Лестранж медленно опустил руку и от удивления разинул рот. В любой другой ситуации подобное проявление изумления со стороны обычно хладнокровного профессора смутило бы меня, но тогда я сам был слишком поражен увиденным. Посреди комнаты валялся какой-то странный механизм, а в нескольких футах от него на полу неподвижно распласталось тело какого-то человека.

Через несколько секунд незнакомец пошевелился и сел. На нем был облегающий темный костюм из материала, текстурой и отделкой напоминающего кожу, и, очевидно, скроенный из одного куска. Мужчина был высок и атлетически сложен, а его лицо свидетельствовало о твердости характера, хотя в тот момент на нем отражалась явная растерянность. Несколько секунд незнакомец оглядывал лабораторию, изучая обстановку. Было совершенно очевидно, что он чем-то изрядно обеспокоен, но, когда он обратился к нам, голос прозвучал твердо и даже повелительно:

— Скорее дайте мне какую-нибудь веревку. Ну же!!!

Что-то в его интонации заставило меня подчиниться и начать лихорадочно шарить по карманам.

— Вот,— наконец промямлил я и протянул ему моток бечевки.

Он схватил ее, повернулся к валяющейся на полу загадочному устройству и привел его в вертикальное положение. Более всего оно напоминало каркас какой-то миниатюрной клетки с золотыми стойками, перекрещивающимися в виде решетки. Внутри за решеткой я успел заметить ковшеобразное сиденье, перед которым располагались два ряда циферблатов. Рассмотреть что-нибудь еще у меня не

хватило времени. Незнакомец склонился над приборной доской и подкрутил несколько верньеров, затем привязал конец бечевки к небольшому рычажку. Затем, отойдя настолько далеко, насколько позволяла длина бечевки, он резко ее дернул.

Неожиданно машина исчезла. Теперь перед нами стоял только незнакомец, в руках у него была веревка. Мужчина облегченно вздохнул и повернулся к нам:

— Господа, должен принести вам свои извинения...

— Сэр,— возмущенно перебил его Лестранж,— мне бы очень хотелось узнать, по какому праву вы вторглись сюда?

— Признаться, такого права у меня нет. Я могу лишь умолять вас не лишать меня того, что в древние времена называлось «правом убежища». Вы ведь мистер Лестранж, изобретатель аккумулятора? Кстати, меня также зовут Лестранж, Джон Лестранж.

— Да,— ответил профессор,— мое имя действительно Лестранж, но никакого аккумулятора я не изобретал!

— Разве еще нет? — удивился наш странный гость.— Значит, я прибыл раньше, чем предполагал. Что ж, прошу прощения — похоже, я немного запутался в датах.

Лестранж изумленно заметил:

— Я вас не слишком понимаю. Без сомнения, позднее вы нам все объясните. Однако, как следует из вашего имени, мы, похоже, состоим в некоем родстве?

— Разумеется, мы родственники, правда дальние.

— Надо будет проверить. Никогда раньше ничего о вас не слышал. Да, позвольте представить моего ассистента, Гарри Райта.

Незнакомец протянул мне руку:

— Как же, наслышан о вас, мистер Райт,— с улыбкой сказал он.— То, что вы спасли мистера Лестранжа, было по-настоящему мужественным поступком.

Настала моя очередь удивиться. За те шесть лет, что мы были знакомы с профессором, он ни разу не подвергался опасности большей, чем любой человек, каждый день переходящий оживленную улицу.

— Вижу, что опять допустил промах! Пожалуйста, забудьте об этом,— извинился наш гость.

Тут выражение его лица мгновенно изменилось, приветливая улыбка исчезла. Каким-то умоляющим тоном он спросил:

— Скажите, господа, кто-нибудь из вас видел или слышал о машине, подобной той, на которой я сюда прибыл?

Мы с сомнением покачали головами. Лично я не мог припомнить ни одного устройства, хотя бы отдаленно напоминающего исчезнувший механизм.

— Да, действительно, это попросту невозможно,— задумчиво произнес он,— но на всякий случай я должен был спросить.

Его пристальный взгляд медленно скользил по комнате, останавливаясь то на одном, то на другом предмете до тех пор, пока не остановился на установке, подготовленной к проведению нашего так внезапно прерванного опыта. Лицо незнакомца просветлело, и он сделал несколько шагов в сторону аппаратуры. Мы с Лестранжем постепенно начали приходить в себя, мало-помалу освобождаясь от ощущения какой-то нереальности происходящего. Переглянувшись, мы поняли, что думаем одно и то же: наш незваный гость — шпион! Уж слишком внимательно изучает он плоды наших многомесячных трудов! Лестранж выхватил из ящика стола револьвер.

— Руки вверх! — неожиданно приказал он.

Незнакомец подчинился с легкой улыбкой.

— Я слышал, что вы живете в непростые времена,— заметил он.

— Отойдите вон туда и не двигайтесь,— велел Лестранж.— Так, а теперь рассказывайте, почему вас так заинтересовала наша работа?

Человек, назвавшийся Джоном Лестранжем, в изумлении уставился на нас.

— А что же удивительного в том, чтобы выказывать интерес к открытию, которое со временем совершенно изменит лицо планеты? — дружелюбно спросил он.— Кроме того, возможно, я и ошибаюсь, но эта установка несколько отличается от той, изображение которой я видел в журнале несколько лет назад. У меня складывается впечатление, будто некоторые блоки там соединялись чуть иначе. Левый терминал крепился прямо к...

— Что вы такое несете!? — возмущенно рявкнул Лестранж.— Вы, должно быть, сошли с ума! Эта штука всего четыре дня как собрана.

— О Господи! — воскликнул незнакомец.— Ну хорошо, попытаюсь объяснить вам все по порядку, но, предупреждаю, это очень долгая история. Кстати, нельзя ли сначала хоть немного поесть? А то у меня уже целые сутки ни маковой росинки во рту.

К концу трапезы наше отношение к загадочному незнакомцу заметно изменилось. Он перестал быть для нас чужаком, став гостем, которого мы по его просьбе теперь называли просто Джоном. Беседуя с ним за столом, мы мало-помалу оставили наши подозрения на его счет, однако так и не смогли понять, кто же он в конце концов такой. Наш гость явно был хорошо образован и в то же время во многих отношениях совершенно невежествен. Он неплохо разбирался в политике, но знания его в этой области казались слишком общими, а стоило коснуться деталей, как выяснилось, что в них он абсолютно не разбирается. В разговорах об известных современных деятелях он проявлял заметную нерешительность, будто боялся ляпнуть что-нибудь невпопад. Его знание литературы было превосходно, хотя порой он ссылался на произведения, о которых я ничего не слышал, хотя, по-видимому, они и принадлежали авторам, чьи имена были широко известны. Складывалось впечатление, что достаточно уверенно он чувствует себя лишь в двух-трех сферах.

Когда мы наконец прошли в кабинет Лестранжа, профессор предложил гостю сигару.

— Табак? — переспросил Джон.

— Естественно,— с удивлением ответил Лестранж,— что же еще?

— Там, откуда я прибыл, существует много вещей, которые можно курить. Поэтому в таких вопросах лучше перестраховаться.

Он поудобнее расположился в большом кресле и закурил сигару.

— А сейчас, если вы наконец готовы выслушать длинную историю,— сказал он,— я с удовольствием объясню вам причину своего столь внезапного вторжения.

— Наш эксперимент...— начал я.

— ...не будет успешным в том виде, в котором он сейчас был вами подготовлен. Поверьте мне, я даже могу указать вам, где вы просчитались.

Я воспринял это его заявление вполне серьезно, поскольку чувствовал, что гость неплохо разбирается в тонкостях нашей работы. Лестранж тоже согласно кивнул.

Тогда Джон начал свой рассказ:

— Полагаю, для начала следует объяснить, почему мой выбор пал именно на вас, а не на кого-нибудь еще. Причина первая — наши родственные связи. Вторая то, что опираясь на информацию, полученную мною из литературы, я не без основаниий оценил вас как человека гораздо более широких взглядов, чем кто-либо из ваших современников. То есть, именно вы скорее всего поверите моему рассказу. Что же касается нашего родства... Моя семья всегда гордилась тем, что ведет прямое происхождение от вас и вашей жены Джой.

— Позвольте, но ведь я не женат! Я...

— Пожалуйста, разрешите все объяснить по порядку. Ситуация очень сложная, но я не теряю надежды, что мне удастся убедить вас. Ведь очень немногим выпадает возможность убеждать в чем-нибудь своих прапрапрадедов. Видите ли, я родился в 2118 году от Рождества Христова. Или, может быть, точнее сказать «буду рожден»? Я беженец из XXII века. Поэтому я точно знаю, что вы вскоре женитесь, хотя сказать, когда это произойдет определенно, не берусь.

Наверное, будет легче, если я поведаю вам свою историю в прошедшем времени. Ведь та жизнь для меня — теперь самое настоящее прошлое. Отправив машину назад я на ваших глазах сжег за собою все мосты.

Поверьте, но там у себя в двадцать втором веке мы знаем намного больше, чем вы здесь в двадцатом. Мне известно, что время устроено или течет таким образом, что и существует и не существует одновременно. Но, например прин-

ципы работы той машины, которая принесла меня сюда, для меня такая же тайна за семью печатью, как и для вас. Я просто установил дату, нажал рычаг, и вот я здесь, в лаборатории. А оставить машину себе и исследовать ее я просто не отважился, так как уверен, что хозяева могут проследить ее местонахождение. Уж больно велик риск.

Глава 2
ГОЛОС ИЗ БУДУЩЕГО

Мир, в котором я жил, совсем не такой, каким представляют себе будущее люди XX века. Герберт Уэллс был бы разочарован. Освоение тех научных достижений, которые уже были сделаны в физике, химии и технике, свело прогресс в этих областях знаний к минимуму. К концу XX века наука продвинулась так далеко вперед, что цивилизации пришлось претерпеть серьезные изменения, чтобы дать возможность природе восстановить нарушенный прогрессом баланс. Полагаю, вы уже и сейчас замечаете, как начинают рушиться политические и социальные устои, позволяющие вести более простой образ жизни. Война перестала решать все вопросы — она могла лишь искоренить старые порядки, но никак не преобразовать их. Таким образом, сами видите, что наши эпохи отличаются скорее лишь своими общественными институтами, а никак не уровнем технического развития. С 2000 года почти единственной формой двигателя для любых форм механизмов стал тот самый аккумулятор Лестранжа, о котором я уже упоминал. Двигатель внутреннего сгорания исчерпал свои возможности. Поезда, корабли, самолеты — все, кроме самой тяжелой техники, со временем будет приводиться в действие с помощью вашего изобретения.

Конечно, довольно странно рассказывать человеку о результатах его открытия еще до того, как он его совершил. Но уверяю вас: ваша маленькая аккумуляторная батарея повлияет на будущее планеты так, как еще не влияло ни одно изобретение в истории человечества. Даже машина, на которой я сюда прибыл, питается от усовершенствован-

ной формы вашего аккумулятора. Диапазон ее действия — почти полмиллиона лет.

— Постойте, но ведь вы говорили...

— О, да, конечно, я совершил на ней лишь маленькое путешествие. Просто увлекательную поездку на пару столетий назад.

Оглядываясь назад, я вижу, что предвестники бедствия, с которым мы столкнулись, появились уже около года назад, по-моему, в 2144 году. Газеты опубликовали статью о крушении товарного поезда (тяжелые и непортящиеся грузы у нас все еще находят более выгодным перевозить по железной дороге). Следствие так и не выяснило причину аварии. Но на месте происшествия был найден остов какой-то машины очень странной формы. Ее каркас из какого-то неизвестного золотистого металла хотя и был покорежен ударом, однако выдержал огромную нагрузку. Хотя этот неизвестный золотистый металл уже и сам по себе явился настоящей загадкой, еще большее недоумение вызвало тело, найденное лежащим у железнодорожного полотна. Не было ни малейших сомнений, что оно принадлежит человеку. Однако нам, чьи стандарты красоты восходят еще к античным временам, это человеческое существо показалось скорее жалким уродцем. Рост его составлял пять футов, объем черепа в два раза превышал нормальный за счет необычайного увеличения лобной части. Шея была необычайно толстой — явно чтобы выдерживать тяжесть головы, а плечи узкими и едва заметными. Слабые руки заканчивались маленькими кистями с короткими пальцами без ногтей, а ступни ног казались чересчур нежными. Когда тело изучили патологоанатомы, они заметили и много других отличий: на удивление маленький кишечник, отсутствие слуховой системы и атрофированные зубы.

Сейчас же посыпались различные предположения. Одни говорили, что это настоящее чудо, другие принимали загадочное существо за результат какого-то эксперимента, третьи — за гениальную мистификацию, четвертые — за неудачную попытку создания искусственного живого существа и т.д. И только одно объяснение оказалось близким к правде. Какой-то чудак предположил, что это, возможно,

тело инопланетного исследователя, который попросту выбрал неудачное место для посадки. Но это предположение было тут же отвергнуто, так как металлический каркас — не самая подходящая форма для космического корабля. Тем не менее, как выяснилось позднее, единственной ошибкой было слово «инопланетный».

Начавшие было утихать споры вспыхнули с новой силой, когда вскоре было найдено другое такое же тело. Мальчик, первым обнаруживший его, рассказывал, что рядом находилась и блестящая машина, но, когда он дернул рычаг, она исчезла. И снова одно за другим стали высказываться различные предположения. Были перебраны все возможные версии. Все, кроме единственно верной: люди 2144 года обнаружили тело своего далекого потомка. Это было первое предостережение, но мы просто не смогли этого понять, так что оказались совершенно неподготовленными к тому, что произошло далее.

Последний акт этой драмы начался три месяца назад. Да, прошло всего три месяца...

Джон замолчал и с горечью посмотрел на нас.

— Мы,— продолжал он,— жили во вполне счастливом мире. Цивилизация, казалось, спокойно развивалась и шла к какой-то далекой, но определенной цели. И все это оказалось в один момент сметено, обращено в хаос. Время и пространство странным образом искривились, потеряли свое былое значение.

То была самая счастливая ночь в моей жизни. Мэри еще живет где-то в запутанном лабиринте времени, но никогда нам больше уже не быть вместе, как в тот памятный вечер. И вот в ту самую ночь, казалось специально созданную для влюбленных, по всему миру из репродукторов и телевизионных приемников прозвучало следующее сообщение:

— Люди двадцать второго века! Мы ваши потомки из пятьсот тысяч двадцать второго века предлагаем вам обмен. В мире, где мы живем, для нас больше нет будущего. Мы завоевали время и можем получить вашу Землю. У вас есть только два варианта: полностью подчиниться нашей воле или же подвергнутся истреблению. Мы вовсе не же-

стокосердны, и у нас нет ни малейшего желания уничтожать вас, наших предков. Вместо этого, мы предлагаем обмен: ваш мир — на наш. Мы переправим вас через бездну времени в мир, к которому вы, маложивущая раса, скорее всего, легко приспособитесь. В нем смогут жить ваши дети и внуки. Но для нас, людей, продолжительность жизни которых измеряется тысячелетиями, конец слишком близок. Поэтому мы прорвались сквозь время, чтобы получить возможность продолжить существование своей расы. Так что подготовьтесь сами и соберите имущество, которое собираетесь взять с собой. Мы назначим время и место».

Мы с Мэри не знали, что и подумать. А так как у нас было достаточно других дел, то решили, что утро вечера мудреней. Однако новый день не разрешил загадку, а скорее, наоборот, все окончательно запутал. Люди задавались многочисленными вопросами: где находится источник голоса, почему он звучал на всех радиоволнах и по всем телевизионным каналам, почему на телеэкранах не появилось изображение говорящего и все такое прочее...

Это вызывало у людей смутное беспокойство. И, хотя никто не понял истинного значения послания, необычная форма его передачи обеспокоила общество, не привыкшее к новшествам. Но даже те, кто всегда недоверчиво относился ко всему необычному, в данном случае почувствовали серьезность ситуации. Все понимали, что нужно что-то предпринимать. Правительства всех стран, якобы официально проигнорировавшие сообщение, на самом-то деле просто пребывали в полной растерянности.

Через несколько дней прозвучало второе сообщение.

Мы с Мэри как раз сидели у открытого окна, когда вновь послышался голос.

— Я же вроде бы выключила радиоприемник,— удивилась Мэри.

Я поднялся, подошел к приемнику и внимательно осмотрел его. Он, несомненно, был выключен. Может, короткое замыкание? Я выдернул шнур из розетки и тут же с изумлением уставился на динамик, так как голос как ни в чем не бывало продолжал:

— ...Насколько мы понимаем, вы так и не занялись приготовлениями, поскольку, видимо, просто не осознали серьезности наших намерений...

Это было просто невероятно! Я схватил приемник и грохнул его об пол. Вообще-то мне было известно много способов заставить работать неподключенный приемник, но в данном случае явно не был использован ни один из них. Голос между тем продолжал:

— Нам не хотелось бы причинять вам никакого вреда, но, если вы не подчинитесь нашим требованиями, мы будем просто вынуждены ликвидировать вас. И, поверьте, это вовсе не пустые угрозы. Вот наше предложение: вы назначаете комиссию, которая посетит наш мир, а потом доложит вам обо всем, что увидит. Вы должны воочию убедиться, что спасти вас может только покорность. Пусть ровно через неделю ваша комиссия соберется в парижском аэропорту Ле Бурже, а мы пришлем туда за ней свой транспорт».

Мы с Мэри тревожно переглянулись. За этим невыразительным голосом чувствовалась какая-то сила, заставляющая воспринимать происходящее всерьез.

— Что ж, постараюсь войти в эту самую комиссию,— протянул я после продолжительного молчания,— и докопаться до истины.

Мэри одобрительно кивнула:

— Да, Джон, это очень похоже на тебя,— а затем, слегка нахмурившись, добавила: — А тебе не кажется, что это может быть опасно?

— Не думаю,— успокоил я ее.— Какой смысл собирать комиссию лишь для того, чтобы убить ее членов. В таком случае они могли бы попросту начать уничтожать нас прямо сейчас. Скорее всего, кем бы эти существа ни были, они честны с нами. Хотя в целом все это действительно выглядит более чем странно.

Будучи человеком довольно влиятельным, я без труда сумел добиться назначения в комиссию. Огромный воздушный лайнер вскоре доставил меня в старинный аэропорт Ле

Бурже, где я и присоединился к большой группе ожидающих обещанный транспорт людей. Они являли собой довольно пестрое сборище, состоящее из французов, американцев, немцев, англичан, японцев, греков, индусов и людей многих других национальностей. Правда, при этом никто из них не представлял свое правительство официально. Государственные деятели формально проигнорировали ультиматум, что не помешало им оказать полную поддержку желающим ответить на призыв. Своей короткой угрожающей речью неизвестный умудрился привлечь внимание многих выдающихся людей, которые решили войти в состав комиссии.

Не прошло и часа с момента моего прибытия, как на огромной высоте толпа ожидающих увидела золотистый цилиндр, с огромной скоростью несущийся по направлению к аэропорту. По-видимому, только теперь многие начали осознавать возможную опасность. На таком расстоянии трудно было определить размеры цилиндра, но все равно вскоре стало ясно, что он ничуть не меньше самого крупного из наших космических кораблей. По обе стороны его тянулся длинный ряд иллюминаторов. Определить же, что именно приводит в движение странный летательный аппарат, не было никакой возможности.

Через несколько мгновений из всех громкоговорителей прозвучало предупреждение о посадке. Огромный цилиндр опустился на поле с неожиданной легкостью, так что сотрудникам аэропорта ничего не пришлось делать.

— Просим подняться на борт, — произнес голос, который мы уже начали узнавать. Тут же в нескольких местах корпуса обшивка раздвинулась, образовав проходы. Мы было в нерешительности переглянулись, но затем дружно вошли внутрь корабля. Со щелчком закрылись двери, и оказалось, что мы в просторном салоне, занимающем почти все внутреннее пространство. Затем корабль поднялся примерно на тысячу футов выше обычного потолка полетов и, развернувшись, взял курс на юг.

Когда первое удивление от всего увиденного прошло, мы вновь обрели способность говорить.

— Мне все это совсем не нравится,— заявил маленький французик, который еще в аэропорту представился мне

как мсье Дювэн.— Слишком уж все таинственно. Разве мы дети, чтобы устраивать нам такое представление?

Стоявший рядом с ним сэр Генри Дин пробормотал:

— По-моему, все это просто смехотворная мистификация, организованная какими-то безответственными шутниками, но ничего, скоро мы выведем их на чистую воду.

Француз кивком выразил свое одобрение и, повернувшись ко мне, спросил:

— А вам, мсье, не кажется оскорбительным, что со столь выдающимися людьми обращаются как со стадом овец? Где же прием, приветственные речи?

— Но, если это и вправду неудачная шутка,— заметил я,— то зачем же нам выглядеть еще глупее?

— Значит, вы тоже думаете, что это шутка? — спросил сэр Генри.

В ответ я довольно невежливо заметил, что прибыл сюда лишь наблюдать и делать из своих наблюдений соответствующие заключения. Что у меня нет ни малейшего желания запутывать себя безосновательными предположениями и строить преждевременные теории. Конечно, мой ответ был, пожалуй, излишне резок, но уж больно эта парочка раздражала меня.

— Пустыня! — крикнул кто-то. Я посмотрел в окно и увидел, что мы летим над бесконечными песками к самому сердцу Сахары.

Глава 3
ДРЯХЛЫЙ МИР

Примерно через три четверти часа теперь уже хорошо знакомый нам голос лаконично произнес:

— Приземляемся.

Внизу, почти прямо под нами, мы увидели сверкающее золотом сооружение. Корабль беззвучно приземлился, двери открылись, и мы вышли наружу. На фоне блестящей гладкой стены мы заметили фигуру встречающего. Возглас удивления вырвался у нас, когда мы вдруг поняли, что перед нами живая копия тех самых существ, которые так

озадачили медицинский мир около года назад. Та же широкая шея, та же голова с массивным выступающим лбом. Два умных глаза внимательно изучали нас. Этот человек не носил ничего, кроме темной бесформенной туники и пары мягких туфель.

Голос продолжал отдавать нам приказания, но, присмотревшись, мы обнаружили, что губы незнакомца неподвижны. Он провел нас в просторный зал, освещенный мягким, льющимся со всех сторон, светом. В зале имелся ряд стульев, сразу же напомнивших нам далекие студенческие годы. Наш маленький провожатый занял кресло напротив нас. Удивительно, но его уродливая внешность не вызывала у меня ни малейшего отвращения. Для меня уже перестало иметь значение то, что он такой малорослый, физически плохо сформированный, беззубый и глухой. Я воспринимал его просто как представителя другой расы, не более странного, чем африканские пигмеи или жители Тибета. Мы снова услышали голос, хотя его губы даже не шевельнулись:

— Люди двадцать второго века,— начал он официально,— очевидно, вы развиты еще менее, чем мы предполагали. Похоже, вы не приняли наше предложение не потому, что сознательно отклонили его, а просто потому, что не поняли его значения. Придется разъяснять вам все как малым детям, демонстрируя наши бесконечные возможности. Но сначала вы должны увидеть мир, который мы вам предлагаем.

В том месте, где только что была глухая стена, вдруг возникло изображение какой-то совершенно фантастической местности. Впрочем, это скорее было похоже не на изображение на экране, а на совершенно реальный пейзаж. Мы увидели город с отливающими золотом двух–трехэтажными зданиями, отличающимися удивительной красотой линий и пропорций.

— Город Кип,— сообщил голос,— стоит на дне высохшего Средиземного моря рядом с горой Кипр. Вы обратили внимание, насколько низкие здесь дома? Это потому что воздух на такой высоте сильно разрежен. В Атлантической и Тихоокеанской котловинах городские дома гораздо выше,

поскольку атмосфера на таких глубинах еще достаточно плотная. Хотя океаны и пересохли, но этот мир вовсе не бесплоден. На больших глубинах сохранилось еще вполне достаточно воды, чтобы ее хватило на несколько тысяч лет. А когда и она исчезнет, можно будет прибегнуть к помощи механизмов.

Перед нами промелькнуло небольшое унылое горное озеро. В его мрачной глубине плескались отблески красных языков пламени.

— Солнце уже старое, оно медленно умирает. Но, прежде чем это произойдет, пройдет еще немало времени.

На экране один вид сменял другой, а голос продолжал:

— Вот это все мы и предлагаем в обмен на ваш мир: дома, которые останутся стоять и тогда, когда Солнце превратится в такой же космический хлам, как знакомая вам Луна. Машины для приготовления пищи, искусственый воздух, искусственное отопление и вода — вот что ждет вас в нашем мире. Машины не изнашиваются, не ломаются и будут работать даже тогда, когда уже давно ставший необитаемым мир сделает свой последний вздох. И, хотя многое из того, что говорю, недоступно вашему разумению, со временем вы накопите новые знания и сделаете новые изобретения. Единственное, что мы сохраним это секрет времени. Вполне разумная предосторожность с нашей стороны, так как даже нам приходится пользоваться этим знанием чрезвычайно осторожно, чтобы не превратить мировой порядок в хаос.

Перед нами мелькали мощные машины, красивые города, самолеты, огромные летающие цилиндры, просторные залы, диковинные цветы — панорама мира, который будет существовать лишь через пятьсот тысяч лет.

Большинство членов комиссии было ошеломлено, но ничуть не испугано. Я уверен, нас убедило вовсе не то, что рассказывал голос, и тем более не мелькающие перед нашими взорами картины, а та сила, которая чувствовалась во всех его словах. В присутствии этого карлика все переставало быть таким уж фантастичным, и исчезала даже сама мысль о возможном обмане. Он наконец заставил нас поверить, что их план не более удивителен, чем обмен

территориями между двумя племенами. Все это столь же возможно, сколь и невероятно! Теперь мы уже ничуть не сомневались, что наши соотечественники смогут — если захотят — перебраться на пятьсот тысяч лет в будущее, равно как не сомневались и в том, что они этого не захотят.

Тут со своего места поднялся профессор Тун из Гарварда.

— От имени всех нас я все же хотел бы понять, в чем причина подобного мероприятия,— сказал он.— Вы внезапно сваливаетесь как снег на голову и предлагаете нам очень многое, но что же в итоге получаете вы и что теряем мы?

— Вы не теряете ничего, кроме привычной местности,— ответил голос.— Но и мы предлагаем вам совсем неплохие места.

— Но,— возразил кто-то,— что же будет с нашими потомками? Вы ведь сами обмолвились, что выживет лишь несколько поколений, следовательно остальных вы приговариваете к смерти?

— Некоторых, но далеко не всех. Разве вы еще не поняли, что мы и сами — ваши потомки, потомки ваших детей. И хотя за это время мы достигли очень многого, конец для нас близок. Если мы останемся в нашем времени, то рано или поздно погибнем вместе с Землей. Поэтому мы просто хотим иметь в запасе больше времени. Мы, ваши внуки, вплотную подошли к своей судьбе. Но, по нашим представлениям, жизнь может и не закончиться с гибелью Земли. Вы меня понимаете?

— Черт меня возьми, если я хоть что-нибудь понял,— пробормотал человек, сидящий рядом со мной.— Это религия какая-то, что ли?

Я ничего не ответил. В этот момент я как раз пытался сосредоточиться. На самом деле речь была гораздо длиннее, чем то, что я вам пересказал. Многое из сказанного я и теперь не совсем понимаю. И хотя я не могу точно воспроизвести все, что тогда говорилось, так как прошло много времени, основной смысл сказанного я все же постарался передать.

Вслед за этим был задан как раз тот вопрос, который на протяжении всей дискуссии мучил и меня самого. Он ис-

ходил от англичанина, который произнес очень язвительным тоном:

— Насколько я понял, хотя мы в настоящее время и являемся вашими предками, в скором времени вы, вероятно, рассчитываете стать своими собственными предками?

— И да,— ответил карлик,— и нет.

Англичанин растерянно оглянулся вокруг.

— Вам просто не понять этого до тех пор, пока вы глубже не постигнете природу времени,— продолжил он.— Представляя время в форме простой прогрессии событий, вы сами ставите перед собой непреодолимые преграды.

Профессор Тун снова поднялся и задал еще какой-то вопрос. О чем разгорелась дискуссия, я уже не помню, но голос по-прежнему проникал в самые глухие уголки моего сознания. Больше всего это напоминало ведение спора с помощью какой-то психогипнотической установки. Когда наконец поднялся сэр Дин, в нашей компании осталось не более двух-трех человек, которых не убедил стройный ряд доводов, представленных нашим сопровождающим. И тут заданный сэром Дином вопрос словно сломал чары.

— А не могли бы вы показать что-нибудь из ваших достижений конкретно? Нечто такое, о чем мы могли бы доложить своим народам? До сих пор мы не узнали практически ничего полезного для тех, кто нас послал. Народы, которые мы представляем, едва ли будут впечатлены, услышав всего-навсего о чисто философской дискуссии, которую большинство из нас оказалось попросту неспособно вести. С моей точки зрения, гораздо больший эффект произвела бы, например, демонстрация оружия, которое вы предполагали использовать для осуществления своего плана.

— Вы уже видели наши строения. Что же касается оружия, то придется вас разочаровать,— ответил карлик.

Сэр Генри проворчал:

— Намереваетесь сохранить это в секрете? Очень благоразумно с вашей стороны. Но если бы вы все же продемонстрировали мощь вашего оружия...

— Боюсь, вы нас просто неправильно поняли,— отозвался карлик с упреком.— Мы не можем показать вам свое оружие, потому что его у нас нет.

— Ха! Тогда все это сплошное надувательство! Я подозревал это с самого начала. Вы просто рассчитывали хитростью...

— Нет, вы опять не понимаете. Мы вовсе не нуждаемся в ружьях или снарядах. Для нас все это — уровень каменного века. Мы давным-давно не используем подобные игрушки. Для нас не важно, способно ли данное оружие убить одного или целую тысячу человек. Мы не хотим убивать ни одного.

Сэр Генри фыркнул, демонстрируя свое презрение к подобной позиции.

Теперь нам предстояло увидеть достижения техники будущего. В зале появилось еще несколько карликов. Мы все встали.

— Странно,— пробормотал мой сосед,— я заметил, что этот человек ни разу не открыл рта во время разговора с нами. Кроме того, мы знаем, что они ничего не слышат, а тем не менее он понимает то, что мы говорим. Все это очень необычно. Вот, взгляните на него хотя бы сейчас.

Наш провожатый подошел к металлической стене, и перед ним сразу же возникло пустое пространство.

— Не вижу ничего необычного,— возразил я,— существует много дверей, которые открываются, когда к ним подходишь.

— Нет, вы присмотритесь внимательнее. Это не похоже на открытую дверь — скорее просто исчез кусок стены. То же было когда мы входили сюда.

Карлик явно презирал нас. Он обращался с нами крайне небрежно, лишь изредка бросая краткие справки об объектах, мимо которых мы проходили: машинах, производящих воду, приготовляющих пищу и разных других механизмах. Мы смотрели на все это с видом дикарей, впервые увидевших радиоприемник. В отличие от машины времени, ни в одной из них не использовался аккумулятор Лестранжа. Поэтому источники питания и принципы действия всех этих машин оставались для нас загадкой. Когда мы вошли в зал, который, как нам сначала показалось, весь был загроможден металлическими птичьими клетками, наш гид заметно оживился.

— Машины времени,— произнес он резко. Мы приблизились к «клеткам». По тому, с каким увлечением карлик начал рассказывать нам о машине времени, мы поняли, что это очень недавнее изобретение. Из его объяснений стало ясно, что один из двух рядов циферблатов устанавливает время, куда намечается совершить путешествие. Циферблат состоит из семи индикаторов — от одного часа до десяти тысяч лет. Приборы нижнего ряда определяют место прибытия. Положение машины может быть рассчитано буквально до фута, для этого необходимо лишь установить правильное соотношение между временем и местом прибытия и рассчитать отношение движения машины к скорости движения Земли.

— А это для чего? — спросил кто-то из нашей группы и потянулся к рычагу на панели управления машины. Карлик бросил на него быстрый взгляд, и не успела рука смельчака опуститься на рычаг, как он неожиданно пошатнулся и рухнул на пол. Как он рассказывал позднее, будто какая-то невидимая сила внезапно нанесла ему сокрушительный удар.

— Что я говорил! — возбужденно воскликнул мой сосед.— Сила мысли, вот что они используют! Вот почему их руки так слабы, они им попросту не нужны.

Карлик, оказывается, слышал наш разговор, поскольку тут же оглянулся.

— Я удивлен,— усмехнулся он.— Оказывается, вам известны даже такие понятия как «сила мысли». А я-то по вашим реакциям решил, что у вас имеются только инстинкты.

— Это оскорбление! — возмутился кто-то позади меня.

— Вас тридцать человек,— невозмутимо продолжал незнакомец,— предлагаю проверить, сможете ли вы все вместе устоять против меня одного.

Мы замерли в изумлении. Там, где всего секунду назад стояли «клетки», ничего больше не было, а вокруг нас расстилались бескрайние просторы пустыни.

— Ну, прямо сказка про волшебную лампу Аладдина,— проворчал мой сосед, нагнувшись и зачерпнув песок ладонью.

Карлик едва не смеялся над нашей растерянностью.

— Вы прекрасно знаете, где находитесь на самом деле,— сказал он,— и все же видите и чувствуете пустыню. Надеюсь, теперь вы убедились, что ваша сила гораздо меньше моей. Может, попробуете снова увидеть зал?

Я полагаю, что в событиях, которые произошли потом, немалая заслуга одного из самых выдающихся людей нашего времени, профессора Туна. Какое-то время мы еще ощущали исходящий от песка жар, а затем вокруг стали проступать неясные очертания зала. Медленно, как сквозь туман, проступили стены, но через секунду снова начали таять. Потом неожиданно контуры салона стали четче, и мы снова очутились в знакомом помещении. Карлик еле стоял на ногах и тяжело дышал.

— О Господи,— удивленно прошептал кто-то,— да ведь он измотан так, будто пробежал двадцать миль. Во всяком случае, мы показали, что тоже чего-то стоим!

Глава 4
ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

На обратном пути в аэропорт профессор Тун предложил членам комиссии собраться в Париже и обсудить создавшееся положение прежде, чем каждый из нас начнет готовить доклад для своего правительства. Делегаты приняли это предложение единогласно, так как чувствовали себя довольно неуверенно и хотели получить хоть какие-нибудь рекомендации относительно отчета.

С общего согласия заседание открыл профессор Тун.

— Джентльмены,— начал он,— каждому из нас на днях предстоит дать отчет о нашем путешествии. В свете того, что мы узнали, вопросы, которые нам будут задавать, покажутся большинству из нас просто нелепыми. Однако еще более нелепыми покажутся наши ответы. Нас спросят, как устроен и за счет чего движется тот летательный аппарат, на котором мы путешествовали. Мы ответим, что не имеем об этом ни малейшего представления. Это покажется им очень странным. У нас поинтересуются, много ли

карликов населяет тот мир. Мы ответим, что видели около пятнадцати. Когда же нас спросят, каким оружием располагают наши противники, мы вынуждены будем признаться, что, скорее всего, у них вообще нет оружия. Сколько там летательных аппаратов? Мы видели только один. Что собой представляет золотой металл? Тоже неизвестно. И так будет продолжаться до тех пор, пока им не надоест потешаться над нами. Короче говоря, мы попросту рискуем стать всеобщим посмешищем.

И если это случится, наши предостережения никто не воспримет всерьез. Редко, джентльмены, какая-нибудь комиссия приходила к менее конкретным результатам, чем наша. Вот если бы мы рассказали о сверхмощном оружии, неизвестных разрушающих лучах, новых смертельных газах — вот тогда бы нас выслушали внимательно. Вместо этого мы обнаружили угрозу такой силы, по сравнению с которой все вышеперечисленное просто детские игрушки.

Но если мы сами до сих пор не осознали все это до конца, то как мы сможем убедить в чем-то других? Все, что мы видели, это один странный летательный аппарат, одно не менее странное здание, нескольких карликов, несколько машин, про которые нам сказали, что они могут переносить людей во времени, и другие непонятные механизмы. Кроме того, нам показали весьма интересное кинематографическое шоу. Но вот наши ощущения мы передать не сможем. Как описать скептически настроенной аудитории охватившее нас тогда чувство потенциальной угрозы? И все же я убежден, что люди должны узнать о той силе, с которой столкнулись, о мощной интеллектуальной и духовной сущности, по сравнению которой мы едва ли вообще достигли уровня разумных существ. Нас должны услышать и нам должны поверить! На нас лежит огромная ответственность.

Конференция продолжалась два, как мне кажется, потраченных впустую дня. Участники конференции сосредоточивали свое внимание в основном на вопросах отражения угрозы, поэтому профессору Туну постоянно приходилось напоминать коллегам о том, что сначала следует решить, как убедить правительства в реальности надвига-

ющейся опасности. Остальное будет уже делом самого правительства.

Вернувшись на родину, я потратил много времени, пытаясь убедить одного твердолобого правительственного чиновника в своей правоте. Он сидел напротив меня в своем роскошном кабинете с видом человека, чье драгоценное время расходуют впустую.

— Неужели вы не можете оценивать военную мощь какими-то другими критериями, кроме как количеством пистолетов? — не выдержал я наконец.

— Ну, они могут иметь воспламеняющие лучи,— согласился он.

Я застонал в изнеможении. Он даже не понял моей иронии!

— Они развиваются в совсем другом направлении!

— Но, насколько я понял из ваших описаний, их физические данные оставляют желать лучшего.

— Я думаю, что внешний вид этих людей сформировался уже десятки тысяч лет назад. Но их интеллект все это время непрерывно развивался, и его сила чувствуется, стоит только с ними встретиться. Тридцать наиболее выдающихся людей нашего времени с трудом преодолели силу внушения одного из их мелких служащих!

Чиновник улыбнулся.

— И насчет их самолетов,— продолжил я.— Представьте, что на борту не было никого, кроме членов комиссии: ни пилота, ни экипажа. Все работало на телепатическом контроле.

— У нас тоже есть радио,— мягко напомнил мой собеседник.

Оправдывались мои самые худшие опасения. Все было безнадежно. Но я решил предпринять еще одну попытку.

— Вы, должно быть, просто не поняли, над чем они работают. Мы мало думаем о будущем человеческого разума, а они уже знают это будущее. Они стремятся выйти за пределы бренного человеческого существования и знают, что со временем смогут этого достигнуть.

— Невозможно. Не может быть разумных существ без мозга!

— Почему бы и нет? Мозг — это только орган, центральный контроль над другими органами. Уже сейчас они могут программировать свой разум, но все еще вынуждены использовать тело как базу для этих операций.

— Вы серьезно предлагаете мне в это поверить?

— А разве вы сами не слышали голос, который предъявил нам ультиматум?

— Да, слышал.

— И считаете, что он шел из громкоговорителей?

— Разумеется.

— Тогда, возможно, вам любопытно будет узнать, что в Лондоне сделали аудиозапись одной из речей. Когда ее поставили на прослушивание, кассета оказалась абсолютно пустой. Это произошло потому, что сообщения исходили вовсе не из радиоприемников.

К вечеру я был окончательно измотан и обескуражен. Все мои, казалось бы, убедительные доводы натолкнулись на глухую стену непонимания. Конечно, с материалистической точки зрения, даже мои самые сильные аргументы выглядели весьма не убедительно. Последний удар был нанесен, когда в самый разгар моих восторженных повествований о возможностях «чистого разума» недалекий чиновник спросил, не считаю ли я, что агрессоры могут иметь спрятанные где-нибудь поблизости танки?

— Не знаю,— сказал я вечером Мэри,— следует ли принимать предложение карликов, но знаю только, что лично я не собираюсь сидеть сложа руки. Моя задача — попытаться доказать окружающим, что угроза действительно существует. Более двух часов я пытался внушить этому самодовольному всезнайке, что сокрушительная по своей силе опасность действительно угрожает ему, нации, всему миру. Но это было все равно, что кидать камешки в египетскую пирамиду.

Мэри внимательно посмотрела на меня.

— Это очень трудно понять. Я тоже не представляю себе, какую же они могут представлять опасность, если у них нет даже оружия?

— Вот это-то и есть самое неприятное. Как мне убедить всех, что они могли бы иметь любое оружие, но с их силой

оно им просто не требуется? Если бы я мог выразить то чувство, которое мы все испытали! Но в этом я абсолютно не компетентен. Это все равно, что заставить лошадь объяснять поступки человека.

— Но, дорогой, если их так мало, то зачем же они хотят получить весь мир? Они могли бы просто основать где-нибудь колонию.

— Не знаю точно, но думаю, те, кого мы видели,— это что-то вроде авангарда, своего рода надзиратели за процессами эмиграции и иммиграции. Мы не знаем даже — сколько их. Вероятно, мир не может выдержать два населения одновременно. В любом случае, выход один — полный обмен. Самое неприятное во всем этом то, что нас даже не посвятили в детали, мы просто должны выполнять все, что нам скажут.

Мэри наклонилась и легко провела рукой по моему лицу, как будто пытаясь отогнать беспокойство.

— Дорогой,— твердо начала она,— ты должен перестать думать об этом. Отложи все это хотя бы на время.

Она взяла меня за руку и повела на террасу. Легкий ветерок мягко покачивал верхушки деревьев, высоко в небе медленно плыли причудливые облака, а где-то вдали проступали силуэты высоких холмов.

— Это замечательно,— мечтательно прошептала Мэри. Ее глаза сияли так близко!

— Я думаю, что именно это и заставляет меня так сильно бояться потерять всю эту красоту.

Я обхватил ее за талию.

— Наш прекрасный мир! — вслух произнес я.

«Но надолго ли наш?» — спросил я сам себя.

А через месяц мы получили новое предупреждение. Нам показали, чего стоит вся наша цивилизация и весь наш хваленый прогресс. Мы будто бы поднялись на первую ступеньку высокой лестницы, а она обломилась, и мы оказались там же, откуда начинали подъем. На целые сутки мы остались без той основы, на которой зиждилась вся наша жизнь. Карлики выбили опору у нас из-под ног. Они

разом вывели из строя все аккумуляторы Лестранжа. Все остановилось. Наступил хаос. Самолеты, корабли, космические ракеты, заводы — все перестало работать. Радио молчало, свет погас.

Это случилось в девять вечера. Уже стемнело. Сразу началась всеобщая паника. Толпы обезумевших людей носились по улицам, кружась как в водовороте.

Я сидел в своей городской квартире. Через открытое окно ко мне в комнату лился обычный шум городской жизни. Внезапно вспыхнул яркий свет, раздался грохот, а затем все погрузилось во мрак и тишину. Осторожно, стараясь не наткнуться на мебель, я пересек комнату и выглянул в окно. Снаружи было абсолютно темно. В воздухе повисла гнетущая тишина. Тишина, на протяжении которой умер не один человек: водолазам не хватило воздуха, шахтерская клеть упала в шахту, груз сорвался с крана, акробаты пролетели мимо трапеции, хирург сделал слишком глубокий разрез...

Вдруг откуда-то раздался визг. И тут же, как по сигналу, поднялся невообразимый шум и суматоха. Я ничего не видел, но мое воображение рисовало ужасные вещи, происходящие на улице: тела, вдавленные в стены, сломанные ребра, задыхающиеся от недостатка воздуха люди, трупы затоптанных в панике детей и взрослых. И над всем этим царил бессмысленный рев дикого зверя, называемого толпой.

Я на ощупь добрался до телефона, снял трубку и понял, что он тоже не работает. И только тогда на меня обрушилось полное представление об ужасе происходящего. Теперь я понял, что удар исходит от карликов. Их терпение лопнуло. Последнее их предупреждение было почти просительным: «Судьбы наших народов должны быть решены немедленно. Мы не хотим вредить вам, не хотим убивать, но вы сами не оставляете нам выбора». Они определили места сборов для эвакуации: север и юг Франции, северные равнины Италии, Южная Африка, Флорида и Калифорния в США и т.д., всего около сорока мест.

— Удивительно,— заметил один мой компаньон,— почему они всегда делают эти заявления в Англии?

Высокий приятный блондин обернулся к нам.

— Простите,— сказал он,— но впервые я слушал это в Германии, а вовсе не в Англии.

Я попытался объяснить им, что все речи карликов проникают в наше сознание напрямую, без посредства звука. После этого они оба очевидно, решили, что я просто сошел с ума.

Глава 5
ЭВАКУАЦИЯ

В установленный день в указанных карликами местах собрались огромные толпы людей. Кроме чудаков, и без того каждый день ожидающих конца света, да репортеров, пришедших сюда по долгу службы, остальные собрались из чистого любопытства. Повсюду царило приподнятое настроение в ожидании необычного шоу и возможности посмеяться над уродливой наружностью карликов.

Все, что произошло в этот день, смогли увидеть миллионы зрителей. Репортерам разрешили отправиться в будущее и вернуться, чтобы мы воочию смогли убедиться в простоте, с которой предстояло свершиться эвакуации, и последние наши опасения рассеялись. Мне довелось увидеть видеозапись лишь того, что происходило на одном из американских сборных пунктов, впрочем в других местах все происходило по тому же сценарию.

Вокруг сооружения, внешне похожего на огромных размеров машину времени, стоял полицейский кордон. Площадь огороженного пространства составляла около двух тысяч ярдов. Свидетели утверждали, что всего два часа назад здесь не было и следа этого сверкающего каркаса. Однако большинство людей готово было скорее поверить в чудеса моментального строительства, нежели в возможность путешествий через пятьсот тысяч лет. Люди парковали свои машины за полицейским ограждением и выходили, чтобы посмотреть на странное сооружение. Что бы они ни представляли по дороге, действительность превосходила все ожидания. Вопреки скептическому настрою,

зрители явно были впечатлены огромной сверкающей золотом клеткой.

Гомон толпы, кажется, постепенно снял нервное напряжение: любопытство, поддерживаемое ощущением безопасности, заставляло людей дождаться начала представления. Без предупреждения охрана расступилась, образуя проходы. Вздох изумления вырвался у нас, когда мы увидели, что полиция, чьим долгом было охранять общественную безопасность, спокойно отошла в сторону, а некоторые полицейские даже двинулись по направлению к толпе. Мы не услышали ни звука, но увидели, как люди медленно, словно во сне, стали проходить внутрь огороженного пространства. Что это? Внушение? Гипноз? На всех лицах было одинаковое выражение: бессмысленное и торжественное одновременно. Старики и молодые, женщины и дети, даже собаки покорно заходили в металлическую клетку. Следом за зрителями туда же зашли и полицейские.

В темноте кинотеатра Мэри сжала мою руку.

— Теперь я начинаю понимать, что ты подразумевал под их силой,— прошептала она.

Когда последний человек скрылся внутри, двери с легким щелчком закрылись. Тут же в нескольких ярдах от огромной машины времени появился карлик на такой же, только маленькой одноместной, машине. По рядам зрителей пронесся удивленный шепот. Все взгляды были обращены на человека из далекого будущего. Он выпрыгнул из машины и побежал в сторону безмолвной толпы, но люди в «золотой клетке», казалось, даже не заметили его. В углу одноместной машины времени мы увидели маленькую изолированную кабинку. Карлик вошел туда, повернул стрелки на циферблатах и нажал на рычаг. И в тот же миг «золотая клетка» со всеми ее пассажирами бесследно исчезла.

Пять минут в зале стояла гробовая тишина. На экране мы по-прежнему видели бескрайнюю пустыню и маленькую машину, на которой прибыл карлик. Затем, так же неожиданно, как перед этим она исчезла, «клетка» появилась вновь. Только теперь она, если не считать карлика в кабине, была абсолютно пустой.

Наконец мир осознал происходящее. Снова раздался старый клич: «С этим надо что-то делать!» На карту был поставлен престиж правительства. Оккупанты должны быть изгнаны. Члены нашей комиссии были поспешно вызваны и выслушаны с куда большим вниманием, хотя пользы от этого и на сей раз было мало. Вызвали и меня. Высокомерный чиновник уставился на меня через широкий стол. Его манера обращения была такой, будто он подозревал меня в соучастии.

— Для начала мы хотели бы знать, где находится их основная база?

— Я уже рассказал вам все, что мне известно. Мне кажется, что это где-то на юг-юго-западе от Алжирского побережья. Путь занял у нас около трех часов, таким образом, если вам известна скорость их летательного аппарата, то можете представить себе расстояние.

— Но должны же вы были запомнить хоть какие-то ориентиры!

— Вы полагаете, что в пустыне такое уж множество достопримечательностей? А поскольку никто заранее не знал, куда мы направимся, то и карманную карту Сахары с собой захватить не догадался

— Вы мне не дерзите! Мы нуждаемся в самой полной информации. И для вас же будет лучше, если вы постараетесь нам помочь.

— Хорошо,— согласился я.— Но я рассказал вам все, что мне известно. И если вы когда-нибудь все же найдете это место, то вам поможет счастливый случай, а не тот допрос, который вы мне устроили.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что сказал. Никто из нас не имеет представления о том, где находится это место или же чем оно отличается от любого другого места, где много песка. Но даже если вы обнаружите его, неужели полагаете, что люди, способные загипнотизировать толпу и загнать три тысячи человек в большую птичью клетку, не смогут остановить нескольких пилотов?

Чиновник пренебрежительно фыркнул:

— Когда хоть один из наших пилотов узнает, где они...— начал он.

— ...одним пилотом станет меньше,— закончил я.

Таким образом, правительство не получило от нас необходимой информации, так как у нас ее просто не было. Но уже тогда я понимал, что, даже располагай мы информацией, мы все равно были бы абсолютно беспомощны что-либо изменить. Итальянские, германские и английские самолеты тщательнейшим образом обыскали пустыню в поисках вражеского следа, но вернулись домой ни с чем. Итальянское командование поспешило отреагировать на непроверенную информацию, и их ракеты разрушили французский форт в пустыне. Пошли слухи, что Франция находится в союзе с карликами. Поэтому несомненно, что вражеская база находится где-то на территории Франции.

Французский пилот заявил, что его окружили летательные аппараты цилиндрической формы, похожие на транспортные средства неприятеля. В то же время германские летчики сообщили, что их самолеты обстреляли французы. Франция и Германия обменялись нотами протеста, после чего возникла реальная угроза войны между этими государствами.

Именно в это время кто-то на английской базе произвел проверку боевых ресурсов и пришел к поразительным результатам. За те пять дней, в течение которых велись усердные поиски вражеской базы, британские воздушные силы недосчитались около двенадцати бомбардировщиков и тысячи истребителей. Французские, немецкие, итальянские и египетские власти обнаружили в своих ВВС примерно ту же ситуацию. Судьба всех этих самолетов осталась неизвестной.

Одиночные полеты над пустыней стали непопулярны. В результате вместо отдельных самолетов стали исчезать целые эскадрильи.

В конце концов, самые благие намерения одного итальянского пилота привели к ухудшению ситуации. Он отстал от своей эскадрильи и уже направлялся домой, когда заметил под собой тот самый светящийся цилиндр, который разыскивал весь мир. То ли его разум не поддавался влиянию пришельцев, то ли они сами допустили оплошность, никто не знает, но пилот успел сбросить пять мощных бомб.

Этот пилот, должно быть, был в шоке, когда поток поздравлений прервал знакомый голос.

— Люди двадцать второго века,— начал тот с обычной официальностью,— до сих пор мы обращались к вам как к людям разумным. Но вы так и не вняли нам. Вы не поняли даже того, что если мы потерпим неудачу, то жизнь человеческая просто потеряет всякий смысл, так как не будет иметь никакой цели. Затем мы обратились к вам как к детям, которыми приходится руководить, а вы начали огрызаться, как неразумные щенки.

Теперь же мы окончательно поняли, что вы находитесь на стадии развития первобытных людей. Ваше нелепое оружие не причинило ни малейшего вреда нашему кораблю, зато убило тридцать шесть наших соотечественников, которые находились снаружи. Эти тридцать шесть человек для нас ценнее тысячи вас, а вы убили, их действуя не более разумно, чем действуют животные. Мы не намерены мстить вам за это бессмысленное деяние, но предупреждаем, что ликвидируем всех тех, кто останется здесь по истечении трех недель. Зато все желающие отправиться в наш мир могут отправиться на станции, где их будет ждать транспорт.

Кое-кто обрадовался: раз мы смогли убить нескольких из них, значит, сможем победить и остальных. Но большинство восприняло предупреждение серьезно, и по направлению к назначенным карликами местам хлынули толпы народа.

Мы с Мэри не присоединились ни к тем, ни к другим. Полагаю, что нас удерживали сентиментальные чувства.

Правительства безуспешно запрещали своим гражданам приближаться к базам карликов. Поезда останавливали на подходах, блокировали дороги, но толпы народа каждый день шли туда пешком, а пехота и экипажи танков, посланные преграждать путь толпам, вместо этого присоединялись к ним. Власти больше не контролировали ситуацию.

Англичане послали истребители бомбить одну из сборных баз. Погибли сотни ни в чем не повинных людей, а сооружения карликов не получили и царапины. В Кали-

форнии два человека, чье сознание оказалось неподвластным внушению, украли маленькую машину времени, и больше их никто не видел. Но с тех пор карлики начали работать парами: пока один сторожил машину, другой занимался перевозкой пассажиров.

В течение трех недель огромные машины времени делали по два-три рейса в день, но и это было сущей каплей в море по сравнению с количеством желающих переправиться в будущее.

И теперь, стоя в своей темной комнате, я думал о приближающемся конце. Люди метались в безумном страхе. Скоро начнется голод. Оставшиеся будут бродить как голодные звери, готовые разорвать друг друга. Пройдет совсем немного времени, и озверевшая толпа будет осаждать единственное спасительное место на Земле — пункт отправки в будущее.

Постепенно в моем уме созрел план, который сулил пусть даже небольшой, но шанс на спасение. Только сначала я должен был вырваться из этого сумасшедшего города и найти Мэри...

Мы залегли среди кустарников неподалеку от одной из станций. Мимо нас тянулись вереницы изможденных мужчин и женщин, стремящихся добраться до машин времени.

— Эвакуация мира,— пробормотала Мэри.

Некоторые катили тачки с имуществом, другие шли налегке, еле передвигая ноги. Но все упорно двигались в сторону сборного пункта и странных машин, которые стали для большинства сверкающим символом спасения. Многие были на последней стадии истощения и едва не падали от усталости.

— Если карлики используют свою силу только для того, чтобы помогать упавшим подняться, то вряд ли для этого они пользуются сильным внушением,— сказал я.— Если ты будешь полностью контролировать сознание, они не смогут завладеть им. Постарайся занять чем-нибудь свой мозг: например, непрерывно умножай числа. Это единственная возможность не поддаться гипнозу.

К счастью, нам так и не пришлось проверить нашу способность противостоять внушению. Мимо нас прошли пос-

ледние отставшие, помогая друг другу преодолеть конечный этап путешествия.. Наконец, транспорт наполнился и двери одновременно закрылись. Те, кому места не хватило, остались ждать следующего рейса.

— Приготовься,— прошептал я Мэри и вытащил из кармана револьвер.

Появились два карлика на маленьких машинах времени. Один из них побежал к кабине, а другой остался на месте. Когда первый карлик исчез в кабине, я навел револьвер на второго. Ужасно убивать человека, чья вина лишь в том, что он недостаточно бдителен. Но это было необходимо, так как он мог бы оповестить своих друзей буквально за несколько секунд.

— Давай! — закричал я, и, как только несчастный упал на землю, мы одновременно вскочили в машины. Я установил дату и место на приборах и положил руку Мэри на рычаг.

— Нажимай,— скомандовал я. Вместо этого она наклонилась ко мне и прижалась ко мне губами.

— Люблю тебя,— прошептала она, а затем потянула рычаг. Я крикнул, чтобы остановить ее, но было уже слишком поздно, Мэри исчезла.

Джон замолчал. Мы также не проронили ни слова.

— Где же она сейчас, интересно? — наконец прервал я молчание.

— Когда она опустила руку, то зацепила один из регуляторов. А ведь я был так осторожен! Я абсолютно точно установил стрелки в одинаковые позиции на ее машине и своей, чтобы мы оказались в одном и том же месте. Мы должны были спастись от этого хаоса. И вот — всего одно неосторожное движение, и ее, возможно, отнесло или в то время, когда погибла Земля, или же, наоборот, она могла оказаться в том времени, когда Земли еще просто не существовало. И теперь моя возлюбленная одиноко скитается где-нибудь в лабиринтах времени и пространства.

— Но вы,— спросил Лестранж,— а как же вы...

— О, я запрыгнул в другую машину. Толпа заметила нас. Ко мне через поле бросилось не менее сотни человек. Кто-то задел машину, и она накренилась. Она начала па-

дать, когда я только начал нажимать рычаг, и завершила падение уже в вашей лаборатории. Но чего же я в результате добился? Теперь я абсолютно одинок. Лучше бы я остался до конца со своим народом. Зачем я пришел сюда, точно зная, что ее здесь не будет? Если бы я сохранил ту машину, я мог бы отправиться и попытаться разыскать ее.

Внезапно послышался звонок охранной системы.

— Быстро в лабораторию,— крикнул Лестранж, спрыгивая со стула.— Там наверняка шпион.

Он протянул мне один пистолет, а себе взял другой. Мы тихо подошли к лаборатории, и когда открыли дверь, то увидели уже знакомую золотую раму. Около нее виднелась фигура, одетая точно так же, как наш незваный гость.

— О, Господи, Мэри! — воскликнул Джон, вошедший следом за нами. Он подбежал к машине и впился взглядом в панель управления. Потом обернулся с радостной улыбкой.

— Все ясно, Мэри,— сказал он,— здесь не обошлось без нашего ангела-хранителя. Ты могла изменить время на тысячу или шестьсот лет, но передвинула его только на шесть часов.

Затем он обернулся к Лестранжу.

— Любезный прапрапрадед, не найдется ли у вас еще одного куска бечевки?

ЖЕЛТЫЕ ШАРЫ

Кордах, принц Гангистанский, находился не в настроении.

Его советники успели уже привыкнуть к его мрачному виду. Выражение неудовольствия в последнее время буквально не сходило с его смуглого лица. Советники заранее знали, что скажет принц, настолько часто им приходилось это слышать в последнее время.

— Для всех великих наций,— изрек он,— право — это сила. Сегодня много болтают о правах малых наций. И что же в результате? Да ничего. Разве что ветер поднимает пыль, и эта пыль запорашивает глаза тем, кто раньше хоть что-то видел.

Он окинул взглядом своих советников, расположившихся перед ним полукругом на подушках. Все они, казалось, были поглощены изучением мозаичного пола. Красота узора привлекла их взоры более, чем лицо властителя. Их ладони поглаживали густые бороды, дабы со стороны показалось, будто обладатель бороды погружен в глубочайшие раздумья.

Совет состоял из одних стариков. Не потому, что старики всегда мудры, но потому что им менее свойственна амбизиозность. Будь вы принц Гангистанский или крупная шишка в Чикаго, избыток амбиций в вашем окружении — всегда помеха. Амбиции же большинства советников заходи-

ли немногим выше, чем обилие еды и питья, да изредка — новый брак. Принц снова обратился к безмолвствующим бородатым истуканам:

— Что мы можем сделать? Все эти англичане и прочие чужеземцы нас попросту дурачат. Они и не собираются рассматривать наши требования. С нами обращаются как с детьми — это с нами-то, народом Гангистана, дворцы и храмы которого обветшали уже тогда, когда англичане еще укрывались в пещерах. Мы, древний народ, предки, которого восходят к самому Началу Творения. Мы угрожаем им войной, а они смеются, как мы смеемся над разъяренной мышью, загнанной в угол. И вот мы вынуждены сидеть здесь, бессильные что-либо предпринять, в то время как они распространяют среди наших людей ядовитые плоды своего вздорного образа жизни, словно смеясь над священной мудростью наших отцов.

Принц снова сделал паузу, огляделся и, так и не услышав отклика, пожал плечами. Казалось, он даже несколько пал духом. Руки его взметнулись в жесте отчаяния.

— И мы абсолютно ничего не можем с этим поделать. У нас нет ни больших пушек, ни аэропланов. Мы вынуждены просто сидеть и наблюдать, как наше древнее племя отпадает от своих богов и перестает внимательно прислушиваться к голосу мудрости, заглушаемому гулкой пустотой материализма!

Он удрученно замолчал. Гнев его угас, сменившись глубокой печалью, и принц погрузился в раздумья, советники же по-прежнему безмолвствовали, храня почтительный, хотя и несколько скучающий вид, Наконец, один из старцев поднял голову и посмотрел на принца. Он выждал немного, как подобает, прежде чем спросить:

— Дозволено ли мне будет говорить?

— Дозволено, Харамин,— ответил принц.

Старец несколько мгновений поглаживал бороду, пребывая в безмятежной отрешенности.

— Сдается мне, —нарочито медленно начал он,— что мы уже куда сильнее заражены тлетворным влиянием Запада, чем готовы признать. Даже наша манера мыслить ныне любопытным образом уподобляется их ментальной

традиции. И вот мы начинаем извращать нашу чистую мудрость, чтобы соответствовать их нелепым обычаям.

По Совету прокатился протестующий шум, но никто не осмелился выразить негодование в полный голос, ибо у старика были особые привилегии.

— Объясни, же что ты имеешь в виду,— потребовал принц.

— Это хорошо заметно на одном примере, мой принц. Посмотри, как эти люди Запада ведут войну. Сперва они ее объявляют, дабы предупредить врага,— разве это не абсурдно? Затем они выступают против врага с оружием, подобным его собственному, что уже попросту нелепо. У них вообще в сущности имеются правила ведения войны — выдумка, достойная разве что детей или слабоумных. Мы с нашей мудростью понимаем: войну надо выиграть или проиграть, а не продолжать по-детски до тех пор, пока обе стороны не сдадутся от изнеможения и слабости. И все же...— он сделал паузу и огляделся.— И все же — вот мы сидим и причитаем, что не можем схватиться с нашими угнетателями на их собственной земле. По-моему, вообще глупо думать о войне в западных традициях.

Принц Кордах нахмурился. Ему не нравился тон советника, но он догадывался, что вызван подобный тон некоей тайной мыслью. Принц холодно спросил:

— Харамин, разве здесь, передо мной, подобает таиться, подобно лисе, в словесных дебрях?

— Принц, у меня есть племянник — человек, весьма искушенный в западной науке и тем не менее сохранивший мудрость наших предков. У него имеется план, который непременно должен заинтересовать Твое Высочество.

Принц подался вперед. Наконец-то они, кажется, до чего-то добрались.

— И где же твой племянник, Харамин?

— Я привел его, и он ждет, когда Твоё Высочество призовет его.

Принц ударил в стоявший рядом с ним гонг и сказал явившемуся слуге:

— Там ждет племянник Харамина. Пусть он предстанет перед нами.

Глава 1
ТАИНСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ

Отец добродушно улыбнулся Ральфу Уэйту.

— Как хорошо, что ты опять дома, мой мальчик,— сказал он.— Интересно, долго ты сможешь у нас пробыть?

Ральф, здоровый светловолосый молодой человек, обернулся к нему.

— Боюсь, я только на выходные, папа.

Миссис Уэйт подняла голову и слегка поморщилась, огорченная и разочарованная.

— И только, дорогой? А как по-твоему, если написать им вежливое письмо, не позволят ли они тебе погостить у нас хоть немного еще?

Ральф едва сдержал набегающую улыбку.

— Не думаю, что имеет смысл писать вежливые письма в «Амальгамэйтед Кемикэлз», мамочка,— серьезно ответил он.

— Полагаю, тебе лучше знать, дорогой, но все же ...— и миссис Уэйт умолкла в некотором волнении.

— А у меня тут появилось кое-что новенькое. Покажу после обеда, Ральф. И это — воистину самая замечательная вещь за все годы, что я занимаюсь садоводством...— при этом мистер Уэйт смотрел в тарелку и поэтому не заметил, каким взглядом наградила его жена.

— Но, дорогой,— начала было она,— ведь Ральф захочет...

Ральф остановил ее взглядом. Конечно, он хотел пойти навестить Дороти. Более того, истинным его желанием было сию же минуту, но он знал, с каким энтузиазмом отец относится к своему хобби. Старик будет немало разочарован, если не сумеет поразить сына своим последним триумфом в области садоводства. В конце концов, подумал Ральф, не так уж и много у старика радостей с тех пор, как он на старости лет окопался в этом маленьком корнуэльском городишке

— И что же это?

— Увидишь, мой мальчик. Все в свое время. Все в свое время.

Миссис Уэйт хихикнула.

Городок Сент-Брайан располагался неподалеку от южного побережья Корнуолла. Быстрая река Бод бежала через него туда, где ее поджидал Ла-Манш почти что в самом начале Атлантического океана. К северу от городка виднелись загадочные ослепительно-белые конусы — порода, выброшенная из глиняных ям, и с самой высокой их точки можно было проследить, как Бод течет на юг, до самого моря.

Дома здесь были сложены в основном из серого камня, их крыши придавлены такими же камнями — иначе их унесло бы штормами, приходящими зимой с Атлантики. В защищенных местах, где можно было воспользоваться преимуществами мягкого климата, обильно произрастали цветы, фрукты и овощи, лучшим доказательством чему являлся сад мистера Уэйта.

После того как обед закончился, старик с важным видом пересек аккуратный газон и приблизился к некрашеной изгороди, заслоняющей дальний угол его владений. Когда они достигли калитки, он задержался и как заправский экскурсовод жестом пригласил сына пройти вперед.

— Сюда, мой мальчик,— сказал он с гордостью.— Ты только взгляни на это!

Подходя к изгороди, Ральф основательно приготовился, но при взгляде на обещанный сюрприз все восторженные слова улетучились. Мгновение он безмолвно пялился на садик. Затем спросил:

— Да что это такое, черт возьми?!

— А я-то думал, что это тебя потрясет. Дивное растение, а?

— Но... Но что это за штука? — не унимался Ральф, разглядывая неведомое растение.

— Ну...— неуверенно произнес мистер Уэйт.— Не думаю, что ему уже дали название. Это — что-то вроде эксперимента, который меня попросили произвести. Новая разновидность кабачка или, насколько я понимаю, что-то вроде того. Подожди минутку, я принесу письмо...

И он снова заторопился через газон, а сын его между тем повернулся и принялся с интересом рассматривать «новую разновидность кабачка». Эксперимент или нет, но

Ральф решил, что это одно из самых омерзительных на вид растений, которые ему когда-либо доводилось видеть. Грубосферическое, оно более всего напоминало тыкву приблизительно двух футов в диаметре. Но Ральфа поразили не столько размеры, сколько цвет. Эта штуковина лежала перед ним, влажно поблескивая в свете вечернего солнца,— пятнистый, ядовито-желтый шар. Земля вокруг была голой. Шар валялся на боку, соединенный с почвой только жалким черенком, похожим на перекрученный жгут, непропорционально маленький, будто свиной хвостик.

— Штуковина таких размеров должна порядочно весить,— пробурчал Ральф себе под нос.

С некоторой брезгливостью он подсунул руку под шар, а затем уставился на него в полнейшем недоумении. Шар весил около фунта. Ральф все еще таращился на диковину, когда вернулся мистер Уэйт с трепещущим в руках листком.

— А, ты здесь. Вот это плюс инструкция по выращиванию — и это все, что я знаю.

Ральф взял у него письмо, отпечатанное на машинке. Сверху стояло:

«Слоуитт и К°».

Пониже было добавлено мелким шрифтом:

«Агенты
Экспериментал-Гроуэрз Компани».

— Дорогой сэр,— прочел он,— в ходе нашей экспериментальной работы мы преуспели в выведении нового сорта овощей. Мы весьма и весьма надеемся, что это крайне плодоносное растение успешно приспособится к величайшему разнообразию климатических условий. Настолько, насколько мы оказались в силах воссоздать различные условия в наших лабораториях, результаты не оставляют желать лучшего, и мы чувствуем, что настало время приступить к испытанию растения в условиях реального климата, с которыми ему предстоит столкнуться. Наши агенты в соответствии с данными им инструкциями повсюду

ищут людей, так или иначе заинтересованных в данном начинании. Они-то и предложили нам вашу кандидатуру, как неоднократного победителя многочисленных выставок сельхозпродукции, испытывающего к тому же живой интерес к научной стороне садоводства. Итак, мы с большим удовольствием просим вас согласиться нам помочь в испытании этого нового овоща.

Ральф прочел достаточно много, чтобы успеть утомиться и потерять нить.

— Все это просто прекрасно,— заметил он.— Но, черт возьми, чем же все-таки хороша эта штука? Она ведь небось полая. Ты ее уже пробовал на вес?

— Все в порядке. В инструкции по выращиванию, которую они прислали вместе с семенами, говорится, что чрезвычайная легкость плодов поначалу способна поразить огородника. Я так понял, что когда эта штука вырастет, она начнет уплотняться или твердеть. Хотя, признаю, выглядит она очень странно, и такими же чудными были семена.

Он пошарил у себя в кармане, отыскал какой-то предмет и положил себе на ладонь.

— Я сохранил это из любопытства. Видишь, они заключили его... Или, скорее, их — в нечто вроде капсулы. Инструкция предупреждает, что капсулу нельзя открывать ни при каких обстоятельствах.

— Тогда как же...

— А просто закапываешь все целиком и обильно поливаешь. Полагаю, капсула растворяется, и овощ начинает расти. Он определенно показывает отличную скорость роста. Ни за что не угадаешь, когда я эту штуковину посадил.

Он тронул шар носком туфли.

Ральф даже не стал пробовать угадать.

— Ну и когда же? — спросил он...

— Всего три дня тому назад,— с гордостью ответил отец.— Всего за каких-то три дня она достигла таких вот размеров! Конечно, я не берусь судить, сколько еще пройдет, прежде чем от нее будет польза, но все так хорошо началось...

Лекция, которую планировал мистер Уэйт, была прервана. Миссис Уэйт позвала мужа домой.

— Не говори об этом никому, мой мальчик. Я пообещал хранить тайну, пока овощ не созреет,— сказал старик, спеша через лужайку обратно к дому.

Ральф с удовольствием, отправился в гости. Позже он так и не смог вспомнить, результатом любопытства или рассеянности было то, что оставшаяся семенная капсула оказалась у него в кармане. Он знал только одно — ему повезло, что он ее не выбросил.

Дороти Форбс ожидала, что Ральф появится гораздо раньше. Ожидая его, она даже предавалась изобретению различных упреков, которые вполне может высказать дама, которой так пренебрегли. Это было приятным умственным упражнением. И даже чуть более того.

Но вместо того чтобы дать выход своему неудовольствию опозданием, она разгладила платье, движением головы отбросила за спину светлые волосы и предложила Ральфу пройти в сад на качели.

Качели имели такой успех, что прошло не менее получаса, прежде чем нечто в дальнем углу сада привлекло внимание Ральфа, заставив его выпрямиться и уставиться туда. Над верхушкой огуречного парника виднелся край знакомой желтой сферы.

— О Господи! — воскликнул он.

— Что? — спросила Дороти. Проследив его взгляд, она добавила.— О, это один из папиных секретов. Предполагается, что ты этого не должен видеть.

Нескольких секунд хватило, чтобы разрешить все сомнения. Овощ позади парника был абсолютно идентичен тому, который выращивал мистер Уэйт. Ну разве что, может, на несколько дюймов поменьше.

— Странное дело,— пробормотал Ральф. Дороти кивнула, хотя и не совсем правильно поняла его замечание.

— По-моему, это ужасно. Я уже и сама говорила папе: это наверняка очень вредная штука, но он надо мной только посмеялся. Я ее буквально ненавижу. Этот мерзкий, прямо ядовитый желтый оттенок...

— И он хранит это в тайне?

— Да. И ужасно ревнив на этот счет. Говорит, что эта бяка однажды сделает его знаменитым.

Ральф кивнул. Еще больше странностей. Он с минуту поразмыслил. Два человека, каждый из которых думает, будто он единственный в своем роде, выращивают один и тот же заведомо никчемный овощ.

— А не пройтись ли нам немного? — спросил он.

Дороти, несколько удивленная внезапной перемене предмета разговора, согласилась.

То была сумбурная, почти бесцельная прогулка. Однако она провела их по задворкам нескольких садов. И в целом они насчитали свыше двадцати странных желтых овощей.

Глава 2
ЭПИДЕМИЯ

Когда Ральф возвращался в Лондон, было очевидно, что очень скоро странные растения перестанут быть тайной. Они раздувались до громадных размеров со скоростью, которая делала никакую секретность просто невозможной. Уже два раздражительных джентльмена, считавших себя уникальными экспериментаторами, внезапно открыли, что они — соперники и принялись обмениваться чрезвычайно обидными замечаниями,

Пройдет совсем немного времени, и все двадцать, и еще множество других, пока не обнаруженных садоводов, прослышат об этом и выразят свое негодование. Таким образом, очередное письмо Дороти не удивило его.

«Когда наши с тобой отцы обнаружили, что являются соперниками,— писала девушка,— это уже само по себе было достаточно скверно. Но теперь, наверное, человек двадцать, а то и больше, рвут на себе волосы и грозят друг другу разными юридическими карами. И не только в Сент-Брайане. До нас доходят сообщения, что сотни садоводов, как в Корнуолле, так и в Западном Девоне, растят эту гадость. Наши уже тоже очень большие. Теперь они превышают четыре фута в диаметре и выглядят еще более зловеще, чем прежде. Я даже начинаю их немного бояться. Знаю, что это глупо, но ничего не могу с собой поделать. Я как-то сказала папе, что дело тут нечисто и я уверена что, у нас

в Англии такого отродясь не растили, а он только рассмеялся и ответил, что то же самое когда-то говорили и о картошке. Все равно, думаю, эти шары — скверная затея. Я слышала, что где-то около Ньюквея мальчишки сорвали один такой и сбросили на скалы, а он как взорвется! Я бы то же самое и с нашими сделала, да только мне и думать противно до них дотронуться...Бр-р-р-р...»

Начало письма вызвало у Ральфа легкую улыбку — он хорошо знал, каков темперамент у садоводов-любителей, и догадывался, что зрелище военных действий, будоражащих нынче общину, могло бы немало позабавить стороннего наблюдателя. Но он сделался серьезней, когда вспомнил недобрый вид этих растений, достигших в его приезд еще едва ли двух футов в диаметре. А теперь они увеличились аж до четырех...

Какой бы беспричинной ни была неприязнь к ним у Дороти, Ральф обнаружил, что способен понять девушку и посочувствовать ей. Правда, ощущение это слегка его беспокоило: он предпочитал, чтобы у нелюбви к чему-либо имелись разумные основания.

И все же дело это постепенно отошло для Ральфа на задний план, как вдруг несколько дней спустя ему встретилась заметка в самом низу газетной полосы:

«Из Ньюквея, знаменитого корнуэльского курорта, сообщают о нескольких случаях появившегося там заболевания, сбившего с толку местных врачей. Предполагается, что оно может быть вызвано неразумно продолжительным пребыванием на солнце любителей позагорать».

С минуту Ральф беспокойно соображал, когда же он недавно думал о Ньюквее, затем вспомнил, что как раз где-то там сбросили недавно со скалы желтый шар.

Следующее письмо Дороти информировало его, что состояние возбуждения распространилось по всей Западной Англии. Создавалось впечатление, что местные жители буквально раскололись из-за желтых шаров на две философские школы.

Садоводы и их друзья бурно защищали свое право выращивать на собственной земле все, что им вздумается, в то время как оппозиция без явных причин для подобного

рода заявлений утверждала, что это растение, безусловно, вредное. Как полагала Дороти, они разделяли ее все растущую неприязнь к шарам. Несколько дней назад в Бодмине даже имело место нечто вроде бунта, по ходу которого три шара были расколоты.

Дочитав письмо, Ральф вернулся к газете и обнаружил там информацию, которая заставила его озабоченно наморщить лоб.

Оказывается, положение в Ньюквее становилось все более серьезным. Одна из жертв неизвестной болезни скончалась, прочие же пациенты находись в тяжелом состоянии.

Далее следовала информация, что та же таинственная болезнь обнаружена в Бодмине, причем выражалась уверенность, что в последнем случае ее уже никак не припишешь любви позагорать.

Ральф задумчиво вынул из кармана отцовскую семенную капсулу и воззрился на нее.

«Возможно, я и дурак. Не исключено, что это просто совпадение. Но это стоит проверить»,— сказал он сам себе.

Прежде чем заглянуть к себе в кабинет, он позвонил в лабораторию приятеля, который работал в биохимическом отделе «Амальгамэйтед Кемикэлз Лимитед».

Прошло два дня, прежде чем он услышал о результатах исследования капсулы. Биохимик Арнольд Джордан вошел в его кабинет как раз, когда он заканчивал работу.

— Ну как, ты ее раскусил? — спросил Ральф. Арнольд кивнул.

— Да, раскусил. И не уверен, то ли я должен угостить тебя обедом за то, что ты мне ее подсунул, то ли с тебя причитается за то, что доставил мне так дьявольски много работы. В целом же я склоняюсь к последнему.

— Отлично. Ты выглядишь так, как будто немного доброй пищи тебе совсем бы не повредило. Идем.

Только в самом конце обеда, уже за кофе и сигаретами, Арнольд согласился изложить свое заключение, причем начал с претензий:

— Думаю, старина, ты бы мог меня и получше предупредить насчет этого зловредного образчика, который принес.

— Ну я же тебе сказал, что, по моему мнению это какая-то весьма пакостная штука,— заметил Ральф.— В конце концов, причина, по которой я ее тебе принес именно в том, что я о ней почти ничего не знаю.

— И где же ты ее, если не секрет, раздобыл? — с любопытством спросил Арнольд.

Когда Ральф все объяснил, его манеры утратили обычное легкое добродушие, лицо сделалось серьезным.

— Боже мой! Так ты хочешь сказать, что эту дрянь выращивают? Зачем?

— Для еды. А зачем еще выращивают овощи.

— Но ведь это же — грибы.

— Я тоже подумал, что очень на то похоже, но существует немало съедобных грибов, которые нужно только правильно приготовить.

Несколько секунд Арнольд был не в состоянии ответить. Он, казалось, и не слышал последней фразу приятеля, лишь упорно смотрел в одну точку. Когда он наконец очнулся, выражение его лица напугало Ральфа.

— Ты что-нибудь знаешь о грибах?

— Нет,— тут же ответил Ральф.

— Тогда постараюсь быть кратким, но попробую объяснить тебе, что это такое. Прежде всего, существует два типа грибов. Гриб — это либо сапрофит, который живет за счет разлагающихся тканей, либо же он паразит, и в таком случае существует за счет живых тканей. Насколько известно, сапрофиты — ну ты их довольно много пробовал в свое время — это и лесные грибы, и плесень на сыре рокфор, и сотня других разновидностей. Ну а паразиты не столь многочисленны. Например, вид, который чаще всего поражает людей,— так называемый стригущий лишай. Ну, а тот особый образчик мерзости, который ты мне столь любезно вручил — ни то и ни другое. Или, скорее, и то, и другое. То есть можно сказать, что он в равной степени благоденствует и на мертвой, и на живой ткани. Чувствуешь, куда я клоню?

Ральф начал догадываться.

— Эта штука,— продолжал Арнольд,— не просто паразит, но притом еще и самый зловредный из всех извест-

ных. Все растения, о которых ты мне рассказывал, надо срезать, ликвидировать и уничтожить, пока они не созрели. Если позволить лопнуть хоть одному, если рассеются споры...— и он выразительно распростер руки.

Ральф нервно оглядел его:

— А ты уверен?

Арнольд кивнул.

— Насчет опасности я убежден абсолютно. Что же до самого растения, то я весьма озадачен. Очевидно, споры были заключены в растворимую капсулу, чтобы их можно было безопасно посадить и взрастить. Если твоя информация верна, все это, похоже, организовывалось со злым умыслом и в широком масштабе. Эти споры не просто случайно рассеяли и вырастили наудачу, нет, были предприняты широкие меры, чтобы побудить людей культивировать этот гриб, в результате чего однажды повсюду разлетятся миллионы спор,— он сделал паузу и добавил: — Наша задача — попытаться это остановить, старина. Кто-то должен вмешаться, или да поможет Бог тысячам несчастных.

Ральф молчал. Он вспомнил таинственную эпидемию в Ньюквее и подобную же вспышку в Бодмине. Он снова представил себе слизистый желтый шар в отцовском саду, и, когда он взглянул на приятеля, лицо его снова побледнело.

— Мы опоздали,— сказал он.— Уже началось.

Глава 3
ОПАСНОСТЬ ВОЗРАСТАЕТ

— Чепуха! — подчеркнуто резко сказал майор Форбс.— Чепуха и вздор! Вам бы следовало все получше разузнать, молодой человек, а не являться ко мне со всякими старушечьими байками.

Ральф оставил попытки переубедить старика. Накануне вечером, после разговора с Арнольдом, он сел на ближайший поезд, направляющийся на Запад, и провел в дороге всю ночь. Нельзя было терять ни секунды. Насколько он знал, огромные шары могли лопнуть сами собой в любой

час, не говоря уже об опасности, что один из них обо что-то случайно ударится, и споры разлетятся по окрестностям.

Ральф примчался в Сент-Брайан усталый и обеспокоенный, но оба старика — отец Дороти и его собственный — выслушали его рассказ с полнейшим недоверием. Тщетно он приводил в качестве доказательства случаи заболевания и пересказывал им услышанное от Арнольда. Никакого проку. Каждый из сельских джентльменов про себя решил, что это какая-то хитрая уловка садоводов-соперников, желающих устранить его с пути. А если это и гриб, какой стоящий мужчина способен испугаться каких-то там лопающихся шаров, пусть даже и необычайно больших.

— Нет,— твердо повторил майор Форбс.— Ты говоришь, что твоя мать и моя дочь хотят уехать. Ничуть не сомневаюсь. Женщины всегда рады рвануть в Лондон не из-за одного, так из-за другого. Возьми их с собой, им полезно сменить обстановку, но не пудри мне мозги.

Подобную же беседу он имел и со своим отцом. Миссис Уэйт попыталась умерить раздражение мужа.

— Ладно, не беспокой больше отца, дорогой. Ты должен понять, что он ничего и слушать не желает. Я бы и сама с удовольствием отправилась на недельку в Лондон, но я ему ничем таким не докучаю. В любом случае, мне скоро надо туда съездить, чтобы кое-что купить.

— Ты просто не понимаешь, мамочка. Это и вправду серьезно. Штука, которую растит отец,— чистый яд.

Миссис Уэйт была явно малость огорчена.

— Ты так и вправду думаешь, дорогой? Я хочу сказать, что это так неправдоподобно и люди, которые нам их прислали, так не думали. Они определенно сообщили, что это — овощи.

— А не все ли равно, что они сообщили? Поверь мне или, скорее, Арнольду как специалисту — эти штуки смертоносны, их надо уничтожить.

— Вот как!? — вмешался мистер Уэйт.— Уничтожить? Хотел бы я посмотреть на того, кто попытается уничтожить мои образцы! Уж я бы ему показал! Слава Богу, в этой стране еще существует закон.

— Ты ведь пообещаешь мне, правда, Джон, хотя бы не есть этого, пока я не вернусь? — сказала миссис Уэйт, как

будто ее присутствие должно было нейтрализовать ядовитые свойства растения.

Муж с неохотой уступил ей.

— Хорошо,— довольно грубо сказал он.— Уж это-то я тебе обещаю. Хотя я по-прежнему считаю, что кто-то нас попросту пугает.

— Ну, если ты мне не веришь, заставить я тебя, конечно, не могу,— сказал Ральф.— Но я тебя умоляю...— и он снова в подробностях изложил предупреждение Арнольда, но преуспел только в том, что атмосфера снова накалилась.

Наконец он повернулся к миссис Уэйт.

— Мы только зря тратим время. Лучше пойди упакуй свои вещи, мамочка, и будь готова ехать.

— Прямо сейчас, дорогой?

— Да. Немедленно.

— О, но я, возможно, не смогу быть готова раньше завтрашнего дня. У меня еще куча незаконченных дел.

Ральф снова отправился к Дороти.

— Придется подождать до завтра,— сообщил он.— Никак не могу заставить их поверить, что малейшее промедление опасно.

— Ну, на день раньше, на день позже — невелика разница,— предположила Дороти.

— Возможно, как раз велика. Я хочу забрать отсюда вас обеих как можно скорее. В любой момент может оказаться слишком поздно.

— Завтра в это время нас здесь уже не будет. А теперь давай поговорим о кое о чем другом.

— Я не могу думать ни о чем другом. Ведь я-то слышал, как Арнольд об этом рассуждает, а ты нет. Давай-ка выйдем и еще раз взглянем на эту гадость.

— Привет,— сказал Арнольд, входя в кабинет Ральфа.

— Где тебя дьявол носил последние два дня?

— В Корнуолле. Пытался увезти оттуда своих.

— И как — удалось?

— Дороти и мама — здесь, со мной. А вот отцы наши не дрогнули. До чего же упрямые козлы! А что у тебя?

Арнольд проигнорировал вопрос.

— Ты сделал все, что смог?

— Конечно, все. Разве что — не похитил старых олухов.

Арнольд выглядел озабоченным.

— Боюсь, новости невеселые,— начал он.— Наутро после нашей беседы я отправился навестить одного знакомого в министерстве здравоохранения. И что бы ты думал? Там меня встретили буквально с распростертыми объятиями. Оказывается, масштаб всей этой затеи куда шире, чем мы думали. Власти его еще даже преуменьшают — им, видите ли, не хочется портить людям отдых — или еще какая-то чушь в этом роде. Они мне сказали, что зарегистрированы уже сотни случаев заболевания и несколько десятков смертей. Мало того — вскоре после похорон эти желтые шары начинают вырастать на могилах. Министерские эксперты, как и я, уверены, что об этой форме гриба никто и никогда раньше не слышал, и большинство твердо убеждено, что это чей-то злой умысел. Вчера они издали распоряжение, что эту штуку отныне сажать запрещено, но оказалось слишком поздно. Вокруг мест, где такие шарики лопнули, все уже усеяно новыми.

— И они растут?

— Тысячами. Близ Ньюквея и Бодмина и еще в нескольких местах. И никто их не смеет тронуть.

— Что же, никто ничего не предпринимает? Не уничтожает их?

— Как именно?

— А нельзя ли... Нельзя ли обрызгать их кислотой или еще чем-то? Ты ведь помнишь, первая партия еще не достигла стадии, когда они лопаются сами. Весь этот второй посев — результат случайности. Бог знает, что произойдет, если мы допустим, чтобы они лопнули.

— Никто, кажется, просто не знает, как взяться за дело. Но специалисты не сдаются. Они-то видят, насколько велика опасность. И работают над этим день и ночь. Ты ведь и сам понимаешь, проблема — в том, как уничтожить шары, не высвобождая споры.

— Наверняка должен быть какой-то путь.

— О, они его непременно найдут. Просто нужно, чтобы способ был радикален, а борьба с этой заразой хорошо организована. Что их больше всего беспокоит в настоящий момент, это — чтобы не возникла паника. Ты не представляешь, на что становятся похожи люди, когда они теряют головы. Если они очумеют и примутся все крушить направо и налево, мы пропали. Можешь мне поверить, соответствующие учреждения уже занялись соответствующими приготовлениями.

— А между тем первый урожай шариков вот-вот созреет.

Ральф окинул взглядом вестибюль отеля, где остановились мама и Дороти. Наконец он заметил миссис Уэйт, расположившуюся в удобном кресле в дальнем углу. Он поздоровался и уселся рядом.

— А где Дороти? — спросил он несколько минут спустя.— Переодевается?

— Переодевается? — переспросила миссис Уэйт.

— Мы договорились сегодня вечером сходить потанцевать.

— О Боже! Ну конечно... Так ты ничего не слышал? Она сказала, что она тебе позвонит.

— Она не звонила. А что такое?

— Ну, она не сможет провести с тобой сегодняшний вечер. Видишь ли, она уехала в Корнуолл.

— Что-что?! — вскричал Ральф, и голос его эхом прокатился по рекреации.

— Да, дорогой. Она сказала: я чувствую, что должна ехать обратно в Корнуолл,— спокойно повторила миссис Уэйт.

— Но почему же ты ее не удержала? Неужели же ты не понимаешь, как это опасно? О Господи, вдруг она уже заразилась! Ведь она может от этого умереть!

Миссис Уэйт не на шутку разволновалась.

— Ну, дорогой, я же ей сказала, что вряд ли это тебе понравится. Но она, кажется, очень уж беспокоилась за своего отца. Такая милая черта для молодой девушки... вот я и посчитала... я просто сочла себя не вправе вмешиваться.

Ральф не ответил. Взглянув на него, мать увидела, что лицо сына словно окаменело, а в глазах появилось выражение, от которого ей стало не по себе. Впервые она начала понимать, что за его поступками и разговорами в последние несколько дней стоит настоящий страх.

— Впрочем, все это может не настолько и опасно. По-моему, просто очередная паника. Поверь, милый, все кончится хорошо, и мы еще здорово посмеемся над собственными страхами. Не беспокойся, дорогой... Я думаю... О Боже!

Ральф отвлекся от своих мыслей, дабы взглянуть, что же вызвало ее изумленный возглас. Подняв глаза, он обнаружил перед собой отца и майора Форбса. Час назад он был бы рад их видеть, он бы испытал искреннее удовольствие при мысли, что все они снова вместе. Теперь же он приветствовал их более чем холодно.

Майор Форбс огляделся.

— А где же Дороти? — спросил он.

Ральф с горечью ответил:

— Уехала спасать вас.

Глава 4
БОРЬБА С УГРОЗОЙ

— Да, мой мальчик,— сказал мистер Уэйт.— Мы, конечно же, весьма тебе обязаны. Ты, казалось, был так убежден насчет грозящей нам всем опасности, что я провел собственное небольшое расследование, некоторое время потолкавшись среди представителей местных властей. Ну и, конечно же, старый инспектор Робертс намекнул мне — он ведь всегда считал себя передо мной в долгу из-за этой истории с его сынишкой. «Мистер Уэйт,— сказал он,— вообще-то я не должен бы вам этого говорить, более того, я в сущности нарушу приказ, если скажу, но если вам нужен мой совет — выбирайтесь из здешних мест, и как можно скорее».

— Да, это был чертовски откровенный намек,— согласился майор.— Мне удалось кое-что услышать о том, что

происходит в окрестных краях,— скверные новости. Какой-то дурак поднял панику в Лаунгестоне. Полгорода высыпало на улицу с палками, камнями и ножами, разбивая все желтые шары, какие им только попадались. Один человек мне сказал, что земля буквально побелела от спор — будто снежная буря пронеслась. Некоторые садоводы попытались вмешаться, и вспыхнуло нечто вроде сражения. Кажется, несколько подобных происшествий случилось и в Тавистоке, и в других горродках Западного Девона.

Ральф поднял глаза.

— Как бы там ни было, я выезжаю полуночным поездом — нужно вытаскивать оттуда Дороти. Который час?

Майор фыркнул.

— Не будьте дураком, молодой человек. С девочкой все в порядке. Она может вернуться в любой момент, я вам ручаюсь. Въезд полностью перекрыли, так что ей просто придется вернуться. Мы с вашим отцом прибыли на одном из последних поездов, которые пропустили в Лондон.

— Который час? — снова спросил Ральф.

— Без двадцати десять,— сказал майор.— И повторяю: ты только время потеряешь, если вздумаешь туда податься.

— Новости,— внезапно сказал мистер Уэйт.— По радио, конечно же, что-нибудь об этом расскажут,— он позвал лакея и попросил включить приемник. Несколько секунд спустя они уже слушали невозмутимый знакомый голос диктора.

Прогноз погоды оказался мало воодушевляющим.

— Объявляется штормовое предупреждение. Метеослужба в двадцать часов по Гринвичу предупредила все суда в открытом море: мощные западные ветры, переходящие в шторм, могут ожидаться в районе всего побережья Ирландии, а также у побережья Англии к западу от линии Саутхемптон-Ньюкасл и в Ла Манше.

Ральф взглянул на отца, который мгновенно уловил его взгляд, но тут же предупреждающе покосился на мать. Оба они почуяли, чем это пахнет. Тысячи легких желтых шаров, держащихся на каких-то там жалких черенках — и надвигающийся шторм... Диктор приступил к чтению новостей.

— Министерство транспорта попросило нас сделать следующее объявление. Приостановка движения. Движение поездов между Эксетером и всеми населенными пунктами к западу от него временно прекращается. Дальнейшие подробности будут сообщены завтра.

Майор торжествующе взглянул на Ральфа:

— Я же тебе говорил: они изолируют весь район. Так что нет смысла никуда ехать. Дороти и так очень скоро опять будет здесь.

Но Ральф в этом убежден вовсе не был. Майор, похоже, просто не знал, насколько у него целеустремленная дочь. Молодой человек решительно поднялся.

— Я выезжаю немедленно. Даже если отменены поезда, машины еще должны пропускать.

Тук-тук-тук, стучал молоточек Ральфа. Прошло три дня с тех пор, как он оставил Лондон, и вот он вбивает колышки в твердую почву Дартмура.

В послании, которое он получил сегодня утром, сообщалось, что о Дороти никаких новостей по-прежнему нет. Не оставалось сомнений, что она застряла в блокированном районе и теперь находится — если ей вообще удалось достичь Сент-Брайана — где-то в сорока-пятидесяти милях к западу от Ральфа. Он с неудовольствием вспомнил о событиях, в результате которых приступил к своей нынешней деятельности.

Выскочив из отеля, Ральф помчался искать Арнольда. Еще до полуночи он одолжил у того автомобиль и понесся по Пиккадилли, лавируя среди такси, битком набитых возвращающимися домой театралами. Пока он одолевал необозримые пригороды, движение делалось все более плотным. Он надеялся развить приличную скорость на Большом западном шоссе, но достигнув его, понял, что количество транспорта только возросло. Впереди тянулись длинные вереницы грузовиков, не слишком пунктуально державшихся своей стороны дороги. Непрерывный поток частных машин, тянущийся в обратном направлении, просто немыслимый в такое время суток, делал обгон грузовиков

задачей довольно-таки затруднительной. Ральф последними словами ругал неуклюжие грузовики и вдруг впервые заметил, что это не коммерческие машины, что они окрашены в цвет хаки, а на бортах у них — армейские эмблемы. Он снова выругался. Вот незадача-то: угодить в гущу военных маневров. Но, может быть, они свернут у Олдершота? Нет, не свернули. Машины продолжали двигаться по шоссе на запад, и, к его отчаянию, вскоре их стало на добрую сотню больше.

— Можно подумать,— пробормотал Ральф себе под нос,— война началась. Кажется, вся наша доблестная армия едет туда же, куда и я!

Вдобавок ко всем прочим бедам поднялся ветер, который принес резкий неровный дождь. И Ральфу, вместо того чтобы рвануть сквозь ночь, как он намеревался, пришлось сбросить скорость до черепашьей. Лишь изредка разрывы в потоке встречных машин позволяли ему вырваться вперед и оставить позади хоть несколько громоздких машин. Утро забрезжило задолго до того, как он достиг Эксетера, и даже по узким улицам этого старинного города он все еще двигался в военной колонне. В двух милях от города дорогу преградил барьер. Часовые с примкнутыми штыками помогали полиции заворачивать обратно частные машины. Ни военных, ни полицейских совершенно не тронули ни предложенные деньги, ни явное отчаяние Ральфа.

— Не стоит суетиться, парень,— посоветовал ему полицейский сержант.— Если бы я сегодня брал деньги, я бы сделал себе состояние и вышел в отставку. Езжай-ка ты лучше домой.

Ничего не оставалось, кроме как развернуть машину и в полном унынии вернуться в Эксетер. Там Ральф машинально жевал завтрак и обдумывал следующий ход.

«Частным машинам запрещено»,— сказал полицейский. Но ведь грузовики-то проходили — те самые треклятые грузовики, которые так досаждали ему всю ночь... Сотни грузовиков — их пропускали без каких-либо вопросов и, более того,— без осмотра. Не исключено, что ему удастся вскочить на один из них и забраться в кузов.

Протрясясь несколько миль, грузовик наконец остановился. Задний борт откинули.

— Эй ты, вылезай! — приказал чей-то голос. Сильная рука ухватила Ральфа за воротник и весьма чувствительно потащила из его убежища через штабеля деревянных кольев и мотки колючей проволоки. Он приземлился посреди группы солдат, возглавляемой сержантом. Последний тут же приблизился к нему. Остроконечные усики лишь подчеркивали выражение ярости на лице сержанта, оравшего:

— Какого... Холера, да на кой ляд ты забрался в этот... в грузовик?! А ну-ка идем со мной!

Офицер, к которому привели Ральфа, выслушал его, а затем участливо на него посмотрел.

— Я понимаю ваши чувства,— сказал он,— но выслушайте и вы меня. Вы, кажется, что-то знаете о ситуации, просто не с того конца ухватились. Туда пробираться не имеет смысла,— он махнул рукой на запад.— Если бы вы и проскочили, вам бы все равно ни черта не удалось сделать, разве что стали бы еще одной жертвой. Вашей девушке вовсе ни к чему, чтобы вы погибли. Вы бы лучше подумали о том, что она гордилась бы вами куда больше, если бы вы помогли нам одолеть эту заразу, стереть с лица земли проклятое растение и обезопасить тысячи людей.

— Но она...

— А вы разве не понимаете, что из тела каждого, кто там умирает, растут новые желтые шары. Если вы туда отправитесь, то окажетесь не просто беспомощны — вы еще и пищей для них станете. Нет, мой мальчик, ваше дело — помочь нам бороться с угрозой. У нас — чрезвычайная ситуация, и нам нужна любая помощь, которую вы в состоянии предложить. Что вы на это скажете?

Ральф подумал и согласился, хотя и без особой радости. Он понимал, что офицер прав. Его дело — бороться. Не рисковать попусту жизнью, а... Он не вполне доверял себе. Иногда побуждение найти Дороти оказывалось слишком сильным...

Голос напарника отвлек его от размышлений.

— Как насчет того, чтобы перекурить, приятель?

Ральф согласился. Направо и налево от них по пустынным холмам протянулась длинная линия столбов. Там и

сям группы людей, уже закончившие свои участки, начинали натягивать между кольями непроходимую сеть из колючей проволоки. Сзади по дороге тянулась бесконечная вереница грузовиков, везущих новую проволоку и все новые колышки, а поближе, между дорогой и заграждением, целая армия, обливаясь потом, рыла широкую траншею.

Ральфа поразила организованность, благодаря которой всего за какие-нибудь два-три дня власти оказались способны так продвинуться в том, чтобы отрезать целую область от остальной страны. Но одновременно он чувствовал и растерянность. Цель строительства заграждений была очевидна, но он не мог понять, зачем нужна неглубокая и широкая траншея. Не понимал этого и его напарник Билл Оукинс, но Билл с готовностью допускал, что уж властито знают, что делают, и времени зря не тратят.

— Угу,— заметил он.— Ловко они взялись за дело. Уж они у нас такие. Несколько дней назад было штормовое предупреждение. Может, слыхал?

Ральф кивнул.

— Ну, как только об этом стало известно, они мигом изменили свои планы — р-р-раз — и готово. Эту загородку должны были ставить на несколько миль дальше. Они даже начали подвозить туда материал, а тут приходит приказ к отступлению. Видишь ли, ветер в здешних краях почти всегда дует с запада. И вот что их напугало: что эту дрянь разнесет по всей стране. Если правда, что там говорят насчет какого-то парня, который это затеял нарочно, так он как раз самое подходящее место выбрал. Однако ветер, в конце концов, был не такой уж и сильный. Большинство этих желтеньких шариков просто прокатилось чуток, а затем застряло в долинах, овражках и все такое — словом, чертовски удачно.

— Так все это,— сказал Ральф, указывая на защитные сооружения,— на случай, если поднимется настоящая буря?

— Ну, что-то вроде того,— согласился Билл. Некоторое время они молча курили. То и дело большие самолеты рокотали над пустошью, неся запасы провизии, чтобы сбросить их в карантинную зону. А как-то раз мимо них, покачиваясь и ныряя прогрохотал здоровенный гусеничный

транспортер, держа путь на запад. Билл ухмыльнулся, разглядев в кабине людей и оборудование, которое они с собой везли.

— Что это? — спросил Ральф.— Похоже на отряд водолазов, отправляющихся на задание.

— Асбестовые костюмы и маски,— объяснил напарник.— А с собой у них — огнеметы. Чтобы малость поджарить эти пакостные штуковины.

Глава 5
ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Шесть дней спустя Ральф сидел со свой группой в конюшне, где они квартировали. Один из ребят пессимистически разглагольствовал:

— Само собой, какую-то пользу эти огнеметы или что там еще приносят. Но так далеко не уедешь. Растения-то, до которых нужно добраться,— под землей. Это не просто желтые шарики. Шарики — только плод. Сбив яблоки яблоню не погубишь. Грибы распускают что-то вроде паутины, которая тянется повсюду под землей — вокруг них, так они и живут, и вот еще что...

Раздался громоподобный стук в дверь, и зычный голос велел всем выходить

— Ветер поднимается,— объявил сержант.— Свою задачу вы все знаете. Так что за дело, да поживее.

Ветер с Атлантики набирал силу. Первые несколько порывов подняли желтые шары и немного прокатили, натянув до предела жалкие черешки. Затем последовал более мощный порыв, который настолько перекрутил стебли, что они лопнули, и теперь шары свободно понеслись туда, куда их гнал ветер. Как только ветер превратился в настоящий ураган, он подхватил великое множество легких шаров и заставил их вприпрыжку нестись на восток — желтую армию агрессоров, перешедших в атаку, дабы захватить всю страну и погубить ее обитателей.

Ветру, задувшему неделю назад, удалось сорвать только шары, росшие на наиболее открытых местах. На этот же

раз только у самых молодых и незрелых оказались достаточно крепкие корни, чтобы сопротивляться рвавшему их с насиженного места шторму. То и дело фонтан белых брызг взметывался над их подпрыгивавшей и сталкивавшейся оравой, когда крепкая желтая шкура какого-нибудь одного оказывалась разорвана острым каменным выступом или углом крыши. Затем сами большие споры подхватил ветер и понес вперед, словно авангард желтой армии.

Шторм, затеявший эту новую дьявольскую игру, кажется, начал входить в раж. Через некоторое время он усилился и еще яростней погнал шары вперед. Ни изгороди, ни канавы, ни деревья не смогли устоять перед таким натиском. Даже реки не оказались для круглых пришельцев препятствием. Разгоняемые ветром шары тысячами плыли через них, покачиваясь и подскакивая на волнах. Они безжалостно врывались на узкие улочки маленьких городов, теснясь и толкаясь близ углов зданий, пока дома не пропали в облаках вихрящихся спор, а уцелевшие шары наконец высвободились и покатились вдогонку за своими собратьями.

Но ветер унес не все. Многие застряли в лощинах, но кончилось всего-навсего тем, что они эти лощины заполнили доверху и образовали дорогу, по которой смогли свободно мчаться дальше остальные. Волна захватчиков вскарабкалась по склонам холмов, а затем скатилась на пустошь, где шары беспрепятственно набрали скорость и еще быстрей атаковали защитников страны.

На земле вспыхнула огненная линия. Только теперь Ральф понял, зачем понадобилась широкая канава. Ее наполнили горящей нефтью и деревом, так что образовался огненный вал.

— Вот они! — крикнул наблюдатель, вцепившийся в раскачивающийся насест высоко над их головами.

Вскоре все увидели несколько крутящихся шаров, которые, казалось, вели за собой сплошную желтую массу.

Люди задержали дыхание. Первые шары, бросившись на ощетинившуюся колючками изгородь, разорвались, высвободив споры, которые устремились прямо в огонь.

Но шары двигались слишком быстрым и плотным потоком. Во многих местах они тесно скопились у колючей

ограды, образуя опору для задних, которые взлетели по ним, как по эстакаде, и рухнули вниз через петли колючей проволоки. То там, то тут желтый шар проскакивал, как если бы обладал силой воли. Одолев заграждение, такой шар катился по ничейной полосе и наконец разрывался в огненном рву. Пылающие споры выстреливали в воздух, напоминая какой-то чудовищный фейерверк.

— Боже мой,— пробормотал сосед Ральфа,— если этот ветер вскоре не уляжется, мы пропали. Взгляните-ка вот на это!

«Это» было одним из нескольких шаров, которые, чудесным образом избежав всех ловушек, приготовленных для них, проскочили мимо людей во тьму.

— Когда ветер уляжется, их там поймают сетями и сожгут,— ответил Ральф с уверенностью, которую едва ли испытывал.— Меня больше беспокоит, что огонь может угаснуть, а нам нельзя подойти поближе подбросить топлива — мы-то с этой стороны.

Но, к счастью, буре не удалось загасить пламя.

— Ребята,— начал дежурный офицер,— нынче ночью у нас чуть не сорвалось, и следует благодарить провидение, за то, что мы успешно выстояли. Но нельзя позволить себе попусту тратить время. Нужно немедля приниматься за работу. В любой момент может снова подняться ветер, поэтому всю ту дрянь, которая облепила колючки, надо убрать, пока тихо. Каждый, у кого есть опыт обращения с огнеметами — шаг вперед.

И Ральф вышел вперед вместе со многими другими. Он не имел ни малейшего представления об огнеметах, но то был единственно возможный для него способ получить асбестовый костюм и пробраться в опасный район. Ибо он уже больше недели сдерживал свое беспокойство за судьбу Дороти и вот, наконец, оказался не в силах этого выносить.

С усилием натягивая тяжелое одеяние, которое не только должно было предохранить его от огня, но и защитить от смертоносных спор, Ральф обдумывал свой план. Возможно, такая простая затея и не заслуживала того, чтобы называть ее планом. Грубо говоря, замысел Ральфа заклю-

чался в том, чтобы попасть в первые ряды тех, кто будет расчищать землю огненными струями, и, работая, постоянно продвигаться вперед, пока густо теснящиеся шары не скроют его от глаз остальных. Все, что требовалось потом,— это топать на запад.

Единственной опасностью, если удастся уйти, было то, что его могут заметить с одного из самолетов, доставляющих пищу. Но шанс был невелик, да и не похоже, что одинокого бродягу сочтут достаточным поводом для проведения расследования.

Как он и ожидал, замысел удался. Никто не заметил, как Ральф пошел прочь, и в очень скором времени оказался один на границе запретной зоны. Насколько он мог видеть, земля была буквально усеяна желтыми шарами, зловеще замершими там, где их оставил ветер, и, казалось, ожидающими следующей бури. Окруженный их недобро поблескивающими шкурами, Ральф содрогнулся на миг, но тут же к нему снова вернулась решимость.

Он глубоко вдохнул через маску и зашагал вперед — одинокая серая фигура, единственный движущийся объект в опустошенном пространстве.

В первой же деревне Ральф нашел мотоцикл с наполовину заполненным баком и шесть миль, нарушая треском безмолвие пустоши, гнал на этом мотоцикле зигзагами, дабы не задеть разбросанных по дороге шаров. Потом потянулась узкая долина, столь густо запруженная шарами, что пришлось оставить мотоцикл, бросить тяжелый огнемет и карабкаться прямо по шарам. Несколько раз случалось, что шар лопался под его тяжестью, и Ральф падал вниз на несколько футов в фонтане спор, грозивших залепить дыхательную маску, а затем с трудом ее очищал. Далее ему пришлось собрать все свои силы и пробиваться вперед, а между тем ручьи пота насквозь промочили одежду под неуклюжим защитным костюмом. В одном месте он чуть было не повернул назад, чтобы забрать огнемет, решив выжечь себе путь через массу шаров, но вспомнил, что резервуар огнемета уже наполовину пуст. Поэтому он отчаянно пробивался дальше до тех пор, пока нога его наконец не ступила на папоротник и вереск на дальнем склоне.

С того момента Ральф мало что смог бы вспомнить о своем путешествии. Он не был даже уверен, сколько дней прошло, пока он тащился и карабкался из одной забитой шарами долины в другую... Только странные происшествия нет-нет да выводили его из тупого оцепенения: маленький городок посреди вересковых пустошей, где прямо посреди улиц валялись трупы мужчин и женщин, прямо из них росли грибы, окна были загромождены желтыми шарами, милосердно скрывающими внутренность комнат, да голос сумасшедшего пел гимны в забаррикадированном домишке — гимны, сменившиеся проклятиями и богохульством, когда поющий услыхал снаружи шаги Ральфа... То, что когда-то было людьми и что он вынужден был убрать с дороги, когда его замучила жажда и заставила поискать хоть какого-то питья в вымершей гостинице... Но каким-то образом даже с притупленными чувствами он по-прежнему пробирался через весь этот кошмар, и с каждой милей его страх перед тем, что он найдет, достигнув цели только усиливался.

Перебравшись через реку Теймар, отделявшую Девон от Корнуолла, он почувствовал себя почти дома. Грибы запрудили мост. Выше по течению скопилась желтая масса, но ниже моста река свободно струилась дальше, неся лишь случайные, безмятежно плывущие шарики, которые должны будут позже встретить свой конец, доплыв до пылающих лодок в Плимут-Саунд.

Вот наконец и Сент-Брайан. Здесь было куда меньше шаров, ветер их почти все унес. Вот и его дом. Поодаль — дом Дороти, тихий, запертый... Значит, там — никого?

Ральф разбил окно, забрался внутрь дома и двинулся по пустым комнатам. Ни следа грибов в доме. Но и Дороти — тоже ни следа. Может быть, она наверху? Ральф был слаб и голоден. Каждый шаг по лестнице давался ему с трудом.

У дверей ее комнаты он поколебался. А если она там и желтые шары растут из нее, питаясь ее мертвым телом? Он отворил дверь — нет ничего хуже неопределенности. На постели никого. В комнате вообще пусто. Ральф истерически расхохотался. Значит, Дороти удалось провести про-

клятые шары. Они ее не убили. Она жива, теперь он был в этом уверен — жива, несмотря на проклятые шары. Он упал на кровать, полусмеясь-полуплача.

И вдруг остановился. Снаружи донеслись какие-то звуки. Голоса? Превозмогая боль, он пополз через комнату, чтобы взглянуть в окно. По дороге шла группа людей. Людей, которых он знал. Люди были в обычной одежде, и среди них он разглядел Дороти. Дороти!

Он сорвал маску и попытался их окликнуть. Смешно, Голос почему-то его не слушался. Не важно. Дороти одурачила желтые шары. Это было чертовски забавно. Он снова расхохотался и упал на пол.

— Да, дорогой, я — настоящая,— сказала Дороти, стоя у кровати.

— Но... Но как?

— Когда я сюда добралась, оказалось, что папа уже уехал. Единственное, что мне осталось,— тоже уезжать. Мы — несколько человек — поплыли вниз по реке в лодке и добрались чуть ли не до самого края земли. У самой оконечности Корнуолла мы оказались вне угрозы, так как ветер дул в другую сторону. Ну а потом, когда стало безопасно...

— Безопасно?

— Да, дорогой. Теперь здесь стало безопасно. Шары теперь ведут себя как обычные грибы. Они не нападают больше на живые существа. Одним словом, мы вернулись домой и нашли здесь тебя.

— Но...

— Подожди. Тебе нельзя много говорить, дорогой. Ты, видишь ли, сильно заболел...

Ральф молча согласился и мирно уснул. Ее рука лежала в его ладони, и на лице у него светилась улыбка.

ЭПИЛОГ

Принц Кордах Гангистанский взглянул на племянника Харамина, который низко поклонился ему.

— Твой замысел провалился,— сказал ему принц. Племянник Харамина молча кивнул.

— Но,— продолжал принц,— это обошлось их проклятой стране дороже, чем любые наши войны, а мы ничего не потеряли. Скажи мне, почему план провалился?

— Ваше Высочество, эта порода не совсем правильно выведена. Через два поколения или около того она перестает быть паразитом и превращается в самый обыкновенный гриб-сапрофит.

— Который им, однако, придется уничтожать в течение многих лет?

— В течение многих лет,— с надеждой ответил тот.

Принц Кордах поразмыслил несколько минут.

— Нельзя сказать, что мы недовольны,— изрек он наконец.— Вне сомнения, первая стрела льва не убивает. Ведь есть и другие средства, племянник Харамина?

Склоненная фигура испустила вздох облегчения.

— Есть и другие средства,— подтвердил племянник Харамина.

СОКРОВИЩА КАПИТАНА БЭЛФОРДА

ПРОЛОГ

Даже те, кто слишком молод, чтобы помнить о деле Бэлфорда, по крайней мере слышали легенду о сокровищах капитана, зарытых где-то на Луне. Немного найдется мальчишек, которые не читали бы, как Бэлфорд и его товарищ напали на конвой в машине, которая везла их в тюрьму, а затем, переодевшись в полицейскую форму, одурачили представителей власти в космопорту и прямо под носом у охраны угнали спортивную ракету.

Каждый, кто слышал эту историю, вероятно, гадает: а что же случилось с двумя беглецами, которые бесследно исчезли на угнанном корабле и что за сокровища они спрятали на Луне.

И вот,наконец, мы можем предложить вашему вниманию подлинные мемуары капитана Фирона. Он-то и был вторым участником той эпопеи. По причинам вполне очевидным он воздерживался от публикаций, пока был жив, хотя нижеследующий отчет был продиктован им нашему представителю где-то лет шесть назад. Мы проверили большинство фактов и полностью убедились, что капитан Фирон — действительно тот самый Фирон, товарищ капитана Бэлфорда.

Данный отчет был им подписан, правдивость его подтверждена клятвой, а оригинал хранится у нас.

Глава 1
НА ПУТИ К ЮПИТЕРУ

Все это произошло очень давно. Мне теперь восемьдесят три. А тогда было всего двадцать пять. Но, хотя многое уже позабылось, обо мне с Бэлфордом, кажется, все еще помнят, хотя, самое смешное, что люди многое перепутали. Очень странно жить и слушать легенды о себе самом, которые с течением времени меняются, становясь все более неправдоподобными. Вот я и решил кое-что немного прояснить, пока жив. Даже если после этого люди всего-навсего прекратят летать на Луну и валять там дурака, разыскивая сокровища Бэлфорда — и это будет уже нечто.

Когда я впервые отправился в космос, мир был иным. Обратите внимание: я не утверждаю, что он был лучше или хуже, но, оглядываясь назад, вижу, что был он, кажется, гораздо проще. Мне было двадцать четыре, когда я получил место второго помощника капитана на старой «Клио» капитана Бэлфорда. Могу вас заверить, что не было тогда лучше парня среди тех, кто тогда бороздил Систему, что бы о нем ни болтали потом. Мало кто знал его так хорошо, как я. Когда с год проторчишь с человеком на космическом корабле, немного остается такого, чего бы вы не ведали друг о друге. То, что с ним случилось, было просто-напросто неудачей, такой же, какая могла выпасть на долю любого, кто занимался нашим делом.

Этот парень был очень высок — такие нечасто служат в космосе — более шести футов ростом, широкоплечий, силенок — на двоих таких, как я, но он стоил своего немалого веса, каждого его фунтика, несмотря на который двигался быстро и уверенно, словно кошка. Личное дело у него было чистое, как у младенца. Если бы нет, то ему бы не очутиться на «Клио», потому что Компании пришлось изрядно потратиться на скафандр и все такое прочее, изготовленное специально для него.

Компания называлась РРР. Ее давно уже нет, но в те дни «Рэд-Риббон Рокетлайнз» кое-что значило. А «Клио» была чудной старой посудинкой, которой в наши дни даже

справки о пригодности к космическим полетам нипочем бы не выдали. Она не совершала регулярных рейсов, да и предназначена для этого не была, ее построили как спасательное судно и уж для этого дела приспособили что надо. В те дни почти вдоль всех регулярных трасс сновали спасательные корабли. Это было очень выгодно: не только для того, чтобы собственные корабли спасать, но и потому, что кругом дрейфовала тьма-тьмущая останков погибших суденышек. Летать в космос тогда было не так безопасно, как теперь. С кораблем могло случиться, что угодно. И, не говоря уже об опасности столкновения для лайнеров, не было смысла оставлять болтаться в пространстве корабли и грузы, если существовал хоть какой-то способ их подбирать.

Конечно, тогда это дело не было так организовано, как теперь. Только через много лет голландцы реорганизовали свою спасательную и буксирную службу — смешно, верно, что именно они изобрели лучшие космические жестянки, как когда-то лучшие морские посудины? Была проделана тьма-тьмущая всякой работы, возникла Центральная Спасательная Регистрационная Контора и все такое. Каждая авария вызывала соперничество между разными компаниями. Если бы мы тогда додумались до сотрудничества, возможно, голландцы никогда бы не сунулись туда.

Ну, так я вам рассказывал о старушке «Клио». Не знаю уж, почему ее так назвали, разве что Компания называла все свои корабли женскими именами, причем обязательно кончающимися на «о», что, если подумать, здорово ограничивало выбор. Возможно, как раз поэтому они и закрыли свое дело несколько лет спустя — наверное, не могли больше найти подходящих названий, а стало быть, и строить новые корабли. Короче говоря, наша «Клио» была 48-дюзовым корабликом, размером едва вполовину современного голландского буксира, и летало на ней всего 11 человек. Нас легко было перечесть, нетрудно найти, и — для тех денечков — не так уж сложно с нами управиться. Во всяком случае, капитан Бэлфорд мог командовать «Клио» ничуть не хуже, чем теперешние капитаны современными посудинами со всеми их нынешними усовершенствованиями.

Первым помощником у нас был парень по фамилии Синдертон. Был он из молчунов, вечно себе на уме, но дело свое знал хорошо. Восемь наших матросов все были народ опытный — зеленым юнцам на спасательном корабле не место.

Рейс, во время которого с нами приключилась беда, начался как обычно. Мы стартовали с Каледонского космодрома и подались на Луну подзаправиться, точь-в-точь, как нынче делают буксиры, чтобы взлетать с Земли налегке и опять-таки не сжечь слишком много горючки. Как только с заправкой было покончено, мы легли на курс Земля — Юпитер или, точнее — Земля — спутники Юпитера, ибо в те времена еще никому не удавалось успешно сесть на саму гигантскую планету.

Жизнь на спасательном судне состояла — да, вероятно, и поныне состоит из периодов полного безделья и авралов. Привыкнуть к этому тяжело, и это — одна из главных причин, по которым экипаж мы набирали временный. В тот раз сперва все шло достаточно мирно. Свыше двух недель (по земному счету) мы дрейфовали с вырубленными дюзами, просто чтобы быть поблизости на случай, если кому понадобимся. Но, кажется, никто в наших услугах не нуждался. Через регулярные интервалы мы вызывали все наши корабли по лазерной волне Компании и справлялись, как дела, и все они отвечали, что о'кей. Мы уже буквально начинали желать, чтобы хоть что-то случилось. Так всегда бывает. Но в тот раз никто не выжег горючее, не обнаружил утечки воздуха, не получил метеоритных пробоин, и вообще ни с кем не случилось ни одной из тех ста и одной неприятностей, которые запросто могут превратить любой корабль в летающий гроб.

Однако на шестнадцатые сутки мы получили послание, из-за которого дюзы наши опять заработали, и «Клио» рванула вперед. Лайнер «Сафо», возвращавшийся с Ганимеда с грузом обогащенной урановой руды, заметил погибший корабль. Нетрудно было определить направление полета, учитывая положение корабля в исходный момент, его скорость и курс. Мы изучили ситуацию, развернулись и стартовали.

В таких вопросах очень много значит время. Нам нужно было достичь погибшего корабля до того, как кто-то другой

его засечет. По законам вознаграждение за спасенное имущество имел право требовать только первый корабль, достигший судна, потерпевшего аварию. Это было сделано немедленно, мы проинформировали Контору, затем они проверили нашу заявку, зарегистрировали и распространили сообщение о ее правомочности. Принцип как будто достаточно честный, хотя частенько 2 или 3 спасательных судна, более или менее одновременно сообщившие, что имеют такой шанс, неслись по космосу с ускорением, едва ли не грозившим гибелью экипажам, стремясь закрепить свое право. В тот раз, как мы знали, поблизости никого не было, но попусту тратить время всегда рискованно.

Два дня спустя недалеко от места, где, по нашим расчетам, должно было оказаться потерпевшее судно, мы затормозили столь же резко, как до того ускорялись. Капитан Бэлфорд сидел за пультом, в то время как мы с первым помощником переводили телескопы с одной светящейся точки на другую, лихорадочно обшаривая усеянную звездами черноту ради одной крохотной искорки — ракетного корабля. Конечно же, корабль было почти невозможно отыскать, мы имели всего-навсего один шанс из нескольких миллионов, что углядим его. Говорят, раз или два такое уже случалось прежде.

Наконец, Бэлфорд отозвал Синдертона от телескопа и передал ему управление. Мы все еще тормозили. Капитан выдвинул чувствительные экраны, которые можно будет использовать, как только мы остановимся. Как вы, вероятно, знаете, движущиеся тела оставляют на экранах светящиеся траектории и, хотя в космосе движутся все тела, те, которые к вам ближе других, кажутся перемещающимися наиболее стремительно. Ничто не могло быть ближе, чем наша цель, так что нам требовалось изучить каждую секцию экрана и найти самую яркую светящуюся линию. Если бы мы смогли отыскать ее среди других, что само по себе нелегко, то непременно нашли бы и корабль. Ну, и мы его в конце концов нашли. Правда, это стоило нам добрых двенадцати часов работы с экранами, пока мы не определили его местоположение, но это было довольно неплохо. Такая работенка вполне могла бы растянуться дня на три, если не больше. Уж я-то знаю.

Глава 2
СОКРОВИЩА С ПОГИБШЕГО КОРАБЛЯ

Как только мы удостоверились, что цель наша и впрямь обнаружена, мы развернули свой кораблик и некоторое время шли на боковых дюзах. Затем стремительный выстрел главной дюзы — и вот мы уже мчимся в нужном направлении. Когда мы приблизились, еще один краткий хлопок передних тормозных ракет заставил нас остановиться ярдах в двухстах от погибшего судна. (Когда я говорю «заставил нас остановиться», я выражаюсь фигурально, а подразумевается, конечно, что мы и наша цель летели в одном направлении с одинаковой скоростью.) Капитан Бэлфорд снял телефонную трубку и обратился к двум матросам, уже натянувшим скафандры и ожидавшим его приказа в шлюзовой.

— Порядок! Выходите!

Мы наблюдали в иллюминатор, как они выпускают электромагниты. Матросов мы, конечно же, видеть не могли, но смотрели, как первый магнит медленно и целеустремленно выплывает из корабля, а тросы и кабели плавно-плавно разматываются позади. Несколько секунд спустя появился и второй. Капитан ждал, опустив руки на два реостата до тех пор, пока магниты не прошли половину расстояния между кораблями.

— Наладьте связь и держите, — сказал он радисту, затем повернул рукоятку.

Захватывающее зрелище, когда парные магниты, так сказать, оживают. Только что они праздно плыли себе в пространстве, а в следующий миг словно пробуждаются и внезапно обнаруживают цель. Они слегка поворачиваются и, чуть покачиваясь, скользят вперед, к ближайшей металлической массе, в то время как удерживающие их тросы постепенно распрямляются. Капитан включил ток примерно на одну минуту, чтобы подтолкнуть их к погибшему судну, затем выключил и подождал. Как только первый магнит мягко коснулся корабельной обшивки, Бэлфорд снова включил ток, и магнит намертво прилепился к метал-

лическому борту. Мгновение спустя встал на место и второй магнит.

— Делайте заявление, — велел капитан радисту.

Две фигуры в скафандрах покинули наш корабль, быстро плывя вдоль магнитных кабелей к другому кораблю. Капитан надел микроволновые наушники и прислушался. Один из матросов достиг погибшего судна и оттолкнулся от магнита так, что его едва не отнесло в сторону.

— «Фетида», — вдруг сказал капитан. — Передайте в Регистрационную Контору.

— Есть, сэр, — отозвался радист.

— Тащите, — скомандовал Бэлфорд, снимая наушники.

Заработал моторчик, и тросы между двумя кораблями стали натягиваться.

— Пора, — сказал капитан, когда мы наконец задрейфовали вместе.

Мы ждали, а тем временем корабли медленно сближались. Вскоре стало возможно составить представление об истинных размерах «Фетиды». Сопоставление ее величины с ростом фигурок в скафандрах свидетельствовало о том, что корабль крупный, но, насколько он огромен, мы осознали, только когда окончательно сблизились. «Фетида» была раз в десять больше старушки «Клио».

— «Фетида», Компания «Три Звезды», — пробормотал капитан. — Что-то я о ней вроде бы слыхал, но никак не могу вспомнить, что именно.

— Это третий из трех однотипных кораблей Компании «Три Звезды», сэр, — вмешался первый помощник. — В свое время считалось, что это последнее слово техники в смысле безопасности. «Фетида» и «Исида» пропали. Третий корабль — «Артемида» — разбился несколько лет назад. Боюсь, так, с ходу я больше ничего не смогу вспомнить. Но все это должно быть в файлах, сэр.

— Не важно. Сами скоро все узнаем.

Минуту или две спустя радист объявил:

— Капитан «Клио» Бэлфорд заявляет о намерении подобрать «Фетиду» капитана Уиттера, зарегистрированную как погибший корабль. Мы приступаем к работе. «Фети-

да», 250 дюз, потерялась в космосе двенадцать лет назад, на обратном пути с Ганимеда на Землю. Сообщалось о серьезных повреждениях главных дюз, самостоятельно передвигаться неспособна. Поисковые суда найти ее не смогли. 60 пассажиров, 20 членов экипажа, груз смешанный: золото, пачулевое масло, тиллферовое волокно, ганимедское дерево, три мешка почты. Собственность компании «Плюм Лайн», правопреемницы компании «Три Звезды», порт приписки — Лох-Свилли, Ирландия.

Капитан выслушал сообщение радиста, подняв бровь. Если упоминаемый груз хотя бы частично сохранился, дело выглядело так, словно мы подцепили нечто, заслуживающее рекордного вознаграждения — если, конечно, сумеем доставить груз на Землю.

— Золото, — бормотал Бэлфорд.— Ганимедское дерево. Две тяжелейшие на свете вещи. От ганимедского дерева еще есть прок, оно хоть чем-то полезно. Но золото, в нем-то что хорошего? Уж оно-то ни на что не годится.

— Это драгоценный металл, — заметил я.

Бэлфорд взглянул на меня с презрением.

— Золотые монеты Бог знает как давно не ходят. Мы золота и не видим, разве что в ювелирных лавках. Оно почти бесполезно, и все-таки его добывают и добывают на рудниках по всей Солнечной системе. А зачем? Просто для того, чтобы доставить на Землю и запрятать там, где никто его никогда не найдет. А потом все напускают на себя веселый и довольный вид и заявляют, что их ставки повышаются. Сущий бред сивой кобылы, я бы сказал. Доставка золота с одной планеты на другую стоит больше средств и жизней, чем любая другая работенка в космосе.

— И все же, — сказал я. — Если оно кому-то нужно, значит — имеет цену.

— Фиктивную цену, — фыркнул он.

— Фиктивную или нет, но и для тебя, и для нас очень важно чин чинарем доставить его безутешным владельцам, — настаивал я.

— Возможно. И все же я считаю, что оно не стоит того шума, который вокруг него поднимают. Оно с тем же успехом могло бы плавать где-нибудь вон там, — он указал

на звезды во тьме за иллюминатором. — Просто болтаться в космосе, а не храниться в темных подвалах на Земле. Будь на то моя воля, я бы обязательно этого добился, и немало добрых космолетчиков, которые рискуют потерять жизнь, сберегли бы ее. Тут есть кое-что тяжелое, с чем стоит повозиться, но только не золото.

Тем временем корабли медленно сближались. Я пристально следил за ними, отвернувшись от капитана. Золотая лихорадка была одним из его коньков. Все это, и куда больше, я уже не раз слыхал и раньше. Но, как бы он к этому ни относился, он приложит все силы, чтобы доставить груз на Землю, а всех нас наградят за то, что мы ему в этом помогли.

Как только корабли мягко соприкоснулись, он опять заговорил официально.

— Мистер Фирон, поручаю вам стыковку и предварительный осмотр корабля.

— Есть, сэр, — осветил я.

В скафандр я облачился заблаговременно, поэтому тут же нахлобучил шлем и вместе с двумя матросами вышел через шлюзовую камеру в открытый космос.

С помощью тех двоих, что уже находились на «Фетиде», мы принялись подтягивать тросы до тех пор, пока оба люка не оказались достаточно близко друг от друга, а затем аккуратно состыковали их. Я доложил по микроволновой рации о готовности, из кормовых дюз «Клио» вырвалось неяркое пламя, и, когда оба корабля пришли в движение, мы занялись изучением нашей находки. По-моему, жители планет чаще всего плохо представляют себе условия работы в космосе, так что, наверное, стоит кое-что объяснить.

Надо помнить, что погибший в космосе корабль никогда не остается на месте. Весьма часто он движется с известной скоростью и, вполне возможно,— в совершенно ином направлении, чем то, в котором его намеревается буксировать спасательное судно. Следовательно, первое, что надо проделать после стыковки,— это осторожно выправить курс.

Момент весьма деликатный, ибо, как бы ни были прочны ваши парные стальные тросы, напряжение в них должно усиливаться постепенно, а оно к тому же еще и растет

неравномерно. Когда вы ложитесь на нужный курс, буксир начинает осторожно наращивать ускорение, возможно — не более нескольких футов в секунду, если он тащит большой корабль. То есть и время сберегается, и для космолетчиков, работающих на погибшем судне, не возникает неудобств. В космосе не ощущается никакой разницы между перемещениями со скоростью 7 миль в секунду и 1 миля в час. Вы чувствуете только ускорение, ускорением же в несколько футов в секунду на практике можно и пренебречь.

Единственный риск — это если кто-то сорвется и останется позади, но опасность невелика хотя бы, потому что по инструкции полагается пользоваться страховочным тросом. Но если даже троса и нет, отдача от выстрела-другого из вашего пистолета легко поможет вам вернуться на место.

Когда мы увидели, что двигатели заработали, мы все впятером пристегнули к поясам страховочные тросы и начали предварительный осмотр, непрерывно докладывая обо всем по микроволновой рации капитану.

Довольно быстро нам стало ясно, что случилось. Что-то ударило «Фетиду» в хвост, оторвало три четверти дюз и покорежило остальные. Корма была смята в лепешку, но в остальном корабль, кажется, не пострадал. Я слышал, как капитан, когда я доложил об этом, многозначительно хмыкнул, и, хотя от комментариев он воздержался, я понял, о чем он думает.

Дело грозило принять дурной оборот. Лучше, куда лучше найти корабль, который был разворочен полностью и мгновенно. Когда метеорит отбивает часть жилых помещений или когда он прошивает корабль насквозь, воздух улетучивается разом, и конец, знаете ли, наступает быстро. Смерть — зрелище всегда неприятное, хотя если она внезапна — это обычно еще ничего. Но когда жилые отсеки не повреждены и людям в них пришлось ждать медленного прихода смерти, часто обнаруживается, что перед концом происходили всякие весьма жуткие вещи. Я бы вам мог кое-что порассказать — ну да ладно, я даже теперь стараюсь об этом не думать.

— Придется прорубаться внутрь? — спросил капитан.

— Да, сэр.

— Хорошо. Я все подготовлю.

Прорубаться в корабль — дело утомительное. Сперва вы присоединяете к борту большой металлический купол и привариваете его по краю. И выглядит это так, будто у корабля на обшивке чирей вскочил. Затем человек проходит в купол через имеющуюся там маленькую дверцу. Следом втаскивается резак. Человек просто закрывает за собой дверь, ибо устроена она так, что удерживается одним лишь внутренним давлением, и приступает к работе. Назначение купола — конечно же, препятствовать утечке воздуха. Сперва надо вырезать круг в наружной обшивке — отверстие, достаточное для того, чтобы можно было проползти внутрь. Если вы удостоверились, что внутренняя обшивка не пострадала, вы снова отворяете дверь в куполе и избавляетесь от кружка, который вырезали, выкидывая его в пространство. Затем, снова закрыв дверь, сосредоточиваетесь на внутренней обшивке. Вы направляете резак в определенную точку и ждете.

Этот этап работы требует особой ответственности. В тот миг, когда под струей пламени металл начнет пузыриться, резак отключают. Цель работающего — добиться, чтобы воздух проходил в пространство между двумя обшивками как можно более мягко. Если вы не справитесь и воздух стремительно вырвется из корабля, вас ждут крайне неприятные минуты. Более того, если случится так, что сварочный шов вдоль края купола недостаточно крепок, вас вместе с куполом может сорвать и унести в космос, а воздух из корабля безвозвратно пропадет.

Итак, человек проделывает малюсенькую дырочку и внимательно следит за изменением давления. И продолжать можно не раньше, чем перестанет бить тонкая струйка воздуха. Когда это случится и давление в куполе уравняется с корабельным, во внутренней обшивке вырезается такой же кружок, как и в наружной, и, наконец, вы в состоянии проникнуть в корабль. Вы тут же докладываете об этом и добираетесь до шлюза. Здесь вы готовитесь бороться с рычагом, который отворяет наружную дверь.

Все было бы, конечно, много проще, если бы кто-то придумал удовлетворительный метод открытия корабельного люка снаружи, но, по некоторым причинам, главная из которых — перегрев внешней оболочки в атмосфере,— надежного механизма так и несоздали.

Глава 3
СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В КОСМОСЕ

Пришлось поработать несколько часов, прежде чем резчик доложил, что мы можем пройти на борт «Фетиды».

— Отлично. Приступайте, — распорядился капитан Бэлфорд.

Поисковая группа быстро облачилась в скафандры. Пока мы одевались, Бэлфорд беседовал по радио с резчиком, по-прежнему находящимся на «Фетиде».

— Ну, как там?

— Довольно мрачно, сэр.

Готовясь к работе, все мы надели микроволновые наушники и теперь могли слушать разговор полностью.

— Давление воздуха? — спросил капитан

— 13,7 фунта, сэр. Кажется, оно неплохо держится.

— Дышать можно?

— Судя по всему, с трудом, сэр. Проверить я не рискнул.

— Тогда не надо. Люк уже открыт?

— Да, сэр.

— Хорошо. Мы идем.

Мы оттолкнулись от стенок нашего собственного шлюза и через открытый люк проплыли в соседний. С собой мы взяли мало, разве что сварочные аппараты и фильтры, чтобы приступить к очистке воздуха. Я не собираюсь описывать, что творилось внутри корабля, не стоит и пытаться. Скажу только, что некоторые пассажиры и экипаж умудрились протянуть довольно долго. Я почувствовал себя весьма погано и в один момент даже подумал, что меня чего доброго вырвет. Пришлось взять себя в руки: когда вы в скафандре и вас рвет — это столь же опасно, сколь и неприятно. Мне вместе с одним парнем поручили заварить

недавно вырезанный проем и закачать воздух из пространства между обшивками обратно в корабль. Думаю, мы оба были рады-радешеньки предоставить операцию по очистке корабля другим.

С тех пор как люди начали путешествовать в пространстве, общепринятой практикой стало оставлять жертвы в космосе. И с моей точки зрения, это правильно. Родные просто не смогли бы спать спокойно, если бы увидели этих бедолаг, которых приходится выталкивать через люк погибшего судна, после чего они еще долго медленно плывут вдоль борта. А это — еще одна причина, по которой требуется некоторое ускорение, пока проходят работы. Если двигаться без ускорения, то практически невозможно избавиться от трупов. Они просто будут плавать себе вокруг, так как их притягивает масса корабля. Вид мертвецов, проплывающих в иллюминаторах, ужасно действует на нервы.

Как только мы закончили заваривать отверстия и закачивать воздух, обнаружилось, что тем временем остальные почти доделали самую мерзкую часть работы. Человек, отвечавший за удаление трупов, бесстрастно доложил капитану, проводившему тщательный осмотр грузов и запасов горючего:

— В общей сложности, тридцать тел. Семнадцать из них опознаны. Вот список, сэр.

Капитан Бэлфорд протянул руку и медленно взял список.

С минуту или более все молчали. Только тридцать тел в общей сложности. А было восемьдесят. Пассажиры и команда...

Капитан аккуратно сложил список и опустил его в карман. Затем подошел к иллюминатору и мгновение постоял там, глядя, как полыхает на черном фоне тысяча далеких солнц. Я понял, что он пытается увидать звезды во всей их неприкрытой безжалостности — такими, какими их видели люди с «Фетиды». В скафандре он казался каким-то гротескным великаном. Наконец, едва слышно вздохнув, он начал читать молитву за упокой тех, кто погиб в космосе.

А в остальном расчистка «Фетиды» была обычной рутинной работой. Горючее улетучилось только из двух ее баков, и первое, что мы сделали,— это перекачали топливо в наши собственные резервуары из тех, что не пострадали. В космосе это аксиома: заправляйся везде, где только можешь. Ведь никогда не угадаешь, когда придется затратить чуть-чуть больше энергии.

Отыскалось и немного пищи: всего несколько неоткрытых жестянок с бисквитами. Эти несчастные дольше берегли еду, чем воду: в баках для воды не осталось ни капли. Золото в каюте-сейфе оказалось нетронуто, мы проверили. Ганимедское дерево было аккуратненько сложено в трюме. Одна из посудин с пачулевым маслом оказалась продырявлена. Как мы поняли, какой-то бедолага, одуревший от жажды, пытался его пить. Прочие же баночки стояли себе, как положено. Лежало, где ему положено, и тиллферовое волокно.

Личное имущество мы оставили в каютах — там, где нашли, разве что на всякий случай закрепили те вещи, которые лежали свободно. Когда мы доставим корабль домой, кто-нибудь пройдет по каютам со списком пассажиров и вернет все это ближайшим родственникам.

Но это уже сущие пустяки по сравнению со всем остальным. Немного тягостное дело, конечно, но в общем-то нетрудное, поскольку как только заработают очистители воздуха, можно будет снять скафандры.

Затем начинаются наружные работы. И первое, что требуется,— это окутать крупноячеистой сетью ту часть корабля, в которой предполагается работать. Зацепиться за полированную обшивку невозможно, а надо, чтобы тебя что-то удерживало, когда руки заняты инструментами. И здесь выручает сеть. По ней можно карабкаться или зацепиться за нее, если потребуется. Как только сеть была установлена, мы начали прилаживать к бортам рымы. Это — нудная работа, но ее надо сделать и сделать хорошо. Существует только один способ предотвратить выход судна, погибшего или спасательного, из-под контроля — применение парашютов. А успешное их использование зависит в конечном итоге от того, насколько крепко держатся рымы.

Прочность парашютной ткани, тормозящий эффект, степень напряжения стальных тросов — все это можно рассчитать математически. Но приладка рымов — дело совсем другое. Здесь приходится полагаться на искусство, мастерство и ответственность тех, кто выполняет работу. Здесь не годится никакое тяп-ляп или показуха. К счастью, это такое занятие, которым можно заниматься без спешки.

«Фетида» была большим кораблем. Чтобы как следует подстраховаться, мы собирались использовать все имеющиеся парашюты, а это означало уйму работы. И тем не менее мы поставили на место более чем три четверти рымов, прежде чем начали тормозить. То есть мы располагали кучей времени, так как тормозили мы столь же плавно, сколь и ускорялись, и, следовательно, это растягивалось надолго. Мы должны были, видите ли, сбросить не только ту скорость, которую сами набрали, но и ту, с которой двигалось погибшее судно, когда мы его нашли. К Земле его полагалось подвести на возможно более малой скорости. А это означало, что нам придется провозиться несколько недель.

Конечно, не очень-то хорошо, что я так сыплю техническими подробностями, просто нужно дать вам хоть какое-то представление о том, насколько нелегкое это дело — заставить подобную громадину благополучно приземлиться. Что угодно может пойти не так. Делаются десятки расчетов, и ошибка хотя бы в одном почти наверняка означает провал.

Первая стадия — это достижение точки на полпути от Луны к Земле, где возможно лечь на стабильную орбиту, опять же я имею в виду стабильность относительную, как и положено, когда речь идет о космосе. Фактически вы после этого обращаетесь вокруг Земли, но на постоянном расстоянии от нее. И именно здесь завершаются последние приготовления к посадке.

Наш спасательный буксир наполнил свои резервуары до отказа, а все оставшееся на погибшем судне горючее мы ради безопасности выкинули. При первой очистке уже было вышвырнуто немало лишнего груза. Теперь же настало время избавиться и от опустевших баков, которые, полу-

чив толчок, начали дрейфовать в направлении Луны. Судно следует сделать как можно более легким, ибо предполагается посадить его в море, причем так, чтобы оно всплыло. Больших надежд на то, что всплывет «Фетида», мы не питали, если принять во внимание вес золота и ганимедского дерева, которые находились на борту, но, соблюдая общие правила, мы проследили за тем, чтобы насколько можно уменьшить вес.

Затем корабль запечатывают. Главные парные тросы, соединяющие оба корабля, отцепляются, и остаются только магниты со своими тросами, да к рымам присобачиваются парашюты. Практически работа для команды на этом заканчивается, остальное зависит от расчетов капитана и строгой последовательности его маневров. Он и первый помощник садятся вычислять да проверять результаты друг у друга.

Занятие это непростое. Капитан лишь приблизительно представляет себе, куда собирается сбросить погибшее судно, и должен придать ему такое ускорение, чтобы оно рухнуло куда надо или более или менее куда надо. Он знает, какой груз способны выдержать его магниты, и это, а также приблизительный вес спасенного добра, подсказывает ему, как распределять свои возможности во время этой операции. Ему предстоит рассчитать баланс множества сил: притяжения Солнца, Луны, Земли и смещение точки, в которую он целится относительно Луны. Должно быть задействовано все, что можно использовать для торможения или сокращения времени спуска. Наконец, капитан должен узнать по радио как можно больше о погодных условиях на Земле и учесть их, не исключено — что в самый последний момент.

В целом мы чувствовали, что близки к завершению выгодной и не слишком обременительной работенки. С точки зрения спасателей, «Фетида» была настолько беспроблемной, насколько вообще было можно надеяться, если не считать тяжести груза. Задача значительно упрощается, если сохранился воздух и не нужно заново возводить фрагменты двойной обшивки. Или прилаживать автоматически запирающиеся клапаны, чтобы впустить воздух в корабль, пока он падает.

Учитывая, что база «Плюм Лайн» находилась в Северной Ирландии, капитан Бэлфорд намеревался бросить корабль в Атлантику чуть к западу от ирландских берегов. Он проинформировал Спасательную Регистрационную Контору, что его цель — приблизительно 51°. северной широты и 12°. западной долготы, и получил их «добро». Они с первым помощником сверили хронометры и приступили к расчетам, тщательно проверяя и перепроверяя цифры друг у друга, прежде чем объявить нам точные сроки операции.

До того должно было пройти около восьми часов, и все мы, пока суд да дело, улеглись спать.

Глава 4
ПАДЕНИЕ «ФЕТИДЫ»

За полчаса до начала операции капитан Бэлфорд привязался ремнями к креслу и ненадолго включил боковые дюзы, чтобы добиться поворота на нужный угол. Все мы пристегнулись и стали ждать, следя за минутной стрелкой хронометра.

Строго по графику «Клио» начала вибрировать: заработали дюзы. Мгновение спустя, когда натянулись тросы магнитов, мы ощутили несильный толчок. «Клио» неторопливо двигалась к Земле. «Фетида» шла позади нас, начав свою долгую последнюю посадку.

Мы с первым помощником вели непрерывное наблюдение, сообщая капитану обо всех углах и расстояниях. Он проверял их по таблице, которую начертил и приколол к доске перед собой, выправляя малейшие отклонения от запланированного курса, включая ненадолго ту или иную секцию ракетных двигателей.

Подобный маневр известен в технике как «связанное падение», и продолжаться он должен был еще очень долго. Все это должно было тянуться фактически до тех пор, пока мы не оказались бы в четырех или восьми тысячах миль от Земли — и только тогда мы отстыковались бы и начали следить за своей посадкой, а второе судно перешло бы в режим свободного падения.

Зато весь первый этап операции требовал непрерывного наблюдения и корректировки. Мы падали вместе, но «Клио» не была безжизненным телом и без конца перемещалась то так, то эдак, таща за собой куда более массивный, чем она сама, корабль и меняя его курс, дабы заставить его упасть в расчетную точку земной поверхности, становившуюся с каждым мигом все крупнее и ближе. Можно представить себе, насколько это тонкое дело: ведомый корабль надо направлять то в одну, то в другую сторону с невероятной точностью и аккуратностью; здесь не должно было быть каких-то рывков или внезапного включения двигателей, из-за которого магниты могут отойти от ведомого корабля. Магниты — единственное, на чем держится связь, но для специалистов этого, как правило, достаточно.

Радист поднял глаза и доложил:

— К западу от Ирландии внезапно поднялся до штормовой силы северо-западный ветер, сэр.

Капитан Бэлфорд сгорбился перед схемой и хмыкнул.

— Передайте им, я попробую скомпенсировать, — он повернул несколько рукояток, бормоча, скорее себе самому, чем нам: — Шторм. И они выдают это после того, как пообещали тишь да гладь на следующие двадцать четыре часа. Надеюсь, когда-нибудь они хоть что-нибудь научатся понимать в погоде....

Он развернул «Клио», так что она оказалась по другую сторону от «Фетиды», и вот как раз в этот момент случилось то, что отравило капитану остаток жизни.

Он врубил хвостовые дюзы — и я сейчас опять повторю то, о чем рассказывал и раньше: никто не мог бы сманеврировать более умело — мы не почувствовали ни малейшего толчка. Я смотрел в иллюминатор прямехонько на «Фетиду» и вдруг увидел, как магнит отходит от борта. До сих пор не могу донять, в чем дело, может быть, кабель перекрутился, лопнул или оказался слишком короток — не берусь судить, только знаю, что магнит отошел до того, как натянулся кабель другого магнита.

Я инстинктивно выкрикнул предупреждение, но оно запоздало. Расчеты капитала Бэлфорда основывались на том, что задействовано два магнита. Прежде чем капитан

успел дотянуться до рукояток, второй магнит тоже отскочил и понесся к нам, как если бы державшего его троса вообще не было. Никогда в жизни я не видел, чтобы капитан терял голову, он и теперь был совершенно хладнокровен. Короткий толчок боковых дюз сдвинул нас с дороги, так что тяжелый магнит всего-навсего пролетел мимо, затем пошел за нами, позади него тянулась петля из двухсот ярдов кабеля.

— Режьте, — приказал Бэлфорд.

Матрос наклонился и дернул рукоятку. Автоматические клещи перекусили кабель, и магнит умчался в космос, а трос медленно, словно змея, вился позади него.

То были отвратительнейшие полминуты. Ведь второй магнит рванул к нам тогда с такой силой, что если бы попал, то запросто продырявил бы «Клио»; в лучшем случае мы отделались бы несколькими жуткими вмятинами. Как только опасность миновала, мы снова взглянули на «Фетиду».

Дистанция между нами увеличивалась. Теперь «Фетида» находилась в свободном падении. Я увидел, как нахмурился капитан Бэлфорд, но оставалось лишь одно-единственное возможное решение. Даже если бы мы смогли приблизиться к «Фетиде», у нас не хватило бы времени на восстановление связи. Выбор, который сделал капитан — единственный с моей точки зрения разумный выбор,— заключался в том, чтобы управлять нашим собственным спуском и надеяться на лучшее, насколько это для нас было возможно. Мы бы ничего не выиграли, если бы пошли на риск потерять оба корабля. Он принял решение за несколько секунд. Сперва обрезал второй магнит, затем вспышка боковых дюз заставила нас повернуться кормой к Земле, и тут же заполыхали главные ракеты. Мы почувствовали себя как при внезапном и сильном торможении. «Фетида» с нераскрытыми парашютами, закрутившимися вокруг нее узлами, камнем падала с огромной высоты на вырастающую внизу Землю. Корабль уменьшался, превратившись сначала в серебряный орех, потом в сверкающую пулю, в световую точку, а затем внезапно исчез.

Капитан обратился к радисту.

— Сообщите в Спасательную Регистрационную Контору, что «Фетида» сорвалась и теперь находится в свободном падении. Подтвердите, что мы намеревались сбросить ее над 51° Северной широты и 12° западной долготы и что на подобном расстоянии угол отклонения предсказать невозможно. Затем получите прогноз погоды с Каледонского космодрома и передайте, что мы садимся.

Вот вам и чистая правда о «Фетиде». Только это — и ничего больше. Простая случайность, а вовсе не какой-то там макиавеллиевский план. Происшествия наподобие этого время от времени неизбежно случаются, и такое может стрястись с кем угодно. Иногда все проходит гладко. В других случаях ведомый корабль может вообще пропасть, и тогда капитану спасательного судна предстоит отвечать за свои действия перед Постоянной Комиссией по Расследованию. Нет сомнений, что, имей место подобное традиционное расследование, коллегия, знакомая с опасными условиями работы в космосе не хуже, чем он сам, сняла бы с капитана Бэлфорда все обвинения. А вместо этого его заставили выслушивать фантастические обвинения, которые швырнули ему в лицо люди, поразительно невежественные в вопросах того, что возможно, а что невозможно в космосе.

Первые признаки беды мы почувствовали примерно через час после того, как приземлились. Мы сидели в клубе космодрома, отмечая стаканом виски благополучное возвращение, пока представители властей проверяли корабль. Это всегда связано с утомительным ожиданием. Прежде, чем сказать, что все в порядке и отпустить на все четыре стороны, таможенники должны обшарить судно на предмет товаров, облагаемых пошлиной, полиция — убедиться, что на борту нет ничего запрещенного, а служащие Компании — проверить оборудование, запасы, остатки горючего и т.п.

Мы были ужасно рады, что вернулись, но говорили мало. Главным вопросом для нас было, предстоит ли нам еще вернуться к работе с «Фетидой» или корабль навсегда потерян, а вместе с ним — и наше вознаграждение. Капитан,

напустив на себя неприступный вид, как-то все больше глядел в стакан и, не считая моментов, когда требовалось налить еще, почти не раскрывал рта.

Мы просидели чуть ли не два часа и уже начали чувствовать, что итоги осмотра вот-вот будут подведены, когда отворилась дверь и вошел начальник полиции Каледонского космодрома. Все мы с надеждой взглянули на него. Инспектор Мак Крейг был настолько популярен среди космолетчиков, насколько это вообще возможно для полицейского. Он был человеком безупречно честным, приверженным духу закона, хотя и отнюдь не помешанным на букве такового. В прошлом он и сам ходил в космос и знал, каково там приходится парням вроде нас. Однако на сей раз он приветствовал нас без обычной радости по поводу благополучного возвращения старых знакомцев. Напротив, при виде нас он нахмурился, а в глазах его явно сквозило беспокойство. Он безразлично кивнул и направился прямехонько к капитану Бэлфорду. Несколько удивленный таким прохладным приемом, капитан воздержался от своего обычного приглашения выпить, а вместо этого стал ждать продолжения.

— Уильям Бэлфорд, Уилфред Синдертон, Джеймс Фирон,— сказал он, — с этого момента вы находитесь под арестом.

Какое-то мгновение все молчали. Первым нашим побуждением (моим, да и Синдертона тоже, как он потом мне признался) было поинтересоваться, не думает ли он, что кто-то из нас протащил на «Клио» контрабанду или припрятал наркотики, и если так, то как ему это удалось? Ведь во время того рейса мы никуда, кроме Луны, не заглядывали, а шанс заполучить запрещенные снадобья там был невелик.

Услышанное, видимо, так потрясло капитана, что он несколько секунд стоял как оглушенный. Придя же наконец в себя, Бэлфорд медленно поднялся и как будто стал на добрые девять дюймов выше ростом.

— И в чем, интересно, нас обвиняют? — спросил он.

— В преступной халатности, — холодно ответил инспектор.

Но, когда он заметил явное недоумение, отразившееся на лице капитана, он сразу сменил тон.

— Извините, Бэлфорд. Но таков прямой телефонный приказ из Лондона.

— Какая такая халатность? — спросил капитан.

— Официально нам не сообщили никаких подробностей.

— А неофициально?

— Ну, если неофициально, то, по моим сведениям, «Фетида» где-то в Германии разнесла к чертовой бабушке половину какого-то городишки.

Мы так и вылупились на него.

— Но это же попросту невозможно, — наконец воскликнул я.

— Действительно, чушь какая-то, — подхватил Синдертон.— Я же лично проследил за отсечкой резервуаров. На борту и капли горючего не оставалось.

И тут мы оба взглянули на капитана.

— Это какая-то ошибка, — подтвердил он. — Мы проводили проверку корабля вместе с мистером Синдертоном и мистером Фироном. И избавились от всего горючего, которое не не поместилось в баках «Клио».

Полицейский с несчастным видом сказал.

— Ребята, поймите, я ведь знаю вас как облупленных и сам абсолютно уверен, что здесь какая-то ошибка, но сами же понимаете — приказы начальства не обсуждаются. Я просто обязан арестовать вас и как можно скорее отправить в Лондон. Так что вы уж извините, но служба есть служба.

— О чем речь, Мак Крейг, к вам у нас, конечно же, никаких претензий. Наверняка просто где-то в верхах как обычно что-то напутали. Поэтому чем скорее мы попадем в Лондон и во всем разберемся, тем будет лучше для всех нас. Когда мы сможем вылететь?

— Полагаю, немедленно. Я уже распорядился подготовить ракетоплан. Скорее всего он уже ждет.

— Вот и отлично, — капитан опрокинул в глотку остатки виски. — Ведите, — добавил он и первым направился к двери.

Глава 5
КАТАСТРОФА

Мы, конечно, сами не могли понять, что именно послужило причиной недоразумения, но сильно подозревали, что на самом деле имело место всего-навсего преувеличение. Нельзя было полностью исключить, что корабль, ударившись оземь, разлетелся на куски: в этом случае на основании поспешных докладов соответствующих служб наверх там легко могли бы принять мощный удар за взрыв. Нам казалось, что будет совсем нетрудно снять с себя обвинения в том, что по нашей халатности произошел взрыв. Любой член экипажа «Клио» подтвердил бы, что на «Фетиде» не оставалось и пол-унции горючего. Правда, нельзя было исключать обвинение в халатности при закреплении кабелей, но все мы были специалистами самой высокой квалификации, поэтому трудно было сомневаться в том, что мы сделали все возможное для проведения спуска «Фетиды» максимально безопасным.

Путь до Лондона мы проделали скорее здорово раздраженные, нежели обеспокоенные. На посадочной площадке в Кинг-Кросс нас уже ждала полицейская машина, которая и доставила нас без промедления в штаб-квартиру Скотленд-Ярда. Там мы были мгновенно препровождены в кабинет заместителя помощника комиссара Специального Подразделения. В кабинете нас уже поджидали трое военных примерно в одинаковом звании. Весьма любопытно то, как они нас встретили: какая-то странная смесь официальности и дружелюбия. Впрочем, что ж, это никоим образом не свидетельствовало о том, что нас считают виновными в преступной халатности.

Сперва нам по традиции зачитали наши права. Нас желали допросить, но при этом за нами сохранялось наше законное право отказываться отвечать.

Капитан Бэлфорд на это только отмахнулся. Совесть его была чиста, и он, напротив, желал помочь им разобраться в происшедшем, насколько мог. Он был совершенно уверен, что того же самого желают и оба его помощника. Мы

охотно подтвердили это и расселись на приготовленных для нас стульях, чтобы ответить на вопросы следователей.

Абсолютно ли мы уверены в том, что взрывоопасные вещества были удалены полностью? А не могло ли на борту оказаться что-нибудь взрывоопасное помимо горючего, например, спрятанное среди упаковок тиллферового волокна или в штабелях ганимедского дерева? Сколько рымов и парашютов мы приладили? Как вообще случилось, что мы уронили «Фетиду»? Сколько золота было на борту «Фетиды»?

Дело свое они знали. Вопросы ставились более чем умело и полностью охватывали интересующие их моменты. Продолжалось это довольно долго, мы рассказали им все, что могли, и, казалось, наши ответы их удовлетворили.

Капитан изложил им все интересующее, строго придерживаясь хода событий. А когда они явно стали подходить к концу, сам задал им вопрос.

— Кстати, может быть, вы и нам что-нибудь расскажете о происшествии? — спросил он. — Ведь мы только и слышали, будто «Фетида» рухнула на какой-то городишко в Германии.

Вместо ответа один из следователей протянул капитану газету, которую только что ему принесли. Мы с первым помощником поднялись и, подойдя к капитану, уставились в нее через его плечо. Шапка первой полосы гласила:

КОРАБЛЬ, ПОГУБИВШИЙ ГОРОД

Далее следовал достаточно короткий, но явно сенсационный репортаж. Достаточно было одного взгляда, и сразу становилось ясно как день, что написан он на скорую руку и основывается на более чем скудной информации. Несчастье случилось в небольшом городке Пфаффхайме, что в земле Вюртемберг, около половины первого дня (или в 11.30 по Гринвичу). Прогремело несколько мощных взрывов, едва ли не все здания получили те или иные повреждения, а многие были разрушены до основания. Сила взрывов была столь велика, что напугала аж жителей Штутгарта, расположенного в сорока милях от Пфаффхайма. Данные о количестве погибших и раненых, впрочем, отсутствовали, но высказывалось предположение, что жертвы, возможно, будут исчисляться тысячами. Потери могли бы

быть и больше, но, к счастью, в момент катастрофы на тамошней фабрике был обеденный перерыв, и значительная часть рабочих разошлась по домам.

Многочисленные свидетели подтверждали, что, как раз перед тем как прогремели взрывы, они видели камнем падающий на городок — ибо парашюты так и не раскрылись — космический корабль. Из запроса в Спасательную Регистрационную Контору выяснилось, что в это время лишь один корабль приближался к Земле в состоянии свободного падения — а именно «Фетида». По крайней мере, ни о каких других сведений не было.

Мы быстро пробежали взглядом этот крайне поверхностный и сумбурный репортаж. Не думаю, чтобы кто-то из нас хоть на миг усомнился в том, что виновницей трагедии стала именно «Фетида». Центральная Контора, уж конечно, была бы в курсе, если бы в подобном положении оказался какой-то другой корабль, так как любое спасательное судно кровно заинтересовано, чтобы его заявление о находке было зарегистрировано как можно скорее. И все же, даже несмотря на это, мы все равно как-то не вполне уяснили смысл репортажа.

— Несколько мощных взрывов? — спросил капитан, оторвавшись наконец от газеты и взглянув на троицу следователей. — Что имеется в виду? Да если бы на борту осталось хоть что-то взрывчатое, корабль бы просто в один миг «бах!» — и разлетелся в пыль.

— А где этот Пфаффхайм? — спросил Синдертон, прежде чем наши визави успели ответить на вопрос капитана.— Мне казалось, я прекрасно знаю Вюртемберг, но о таком городишке никогда не слыхал.

— В официальном сообщении, полученном нами из Германии, упоминается об одном, а не о последовательном ряде взрывов, — ответил тот, что дал нам газету. — Что же касается Пфаффхайма...— он потянулся за справочником, нашел нужную страницу и передал книгу нам.

Задумчиво нахмурившись, он наблюдал, как мы читаем:

«Пфаффхайм, деревня. Земля Вюртемберг. Расположена на реке Ягар, в тридцати милях к юго-востоку от Штутгарта. Население — 2100 чел., основное занятие — сельское хозяйство».

— По-моему, — наконец заметил я, — здесь кое-что не сходится. Во-первых, всего один взрыв, а не несколько, во-вторых, всего тридцать миль от Штутгарта, а не сорок и, в-третьих, тысячи пострадавших при населении всего 2100 человек, а уж что совсем странно, так это говорить о гибели промышленных рабочих в чисто сельской местности.

Я посмотрел на год выпуска справочника. Издание было совсем свежим, так что с этой стороны все в порядке.

— Итак? — спросил я.

Главный следователь передернул плечами.

— Кажется, достаточно ясно, что «Фетида» упала и за этим последовал один взрыв или более. Что же помимо того — я, честно говоря, пока и сам не вполне понимаю. Тут дело явно в чем-то большем, чем в обычной неточности первого сообщения, но в наших с вами общих интересах поскорее во всем разобраться. Вам, джентльмены, со временем, конечно же, придется предстать перед судом, но более чем уверен: с выпуском под поручительство проблем не будет.

Насчет этого он оказался абсолютно прав. Нашим делом явно занимался кто-то наверху, и прямо в тот же вечер мы смогли вернуться к своим семьям. Синдертон, насколько я знаю, отправился домой с тем же настроением, что и я: день-два — и все это совершенно дикое происшествие получит какое-нибудь удовлетворительное объяснение. Но вот что касается капитана Бэлфорда — ну, возможно, он от природы был человеком более недоверчивым, чем мы, или, скорее, у него возникло нечто вроде дурного предчувствия.

Пока что публика не испытывала интереса к этому делу. Сообщения появились, конечно же, во всех вечерних газетах, но даже тогда никто не обратил серьезного внимания на заголовки. Так что можно сказать, что дело Бэлфорда, как его впоследствии назвали, по-настоящему началось на следующий день такими заявлениями, как:

КОРАБЛЬ С СОКРОВИЩАМИ СТИРАЕТ ГОРОДОК
С ЛИЦА ЗЕМЛИ.
ПРИЧИНА ГИБЕЛИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ — РАКЕТА
С ЗОЛОТОМ.
И СУДНО СМЕРТИ РУХНУЛО НА ГОРОД...

Последний заголовок был особенно впечатляющим. Читателям было предоставлено самим догадываться, что корабль обрушился отнюдь не на Лондон.

Я купил несколько газет, внимательно просмотрел их, но узнал мало что нового. Почти все они сообщали то же самое, что мы читали вчера. Пфаффхайм по-прежнему представлялся как город с десятками тысяч представителей рабочего класса, правда теперь сообщалось об одном-единственном, а не о серии взрывов. Как и раньше, создавалось впечатление, что репортажи написаны на основании более чем скудных данных. И тем не менее, несмотря на дефицит информации, газета «Радиограмма» ухватилась за возможность улучшить свое положение передовицей, в которой потребовала общественного расследования и прозрачно намекала на неэффективность и беспечность в организации спасательных работ. Я прочел эту передовицу. Она была написана в обычном для этого издания ругательном стиле. Я не принимал ее сколько-нибудь всерьез и не предполагал, что примет всерьез кто-то другой. Разве кто-нибудь в здравом уме мог поверить, будто мы пойдем на риск почти верной потери своей премии из-за того, что поленимся расстаться с несколькими баками горючего? Горючее — конечно же, большая ценность, и все-таки совершенно очевидно, что добавочный вес полных резервуаров неизбежно разорвал бы кабели и вообще погубил все дело.

Я все еще просматривал газеты, когда зазвонил телефон. Мне сообщили, что заместитель помощника комиссара Специального Подразделения желал бы встретиться со мной, если мне не трудно подойти к ним где-нибудь часов в двенадцать. Есть множество различных способов приглашения в Скотленд-Ярд, и этот был самым что ни на есть любезным.

Когда я пришел, капитан Бэлфорд и Синдертон были уже там. Кроме них в кабинете на этот раз находились только сам ЗПК. и секретарь. Все присутствующие склонились над какой-то фотографией на столе. ЗПК. жестом пригласил меня подойти к столу, и я смог повнимательнее рассмотреть снимок.

На нем оказался запечатлен лежащий на боку космический корабль, а вокруг была представлена картина опустошения и полного разрушения. Там и сям маячили глубокие кратеры. Единственное, что осталось от зданий,— груды кирпича и щебня. В целом все это походило на какую-то обширную и жуткую мусорную свалку.

На снимке было заметно, что, по крайней мере, с одной стороны корабль основательно разбит и помят. Однако людям, знакомым с «Фетидой» так, как мы, нетрудно было ее узнать.

Я все еще разглядывал снимок, когда капитан выпрямился.

— Что это значит? — спросил он у ЗПК. Следователь вытащил из портсигара сигарету и защелкнул его.

— Насколько мы можем догадываться, это много что значит. Не уверен пока, насколько много, но не удивлюсь, если это повлечет за собой более чем серьезные неприятности.

Он предложил нам присесть.

— Возможно, самое лучшее здесь, джентльмены, — продолжал он, — что фотография снимает с вас обвинение в халатности. Совершенно очевидно, что, будь на «Фетиде», когда она грохнулась, горючее, она бы взорвалась как испорченная консервная банка, — но вот он, наш кораблик, и лишь слегка покорежен. Нет, могло быть и гораздо хуже.

— Так что же случилось на самом деле? Расскажите, — попросил капитан.

Но ЗПК. явно не собирался спешить.

— С тех пор, как вы тут побывали, мы связались с Секретной Службой и узнали несколько интересных вещей. Главное — это то, что Пфаффхайм примерно два года перестал быть деревней, и вы сделали вот что: уронили вашу «Фетиду» прямехонько в центр нового, бурно разрастающегося и чрезвычайно оживленного центра производства взрывчатых веществ. В общей сложности вам удалось разрушить четыре или пять фабрик, уничтожить не знаю сколько складов и сравнять с землей множество зданий. Далее по вашей милости внезапно отбыли в свою германскую Валгаллу несколько высокопоставленных лиц, несколько десятков искусных химиков, не говоря уже о трех или четырех тысячах рабочих.

Вот что случилось на самом деле. И могу добавить, что в верхах на этот счет весьма обеспокоены, — он сделал паузу. — Но еще более там обеспокоены тем, что в прессе появились сообщения о бедствии. Они действовали быстро. Но — недостаточно быстро. Слишком уж это был огромный кусище даже для их цензуры, и они-таки не удержали его в зубах. Новость о многочисленных взрывах облетела полсвета прежде, чем они выдвинули официальную версию об одном взрыве, а это фото наш агент получил до того, как они достаточно опомнились и успели ему помешать. Он сообщил, что «Фетида» приземлилась прямехонько на крышу одного из крупнейших подземных складов. Ему неизвестно, какого типа взрывчатые вещества там хранились, но, очевидно, от удара взрывчатка сдетонировала. Из разговоров с местными жителями выяснилось, что сила взрыва была просто чудовищной, корабль снова взлетел на воздух и приземлился в доброй сотне ярдов от прежнего места падения. Разумеется, никто не может составить полную картину происшедшего, но, по нашему мнению, произошло восемь или десять крупных взрывов, если не более.

Все мы были малость растеряны. Наша радость по поводу снятия подозрения в халатности тут же испарилась из-за масштабов катастрофы.

— Министерство иностранных дел, — продолжал следователь, — склонно связывать это с имеющейся информацией о том, что они там нашли способ стабилизировать бомбы с жидким кислородом, что значительно удешевляет производство взрывчатых веществ. Детонация же этих веществ предположительно могла...

Но у нас не было настроения теоретизировать насчет причин. Наше собственное положение снова вышло для нас на первый план. Капитан Бэлфорд задал наконец вопрос, который не давал покоя всем нам:

— Полагаю, это означает, что обвинение с нас будет снято?

Следователь, которого он перебил, тут же перешел к этой стороне дела.

— Боюсь, вам все же придется явиться на судебное заседание. Но это будет делом всего лишь нескольких минут.

Полицейские власти проинформируют суд, что в свете последних данных они снимают свои обвинения. Тем самым полиция как участник процесса самоустраняется. Официальное же правительственное расследование пропажи «Фетиды» — дело совсем другое. Но это уже будет происходить в обычном порядке.

Услышав все это, мы вздохнули с облегчением. Забавно, но даже самая чистая совесть вовсе не избавляет большинство людей от опасений, связанных с полицией.

Глава 6
КОСМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ

Мы пообедали все вместе и отправились кто куда с ощущением, что худшее позади. Перспектива официального расследования нас не беспокоила: в конце концов, по окончании спасательных операций это происходит в трех из четырех случаев. У меня это ощущение сохранялось до семи часов, пока я не узнал из вечернего выпуска газета, что капитан Уильям Бэлфорд арестован в своем доме в Хайгейте.

Пролистав газету до конца, я обнаружил и еще кое-какие экстренные новости. Теперь, как выяснилось, оказывается, что Пфаффхайм — не совсем деревушка, где жители заняты исключительно тем, что пашут землю. Впрочем, от признания, а что же тогда она собой представляет, газета осторожно уклонилась. Однако я заметил, что в отличие от официальных сообщений здесь делается акцент на взрывах. Две минуты спустя я уже набирал номер Скотленд-Ярда. Я представился, и меня немедленно соединили с ЗПК.

— Послушайте, а что означает сообщение об аресте капитана? — спросил я. — Они просто повторили вчерашние новости или тут что-то еще?

— Нет, все правильно, — сказал он мне. — Мы и вас разыскиваем. Вы где?

— А в чем дело? — осторожно спросил я.

— В убийстве, и притом — умышленном. Вы ведь сегодня еще не заглядывали домой, верно?

— Нет, только собираюсь ехать.

— Что же, тогда лучше измените свои планы. Я хочу, чтобы вы явились ко мне, и как можно скорее.

— Но...

— Никаких «но». Это очень серьезно. Я вам все расскажу, когда явитесь.

Я поколебался.

— Хорошо. Буду через десять минут, — ответил я.

— Мы рады, что вы уже знаете новости, — сказал он, когда я вошел. — На это мы и надеялись. Иначе мы просто не знали бы, как еще связаться с вами, прежде чем вы вернетесь домой.

— Но сегодня утром вы сказали...— начал я.

— Да. Сегодня утром. Но с тех пор кое-что переменилось. Давайте я вам все расскажу. Если бы вы отправились домой, вас, скорее всего, уже не было в живых. В капитана Бэлфорда стреляли — он был ранен у своего дома примерно в половине четвертого. Мистер Синдертон убит у себя на пороге и приблизительно в это же время. Десять против одного, что вас тоже поджидали.

— Синдертон убит? — недоверчиво переспросил я.

— Пятью выстрелами в упор. Капитан, к счастью, только ранен в руку.

У меня буквально челюсть отвалилась.

— Но, я не понимаю... Кто... Что... В каком смысле меня поджидали?

— В таком смысле, что оба ваши друга стали объектом умышленного нападения. И я уверен, что это и с вами случилось бы, если бы они знали, где вас искать.

— Но я не понимаю, — снова сказал я. — Кто такие эти «они»? Кому, черт возьми, приспичило в меня стрелять?

— А не могут это оказаться друзья или... гм... товарищи кого-нибудь из Пфаффхайма? — предположил он.

Я попытался сосредоточиться и обдумать эту версию. Но она показалась мне не слишком правдоподобной.

— Я бы сказал, что это весьма маловероятно, — довольно спокойно ответил наконец я. — Какая им от этого польза, к чертям собачьим? Какой смысл стрелять в нас, мстя за несчастный случай? Это попросту неразумно.

— Не знаю, — медленно сказал он, — но, тогда, может, вам на ум приходят какие-то другие причины, по которым на них обоих совершено покушение?

— Я вообще никаких причин придумать не могу. Но и то, что вы предполагаете конечно же, не причина, — сказал ему я.

— Возможно, вы и правы. Посмотрим. В любом случае я буду рад, если вы, пока все не выяснится, разок-другой переночуете не дома.

Я немного поспорил с ним. Я никак не мог понять, почему мне угрожает опасность, но он был настойчив. Так и не сказав ничего прямо, он все же дал мне понять, что дело здесь весьма и весьма темное. В общем, после разговора с ним у меня возникло неприятное ощущение, что за любым углом меня может подкарауливать вооруженный молодчик. Веселого мало. И, в конце концов, я согласился держаться подальше от дома, хотя в душе и полагал, что испугался зря.

То ли Секретная Служба передала кому-то фотографию, то ли какой-то предприимчивый журналист умудрился раздобыть другую, но в каждой газете и почти везде на первой странице появились изображения покореженной «Фетиды» среди разрушений, которые она, как предполагалось, вызвала. Теперь всем и каждому стало ясно, что корабль не взорвался. Более того, в самых последних выпусках появились переводы статей из немецких газет. Осознав, что цензура допустила промашку, те наперебой проталкивали новую теорию.

Из нее следовало, что все это в целом было коварным жидо-масонским заговором. Влиятельные евреи, стоявшие за спиной Бэлфорда, тоже еврея, подготовили подлый удар по оборонительным силам Рейха — первый удар в тайной войне, которую начало против Германии всемирное еврейство — и да падет на него кровь 2500 немецких мучеников! Проведенное гестапо расследование показало, что капитан Бэлфорд и два его помощника, получив взятку размеров в 250 000 фунтов, хладнокровно сбросили «Фетиду» на беззащитный город Пфаффхайм, да еще и придали всему инциденту видимость случайности. На самом же деле то была

никакая не случайность. То был выстрел по Германии и немецким силам обороны. 2500 немцев, которые стали его жертвой, пали за Отечество столь же доблестно, как и любой солдат на поле боя. Они будут отмщены. Народ Третьего Рейха потребовал, чтобы убийц передали в руки германского правосудия.

Снова была задействована хорошо известная техника «большой лжи». Нам с капитаном выделили апартаменты на двоих, и мы вместе сидели и читали эту дичь, удивляясь, что кто-то счел ее достойной печати.

— Но я ведь не еврей, — с недоумением заметил капитан.

— А ты думаешь, это что-нибудь значит? — ответил я.— Тебя обвиняют в антинацистском заговоре, следовательно, ты просто не можешь не быть евреем.

— И как же они себе это представляют, черт возьми? Ведь и дураку понятно, что даже при наиблагоприятнейших условиях нельзя быть уверенным, где именно брякнется отлетавшая свое посудина?

— Конечно же, всем все понятно. Но знает ли об этом публика? В конце концов, разве не мы сами потратили уйму времени, пытаясь убедить их в добросовестности и надежности Ракетной Службы?

— 250 тысяч фунтов. Однако... — пробормотал капитан.

Нас явился навестить заместитель помощника комиссара, а с ним — и сам помощник комиссара.

— Итак, — сказал ЗПК, когда на глаза ему попались газеты, — похоже, они жаждут вашей крови, не правда ли? Мы уже получили от их посольства ноту о вашей выдаче.

— Я подам на них в суд за клевету, — заявил капитан.

— Интересно, в какой же? В германский? — улыбаясь, спросил помощник комиссара.

— Но ведь все это — просто какой-то жуткий бред. Они-то должны это понимать! — возразил я.

— Они-то, конечно же, понимают. Однако твердо намерены заполучить вас тем или иным способом, верно? — и он указал на повязку, поддерживающую руку капитана. — Спрашивается: почему?

— Самый настоящий абсурд! Не может же государство мстить за то, что, как всем известно, было просто несчастным случаем? — сказал я ему.

— Я с вами полностью согласен. Следовательно, на то должна быть причина. Верно?

— Но какая?

— А вы не забыли о грузе «Фетиды»? Ведь там было золото, а им его ой как не хватает.

Капитан шумно фыркнул. Это было верным признаком того, что он вот-вот заведется и начнет, как обычно, обличать культ золота, но он, видимо, сумел взять себя в руки и не стал дурить.

— Кроме того, там имелась большая партия ганимедского дерева, практически не менее ценного, чем золото. Да еще и уйма тиллферового волокна. Как насчет этого?

Это мне как-то до сих пор не приходило в голову. Тиллферовое волокно при определенных условиях выделяет эфир — легчайший из известных газов. Его, в частности, закачивали в крылья аэропланов, дабы увеличить подъемную силу. Так как тиллфер растет только на Ганимеде, и притом — в ограниченных количествах, а также поскольку там действует англо-американский торговый протекторат, немцам так просто его было не получить. То есть это был один из видов сырья, в котором они остро нуждались. Конечно же, им приходилось нелегко, но много ли они оставили бы нам, если бы то были их владения? Ответ однозначен.

— И что же? — спросил я.

— Не знаю. Но полагаю, всего лишь полагаю, что они вернут нам груз только при условии — что им выдадут вас.

— А какая им от этого польза?

— Они могут заявить, что во имя блага их народа они должны поступить с заговорщиками так, как с ними и надлежит поступать.

— Фантастика. И кто же этому поверит? — спросил капитан. Помощник комиссара передернул плечами.

— Да много кто, если об этом достаточно громко вопить. Подобный метод оказывался действенным и прежде. Просто удивления достойно, что они раз за разом выкидывают, — он поразмыслил несколько секунд. — Они устрои-

ли заварушку в 1914-м. Они вызвали катастрофу в 1940-м. И теперь опять готовят что-то подобное. Честное слово, глядя на них, начинаешь понимать, как, наверное, смотрел Генрих Второй на Томаса Бекета.

Но ПК ошибался. Общественное негодование по поводу требования о нашей выдаче вспыхнуло довольно быстро и, как обычно, сосредоточилось на различных аспектах проблемы. Высказывалось негодование по поводу того, что выдача иностранному суду британских подданных вообще хоть кому-то может показаться допустимой, звучали требования опровержения любых обвинений в заговоре, много говорилось о недопустимости самой возможности подобных соглашений с немцами. Даже самые умеренные из наших сторонников и те считали, что непременно должен состояться суд, который полностью оправдал бы нас, но происходить это должно в Англии, где царит дух правосудия и никто не прикрывается благом государства, вынося приговоры.

На следующий день обстановка накаклилась еще сильнее. Были опубликованы сообщения об убийстве Синдертона и покушении на капитана Бэлфорда. Мы узнали, что посольство все еще настаивает на нашей выдаче, правда теперь уже на том основании, что мы, мол, уронив «Фетиду» с территории, на картах не обозначенной, совершили акт пиратства, чем поставили себя вне защиты нашего правительства.

Очередное сообщение из Германии оказалось еще занятнее. На «Фетиде», говорилось в нем, никакого груза не было. Корабль оказался пустым. Это, как они заявляли, подтверждается членом экипажа, который признался, что мы совершали промежуточную посадку на Луне, спрятали там груз и лишь после этого вернулись на Землю.

У нас с капитаном буквально челюсти отвисли от подобного бесстыдства. Выходило, что они пошли даже дальше, чем предсказывал ПК: теперь они желали заполучить и нас, и груз.

Ну, может, у них там народ и поверил насчет груза, но здесь-то у нас это сперва не слишком хорошо проходило. Видно, цивилизованным людям требуется больше времени, чтобы поддаться влиянию «большой лжи». Кроме того, непонятно было, с чего это нам вздумалось ронять пустую

железяку, когда ее и впрямь можно было бы битком набить взрывчаткой, как они сами заявляли прежде. Но подобные мелочи их, похоже, не беспокоили. Лишь годы спустя какой-то щелкопер состряпал из этого историю о зарытых на Луне сокровищах, и люди начали любопытствовать на этот счет.

А в то время ситуация казалась просто фарсовой. Однако, когда помощник комиссара еще раз явился нас проведать, выяснилось, что все это в сущности далеко не смешно.

— Они требуют вашей выдачи, — сказал он. — Вы понимаете, что это значит. Смертная казнь. И более того, прежде, чем вам будет вынесен приговор, у вас тем или иным способом вырвут признание, что вы действительно похитили груз с «Фетиды» и спрятали его на Луне. Они заклеймят вас одновременно как пиратов и воров. У нас, естественно, нет желания вас выдавать. Но есть одно серьезное «но». Согласно международному праву, их заявление безупречно. Лицо, обвиненное в совершении преступления в открытом космосе, подлежит суду в стране истца.

Это было как пощечина. Естественно, до того момента никто из нас не принимал всерьез требование немцев о выдаче.

— Это ставит нас в неловкое положение, — продолжал ПК как ни в чем не бывало, словно мы и не оказались загнаны в угол. — Дело сводится к следующему. Либо мы должны вас выдать и посмотреть сквозь пальцы на явную несправедливость, либо — пойти на вопиющее нарушение международного права. Повторяю, у нас нет ни малейшего желания пойти первым путем. Однако можем ли мы в подобных обстоятельствах выбрать второй? Правительство крайне обеспокоено. Видите ли, во всем этом присутствует и политический оттенок. Международные отношения — вещь непростая, и пренебрегать международными договоренностями сейчас не время. С другой стороны, положение правящей партии в стране не слишком стабильно. Любой крупный скандал почти наверняка завершится тем, что они проиграют следующие выборы, а ваша выдача привела бы к мощной волне протестов.

Я подумал, что если мы как-то и задействованы в политических расчетах, то крайне удачно, что мы ощущаем: народ за нас.

— Что касается меня и еще нескольких лиц, значительно более влиятельных, чем я, то с нашей точки зрения, — продолжал он, — существует только одна возможность. Одна-единственная. Вы оба должны исчезнуть.

— Исчезнуть?

— Да, совершить побег. И желательно побег демонстративный — из заключения.

— Не нравится мне все это, — сказал капитан. — Я перед законом чист. Я не совершил ничего такого, чего следовало бы стыдиться.

— Конечно, кому же такое понравится? Нам это тоже не по душе. Но вам бы еще меньше понравилось, если бы вас вынудили подписать ложное признание.

— Пусть только попробуют.

— Я бы на вашем месте проверять не стал,— сказал помощник комиссара со вздохом.

Затем последовали долгие приготовления. Чужие имена и паспорта. План исчезновения для жены капитана и воссоединения с ним. Деньги, положенные в банк на наши новые имена. Но все это, в конце концов, устроилось, а капитан по-прежнему выглядел малость озадаченным, словно вся его система ценностей опрокинулась кверху дном.

Ну, вот здесь кончается правда и начинаются легенды, а поскольку легенды все знают, я их могу здесь не повторять. Конечно, в какой-то степени даже жалко разрушать миф о дерзком и захватывающем деянии, но, как видите, все это было лишь прекрасно поставленным спектаклем, пистолеты зарядили холостыми, так что побег не составил труда. Мы просто рванули, куда глаза глядят.

Потом я несколько лет жил под чужим именем, пока кризис не миновал, а когда вернул себе прежнее имя, никто и не подумал идентифицировать меня с беглецом Фироном. Имя же Бэлфорда стало слишком хорошо известно, так что ему пришлось носить чужое до конца дней.

Надеюсь, моя исповедь наконец-то положит конец всем этим непрекращающимся поискам сокровищ на Луне. На это уже угроблено несколько жизней и уйма деньжищ. Итак, раз и навсегда: сокровища капитана Бэлфорда не существует, и никогда не существовало.

ЗАТЕРЯННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

Глава 1
ПОХИЩЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Маленький человечек, который пробирался через лес к большой поляне, неожиданно остановился как вкопанный, быстро-быстро заморгал глазами и разинул рот от изумления. Секунд пять он пристально глядел перед собой с выражением рыбы, попавшей на крючок, затем инстинктивный, унаследованный от далеких предков страх заставил его искать убежище в чаще. Оказавшись в безопасной темноте кустарника, он снова взглянул на поляну.

Всего мгновение назад он видел перед собой только залитую солнечными лучами опушку. А потом (он был уверен, что не мигнул и не повернул головы)... в самом центре открытого пространства повис сверкающий цилиндр, похожий на громадный метательный снаряд из полированной стали. Это и заставило коротышку обратиться в бегство. Теперь он разглядывал этот предмет с меньшей паникой и с растущим негодованием. Он определил длину цилиндра приблизительно в восемнадцать футов, а диаметр — в три фута. Металлическая поверхность без всяких швов сверкала на вечернем солнце.

— Похоже, это не сталь,— поправил он себя.— Больше напоминает хром. Но что это за чертовщина такая?

Не прошло и полминуты, как у человечка внезапно перехватило дыхание. В верхней части цилиндра появился темный прямоугольник. Точно зачарованный, человечек

наблюдал, как расширилась щель и от цилиндра отошла панель. В отверстии показалась человеческая голова. Незнакомец, очевидно, обрадованный, что его никто не заметил, протиснулся в отверстие.

Увидев лицо незнакомца, наблюдатель отступил на шаг, под его ногой хрустнула ветка. На секунду он задержал дыхание, но незнакомец, похоже, ничего не услышал. Он повернулся назад к своей машине и пошарил рукой в темном пространстве, как бы разыскивая что-то. Когда же он выпрямился, коротышка опять вздрогнул, ибо правая рука прилетевшего держала увесистый пистолет, направленный в его сторону. Малейшая надежда на случайность моментально рассеялась.

— Эй, выходите оттуда, живо! — скомандовал человек на опушке.

Он нетерпеливо помахал пистолетом, видя колебания наблюдателя.

— Руки вверх — и выходите,— повторил он.

Человек, пытавшийся спрятаться в кустах, не стал больше выжидать. Высоко подняв руки над головой, он вышел на открытое пространство.

— Кто вы такой? — спросил незнакомец.

— Генри Джонс,— ответил коротышка.

Он нашел, что меньше боится этого прибывшего, когда тот находится рядом, и даже отважился спросить:

— А вы кто такой, если уж на то пошло?

— Вас мое имя никак не касается,— ответил незнакомец, пристально глядя на него,— но вообще-то меня зовут Рой Сэйбер.

Рот Генри Джонса открылся, потом быстро закрылся.

— Вы что, не верите мне?

Джонс что-то пробурчал в знак согласия.

— Почему?

— Ну, если уж вам нужно знать — по одной причине. Рой Сэйбер помоложе вас будет — хотя вы здорово на него похожи. И еще: я случайно видел часа два тому назад, как Рой Сэйбер садился в чикагский поезд.

— Ну да,— отозвался незнакомец.— Тем не менее я и есть Рой Сэйбер.

Одеяние незнакомца совершенно не отвечало представлениям маленького человечка о нормальной одежде. Костюм был необычно яркого синего цвета; и, хотя брюки казались очень свободного покроя, пиджак плотно облегал фигуру; он казался двубортным, на самом деле передняя пола шла слева направо и была прочно пристегнута застежкой-молнией. Широкий отворот имел чуть более легкий оттенок голубого, он шел треугольником от самого верха правого плеча к левой стороне талии. В отверстии для шеи виднелась мягкая рубашка с длинными концами воротничка, а на галстуке были две полоски — такие же синие, как костюм.

— Что ж, Генри,— произнес человек в странном костюме.— Я ничего против вас не имею, кроме того, что вы жуткий зануда, но вынужден вас связать, не то вы мне весь план сорвете.

В том, как следует обездвиживать человека, опыта у Роя Сэйбера явно не хватало. Он употребил куда больше веревки, чем требовалось, но тем не менее ухитрился привести своего собеседника в состояние бревна. Затем вытащил носовой платок и тщательно свернул его жгутом.

— Извините, но я не могу допустить, чтобы вы звали на помощь. Откройте!

Рот Генри оставался закрытым. Он получил болезненный тычок под ребро:

— Откройте!

Рот открылся. Рой вернулся к цилиндру и тщательно заделал панель входа. Потом сунул в карман пистолет и поднял связанного человека. На краю опушки он положил пленника в кусты.

— Я уйду всего часика на два,— объяснил он, немного подумав.

Генри крутанул головой и злобно смотрел ему вслед, пока тот не исчез между стволов деревьев.

Рой Сэйбер вернулся незадолго до объявленного срока, и вернулся не один. Бок о бок с ним шагала девушка, светлые волосы отсвечивали в солнечных лучах, пробивавшихся сквозь листву. Миловидное лицо с волевым подбородком, голубыми глазами и вздернутым носиком несколь-

ко портил слишком большой рот. Она смотрела на своего спутника снизу вверх и озабоченно хмурилась.

— Но, Рой,— сказала она,— ты выглядишь старше, я вижу седину — здесь и вот здесь. И на тебе такая смешная одежда. Что случилось?

— Я действительно стал старше, Бетти, но объяснять сейчас некогда. Ты должна чуточку подождать.

Он с восхищением разглядывал ее изящную и гибкую фигурку в превосходно сидящем красном платье. Они остановились перед группой кустов, где он спрятал Генри. Рой начал раздвигать ветки, а Бетти вышла на поляну.

— Что это, Рой?

Рой не отвечал. Он задумчиво уставился на клубок веревок — единственное свидетельство недавнего присутствия пленника. Потом выглянул на опушку, где лежал цилиндр.

— Подожди-ка.— Он отбежал в сторону, но скоро вернулся.— Все в порядке. Я подумал — может, кто-то залег в засаду, и ждет меня за машиной.

Он немного поразмышлял:

— Я собирался тебе все объяснить, прежде чем мы рискнем, но ситуация изменилась. Нам надо спешить.

— Я не понимаю... ты о чем?

— Объясню все позже.— Он поспешно подтолкнул ее к цилиндру и вытащил из кармана пистолет. Бетти вопросительно посмотрела на оружие:

— Что за...

— Позже,— повторил он, торопливо раздвигая две панели на сферической поверхности. Показал на конец цилиндра: — Забирайся!

Она с сомнением заглянула в темное отверстие. Внутренности аппарата были обиты чем-то плотным, везде валялись подушки.

— Но...

— Живо, живо! — настойчиво повторяло он, подсаживая ее в люк. Опустил над ней крышку. Она лязгнула, одновременно он услышал близкий топот ног и чей-то голос на всю опушку проревел:

— Ни с места! Руки вверх!

Очевидно, вернулся Генри Джонс с подкреплением. Рой скользнул в цилиндр. Не успел он это сделать, как из-за деревьев выскочили двое полицейских в форме и со всех ног кинулись на опушку, размахивая пистолетами.

— Он вооружен,— закричал Генри Джонс откуда-то позади них.

Рой увидел, как один из полисменов прицелился.

Послышался треск: это пуля ударилась в стенку цилиндра.

Рой побелел от ужаса при мысли о вмятине, которую пуля оставила на чувствительной поверхности аппарата, и поблагодарил Бога, что пуля не попала в переднее отделение, где лежала Бетти. В безумной спешке он поиграл клавишами на контрольной панели.

Полисмены подбежали к цилиндру. Они начали колотить по нему рукоятками пистолетов, и Рой слышал их приглушенные крики. Он включил основной рубильник.

Снаружи два вконец растерявшихся полисмена глупо уставились друг на друга. Цилиндр бесследно исчез.

— Да будь я проклят! — пробормотал один из них.

Генри Джонс вышел из-под прикрытия деревьев.

— А еще фараонами себя считаете! — с негодованием изрек он.

Впервые путешествуя в цилиндрической машине, Рой несказанно удивился полному отсутствию особых ощущений. Он закрыл за собой крышку люка, до упора повернул рубильник и напряженно ждал чего-то необыкновенного. Однако ничего не происходило, и он решил, что эксперимент не удался и необходимо еще поработать над своим детищем. У него перехватило дыхание, когда обнаружилось, что изобретение работает в совершенстве — оно и в самом деле отправило его на десять лет назад.

Это было тем более удивительно, что все предсказывали его опыту неудачу. Сэм Хэнсон, его приятель, протестовал:

— Это странно, Рой, более того — невозможно! Как же так, ведь если ты отправляешься на десять лет назад, то должен оказаться в двух местах одновременно — ты мог

бы даже встретиться с самим собой! Тогда выйдет полная путаница. Подумай только обо всей неразберихе, если опыт удастся. Тогда больше не будет существовать ни прошлого, ни будущего.

Рой тогда покачал головой:

— Не встречусь я с самим собой, более молодым,— ведь если бы подобная встреча осуществилась, я бы ее помнил. Что касается пребывания одновременно в двух местах — а почему бы и нет? Разве кто-нибудь когда-нибудь доказал, что это невозможно? Это совершенно голословное утверждение полнейших невежд в вопросах пространства и времени. Во всяком случае, я попробую!

И все у него вышло. Вышло не только путешествие сквозь время, но осуществилась главная цель этого путешествия — найти Бетти. Теперь он везет ее домой. Он собирался сначала рассказать ей все, но этому помешало бегство Генри Джонса. Как здорово будет увидеть удивленные физиономии, когда они выберутся из машины...

Целую секунду после того, как он повернул рубильник, ничего не происходило. Затем их тряхнуло. Цилиндр закачался, как будто потерял равновесие. Машина кренилась все больше, пока не опрокинулась вправо, и Рой скатился на обитую мягким стенку своего детища. Пока машина крутилась, Рой раздумывал, что могло случиться. Тут нос машины наткнулся на какое-то препятствие, и Рой в панике подумал о тех разрушениях, которые мог нанести механизму этот толчок.

Он протянул руку к панели. Это движение, хотя и не было таким уж заметным, нарушило и без того ненадежное равновесие. Цилиндр снова перевернуло, возобновились толчки, машина крутилась и подскакивала, точно катящийся бочонок. После мучительно долгих минут она все же остановилась. Рой осторожно шевельнулся, чтобы убедиться, что на этот раз все закончилось.

— Бетти! — изо всех сил заорал он.

— Да? — Ее голос слабо доходил до него через перегородку между отделениями.

— Ты в порядке?

Она что-то пробормотала.

— Мы перевернулись,— продолжал Рой,— и я не могу открыть панель. Когда я скажу — три! — навались изо всей силы на правую сторону, тогда мы, может быть, сумеем перекатиться.— Он сделал паузу, затем сосчитал: — Раз, два, три!

Цилиндр чуточку накренился, зашатался, потом снова застыл.

— Пытаемся еще.

Вторая попытка удалась ничуть не больше первой. Рой вытер пот: в тесном помещении начало становиться жарко.

— Тут какое-то препятствие,— крикнул он.— Попробуем-ка раскачать машину, может, тогда мы через него перекатимся.

Они поработали более минуты, но немногого добились. Препятствия оказались по обе стороны, и Рой начал бояться, что его машина времени превратилась в двойной гроб.

— Еще разок! — заорал он.

Цилиндр все еще отказывался двигаться. Один раз ему почудилось какой-то шум снаружи, но он решил, что это, наверное, шевелится Бетти,

— Бетти! — снова громко позвал он.

Как бы в ответ раздались три сильных постукивания во внешнюю стенку.

— Бетти, тут снаружи кто-то есть! Попробуем-ка снова. Раз, два, три!

Он налег на боковую стенку. На этот раз цилиндр поддался, и выход оказался наверху.

Глава 2
ЧЕЛОВЕК ИЗ 10 402-го

Рой живо отодвинул панель, чтобы впустить свежий воздух. Он высунул голову и оглянулся проверить, открыта ли панель и у Бетти. Появилась ее взъерошенная голова, но девушка смотрела не на Роя, а куда-то вдаль. Он повернулся в ту сторону и с удивлением уставился на человека возле продавленной передней части цилиндра. Тот казался столь же изумленным.

Стоящий перед Роем человек был четырех футов ростом, но его абсолютно лысая голова была нормальных размеров и производила странное впечатление в сравнении с его небольшой фигурой. Одежда состояла из серебристого комбинезона, с широким поясом, на котором раскачивалось множество предметов.

Пока они вылезали из цилиндра, он подошел ближе. Бетти с отвращением отшатнулась.

— Говорите по-английски? — спросил Рой.

— Английский — мой родной язык,— ответил тот, его произношение отличалось от выговора Роя.

Он продолжал в недоумении разглядывать их.

— Тогда мы должны поблагодарить вас за помощь. Я Рой Сэйбер, а эта леди — мисс Бетти Мордан.

— А я — Дел Два Сорок А,— откликнулся человечек. Вслед за этим Рой начал осознавать странность окружающего пейзажа. Громадное красное Солнце струило свои лучи с безоблачного неба, освещая не ту плодородную землю, которую он покинул, но обширное пространство, покрытое песком и голыми камнями. Его не оживляла ни единая тропинка, обрамленная зеленью, и надо всем нависала смертельная тишина пустыни. Они стояли в пологой долине, дно которой испещряли камни и прорезало множество песчаных потоков. Мимо них текла неторопливая река, исчезая примерно через милю там, где поворот долины скрывал ее от глаз. Рой оглянулся на холм, возвышающийся позади.

— Удивительно, что нас не расшибло в лепешку,— пробормотал он.

— Да уж, поистине,— резко отозвалась Бетти.— А нука, верни нас назад — да поживей. Хотела бы я знать, что за игру ты со мной затеял?

— Что-то испортилось,— начал оправдываться Рой.— Тот фараон...

— Ах, так? Что-то испортилось, да? Ну, так это твоя забота, чтобы оно все, к чертям собачьим, опять наладилось. Ты что, не соображаешь, что это похищение?

Рой беспомощно распростер руки, горестно разглядывая свою машину времени.

— Не могу я заставить ее опять работать. Когда полицейский выстрелил, он повредил механизм. А теперь, после того как мы оттуда скатились, все совершенно разлетелось на куски.

Человечек с интересом разглядел повреждения в передней части машины, сунулся между перепутанными проводами, изучая остатки расшатавшихся вакуумных цилиндров. Он все еще выглядел сбитым с толку, когда снова повернулся к Рою.

— Так из какого вы года? — спросил он. Рой был неприятно удивлен. Он никак не ожидал, что его машину времени сразу определят и поймут, что это такое.

— Из 1951-го,— ответил он.

— Из 1941-го,— поправила Бетти.— Что с твоей памятью?

— Нет, из 1951-го. Я тебе после объясню.

— Неужели из такой древности? Это потрясающе! — Человечек протянул руку к цилиндру.— А мое время — 10 402-й.

— Слушай, что это значит? — требовательно спросила Бетти.

— Это значит, что выстрел того фараона отправил нас прямо в 10 402 год,— пояснил Рой.

Взгляд Бетти сделался презрительно-саркастическим.

— Может, ты покончишь с моим похищением,— предложила она.— Нет у меня на это настроения. Более того, чем быстрее ты доставишь нас домой, тем для тебя же лучше. Понял?

Рой во все глаза уставился на нее. Его поразил угрожающий тон девушки. От удивления он забыл даже Дела.

— Вы ошибаетесь,— заговорил тот.— Я имел в виду только то, что отбыл из 10 402 года. А какой тут год — я не знаю, скорее всего это еще миллионы лет спустя.

— Правильно,— одобрила Бетти.— Подхватывайте розыгрыш! Но я-то не смеюсь — и не вижу тут ничего смешного.

— Это она о чем? — спросил Дел.

Рой переменил тему разговора.

— Почему вы прибыли в этот год? — спросил он, поворачиваясь к коротышке.

Дел тряхнул головой:

— Что-то не заладилось в моей машине,— так же, как и в вашей. Она вон там.— Он указал на огромный валун ярдах в двадцати от них. Из-за валуна торчала конструкция из сверкающего металла.

— Она тоже разбилась?

— Только легкое повреждение.

— Пойдемте-ка, поглядим.

Прежде чем они отошли от цилиндра, Рой пошарил в рубке и нащупал свой пистолет. В каждый из карманов он насыпал по горсти патронов. Бетти угрюмо потащилась следом.

Машина Дела ничуть не напоминала цилиндр Роя. Это была кубическая клетка со сторонами по шесть футов, сплетенная из полос серебристого и черного металлов. В середине находилось мягкое сиденье, а перед ним — небольшая панель управления. Двигатель, очевидно, находился в трех черных ящиках у нижнего основания, соединенных между собой толстым кабелем. Сердце Роя дрогнуло, когда он увидел эту машину. Он надеялся использовать некоторые части своего цилиндра для починки машины Дела, но две конструкции не имели ничего общего.

Дел молча указал на один из углов основания, где рама была покорежена. Кроме того, крышка одного из ящиков была разбита. Рой наклонился, чтобы разглядеть повреждение.

— Видите,— начал Дел,— в отличие от вашей, эта машина работает на принципе капиллярной абсорбции света. Лучи попадают...

— Смотрите, смотрите! — закричала Бетти.

Она показывала на холм на противоположном конце долины, где передвигались какие-то странные предметы. Каждый из них состоял из яйцеобразного корпуса, балансирующего на двух вибрирующих подставках, сужающихся книзу. Посередине эти «ноги» были суставчатыми и, подобно телу, расположенному наверху, раскрашены яркокрасным. Вокруг корпуса виднелось сложное переплетение рычагов.

— Что...— начал Рой, но Дел покачал головой. В его эпоху ничего подобного не было.

Внезапно от первого аппарата к земле протянулась суставчатая рука и ухватила камень. Без всякой паузы она отправила эту глыбу, которая наверняка весила полтонны, прямо через долину. Глыба с грохотом приземлились на холме у них за спиной. Рой резко подтолкнул своих спутников к ближайшему валуну, опасаясь, как бы в них не полетел следующий громадный обломок.

Красные машины продолжали неспешно продвигаться на своих длинных ходулях, их движение сопровождало слабое металлическое позвякивание. По всей видимости, каменная глыба выполнила свое назначение, во всяком случае, других за ней не последовало, и металлическая рука снова сложилась вдоль яйцеобразного туловища. Все трое молча наблюдали, как пять красных силуэтов ушли прочь длинными резкими шагами. Даже Бетти притихла.

— Что это было? — испуганно спросила она,

Рой пожал плечами. Тут не могли помочь никакие предположения. Он выпрямился, чтобы убедиться, что машины и в самом деле удалились. Как только он поднялся во весь рост, раздался лязг металла о камень. Рой ухватился за пистолет.

Группа машин внезапно вышла из-за поворота долины. Вопреки ожиданиям Роя, они имели мало сходства с чудовищами, метавшими камни с вершины холма. Только форма корпуса была такая же. Они имели около семи футов в высоту, а их яйцеобразные тела продвигались вперед на шести суставчатых ногах. Из передней части торчали четыре металлические конечности, а в особых держателях блестели по две линзы.

При виде Роя они остановились, покачивая руками-щупальцами. Рой выступил вперед, держа в руке пистолет. По ряду машин пробежало легкое движение. Они, кажется, готовы были отступить, когда, пренебрегая предостережем Роя, Бетти выглянула из-за валуна.

Машины, все как одна, нестройно зашагали вперед, размахивая щупальцами. Рой выстрелил трижды, но без видимых результатов. Он оглянулся и убедился, что Дел тоже вышел из укрытия и достал из кармана цилиндрик, похожий на фонарик.

— Бегите! — рявкнул Рой.— К реке!

У него была слабая надежда на то, что эти машины не выносят воды. Бетти уже мчалась во весь дух, а Дел повернулся, чтобы следовать за ней. Рой успел выстрелить еще трижды, а потом побежал. Машины погнались за ним, он не пробежал и десятка ярдов, как что-то больно ударило его по лодыжке и он тяжело хлопнулся наземь. Когда машины уже нависали над ним, он увидел, как Дел поднял вверх свой цилиндрик и два щупальца у самого ближайшего преследователя упали, точно обрубленные. Дел направил луч цилиндрика на другую машину.

Упало еще одно щупальце; и тут же, словно удар серебристого бича, другое щупальце выбило цилиндрик из руки Дела. Цилиндрик взлетел высоко в воздух и шлепнулся в реку. В небо с ревом взметнулся фонтан брызг, вся водная поверхность вокруг забурлила пузырями. Бетти, почти достигшая берега, отскочила. Щупальце преследующей машины ухватило ее за красное платье. Оно отбросило платье, обвилось вокруг ее талии блестящим поясом и потащило девушку назад к Рою и Делу.

Рой с облегчением понял, что никому из них, кажется, не хотят нанести никаких увечий. Сплетение щупалец аккуратно подняло каждого из них, и машины зашагали по долине в том направлении, откуда появились. Миль пять они следовали по берегу реки, затем холмы остались позади, и они вышли на плоскую равнину, где пробивались клочки грубой травы, наполовину засыпанные песками. После выхода на открытую местность машины изменили свое боевое построение, и Рой обнаружил, что та, которая несет Дела, шагает рядом с ним, а машина, захватившая Бетти, держится на некотором расстоянии впереди. Рой заговорил с Делом, и тот уверил его, что невредим.

— Самое большое несчастье — то, что потерян мой цилиндрик,— сказал маленький человечек.

— А что это такое? Я никогда раньше ничего подобного не видел.

— Тепловой излучатель. Разве у вас не было таких штук в двадцатом веке?

Рой покачал головой и поинтересовался природой тех, кто их захватил.

— Роботы? Механизмы, управляемые на расстоянии? — предположил Дел.

— Или какие-то экипажи,— добавил Рой.— Возможно, человеческие тела атрофировались и пришли в полную негодность для передвижения, и тогда они изобрели эти машины для переноски своих мозгов.

Подумав, Дел отверг последнюю теорию как неправдоподобную.

— Но у них, несомненно, высокий уровень мышления. Вы заметили, что они взяли наши сломанные аппараты?

Оглянувшись назад и вытянув шею, чтобы не мешал скругленный бок машины, Рой разглядел, что его цилиндр бережно держат и несут щупальца двух шагающих сзади машин.

Глава 3
В ПЛЕНУ У МАШИН

Бетти уловила звук их голосов. Она раздраженно окликнула Роя, чтобы узнать, почему он ничего не предпринимает. Негодование при мысли о плене никак не утихомирило ее и не улучшило дурного настроения. Услышав с ее стороны целый поток отборной брани, Дел с любопытством спросил:

— Она что — пострадала?

— Да, но не в том смысле, в каком вы думаете. Ее гордость уязвлена, она потеряла свое платье, и ее несут через пустыню в одном белье. Да, она здорово пострадала!

Дела, кажется, удивил тон Роя. Он помолчал, потом предположил:

— Интересно, не вызвало ли это красное платье само нападение? Ведь это при ее появлении машины на нас набросились, а, содрав с нее платье, сделались гораздо спокойнее. Вспомните, те первые машины, которые мы увидели, были покрашены красным.

Рой не ответил.

По мере продвижения местность становилась менее суровой. Жесткая, похожая на проволоку трава постепенно

уступала место более мягкой. Теперь она росла гораздо гуще и почти скрывала песчаную почву. Здесь уже приживались редкие кустарники. На горизонте виднелась зеленая линия — возможно, лес.

— Слава Богу,— с жаром произнес Рой.— Я уже начал бояться, что весь этот мир — пустыня.

— Я думаю, нас доставят вон туда.— Дел указал на высокий шпиль, который уходил прямо в небо.

Рой огляделся. База машин находилась среди деревьев за много миль от них, но даже на таком расстоянии он смог определить, что высота шпиля достигала тысяч футов. Рой смотрел на него с растущим беспокойством, в то время как громадное красное солнце исчезало в мертвенно-бледной дымке.

Машины без малейших колебаний продвигались сквозь таинственный темный мир, в котором единственным звуком был скрежет их походки. Они проделывали сквозь ночь извилистый путь между деревьями, уверенно выбирая направление. Темнота, казалось, ничуть не замедляла их продвижения, и к рассвету им оставалось пройти всего несколько миль. Утомленные пленники даже обрадовались, когда их доставили из леса на открытое место, окружающее основание искусственной горы. Ведь они не только устали, но проголодались и хотели пить.

На близком расстоянии сооружение вздымалось перед ними, точно неровная скала. На уровне нижнего этажа мелькнуло обрамленное аркой отверстие — вход, и их пронесли через него в сгущающийся мрак.

Минут пять они двигались по темным, точно угольные ямы, коридорам, наполненным таинственными звуками движущихся машин, затем захватившие их в плен машины остановились. Раздался щелчок, а за ним послышался грохот, и дверь из листового металла скользнула вверх.

За ней оказался слабо освещенный похожий на пещеру зал. Сжимающие пленников щупальца распрямились, чтобы выпустить всех троих. Металлическая дверь защелкнулась за ними.

С минуту они стояли молча, разглядывая обстановку. Слабый свет исходил от прозрачных шаров, помещенных

посередине пола. Его хватало лишь на то, чтобы с трудом рассмотреть дальний конец зала. Дальше за тусклыми огнями была бархатистая темнота. Рой сделал шаг вперед, но тут же остановился, уловив рядом какое-то движение. Он выхватил пистолет. В темноте слабо замаячили две фигуры, поводя перед собой снопами светящихся шаров.

— Стой! — приказал Рой. Он повернулся к Делу, но маленький человечек оттащил его в сторону и выступил вперед.

Рой стоял рядом с Бетти и смотрел, как эти трое приветствуют друг друга. Теперь он разглядел, что незнакомцы напоминают Дела и по внешнему сложению, и по одежде. Еще через несколько мгновений Дел подвел их ближе и представил. Они разглядывали Роя и Бетти с таким же любопытством, какое при их первой встрече проявил Дел, и выразили такое же безграничное и недоверчивое удивление, узнав, что их новые знакомцы — из двадцатого столетия. Дел объяснил:

— Это мои друзья: Кэл Два Одиннадцать А и Рил Три Тридцать Два А. Оба они были моими помощниками,— добавил он. Удивление Роя возросло:

— Так значит, вы тоже из 10 402-го? — спросил он.

Малорослый Кэл покачал огромной головой:

— Нет, мы из 10 424-го. Больше двадцати лет ушло на то, чтобы продублировать машину, путешествующую во времени.

— А вы знаете, в какой год мы теперь попали?

Кэл снова покачал головой:

— У нас не больше возможностей это понять, чем у вас. Можно только догадываться...

Лязг металлической двери прервал его рассуждения. Все они резко обернулись и увидели еще троих людей, которые не спеша шагали по залу. По лицу самого высокого из вновь пришедших проскользнуло выражение тревоги. Когда дверь за ними с грохотом опустилась, он достал черный цилиндрик, шагнул вперед, держа оружие наготове.

— Кто вы такие? — требовательно спросил он.— И по какому праву взяли нас в плен?

Рой оглядел этого человека с головы до ног. Футов шести ростом, строен, но могучего сложения и прекрасных пропорций. Волосы блестящие и черные, так же как и брови, которые почти сошлись на переносице. Квадратная челюсть, тонкие губы и пронзительный взгляд. Явная сила характера не сочеталась с мягким шелковым или синтетическим одеянием, которое сверкающими складками ниспадало до колен. Один из его спутников был одет точно так же. Третий вновь пришедший держался позади, и Рою не удавалось его разглядеть.

— Так кто вы такие, я вас спрашиваю? — повторил незнакомец.

За всех ответил Дел. Он дал объяснения относительно своих спутников и задал встречный вопрос незнакомцам. Новоприбывший убрал свое оружие.

— Я Хэйл Лоренс, а это мой товарищ Джулиан Тайн.— Он показал на другого человека, одетого в шелк.— Мы прибыли из 3920 года.

— А третий ваш спутник?

Человек, назвавшийся Хэйлом, пожал плечами:

— Она сказала, что ее имя — Джессика Три. Уверяет, что прибыла из 2200 года.

Третьей в самом деле оказалась девушка лет двадцати четырех — двадцати пяти.

Она была одета в длинную, до колен красновато-коричневую куртку с грубыми швами из металлических нитей. Ноги у нее были коричневыми от загара, а башмаки вполне сочетались с курткой. Коротко остриженные черные волосы обрамляли мягкий овал лица, темные глаза блестели.

— Я не только сказала,— холодно произнесла она.— Я и в самом деле из 2200 года... А здесь какой год?

Дел пожал плечами:

— Хотел бы я знать.

— А я нет! — резко выкрикнул голос Бетти.— Плевать мне, какой тут год! Меня похитили! И если меня не вернут назад, да поживее, у вас будут неприятности. Поняли?

Хэйл Лоренс задумчиво посмотрел на нее, затем повернулся к Делу.

— Мы проголодались и страдаем от жажды. Здесь есть какая-нибудь еда?

Кэл заверил их, что на другом конце пещеры имеются сосуды с водой, но еды никакой нет.

После того как они напились, Рой отправился исследовать их тюрьму. Он не обнаружил ни одного отверстия, кроме закрытого металлической дверью. Стены были гладкими, грубо обработанными, будто чья-то гигантская рука пыталась придать определенную форму податливому материалу без помощи каких бы то ни было инструментов, и лишены украшений.

Когда Рой закончил осмотр, он понимал ничуть не больше, чем вначале. Он вернулся к остальной компании. Дел говорил:

— ...и скорее всего здесь находится «мертвая» точка времени. Как будто наши машины оказались выброшены в поток времени и плыли по нему до тех пор, пока по какой-то непонятной причине, о которой можно только гадать, не наткнулись на препятствие в этой точке. Каждый из нас оказался здесь из-за того, что его машина так или иначе испортилась. Представим себе, что время — река. Вы можете пуститься по ней на лодках из разных точек, но все они соберутся в одном и том же месте, если им помешает одно и то же серьезнее препятствие, прошли ли они сто миль или две. Мы сейчас находимся в каком-то периоде, где прямой поток времени остановлен — возможно, оно даже поворачивает в обратную сторону. Подробностей мы не знаем, но ясно, что нас свело вместе какое-то необычное явление.

— То есть время, как и пространство, может искривляться? — перебил Хэйл.

— Ну да, так и должно быть; и я не вижу причины, почему бы не существовать обрывам во времени. В конце концов, разве движение звезд в пространстве не прекращается?

— Вы хотите сказать — пространство может так же прервать ход времени, как и время способно исказить пространство?

— Грубо говоря — да. Я только повторяю: мы наткнулись на какой-то барьер, и нас выбросило из потока времени.

— Но тогда кроме нас могут быть и другие странники?

— Да, множество других — и множество поврежденных машин времени.

В разговор вмешался Джулиан Тайн. Он говорил, медленно растягивая слова, что раздражало слушателей.

— Но что все это такое? — Он вяло взмахнул рукой.— Это помещение, эти странные машины — и те высокие красные штуки, и те, поменьше, которые нас поймали,— что они делают? В этом вроде бы нет никакого смысла.

Дел посмотрел на него:

— Предположим, какая-то чуждая форма жизни попала к вам в мир 3920 года,— сказал он.— Вы думаете, это существо много поймет? Сомневаюсь, что ваш мир покажется ему «имеющим какой-то смысл». Даже не стоит так далеко ходить, я думаю, вы бы вряд ли мало разобрались в организации моего мира 10 402-го, если бы машина времени доставила вас туда, а не в этот мир.

Тут вмешался Рой, возвращая разговор к главной теме:

— Но какова природа этих машин? Они рабы какого-то более значительного интеллекта, роботы? Или машины и в самом деле победили людей, как боялся Сэмюэль Батлер в конце девятнадцатого века?

— Я пока не претендую на разумное объяснение,— покачал головой Дел,— но в одном совершенно уверен: это не роботы. Заметьте, например, несовершенную отделку этой постройки и внутри, и снаружи. Бесспорно, если бы здание построили машины, конструкция была бы математически точной. Убежден, где-то за всем этим мы обнаружим биологический разум.

— И мы теперь должны постараться, чтобы этот кто-то или что-то, каков бы он ни был, не смог распорядиться нами по-своему,— заметил Хэйл.— Какое у нас есть оружие?

Он и Джулиан Тайн предъявили черные цилиндры, которые Дел и его товарищи стали разглядывать с большим удивлением. Джулиан, кажется, был уязвлен.

— А у вас что имеется? — спросил он. Кэл и Рил показали такие же цилиндры, как тот, который Дел потерял в реке. У каждого наготове было два.

— В десять раз мощнее ваших,— объяснил Дел,— и практически они могут действовать вечно.

Пистолет Роя приняли с таким же насмешливым презрением, как его современники встретили бы арбалет или лук для стрельбы камнями. Дел заключил:

— Четыре тепловых цилиндра высокой мощности, два — низкой, один надежный пулеизвергатель. Не такое плохое вооружение, хотя я жалею об утрате моего теплоизлучателя.

Глава 4
НЬЮМЕНЫ

Лязг металлической двери пробудил всю компанию от сна; Рой резко подскочил и сел. В тусклом освещении к ним направлялась целая группа белых металлических машин. Хэйл нащупывал свой тепловой излучатель.

— Нет,— послышался голос Дела.— Ваш излучатель недостаточно мощный, чтобы им повредить,— кроме того, мы в западне. Возможно, у них нет дурных намерений.

Машины приближались с вытянутыми щупальцами. Рой почувствовал, как одно из этих щупалец жестко обвилось вокруг его талии и подняло в воздух. В голове промелькнуло, что надо бы сопротивляться, но Дел уже прежде советовал этого не делать, а Рой доверял мнению карлика. Остальные спокойно подчинились такому же обращению, и их понесли к открытой двери.

Некоторое время они плыли по коридорам в абсолютной темноте. И снова почувствовали движение вокруг, лязг и скрип невидимых машин. Наконец, впереди забрезжил дневной свет, тусклый и сероватый. Рой вздохнул с облегчением, почувствовав, что покидает угнетающий мрак их унылой тюрьмы.

Зал, в который они попали, был гораздо обширнее их недавней тюрьмы и освещен мягкими белыми лучами, идущими от светящихся шаров числом более десятка. Машины, по всей вероятности, обладали достаточным знанием о своих пленниках, чтобы снабдить их светом. У Дела вырвалось восклицание удивления. Остальные, посмотрев в том направлении, куда он указывал пальцем, увидели ряд механизмов, разложенных вдоль одной из стен.

— Наши машины времени! — воскликнул Хэйл.

Рой различил в этой куче остатки своего цилиндра и поврежденную клетку Дела, а также еще с десяток механизмов самой странной формы.

Их незамедлительно поднесли к большой машине, которая занимала весь центр комнаты. Как и у тех машин, которые их несли, ее корпус был яйцеобразной формы, но не имел ног. Она походила на чудовищное яйцо с блестящей скорлупой, если не считать пары линз да пучка металлических щупалец. Пленников построили в ряд перед ней. После чего машины-носильщики удалились, затворив за собой дверь.

— Ну,— сказал Рой,— как вы думаете, что будет дальше?

Дел уставился на машину. Ее щупальца двигались взад и вперед, чертя в воздухе замысловатые узоры. Кто-то вдруг схватил Роя за руку. Он посмотрел на Джессику Три, стоящую рядом с ним.

— А что...— начал он.

Она только показала рукой. Из-за центральной машины, волоча ноги, вышли трое. Рой растерянно и с любопытством смотрел на них, пока они приближались. Все трое твердо стояли на шести ногах, были абсолютно обнаженными и обладали могучей мускулатурой. Головы у них были крошечные и казались еще меньше над могучей грудью и широкими плечами. Растерянность исчезла из их глаз, когда они заметили Кэла и Рила. Они уничижительно склонили головы перед двумя карликами, а последние, ненадолго смутившись, ответили на приветствие, подняв ладони в особом жесте. Затем троица вновь пришедших неуклюжей походкой отступила назад на несколько шагов и стояла там, пока Кэл и Рил вполголоса совещались.

— Тэк Четыре А? — с таинственным видом предположил Кэл.

— Несомненно, но должно было пройти много столетий,— отвечал Рил.

— Кто они такие? — Рой все не сводил глаз с неподдающихся определению существ.

— Я полагаю, это результат искусственного отбора, устроенного Тэк Четыре А,— предположил Кэл.— Он нахо-

дил, что мы слишком атрофируемся физически — вы же видите, мы все карлики по сравнению с вами. Вот он и решил создать более мускулистый народ, который предполагал назвать «ньюменами». И похоже, он в этом преуспел.

— Значит, они теперь овладели этим миром?

— Не думаю. Они выглядят еще более растерянными и удивленными, чем мы.

Он повернулся и заговорил с одним из высоких созданий. Тот тупо уставился на собеседника, затем в его глазах блеснуло понимание. Он взволнованно заговорил и показал на заброшенные машины времени, выстроенные у стены.

— Значит, они попали в такую же переделку,— понял Рой.— Но уж они-то, конечно, не могли построить...

— Ясно, не могли,— согласился Кэл.— Их научили обращаться с этой штукой и отправили в экспериментальное путешествие, на которое изобретатель не решился, дорожа собственной жизнью.

Джессика, как только растаял ее первоначальный страх, посмотрела на них с сочувствием.

— Бедняги,— шепнула она.— Несмотря на громадный рост, они перепугались до смерти — как будто заблудившиеся дети.

Слова Дела снова вернули их внимание к центральной машине.

— Эта штука пытается с нами общаться, но мы в жизни не поймем значения всех этих размахиваний щупальцами. Компания недоуменно уставилась на корчащиеся и извивающиеся конечности. Внезапно все щупальца, за исключением одного, уползли внутрь. То единственное, которое осталось, потянулось к полу и начало царапать на поверхности странные знаки.

Потом перестало. Щупальце указало сначала на посетителей, затем на знаки, которые начертило. Дел шагнул вперед и вгляделся в нацарапанное. Покачал головой. Машина уловила значение этого жеста. Она разгладила землю, покрывавшую пол, и начала снова. Узоры, которые она начертила во второй раз, были иными, но ничуть не более понятными.

Очевидно, одним из главных достоинств машины было терпение. Четыре раза она стирала старые знаки и чертила новые, прежде чем они, взволнованно вытянув шеи, молча уставились на движения щупальца.

Она написала: «Л». «Л-Ю-Д-И?»

Дел опустился на колени. Быстро начертил на земле: «ДА». «КАК?» — спросила машина через небольшой промежуток времени.

Дел сделал указующий жест в сторону машин времени и побежал через всю комнату, чтобы показать остатки своего сломанного аппарата. Машина поняла, и щупальце ее потянулось, чтобы продолжить разговор.

— Бога ради,— взмолился Рой,— скажите, что нам необходимо поесть — пусть даст хотя бы какой-нибудь плод, что ли.

Несколько мгновений спустя машина поспешно исторгла из себя довольно большой предмет, изготовленный из нескольких связанных между собой бревен. Рой стукнул по нему костяшками пальцев — оно издало не оставляющий никаких сомнений звук...

— Плот! — с отвращением воскликнул Рой.— Да за какого дьявола она нас принимает? Попытайтесь снова, Дел.

Через несколько часов, почувствовав себя значительно лучше, после того как поели предложенных в щедром количестве плодов, Рой сидел рядом с Джессикой и наблюдал, как три карлика принялись за работу над одной из сломанных машин времени. Машина Дела оказалась повреждена не так серьезно, как он опасался. Те части, которые пришли в негодность, можно было позаимствовать из того аппарата, на котором путешествовали Кэл и Рил. Когда они поработали часа два, они почти закончили.

— Да нам-то это все равно не поможет,— жалобно ныла Бетти.— В эту клетушку больше четверых не поместится, хоть набей, как сельдей в бочке.

Дел согласился с ней.

— Но зато она умная,— утешил он, указывая на машину.— Может, она продублирует для нас такую же.

— Прекрасно! — огрызнулась Бетти.— Надеюсь, вы не попытаетесь меня надуть — удрать на этой своей машине и оставить нас здесь?

— Упокойтесь, у нас нет намерения проделать подобное.

Бетти пожала плечам и отошла в сторону. Проходя мимо Роя, она наградила его презрительным взглядом и приблизилась к мрачному Хэйлу Лоренсу. Через несколько минут вся его мрачность испарилась, и они оба погрузились в таинственную беседу шепотом.

Джессику удивили отношения Роя и Бетти.

— Совершенно не понимаю, зачем вы ее сюда притащили,— сказала она.— Вы же ее едва переносите.

Рой кивнул.

— Да, я в нее ничуть не влюблен — теперь. Но в 1941-м я ее любил. В том году она пропала без вести, и я через десять лет целиком посвятил себя постройке машины времени, чтобы вернуться в прошлое и найти ее. Теперь-то я понял, что все это время ее просто идеализировал. К 1951-му я был влюблен не в Бетти, но в некую идеальную девушку, которую сам придумал,— в ту Бетти, которая существовала только в моем воображении. Понимаете?

— Понимаю. Значит, вы отправились назад за настоящей Бетти...

— Чтобы перенести ее из 1941-го в 1951-й. На обратном пути моя машина отказала. И я рад,— добавил он так тихо, что она едва его расслышала,— я рад этому.

Он выждал немного, потом спросил:

— Расскажите мне, как вы сюда попали — и совсем одна?

— А я мало что могу рассказать. Все вышло по чистой случайности. Я помогала своему отцу построить эту машину. Вероятно, помощь — это слишком громко, но другого помощника у него не было. Моя часть работы являлась скорее практической, чем теоретической. Я весьма туманно себе представляла те принципы, по которым устроена эта машина, но отец часто просил меня проверить проводку и соединения проводов. Вчера — то есть теперь уже вечность тому назад — я проверяла рубильники и выклю-

чатели. Отец, наверное, присоединил основную батарею и забыл предупредить, что цепь замкнута. В следующее мгновение я увидела, что лаборатория исчезла, а передо мной — песчаная пустыня.

Я сейчас же поняла, что случилось, и отчаянно заработала рычажками. Но ничего не получалось. Я вышла из машины, чтобы поискать помощи. Потом на равнине показалась какая-то красная штука. Я испугалась и спряталась, как могла. Эта штуковина подошла, но не заметила меня. Она подняла мою машину и отшвырнула в сторону, основательно сломав ее. Потом отправилась дальше, а я, наверно, совсем голову потеряла, потому что знала: мне никогда не починить аппарат. Не припомню, чтобы я когда-нибудь в своей жизни ревела, но тут я почувствовала себя такой одинокой и брошенной на произвол судьбы. Вскоре показались белые машины — и они нашли меня.

— Ну, теперь-то, по крайней мере, у вас есть общество,— утешил ее Рой.— И я не думаю, что следует печалиться. Дел, так или иначе, доставит нас назад. Я доверяю этому карлику, каким бы странным он ни казался.

Тем временем Хэйл Лоренс и Бетти поднялись и не спеша направились к Делу и к тем, кто ему помогал. Пристально изучив клетку, Хэйл сказал:

— Ваша машина слегка отличается от моей. Вы не объясните, на каком принципе она основана?

В то время, как его помощники заканчивали починку, Дел манипулировал кнопками и рычагами. Бетти забралась в машину и начала перебирать пальцами клавиши. Рой прекратил разговор с Джессикой и не спускал глаз с происходящего. Эта парочка выглядела подозрительно, и Рою это не нравилось. Хэйл потихоньку подвигался к машине, как если бы хотел занять какую-то определенную позицию. Кэл поднял голову и объявил, что работа закончена. Глаза Хэйла тотчас сверкнули.

— Эй, берегитесь! — закричал Рой.

Но он опоздал. Живо, точно вспышка молнии, Хэйл схватил с пояса Кэла тепловой излучатель высокой мощности.

— Назад! — заревел Хэйл, тыча в них излучателем.— А ну, все назад!

Никто не осмелился ослушаться. Кэл и Рил схватились за излучатели, но не решились применить их — драгоценная машина времени стояла за спиной Хэла. Они отступили, а яйцевидное металлическое существо посреди комнаты задвигало конечностями, как будто понимало, что происходит. Одно из металлических щупалец змеей заизвивалось по полу, пытаясь достать Хэйла. Тот, не колеблясь, нажал на спуск излучателя и отстрелил светящееся щупальце. Затем послал смертельный заряд тепла прямо в металлическое туловище.

С треском выстрелил пистолет Роя. Тяжелая пуля ударила Хэйла по руке. Тот выронил излучатель и прыгнул в машину. Вторая пуля ударилась в стену. Машина времени, а вместе с ней Хэйл и Бетти, исчезли.

Глава 5
СЕКРЕТ МАШИН

Бессвязный крик заставил их повернуть головы к центру помещения. Одни из ньюменов с силой царапал ногтями собственное тело и издавал неистовый вой. За спиной у него валялись обломки машины, в которую угодил луч, пущенный Хэйлом. От этих обломков по направлению к людям хлынула черная блестящая волна. Ближе всего к ней стоял незадачливый ньюмен, и черный поток уже покрыл его густым слоем. Все застыли в изумлении, а ньюмен, корчась, упал на землю, и его тело превратилось в черный холм.

— Муравьи! — закричал Рой, когда черная орда начала приближаться.— Миллионы муравьев!

Перепуганные люди отступили назад, а два ньюмена бормотали со страху что-то нечленораздельное. Дел подобрал излучатель, который уронил Хэйл.

— На низшей энергии,— приказал он.— Сожгите их всех!

Кэл и Рил уже разрезали приближающееся войско лучами, сжигая насекомых тысячами. Джулиан Тайн присоединился к ним, эффективно работая своим излучателем.

Каждое их движение превращало в пепел тысячи муравьев, но насекомые упрямо продвигались вперед, навстречу верной смерти. С разрушением машины исчезла командующая ими централизованная сила, и теперь у них остался только древний инстинкт нападения. Реальной опасности для людей тут было немного: даже слабый излучатель Джессики мог бы уничтожить всех насекомых за пять минут. Но всю операцию прервал уже знакомый звук: лязг металлический двери. Дел повернулся и увидел, что сквозь открывшееся отверстие в помещение пробрались три машины. Он передвинул регулятор луча на полную мощность и одним выстрелом отсек быстро движущиеся ноги. Громоздкие металлические тела упали, загородив проход остальным, которые толпились позади.

Дел направил угасающий тепловой луч на дверную притолоку.

Ему повезло: сам того не подозревая, он попал в конструкции, которые под его лучом растаяли, и громадный металлический лист обвалился, при падении разбив еще две входящие в помещение машины. К Делу подскочил Кэл и направил луч на одну из двигающихся на них машин и расплавил ее; но из разломанных половин от дверей в атаку хлынул новый поток черных насекомых. Переведя луч на слабую мощность, чтобы не расплавить дверь, Дел отправил в вечность мириады разъяренных муравьев. У него за спиной Джессика и Рил продолжали уничтожать первую армию насекомых.

Кэл поспешно разделался с тремя лишенными энергии машинами.

Каждую он довел до красного каления и уничтожил начинявшее их войско прежде, чем насекомые успели разбежаться. Затем он присоединился к Делу. В дверях происходило шумное столпотворение, машины пытались расчистить себе путь внутрь, но металлический лист был достаточно массивным, чтобы сдерживать их натиск. Уничтожение муравьев завершилось довольно быстро. Четверо людей направляли лучи низкой энергии во все углы помещения, чтобы никто из муравьев не спасся. Только убедившись, что уничтожен последний муравей, они остановились перевести дух и поразмыслить.

— Надо отсюда выбираться — и живо! — воскликнул Рой.

— Но как? Другого пути нет, только через дверь.

— Так выжжем себе выход! — ответил Дел.— Вот здесь — совсем недалеко от отверстия. Помните, мы находились около входа, когда машины повернули сюда. Где это было?

— У левой стены,— решительно объявил Рой.— Но мы не сможем прожечь ее без последствий — все расплавленное вещество хлынет тут же прямо на нас.

Дел покачал головой:

— Мы сможем от него избавиться.

Прямо вниз, на пол, был направлен тепловой луч, затем его поставили на полную мощность. Секунд десять-двенадцать небольшой круг на земле кипел и яростно шипел, а тепловые волны расходились по пещере. Затем все внезапно прекратилось, осталась только темная дыра. Рой уставился на нее.

— Что это значит? — не понял он.

Дел улыбнулся.

— Никакого колдовства,— уверил он Роя.— Видите ли, ведь это место всего-навсего гигантский муравейник. Но из муравейников выходы бывают и вниз, и наверх. Мы просто расплавили помещенную под нами перегородку, а расплавленные остатки вытекли вниз, по проходам.

Приблизившись к отверстию. Дел начал копать канаву на расстоянии фута от стены к краю образовавшейся дыры. Спиной он повернулся к дверям, и только предостерегающий крик Джессики спас его от судьбы неудачливого ньюмена. Все посмотрели туда, куда она показывала. К ним направлялся черный ковер муравьев, потоком струясь между основанием двери и плохо держащимся порогом, сотнями и тысячами.

Дел с быстротой молнии повернулся, и его излучатель, все еще поставленный на полную мощность, ударил по муравьям, мгновенно сжигая их. Одновременно в углу двери в металле появилась дыра, ее края пузырились. Дел поставил Джулиана охранять уязвимое место и вернулся к прорубанию туннеля.

Задыхаясь от жара, отступил в дальний конец и направил луч вперед. Луч устремился вниз, в канаву, подготов-

ленную Делом, пока не достиг сквозь отверстие в полу неизвестных глубин. Эта операция заняла всего несколько минут, но людей окутали волны жара. Стало просто невозможно дышать горячим воздухом пещеры, когда, к удивлению Дела, на расстоянии десяти-двенадцати ярдов блеснул дневной свет.

— Нам повезло,— объявил он, отключая излучатель.— Мы оказались ближе к выходу, чем я подозревал. Я прорыл этот туннель вкось, чтобы он быстрее охладился, но все равно это займет несколько часов — и только тогда по нему можно будет пройти. А теперь — за работу! Нужно обезопасить эту дверь.

Дел сузил луч и перерезал нависающий кусок крыши, так, чтобы тот упал, перегородив дверное отверстие. Убедившись, что дверной проем как следует заблокирован, Дел повернулся к ряду покинутых машин времени.

— Вот это,— он махнул рукой в их сторону,— единственная возможность для нас вернуться назад, в наше собственное время. Мы не сможем взять с собой эти машины целиком. Следует выбрать наиболее действенные и важные их части и вынести отсюда. Возможно, мы добудем материалы для изготовления корпусов, но такие вещи, как вакуумные трубки, батареи Лестрейнджа, камеры, достигающие скорости света и тому подобное, будет довольно трудно сконструировать.

Из машины Роя мало что стоило спасения. Отсоединив два исправных аккумулятора Лестрейнджа, он направился к двум ньюменам, беспомощно стоявшим рядом со своим поломанным экипажем, и скомандовал, чтобы они отвинтили те импульсные ячейки, которые остались неповрежденными. Затем он заинтересовался устройством других машин. Среди тех устройств, к которым не проявил внимания никто из присутствующих, стояли два куба с вмятинами на боках. Дел потянул дверцу одного из этих кубов. Она со скрипом распахнулась, повиснув на поврежденном косяке, запах разрушения заставил обоих мужчин отступить назад. Задерживая дыхание, Рой приблизился и заглянул внутрь. В одном из дальних углов лежало скорчившееся человеческое тело, труп в последней стадии разложения.

— Бедняга,— пробормотал Рой.— По крайней мере, нам повезло больше.

Излучателем, поставленным на малую мощность, Дел кремировал разлагающийся труп, они подождали, пока воздух очистится, и вошли. На одной стене находились какие-то трубочки и сопротивления, по другой шли контрольные панели, испещренные сложными переплетениями проводов. Рой беспомощно вглядывался в целую кучу выключателей и шкал в надежде найти какой-то ключ ко времени изготовления этой машины, но безуспешно. Дел некоторое время молча раздумывал над механизмом. Вдруг его лицо осветилось выражением крайнего изумления.

— Неужели? — И Дел ответил как бы самому себе: — Я-то считал, что такое невозможно!

— Вы о чем?

— Эта машина радикально отличается от наших. Она не погружается в непрерывный временной поток. Вместо этого она замедляет движение времени того, что находится внутри нее, так что окружающий мир будет двигаться с относительно высокой временной скоростью. Медленная, неэффективная машина — но она работала!

— Не понимаю.

— Я имею в виду — обе наши машины, и моя, и ваша действуют по одному принципу, они изолируют нас от времени — то есть годы проходят с быстротой молнии, а мы их не замечаем. На нас они не действуют. Но эта машина не просто изолирующая, она действует с эффектом протаскивания вас во времени. Например, если оператор повернет этот главный циферблат и установит его на половинной скорости между нормальным потоком времени и полной изоляцией от него, в его камере события будут совершаться вдвое медленнее, чем они происходили бы снаружи. За тот период времени, который покажется ему часом, снаружи пройдут два часа. Если же он повернет циферблат еще больше, снаружи пройдет неделя или год за то время, которое он воспримет как час. Видите, у него даже есть окошечко, сквозь которое он может наблюдать происходящее во внешнем мире.

Рой заметил, что в стене укреплен застекленный квадратик.

— Кажется, понял. Но что произошло?

— Он в чем-то, наверно, ошибся как и мы, но, в отличие от нас, путешествовал так медленно, даже на крайней скорости, что еще прежде, чем достигнуть сегодняшней даты, погиб от голода и умер по дороге,— еще один мученик-экспериментатор.

Подошел Кэл и доложил Делу, что спасенные части машин сложили в кучу и все ждут его решения — что взять с собой, а что оставить. Под руководством Дела отобранные детали машин распределили между участниками экспедиции. Осмотр прохода показал, что он еще слишком горячий, придется подождать, по крайней мере, еще с час. Дел с беспокойством оглядел все соединения в полах и стенах, тщательно пытаясь высмотреть, не прорываются ли сквозь щели другие муравьи.

— Муравьи,— с удивлением произнес Рой в то время, как они ждали.— Насекомые, способные изготовлять машины,— возможно, они управляют этим миром. Трудно поверить!

— Это логично,— возразил ему Дел.

— Не понимаю.

— Рано или поздно, это должно было произойти. Организация у них всегда была лучше, чем у людей даже в моем веке: никаких лишних усилий, никакой нужды постоянно бороться с социальной дисгармонией. Единственное, что препятствовало их мировому господству,— их размер. Теперь же они нашли способ преодолеть это неудобство.

— Да, это мне понятно. Но то, что они строят машины — да еще такие машины,— это меня поражает.

— Но почему? Это естественный путь эволюции. В конце концов, и мы сделали то же самое. Что стало бы с человеком без машин? Если угодно провести параллель, представьте себе заводской цех своего времени — несколько сот людей работают внутри громадного движущегося чудовища, точно так же, как эти насекомые целыми сотнями тысяч трудятся в своих подвижных металлических машинах, вместе составляя некий коллективный разум, меня удивляет, что я об этом не догадался в тот момент,

когда мы их увидели. Но подобные вещи всегда кажутся совершенно очевидными задним числом.

Рой кивнул.

— И все-таки — я бы никогда не поверил, если бы сам не увидел,— добавил он.

Тут все вздрогнули от грохота падающих обломков. Не без опаски они посмотрели наверх. В небольшое отверстие в комнату просунулось металлическое щупальце. Оно беспрерывно двигалось из стороны в сторону, увеличивая дыру, а дождь из всего возможного мусора и обломков, падающий на них, все усиливался.

Излучатель Кэла отправил вверх тепловой луч. То ли из-за спешки, то ли по неверному расчету он установил его на полную мощность. Щупальце расплавилось и упало, но жаркий луч опалил крышу. Раздался неимоверный треск, перепуганные люди изо всех сил помчались к спасительному туннелю. Почти в ту же секунду поврежденная крыша подалась, и машина, окруженная облаком грязи и мусора, свалилась на пол. Как только она разбилась от падения, в щели между ее частями хлынула целая река муравьев. Раздался второй удар, и вторая машина грохнулась на пол, а за ней еще одна.

— В туннель! — заревел Дел.— Теперь мы должны рискнуть!

Остальные побежали, держа в руках свои драгоценные ноши. Кэл возглавлял шествие с оружием наготове. Рой услышал, как у двух ньюменов вырвался вой, как только их босые ноги коснулись горячей поверхности, но страх перед муравьями оказался сильнее, и они продолжали путь.

Жара в проходе была непереносимая, она ударила по людям, точно пламя разгоревшейся топки. Джессика, идущая впереди Роя, споткнулась. Он обхватил ее за талию свободной рукой и дальше они шли вдвоем. Дел оставался внутри до последней минуты. Он стрелял в растущую орду муравьев, пока не убедился, что его товарищи в безопасности, тогда и он бросился бежать. Он вывалился из туннеля, чуть не опрокинув Роя.

— Всего-то десяток ярдов этого ада,— сказал Рой, садясь на пол,— а казалось, что сотни. Но, во всяком случае,

и для муравьев он слишком горячий. На некоторое время мы от них избавились.

Дел согласился, но ему хотелось окончательно убедиться.

— Поднимите-ка меня на плечах,— скомандовал он. Рой так и сделал, а карлик пустил тонкий луч на понижающуюся крышу туннеля, пока она не рухнула, загородив собою проход.

— Есть пострадавшие? — спросил Рой, опустив Дела на землю.

— Нет, кроме этих двоих.— Джессика показала на двух ньюменов, которые сидели, горестно разглядывая свои обожженные подошвы.— Да и они больше напуганы, чем ранены. Но возможно,— добавила она,— пострадали вакуумные трубки.

Поспешный осмотр показал, что только одна из них разбилась.

— Ну, а теперь куда мы отправимся? — спросил Рой у Дела, который, по общему молчаливому согласию, возглавил их группу.

— Куда угодно, только побыстрей, пока они еще не осознали, что произошло, и не пустились на поиски,— ответил Дел.

Торопясь изо всех сил, они пересекли открытую местность и нырнули в лес. В последний раз оглянувшись на оставшиеся позади скалы и громадный муравейник, Рой с облегчением увидел, что никакой погони нет.

Глава 6
ДЕНЬ НАСЕКОМОГО

Три карлика очень скоро выдохлись: они были слишком слабы для таких тяжелых переходов. Один из ньюменов, заметив их состояние, передал свой груз товарищу и с таким видом, словно это был самый естественный поступок, взгромоздил Кэла и Рила на свои широкие плечи. Другой ньюмен разместил оба груза на одном плече, а на другое посадил Дела.

— Это все доказывает! — объявил Кэл, как только оправился от удивления.— Это потомки ньюменов Тэка Четыре А. Мускульная сила, развившаяся до того, что в ней появились мозги.

Несколько миль они прошли вдоль русла ручья, чтобы сбить муравьев со следа. У поворота ручья головной ньюмен вдруг остановился. Рой вытянул шею и пригляделся, впереди он обнаружил одну из шестиногих машин. Она неподвижно стояла в зеленой траве, поблескивая на солнышке.

Дел вытащил излучатель, но, пока он прицеливался, машина почувствовала их присутствие и поспешно отступила в сторону. Мгновение она колебалась на одном месте, тихонько поводя щупальцами, как бы в нерешительности, затем она скрылась из виду между деревьями, блеснув на солнце.

— Будь ты проклята! — буркнул Рой, глядя вслед блестящему корпусу.— Она же поднимет тревогу. Почему вы не расплавили эту штуковину? — добавил он с горечью.

— Потому что у меня не было желания поджечь весь лес,— сухо ответил Дел.

Несмотря на усталость, они отправились дальше. Необходимо, настаивал Дел, достичь какого-то безопасного места, где можно защищаться. Пока они остаются среди деревьев, на них могут напасть в любой момент незаметно. Еще через два часа пути они дошли до такой местности, где стали чаще попадаться открытые пространства, но Дел все еще был недоволен. На краю большой лесной опушки Рой запротестовал:

— Джессика смертельно устала, Джулиан немногим лучше, да и я тоже. Ничего лучшего мы поблизости не найдем. Если разбить лагерь посередине поляны, мы сможем защищаться.

Джулиан усталым голосом поддержал это предложение. Дел раскрыл было рот, но, прежде чем он заговорил, его перебили.

— А ну, залезайте на деревья, вы, дурни! — загремел чей-то голос.

Целую секунду никто не двигался.

— Вам говорят,— воззвал голос откуда-то сверху.— За вами же погоня! Шевелитесь!

Интонация была такая настойчивая, что на этот раз все послушались без вопросов. Рой забрался на дерево последним, подтягиваясь на ветвях, он услышал, за своей спиной сильный скрежет. Посмотрев вниз, он увидел, как там мимо идут, сверкая на солнце с десяток или более начиненных муравьями машин.

— Вовремя вы, ребята,— прогремел голос над Роем.

— Да уж, мы были на волосок от смерти, спасибо вам,— тихо произнес Рой.

— Все нормально, приятель, шептаться нет необходимости. Эти жестянки ни шута не слышат. Я проверял. Более того, они такие тупые, что не видет ничего у себя над головами. Вы здесь в безопасности.

Рой взглянул вверх на говорящего, который сидел на самой верхней ветке. Это был человек плотного сложения, одетый в изодранную рубашку и видавшие виды штаны цвета хаки. Грубоватые черты лица скрывали неряшливая черная борода и усы, в глазах светился веселый огонек. Рой вскарабкался повыше и протянул руку. Ее тотчас же схватила огрубевшая мозолистая ладонь.

— Вы и понятия не имеете, как я рад видеть вас, людей, кто бы вы ни были. Я-то считал, что совсем один в этом мире, кроме этих жестянок — там, внизу. Меня звать Джим Холлис. Дня четыре назад я был где-то возле Индианаполиса, а теперь я черт-те где!

Рой представился. И спросил:

— Вы не знаете тут поблизости какое-нибудь безопасное место?

Джим Холлис задумчиво поскреб матерую бороду. Бросил взгляд на солнце, потом — на запад.

— Можете вы пройти мили две — две с половиной? — спросил он.

— Если это стоит того, я думаю, да.

— Стоит, это точно. Я там нашел несколько пещер в скале.— Он дернул головой по направлению к востоку.— Я бы сам там уже был сейчас, да не мог один вскарабкаться.

— Там хорошая позиция для обороны? — спросил Дел с соседней ветки. Мужчина с любопытством поглядел на карлика:

— Ну да,— подтвердил он,— но нужды в этом нет. Уж если я не могу взобраться в одну из пещер, так будь я проклят, если это сумеет сделать какая-то из жестянок. Ну, если мы туда идем, лучше выходить прямо сейчас. Часика через два солнце сядет.

Он раскачался на ветке и спрыгнул на землю. Остальные последовали его примеру. Когда они спустились с дерева, новый член компании как следует разглядел их и сопровождающих их ньюменов, и глаза его расширились от удивления.

— Послушайте, какого дьявола...— начал он.

— Ведите нас,— тактично вмешался Рой. Я все расскажу по дороге.

— Да уж придется. Я сам не свой от удивления. Все так неожиданно вышло. Слонялся я по дороге, хотел попутку поймать до Индианаполиса, а тут какой-то мужик выходит из сарая на обочине и говорит, что пять баксов мне даст, если помогу ему. А я и позабыл, как пять баксов выглядят-то, ну и сказал — помогу, мол. У него там какая-то машина, которую ему одному не сдвинуть, в сарае-то, а ему надо ее во двор выкатить. Чудная такая машина, вроде клетки, а в ней сиденье подвешено. Мы ее вдвоем без проблем вытащили, и, когда он пошел назад в сарай за пятью баксами, я уселся на сиденье. Гляжу — там впереди какие-то ручки да кнопочки, ну я и нажал на одну — интереса ради. И в тот же момент вместе с этой машиной провалился сквозь такие же ветви, как эти.— Он с презрением оглядел окружавшую его зеленую поросль.— И деревья здесь какие-то ненормальные. Все здесь ненормальное, а хуже всего, что так я и не получил свои пять баксов.

Рой попытался объяснить ему ситуацию и рассказать, как они все очутились в том же положении. Джим Холлис в сомнении что-то пробурчал.

— Для меня это чистый бред,— заметил он.— Но уж всяко не страннее, чем все эти жестянки, которые тут разгуливают. Значит, говорите, у них внутри муравьи?

— Да, муравьи.

Джим недовольно фыркнул.

— А эти красные, которые на двух ногах ходят? В них-то кто — черные жуки?

Рой и забыл о красных машинах. Он улыбнулся предположению Джима и признался, что никому из них еще пока не представился случай исследовать этих странных обитателей здешнего мира.

Джим ошибся почти в два раза, но наконец они оказались на краю леса. Ярдов за сто, если миновать голый торфяник, возвышалась скала, испещренная темными отверстиями.

— Ну, как вам вот это? — Джим победоносно показал на самую большую пещеру. Вход в нее составлял футов десять в диаметре.

— Но как мы туда залезем? — усомнился Джулиан, разглядывая двадцать пять футов крутой скалы.

— Добраться будет легко, если встать друг другу на плечи.

— А у меня есть идея получше,— объявил Дел.

Он вытащил излучатель и провел зигзагообразную линию по поверхности скалы.

— Ух, ты! Ну и классный у вас фонарик! — восхитился Джим.

Подождав немного, чтобы рукотворная расселина остыла, Рой забрался по ней наверх. Из предосторожности он захватил с собой тепловой излучатель, поставленный на малую мощность.

С первого же взгляда он убедился, что пещера необитаемая и сухая. Ширина ее была футов пятнадцать, от входа она простиралась вглубь на ярд или два и вдавалась прямо в скалу футов на тридцать. Им повезло: это было идеальное убежище. Рой остановился у входа в пещеру и поглядел на садящееся солнце.

— Все отлично,— заверил он своих товарищей, стоявших внизу с поднятыми головами.— Залезайте! Назад, к каменному веку!

— Проблемы пищи и воды разрешились легко,— подытожил Дел на следующий день.— Нам просто здорово повезло, что здесь в таком изобилии растут плоды, но, хотя они помогут нам выжить, проблему возвращения, они для нас не решают. А для возвращения существенно только одно: нам нужен металл.

Рой, который сплетал веревку из ползучих стеблей, поднял голову.

— Интересно, как вы собираетесь его добыть? — заметил он.

— А для чего металл-то? — не понял Джим.

— Нужен корпус для машины, которую я собираюсь построить,— и он должен быть металлическим. Вы же хотите вернуться, правда?

— Ясно, хочу. Тот мужик мне еще пять баксов должен.

— Что вам конкретно нужно? — поинтересовался Рой.

Дел пожал плечами:

— Сталь с добавкой хрома и вольфрама подошла бы лучше всего, поскольку ее нет, сойдет и какой-нибудь другой твердый металл. Еще мне нужно небольшое количество меди или другого хорошего проводника. Крайне удачно, что большая часть наших деталей выдержала путешествие.— Он добавил, поворачиваясь к Джиму: — А что, ваша машина все еще под теми деревьями, куда она свалилась?

— Нет, эти жестянки ее нашли и утащили. Я с дерева видел.

Дел задумчиво глянул из пещеры на далекий громадный муравейник, выглядывавший из-за деревьев. Прибытие Джима объясняет присутствие одной лишней машины времени среди тех, которые они там видели. Интересно, откуда взялись остальные...

Джим прервал его размышления.

— А может, если бы мы вокруг пошныряли, мы бы нашли какой-то город или поселок. А там, где город, ясно, и металл найдется.

Дел покачал головой:

— Вы не понимаете. Нет тут никаких городов.

— Никаких городов?

— Ни городов, ни людей.

— Придуриваетесь! Не могли же они все помереть!

— Должно быть, могли, иначе насекомые не стали бы править миром.

— Но... но не хотите же вы сказать, что муравьи уничтожили всех людей?

— Нет. Возможно, люди просто прекратили свое существование.

— Как это? Не пойму я.

— Люди же не уничтожили тех громадных рептилий, которые до них правили миром,— просто динозавры вымерли. Сдается мне, что и человек прожил свое время и перестал существовать.

— Но что проку от того, что он жил, раз все так окончилось?

— Какой прок в жизни? Возможно, человек пришел к славному концу, выполнил свое назначение и исчез с лица Земли — рано или поздно ему пришлось бы оставить Землю. По крайней мере, он не приговорен скитаться по шарику, который обречен разрушаться от дряхлости.

— Что-то не похоже, чтобы он разрушался,— Джим взглянул на покачивающиеся под ветром деревья.

— Но мы оказались в пустыне, когда прибыли сюда. Целые мили пустыни лежат там, где когда-то была плодородная местность... И как далеко простирается эта пустыня? Насколько нам известно, здесь только оазис. А на солнце вы обратили внимание — насколько оно крупнее и краснее, чем наше привычное Солнце? И то, и другое — признаки приближающегося конца.

Он чуть-чуть помолчал, прежде чем добавил:

— Так значит, это начиненная муравьями машина нас допрашивала, а не просто устанавливала контакт. Ее знание о прошлом, должно быть, глубоко, но все же она нас испытывала рядом символов, не знакомых кому-то из нас. Остается только догадываться, что за странные создания пользовались теми символами в промежуток между концом человека и расцветом насекомых. Да, мы находимся на целую эпоху позже исчезновения homo sapiens.

Некоторое время никто не решался заговорить. Первым очнулся от оцепенения Рой.

— Это отвратительная эпоха,— объявил он.— Наша главная забота вернуться в эру homo sapiens — и для этого мы настоятельно нуждаемся в металле.

Сидящая рядом с ним Джессика вздохнула, как бы собираясь заговорить, потом передумала.

— Ну? — попытался Рой ее приободрить.

— Мне бы и предлагать не хотелось. То есть это опасно.

— О чем вы?

— Ну, вот эти белые муравьиные машины...

— Да?

— Ну, ведь они, наверное, сделаны из очень твердого металла.

Рой в знак одобрения хлопнул себя по колену.

— Молодец, девочка, сообразила! Значит, нам надо захватить одну из этих машин!

В группу захвата вошли трое: Рой, Джим Холлис и Джулиан. Могли бы оказаться полезными и два ньюмена, но, поскольку они не умели пользоваться излучателями, то оказались бы безоружными в случае вражеского нападения.

Поэтому решили использовать их позже, чтобы помочь тащить захваченную добычу. Рой и Джим перед уходом раздали остающимся мощные излучатели и проинструктировали, как ими пользоваться. Джулиан сохранил за собой свое оружие низкой мощности.

— Я все-таки не пойму, как нам подманить эти штуки? — спросил Рой.

— А их и не надо подманивать. Не думай об этом,— заверил его Джим.— Нам только нужно забраться на дерево возле опушки и ждать. Они скоро появятся. Ставлю доллар против жареного пончика, мы их захватим через пару часиков. Эти жестянки предназначены, чтобы повсюду слоняться и все вынюхивать.

Джим повел их через лес, пристально разглядывая окружающие заросли, чтобы не пропустить ни малейшего отблеска металла. Пройдя около мили, они взобрались на разросшееся дерево и расположились в ожидании на ветвях. Через час Рой уловил какой-то звук на дальнем конце поляны. Приблизившись, это «что-то» выдало себя треском ветвей, сопровождаемым слабым лязгом. Рой подвинулся на ветке и вытащил из кармана излучатель. Джим предостерегающе вытянул руку:

— Это не жестянки. Это те большие красные гады. Знаю я их звуки.

В следующее мгновение пять двадцатифутовых машин вышли из-за деревьев и заковыляли на своих суставчатых ногах на другой конец поляны.

— Опять их пять,— пробормотал Рой.

— Они всегда пятерками ходят — не больше и не меньше. И зуб даю, это означает, что муравьиные машины шляются поблизости,— ответил Джим.

Не прошло и десяти минут после ухода красных бродяг, и среди деревьев вспыхнул отблеск отраженного солнца. Еще мгновение — и показались не меньше десяти шестиногих машин. Они остановились кучкой, серебристые щупальца активно зашевелились.

— Интересно,— подумал Рой,— почему им не придают менее бросающуюся в глаза окраску, ведь белый и красный цвет легко разглядеть среди зеленой листвы или на желтом песке пустыни.

Тем временем группа машин распалась. Восемь из них затопали прочь по следам красных чудовищ, еще две направились назад по той дороге, по которой пришли, а еще одна, последняя, отступила в тень деревьев и замерла там. Джим подтолкнул Роя.

— Вот она, наша дичь,— сказал он.

Глава 7
ОТВЕРЖЕННЫЕ В МЕРТВОМ МИРЕ

Украдкой и соблюдая большие предосторожности, они соскользнули на землю. Держась на расстоянии примерно двадцати ярдов от края лужайки, они выбрали себе позицию. То, что во время их передвижения прутья и сучки то и дело трещали у них под ногами, их не волновало, но было крайне важно не задевать кусты, потому что это привлекло бы внимание зорких линз. Более того, все время требовалось тщательно следить, чтобы не появились другие машины. Продвинувшись на пятьдесят ярдов, Джим предложил снова спрятаться за деревья.

Рой прицелился в неподвижного часового и нажал на спуск. Он тщательно провел лучом слева направо, и узкое

лезвие нестерпимого жара отрезало часовому ноги. Тело обрушилось наземь с глухим стуком. Щупальца еще несколько секунд шевелились, затем обвисли и апатично опустились на землю. Как только они упали, из корпуса хлынула армия муравьев. Рой живо поставил излучатель на малую мощность и на более широкий луч и присоединился к Джиму и Джулиану, которые уже водили своими лучами по черному потоку. Через несколько секунд муравьи исчезли, и машина оказалась в их распоряжении.

Рой выставил вперед излучатель, чтобы принять меры предосторожности против возможной следующей партии муравьев. Для пробы он постучал по металлическому корпусу, но там больше никого не было. Тут послышался крик Джима, он показывал на противоположный конец лужайки.

Рой резко повернулся и увидел, что еще две белые машины поспешно направляются к нему. Он без колебаний пустил в ход излучатель и свалил с ног головную. Та по инерции проскользила еще с десяток ярдов на сверкающем брюхе. Когда она затихла, Рой повернулся ко второй. Он поднял руку — и тут из-за его спины протянулось металлическое щупальце и вышибло из пальцев излучатель, который покатился к деревьям. Рой попал в цепкие объятия и понял, что его одурачили. Некоторое количество муравьев еще оставалось в первой машине, и та ловко прикинулась мертвой, точно преследуемое животное. Рой выругался про себя: как же это он не предвидел ловушки!

Деревья у него за спиной буквально взорвались пламенем, когда туда упал излучатель. С проворством молнии со своих ветвей соскочили Джим и Джулиан. Последняя неповрежденная машина шагала вперед с распростертыми щупальцами, вот она уже почти достала до него. Рой отчаянно дернулся, пытаясь освободиться из металлических тисков, но они застыли, держа Роя так, что люди не могли стрелять.

Джим выпрямился и прицелился. Опаляющий луч прошел в нескольких дюймах от беспомощного Роя, горячим воздухом ему обожгло лицо, зато луч отрезал ходули быстро приближающегося чудовища. Машина с грохотом пова-

лилась. Она катилась и катилась, пока не остановилась у самых ног Роя. Джим отсек державшие Роя щупальца у основания и высвободил его как раз тогда, когда орава муравьев заструилась из корпуса. И только в этот момент трое людей осознали, что пламя пожара движется прямо к ним.

— Надо поживей отсюда выбираться, из-за нас тут черт-те что началось,— проговорил Джим, в то время как Рой разматывал со своего тела жуткое щупальце.— И еще дьявол его знает, что натворит этот проклятый излучатель теперь, когда он там валяется. Кажется, все до одной ходячие жестянки скоро явятся сюда поглядеть, кто это тут шутки шутит.

— Но металл...

— К чертям собачьим металл! Да и не сможем мы его быстро тащить, пока тут все не успокоится. Надо драпать домой и переждать чуток.

Все трое бросились бежать. Оказавшись под защитой деревьев с противоположной стороны поляны, они остановились, чтобы оглядеться. Громадный столб огня тянулся к небесам, а поверх него, точно шляпка гриба, расползалось облако дыма. Джим с досадой покачал головой:

— Ну и не повезло же нам, проклятие!

Несколько недель прошли для изгнанников безо всяких событий. На следующий же день Рой с Джимом отправились на поле битвы и сделали некоторые внушающие надежду открытия. Первое из них заключалось в том, что пожар распространился на весьма ограниченное пространство. Так как не было ветра, пламя быстро пошло на убыль и погасло совсем. Сам же излучатель был безвозвратно потерян, вероятно, валялся в каком-то кратере, проделанном им же самим. До того он успел расплавить почву и возвышающиеся позади утесы — а потом исчез из виду. Уничтожил ли он сам себя или все еще закапывается глубже и глубже в землю — никто из них так и не узнал. Они пришли в восторг, обнаружив, что побежденные ими машины все еще лежат на том же месте, куда упали.

— Почему их не забрали? — спросил Рой.

Джим только фыркнул:

— Все тебе интересно. Что проку пытаться залезть в голову насекомому и понять, что оно там думает? Да ты за всю жизнь с этим не управишься. Может, они никогда ничего не чинят — просто новые машины строят. Для нас важно, что тут валяется уйма металла, которая только и ждет, чтобы мы его унесли!

С помощью почти всех участников группы они так и поступили, хотя за весь путь приходилось не один раз бросать груз и прятаться на ближайших деревьях, чтобы не попасться в щупальца бродящим вокруг машинам. Чем больше люди знакомились с опасностями окружающего их мира и постигали ограниченность возможностей противника, тем сильнее воодушевлялись. Презрение Джима Холлиса, презрение к тем, кого он называл «бродячие жестянки», постепенно передалось остальным.

Убедившись, что металл подходит, Дел с помощью Кэла сразу же принялся разрабатывать конструкцию новой машины времени. Рил тоже предлагал помощь, но от его услуг отказались, и он занялся экспериментами с наименее пострадавшими из плененных машин. К нему присоединился Джулиан. Джима Холлиса назначили ответственным за запас продуктов, и он с помощью двух ньюменов следил, чтобы у них всегда был достаточный запас плодов и воды.

Джессика и Рой много времени проводили вместе. Так как муравьиные машины редко показывались возле ближайших скал, у них появилась привычка прогуливаться вдвоем по окрестностям. Через месяц Рой привык к теперешнему своему образу жизни и воспринимал его скорее как будничную рутину, чем как приключение. С большим удивлением он обнаружил, что Джессика не разделяет его точку зрения.

— Как ты думаешь,— спросила она его однажды утром,— сколько еще пройдет, пока Дел не закончит машину?

— Наверно, день или два, но, возможно, понадобится еще какая-нибудь проверка или регулировка.— Рой смотрел на Джессику с сомнением, было в ее тоне нечто такое, чего он не мог понять.— Ты что, очень скучаешь по дому?

Некоторое время Джессика не отвечала. Она устремила взгляд прямо перед собой, губы капризно изогнулись. Наконец, она ответила равнодушным тоном:

— Наверно, да. В конце концов, невозможно желать оставаться тут вечно. Иной раз, по ночам, на меня находит такая тоска. Я выглядываю из пещеры — и не вижу ничего, кроме звездной пыли, не слышу ничего, кроме шелеста деревьев, и тогда я начинаю тосковать по нашему хлопотливому двадцать третьему столетию. Я ужасно хочу увидеть, как солнце пересекает хвост выпущенной в Азии ракеты, или красную вспышку европейского экспресса.

Иногда, в ясные ночи, мы видели из окон своих домов яркое белое пламя марсианских космических кораблей в тот момент, когда они отрываются от ракетоносителя. И потом еще — никогда там не бывало такой жуткой тишины. Даже если запереться у себя дома, всегда у тебя есть ощущение движения, ощущение мира, где люди и машины работают, чтобы достичь какой-то цели,— шуршащий звук жизни, даже в самом тихом месте. Я испытываю ужасное чувство тщетности и бессмысленности из-за того, что все закончилось этим — царством насекомых.

— Уверен, здесь ты не права. Если бы мы тут обнаружили людей — вот тогда бы я почувствовал, что все было напрасно. Но, так как тут нет и признаков человека, я убежден, что он достиг своего истинного конца — каков бы этот конец ни был — и отправился своим путем, оставив этот мир иным формам жизни, чтобы и те смогли, в свою очередь, достичь совершенства.

— Я думаю, ты неисправимый оптимист, Рой, но надеюсь, ты прав. Признаюсь, меня теперь уже ничего не радует.

— Я-то, кажется, чувствую себя счастливее, чем когда-либо, я даже почти надеюсь, что у Дела ничего не выйдет с его машиной. Я бы хотел...

Он внезапно умолк. В глазах Джессики зажглись огоньки. Углы губ приподнялись.

— Да? — нежно проговорила она.

Но Рой не смотрел на нее, он не видел перемены на ее лице.

— Не знаю. Скоро нам придется отправиться назад в наши эпохи.

— Придется?

— Ну, подумай только, как я буду не к месту в эпоху Дела.

Джессика вздохнула про себя над тупостью мужчин.

— Не могу вообразить тебя в столетии Дела,— сказала она.

Но Рой не заметил того ударения, с которым она произнесла «Дела», не уловив скрытый смысл в словах девушки. Джессика переменила тему разговора. Она узнала то, что хотела узнать, остальное было делом времени. Возможно, она сможет сделать ему одно предложение — в самом конце...

Через полчаса, когда они возвращались в пещеру, Рой объявил, что ее ждет сюрприз. Рил и Джулиан достигли успеха трудясь над одной из муравьиных машин, и она уже работает. Сперва механизм, заключенный в нижнюю часть яйцеобразного корпуса, вынули, но обнаружили, что он не поврежден. Нетрудно была приварить его ножки при помощи теплового луча на то же место, откуда выдрали. Потом, больше для развлечения, чем по какой-то иной причине, они приладили пульт, а к нему — рукоятки и выключатели, чтобы человек мог ими пользоваться. Самым сложным оказалось удалить множество ступенек в управлении, необходимых для манипуляций насекомых.

— То есть я хочу сказать, человеку, чтобы поднять тяжелое бревно, нужен блок, а слон может прямо взять да поднять это бревно,— объяснил Рой. В данном случае Рил с Джулианом оказались в положении слона — они смогли управиться без промежуточных механизмов. Они довольны этой штукой, словно ребенок новой игрушкой. Когда мы вернемся в пещеру, они, наверно, станут нам показывать, какие может проделывать штуки машина.

— А в чем смысл?

— Да, наверно, ни в чем. Просто интересно возиться с ней, и это их занимает. Они как будто какую-то головоломку решили. Сама увидишь.

Его слова прервались. Они находились за несколько сот ярдов от дома. Показалась блестящая машина, которая

медленно вперевалочку приближалась к ним. Когда Рой и Джессика попали в поле ее зрения, она остановилась и замерла, только щупальца шевелились, как это обычно бывает, когда машиной управляют муравьи. Рой выдавил из себя хихиканье.

— Довольно хорошая имитация. Если бы я не знал, то остановил бы ее лучеметом — и причинил бы страшные неудобства Рилу и Джулиану.

Он нащупал кобуру излучателя, но самого оружия там не оказалось. Рой выругался, сообразив, как беспечно было с его стороны забыть излучатель: ведь это могло привести к трагическим результатам. Они с Джессикой двинулись вперед.

— А теперь, Рил, запусти ее,— позвал он. Но машина стояла неподвижно, шевеля щупальцами. Роя осенила внезапная догадка, и для успокоения он окликнул: — Вы что, хотите напугать нас?

Джессика подошла к нему поближе. Ее переполняло скверное ощущение — что-то не так.

— А если это не...— начала она.

Она так и не закончила, потому что машина вразвалку направилась прямо к ним, простирая щупальца.

— Беги! — закричал Рой, но она вместо этого приникла к нему. Он выхватил пистолет и несколько раз выстрелил. Щупальце обвилось вокруг талии Джессики и оторвало ее от Роя, другое схватило его и потащило. Отчаянно рванувшись, он освободился из захвата и свалился на землю. Джессика пронзительно вскрикнула, когда металлические ноги протопали всего в нескольких дюймах от его головы. Машина не стала задерживаться, чтобы снова захватить Роя; подняв девушку с земли, она зашагала к деревьям. Рой потянулся за упавшим пистолетом, вскочил и помчался за машиной. Но та передвигалась вдвое быстрее него. Девушка в последний раз отчаянно закричала, после этого победитель и пленница исчезли за деревьями.

Еще несколько секунд ошеломленный Рой продолжал бежать, затем пришел в себя и, громко крича, повернул в сторону пещеры. Все в ужасе оцепенели, когда Рой выложил им новость.

— Дайте мне излучатель,— потребовал он.— Я уничтожу эту машину и приведу назад Джессику, даже если это будет стоить мне жизни.

Дел схватил его за руку:

— Ты ни за что ее не догонишь, пока она не достигла муравейника, одному бесполезно и пытаться...

Тут вмешался Рил. Он шепотом обменялся торопливыми репликами с Джулианом, после чего тот бегом исчез в пещере.

— Возьмем нашу машину,— объяснил Рил.— Мы с Джулианом ее уже закончили и испытали.

Нимало не колеблясь, Рой кинулся туда, где лежал обновленный корпус, и начал отбрасывать в сторону замаскировывавшие его ветки. Рил по грубой лесенке вскарабкался на борт и через верхнее отверстие проскользнул внутрь.

— Излучатели — их надо взять,— закричал Рой. Дел отдал ему два излучателя высокой мощности и один низкой. Он оставил себе только один — на случай нападения.

— Привезите девушку — и мы отправимся,— объявил он.— Машина времени будет готова, когда вы вернетесь.

Примчался Джулиан с грудой дополнительного оборудования. Рой, наконец, залез внутрь и захлопнул за собой входную панель. Рил с Джулианом уже заняли места возле щитка управления. Слегка накренившись, машина тронулась с места, затем, поблескивая на солнце металлическими ногами, на полной скорости зашагала по направлению к деревьям и шпилю гигантского муравейника за ними.

Глава 8
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МОЗГ

В течение первого часа все молчали. Рил не мог отвлекаться от управления незнакомой машиной, Джулиан был поглощен наладкой того оборудования, которое притащил в последний момент. Рой беспокойно расхаживал по стальному полу, то и дело выглядывая из смотровых окошек. Несколько раз он подходил к Рилу и требовал, чтобы тот

выжимал максимальную скорость. Карлик только головой качал в ответ. Они уже достигли предела скорости, при которой путешествие было безопасным, и несколько раз с трудом избегали столкновения с деревом.

Вскоре им встретилось первое серьезное препятствие — водный поток, быстро бегущий по каменистому руслу. Они уверенно направились к нему и благополучно его одолели, двигаясь в облаке сверкающих на солнце брызг. Когда они поднимались на противоположный берег, произошел первый неприятный инцидент: с крутого берега навстречу покатилось бревно. Оно упало всего в нескольких футах от них. Раздался еще треск, совсем рядом, это заставило Рила поспешно повернуть машину вправо. Рой свалился на пол от внезапной перемены направления.

— В чем дело? — спросил он, с трудом поднимаясь.

— Камни,— коротко ответил Рил.— Они чуть в нас не попали. Рой вспомнил ту сцену, свидетелями которой они были по прибытии.

— Это те красные штуки. Они нас засекли! А ну-ка, дайте мне излучатель!

Он высунул голову и плечи из верхней панели и огляделся. Врагов не было видно, но он услышал впереди треск ветвей.

— Они совсем близко! Отступи чуть-чуть.

Через мгновение большой камень шлепнулся как раз на то место, где они только что находились. В поле зрения показалась красная машина и неуверенно затопталась на месте. Вскоре к первой машине присоединилась вторая. Рой колебался всего секунду — ведь Джессика еще в опасности, времени терять нельзя — и поднял лучемет. Луч отрезал кусок суставчатой ноги, и машина, пошатнувшись, свалилась прямо на другую. Обе они покачались немного, затем обрушились с оглушительным скрежетом, в ярости размахивая сцепленными щупальцами.

— Вперед, живей! — призвал Рой, и Рил двинул рукоятку хода.

На местности суетилось неслыханное количество красных машин, но, к счастью, прямых столкновений теперь удавалось избегать.

До муравейника оставалось около двух миль, когда Рой, наблюдавший в переднее смотровое отверстие, взволнованно закричал. Среди деревьев на дальней опушке он разглядел тот механизм, который захватил в плен Джессику, ее фигурка все еще была опутана щупальцами. Рил на полной скорости промчался по открытому пространству и поспешно углубился в лес.

Они догоняли машину-разбойника довольно быстро, и Рой решил рискнуть и пустить в ход излучатель. Луч, поставленный на малую мощность, ударил по ногам чудовища — но безрезультатно. Он увеличил мощность и попытался еще раз. На этот раз ему удалось расплавить одно из сочленений задней ноги, так что она перестала гнуться. К несчастью, она все-таки двигалась, и это не помешало ходу машины. Рой в третий раз поднял лучемет, когда чья-то рука схватила его за пояс, он повернулся и увидел Джулиана. Тот сердито заговорил:

— Убери сейчас же, дурак ты этакий! — рявкнул он.— Ты что, не понимаешь, если ты свалишь это сооружение, оно раздавит Джессику при падении? Даже если она останется жива, через несколько секунд ее всю покроют муравьи!

Рой выругался и пристегнул оружие к ремню. Джулиан начал прилаживать мощный фонарь к одному из больших смотровых стекол. Спустя минуту идущая впереди машина, все еще крепко сжимая Джессику, исчезла в темном устье пещеры.

Джулиан нажал выключатель, и туннель залило слепящим светом. Перед ними простиралась широкая дорога, точно ангар для дирижаблей немыслимой длины. Там и сям изгибы стены испещряли отверстия ходов. Те немногие машины, которые можно было заметить, словно на европейских улицах придерживались правой стороны дороги и не обращали внимания на чужаков.

— Почему они на нас не нападают? — удивился Рой.

— Хороший вопрос,— ответил Рил.— Вся их организация основана на расчетах, точности и инстинктах. Они хорошо знают, что красные машины опасны, и знают, как с ними поступить. Но тут перед ними возникло нечто, не

поддающееся расчетам, и их инстинкты никак не могут им помочь. А они, возможно, уже тысячи лет не сталкивались с непредсказуемым.

— Но ведь они первым делом на нас напали и захватили в плен.

— Верно но это случилось на открытом пространстве, где всегда можно ждать опасности, их инстинкт сработал, чтобы противостоять вызову неведомого. А для того чтобы захватить одну из их собственных машин и направить ее против них же, требуется большее, чем просто инстинкт и способность к расчетам. Ты же замечаешь: та машина, которую мы преследуем, не проявила никаких признаков тревоги, она продолжает свой путь и ни на что не обращает внимания.

— Значит, нам не грозит нападение? И нам остается только освободить Джессику, как только мы догоним ту машину, а потом выбраться отсюда.

Рил, кажется, сомневался, что все это будет так просто.

— Думаю, с нами все будет в порядке, пока нас не обнаружит центральный мозг. Невозможно предвидеть, что случится тогда.

— Но откуда тебе известно, что центральный мозг существует? — допытывался Рой.

Рил покачал головой.

— Все это должно чем-то управляться. А потом, вспомни машину, которая писала на полу,— она определенно предназначена для какой-то интеллектуальной работы. У нее нет ног для передвижения. Это расчетный механизм, что-то вроде думающей машины. Где-то в этом муравейнике должен находиться центральный мозг: способный не только анализировать известные факты, но и размышлять, а та машина, которая нас допрашивала, была его помощником.

— Совершенно невероятно.

— Именно так. Поскольку насекомым пришлось преодолевать еще больше естественных препятствий, чем человеку, им по необходимости пришлось создавать более сложные аппараты.

Пока Рил рассуждал, они уже почти догнали шедшую впереди машину. Теперь их разделяло каких-нибудь двад-

цать ярдов. Джулиан уже держал руки наготове над щитком, управляющим щупальцами, и собирался выпустить их, как только позволит расстояние. Внезапно машина-похитительница отклонилась от прямого курса, резко свернув в боковой проход. Только благодаря превосходной реакции Рил не стукнулся об угол. Суставы пальцев Джулиана, лежавшие на рычагах и переключателях, совсем побелели, мускулы лица напряглись. Рой снова высунул голову и плечи через верхнее отверстие и держал наготове свой излучатель. И тут, совершенно внезапно, стены коридора расступились, и люди на большой скорости влетели в обширный круглый зал.

Рой увидел ряды машин из белого металла, блестевшие и сверкавшие в лунах яркой осветительной лампы. В самом центре зала возвышался громадный металлический корпус, шевелящий множеством сверкающих щупалец.

В то же мгновение Джулиан вытянул одно из щупалец и со свистом захлестнул им заднюю ногу держащей Джессику машины. Одновременно Рил замедлил ход своей машины, последовал толчок, из-за которого Рой чуть не свалился на пол. Ноги ведущей машины подкосились, и она с грохотом рухнула на пол. Джулиан начал подтягивать эту машину к себе. Рой перерезал у основания то щупальце, которого обвилось вокруг Джессики, с помощью луча толщиной с карандаш. Все произошло так быстро, что никто не успел на них наброситься но в рядах окружающих машин началось всеобщее движение

Рил крикнул:

— Живо! Стреляй в тот центральный глобус!

Рой заметил, что множество щупалец вытянулись вокруг «глобуса» и начали корчиться, яростно отдавая приказания. Вспышками лучемета, поставленного на полную мощность, Рой разрезал поверхность шара на секции. Когда эти секции рухнули, появились целые мириады муравьев, которые блестящими потоками бежали по полу.

— Слишком поздно! — выкрикнул Рил.— Приказ уже отдан!

Рой начал водить лучом по смыкающемуся вокруг них кольцу машин, а Джулиан в это время вытянул щупальца,

манипулируя рычагами и отыскивая распростертую на полу Джессику. Его щупальца подняли ее на какую-то долю секунды раньше того, как орды насекомых устремились к этой точке.

— Теперь надо спасаться бегством.— Рил уже разворачивал машину вправо.— Расчищайте выход в коридор.

Как только они оказались в сравнительной безопасности коридора, Рой обернулся и все свое внимание сосредоточил на том, чтобы задержать погоню. Десятки машин падали под его лучом, но он видел, что, несмотря ни на что, машины нагоняют их. И вдруг его осенило, и он понизил энергию излучателя на два деления.

Передние машины теперь оплавились и застыли в неподвижности, загораживая дорогу тем, кто двигался следом. Рой крикнул Рилу, чтобы тот снизил скорость.

Когда те машины, которые скопились позади, начали карабкаться на корпуса своих товарищей, Рой полоснул по ним лучом, так что они начали плавиться над другим рядом машин. На них забрались другие, и опять по ним полоснул луч. Губы Роя скривила мрачная улыбка, когда он понял, что все идет успешно. Вскоре он построил непроходимую металлическую стену между своими товарищами и преследователями. Прошло немного времени — и стена эта загородила весь проход, от пола до сводчатого потолка.

В тот же момент, когда это было выполнено, он спрыгнул наземь и помчался туда, где, обхваченная щупальцами, лежала Джессика. Он обрадовался, что во время освобождения она была без сознания. Было делом всего нескольких секунд избавить ее от прицепившихся к ней остатков щупальцев ее похитителя и поднять наверх, к Джулиану, который занял пост у наблюдательного отверстия. Поспешно забравшись в машину, Рой крикнул Рилу, чтобы тот ехал как можно быстрее. Невозможно было предвидеть, сколько еще продержится стена из оплавленного металла.

Попав на главную магистраль, они заметили, что положение изменилось. В прошлый раз они видели эту дорогу почти пустой, теперь же она была переполнена. Множество машин кинулось на них, еще до того как нападающие смогли при-

близиться, они попали под атаку лучей. Результатом оказалась страшная толчея на всех поворотах и перекрестках.

Рил быстро вел машину. Внезапно он чуть свернул в сторону и вмешался в поток рабочих машин, не занятых преследованием. Все они двигались с постоянной скоростью, люди держались с ними наравне. Преследователи не в силах прорваться сквозь общий строй или изменить его, пытались втиснуться в эту движущуюся череду. Рой оглянулся назад и понял, что их машина в безопасности, пока они не достигнут открытого пространства.

Внутри металлической скорлупы Джулиан делал все возможное, чтобы привести Джессику в чувство, и с гневом разглядывал рубцы на ее руках и ногах. Когда они поймали ее похитителя он, очевидно, покрепче сжал свои объятия, решив во что бы то ни стало удержать свою добычу, и от удушья она потеряла сознание. Наконец, глаза ее открылись.

— Что случилось? — спросила она, пытаясь расправить руки и ноги.

Джулиан объяснил.

— А что с Роем?

Услышав ее голос Рой оторвался от своего наблюдательного пункта и побежал вниз. Он взял ее руку в обе свои и посмотрел на ее улыбающееся лицо.

— Слава Богу, Джессика, ты невредима. Пока это чудище тебя не схватило, я и не понимал...

Глаза Джессики блеснули лукавством:

— Чего ты не понимал, Рой?

— Я не понимал, как я...

— Приготовить лучеметы! — прервал их Рил.— Мы почти выбрались наружу.

— О черт! — буркнул Рой, возвращаясь к наблюдательной позиции.

Глава 9
СПАСЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

Оказавшись на открытом пространстве, Рил заторопился подальше от муравейника. Через некоторое время пока-

зались их преследователи. Рой поражал бегущих тепловыми вспышками, но каждую секунду из отверстия муравейника вылезали все новые и новые машины и присоединялись к погоне.

Как только они оказались в лесу, преимущества насекомых стали ощутимы. Они лучше людей могли лавировать среди деревьев и хорошо знали местность. Рой, держа в каждой руке по лучемету, благодарил провидение за то, что муравьям неизвестно оружие.

— Вперед! — скомандовал Рил.

Рой обернулся и увидел, что путь им перерезала еще одна машина. Быстрый луч хлестнул по ней и помог расчистить дорогу, но из-за него занялось пламенем множество деревьев. Рой продолжал свое дело, и враги остались в окружении плотного огня.

Что-то упало Рою на плечо, и он едва не свалился с сиденья. Он обернулся и увидел, что сбоку от него бежит муравьиная машина. Он согнул руку, которую уже охватило металлическое щупальце, и отчаянно замахал второй рукой, пытаясь полоснуть лучом.

Хватка щупальца сделалась сильнее, адская боль пронзила его, когда машина еще усилила свою хватку. Чьи-то пальцы выхватили лучемет из его руки. С быстротой молнии пучок щупалец оказался перерезанным у основания. Тогда, опустив лучемет, Джессика расплавила преследователю передние ноги. Преследователь, подергиваясь, проделал предсмертное сальто и затих.

Рой освободился от опутавших его щупалец и бок о бок с Джессикой принялся за работу, расчищая путь.

Но ряды окружающих их машин все время пополнялись, казалось, что беглецов вот-вот одолеют превосходящие силы противника...

— Держитесь! — приказал Рил.— Придется рискнуть.

Рой взглянул вперед и увидел, что они снова достигли реки — к несчастью, не к тому узкому месту, через которое перешли в прошлый раз.

Машина соскользнула с берега и погрузилась в воду. Вода поднялась выше сочленений ног, но не протекла внутрь. Вот она стала подниматься еще выше — всего ка-

кие-то дюймы оставались до наблюдательных отверстий, после чего они, слава Богу, ощутили, что дно поднимается, русло становится выше. Когда они очутились на противоположном берегу, Рил остановился. Их больше не преследовали машины. Они выстроились в ряд, колеблясь и не желая вымокнуть. Вроде бы беглецы были в безопасности. Но тут, едва Рой успел испустить вздох облегчения, как одна из машин соскользнула в воду.

Секундой позже еще с полдюжины машин кинулись в воду. Рой полоснул по ним лучом. Он надеялся остановить их и предотвратить массовую атаку; ведь невозможно будет уничтожить все те сотни машин, которые толпились по берегу. Но тут случилось то, чего никто не ожидал. Что-то пронеслось над их головами и с шумом приземлилось на противоположном берегу.

— Красные бродяги! — воскликнула Джессика.— Они напали на этих. Живей, Рил, за деревья! Они нас еще не заметили.

Под прикрытием ветвей они остановились и огляделись. По воздуху пронеслась масса сверкающего красного металла и накинулась на белые машины. Очевидно, красные бродяги использовали камни только против отдельных случайных врагов, а когда они шли в атаку, они пускали в ход другое оружие. Один отряд следовал за другим, они накидывали на врага сети, и белые машины с каждым их шагом становились все беспомощнее.

Рой заметил, как стоящее впереди красное двуногое шагнуло в их сторону. С его суставчатых рук свисала красная сеть.

— Пора нам уходить,— сказал он.

Рил повернул рычажок, и они поторопились спрятаться в зеленой чаще леса.

Возле скал их ждало невиданное зрелище. Машина времени Дела, окончательно сконструированная внутри пещеры, была вытащена наружу и расположилась на земле. Остальные пятеро членов группы столпились вокруг, очевидно, обсуждая какие-то сложности. Один из ньюменов вскрикнул, когда они выступили из-за деревьев. Джим Холлис взмахнул пистолетом. Рой громко приветствовал

его, лицо Джима расплылось в улыбке. Когда приветствия, закончились, Рой спросил:

— Почему же вы вытащили сюда аппарат? Ведь в любую минуту здесь может появиться муравьиная машина или красный бродяга. Бросят сюда камень — и вся работа пойдет насмарку.

Дел объяснил. Необходимо каким-то образом перебазировать машину времени на вершину скалы. На расстоянии меньше чем миля отсюда есть удобная трещина, по которой всегда смогут подняться люди, но довольно трудно решить проблему — как поднять саму машину.

— Но зачем ее вообще поднимать? — не понимал Рой.

— А ты посмотри на скалы,— коротко ответил Дел.

— Ну и что такое?

— Они образованы из подъемом земной коры — и очень недавно. Если бы мы продолжали работать над машиной здесь, возможно, что это кончилось бы тем, что та часть скал обрушилась бы — предоставляю твоему воображению оценить результат.

— Рой сделался задумчивым:

— А я об этом и не подумал,— признался он.

— Да и никто другой не подумал — по крайней мере, мы рискнули. В прошлом было построено множество машин времени. Интересно, сколько сидящих в них людей, достигших этого года, оказались на дне новообразованного моря, или замурованы навечно в горах, или даже повисли высоко над уровнем земли. Это просто настоящее чудо, что мы, немногие, спаслись.

Рой с сомнением смотрел на клетку, в которой сосредоточились все их надежды. Выражение его лица прояснилось, повернувшись к Рилу, он сказал:

— А наша машина не могла бы ее поднять?

Рил как будто сомневался. Ведь машина времени должна была выдержать всю группу, поэтому она была гораздо массивнее и тяжелее их «бегунка».

— Можно попробовать,— ответил он, наконец, не совсем убежденно.

Закрыв свою муравьиную машину, он вытянул четыре щупальца и обвил их вокруг машины времени, затем осторожно

потянул за изменяющий уровень рычажок. Груз слегка накренился, но не приподнялся над землей, вместо того, белая машина качнулась вперед, ее задние ноги поднялись в воздух.

— Нос слишком тяжелый,— констатировал Джим Холлис.— Поглядим, не сможем ли мы ее выпрямить.

Сзади навалились он сам, Рой и два ньюмена, это помогло изменить равновесие. Машину времени оторвали от земли. Очень осторожно и не спеша Рил привел ноги муравьиной машины в движение, и машина вместе с грузом неустойчиво заковыляла вперед.

Медленно прошли они вдоль линии скал и еще медленнее стали взбираться к вершине. Снова и снова приходилось помогать заплетающимся ногам машины и нащупывать опору для скребущих металлических когтей. Тем не менее росло их восхищение способностями этой машины, по мере того как она, преодолевая препятствия, терпеливо и неуклонно лезла вверх. Все девятеро изгнанников бесконечно торжествовали, когда вершина оказалась близка, даже к обоим ньюменам вернулось хорошее настроение, на их физиономиях появились довольные ухмылки.

Рой с торжеством оглянулся назад на пройденный ими путь. Но то, что он увидел, заставило радостное выражение покинуть его лицо. Он громко закричал и показал вниз. Муравьиные машины бежали от деревьев, целым потоком спеша к расщелине.

Еще несколько ярдов — и они уже были на ровной земле, куда можно было бы поместить машину времени. Рой с Джимом соскочили и кинулись к краю пропасти, чтобы достойно встретить атаку. Передние машины уже наполовину вскарабкались по грубой трещине, и тут пущенный из лучеметов веер заставил их упасть назад, на своих товарищей. Джим Холлис скорчил недовольную гримасу:

— Сколько еще нам тут возиться? Они всего-навсего убийцы, хоть и муравьи.

Рой обернулся через плечо. Он увидел, что Дел уже залез в машину времени и целеустремленно перебирает рычажки.

— Теперь уже недолго. Только пока Дел все наладит,— ответил он.

Джессика тревожно вскрикнула. Она протягивала руку к краю скалы, откуда гигантскими шагами приближались пять красных бродяг. У Роя перехватило дыхание, он увидел их суставчатые руки, держащие готовые к употреблению металлические сети. Он услышал, что Рил зовет его, и увидел, что карлик манипулирует захваченной муравьиной машиной, чтобы повернуть ее лицом к новой опасности.

— Лучемет! — крикнул Рил, как только Рой подскочил к нему.— Подними его!

Недоумевая, Рой послушался. Рил обмотал лучемет щупальцем и наладил его так, что оно начало раскачиваться справа налево. Красная металлическая сеть уже летела к ним. Она упала всего за несколько ярдов от них. Рил нажимал тот рычаг, который заставлял машину шагать прямо к красным бродягам. Затем он выпрыгнул из нее. Рой поймал его на лету, и оба они со всех ног пустились к машине времени.

Входной люк захлопнулся за ними, и Рой сквозь решетчатые бока клетки бросил последний взгляд на этот фантастический мир. Впереди целая стая серебристых машин уже достигла вершины и балансировала на краю пропасти. Справа маршировала захваченная ими муравьиная машина, она автоматически стреляла по красным гигантам лучом. Рой увидел сеть, которая летела по воздуху прямо к ним. И тогда Дел нажал переключатель...

Рой и Джессика стояли в темноте. Рядом была машина времени. Из девятерых севших в нее она заключала теперь в себе всего двоих. Рил и Кэл вернулись в 10424 год, и с ними остались оба ньюмена. Джулиан обрел свой мир 3920 года, а они теперь оказались в 2200-м.

— Решил тут не оставаться? — спросил Рой Джима Холлиса.

— Решил. Я из двадцатого столетия, даже если для меня оно немного излишне цивилизовано. Послушай,— добавил он,— интересно, а что мне там скажут, когда я им всё расскажу?

— Не поверят тебе.

— Может, и не поверят, но я попробую.

Обменялись последними словами прощания. Дел захлопнул люк и повез своего последнего пассажира, прежде чем самому возвращаться в свое собственное будущее. На глазах у двоих свидетелей клетка сделалась расплывчатой, как в тумане, и тут же исчезла совсем. Небо прорезала зеленая вспышка.

— Это означает, что мы дома,— обрадовалась Джессика.— Это выпустили азиатскую ракету.

— Дома,— эхом откликнулся Рой.

— И мы никогда больше не покинем дом?

— Никогда больше!

Рой произнес эти слова вполне искренне. Но где-то в глубине души он ощущал какое-то беспокойство и знал, что это беспокойство будет усиливаться... Например, какая цивилизация предшествовала муравьиной? Что за существа управляли красными бродягами? И, в конце концов, что же случилось с людьми?

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ МАЛЬЧИК

Глава первая
О МЫШАХ И ЛЮДЯХ

Стоял один из тех вечеров, ради которых и приезжаешь в озерный край. Легкий ветерок поднял едва заметную рябь на воде, и было достаточно тепло, чтобы наслаждаться пребыванием на террасе после захода солнца. Мир понемногу снизошел на долину и окончательно воцарился там после закрытия местного бара. На другом берегу на фоне догорающего заката еще ясно виднелся темный силуэт горы. То и дело по ее подножию проносились огоньки, и рокот моторов, долетавший к нам через озеро, казался не громче жужжания шмеля. Сиди себе, потягивай пиво, кури да болтай.

Мы повстречались случайно, как, должно быть, многие в любой вечер, в любой пивнушке в здешних краях.

Бизнесмен и его сын откуда-то из Ланкашира, два американца — студенты колледжа, лихо колесившие по Англии на велосипедах, купленных в течение часа по прибытии в Саутгемптон, высокий мужчина, говор которого отдавал центральными графствами, но ближе к северу Англии, его жена, Джоан и я сам.

Довольно долго мы болтали о том да о сем. Обсуждали местных жителей и окрестности. Мы подняли испанский вопрос и разрешили его, сделав вывод, что кое-какие социальные реформы жизненно необходимы по всему белому

свету, а это, в свою очередь, привело нас к размышлениям о будущем в целом и о будущем человека в частности. Один из американцев весьма красноречиво высказался на данную тему.

— В голове у большинства людей жуткая каша,— сказал он.— Они знают, что ничто по-настоящему не стабильно, все должно изменяться, но вместе с тем убеждены, что современный человек — венец творения Божьего. И опять же здесь новое противоречие. Ведь будь они убеждены в этом столь твердо, как им кажется, они бы постарались исправить всю нашу систему и сделать мир достойным себя как высшего достижения эволюции.

— В действительности же,— подхватил его приятель,— они только кое-как подновляют мир, ибо скорее инстинкт, чем разум подсказывает им бессмысленность создания совершенного социального устройства для нашей породы, коли уж какая-то другая порода людей может нас вытеснить.

— Что вы имеете в виду под другой породой людей? — спросил ланкаширец, покуривая трубку.— Какая такая другая порода?

— Ну, скажем, какой-нибудь человек со сверхмозгом,— предположил его сын.— Нечто вроде Хэмпденширского чуда, о котором писал Бересфорд, или «Загадочный Джон» Степлдона. Ты читал эти книги?

— Нет, не читал,— отрезал отец.— У меня есть дела поважней, чем глотать небылицы о всяких там чудесах и чудовищах.

— Это только форма изложения,— сказал сын.— Но предполагается, что следующим шагом будет мощное развитие мозга.

— О да. Парни с огромными головами и все такое. Не верю я в это.

— Это не единственная возможность,— вмешалась Джоан, сидевшая рядом со мной.— Я думаю, следующий шаг будет связан с психикой. Возможно, телепатия или какой-то род ясновидения, который можно использовать. Или, возможно, люди будущего смогут видеть вещи, которых не видим мы,— говорят, животные это умеют.

— Я воспринял бы это как регресс,— обратился к ней первый американец.— Я считаю, что человек обладал рядом способностей, которые и теперь до некоторой степени присущи животным, но у нас они атрофировались с развитием мозга. Нет, я полагаю, мозг будет развиваться в прежнем направлении. Хотя, возможно, вы были близки к истине, и новые люди смогут видеть то, что недоступно нам. Глаза все еще совершенствуются. Возможно, они научатся воспринимать инфракрасные или ультрафиолетовые лучи. Или какие-то излучения, о которых мы ничего не знаем. Но я думаю, человеческая способность рассуждать постепенно разовьется настолько, что мы просто не сможем понять их размышлений, забот или достижений.

— Почему постепенно? — спросил его приятель.— Кажется, за последние пять тысяч лет не наблюдалось больших перемен. Почему не скачком? Именно так всегда происходят мутации.

— Возможно, но как ты думаешь, сохранится ли внезапная мутация среди таких тупоголовых, как мы? Вероятно, мы безжалостно смели бы с дороги такого умника или заперли бы в больницу, не позволив иметь потомства. Могу себе вообразить, как упорно мы встанем на защиту человечества от любых мутаций.

— Ну и правильно,— сказал ланкаширец.— Кому охота плодить уродов или чудовищ? Или — как бишь их там? Я считаю, что устранить их было бы гуманно.

— Но они же не уроды, отец. Если они — следующий шаг эволюции, то они-то как раз и нормальны.

— Если у них будут огромные головы и они будут думать не так, как другие, значит они — ненормальные. Урод с большой головой — это все равно, что бородатая женщина. Я видел таких в Блэкпуле. Человек не должен сильно отличаться от других. Иначе он выродок. Это очевидно.

Высокий человек из Центральных графств негромко сказал, обращаясь к американцам:

— Думаю, насчет скачка вы правы, но какой скачок — это еще вопрос. Не следует ожидать слишком внезапных и мгновенных физических изменений. Мы, подобно диким зверям, не выносим отклонения от наших норм. И мы,

конечно же, постараемся подавить их, исходя из соображений гуманности или любых других. Нет, мы должны достичь новой стадии, предприняв серию маленьких и не особенно заметных скачков, безопасных для нас.

— Но небольшие скачки означают, что скакать придется довольно часто, или у нас не хватило бы времени прийти от амебы к тому, что мы есть,— заметил один из американцев.— Ну, а если бы за последние пять тысяч лет имел место хоть самый крошечный скачок, так я бы о нем слыхал. А пять тысяч лет — немалый срок для передышки. Возможно, мы дошли до конца.

— Или,— заговорил высокий человек,— возможно, они просто скрываются, опасаясь, что мы превратим их в лабораторных мышей.

Его тон вызвал у слушателей ощущение, что он не просто брякнул что-то наобум.

— И как вы думаете, что это может быть за способность? — спросил американец.

— Возможно... Да, обратите внимание, я не утверждаю, что это факт. Единственное, что я собираюсь сказать,— это то, что я видел отклонение от нормы, которое не объяснишь ни одним из гормональных расстройств, обычно вызывающих уродства. Случай, насколько я знаю, уникальный. Но, конечно же, могут быть и другие. И я не вижу причин, почему бы им не сохраниться и не привести к образованию нового вида человека.

— А какого? — полюбопытствовал американец.

— С добавочной системой ощущений. С шестым чувством.

Наступила пауза, кажется слушатели были слегка разочарованы.

— Ну, не думаю, что это серьезно,— сказал ланкаширец.— То есть знать вещи, которых тебе никто не говорил и о которых ты не читал. Это называется — как бишь его — интуиция. Ну да, именно. Она была у одной юной леди, которую я когда-то знал. Леди занялась предсказаниями судьбы. И выходило весьма неплохо.

— Я имею в виду совсем не это,— сказал высокий мужчина немного резко.— Я говорю не о шарлатанах. Я имею

в виду реальное чувство и добавочные органы восприятия, столь же реальные, как глаза, уши, нос и язык.

— А я не вижу, чтобы кому-то требовалось больше пяти чувств. Их вполне достаточно, не так ли?

Остальные не обратили на него внимания.

— Органы восприятия чего? — с любопытством спросил американец постарше.

Высокий ответил не сразу. Он поднял сигарету и с минуту рассматривал тлеющий кончик.

— Хорошо,— сказал он.— Я расскажу. Но предупреждаю: все имена и названия я изменю. Если и существует какая-то возможность разобраться в этой истории, я хочу это сделать сам.

Глава вторая

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ С ТЭДОМ ФИЛЛЕРОМ

Рассказчик снова сделал паузу, словно раздумывая, с чего начать.

— Это довольно загадочная история, и чтобы объяснить вам, откуда я все это узнал, должен открыть, что я — практикующий врач. Как правило, я об этом помалкиваю, когда уезжаю из дому. Если люди что-то такое о вас знают, это меняет их отношение к вам, и они от вас отстраняются почти как от священника. Так или иначе, но это моя профессия, и двадцать лет, пока каких-нибудь два года назад я не переехал к югу, я практиковал в Ирквелле, графство Дербишир. Это — типичное для тех краев поселение, нечто вроде полупромышленной деревни. Большинство мужчин работает в каменоломнях или на фабриках. Кое-кто добывает свинец в шахтах. Женщины тоже работают на фабриках, пока не выходят замуж и не нарожают куда больше детей, чем хотели бы. Частично поселок застроен коттеджами из местного камня, но большей частью — рядами убогих деревянных хибарок, возведенных в прошлом веке, когда открылись фабрики. В целом это нечто вроде полудеревни полутрущобы. Не то место, где бы вы могли рассчитывать на встречу с чем-то новым, и все же у меня нет сомнений, что юный Тэд Филлер был чем-то большим чем обыкновенный уродец.

Его мать Ада рассматривала его появление на свет скорее как волю Божью, нежели как награду, пока не обнаружила, что родила мальчика. Это было открытие, в результате которого их семейная жизнь стала куда интереснее. Три ее предыдущих творения были девочками. И это, равно как и смерть двух младших в младенчестве, способствовало выработке у нее фаталистического отношения к жизни. Но с рождением Тэда она, кажется, почувствовала в себе новые силы, и он начал свое существование под завидной защитой ее привязанности к нему и опыта матери, родившей уже четвертого. Нет, необходимости особого ухода за ним не было. Он был здоровым, хорошо развитым ребенком, крики которого сразу утихали, едва мать давала ему грудь или меняла пеленки. Я не обнаружил у него ни малейшего признака каких-либо отклонений и не думаю, что их заметил бы кто-то другой. Я мог вполне честно уверить отца и мать, что у них прекрасный сын. А это нечасто случалось в моей ирквеллской практике.

Однако, снова заглянув к миссис Филлер, я обнаружил, что радости у нее малость поубавилось.

— Он стал каким-то беспокойным,— пожаловалась Ада.— Конечно, он славный мальчик, мы им во как гордимся,— добавила она, как любой, кто боится показаться неблагодарным.— Но он какой-то не такой как другие. До чего трудно его спать уложить — вы просто не поверите. А иногда уложишь его, укачаешь, а он как проснется и как посмотрит на тебя, словно за жизнь свою перепугался,— и давай выть. И все воет, все воет. Здорово он нас с отцом напугал в первый раз. Мы думали, этому конца не будет. Ну, он так и не умолк, пока не умаялся. И пока мы не умаялись. Посмотрели бы вы его, доктор, ладно? Что-то с ним не в порядке, честное слово.

Я тщательно обследовал ребенка. Насколько я знал Аду Филлер, она была не из тех, кто поднимает тревогу по пустякам, хотя, конечно, никогда нельзя знать заранее. Ребенок лежал в своей колыбельке, голубые глаза широко раскрыты, но лежал-то он совершенно тихо и мирно. Казалось, нет в нем никаких отклонений от нормы. Так я и сказал.

— Ну, я рада, коли так,— сказала его матушка.— И все же... Ну, не знаю... Лежит он себе вот так тихонечко часами, и уже думаешь: все, спит. А затем вдруг ни с того ни с сего как начнет вопить да орать. Ну ничегошеньки нельзя сделать, чтобы успокоился.

Что же, и здесь не о чем было серьезно тревожиться. Некоторые дети именно таковы: они только взглянут на этот мир и сразу же его возненавидят. Думаю, нельзя их слишком осуждать, особенно в такой дыре как Ирквелл. В конце концов они научатся с ним ладить, как и все мы. Однако у юного Тэда Филлера это обучение, кажется, слишком затянулось. Сколько я к ним ни заглядывал в последующие недели — все та же картина. Раз или два я слышал его вытье. И было оно весьма примечательным. Меня не удивляло, что родители выглядят измученными, а вся улица проявляет к ним недовольство.

— Недосыпает он у нас, и здорово недосыпает,— уверял меня его отец.— И это неестественно. И несправедливо. Мне ведь работать надо.

Я только мог клясться своей репутацией, что с ребенком ничего дурного не случилось, и скоро все это пройдет.

Два месяца спустя стряслось нечто такое, что уже тогда могло бы дать мне ключ ко всей истории, если бы только у меня хватило ума догадаться, что это — ключ. Кажется, я заглянул в домик Филлеров по поводу какого-то недомогания их дочери Дорин и, естественно, спросил и о малыше.

— О, я поняла, что с ним делать,— сказала мать.

И показала мне сына. Наследник Филлеров мирно спал с выражением блаженного довольства на личике. Постель его была устроена в обыкновенной гальванической железной ванночке с двумя ручками по краям. Он мог бы сойти за итальянского херувимчика или рекламу детского питания.

— Теперь он у нас почти все время спит. Вроде как упущенное наверстывает,— сказала она.

— Как вы этого добились?

Она объяснила, что это произошло случайно неделю-другую назад. Она гладила, когда Тэд закатил один из

своих концертов. Она понесла его к себе на кухню, но едва она спустилась с ребенком по лестнице, явился страховой агент.

Требовалось куда-то положить ребенка, чтобы достать деньги и заплатить, а ближайшим подходящим местом в тот миг оказалась стопка чистого белья в одной из жестяных ванночек. Когда она вернулась на кухню, ребенок не только прекратил реветь, но и крепко спал. И она оставила его там. Когда он в следующий раз завопил, она проделала то же самое — и с тем же результатом. Кажется, это всякий раз действовало.

— Ну вот так и повелось, что я его здесь укладываю,— добавила она.— Вроде бы — чудно, но ему нравится. Да он прямо золотко, когда здесь. А ни в каком другом месте спать ни за что не станет...

Тогда я не обратил на это особого внимания. Предпочтение жестяной ванночки колыбелькам и кроваткам показалось мне просто одной из тех младенческих прихотей, которые мудрые взрослые принимают и благодарно используют. Я изредка заглядывал к Филлерам и время от времени видел юного Тэда. Я им не больно-то интересовался, ведь он был достаточно здоровым ребенком. Я обнаружил, что он по прежнему предпочитает спать исключительно в жестяной ванночке, ну а, кроме этого, ничем не примечателен. И все же позднее, когда я стал это обдумывать, то вспомнил еще одно происшествие, которое могло бы дать мне намек.

В тот раз малыш лежал в ветхой колясочке на улице около задней двери. Он явно не заметил меня. Глаза его, широко раскрытые, смотрели куда-то далеко, но он не был абсолютно молчалив, мне показалось, он мурлычет какую-то мелодию. Я склонился над ним — и могу поклясться, уловил тему из симфонии Нового Мира. Вы и сами помните, как там...

Доктор прервал рассказ и пропел несколько тактов.

— Именно это я и услышал. А напевал это годовалый младенец. Из любопытства я спросил миссис Филлер, не слышала ли она чего-то такого по радио, и узнал, что семейные вкусы распределяются почти исключительно меж-

ду спортивными новостями и мелодиями из кинофильмов. Помню, я подумал, что если ребенок услышал это в каком-то переложении, у него удивительная музыкальная память, но это опять же трудно назвать заболеванием, а потому, вероятно, я быстро забыл об этом случае.

В последующие два-три года я видел ребенка несколько раз, но признаюсь, не помню, когда и как. Он был слишком здоровым, чтобы меня заинтересовать, но теперь-то я жалею, что не наблюдал за ним как следует. Но однажды, когда мальчику перевалило за четыре, случилось так, что Джим Филлер пришел ко мне как-то вечером в понедельник и выдал нечто столь интересное о ребенке, что с тех пор любопытство мое не ослабевало. Джим счищал и стряхивал с себя каменную пыль. Кажется, он находился в растерянности.

— Неохота мне у вас время отнимать, доктор,— выговорил он,— но я бы вам спасибо сказал, если бы вы зашли как-нибудь и посмотрели нашего Тэда, когда дома я и хозяйка.

— А что с ним неладно? — спросил я.

Джим помял в руках шапку.

— Да я уж и сам не знаю, что, собственно, ладно, а что неладно,— сказал он.— Это... Ну, немного странно. Говорит он как-то не так. Мы с хозяйкой вообще-то здорово беспокоимся. Она не знает, что я сюда пошел. Так если бы вы, вроде как — случайно, знаете ли, к нам завернули...

— Но что же с ним неладно? — снова спросил я.— Вы думаете, он отстает в развитии или что-то вроде того?

— Нет. В этом смысле он — парень что надо. Нет, ничего такого. Признаться честно, он — парень, можно сказать, даже слишком башковитый — и это забавно. Он часто говорит совсем не как маленький, и я слыхал от него словечки, которые он ну никак не мог подхватить от нас с хозяйкой. И когда ему что скажешь — тоже ведь понимает куда лучше, чем любой другой пацан.

Я задал еще несколько вопросов, но Джим, кажется, по каким-то своим причинам стал сдержаннее. Будь это кто-то другой, я бы взял с ним резкий тон, но я знал Джима. Типичное воплощение упорного здравого смысла. В конце

концов, я избавился от него, пообещав заглянуть на следующий вечер, хотя и не ожидал, что обнаружу какую-то странность.

Глава третья
МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ВИДИТ ЗВУКИ

Очевидно, Джим Филлер переменил свои намерения и рассказал жене о нашем разговоре, потому что она, похоже, не удивилась, увидев меня. По такому случаю меня повели было в парадную комнату — занятное помещение, где все выглядело, как на сцене. Но я остановил Аду Филлер, когда она протянула спичку к камину, и предложил всем пройти на кухню. Там мы все почувствовали себя естественнее, не столь официально, да и кухонная плита наверняка топилась с самого утра. И все-таки начать было нелегко. Никто из нас не желал напрямик заговорить о проблеме. Пришлось обменяться множеством ничего не значащих фраз, прежде чем Джим по своему обыкновению не высказал все напрямик.

— Я знаю, это похоже на бред, доктор, но это правда. Мы с моей хозяйкой поклясться готовы. Так вы меня выслушаете, а?

— Продолжайте. Рассказывайте все как есть. Вопросы я задам потом,— уверил его я.

— Ну, значит, так. В субботу мы все сидели здесь за чаем и ждали, когда по радио будут новости. Я, видите ли, хотел проверить номера...— начал он.

Слово за слово Джим поведал мне действительно странную историю.

Миссис Филлер накрывала на стол, а тем временем муж и дети ждали, когда заварится чай. У Джима были наготове записи номеров, на которые он поставил, и карандаш, чтобы все отметить. В шесть часов он включил Дройтвич. Это означало, что им придется выслушать прогноз погоды и тьму болтовни о политике, прежде чем начнется самое главное, но никогда нельзя быть уверенным, сколько времени пройдет до спортивного бюллетеня, а пропустить его

Джим не хотел ни в коем случае. Ну, он все включил, как положено, и огонек загорелся, но не раздалось ни звука. Некоторое время он щелкал выключателем и так и эдак, затем осмотрел наружные провода. Все в порядке.

— Э-эх. Эта дрянь почему-то неисправна. Вот так-так,— удивился он.

Перевернул приемник и снял заднюю крышку. На вид — все как надо, по крайней мере — никаких серьезных неисправностей. Джим почесал голову. Не так-то и легко найти неполадку в этих современных приемниках, совсем не то, что в добрые старые дни.

И вот тогда-то юный Тэд проявил интерес к ситуации.

— Что с ним случилось, папа? — спросил он, подойдя ближе.

— А я откуда знаю? — с раздражением ответил Джим.

Вот тут-то и произошла странная вещь. Джим сказал, что Тэд поглядел на него «вроде как удивился, что ли», затем всунулся между ним и приемником. Как сказал Джим, мальчик не заглядывал внутрь, а приложил к приемнику голову, как если бы собирался его боднуть. Затем снова поднял голову и посмотрел на отца.

— Это там внутри. Оно вон там останавливается,— сказал мальчик и указал на черную коробочку внутри приемника.

— Это был трансформатор,— сказал Джим.— И ведь пацан оказался прав. Парень, который вчера смотрел приемник, сказал, что в нем одна из обмоток тю-тю.

Позднее Джим вспомнил еще один забавный случай.

За несколько дней до того он взял сына с собой на воскресную прогулку. Они шли по дороге на Дерби, где параллельно шоссе бегут электропровода, когда юный Тэд вдруг безо всяких причин посмотрел на столб и сказал:

— Вот и все.

Джим не мог понять, о чем таком он говорит, да и, вероятно, не шибко этим интересовался, но вспомнил, что по дороге обратно юный Тэд также ни с того ни с сего сказал:

— А вот теперь опять началось.

И не раньше, чем они вернулись домой, Джим узнал, что где-то на линии случился обрыв, из-за которого с полчаса или около того не было тока.

Но об этом он только потом вспомнил. А в тот момент его заботила главным образом перспектива пропустить футбольные новости.

— Придется теперь переться покупать «Футбольное обозрение», когда придут эти чертовы газеты,— проворчал он.

Юный Тэд не ответил ему сразу же. Некоторое время мальчик сидел молча и выглядел, скорее, недоумевающим, чем растроенным ситуацией. И вот он спросил:

— А зачем, папа?

— Как это зачем? — спросил Джим, думая все о том же.

— Ну зачем тебе покупать газету?

— А затем,— терпеливо объяснил ему Джим,— что мы не можем послушать это дурацкое радио, вот зачем.

В течение некоторой паузы юный Тэд переваривал информацию.

— Ты хочешь сказать, тебе не слышно, что оно там говорит? — спросил мальчик.

— Да, это я и хочу сказать. А как ты думаешь, разве кто-то из нас что-то услышит, пока радио не действует? Заткнись и пей чай.

Настала новая пауза.

— А я слышу,— задумчиво сказал юный Тэд.

— Что ты слышишь?

— Слышу, как он там говорит.

Джим перевел взгляд на сына. Несколько секунд он сурово смотрел на него, не произнося ни слова. Он не хотел отчитывать парнишку за вранье, если это всего-навсего какая-то детская фантазия.

— Ну так скажи нам, что говорит этот тип,— предложил он. И юный Тэд ответил:

— Брендфорд — один. Стоун-сити — ноль. Дерби — ноль. Бирмингем — один. Эвертон — два.

— И все было правильно,— продолжал Джим, подавшись вперед.— Я знал, что все правильно. Я проверял по своему списку, когда он говорил, ну а затем вышел и купил газету, чтобы знать наверняка. Черт возьми, да ведь он ни разу не ошибся.

Когда Джим замолчал, заговорила Ада Филлер.

— Я отродясь ни о чем таком не слыхала. Как-то это все неестественно. Вы думаете, это не опасно, доктор?

Я взглянул на них, чувствуя себя здорово ошеломленным. Не было сомнений, что они говорили правду. Джим выглядел чертовски серьезным и несколько обеспокоенным. Ада еще более встревожена. Это была та самая материнская тревога, когда женщина почему-то надеется, что ребенок ее будет необыкновенным — и в то же время абсолютно нормальным, выдающимся — и в то же время ничем не выделяющимся.

Я не смог ответить. Мысленно я искал разумное объяснение, но ничего придумать не смог. И тут я вспомнил о загадочном мурлыканье ребенка, когда он лежал в колясочке более трех лет назад. Любопытство вынудило меня спросить:

— Тэд любит музыку?

— Ну, он у нас ни на чем не играет,— сказала миссис Филлер.— Он еще маленький, так ведь? Но он часто напевает — всякие такие мотивчики, которых я никогда не слышала.

Джим посмотрел на меня.

— Вы этому не верите, доктор? То есть, тому, что он на самом деле слышал радио, которое не работало?

— Ну, видите ли, Джим, это надо немного переварить. А вы бы поверили, окажись вы на моем месте? Должно быть какое-то объяснение.

— Так-то оно так, есть объяснение. Но оно окажется каким-нибудь странным, ведь это вовсе не фокус. Я приведу парнишку сюда, и вы его посмотрите.

Он вышел из комнаты. Мы услышали стук его шагов вверх по лестнице, затем — снова вниз. Он вошел, неся на руках малыша Тэда, и усадил его на стул. Мальчик сидел, сонный и, возможно, чуточку бледный, хотя вообще-то весьма неплохо выглядел.

— Ну, Тэд, малыш, скажи доктору, что сейчас по Национальной программе?

— А что, не работает? — Тэд уставился на радиоприемник на столе.

— Нет, все в порядке, но ты просто скажи, что там по Национальной?

Юный Тэд, похоже, поразмыслив, сказал:

— Музыка. Громкая музыка.

— И какая же? — снова спросил отец. Тэд принялся напевать марш, вполне узнаваемый. Кажется, один из маршей Сузы.

— Так, малыш. Ну а теперь пой дальше,— сказал Джим и включил радио.

Никто ничего не говорил, пока приемник нагревался, единственное, что слышалось — это голосок Тэда, напевавшего марш — и довольно воинственно. Джим наклонился и усилил громкость. Из репродуктора зазвучал марш — в точности та же мелодия, и она сразу же попала в такт с пением Тэда.

Я не знал, что и сказать. Я просто сидел, уставившись на ребенка. Джим опять убавил громкость до нуля и переключил программу.

— А что по местной — спросил он сына.

— А там хлопают,— сказал Тэд после недолгой паузы.— А теперь два дядьки говорят.

— И что говорят?

— Добрый вечер, ребята,— сказал юный Тэд, нарочито растягивая слова.

Джим щелкнул рукояткой, и комнату заполнили блещущие убогим остроумием речи двух комиков.

— Что еще? — опять спросил Джим, убрав звук.

— Много всего. Вон там какой-то дядька громко кричит.— Тэд указал в угол комнаты. Затем изобразил какую-то абракадабру, звучавшую, клянусь, словно пародия на немецкую речь.

— Поймай-ка Берлин,— подсказал я Джиму.

— Ага, точно,— сказал юный Тэд между обрушившимися на нас страстными риторическими пассажами.

Джим выждал несколько моментов, затем выключил радио.

— Ну, в общем, так, доктор,— сказал он.

Видимо, Джим полагал, будто я с этим что-то сделаю.

Я взглянул на мальчика. Он не обращал на нас внимания. На лице его было отрешенное, но ни в коем случае не рассеянное выражение — он выглядел чем-то занятым. Как сказал его отец:

— Неудивительно, что он иногда вроде как спящим кажется, если у него в голове все время эдакое творится.

— Тэд,— спросил я.— И ты это все время слышишь?

Он отвлекся от своих переживаний и взглянул на меня.

— Угу,— сказал он.— Когда оно бывает.

И вот тогда мне впервые пришло в голову, что я все время думал о нем, как если бы он был вдвое старше своих лет, а то и больше.

— Это тебя беспокоит?

— Нет,— ответил он с некоторой неуверенностью,— разве что ночью. И когда это так громко, что приходится на него смотреть.

Он всегда использовал это странное сочетание слов. «Тихо» и «громко» он всегда связывал со «смотреть».

— Всю ночь? — спросил я его.

— Ага. По ночам бывает громко.

— Он всякий раз ночью жестянкой голову накрывает,— вмешалась его матушка.— Я ее пыталась снимать — как-то это неестественно. Но вот он ее все надевает и надевает, и от этого ему спокойней делается. Конечно, я не знала насчет всего этого. Он просто говорил, что ему мешают шум и музыка. А я-то думала: сочиняет.

Я вспомнил, как он в младенчестве спал в ванночке.

— И жестянка помогает? — спросил я его.

— Немножко,— ответил юный Тэд.

— А может, мы сумеем вместе прекратить это однажды ночью,— осторожно сказал я.— Ты бы согласился?

— Угу.

— Ладно, подойди, и давай-ка я тебя посмотрю.

Как я вам говорил, в наружности его не было ничего необычного — самый что ни на есть обыкновенный маленький мальчик. Думая о случае с жестянкой, я вспомнил, как Джим описывал мне Тэда, нагнувшегося к приемнику. Я положил ему руки на голову и принялся ощупывать череп. Прошло некоторое время, прежде чем я наткнулся на что-то определенно необычное.

На каждой стороне черепного свода, где-то дюймах в двух над висками я отыскал два круглых мягких пятнышка размером с полпенса. Волосы над ними росли так же

густо, как и на всей остальной голове, но определенно — внизу не было кости, и расположены были эти кружки абсолютно симметрично. Ребенок непроизвольно содрогнулся, когда мои пальцы дотронулись до них.

— Здесь больно? — спросил я его.

— Нет,— неуверенно ответил он.

Я велел ему закрыть глаза, а затем коснулся век кончиками пальцев. Тэд отреагировал так же — вздрогнул. Я ощутил, что во мне нарастает странное волнение. Никогда я не слышал ни о чем подобном. Это было уникально. Я раздвинул волосы над мягкими пятнышками и внимательно осмотрел их. Кожа была нетронута, как и везде, я ничего не увидел. Я снова провел по пятнышкам пальцами. Ребенку это не понравилось. Он увернулся и вырвался от меня.

Я осознавал, что его родители глядят на меня с надеждой, но я не сводил глаз с юного Тэда. Я попытался обуздать собственное волнение. Думаю, астроном, который нашел новую планету, или исследователь, который открыл новый континент, должны чувствовать нечто подобное тому, что испытал я. Неспособность поверить в свою удачу, стремление усмирить воображение разумом, желание придерживаться только фактов. Я решил, что ребенку не стоит пока знать о своей исключительности, кроме того, мне хотелось успокоить родителей. Мотивы мои были сложны. В сущности я так никогда и не смог в них по-настоящему честно разобраться. Было здесь и желание профессионала не устраивать сенсаций, и, несомненно, ревнивая жажда хранить секрет до поры, пока я не узнаю побольше, и, вероятно, многое другое.

Мать снова увела ребенка наверх, и я подождал, пока она вернется. А затем вполне осознанно сказал правду.

— Это необыкновенно, воистину необыкновенно,— объяснял я.— Но здесь, конечно же, нечего бояться. Это — добавочная чувствительность, природу которой, признаюсь, в настоящий момент я не вполне понимаю. Но мы, несомненно, узнаем об этом больше, беседуя с ним и наблюдая его, так как теперь мы знаем, чего искать. Я бы хотел, чтобы вы очень внимательно следили за всем, что он делает или говорит, и что связано с электричеством, и сообщали

бы мне об этом настолько подробно, насколько можно. Мальчик вполне здоров, но если хотите, я его завтра тщательно обследую. Меня беспокоит одно — то, что он недосыпает или, возможно, некрепко спит. Думаю, мы преодолеем эту проблему, обеспечив ему лучшую защиту, чем жестянка. Что до остального — до того, что он развит лучше, чем дети его возраста, здесь нет причин для беспокойства. Сейчас еще рано спешить с выводами, но похоже, если он все время слышит музыку и речь, постоянная стимуляция заставляет его мозг развиваться неестественно быстро. Он почти не смеется, не так ли?

— Нет, он у нас серьезный.

— Вероятно, его мозг здорово устал. Видите ли, от этого шума он не отдыхает ни ночью, ни днем. Мы отыщем способ поправить дело. Это может оказаться не так уж и сложно. Я зайду завтра, как обещал, и, возможно, сумею рассказать вам больше.

Я оставил их в растерянности, хотя до некоторой степени и уменьшил их страхи. Но сам я возвратился домой, и мысли мои неустанно вертелись вокруг удивительнейшего открытия. У мальчика было шестое чувство — нечто такое, о чем я не слышал, не читал и не мечтал. С этого момента у меня и тени сомнения не осталось, что юный Тэд (и слово это возникло, казалось, само собой) — электросенс.

Глава четвертая
СТРАННЫЙ НОВЫЙ МИР

Рассказчик умолк. Лицо его вдруг стало различимо во тьме, когда он закурил новую сигарету.

— Наверное, трудно для человека, не занимающегося медициной, оценить, как много это для меня значило,— продолжал он.— Тут имелось столько всего. Чисто профессиональный интерес, удивительный факт сам по себе и то, что больше никто не имеет возможности его изучить. Эволюционный аспект и вопрос о том, а возможно ли стабилизировать подобные вещи — и последствия такой ста-

билизации. И работа, которую надо проделать, чтобы определить границы и природу явления. Не сомневаюсь, кое-кто сказал бы, что мне следовало в интересах науки объявить о своем открытии. Когда-нибудь я это сделаю, но вы можете себе представить то раздувание сенсации, те страсти, которые захлестнули бы нас и сделали бы спокойное и нормальное наблюдение невозможным. Вообразите, что случилось бы, дорвись до этого газеты. Это было бы куда хуже, чем то дурацкое дело Куинза. Я думал и все еще думаю, что лучшим способом разобраться в ситуации с юным Тэдом было бы изучить его в естественной обстановке, не окружая тройным кольцом корреспондентов и зевак, так что я решил для себя замять всю эту историю и держать ее, насколько возможно, в секрете. Это было не так сложно, как вы могли бы подумать. Ада Филлер жаждала со мной сотрудничать. Здесь здорово помогал ее страх, как бы люди не подумали, что с ребенком «что-то ненормально». Джим тоже испытывал неловкость. Потеряй он работу — другое дело. Но у него был приличный заработок и достаточно здравого смысла, чтобы понять: хотя здесь и пахнет деньгами, но если обо всем узнают, юный Тэд фактически выйдет из-под контроля родителей.

— Когда-нибудь это все равно случится,— таково было его мнение.— Но чем поздней, тем лучше и для меня, и для его мамочки, по правде сказать.

Больше всего проблем было с самим юным Тэдом. Наиболее вероятный источник утечки информации — естественное желание ребенка покрасоваться перед другими детьми. К счастью, когда он позднее попытался это проделать, обстоятельства сложились так, что он никого и ни в чем не смог убедить, а лишь приобрел у своих друзей незавидную репутацию врунишки. Неудивительно. Почти все дети хвастаются и ожидают этого друг от друга. Иногда они даже друг другу верят, но чаще все-таки нет.

Первым делом я решил дать ему более эффективное средство защиты от электрических полей, чем то, которое он сам нашел. По его поведению было ясно, что его новые органы чувств всегда открыты, как уши, звукам. Я отрезал полоску медной фольги, сложил ее и обложил с одной сто-

роны бурой ватой, решив, что носить ее следовало наподобие широкой повязки. В процессе эксперимента я добавил еще и провод с зажимом на конце, так как мне показалось, что, экран будет лучше работать, если его заземлить. Я взял это приспособление с собой на следующий вечер и предложил ему примерить. Результат был в точности таким, на какой я надеялся. При заземлении радиоволны удалось почти полностью экранировать. Приспособление, можно сказать, заменило веки его «электрических глаз». Позднее я соорудил разновидность этого устройства для дневного использования. Повязка была спрятана под шапочкой, а провода скрыты под одеждой и присоединены к металлическим пластинам на башмаках. Здесь, как обнаружилось, до некоторой степени сказывался и эффект увлажнения. Если мальчик мог поставить ноги на влажную поверхность, эффект был почти полным. Особенно полезным стало это приспособление позднее, когда он пошел в школу. Я снабдил его справкой, подтверждающей, что из-за повышенной чувствительности черепа ему необходимо носить головной убор в помещении, но все-таки думаю, полностью отвлекаться от шума для него было затруднительно, если не вовсе невозможно.

Засев за изучение всей информации о переживаниях юного Тэда, я вскоре обнаружил, что занимаюсь весьма тяжкой работой. Вообразите, что вы родились слепым и пытаетесь понять, что такое зрение, или вы глухи, а вам рассказывают о звуках и о музыке — и вы более или менее представите себе, с чем я столкнулся. Добавьте сюда факт, что единственный ваш источник информации — ребенок с крайне развитой речью и сообразительностью, но с обычной детской рассеянностью, и что не существует слов, чтобы выразить его ощущения, за исключением терминов, используемых при описаниях других чувств. Соответственно, продвижение было крайне медленным.

Однако я все-таки начал формулировать некоторые безумные гипотезы насчет мира, который открывало ему его шестое чувство. Мне показалось, что его новые органы чувства каким-то образом связаны с центрами зрения и слуха. Не так, как запах и вкус, а скорее наподобие слуха и ося-

зания — ну вроде как мы способны одновременно слышать и осязать низкую ноту.

Например, Тэд старался не подходить слишком близко к столбам линий высокого напряжения. Иногда он жаловался, что они «слишком громкие», иногда — что «слишком яркие». Само его восприятие, казалось, имеет и ту, и другую природу. Здесь не существовало способа отключиться, и, понятно, новые органы чувств, подобно ушам, постоянно работали и, как глаза, имели способность к фокусировке.

Постепенно в моем мозгу возникла следующая картина. Представьте себе человека, стоящего на вершине холма. Вокруг него — а видит он во всех направлениях одновременно — яркий, почти сверкающий пейзаж. Он может сосредоточиться на любой детали этого пейзажа и отчетливо увидеть ее на общем фоне, если пожелает. Вообще не смотреть он не может, потому что глаза не закрываются. Порой я думал о человеке, окруженном всевозможными источниками шума. Звуковая волна непрерывно настигает его, но он может выделить и отдельные источники звука. Однако это убогая аналогия, ибо электросенсорные органы мальчика отличались куда большей способностью к различению, чем человеческие уши.

Боюсь, я могу только весьма приблизительно описать то, о чем и сам довольно-таки смутно догадывался, но надеюсь, вы все-таки уловили смысл. Здесь здорово мешает нехватка слов.

Так или иначе, какова бы ни была Тэдова система восприятия радиоволн, его сознание превращало их для него в музыку и речь, точно так же, как для нас — наша слуховая система. Но если подвести его поближе к радио, как для эксперимента проделывал я, он жаловался, что передача «слишком яркая».

— То есть слишком громкая? — уточнял я.

Нет, отвечал он. Он вовсе не об этом говорил. Для него она была «слишком яркой».

Я не хочу утомлять вас техническими деталями и подробным отчетом о своем исследовании. Это — для экспертов. Пока что у меня лежат тома заметок, которые я од-

нажды опубликую, и пусть тогда профессионалы чешут себе головы. На это у меня ушло куда больше терпения, чем на прочие свои занятия. Приходилось схватывать любой незначительный намек и быть готовым вернуться к этому позднее, когда мальчик подрастет. Ибо нет ничего хорошего в попытках вынудить его объяснить или описать что-либо, прежде чем он достаточно разовьется, чтобы понимать мои вопросы. Подобное обращение приводит — и, полагаю, вы об этом знаете по опыту — только к отчаянной обиде.

Очень часто требовалось устроить целый спектакль и проследить за результатами. Например, я открыл, что телеграфные провода для него были живыми, и электрические послания их, как он выражался, «освещали», но было неблагоразумно задавать вопрос, который тут же возник у меня: «А ты телефонные разговоры подслушивать можешь?»

Он, вероятно, и вовсе не замечал, может или нет. Умней было подвести его к телефонному кабелю и поинтересоваться, что он слышит. Результат оказался положительным. Тэд мог подслушивать с расстояния десяти футов от кабеля, хотя находил, что звук «слабый». Было и множество других открытий. Он сразу определял — «живой» электропровод или нет. Ток он, похоже, воспринимал как некое подобие воды. Тэд с удивительной точностью мог определить напряжение тока до пятисот вольт, если же оно было выше, находил его «слишком ярким».

У него имелась также высокая чувствительность к статическому электричеству — и такая, что в скверную погоду никто не мог его вынудить почистить зубы и причесать волосы. И, возможно, как побочный эффект у него развилась способность довольно точно предсказывать погоду.

Глава пятая
ГОЛОСА В ПУСТОТЕ

Когда юному Тэду минуло десять с половиной, Джим начал строить планы. Он захотел отдать его в лучшую радиомастерскую в Ирквелле, когда мальчик в четырнадцать лет оставит школу.

— Это как раз то, что надо,— говаривал он.— Пусть только проверят его разок — и порядок. Ну, он ведь с ходу может сказать, что там в приемнике забарахлило,— и тут же все поправить. В радиомастерской хорошие деньги можно иметь, если знаешь дело. Большинство-то из них, кажется, не петрит. А у паренька должно пойти. Возможно, через год-другой он и получше работенку найдет — в одном из этих больших заведений в Дерби.

Джим показался заметно разочарованным, когда я покачал головой.

— Что я не так сказал? — спросил он.

— Да не совсем это хорошо, Джим,— ответил я.— Что ему нужно — если это вообще достижимо — это настоящее образование. В радиомастерской он только время потеряет.

— Что-нибудь вроде колледжа? А мне кажется, это пустая трата времени. Кругом хоть пруд пруди ребят, которые забивают себе голову учебой, а потом сидят без работы. Если паренек годится для реальной работы — почему бы и нет?

— С Тэдом ничего такого не случится,— не уступал я.— Вы не понимаете, Джим, этот дар делает его личностью совершенно исключительной. Трудно сказать, к чему это может привести. Вы когда-нибудь замечали, как он рассматривает радиолампу? С каким презрением. Как-то я взял его в больницу, чтобы показать аппаратуру, и он окинул мою радиографическую технику и все прочие электроприборы тем же взглядом. Вы знаете, Джим, все наши самые совершенные электрические устройства кажутся Тэду весьма примитивными, и довольно скоро он начнет вносить в них усовершенствования. Признаюсь, Джим, в этом я уверен так, как ни в чем другом в жизни.

Он должен перевернуть нашу концепцию электричества и ее применение. Как только он этим займется, мы за несколько лет узнаем больше, чем узнали за полтора века с тех пор, как Вольт соорудил свою батарею. Я не могу предвидеть, да и никто не может, к каким переменам это приведет — и не только здесь, Джим, не только в Англии, но и во всем мире. Я знаю, это будет грандиозно. И мы с вами должны позаботиться, чтобы у него был наилучший старт из всех возможных.

Теперь я думаю, что совершил тактическую ошибку, представив Джиму дело таким образом. Следовало подхватить его собственные идеи насчет Тэда и постепенно довести их до более широких взглядов. Если на Джима нажимали, он просто переставал слушать. Вероятно, он счел эту идею безумной и отбросил. Предположение, что мальчик может стать фигурой местного значения, имело бы куда больший вес.

Джим покачал головой.

— Так ведь ясно же, что нет денежек, чтобы отправить нашего Тэда в колледж, доктор.

— Не так уж и трудно раздобыть их для такого мальчика, как он,— возразил я.

— Как, одолжить где-то с тем, чтобы вернуть, когда он устроится на работу? Да кто их ему ссудит? А если и так, он ведь может вообще не найти работы? Подобных случаев сколько угодно. Что тогда?

— А этого не бойтесь.

— Можно что угодно говорить, но нельзя же знать наверняка. Не нравится мне эта затея. Я всегда сам за себя платил и никому не был должен. Очень мило — одолжить для паренька деньги, а потом пусть ломает голову, как отдавать. У него на это годы могут уйти. И ему это стало бы помехой, а не помощью. Нет, уж я для него постараюсь, как могу, но чего не могу, того не сделаю. И это железно.

Это и впрямь оказалось железно. Никакие аргументы и доводы не достигали цели, а только укрепляли Джима в его взглядах на более достойный путь. Когда я наконец понял, что никогда не смогу его переубедить, то сказал себе, что в перспективе разница-то невелика — чуть больше усилий, чуть больше времени в начале пути, но позднее — все то же самое. И все же в глубине души я понимал, что это не вполне так.

Юный Тэд хорошо развивался. Он унаследовал отцовскую твердость, добрую долю местного трезвого взгляда на жизнь и достаточно дружелюбный нрав. Он был удовлетворен своим положением в школе — ведь он все еще был развит не по годам, хотя и не столь заметно, как прежде. У него достаточно хорошо складывались отношения с товарищами, и его часто видели бродящим по городку в ком-

пании сверстников или играющим с ними в ирквеллском парке. Можно было порадоваться, что на первый взгляд интересы Тэда кажутся самыми обыкновенными. В одиннадцать и в двенадцать лет, когда я боялся, что теперь он начнет пренебрегать моим обществом из-за переходного возраста, мне все же довольно часто удавалось видеть его — в основном, полагаю, из-за того, что ему нравилось разъезжать в моей машине И вот, когда ему почти стукнуло двенадцать, я уловил намек на нечто поразившее мое воображение.

Мы выехали кататься вечером. Моя машина пробежала порядочный кусок по пустошам, до ближайшего жилья было несколько миль. Мы достигли главной дороги, и нам удалось, наконец, одолеть крутой подъем по пути домой. Но в пяти милях от дома мотор заглох, и нам пришлось топать дальше на своих двоих. Стоял прекрасный летний вечер, почти такой же теплый, как всегда в эту пору в нашем холмистом краю. Мы прошагали где-то минут двадцать, когда Тэд снял шапку, а вместе с ней — и скрытый под подкладкой медный экран.

— Перестало,— сказал он.

Я, не спрашивая, понял, что он имел в виду. Средние и длинноволновые станции Би-би-си кончили работу, да и большинство мощных зарубежных передач прекратилось.

— Значит, за полночь перевалило,— сказал я.

— Угу.

Некоторое время мы плелись молча. Я знал, что Тэд сейчас созерцает свой странный электропейзаж и обнаруживает вещи, о которых я никогда не узнаю. И никогда еще я не был настолько — ну, ревнив, что ли,— к его силе, как в этот момент. Именно тогда я почувствовал, что отдал бы, что угодно, за один только взгляд сквозь его электрические глаза, один-единственный, хотя бы самый беглый, потому что тогда я бы научился это понимать.

Паренек был в хорошем настроении. В те дни он жаловался, что когда включаются крупные станции, они работают слишком громко, и у него случаются головокружения, если только он не защищен своим экраном, и еще он жаловался, что электрические разряды оглушают его, словно очень громкий звук, «только они ярче». Я знал, что это

так, я-то видел, как мальчик болезненно дергается, если где-то в отдалении разразится гроза. Я обнаружил вдруг, что без причин сержусь на него за то, что ему открыт новый мир, а он не способен им со мной поделиться.

И вот именно тогда он нарушил молчание и отвлек меня от нелепых мыслей. Он поднял руку и указал вверх.

— Что там такое, доктор?

Я взглянул в усеянное звездами иссиня-черное небо.

— Космос,— сказал я.— Пустота. Или почти пустота. А в ней плывут маленькие солнца, а вокруг них — планеты.

— Угу. Мистер Поли нам это в школе объяснял. Но он нам ничего не сказал о том, что там такое творится.

— Творится?

— Угу. Творится. Он сказал, что там — миры, и некоторые, может быть, вроде нашего, но ни словечка о существах, которые там живут и что они поделывают.

— Так он и не мог. Видишь ли, мы ничего не знаем наверняка. Некоторые считают, что там, где позволяют условия, могут развиваться какие-то формы жизни. Но остальные — большинство — думают, что это ерунда.

— Они чокнутые.

— Кто именно?

— Те, которые в это не верят.

Я взглянул на него. Голова его была запрокинута, и лицо смутно белело в звездном свете. Я с трудом заставил свой голос звучать как обычно, когда спросил:

— Почему? — И стал ждать ответа.

— Как это почему? Потому что если там нет парней, вроде нас, которые все это проделывают, так кто же это?

С мгновение я не осмеливался говорить. Горький опыт научил меня, что если я продемонстрирую свое нетерпение, он замкнется в себе. Юного Тэда нельзя было тащить за уши, а только осторожно направлять.

— А это не может быть Бог, а? — с надеждой предположил он.

Я сказал, что едва ли.

— И что же это? Голоса? — добавил я, как бы вежливо интересуясь.

— Нет. Это похоже... Похоже на цвета и ноты.

— Музыка?

— Нет. И вообще это не вроде чего-то такого обычного. Я бы узнал, если бы это оказалось что-то знакомое, даже если бы оно было так же далеко, как и эти штуки.

Как обычно, потребовалось некоторое время, чтобы понять его объяснения. Но наконец у меня создалось впечатление, что происходит все это где-то на пределе его экстрасенсорного восприятия. Как невозможно видеть звезды при дневном свете, так и он только тогда мог ощущать эти сигналы, когда мощные земные радиостанции не работали. Он говорил, что различает три тона. Какие такие три тона? Нечто, не являющееся ни звуком, ни цветом, и приходили эти сигналы в особой последовательности. Тэд настаивал, что она не может быть случайной, и все же они не повторялись в точности. Они были слабыми и отдаленными. Он знал и ничуть не сомневался, что они что-то означают, и все-таки не мог объяснить, что именно.

— Ну, словно какой-то тип не по-нашему болтает,— пытался описать он.— И знаешь, что это имеет смысл, но непонятно какой. Вроде этого, только иначе,— добавил он честно.

Я был сбит с толку. Одно время я думал, а не имеет ли Тэд в виду, что кто-то сигнализирует трехтоновым кодом типа точек и тире азбуки Морзе. Затем — что это система связи, которую не в состоянии осмыслить его разум, подобно тому, как мы не в состоянии осмыслить способы общения насекомых.

Но в одном я был уверен, когда шел домой. Здесь открывались возможности, которых я и не ожидал. Мало того, все мои прежние открытия, которые казались такими важными, стали восприниматься как пустяки. Контакт, а возможно, когда-нибудь — и постоянная связь с другими мирами!

Глава шестая

ДАР ВЕКОВ

Я обдумывал это весь следующий день. Я чувствовал, что теперь один неверный ход может иметь ужасные послед-

ствия. Но главным результатом было то, что мое прежнее убеждение становилось все тверже, и все отчетливей воспринималось как необходимость. Юный Тэд должен получить хорошее образование — лучшее, которое ему способны обеспечить. Проблема расшифровки этих сигналов, если это вообще возможно, явно окажется нелегкой. Если опять воспользоваться метафорой, он находился в положении человека, который слышит точки и тире, догадывается, что они несут информацию, но никогда не слыхал о Морзе и понятия не имеет, на каком это языке. Наверно, Тэду придется столкнуться и с проблемой посерьезнее: возможно, за сигналами стоит совершенно не похожий на наш, непостижимый тип разума. Подобные задачи, несомненно, потребуют всего незаурядного интеллекта и всеобъемлющих знаний. Здесь требовался ум, готовый к кропотливой научной работе, восприимчивый, трудолюбивый и целеустремленный.

Приняв окончательное решение, я заглянул на следующий вечер к Джиму Филлеру. Я намеревался снова уговаривать его дать Тэду образование, но не хотел приводить свой новый довод, разве что в крайнем случае. Ибо теперь позиции наши любопытным образом поменялись, по сравнению с тем, какими они были восемь лет назад. Тогда он боялся, что я ему не поверю, теперь же я здорово опасался, что не сумею убедить его в необходимости дать мальчику образование.

День выдался какой-то неясный, темные облака громоздились у горизонта, в воздухе пахло грозой. Когда я к ним пришел, Джим работал в саду, но воткнул вилы в землю, едва увидел меня, и проводил меня в дом.

Ему нетрудно было догадаться, зачем я пришел. К тому времени он привык, что я все твержу о необходимости университетского образования для Тэда, хотя мы далеко не продвинулись, но в тот раз начать разговор оказалось легче, чем обычно. В сущности он сам об этом заговорил.

— Я тут все думал насчет нашего парня. Может, ему и не вредно немножечко поучиться, уж не знаю, даже если в этом и нет особого проку.

— Хорошо,— ответил я, чувствуя, что малость застигнут врасплох этим поворотом на сто восемьдесят градусов.— Я как раз об этом и собирался спросить.

— Да, уж как водится,— сухо ответил он.

— Я в самом деле, очень рад,— продолжал я.— Уверен, вы не пожалеете об этом, и Тэд тоже. Итак, теперь нам следует решить, где достать денег.

Он покачал головой.

— Нет. Не надо. Я уже сказал, я для него в долги влезать не собираюсь — и не влезу.

— Но... Ну, это, знаете ли, будет чего-то стоить,— сказал я ему.

— Знаю. Я уже обо всем подумал.

Я подождал. Люди типа Джима ничего не говорят сразу.

— Он сам раздобудет деньги. Возможно, на это уйдет год-другой, но затем он сможет поступить в колледж и сам за себя платить.

— Как это?

Джим усмехнулся.

— А вот об этом вы и не подозреваете. Рекомендация мистера Поли. И весьма недурная.

Я знал, что рано или поздно что-то всплывет. Было просто удивительно, что я так долго занимался парнем один. И все же я почувствовал жгучую ярость.

— Поли? Он-то здесь причем? — спросил я, хотя к тому моменту прекрасно понимал причем. Было неизбежно, что кто-то рано или поздно раскроет тайну Тэда. И, скорее всего, этим «кто-то» станет его школьный учитель.

— А притом же, причем и вы. Он явился сюда и сказал, ну точь-в-точь, как вы, что нашему Тэду надо поступить в колледж. Ну, а я ему говорю все то же самое, что и вам. Ну, и, значит, говорю ему, что толку капать мне на мозги, вы вот мне, как можете, уже два года на мозги капаете, а я — ни с места. Ну, и он уходит. А назавтра — тут как тут. Я, говорит, подумал, а почему бы, говорит, не устроить Тэда в Мюзикл-холл, и пусть он там сделает немного денег?

— В Мюзик-холл?

— Ага. У него, говорит, есть дружок, который может устроить Тэду номер «Человек-радио». Тут можно зашибать пять фунтов в неделю, а то и больше.

Я подумал о планах, которые сам строил для мальчика: хорошая школа; затем — Кембридж, если удастся. И вот те на — Мюзик-холл!

— Джим,— серьезно заговорил я.— Этого нельзя делать. Он не может себе этого позволить, дружище, он слишком ценный парень. Он не может позволить себе тратить юные годы, когда он наиболее восприимчив, на Мюзик-холл. Для него это обернется гибелью. Как он сможет засесть за учебу после такого рода жизни? А он ведь должен учиться. Ему заниматься надо. И настолько упорно, насколько возможно. Обязательно.

Джим вынул изо рта трубку и посмотрел на меня в упор.

— А с чего вы взяли, что обязательно? Он — мое детище, так ведь? И я имею право сам решать, что для него хорошо, а что — нет, понятно?

— Но вы же не понимаете, Джим, это важно. Это ужасно важно. Вот-вот может произойти решающий поворот в истории, Джим,— и все благодаря Тэду. Это — вроде священного предназначения, и он должен постараться, как может, чтобы подготовиться к этому.

Я рассказал ему о своем новом открытии. Изложил ему свои соображения со всем присущим мне красноречием — с тем же успехом я мог бы ораторствовать перед голыми холмами. Я видел, пока говорил, как проступает на его лице знакомое дикое упрямство. Он не сможет, не захочет, не согласится, даже если поверит. Чрезвычайная важность новых перспектив, контакты с внеземной жизнью. Получение знаний из более древних и мудрых миров, достижение стадии, когда человек покончит с изоляцией на своей маленькой планете и даст о себе знать необозримой Вселенной. Значимость всего этого для науки, для каждого из нас — все впустую, все разбивалось о его убежденность, что «не дело это — влезать в долги ради будущего моего парня».

Из-за того, что я был здорово взволнован, и отчасти из-за надвигающейся грозы, духота которой действовала на нервы, я потерял всякие самообладание. Но потребовалось бы нечто большее, чем мои горячие слова и зловещие громовые раскаты, чтобы тронуть Джима. В тот миг он пока-

зался мне воплощением всей безмозглости, которая мешает человечеству двигаться вперед.

Он и не думал заводиться, он отказывался спорить, он всего-навсего сидел передо мной, неуязвимо-прямолинейный, отбивая все мои атаки голыми отрицаниями. Ни один из моих упреков не мог прошибить невозмутимой, тупой самоуверенности Джима. Он всего лишь терпеливо ждал, когда я закончу. И я закончил, потому что почувствовал: еще минута — и я врежу по его глупой физиономии.

— Я иду к Поли,— сказал я ему.— И, во имя Неба, пусть у него окажется достаточно мозгов понять, что этого нельзя допустить. О Боже, растратить Дар Веков на Мюзик-холл!

Я выбежал из домика, пересек улицу и приблизился к своей машине. Я собирался ехать к учителю немедленно. Возможно, он легко мне поверит, возможно, его понадобится убеждать, но и так и эдак я представить себе не мог, что он откажется понять: Тэд имеет право получить наилучшее образование из возможных. Мы могли бы достать на это деньги безвозмездно, хотя у меня и имелись сомнения, а примет ли их Джим сейчас. Но тем или иным способом мы обязаны были гарантировать Тэду, да и не только Тэду, но и всему миру этот шанс.

И тут раскат грома заставил меня задержаться, схватившись за дверную ручку. Я поднял голову, внезапно осознав, что небо покрыто зловещими черными тучами. Они казались фантастическими, отягощенными злом, в глубине их почти что полыхал зеленый свет. Вот потому-то я и не сорвался тогда к Поли. А потом уже и не надо было. Раскат грома заставил меня немедленно подумать о юном Тэде. Я ведь знал, как его беспокоят грозы. И знал также, что мальчика нет дома. Я поколебался. Покинув их дом, я едва ли мог вернуться и спросить, где он. И тогда я повернулся и заговорил с женщиной, которая стояла в дверях соседнего домика и с неудовольствием изучала небо.

— Юный Тэд Филлер? — переспросила она.— А он на канал пошел с нашей Рози. Ну и вымокнет же теперь эта парочка.

Я вспомнил Рози. Она была из тех детей, которых вспоминаешь сразу. Местные жители всегда подозревали, и не без причин, что она замешана в любых окрестных безобразиях.

Но даже и тогда я не вполне понимал, почему вдруг переменил решение и отправился искать Тэда, а к Поли не поехал. Но именно так я и поступил.

Канал в Ирквелл заканчивался, поэтому вела к нему только одна дорога. Несколько минут спустя я остановил машину у горбатого мостика — как раз тогда, когда упали первые крупные дождевые капли. Отсюда мне открывался вид на прибрежную тропу на полмили в каждую сторону. Тропа была пустынной, только вдали виднелись две маленькие фигурки. Все остальные благоразумно убежали, ища, где бы укрыться. Дети затеяли драку на шлаковой куче в ярде-другом от кромки воды, слишком занятые, чтобы обратить внимание на меня, надвигающуюся грозу или на что-то еще, не относящееся к их ссоре. Рози не была молчаливой драчуньей, ее протестующие крики долетали до меня даже на таком расстоянии. Пожалуй, удивляться здесь не приходилось, наверняка это болезненно, когда противник как следует вцепится тебе в волосы, даже если тебе и удастся разок-другой лягнуть его по голени. Я высунулся из машины и закричал, не сводя глаз с маленьких сорванцов.

— Тэд! — кричал я.— Прекрати драться и бегом сюда!

Он в изумлении обернулся. Его жертва воспользовалась шансом вырваться на свободу. С молниеносной быстротой девочка сорвала с него шапку, бросила ее в воду и, что-то насмешливо выкрикивая, припустила по тропе.

Тэд схватился руками за голову, точно при сильной боли.

— Беги сюда! — крикнул я, выйдя из машины. Он меня услышал, поскольку повернулся и побежал, все еще стискивая голову руками. Я спустился с мостика и пошел ему навстречу, затем я увидел, как он пошатнулся и остановился. В тот же миг прямо над нами возникла яркая вспышка, и гром ударил, словно перед концом света. Дождь хлынул, как если бы облака треснули и разорвались. Когда я доб-

рался до тропинки, юный Тэд лежал, раскинув руки, и уже промок насквозь...

Рассказчик сделал паузу.

— Вот и все,— сказал он.— Вот как глупо это кончилось.

Некоторое время мы в молчании глядели на темное озеро.

— Он умер? — наконец спросил один из американцев.

— Нет, не умер. Умерло то, что делало его отличным от других. Ужасный удар молнии навсегда покончил с его шестым чувством. И он в этом отношении ослеп, точно так же, как слепнет человек, лишившись глаз. Или оглох, как глохнет тот, у кого лопнули перепонки. Тэд быстро оклемался и стал обычным ирквеллским постреленком. Теперь он работает в каменоломне, как и его отец.

Возможно, однажды он выкинет какую-нибудь глупость, и я смогу взглянуть на его мозг, если его болваны родичи такое позволят. Но это — довольно слабое утешение, когда думаешь о возможностях, которые улетучились в один миг.

Несколько минут никто не произносил ни слова. Затем возникло движение во тьме — там, где сидел ланкаширец.

— М-да, удивительная история,— признался он.— Но, знаете ли, так он будет счастливее. Уроды счастливыми не бывают. Хотя был один, с которым я как-то поговорил в Блэкпуле. И он мне сказал, что счастлив...

НЕВИДИМЫЙ МОНСТР

Глава 1
«УРАГАН» ВОЗВРАЩАЕТСЯ

— Слушайте! — сказал Дирк.

— Смотрите! — воскликнул Дэвид.

— Чтоб меня черти взяли! — прошептал Тоби и остановил машину.

— Выходим, скорее! Он приближается! — закричал Дирк. Он открыл заднюю дверцу и вывалился наружу вместе с целым каскадом удочек, спиннингов, ведер и коробок с червяками. Пока он выбирался из-под груды вещей, остальные уже укрылись в канаве. Дирк одним прыжком оказался там же. Небо было наполнено гулом и ревом. С запада пикировал — казалось, прямо на них — огромный самолет. Солнце блестело на серебристых крыльях, из горящего двигателя вырывался хвост огня. Самолет падал с оглушающим ревом, напоминая комету. Приближаясь с каждой секундой, он казался все больше и больше. Приятелям показалось, что он врежется в землю прямо там, где они спрятались, но самолет просвистел в сотне футов у них над головой. Молодые люди зажали уши — волны рева терзали их, словно физические удары. Налетел сильнейший порыв ветра, едва не сорвавший с них одежду. Машина, стоявшая на дороге, покачнулась, струя пламени заставила людей вжаться в землю; их лица обжег раскаленный воздух. Но все они, как один, повернули головы вслед за падающим самолетом.

Тоби что-то сказал — остальные увидели, как он шевелит губами, но не услышали ни слова. Самолет стремительно терял высоту. Он коснулся верхушек деревьев на холме, и через мгновение раздался удар. Людей ослепила вспышка белого пламени, в уши ударил глухой звук взрыва. Затем все затихло...

Трое приятелей отняли руки от ушей и ошеломленно переглянулись.

— Боже мой, да это же авиакатастрофа! — прокричал Дэвид. Он чувствовал себя почти оглохшим. Дирк полез назад на дорогу.

— Что это за чертова штука? — громко спросил он.— Она не похожа на обычный самолет: во всяком случае, я таких не видел. Крылья у нее были слишком короткие, да и выглядела она как-то странно.

Он вопросительно взглянул на друзей. Дэвид пожал плечами.

— Черт ее знает,— ответил он.— Может, экспериментальная модель. Как раз проводились испытания, и вот, пожалуйста...

Тоби вылез из канавы и сел за руль автомобиля.

— Сгребай наш хлам обратно в машину, Дирк,— приказал он,— рыбалка отменяется. Я очень удивлюсь, если кто-нибудь выжил после такого крушения. Но наш долг — поехать и проверить.

Когда они добрались до места катастрофы, было уже около восьми часов. Дорога закончилась за добрую милю до самолета, и им пришлось идти через лес пешком.

Огромный самолет лежал на лесной прогалине. Позади него тянулся след искореженных и поломанных деревьев. Хвостовая часть отломилась и торчала вертикально; передняя часть представляла собой бесформенную груду обломков. Середина была серьезно деформирована и покрыта глубокими трещинами. Но даже сейчас было заметно, что форма его отличается от обычной. Дэвид, разглядывая обломки, невольно удивился, как при таком ударе самолет вообще не разорвало в клочья.

Приятели вышли на прогалину, и Дирк снова задал свой вопрос:

— Слушайте, что это такое? Я готов поклясться, эта штука вообще мало похожа на самолет!

Вблизи летательный аппарат казался не менее странным. Дэвид побрел вдоль борта, надеясь разыскать название. Массивные стальные листы были смяты, как бумага; острые, зазубренные края торчали то там, то сям, напоминая рыбьи кости. Номер и название модели самолета остались неизвестными, погребенные среди куч оплавленного металла. Дэвид уже возвращался назад, когда раздался возглас Тоби. У его ног лежал кусок стальной обшивки, на котором виднелись слабые следы краски и очертания трех букв.

— Г-А-Н,— прочитал он.— Какая это может быть страна?

Дэвид озадаченно нахмурился. Затем еще раз взглянул на самолет, словно не веря своим глазам.

— Вот это да! — изумленно произнес он.— Да ведь это же «Ураган»!

Остальные недоверчиво уставились на него.

— Думаю, ты прав,— произнес наконец Дирк.— Да, это «Ураган».

Приятели с трепетом взирали на обломки. Это оказался не самолет, а космический корабль — четвертый из построенных на Земле межпланетных челноков. Один из них недавно побывал на Луне, два других улетели на Марс и не вернулись. Четвертый, «Ураган», год назад был отправлен на Венеру. А теперь все, что от него осталось, лежало дымящейся кучей на холме в лесу.

— Бедняги! Какой конец! — помолчав, произнес Дэвид.— Им оставалось только посадить корабль. Интересно, почему они разбились? Они ведь не могли выжить... впрочем, нам лучше пойти и взглянуть,— добавил он и направился к одной из широких трещин в средней части корабля.

Остальные, поколебавшись, пошли за ним. Они пролезли в трещину и очутились в уцелевшем спальном отсеке. «Хорошо, что там никого нет»,— подумал Дэвид — он не был любителем кровавых зрелищ. Тоби попытался открыть дверь в противоположном конце отсека. Она не открывалась, как он и ожидал, и пришлось общими усилиями

выломать ее. Дверь вела в главный коридор. Тоби включил предусмотрительно захваченный электрический фонарик и осветил темный проход. Слева, ближе к носу корабля, дорогу преграждала куча искореженного металла, но справа путь был свободен, а пол — относительно ровный. Приятели не успели сделать и нескольких шагов, как где-то неподалеку, ближе к корме, раздался громкий и резкий скрежет. Дэвид подскочил от неожиданности.

— Что это было? — испуганно спросил он.

— Может, обшивка остывает? — предположил Дирк.— В момент удара о землю он должен был здорово накалиться.

Тем не менее жутковатый звук посеял невольный страх в сердцах исследователей. Возможно, они ошибались, внезапно подумал Дирк, громко крикнул и прислушался. Звук эхом отразился от металлических стен, но ответа не последовало.

Тоби шел впереди. Пройдя футов тридцать по коридору, они наткнулись на почти не поврежденную дверь. Ее сразу удалось открыть, и приятели вошли в небольшую, уютную кают-компанию. Из иллюминатора в нее проникал слабый свет. Обстановка была очень простой: стол, три-четыре стула и книжный шкаф. Но Дэвид с интересом обнаружил, что все стены кают-компании завешаны картами. Дирк остановился, чтобы изучить их более внимательно, а Тоби продолжил исследование корабля.

Дэвид, увлеченный одной из карт, обведенной жирной красной линией, как раз собирался обратить на нее внимание Дирка, как снова раздался тот же скрежет, теперь уже гораздо ближе. Сразу после него друзья услышали голос Тоби и переглянулись: голос был встревоженным. Тоби звал их к себе.

Когда испуганный голос приятеля донесся во второй раз, Дэвид и Дирк, не раздумывая, побежали к двери. Через несколько ярдов они налетели на груду металла и с трудом перелезли через нее. В этот момент послышался третий крик. Это был почти нечеловеческий вопль, полный ужаса и паники. Впереди раздался грохот выстрела.

«Что там творится?» — растерянно подумал Дирк, прибавляя шаг.

— Тоби, где ты? — крикнул он. Тоби отозвался откуда-то справа. Его голос заглушил знакомый скрежет. Дэвид нашарил дверь и открыл ее.

Они оказались на пороге квадратного складского отсека. Все стены занимали ряды полок и шкафов, кроме участка стены справа, в которой зиял темный провал. Сквозь два маленьких иллюминатора проникал туманный свет. В дальнем левом углу друзья увидели Тоби — он вжимался в стену и, не мигая, смотрел в сторону провала

— Что...— начал Дэвид, делая шаг вперед.

— Стой! — Тоби направил на него пистолет.— Ни шагу дальше! Здесь затаилась какая-то мерзость.

Из голоса Тоби постепенно исчезали истерические нотки, но он по-прежнему оставался напряженным.

— Но...

— Ради Бога, делайте, как я сказал! А теперь отойдите и откройте дверь пошире — я собираюсь прыгнуть.

Удивленный Дэвид подчинился. Почему Тоби собирался прыгать? Этому не было никаких видимых причин. Исследователи озадаченно наблюдали, как Тоби снял куртку, бросил ее на пол, а затем скинул ботинки. Держа пистолет наготове, он напрягся и прыгнул вперед. Тоби никогда не выделялся своей физической силой, но сила его прыжка ошеломила приятелей. Этот прыжок сделал бы честь любому акробату. И все-таки его не хватило.

Прыжок прервался на середине, и Тоби повис в воздухе. Раздался изумленный крик Дэвида и Дирка. Тоби на что-то налетел, как будто их разделяла невидимая стена. Секунду он висел между небом и землей, хаотически молотя по воздуху ногами и руками. Потом начал скользить вниз, сначала медленно, потом все быстрее.

Дэвид и Дирк, не шевелясь, смотрели на эту борьбу с невидимкой; их словно парализовало. Наконец Дэвид очнулся и шагнул вперед, но Тоби, заметив его движение, крикнул:

— Нет, нет! Уходите! Я...

Его речь прервалась криком агонии. Тело Тоби конвульсивно дернулось, и поперек лодыжки появилась темная

линия. Внезапно его нога рывком отделилась от тела, словно отрубленная топором. Не падая на пол, она медленно полетела в сторону провала. Дэвид и Дирк с ужасом смотрели на ногу, медленно летящую на высоте около девяти дюймов над полом. Дюйм за дюймом нога постепенно исчезла в темноте провала.

Дэвид чувствовал, что теряет сознание. Он вцепился в руку Дирка и попытался заговорить, но язык не слушался его. Он заставил себя еще раз взглянуть на Тоби, и у него пресеклось дыхание. Рука, как и нога, рывком отделилась от тела и поплыла по воздуху.

Затем он увидел, как в окровавленном плече Тоби появляются глубокие выемки.

Дэвид отскочил назад и бросился бежать, волоча за собой Дирка. Оба они понимали, что Тоби уже ничто не поможет, и в несказанном ужасе неслись по коридору, поскальзываясь и падая. Единственное, чего им хотелось,— это выбраться из корабля.

Глава 2
ЖЕРТВА НЕВИДИМКИ

Автопробег длиной в 5 миль привел их в местечко под названием Клидо. Там они первым делом ввалились в полицейский участок и сбивчиво рассказали о случившемся флегматичному, неприветливому сержанту. Он выслушал рассказ и испытующе посмотрел на приятелей с вполне определенным подозрением. Возбужденный вид и несвязная фантастическая болтовня молодых людей, несомненно, доказывали, что они пьяны. Сержант напустил на себя суровый официальный вид и строго спросил:

— Кто вы такие и что вы здесь делаете?

Дэвид сообщил имена и объяснил, как они оказались в Клидо. Присмотревшись к молодым людям, сержант решил, что первое впечатление оказалось ложным: хотя они и были чем-то взволнованы, но никаких признаков опьянения он не заметил. Тем более что время было раннее — около 11 часов утра.

— Ладно,— произнес сержант, садясь за стол и подвинув к себе протокол,— расскажите мне еще раз, только помедленнее, что там у вас стряслось.

Судя по его тону, идея насчет алкоголя пока еще не была отброшена окончательно. Дэвид сосредоточился и точно и кратко пересказал всю историю; изредка и Дирк вставлял слова. Сержант слушал с крайне недоверчивым видом. Под конец он сказал:

— Несколько часов назад мне докладывали, что низко над лесом на огромной скорости пронесся какой-то самолет. Вполне возможно, что его вы и нашли. Как, вы говорите, назывался ваш корабль.

— «Ураган»,— по слогам произнес Дэвид.— Да вы должны знать — тот, что улетел к Венере.

Сержант нахмурился.

— Так вы там встретили... этих... пришельцев? И как они выглядели?

— О чем я и говорю! Они никак не выглядели — они просто были невидимыми!

— Внутри было слишком темно?

— Нет же, я говорю, оно было невидимым.

— Невидимым? Ну-ну! Невидимка убивает человека!

Голос сержанта был скучным и усталым.

— Вы что, шутки со мной вздумали шутить? — внезапно рявкнул он.

Пока молодые люди возмущенно оправдывались, сержант проницательным взглядом рассматривал их. Определенно они пережили шок, но их история казалась чересчур неправдоподобной. Полицейский, нахмурившись, задумчиво теребил мочку уха. Темное дело... необходимо расследование.

— Рэнкин,— крикнул он констеблю.— Вы слышали, что рассказали эти люди? Съездите на холм и проверьте, что там творится.

— Слушаюсь, сэр,— откозырял констебль и повернулся, чтобы выйти.

— Я провожу его,— подскочил Дэвид.

— Ну уж нет,— решительно отказал ему сержант. Дело было темным. По крайней мере, один человек погиб при

невыясненных обстоятельствах, и свидетеля надо задержать.

— Я попрошу вас остаться, пока констебль Рэнкин не осмотрит место происшествия и не составит протокол.

— Но вы не понимаете! Эта штука — ну, невидимка,— она опасна, чертовски опасна. Мы могли бы указать, где...

— Нет. Если это серьезно, я должен вас задержать; если это шутка, вы за нее еще ответите.

Приятели уныло переглянулись. Дирк пожал плечами.

— Ладно, как хотите.— Дэвид расположился на жесткой скамье и мутным взглядом начал рассматривать график дежурств полицейских.— Но если там что-нибудь случится, я вас предупредил.

Констебль Рэнкин с бесстрастным выражением лица покинул комнату; с улицы донесся шум мотоцикла. Сержант начал делать пометки в своих бумагах.

Прошло три часа. Сержант начал беспокоиться. Для десятимильной прогулки и поверхностного осмотра этого времени хватило бы с избытком.

Когда опасения сержанта перешли в чувство острой тревоги, он засыпал Дирка и Дэвида ворохом новых вопросов, и их ответы его отнюдь не успокоили. Оба не имели никаких сомнений относительно причин затянувшегося отсутствия констебля Рэнкина. При мысли о человеке, который спокойно отправился навстречу такой страшной смерти, молодых людей охватывала тошнота.

— Подождем еще полчаса. Если он не вернется, придется нам самим пойти и поискать его,— встревоженно сказал сержант.

Они пустились в путь после трех, сопровождаемые двумя констеблями. После того как они добрались до того места, где стояла машина, Дэвид молча повел группу по лесной тропинке на холм. Констебли шагали спокойно, их лица казались слегка озадаченными. Сержант же откровенно нервничал — похоже, его недоверию пришел конец.

Когда перед ними предстали обломки корабля, сержант изумленно присвистнул.

— Боже мой, вот это крушение! — пробормотал он.— Через какую пробоину вы входили? — спросил он Дирка совсем не таким тоном, как в участке.

Дирк указал на трещину недалеко от короткого крыла.

— Мы влезли сюда и пошли по коридору в сторону кормы. Складской отсек где-то в середине.

В памяти Дирка всплыл вид этого отсека, и его слегка затошнило. Сержант кивнул.

— Вы пойдете впереди и покажете, где все произошло.

Дэвид и Дирк одновременно замотали головами.

— Будь я проклят, если еще раз пойду туда,— сказал Дирк,— я же говорил, там опасно, а вы посылаете меня вперед. Так не пойдет!

Сержант презрительно фыркнул, взглянул на констеблей и подбородком указал в сторону пробоины. Констебли дошли до середины прогалины, когда из глубины корабля донесся знакомый скрежещущий звук. Друзья с невольным страхом переглянулись.

— Это еще что? — резко произнес сержант.— Там кто-то мародерствует, могу поклясться. Сейчас мы их за руку поймаем!

Он остановился в нескольких ярдах от пробоины и принялся раздавать констеблям указания. Неожиданно его прервал визг и скрежет металла. Одна из уцелевших металлических плит обшивки покачивалась и выгибалась наружу. Полицейские изумленно увидели, как стальная плита медленно отделилась от корабля и с шумом выпала наружу. Сержант приоткрыл рот — он слышал о легендарной прочности металла, из которого был изготовлен корабль, и теперь не верил своим глазам. Пять пар глаз напряженно впились в образовавшийся провал, но ничего не увидели. Сила, выломавшая плиту, осталась неизвестной.

Стараясь сохранить самообладание, сержант приказал:

— Начнем отсюда. Держитесь поближе к стенкам, и мы возьмем их на испуг.

Дэвид и Дирк, стараясь не приближаться к пролому, попытались отговорить его, но сержант резко оборвал их. Его сомнения рассеялись — на корабле явно орудовала шайка мародеров, и он собирался разобраться с ними. Поли-

цейские подобрались вплотную к кораблю и принялись подкрадываться к пролому. Приятели с тревогой провожали глазами каждый их шаг, ожидая худшего. На расстоянии восьми футов от пролома их страхи оправдались. Идущий впереди констебль резко качнулся, словно налетел на что-то невидимое.

— Что за...— начал сержант, но слова застыли на его губах, а глаза расширились от удивления. Такое же изумление, более сильное, чем боль, отражалось на лице полицейского. Он стоял, глядя, как кровь льется из его запястья, а кисть руки медленно уплывает в сторону пролома.

Дэвид вытащил из кармана платок и бросился к раненому. Сержант, оправившийся от первого шока, стоял в растерянности, не в силах двинуться с места

— Не будь идиотом,— крикнул Дирк, хватая Дэвида за руку.— С тобой будет то же самое.

Сержант начал медленно отступать назад, не сводя взгляда с уплывающей в темный пролом руки. Когда она исчезла из виду, он повернулся к Дирку и Дэвиду. Его лицо было белым как мел.

— Я должен извиниться перед вами, джентльмены. Подумать только — я послал бедного Рэнкина...

Его слова оборвал скрежет металла — рядом с первым проломом вывалилась наружу еще одна стальная плита. Люди поспешно отступили назад, унося с собой потерявшего сознание раненого констебля. На их глазах часть борта «Урагана» раскрылась, и пролом сразу стал в четыре раза больше.

С безопасного расстояния Дэвид попытался заглянуть внутрь корабля. Он четко видел место, где Тоби встретил свой конец, но узнавал его с трудом. От переборок, полок вдоль стен не осталось и следа. На полу смутно виднелась куча металлических обломков, но все деревянные части исчезли. Испуганно оглядываясь на корабль, к Дэвиду подошел сержант, растерявший всю прежнюю уверенность.

— Я вынужден вызвать помощь. Вы не отвезете записку от меня в участок? И еще Даукинса,— он кивнул в сторону раненого полицейского.— Его надо как можно скорее отвезти к врачу. Если бы вы с вашим другом отвезли его, пока мы присмотрим за этим местом...

Дэвид согласился. Он подождал, пока сержант нацарапал записку; затем Дирк помог уложить в автомобиль констебля, и они отправились в Клидо.

В пять часов вечера, отвезя в госпиталь несчастного Даукинса и основательно подкрепившись, друзья снова вернулись к месту крушения «Урагана» и увидели, что количество полицейских там значительно возросло. Сержант уныло поздоровался с ними. Он указал на дыру, которая существенно расширилась, и на потрескивающие борта по обеим сторонам от нее.

— Будь я проклят, если знаю, что делать,— признался он.— Слава богу, с минуты на минуту должен приехать инспектор — впрочем, не думаю, что он чем-нибудь поможет. Вы только взгляните на это!

Он поднял с земли длинную ветку толщиной около трех дюймов и осторожно пошел вперед, тыкая перед собой. Через десяток шагов конец ветки наткнулся на невидимое препятствие и с треском переломился. Сержант быстро отступил назад и указал Дэвиду на глубокие бороздки в древесине.

— Зубы,— сказал он,— нет никаких сомнений.

Дэвид кивнул. Бороздки неприятно напомнили ему исчезающее плечо Тоби. Он мельком взглянул в сторону корабля и обратил внимание, что в его бортах появилось несколько свежих трещин.

— И это еще не все.

Сержант указал на небольшой куст ярдах в пяти от корабля.

— Взгляните сюда.

Куст начинал потрескивать и наклоняться, словно испытывая невидимое давление. На глазах у наблюдателей он сломался и превратился в бесформенную кучу веток. Затем ветки начали по одной подниматься в воздух и неторопливо уплывать в сторону корабля.

— Оно большое, и оно приближается,— добавил полицейский. Он подобрал с земли камень и швырнул его в воздух. Камень, не долетев до пролома, остановился, несколько мгновений повисел в воздухе, потом скатился на ярд вниз, где и остался висеть неподвижно, чуть покачи-

ваясь вверх-вниз. Зрители наблюдали за ним, затаив дыхание.

Внезапный визг по другую сторону корабля вывел их из ступора. Группа полицейских обошла корму и столкнулась с компанией мужчин и женщин, куда-то несущихся с поразительной скоростью.

— Что случилось? — крикнул сержант. Один из бегущих мужчин махнул рукой назад, прокричал что-то бессвязное и кинулся прочь.

— Проклятые зеваки! — фыркнул сержант.— Похоже, они перепуганы до смерти. Почему они убегают?

То, что они увидели потом, все объяснило. Для одного из зевак экскурсия к месту катастрофы закончилась, мягко говоря, неудачно — его окровавленные останки уплывали по направлению к кораблю.

Дэвид с Дирком переглянулись и сказали сержанту, что на сегодня с них хватит и они хотели бы уйти. Сержант отпустил их без разговоров.

— Идите. Я не могу больше удерживать вас на этом месте, но завтра попросил бы вас приехать — возможно, с вами захочет поговорить инспектор.

Сержант вытащил из кармана огромный носовой платок и устало вытер лоб.

— Это в том случае,— добавил он,— если инспектор вообще приедет.

Глава 3
УГРОЗА НАРАСТАЕТ

Друзьям удалось разыскать в Клидо приемлемую гостиницу, и на следующее утро они снова были на месте катастрофы. Инспектор уже приехал и раздавал указания. За ночь мало что изменилось. На рассвете полицейские, кидая камни, определили опасную зону, которая окружала уже весь корабль. Зона, хоть и медленно, расширялась: за несколько утренних часов она стала больше на 8–10 футов.

Чтобы определить скорость разрастания невидимой опасности, были установлены ряды вертикальных планок с

регулярными интервалами. Скорость оказалась невелика — около ярда в час. Дирк и Дэвид снова встретили знакомого сержанта, который рассказал им о принятых мерах и выразил сомнение относительно их ценности..

— Возможно,— добавил он от себя,— оно вообще не двигается, как тут предполагают, а просто растет.

— Боже сохрани! — нервно воскликнул Дэвид.

— Что сказали ученые? — спросил Дирк.

— Нет здесь никаких ученых. Решили, что не стоит их вызывать — только лишние расходы.

— Расходы! — проворчал Дирк.— Ну-ну, экономьте дальше.

Они осмотрели всю прогалину. «Ураган» лежал там, где и вчера, только количество проломов в бортах возросло. На стальных пластинах весело играло солнце. Любой сказал бы, что, кроме корабля, на прогалине ничего нет; казалось, ничего не препятствовало людям войти внутрь. Внимательный взгляд мог бы разглядеть что-то вроде легкой дымки вокруг корабля, но она была настолько неуловимой, что Дэвид понимал: если бы он не знал, в чем дело, то пошел бы прямо к кораблю безо всяких сомнений.

Переложив ответственность на инспектора, сержант явно успокоился. Инспектора же переполняло служебное рвение. Он с сочувствующим видом кивнул Дэвиду и Дирку и задал несколько вопросов, которые ясно доказывали, что ничего нового он от них услышать не ожидает. Через несколько минут на прогалине появился человек в военной форме, прошел через защитный кордон и представился инспектору и присутствующим.

Его звали капитан Форбс, вид у него был далеко не угнетенный. Он окинул усталым взглядом «Ураган» и обратился к инспектору тоном, в котором смешивались легкое удивление и чувство превосходства. Капитан Форбс объяснил, что командование послало его сюда, но не объяснило, в чем дело.

— Ну, инспектор,— добавил он,— можете уводить отсюда своих людей: вслед за мной прибудет рота пулеметчиков. Расскажите, что здесь творится?

Сержант еще раз изложил ход событий, и инспектор, хоть и слышал эту историю, выслушал ее еще раз с расту-

щей тревогой. После описания гибели Тоби инспектор задумчиво кивнул и долгим взглядом посмотрел на корабль.

— Поскольку больше свидетелей нет, мы можем сделать вывод, что крушение корабля погубило экипаж и освободило неких странных тварей, которых космонавты везли на Землю,— произнес он.— Или другой вариант — эти твари освободились сами, еще в пути, и убили людей, в результате чего и произошло крушение. Но это все только предположения и догадки — никаких доказательств нет.

Капитан Форбс со скептицизмом, порожденным отсутствием воображения, возразил:

— Но это звучит абсурдно! И что там, по-вашему, такое?

Дэвид призвал на помощь всю свою фантазию и высказал идею, что кораблем завладело некое животное. С таким же успехом, добавил он, это может оказаться и растение, но первый вариант кажется более вероятным.

Капитан Форбс снисходительно улыбнулся, закурил сигарету и пошел к «Урагану». Дирк схватил его за руку.

— Не делайте глупости! Я понимаю, вы нам не верите, но посмотрите на это!

Он поднял ветку, которую накануне бросил сержант, и показал капитану следы зубов. Капитан внимательно изучил их и в момент утратил желание идти к кораблю.

— Вы не думали о способах борьбы с этим?..— спросил инспектор Дэвида.

Дэвид покачал головой.

— Мне пришла на ум одна интересная вещь,— подал голос Дирк.

— И что это?

— Если возможно, не дайте ему добраться до деревьев. Вы заметили, что оно пожирает всю древесину, на какую натыкается? Может быть, это просто способ убрать препятствие, но я что-то сомневаюсь — с металлом оно так не поступает. Не удивлюсь, если эта тварь питается древесиной.

Инспектор смерил взглядом расстояние от пролома до деревьев — четверть его уже занимала «опасная зона». Капитан Форбс нетерпеливо дернулся.

— Послушайте, инспектор — я понимаю, что вы тут распоряжаетесь, но как насчет того, чтобы выпустить не-

сколько очередей по кораблю? Они разорвут ваше чудовище на кусочки.

После недолгих колебаний инспектор согласился. Ему не верилось, что пулеметчики чем-то повредят невидимой твари, но почему бы не попробовать. Тем временем капитана осенила какая-то мысль. Он набросал несколько слов на клочке бумаги и отдал записку одному из констеблей, приказав ему поторопиться.

Группа удивленных пулеметчиков расположилась в нескольких ярдах от «опасной зоны». Им объяснили, что они должны стрелять в пустоту. Это сначала озадачило их, а потом развеселило. Они готовились к стрельбе с видом людей, участвующих в розыгрыше.

— Стрельба по мишеням — только мишеней не видать,— пробормотал один из пулеметчиков.— Куда мы должны целится, сэр?

— Цельтесь прямо перед собой.

Пулеметчик пожал плечами и выстрелил короткой очередью. Прочие громко ахнули. Пули замерли в воздухе и висели, чуть покачиваясь, невысоко над землей.

— Что-то мне это не по нраву,— нервно сказал какой-то солдат.— Что за дьявол, почему они не падают?

Щелкнуло еще несколько одиночных выстрелов с тем же результатом. Дэвид бросил короткий взгляд на капитана, и выражение лица Форбса отчасти вознаградило его за перенесенные волнения. Стрелявший пулеметчик обернулся и ошеломленно спросил:

— Еще стрелять, сэр?

— Берегись! — завопил Дэвид. Свинцовые шарики, висящие в воздухе, вдруг поднялись и ринулись вперед. Команда пулеметчиков в едином порыве отшатнулась, но повезло не всем. Один солдат споткнулся и упал. Затем раздался чавкающий звук и вопль агонии: ботинок пулеметчика вместе с оставшейся в нем ступней, неторопливо поплыл по воздуху. Товарищи подхватили упавшего и оттащили его в сторону.

Капитан Форбс тупо смотрел на летящую ногу; его лицо приобретало странный оттенок. Казалось, он впервые осознал, что это странное задание — не просто розыгрыш.

— Н-да, ваши пулеметчики погоды не сделали,— угрюмо заметил инспектор.

— Ничего, скоро принесут одну штуку, и мы испробуем другой способ.

После получасового ожидания появилась небольшая группа людей, несущих какой-то громоздкий сверток, который вблизи оказался тюком ветоши. Следом шли два человека, несущие канистры с бензином.

— Пропитайте ветошь бензином,— приказал инспектор,— лейте побольше и подготовьте несколько длинных шестов.

Подожженный тюк вспыхнул ярким пламенем. Четыре человека взяли шесты и начали подталкивать пылающий тюк к «опасной зоне». Остальные стояли и напряженно ждали результатов.

— Если у нас получится, мы притащим еще ветоши,— сказал инспектор.

Тюк резко остановился. Пламя поутихло, зато сильнее повалил дым.

— Толкайте, толкайте! — закричал инспектор.

Невидимое препятствие было пройдено, и тюк продвинулся еще на шаг вперед.

— Ага, горячо! — злорадно воскликнул сержант.— Смотрите, мы заставили его отступить назад!

Но он рано обрадовался. Как только шесты подвинули горящую кипу ветоши еще на шаг, земля загудела от внезапного тяжелого удара. Пламя вспыхнуло и погасло; тюк превратился в чадящую лепешку, от которой немедленно начали отделятся и уплывать куски. Люди, толкавшие тюк, поспешно ретировались.

— Будь я проклят, если эта тварь не прыгнула на него! — прошептал сержант.

Инспектор сдвинул фуражку на затылок и взъерошил волосы. Он смотрел в сторону «Урагана» с выражением глубокого разочарования на лице. Капитан Форбс выглядел погруженным в раздумья. Через несколько минут его лицо расплылось в улыбке. Он подошел вплотную к инс-

пектору и что-то предложил ему. Тот с сомнением взглянул на капитана.

— Мне нужно получить разрешение,— ответил он, наконец.— В конце концов, корабль ведь кому-то принадлежит.

— Они не будут возражать, если осознают, как велика опасность,— убеждал его капитан.— Лучше уничтожить корабль, чем позволить этой твари разрастаться.

— Сколько времени это займет?

Капитан Форбс задумался.

— К завтрашнему утру все будет кончено.

Инспектор кивнул, мысль выглядела вполне здравой. И все равно он тревожно поглядывал на планки, отмечающие движение неведомой твари. К завтрашнему утру «опасная область» сильно приблизится к деревьям. Капитан перехватил его взгляд и правильно его истолковал.

— Я знаю, вы бы хотели справиться с ней сейчас, но что мы можем сделать?

Дирк, молча наблюдавший за результатами двух последних атак на невидимку, подошел к инспектору и капитану. Эти попытки казались ему ребяческими и абсолютно неэффективными. Инспектор напоминал мальчишку, который тыкает палочкой спящего льва в зоопарке. Единственная разница состояла в том, что между мальчишкой и львом находились крепкие прутья клетки. А теперь капитан Форбс явно задумал нечто в этом же роде, но еще более опасное.

— Почему бы не пригласить сюда нескольких биологов? — спросил он.

Капитан недружелюбно взглянул на Дирка. Почему земной биолог должен уметь разбираться в формах венерианской жизни, спросил он, если, конечно, невидимая тварь явилась именно оттуда? Более того, добавил капитан, разве мы зовем биологов, собираясь уничтожить земное животное?

Дирк продолжал настаивать.

— Именно это вам и следовало сделать с самого начала. Именно биологи уничтожили чуму в Панаме; можно привести еще много примеров. Кроме того, вы собираетесь, насколько я понял, провести эксперимент со взрывчатыми веществами. А представьте на минуту, что существо ока-

жется несгораемым, что весьма вероятно,— тогда вам придется тушить пожар, который захватит целые мили леса.

— Вы сам не биолог? — холодно спросил капитан

— Я — нет.

— В таком случае попрошу вас не вмешиваться. Напоминаю также, что вы не имеете права находиться в пределах защитного кордона.

Инспектор, менее уверенный в своих действиях, хотел было вмешаться, но передумал: ему импонировала уверенность капитана. Лицо Дирка покраснело от гнева.

— Пока вы тут валяете дурака, тварь растет! Если она доберется до деревьев, один Бог знает, что может случиться,— и вся ответственность падет на вас!

— Может, вы воздержитесь от дальнейших комментариев, пока этого не произошло? Похоже, у вас нет конструктивных предложений, так что не вижу никаких причин, по которым вам следует здесь находиться.

Дирк хотел что-то ответить, но сдержался, развернулся на каблуках и удалился в сторону леса.

— Много тут шляется всяких советников,— проворчал капитан ему вслед. Обернувшись к инспектору, он произнес:

— Если мы хотим закончить к завтрашнему утру, мне пора приступать к подготовке, притом немедленно — время не ждет.

Глава 4
МОНСТР РАЗРАСТАЕТСЯ

Дирк не вернулся в гостиницу и не оставил даже записки. Дэвида это не удивило: он знал, что Дирк не из тех, кто прощает обиды. Поэтому он спокойно позавтракал на следующее утро в одиночестве.

В газетах, как ни странно, упоминаний о крушении «Урагана» не было. Дэвид ожидал увидеть заголовки в полстраницы размером, но не нашел ни единой строчки. «Странно,— подумал он.— „Ураган“ лежит на холме уже два дня и две ночи». Выйдя из гостиницы, Дэвид зашел в

полицейский участок перекинуться парой слов с сержантом.

— Что случилось с журналистами? — спросил он.— Это же сенсация!

— Разумеется — но им сюда доступ закрыт.

— Интересная новость. А почему?

— Представьте, сюда набежала бы целая орда репортеров, за ними потянулись бы зеваки. Помните, что случилось с тем беднягой вчера утром? Кроме того, сегодня капитан собирается что-то взрывать, поэтому необходимо очистить место.

Когда они пришли на прогалину, то увидели весьма нерадостные перемены. «Опасная зона» разрасталась куда быстрее, чем раньше; до крайних деревьев оставалось всего несколько ярдов. Инспектор и капитан Форбс мельком поздоровались с Дэвидом и вернулись к изучению увеличенной фотографии. Дэвид издал удивленное восклицание, а капитан усмехнулся.

— Неплохо, а? Только что доставили.

— Но как вам удалось...

— Слегка поработали мозгами. Вчера сюда прилетал самолет, с которого наснимали несколько метров фильма. А потом одному головастому парню пришло на ум использовать инфракрасную камеру. Вот результат.

Фотография изображала «Ураган» и его ближайшие окрестности. От самого корабля виднелась только верхняя поверхность, окруженная темным овалом. С первого взгляда овал казался совершенно гладким, но, приглядевшись, можно было заметить, что линия слегка волнистая. Дэвида фотография разочаровала, так он и сказал.

— Такой вид нам не много даст,— пробормотал он,— я имею в виду, все равно неясно, с чем мы имеем дело. С одним животным или целой колонией организмов.

— В любом случае, я уверен, что это животное, а не растение,— заявил инспектор.— И, если хорошенько подумать, ничего странного здесь нет. От некоторых маскирующихся или полупрозрачных земных существ до полной невидимости — один шаг. Вы заметили: все, что попадает в поле досягаемости этой штуки, отправляется прямо

в корабль? Я высказал идею, что перед нами некое существо с множеством пастей и единым желудком, который кроется где-то в глубинах «Урагана». План капитана Форбса основывается именно на этой идее.

— Какой план?

Инспектор объяснил: подсчитали, что захваченный предмет добирается до корабля около двух минут. Было подготовлено несколько бомб с часовым механизмом в деревянной оболочке, чтобы сделать их съедобными для невидимки. Инспектор надеялся, что одновременный взрыв этих бомб решит проблему. Конечно, «Ураган» ожидает окончательное уничтожение, но от него и так немного осталось.

— А почему бы не взорвать бомбы на расстоянии? — спросил Дэвид.— Так бы вы были полностью уверены, что они взорвутся в нужное время.

Капитан покачал головой.

— Эта идея первой пришла нам на ум, но не забывайте — бомбы будут в деревянных оболочках, а, кроме того, тело существа само по себе может служить щитом. Бомбы с часовым механизмом, по-моему, более надежны.

Дэвид стоял и наблюдал за последними приготовлениями. Под руководством капитана на прогалине суетилось не меньше пятидесяти человек. Сержант встал рядом с Дэвидом, время от времени делая замечания относительно происходящего. Казалось, он не очень-то верил в успех. «Скорее, их самих разорвет в клочья»,— заметил он. Дэвид вспомнил, что видел в лесу ярдах в ста от прогалины заброшенную хижину, и предложил укрыться там во время взрыва.

На этом разговор прервался, и Дэвид с сержантом решили понаблюдать за деятельностью подрывников. Солдаты заняли позиции на равном расстоянии друг от друга вдоль границы «опасной зоны». Солнце освещало зеленую полянку перед кораблем — казалось, там не было ничего опасного. Каждый человек держал в руке длинный шест с бомбой в деревянной оболочке. Некоторые из них явно нервничали, другие насмешливо улыбались. Большинство флегматично ожидало сигнала.

Трижды прозвучал свисток, и подрывники двинулись вперед, держа шесты горизонтально. Дэвиду они напомнили средневековых пикейщиков.

Через три шага раздался громкий треск, и деревянные наконечники шестов одновременно отломились. Подрывники отскочили назад и побросали укороченные шесты на землю. С полминуты Дэвид наблюдал за медленным полетом деревянных ящиков по направлению к пролому. Потом он вспомнил, что пора идти в укрытие, и пошел искать хижину.

Найти ее не составило труда. В маленькие окна проникал тусклый свет, и Дэвид смог осмотреть укрытие. Мебели там не было давным-давно, только на стенах висело несколько уцелевших полок. На полу валялось сломанное топорище, обломки других инструментов и прочий мусор. Дэвид уселся на кучу листьев в углу. В хижину вошел сержант, и они вместе склонились над циферблатом его наручных часов.

— Осталась еще минута.

Но, словно назло, почти сразу прогремел мощный двойной взрыв, а следом за ним еще один. Сержант неодобрительно покачал головой. «Грубая работа»,— заметил он. Хорошо еще, что при данных обстоятельствах это не имело значения. С нарастающим беспокойством Дэвид и сержант ждали основного взрыва. Он раздался на 15 секунд раньше, чем ожидалось. Сначала грохот одиночного взрыва, а потом нарастающий рев, как будто первый взрыв вызвал все остальные.

Дэвид инстинктивно зажал уши руками. Взрывная волна ударила в стены хижины, и оконное стекло разлетелось на кусочки. Крыша заскрипела, на головы укрывшихся под ней посыпался мусор. Затем что-то застучало по крыше, и, наконец, нечто с хлюпаньем шмякнулось о входную дверь.

Дэвид усмехнулся.

— Держу пари, это кусок твари,— довольно сказал он.— Если она переварит такую закуску, я очень...

Внезапно он замолчал. Где-то в лесу поблизости от хижины кто-то испуганно вскрикнул; потом раздался вопль агонии, прервавшийся через мгновение. Дэвид и сержант растерянно переглянулись. Этот крик мог означать только одно: затея не удалась, опасность не уничтожена. Сержант

открыл рот, но его прервал еще один отчаянный вопль — ближе, чем первый.

Прошло несколько секунд, и воздух наполнился криками боли. Дэвид зажал уши, чтобы не слышать эти вопли страдания. Мельком взглянув на сержанта, он увидел, что лицо того побелело,— он стоял с видом человека, который должен что-то делать, но не знает, что именно. Сержант шагнул к двери, но Дэвид опередил его и преградил ему путь.

— Нет! — крикнул он.— Сначала дайте мне вот ту палку.

Сержант поднял с пола сухую ветку и передал ее Дэвиду. Тот приоткрыл дверь на два дюйма и высунул палку в щель. За дверью мягко хрустнуло, и в руке у Дэвида остался короткий обломок.

— Вы видели?

Он указал на явные следы зубов на конце палки.

Сержант взял палку, снова высунул ее за дверь — на этот раз повыше, и начал медленно опускать. На высоте двух футов она наткнулась на препятствие и переломилась. Сержант взглянул на Дэвида.

— Мы легко перепрыгнем через него,— сказал он.

— И приземлимся на другого.

Дэвид покачал головой и через мгновение добавил:

— Теперь мы в самой гуще событий. Идея с бомбой была абсолютной чепухой: взрыв разбросал эти тварей по всему лесу.

Из-за деревьев раздался новый вопль боли. Затрещали выстрелы. Через несколько секунд от двери оторвался кусок и поплыл вдаль. Сержант торопливо заткнул дыру какой-то гнилой доской.

— Нам надо побыстрее выбираться отсюда,— пробормотал сержант. Дэвид выглянул в окно. Сквозь кроны деревьев на землю падала кружевная тень. Казалось, там никого не было, но...

Дэвид задумчиво поглядел на затянутый паутиной потолок. Спасение, по крайней мере временное, лежало именно там — наверху. С помощью сержанта он подтянулся, влез на прогнившие стропила и разобрал небольшой участок крыши.

Через несколько минут двое сидели на коньке крыши, всматриваясь в безлюдное пространство под деревьями. Где-

то вдалеке, справа, они изредка слышали отдельные выстрелы и крики. Дэвид покричал, но ответа не дождался — в лесу звучало слишком много воплей. Выстрелы стихли, и он невольно задумался, что это означает: спасение или гибель стрелявших.

— Думаю, нам придется оставаться здесь, пока кто-нибудь не придет на помощь,— сказал он, помолчав. Сержант не ответил — он как зачарованный смотрел на землю. Вся поверхность полянки пришла в движение. Потоки палочек и щепочек струились над землей, стекаясь к нескольким центрам. Дэвид быстро оглянулся — с другой стороны крыши происходило то же самое.

— Да их здесь десятки!

Сержант кивнул.

— А мы в эпицентре,— добавил он.— Всему виной эти космические путешествия. Я их никогда не одобрял. Держись своей планеты, она достаточно велика — вот, что я скажу. А что делают эти парни? Кидаются в космос, на другие планеты, и чем все кончается? — он сделал драматическую паузу.— Мало того что они не могут вернуться сами — они привозят с собой эту чертову венерианскую тварь! Идиотизм!

В их нынешнем положении Дэвид не мог иначе рассматривать перспективу межпланетных полетов, начало которых так неудачно было положено «Ураганом», и полностью согласился с сержантом.

— Если бы мы могли видеть это существо! — буркнул он. Внезапно его осенила идея, и он скользнул в дыру. Порывшись в груде мусора на полу, Дэвид нашел то, что искал, и издал радостный вопль.

— Что там? — крикнул с крыши сержант.

— Вам видно отсюда дверь? — через несколько мгновений спросил Дэвид. Сержант перегнулся через край и сказал, что вполне видит дверь. Из ближайшего окна появились голова и плечи Дэвида. Он поднял проржавевшую канистру с красной краской и выплеснул ее наружу. Краска не пролилась на землю; вместо этого перед дверью возник силуэт невидимки. Несмотря на небольшой размер, существо выглядело куда более пугающим, чем на фотографии, сделанной с воздуха.

Глава 5
СЕКРЕТ НЕВИДИМОСТИ

Туловище существа было полусферическим, обращенным плоской стороной к земле. Куполообразный верх был гладким, но ниже виднелся ряд коротких выступов, каждый из которых заканчивался широкой пастью, полной острых зубов. Пасти непрерывно открывались и закрывались. Дэвид внимательно рассмотрел одну из «голов» и заметил, что пасть способна открываться назад необыкновенно широко, как у змеи. Даже небольшое существо выглядело достаточно угрожающим; Дэвид представил себе первую тварь на «Урагане» и содрогнулся. Теперь он мог видеть, как существо отрывало куски двери и проглатывало их. Но это отвратительное зрелище не казалось таким странным и загадочным, как вид медленно проплывающих по невидимой глотке предметов.

Дэвид даже слегка приободрился: по крайней мере, теперь он видел врага. Он разбрызгал по полянке еще немного краски, чтобы проверить, нет ли там еще тварей. Поблизости оказалась только одна, да и та совсем небольшого размера; но хотя ее диаметр не превышал девяти дюймов, пасти захлопывались с не меньшей прожорливостью. Дэвид высунулся подальше из окна, и на его голову с крыши просыпался дождь щепок и соломы.

— Эй! — раздался испуганный голос сержанта.— Здесь одна из тварей!

Дэвид вскарабкался наверх, держа наготове свое единственное оружие — канистру с краской. Сержант указал ему на середину крыши: там уже была проедена дыра, а в воздухе проплывали куски дерева. Дэвид выплеснул последние капли краски — их оказалось достаточно, чтобы разглядеть две-три пары жующих челюстей. Тварь не только оккупировала крышу — она быстро подбиралась к опорным балкам.

Дэвид отшвырнул бесполезную канистру и оглянулся по сторонам. С одной стороны хижины близко росли деревья; их ветви касались крыши. Может, перелезть на дере-

во? Дэвид с сомнением взглянул на сержанта. Тот усмехнулся.

— Предлагаете немного попрыгать? Когда-то я был неплохим спортсменом.

Сержант перебрался поближе к ветвям, обходя середину крыши. Необходимо было поторопиться: крыша начинала крениться, поскольку тварь уже взялась за основное несущее бревно. Полицейский покрепче встал на самом краю, приготовился, прыгнул и ловко уцепился за ветки.

— Отлично! — подбодрил его Дэвид.— Теперь залезьте немного повыше, и я присоединюсь к вам.

Внезапно Дэвид почувствовал, что его правая нога скользит, замахал руками и сорвался с крыши. Сержант издал испуганный крик. Дэвид покатился вниз, хватаясь за трухлявые доски; он услышал резкий треск своего рвущегося пальто и упал на землю. После мгновенного замешательства он вскочил на ноги и, как белка, взобрался на дерево. Встретясь взглядом с сержантом, он криво усмехнулся; его руки все еще тряслись.

— Я упал прямо на одну из этих тварей,— произнес он.— Вы это видели?

— Упал на...

— Точно, и мне повезло, что сверху у нее нет зубов. Она сидит прямо под деревом, и...

Его прервало негромкое похрустывание — существо начало грызть ствол дерева. Оно не было большим, поскольку по воздуху плыли щепочки размером не более куска сахара. Однако его зубы медленно, но неуклонно подтачивали ствол.

Сержант начал было спускаться, но Дэвид остановил его. Он оборвал одну из веток и обрушил град ударов на невидимого противника. Никакого заметного эффекта не последовало: цепочки щепок все так же плыли по воздуху, не быстрее и не медленнее. Дэвид выбросил ветку и задумался. Дерево должно было упасть еще не скоро — конечно, если пообедавшее существо не начнет расти. Позади что-то зашумело и рухнуло. Это была крыша хижины.

— Мы перелезли как раз вовремя,— пробормотал он, глядя на облако пыли.

— А с этой что делать? — указал вниз сержант.— Мы не сможем оставаться здесь долго. Надо уходить.

— Зачем? Пока что дерево — самое безопасное место.

Через некоторое время оглушительный треск заставил Дэвида подскочить на месте. Меньше чем в сорока футах от них падало огромное дерево. Становилось ясно, что они нашли не самое лучшее укрытие. С той стороны, где сидел сержант, росло множество деревьев, и на многих уже появились глубокие борозды. Любое и них, упав, неминуемо увлекло бы сержанта за собой. Он начал торопливо спускаться.

— Подождите минуточку — я проверю, все ли чисто внизу,— сказал Дэвид. Осторожно потыкав веткой землю, он обнаружил безопасную площадку под одной из низко растущих ветвей.

— Можете прыгать сюда,— скомандовал он, что сержант немедленно и сделал.— А теперь нам надо каким-то образом убираться... боже мой, что это?

Вопрос был излишним. Над головой раздался треск ветвей, и что-то тяжелое ударилось о землю совсем рядом с ними. Одно из существ, заброшенное взрывом на верхние ветви, перегрызло ветку, на которой сидело, и рухнуло вниз. Люди поспешно отступили от места падения. Сержант достал носовой платок и вытер лоб.

— Просто кошмар какой-то! — пожаловался он, нервно озираясь по сторонам.— Этот уродец где-то рядом. Не нравится мне все это! Инспектор же сказал, что тварь только одна.

— Значит, он ошибся. Как и капитан Форбс. Единственный, кто подал сколько-нибудь разумную идею, был Дирк, и что ему ответили? А теперь все, что нам остается, это спасаться отсюда, если сумеем.

Осторожное путешествие началось. Каждый фут земли прощупывался палками, которыми люди размахивали перед собой, как слепые. Иногда они бросали нервные взгляды на ветки деревьев, опасаясь падения еще одного существа, а то и самих деревьев. Прошло полтора часа: они продвинулись не так уж и далеко, а нервы их уже были на

пределе. Каждый истратил по нескольку палок. Чем дальше, тем реже попадались прожорливые невидимки. Сержант остановился и снова вытер лоб.

— Похоже, мы скоро выберемся,— устало, но без большой уверенности произнес он.

— Да, их теперь явно меньше,— сказал Дэвид,— но они становятся больше. Все это время они едят и непрерывно растут. Ну, пойдемте дальше.

Через пять минут палка Дэвида переломилась. Он отступил и взглянул на широкие следы зубов — встреченное существо было порядочных размеров. Сержант замахал свое палкой во все стороны и убедился, что путь полностью перекрыт несколькими существами, которые расположились полукругом. Оставалось вернуться назад по своим следам и попробовать прорваться в другом месте.

Они повернулись и побрели назад, махая перед собой палками, но не успели пройти и нескольких ярдов, как, к своему удивлению наткнулись на невидимое препятствие. Сержант выругался и потыкал палкой в другую сторону — безуспешно. Дэвид и полицейский переглянулись.

— Мы нашли вход — значит должен быть и выход,— безнадежно проговорил Дэвид.

Если он и был, найти его не удалось Казалось, они полностью окружены.

Почти полчаса они прощупывали вокруг себя пространство, которое становилось все уже и уже, и изо всех сил звали на помощь, не надеясь на отклик. Кроме них и невидимых чудовищ, в лесу никого не было. Вдруг издалека слабо донеслось едва различимое: «Эй!» Дэвид и сержант завопили во всю глотку.

— Идем, идем! — ответил далекий голос.— Оставайтесь, где стоите!

Поскольку другие варианты поведения исключались, Дэвид ограничился призывом поторопиться. Через пятнадцать минут он наконец увидел кричавшего, который осторожно пробирался между деревьями: это был юноша в толстых очках. Он жизнерадостно насвистывал. В одной руке

он держал длинный металлический прут, а в другой — несколько палочек с белыми коробочками на конце.

— Привет! Что у вас? — спросил он.

— Окружены,— коротко ответил Дэвид. Беспечный вид прибывшего сильно его раздражал.

— Да, непорядок,— произнес юноша.— Пустяки. Сейчас мы вас вызволим.

Он нащупал металлическим прутом невидимое препятствие. Затем насадил на прут палочку с коробкой и ткнул ею в невидимку. Коробка мгновенно исчезла. Эту операцию он повторил несколько раз.

— Кто вы? — спросил он.

Сержант ответил.

— Там думают, что все погибли,— сказал юноша, махнув рукой назад.— Вам двоим повезло.

— А что вы делаете? Отравляете их? — спросил Дэвид, чье любопытство пересилило антипатию к беззаботному юноше.

— Нет, подходящего яда мы пока не обнаружили. Смотрите.

Проглотившее коробку чудовище, приобрело ярко голубой цвет и стало видимым!

— Голубой метилен, завернутый в растворимую бумагу,— объяснил он,— бумага растворяется, и — опля! Мы видим существо. Мой бос, Кэднам — он биолог — приготовил несколько тысяч таких упаковок. Вчера к нему прибежал парень по имени Дирк Роббинс. Кэднам решил, что прежде всего надо сделать чудище видимым, а потом думать, как с ним разделаться.

— Старина Дирк! — с чувством воскликнул Дэвид.

Юноша кивнул.

— У него было побольше здравого смысла, чем у остальных. К несчастью, прежде чем мы прибыли сюда, какие-то дурни взорвали корабль и раскидали чужаков по всему лесу.

К тому времени синее красящее вещество быстро распространилось по всем органам существа. Теперь оказалась видна не только куполообразная спина, но и внутренние органы: множество глоток, единый желудок, дыхательная система. Над каждой пастью ритмично поднимался

и опускался своеобразный клапан. Юноша указал на один из клапанов и покачал головой.

— С этим было труднее всего разобраться,— произнес он. Но Дэвид и сержант не были расположены, слушать лекцию. Кольцо тварей в четыре фута высотой по-прежнему преграждало им выход, а голубой цвет отнюдь не уменьшил их аппетита. Дэвид обратил на это внимание юноши.

— А, пустяки! — жизнерадостно ответил тот, достал из связки палочек инструмент, напоминающий рапиру, и аккуратно проткнул ею по очереди клапаны существа.

— Очень интересное устройство, совсем не похожее на сердце,— у существа их десятки, а нужно только одно. Это животное напоминает амебу: когда взрыв разорвал его на кусочки, каждый кусочек очень быстро превратился в отдельное существо. Когда два таких существа случайно оказываются близко друг к другу, снова происходит слияние. Так вы и попали в кольцо. На самом деле, это очень примитивная форма жизни. Пока что мы знаем только один способ убивать их — проколоть каждый клапан. Если оставить хоть один, существо восстановится.

Когда юноша проткнул все клапаны, до каких мог дотянуться, он передал рапиру Дэвиду. Через несколько минут прожорливая тварь превратилась в кучу голубоватого желе.

— Слава Богу! — только и смог произнести Дэвид, когда перелез через безопасную желеобразную кучу. Юноша повел их за собой из леса в безопасную зону.

— Как насчет первого существа? Его все-таки разнесло на части? — спросил Дэвид по дороге.

— Почти. Но оно восстанавливается, и у нас еще много работы. Хорошо, что мы теперь видим их. Даже мне сначала было жутковато. Одно дело — прозрачность, другое — невидимость.

Они проходили мимо немногочисленных голубоватых существ. Некоторые из них были убиты, другие еще грызли деревья, но казались уже почти безвредными. Вдалеке показалась группа людей с рапирами, спешившая к ним навстречу. Молодой человек попрощался с Дэвидом и присоединился к группе.

— Идите все время вперед,— сказал он.— Путь расчищен. А если вы при встрече передадите капитану Форбсу все, что я о нем думаю, то буду вам очень благодарен.

— Он остался жив?

— Разумеется. Такие типы всегда выходят сухими из воды.

Он оказался прав. Впереди под деревьями толпилось несколько десятков человек, и капитан был среди них. Он доказывал, что причина неудачи крылась в слишком раннем взрыве первых двух бомб. От группы отделился Дирк и тепло приветствовал Дэвида.

— Пойдемте отсюда,— сказал он.— Бравый капитан теперь развивает теорию, что существо следовало отравить газом, так что в нескольких милях отсюда нам будет безопаснее.

ТРЕТИЙ РЕЗОНАТОР

Диана Френч шла вслед за санитаром в униформе через ухоженный газон. На ее лице отражались нетерпение и нерешительность. Санитар остановился рядом с кустами, за которыми угадывались очертания садовой скамейки, и сказал, указывая пальцем:

— Мистер Хикстон там, мадам.

Диана глубоко вздохнула, взяла себя в руки и медленно пошла к скамейке, на которой, откинувшись, сидел человек в серой пижаме. Его поза была вялой и расслабленной: руки безвольно лежали на коленях, равнодушный взгляд устремлен в пространство. Кто знает, подумала Диана, какие странные, причудливые мысли бродят в его мозгу?

Внезапно ее охватил приступ паники. А вдруг он опасен? Ей сказали, что он перетрудился, «сгорел» на работе. Но таких людей обычно не сажают в сумасшедший дом! Разумеется, он не представляет опасности — иначе бы ей не позволили увидеться с ним в саду, один на один. Диана твердым шагом подошла поближе и, остановившись футах в трех, негромко окликнула:

— Дэвид!

Человек на скамейке встрепенулся, вскочил на ноги и воскликнул:

— Диана!

Он шагнул навстречу, протягивая вперед руки. Диана схватила его ладони, одновременно испытующе вглядываясь в лицо. Ей казалось, что Дэвид должен выглядеть не так, как обычно, она ошиблась — он выглядел как всегда, только лицо было усталым и озабоченным. Диана взглянула больному прямо в глаза, чтобы найти в них подтверждение рассказов врачей. Но она встретила знакомый, вполне осмысленный взгляд безо всяких признаков безумия.

Нервное напряжение Дианы спало, она придвинулась ближе к Дэвиду и обняла его за шею. Она попыталась что-то произнести, но не смогла, из глаз хлынули слезы.

— Мне сказали...— наконец произнесла она,— они сказали мне, что ты... ты...

— Что я сошел с ума?

Она кивнула.

— Так прямо они не сказали, но имелось в виду именно это. Говорили, ты слишком много работал, и произошел срыв. Один из твоих помощников вошел в лабораторию в тот момент, когда ты пытался разгромить ее с помощью кувалды. Вот им и пришлось отправить тебя сюда.

— Да, все это правда, моя дорогая, за одним исключением — я не сошел с ума. Наоборот — это было озарение. Еще десять минут, и я бы с ним покончил окончательно.

— Покончил с чем?!

— С резонатором. Я раскрошил бы его на мельчайшие кусочки, безо всякой надежды на восстановление. Алан пришел слишком рано и все испортил — впрочем, я на него не в обиде. Он же ничего не знал, а со стороны я, наверно, и вправду выглядел как псих.

— Но почему, Дэвид, почему? Зачем после стольких лет работы ты решил уничтожить резонатор?

— Потому что внезапно осознал: если я не уничтожу его, рано или поздно он уничтожит нас.

— Объясни, Дэвид, я не понимаю. Я знаю, что резонатор — это оружие, но...

— Оружие?! Разве извергающийся вулкан, землетрясение или ураган мы называем оружием? Резонатор пострашнее их всех вместе взятых. Его мощь не охватить

разумом. Если я допущу его достройку, он уничтожит земную цивилизацию, причем уже в третий раз.

Произнеся эту тираду, Дэвид снова встретил встревоженный, настороженный взгляд Дианы. Она прикоснулась к его рукаву и мягко сказала:

— Дэвид, ты должен, просто обязан все мне объяснить. Почему ты внезапно прекратил свой многолетний труд — ведь именно это изобретение сделало тебя одним из ведущих специалистов в своей сфере! И что ты имел в виду, когда сказал «в третий раз»?

Несколько минут он молча смотрел на нее. Наконец принял решение.

— Хорошо, я расскажу тебе то, что не рассказывал еще никому. Если об этой истории узнают врачи, они запрут меня здесь до конца жизни.

Это случилось неделю назад. Старик Фосдайк произносил благодарственную речь от имени военного департамента. Мероприятие было неофициальным — за столом нас сидело только семеро — но и междусобойчиком его не назовешь.

Фосдайк в своем обычном стиле изливал на нас потоки красноречия, когда внезапно на меня нахлынуло необычное чувство. Тебе должно быть знакомо это ощущение — попадаешь в незнакомое место, а тебе кажется, что когда-то уже бывал здесь. Разумеется, у психологов обязательно найдется объяснение — они могут объяснить все, что угодно. Но в тот раз чувство, овладевшее мной, было необыкновенно сильным.

«Это не просто оружие,— говорил Фосдайк.— Оно не имеет ничего общего с известными типами вооружений. Это воистину оружие нового поколения. Сбылись мечты ученых — мы открыли луч смерти!» Он сделал паузу.

«Впрочем,— добавил он,— так же как самолет значительно отличается от летательных машин, о которых грезили наши предки, так и резонатор мистера Хикстона — это совсем не то, что мы ожидали увидеть. Мы представляли себе нечто вроде гигантского маяка, от которого во все стороны разбегаются невидимые смертоносные лучи.

Изобретение же мистера Хикстона — это направленный поток невидимых вибраций, разрушающий материю изнутри и превращающий ее упорядоченное строение в полный хаос.

Без сомнения, возможности этого устройства куда грандиознее, чем мы можем сейчас вообразить. Но мы должны отдать должное мистеру Хикстону, которому удалось воплотить в жизнь вековую мечту человечества. Он прекратил войну как явление. С таким оружием война становится невозможной — любые современные виды вооружений несопоставимы с его колоссальной мощью. С этого дня больше ни одна нация не осмелится применить силу...» Фосдайк продолжал бубнить, но его голос становился тише и тише, словно удалялся. Мои веки налились тяжестью. Я пытался бороться с этой неестественной сонливостью, но с таким же успехом мог бороться с наркозом на операционном столе. Голос Фосдайка замер вдалеке, мои глаза закрылись, и я остался один. Меня окружала безмолвная тьма, сквозь которую я падал и падал куда-то вниз...

Не могу сказать, сколько времени продолжалось это падение. Оно завершилось так же неожиданно, как и началось. Я снова услышал голос.

«Таким образом, военное превосходство нашей страны становится абсолютным. Теперь, когда мы обладаем этим оружием, ни одно государство Земли не осмелится бросить нам вызов».

Я открыл глаза... Сказать, что я удивился, значит не сказать ничего. Голос принадлежал не Фосдайку; выступающий говорил не по-английски, но я все понимал. Я увидел огромный зал. В нем не было ни единого свободного места; расположенные амфитеатром скамьи занимали более двухсот мужчин и женщин в одеяниях из мерцающего материала, похожего на шелк. Впереди на сияющем троне с высокой спинкой восседал оратор.

Через несколько секунд мое замешательство прошло. Воспоминание о Фосдайке потускнело. Я больше не был Дэвидом Хикстоном, человеком двадцатого столетия. Мое имя было Кис-Тан, гражданин могущественной империи Лемурия. Высокий оратор с суровым лицом, известный мне как Альхай, Великий Канцлер Империи, продолжал:

«Однако всякое оружие — палка о двух концах. Поэтому я хочу сделать два связанных между собой предложения. Во-первых, резонатор в его нынешнем виде должен быть уничтожен. Во-вторых, мы поручим Кис-Тану заняться разработкой новой модели резонатора, менее опасной в употреблении. Когда такая модель появится, она будет принята на вооружение в Лемурии, но с одним условием — употребляться она должна только в крайнем случае и со всеми предосторожностями».

По залу прокатился шепот неодобрения. Могущественная Лемурия с резонатором становилась неуязвимой, и уничтожение существующей модели казалось большинству присутствующих кощунством. Разве можно было отказаться от этого дара бога Ра своему избранному народу?

Несколько голов повернулись в мою сторону, чтобы посмотреть, как я воспринял предложение уничтожить свое изобретение. Я постарался сохранить на лице невозмутимое выражение. Альхай молча окинул взглядом зал, пытаясь оценить общий настрой Высшего Совета. Наконец его глаза остановились на мне.

— Для начала мы выслушаем мнение Кис-Тана,— сказал он.

Я встал и поклонился золотому изображению солнца, сиявшему на стене за спиной Альхая.

— Перед лицом Ра я буду говорить только правду,— произнес я ритуальную фразу.

— Расскажи нам, как прошли испытания резонатора,— приказал Альхай.

Я обернулся к Совету и начал отчет.

— Когда я работал над первой моделью резонатора, мне часто приходилось буквально плутать в потемках. Мы догадывались, что прибор обладал огромной разрушительной силой, но я понятия не имел, как ее измерить. Как вы помните, совет постановил, что испытания должны проводиться за пределами Лемурийской империи. Я и мои помощники, понимая, что эта предосторожность разумна, отправились на юго-запад и после длительного путеше-

ствия прибыли в пустынную, слабо заселенную область в нескольких тысячах миль отсюда. Она идеально подходила для испытаний. Немногочисленные туземцы, которых мы там встречали, оказались чернокожими дикарями, а животные по большей части были пресмыкающимися. Мы решили, что резонатор не нанесет особенного ущерба этой жалкой стране, и немедленно приступили к испытаниям.

Итак, когда все было готово, мы укрылись в убежище, и я нажал кнопку. Результат превзошел все мои ожидания. Сначала ничего не изменилось — мы не видели луч, не слышали ни звука — пока вибрация не вступила в ту фазу, которую я обозначил как «все живое». И тут на наших глазах все растения — трава, листья, даже сами деревья — начали стремительно увядать. Животные, попадавшие в поле нашего зрения, умирали на месте; насекомые падали на лету.

Мы все были потрясены — я бы даже сказал, порядком напуганы. Но вскоре в нас проснулся энтузиазм, и мы с азартом приступили к тестам. Мы исследовали радиус поражения, силу оружия, границы невидимого луча и так далее, а затем перешли на новое место и начали все сначала.

Я сделал паузу, и Альхай спросил меня:

— Вы побывали на тех землях после окончания эксперимента?

— Да.

— Расскажите совету, в каком состоянии они находятся.

— Рассказывать, в общем-то, нечего. Голая пустыня безо всякого намека на жизнь.

По залу снова побежал шепот. Он затих, как только Альхай громко произнес:

— Я даю слово Афрусу, миссионеру Ра на территории Египта.

Поднялся высокий бритоголовый человек в расшитой золотом одежде, поклонился изображению солнца и начал говорить звучным, хорошо поставленным голосом:

— В Египте, где знак Ра, Господина Жизни, был явлен относительно недавно и народ еще не полностью отказался от суеверий, мы, миссионеры и слуги Ра, подвергаемся великим опасностям. Когда до нас дошла весть о резонаторе, мы подали прошение, чтобы один такой прибор был прислан в Египет для нашей защиты. Мы делали все, что в наших силах, чтобы поддерживать мир, но были готовы и к войне.

И вот наступил тот неизбежный день, когда славу Ра пришлось отстаивать с оружием в руках. С юга и запада началось наступление восставших — смуглых египтян и чернокожих дикарей. Мы направили к ним послов и предупредили, что будем безжалостны. Они убили послов. Их были сотни и тысячи против горстки слуг Ра. Нам пришлось применить резонатор.

Когда я нажал кнопку, нападающие стали падать целыми полками. Вибрация, которую мы называем «дар Ра», уничтожала людей, лошадей, деревья и цветы. Землю покрыли бесчисленные тела мятежников. Ра обрушил на них свой гнев.

Но он не помиловал и своих слуг. Разложение тел погибших людей и животных вызвало чуму, которая распространилась по всему Египту. Умер каждый третий житель, в том числе и многие из нас. Когда чума прекратилась, мы пошли взглянуть на место битвы. Раньше там были цветущие, плодородные поля — теперь там мертвая, голая пустыня. Такова мощь безжалостного взгляда Ра.

Он закончил и вернулся на место. Альхай вызвал следующего свидетеля:

— Йошин из Храма Знания!

Йошин с трудом встал на ноги. Это был согбенный бородатый старец, говоривший едва слышным голосом.

— Мы живем высоко в горах, и все, что нас интересовало до недавних пор — это чистое знание. Нас редко тревожат: ведь обычные человеческие ценности нас мало интересуют. Но недавно нас побеспокоили. Смуглые жители юго-запада не представляют для нас опасности, поскольку нас разделяют горные хребты, но с севера и северо-востока неожиданно появилось множество людей с узкими глазами

и желтой кожей. Лемурия снабдила нас резонаторами. Многим из братьев Храма пришлось на время забросить науку и погрузиться в изучение темного дела войны. Нам удалось уничтожить часть желтокожих и отбросить остальных далеко на северо-восток. Теперь за нашими северными горами простирается пустыня, как памятник безумию завоевателей.

Затем был вызван следующий свидетель. Он носил военную форму, и его отчет был кратким и точным.

— Для защиты коммуникаций между Лемурией и новой колонией Атлантида мне был выдан резонатор. После того как мы отразили атаки краснокожих, на севере Лемурии появилось несколько новых пустынь.

Он сел. Альхай вызвал еще одного свидетеля, и еще, и еще. Раз за разом повторялись доклады о новых пустынях, сотворенных этой машиной. Настрой совета постепенно менялся. Наконец Альхай отпустил последнего свидетеля и снова обратился ко мне.

— Теперь вы согласны с моим предложением, Кис-Тан? — спросил он.

— Да.

— И вы приложите все усилия, чтобы разработать более безопасную модель резонатора?

— Я приложу все усилия, но обещать не могу...

Затем в моих воспоминаниях — или видениях, не знаю, как это назвать,— произошел провал. Когда тьма перед моими глазами рассеялась, в Лемурии прошло уже несколько месяцев. Я находился в лаборатории вместе с моими помощниками. Упорная работа принесла плоды — мне казалось, что мы на пороге успеха. Полевых испытаний мы решили больше не проводить — в прошлый раз выяснилось, что они слишком опасны. Поэтому для предварительных тестов мы подготовили специальное помещение, выложенное тяжелыми каменными блоками, перенесли туда машину и поместили там же образцы растений и несколько мелких животных.

Я нажал кнопку... Через полминуты произошла катастрофа. Каменные блоки словно взорвались изнутри; каза-

лось, они мгновенно превратились в пыль. Я бросил последний взгляд на машину — она была еще цела — и в следующий миг титаническая сила навалилась на меня и разорвала на мельчайшие частицы...

Снова ощущение падения в бездонную пропасть, полет через бушующую тьму, пока я вдруг не ощутил под ногами твердую поверхность пола. Я очутился в просторной комнате рядом с высоким окном, за которым кипела деловая жизнь крупного города. Внизу на широких улицах толпился народ, а вдалеке виднелись маяк и доки крупного порта. Еще дальше, на синеющей морской глади, я видел множество кораблей с пурпурными и багровыми парусами, похожих на огромных бабочек — флотилия возвращалась домой. Я остановил взгляд на флагмане, который уже миновал маяк и входил в гавань. На палубе царила суматоха; ветер трепал ярко-красные флаги, украшенные золотым изображением Ра. Все богатства мира стекались сюда, в Цапетль — крупнейший порт Атлантиды.

Я знал, что мое имя теперь Икстан; головной убор из перьев, который я небрежно держал под мышкой, указывал на высокое положение в обществе. Я был одет в блестящую, переливающуюся на солнце тунику до колен, а плечи укутывал роскошный, расшитый перьями плащ.

За моей спиной безмолвно застыли два стражника, охраняющие двери во внутренние апартаменты. Они казались статуями из дерева и золота, ни единым случайным движением не выдавая своей принадлежности к человеческому роду. Даже когда двери внезапно распахнулись, стражники и глазом не моргнули. Я без колебаний пересек комнату, вошел в дверной проем, и двери сомкнулись за моей спиной.

Зал, в который я вошел, на мой вкус атланта выглядел слишком аскетичным и унылым. Кресла и диваны казались достаточно удобными, однако там не имелось ни драгоценных гобеленов из перьев редких птиц, обязательной принадлежности каждого богатого дома в Атлантиде, ни роскошных золотых светильников во весь потолок — ис-

точники света были тщательно замаскированы. Я прошел в дальний конец зала и приветствовал сгорбленного человека, сидящего в кресле.

— Ты вызвал меня, Цакта, и я пришел,— сказал я.

Цакта поднял седую голову и взглянул на меня. Казалось, он чем-то встревожен или расстроен. Он был очень стар; так стар, что никто не знал его истинного возраста. Даже старейшие из атлантов говорили, что прошедшие годы не изменили его, а народная молва утверждала, что Цакта бессмертен. Мудрость, накопленная этим удивительным человеком, помогла Атлантиде пережить немало кризисных моментов, и постепенно его стали воспринимать чем-то вроде пророка и полубога в одном лице. Последнее время набирала силу суеверная идея, что со смертью Цакты и самой Атлантиде придет конец.

— Да, Икстан, я посылал за тобой,— ответил старец, продолжая изучать мое лицо. Он поглаживал свою бороду и молчал так долго, что мне стало не по себе. Наконец он произнес:

— Мне сказали, ты проводишь эксперименты с вибрациями и пытаешься изобрести новое оружие. Это правда?

Я кивнул:

— Чистая правда — и я достиг даже большего, чем надеялся.

Цакта медленно покачал головой:

— Этого-то я и боялся. Тайна вибраций должна остаться тайной. Она должна быть забыта.

— Но ты сам всегда учил...

— Я учил вас искать истину, а наука — один из путей к ней. Само открытие меня не тревожит. Но если о нем узнают люди... Некоторые знания распространять просто неразумно, потому что люди еще не готовы принять их. Современные люди не могут справиться со своими страстями — как же они совладают со столь мощным оружием? Твое открытие должно быть забыто, потому что оно несет не благо, а проклятие.

— Но...

Цакта поднял руку.

— Оно должно быть забыто! Я долго обдумывал ситуацию и понял, что твое открытие несет опасность не только Атлантиде, но и всему миру.

Я разозлился. На исследования ушло много времени и денег. Мое изобретение было признано военными властями. Но если этот старый хрыч во всеуслышание скажет «нет», вся моя работа окажется напрасной. Я прекрасно осознавал его могущество и моральный авторитет. Пожалуй, ни один атлант не отважится возразить Цакте.

Похоже, старик утратил свою смекалку, подумал я. Только идиот может не понимать, что мое изобретение — это сбывшаяся мечта многих поколений о мировом господстве Атлантиды!

Цакта наблюдал за моей нарастающей яростью с видимым неудовольствием.

— Ты даже не первооткрыватель,— холодно сказал он.— Подобное оружие некогда существовало в Лемурии.

— Вот уж никогда не интересовался мифологией,— желчно возразил я.

— Лемурия — это не миф. Она была великой империей, с которой Атлантида не может даже сравниться. Лемурийцы изобрели свой тип резонатора. Они были достаточно мудрыми, чтобы осознать опасность, которую несло это открытие, но не настолько, чтобы подавить его в зародыше. Ученые проводили эксперименты, пытаясь создать безопасный резонатор, и чем это кончилось? Они допустили какую-то ошибку. Материя обратилась в хаос, земная кора ослабла, и магма прорвалась наружу. На месте Лемурии возник огромный пролом в земной коре, вся планета содрогнулась, а когда землетрясение закончилось, Лемурии больше не существовало.

— Легенда,— пренебрежительно отвечал я.— Раздутая версия небольшого локального землетрясения. Все эти истории о «великой Лемурии» годятся только на то, чтобы забавлять детей, как и любые сказки.

Цакта пожал плечами.

— Истина не меняется от того, верят в нее или нет. Лемурия, говорю я, уничтожила сама себя. Никто не должен сказать то же об Атлантиде.

Мы с вызовом глядели друг другу в глаза.

— Ты не станешь обнародовать свое открытие,— твердо сказал старик.— Резонаторы не должны быть построены.

Я рассмеялся.

— Твоя информация устарела. Шесть резонаторов уже построены и установлены на сторожевых башнях.

Цакта откинулся в кресле. Он словно постарел на глазах, на его лице появилось трагическое выражение. Наконец он спросил:

— Где именно они установлены?

— Вдоль побережья на востоке от Ацко,— ответил я.— Это защитный барьер против нападений из-за Геркулесовых столбов. Египетские варвары и дикие народы, живущие по берегам внутреннего моря, становятся агрессивными. Их выводит из себя наше процветание. Рано или поздно они нападут на Атлантиду. Резонаторы уничтожат гребцов и воинов на их кораблях, а с нашей стороны не прольется ни капли крови. Подумай об этом, Цакта, и тогда ты поймешь, что значат резонаторы для Атлантиды.

— Надеюсь, другие атланты не такие зашоренные упрямцы, как ты,— медленно отвечал Цакта.— Ты видишь только часть правды. Останутся ли твои машины исключительно оборонительным оружием? Сколько времени пройдет до того мига, когда их мощь обратится на завоевания и принесет в мир смерть, разрушения и новые пустыни? Я еще раз говорю — нет! Резонаторы должны быть уничтожены.

— А я говорю, их никто не тронет!

Мы продолжали сверлить друг на друга глазами. Взгляд Цакты стал суровым и угрожающим; на его лице отразилось твердое намерение не щадить меня. Он определенно считал, что судьба Атлантиды зависит от его решения. Я придерживался того же мнения, но с противоположной точки зрения. Бледная, покрытая голубыми венами рука Цакты потянулась вниз. Я был моложе и опередил его. Взметнулась духовая трубка, и в воздухе что-то тихо свистнуло. Трубка Цакты со стуком упала на пол, и он пова-

лился вслед за ней. Из его груди торчала маленькая оперенная стрела...

На мгновение я застыл на месте, с трудом осознавая, что натворил. Но, глядя на скорченное тело Цакты, я постепенно осознал масштаб происшедшего. Моей рукой был убит величайший из атлантов, однако я послужил только орудием — настоящим убийцей был резонатор. Первой его жертвой стал мудрейший человек в Атлантиде. Раньше я иногда ловил себя на том, что отношусь к резонатору как к разумному существу, и теперь утвердился в этом мнении. Я сражался, чтобы защитить порожденную моим мозгом личность.

Я торопливо осмотрелся вокруг. Убийство произошло почти беззвучно и, вероятно, не привлекло внимания стражников. Но они охраняли единственный выход из зала, и мне необходимо было пройти мимо них с таким видом, чтобы они ничего не заподозрили. Стоит ли рисковать? А риск был серьезным — я ведь не знал, как Цакта обычно отпускает посетителей.

Вылезти через окно казалось мне более надежным выходом из положения, при условии, что меня не заметят с улицы. Я решил, что это безопаснее, чем выходить в дверь мимо стражи. Я быстро расстегнул сандалии и привязал их к поясу; затем, мысленно поблагодарив Цакту, что он, вопреки своим аскетическим вкусам, не позаботился ободрать лепнину с внешней стороны окна, вылез и начал опасный подъем на крышу.

К счастью, апартаменты Цакты находились на предпоследнем этаже. Хотя каменная резьба на стене и облегчала подъем, но я был в плохой форме для подобных упражнений и ежеминутно опасался, что у меня закружится голова. Наконец я перекатился через карниз и растянулся на крыше, вознося хвалы Ра. Времени в моем распоряжении оставалось немного. В любой момент кто-нибудь мог войти в зал и обнаружить тело Цакты.

Я торопливо натянул сандалии, разыскал чердачное окно, спустился туда, пробежал по пустому коридору и степенно вышел через главный вход. Неподалеку висела в воздухе моя машина, балансируя на гироскопах. Я без помех добрался до

нее и скользнул на переднее сиденье. Мои руки дрожали настолько сильно, что я с трудом мог поворачивать руль. Ворота распахнулись передо мной, я вывел машину на улицу.

Первый этап бегства закончился благополучно. Но что делать дальше? Когда тело Цакты обнаружат, ни один человек в Атлантиде не встанет на мою сторону. Ни один человек?.. Нет, возможно, кое-кто из моих помощников не отступится. Резонатор означает для них все. Они поймут меня — если бы я покорился Цакте, вся их многолетняя работа обратилась бы в ничто.

Тлантек, мой старший помощник, находился неподалеку от Ацко, руководя установкой нового резонатора. Я бросил взгляд на индикаторы аккумулятора и убедился, что он полностью заряжен; этого достаточно, чтобы быстро добраться до Ацко. Я повернул в восточную часть Цапетля, выехал за город, и маленькая машина помчалась с максимальной скоростью на восток.

Через несколько часов я затормозил возле скалистой гряды в пригородах Ацко, где находился первый контрольный пункт. Над зданием в скалах высилась Первая башня, служившая опорой самому крупному из резонаторов. На севере, у самого горизонта, я видел другую башню — вторую в выстроенной нами защитной цепи.

Не успел я выйти из машины, как дверь контрольного пункта распахнулась, и в проеме возник Тлантек с духовой трубкой в руке, направленной прямо на меня. Я понял: он уже знает, что случилось.

— Цакта мертв,— сурово сказал он.— Мне сказали, что ты убил его.

Я торопливо объяснил, как это произошло, и глаза Тлантека широко раскрылись от удивления. Когда я сказал, что Цакта собирался наложить запрет на резонаторы и дальнейшие исследования в этой области, помощник недоверчиво взглянул на меня.

— Но почему? Почему?

Я повторил аргументы старика, и Тлантек нахмурился.

— Наверно, он сошел с ума. Уничтожить оружие величайшей мощи в истории человечества из-за каких-то бабьих сказок!

— И вот чем все кончилось,— завершил я свой рассказ.— Цакта принял решение, и обжалованию оно не подлежало. Или он, или резонаторы — мне пришлось выбирать.

Настала долгая пауза. Я с тревогой ожидал решения Тлантека, поскольку в тот момент моя судьба находилась в его руках. Если он захочет застрелить меня на месте, я не смогу воспрепятствовать, а его объявят национальным героем. Наконец он медленно опустил свою трубку, взглянув на нее отсутствующим взглядом, а затем перевел глаза на меня.

— Ты поступил правильно, Икстан,— сказал он.— Но все-таки лучше было найти другой способ.

Я кивнул.

— И я того же мнения — но ты же знаешь влияние Цакты. Другого способа не было.

Мы вошли в здание вместе.

— А что теперь? — спросил Тлантек.

— Мы должны связаться с другими башнями. При необходимости, резонаторы смогут постоять за себя. Как только узнают, что я здесь, нас атакуют.

Тлантек смертельно побледнел.

— Ты хочешь сказать, что мы повернем машины внутрь, в сторону материка? Что мы направим их на атлантов?

— А как еще мы сможем защитить резонаторы?

Тлантек ушел устанавливать связь с другими башнями, а я наскоро перекусил, так как страшно проголодался. Помощник отсутствовал около получаса и вернулся с выражением тревоги на лице.

— Башни 2, 3 и 5 согласны поддержать нас,— доложил он,— но номера 4 и 6 отказались. Они сообщили, что если Цакта приказал уничтожить резонаторы, мы должны подчиниться.

Я быстро обдумал ситуацию. Если башни 4 и 6 обратят свои резонаторы против нас, нам придет конец.

— Быстро! — приказал я.— Надеваем защитные костюмы!

Пока я воевал со своим костюмом, Тлантек успел натянуть свой и подошел к окну. Вдруг он вскрикнул и подозвал меня, указывая на город. Даже на расстоянии трех миль было заметно, что в городе творится что-то необычное. Из городских ворот по направлению к нам валили толпы мужчин и женщин. Вероятно, с башен 4 или 6 сообщили в Ацко, где я скрываюсь, и разъяренная толпа устремилась к первой башне, желая отомстить мне за убийство Цакты. Я подошел к транслятору и передал сообщение в штаб-квартиру гарнизона Ацко.

— Говорит Икстан,— объявил я.— Уберите этих людей, или я не отвечаю за последствия.

Я подошел к пульту управления и нажал на рычаг. Большой резонатор медленно описал круг на своем постаменте и повернулся в сторону города. Тлантек был очень бледен.

— Но это всего лишь безоружная толпа,— возразил он.

— Эта толпа вполне способна разрушить резонатор. Их надо остановить. Включай минимальную мощность.

Он неохотно повиновался. Люди еще не подошли на необходимое расстояние, и я нетерпеливо ждал. Наконец, на расстоянии около полутора миль, толпа остановилась, словно натолкнувшись на невидимое препятствие. Бегущие в первом ряду зашатались; их движения стали неуклюжими, как будто их парализовало. Слабые вибрации не могли убить их, но мешали идти вперед. Позади люди еще не поняли, что происходит, и продолжали напирать; несколько лидеров уже упали на землю и лежали неподвижно. Когда, наконец, до людей дошло, что происходит, в рядах наступающих началась паника, и вскоре они в беспорядке отступили к городу.

В помещении раздался резкий звонок. Я услышал разъяренный знакомый голос.

— Говорит Башня Номер Два. Икстан, ты обезумел?

— Резонаторы должны быть спасены любой ценой!

— Ты убил сейчас несколько человек, Икстан! — услышал я.— Мы отказываемся поддерживать дальнейшее избиение ни в чем не повинных людей.

— Но если они подойдут ближе, то от резонаторов останется мокрое место! — в отчаянии воскликнул я.

Голос ответил с усмешкой:

— А ты уверен, что не спасаешь сейчас собственную шкуру от суда? Ты же убил Цакту! Башня 2 выходит из игры, и остальные тоже.

Аппарат щелкнул, и в комнате повисло молчание. Тлантек произнес, глядя в окно:

— Они возвращаются в город.

Его слова заглушил протяжный вой где-то в небе, за которым последовал глухой звук взрыва. Мы молча переглянулись. Начальник гарнизона Ацко приказал начать бомбардировку. Я видел только один способ прекратить ее.

— Включаем резонатор на полную мощность! — приказал я.

Тлантек не шевельнулся, глядя на меня с изумленным видом.

— Мы же уничтожим весь Ацко! — воскликнул он.

— Пушки должны быть остановлены! — твердо отвечал я.

— Но в городе и окрестностях не останется ни одного живого человека. Ты сошел с ума! О боги, подумай о последствиях!

Я пожал плечами и подошел к пульту управления. Что, в конце концов, значат несколько жизней? В тот момент мне казалось, что резонатор должен быть спасен любой ценой. Но не успел я нажать кнопку, как Тлантек набросился на меня, повалил на пол и начал душить.

Защитный костюм помешал ему, и мне удалось вырваться. Я откатился в сторону и попытался встать, но Тлантек опять навалился на меня, изо всех сил молотя кулаками по моему шлему. Я потянулся к духовой трубке и вспомнил, что она осталась под костюмом. Отчаянно рванувшись, я снова отбросил Тлантека в сторону. Мы оба задыхались — защитные костюмы были довольно тяжелыми. Мои руки сомкнулись на горле соперника, но костюм оказался слишком жестким. Тогда я переменил тактику и потянулся к застежке костюма Тлантека, чтобы расстегнуть ее. Сила вибраций, направленных на город, была все еще невелика, но здесь, в непосредственной бли-

зости от прибора, мощи излучения хватило бы для моей победы.

Тлантек быстро догадался о моих намерениях и удвоил усилия. Мы катались по полу, мои руки скользили по его костюму, и мне никак не удавалось зацепить застежку. Наконец я ухватился за кольцо и рванул его вниз. Тлантек последним отчаянным усилием отшвырнул меня в сторону, но застежку я так и не выпустил, и его костюм раскрылся на груди. Я почувствовал, как Тлантек содрогнулся всем телом. Потом упал на пол и больше не шевелился.

Я поднялся на ноги, шатаясь, как пьяный. Поблизости раздался глухой звук взрыва. Сколько выстрелов было сделано, пока мы сражались? Я не считал. Удивительно, но башня пока стояла невредимой. Я с трудом подошел к пульту управления и без колебаний включил резонатор на полную мощность. Через минуту я убавил мощность и подошел к окну.

Даже я был потрясен увиденным. До самого горизонта местность выглядела полностью опустошенной. Травы, деревья, кусты, цветы — все завяло, словно их коснулась рука смерти. Я взглянул в сторону Ацко. Город казался безжизненным; возле главных ворот валялось множество трупов. Только из труб над домами все еще поднимался дым очагов. Дорогу на побережье устилали тела мужчин и женщин, которые минуту назад были живы и возвращались в город. В гавани корабли с мертвыми экипажами покачивались на волнах и сталкивались с громким треском. Но самое главное — по крайней мере, для меня — пушки замолчали. Резонатор был спасен.

Я вернулся к пульту и отключил резонатор. Он блестяще выполнил свою задачу. На несколько миль вокруг не осталось ничего живого. Я вышел на улицу и посмотрел вверх, на огромный прибор. Моя рука невольно поднялась, отдавая ему честь.

Я смутно помню, сколько времени прошло с того момента — возможно, два или три дня,— когда я заметил на горизонте какое-то движение. Вскоре я разглядел колонну

вооруженных людей, которые двигались прямо в мою сторону. Их униформа показалась мне незнакомой; более того, вслед за колонной ехали неизвестные мне машины.

Все ясно — начиналась атака. Я ее ожидал. Ничего, пусть подойдут немного поближе, думал я, и на этом их поход окончится. Я с нетерпением ждал, одержимый единственным желанием — нет, не убивать, но продемонстрировать всем и каждому неоспоримое превосходство моего резонатора над любым видом вооружений; триумф человеческого гения, величайшую силу в мире. «Еще десять миль,— громко произнес я,— и ты им покажешь».

Атакующие неторопливо приближались, и мое терпение постепенно иссякало. Наконец, когда нас разделяло не больше двенадцати миль, я сказал резонатору: «Сейчас они узнают, кто тут хозяин»,— и нажал кнопку.

Но то, что я увидел потом, повергло меня в настоящий ужас. Никогда раньше я не был так растерян. Колонна продолжала двигаться — медленно, но все так же неуклонно. Быстрый взгляд на датчики убедил меня, что прибор исправен и работает нормально. Что же случилось!?

Внезапно я догадался. Незнакомая униформа солдат была всего-навсего защитными костюмами. Наверно, секрет раскрыл один из моих помощников, которые управляли другими резонаторами. Я навел аппарат прямо на колонну, включил полную мощность и подумал — сколько времени они смогут продержаться? За себя я не опасался, поскольку находился под воздействием только отраженного излучения. Все, что мне оставалось, это положиться на время и ждать.

Прошло полчаса. Колонна продолжала двигаться. Я начал терять надежду. Внешне казалось, что резонатор вообще не работает. Я с горечью улыбнулся, вспомнив, с каким предосторожностями мы включали небольшие испытательные модели — самое длительное время работы, которое мы осмеливались задавать, было две минуты. Мы не знали, чего боимся, но на всякий случай старались не рисковать. А как выяснилось, бояться было нечего!

Внезапно что-то произошло. В пяти милях от меня в земле возникла длинная трещина. В небо поднялась туча

пыли; когда она развеялась, я увидел на месте трещины огромный провал, который с каждой секундой становился все глубже. Колонна остановилась; люди в защитных костюмах в ужасе заметались и рассыпались в разные стороны.

Земля содрогнулась. Пол закачался у меня под ногами, и я упал. Сверху раздался грохот камней и треск — это накренилась башня. Я ползком добрался до пульта и отключил резонатор. Но я понимал, что уже слишком поздно. Цакта оказался прав. Сила резонатора была гораздо больше, чем я предполагал; он не только уничтожал живые существа, но и разрушал неживую материю.

Провал на глазах превращался в бездонную пропасть. Подземное давление нарастало. Еще один удар тряхнул пункт управления. Я подполз к окну. Земля ходила ходуном, во все стороны разбегались глубокие трещины. Что я наделал?! Зачем я это устроил? Землетрясение такой силы может уничтожить всю Атлантиду!

Сильнейший удар заставил меня вцепиться в оконную раму. Скалы на севере раскололись сверху донизу; море превратилось в одну гигантскую ревущую волну. Из-под земли поднялся столб бушующего пламени, достигающий неба. Огонь глубин вырвался на свободу...

Дэвид Хикстон немного помолчал и закончил свой рассказ:

— Потом я услышал голос Фосдайка. Он все еще бубнил насчет того, что «это оружие даст нам господство над миром». Я не мог этого вынести, поднялся и вышел из зала. Почти бегом добрался до своей лаборатории, думая только об одном. Я должен уничтожить резонатор.

Кис-Тан из Лемурии пожалел свое изобретение. Где теперь Лемурия? Икстан из Атлантиды отказался уничтожить его. Где теперь Атлантида? Никто не сможет сказать, что Хикстон создал резонатор на погибель миру.

Я взял кувалду, вошел в лабораторию и принялся за работу. Но Алан услышал шум и не дал мне довести дело до конца. И теперь резонатор у них. Через десять лет мое

имя будет проклинать каждый человек на земле — я имею в виду, каждый, кто останется в живых.

Диана взяла его за руку.

— Дорогой, резонатора больше нет. От него остались только обломки. Ты уничтожил какую-то важную деталь — я не знаю какую, и они тоже не знают. Резонатор не работает, и с этим уже ничего не поделать.

Дэвид взглянул на нее непонимающим взглядом.

— Ты хочешь сказать...

— Да, дорогой. Все бесполезно. Никто из твоих ассистентов не может восстановить его.

Глаза Дэвида вспыхнули, лицо оживилось. Он захохотал, по щекам потекли слезы. Смех становился все более громким и безумным. Диана попыталась успокоить его, но хохот и рыдания нарастали и нарастали. Через газон уже бежали два санитара. Один из них повел Дэвида за локоть к зданию больницы, а другой предложил Диане проводить ее к выходу.

— Ваше появление чересчур взволновало его,— сказал он осуждающе.— Не надо было вам приходить.

— Но он не сумасшедший! — возразила Диана.— Я имею в виду, он не настоящий сумасшедший...

Санитар прислушался к взрывам истерического хохота, все еще долетавшим издалека, и покачал головой.

— Ну, это, смотря что вы называете сумасшествием,— ответил он.

ЧЕЛОВЕК С ЗЕМЛИ

Глава 1
СУЩЕСТВА ИЗ ДОЛИНЫ

Одной из интереснейших достопримечательностей Такона в те дни была выставка находок, сделанных в Долине Дар (все венерианские названия, передаются похожими по звучанию эквивалентами). В специально построенных для этой цели выставочных залах целыми днями толпились таконианцы и гости города, заглядывая в решетчатые и стеклянные клетки с выражением трепета, восторга, интереса или насмешки, в зависимости от характера экспонатов.

Разумеется, большую часть толпы составляли праздные зеваки, которых привлекает любое необычное зрелище, особенно если оно недорого стоит; они рассеянно скользили взорами по экспонатам, готовые изумиться или восхититься, но в то же время игнорировали попытки гидов пробудить в них интеллектуальный интерес. Лишь один-два посетителя рассматривали экспонаты с неподдельным интересом.

Но если отношение взрослых к выставке и было поверхностным, о детях такого не скажешь. Каждый день в выставочные залы приходили классы, которым учителя наглядно демонстрировали условия доисторической жизни планеты. Магон — учитель биологии в одной из лучших школ Такона — не без труда выполнял обязанности гида перед двадцатью учениками своего класса. Пробираясь в

толпе, он следил, чтобы дети не разбегались и одновременно рассказывал им о Долине Дар.

— Благодаря исключительно удачному сочетанию природных компонентов в Долине Дар сложился уникальный микроклимат. Ничего подобного на Венере не существует — по мнению экспертов, это место единственное в своем роде. Экспозиция, которую всем предстоит увидеть,— это не музей и не зоопарк, а нечто среднее.

Ученики слушали вполуха. Они вертелись, пихались, бросали любопытные взгляды на длинный ряд стеклянных витрин и клеток, вставали на цыпочки и вытягивали шеи. Горожане Такона, проходящие мимо, наблюдали за их энтузиазмом с добродушной симпатией. Магон разгладил рукой серебристый мех на голове и продолжил свою речь.

— Существа, с которыми вы познакомитесь, пришли к нам из разных эпох. Некоторые из них появились еще до того, как на Венере зародилась разумная жизнь. Другие являются современниками наших далеких предков — которым, чтобы выжить в полном опасностей мире, приходилось очень быстро бегать на шести ногах...

— Шесть ног? — раздался удивленный голос. Кто-то из учеников фыркнул, но Магон невозмутимо продолжал объяснения.

— Да, Садул, на шести ногах. Разве ты не знал, что наши отдаленные предки передвигались именно таким образом? Прошло много тысяч лет, прежде чем они поднялись на четыре ноги, но пока они это не сделали, прогресс был невозможен. Только у четырехногих смогли развиться достаточно чувствительные передние конечности.

— Наши предки были животными, сэр?

— Ну... э-э... что-то в этом роде.— Магон понизил голос, чтобы не оскорбить чувства проходящих мимо посетителей.— Но как только они твердо встали на четыре ноги, произошла грандиозная перемена: наш род начал подниматься вверх по лестнице эволюции, и все еще поднимается по ней.

Он оглянулся, окруженный покрытыми серебристым мехом лицами с горящими глазами. На мгновение его взгляд остановился на утонченных конечностях, развившихся из

неуклюжих передних ног. В эволюции было нечто волшебное; все-таки поразительно, что он, его раса стали венцом творения. Лохматый шестиногий зверь превратился в создание, гордо шагающее на четырех ногах, передняя часть туловища которого поднята вертикально, а глаза смотрят на мир без страха и упрека. Признаться, у нескольких учеников состояние шерсти не слишком-то отличалось от того, как она описана у далеких предков — серебристый мех был взлохмачен и чем-то испачкан. Ну что же, мальчишки есть мальчишки; без сомнения, став взрослыми, они начнут причесываться аккуратнее.

— Долина Дар...— начал он снова, но в этот момент подошел экскурсовод.

— Группа школьников? — спросил он.

— Да.

— Сюда, пожалуйста. Вы рассказали им, что такое Долина?

— Немного,— признался Магон.— Но если вы дополните...

— Разумеется.

Экскурсовод быстро затараторил текст, который, очевидно, повторял уже много сотен раз.

— Долину Дар смело можно называть чудом природы. Некогда в древние времена воздух Долины превратился в уникальное сочетание газов — мы еще не знаем, как это произошло. Предположительно, газы выделяются из глубоких трещин в почве.

Это сочетание газов имеет два интересных свойства. Во-первых, оно вводит живое существо в состояние анабиоза, а во-вторых, позволяет сохранять это состояние в течение любого времени. С тех пор как сформировалась специфическая атмосфера Долины, любое попавшее сюда животное оставалось здесь навсегда, целым и невредимым. Временной предел этого состояния пока не определен.

В древние времена наши предки считали Долину заколдованным местом, и лишь год назад, с изобретением противогаза, нам удалось раскрыть ее тайну. Мы обнаружили, что животных и растения Долины можно вернуть к жизни — разумеется, с применением специальных мер. Подоб-

ные экземпляры вам и предстоит увидеть: флора и фауна, появившаяся миллионы лет назад — и все еще живая.

Экскурсовод остановился напротив первой витрины.

— Сейчас мы познакомимся с Углеводородной Эрой. Гигантские мхи и папоротники произрастают в особой атмосфере. Они появились еще в те времена, когда Венера была очень молодой планетой. Из спор этих растений мы надеемся вырастить новые. А здесь,— он перешел к следующей витрине,— мы видим один из самых прекрасных экспериментов природы — первые цветы.

Слушатели послушно перевели взгляды на огромный белый цветок за стеклом. Им было неинтересно; фауна куда привлекательней для детского ума, чем флора. Мощный рев заставил здание содрогнуться, и ученики как по команде отвернулись от цветка, сразу забыв о нем. Экскурсовода уже почти не слушали; только Магон, к всеобщему раздражению, принялся задавать ему вопросы. Наконец ботанические витрины остались позади, и группа школьников подошла к клеткам.

За первой решеткой без устали металось туда-сюда рептилеподобное существо, волоча за собой толстый хвост. Время от времени оно поднимало голову и испускало пронзительный вой. Рептилия была темно-серого цвета с гладкой кожей. Как и многие другие древние твари, она казалась черновым наброском, сделанным природой перед тем, как приняться за настоящую работу.

— Это,— хозяйским жестом указал на рептилию экскурсовод,— так называемый strutothiomimus — динозавр, способный бегать с высокой скоростью. Это качество нужно ему не для нападения, а для защиты, поскольку strutothiomimus является вегетарианцем.

На некоторое время воцарилось молчание — ученики переваривали информацию.

— То есть он убегал от врагов? — спросил кто-то.

— Да.

Ученики слегка разочарованно посмотрели на неудачливого ящера. Им хотелось чего-нибудь посерьезнее. Они хотели увидеть — разумеется, с безопасного места — древних хищников, повелителей планеты, чья жадная утроба

обращала в бегство strutothiomimus и ему подобных. Экскурсовод между тем продолжал рассказ.

— Далее мы видим Hesperornis, зубастую птицу. Это создание, занимающее промежуточное звено между Archeopterix и современной птицей, особенно интересно тем...

Но класс слушал невнимательно. Чем дальше продвигалась экскурсия, тем яснее становилось, что интересы гида и школьников не совпадают. Мимо самых впечатляющих и ужасающих рептилий экскурсовод быстро проходил, замечая на ходу:

— Эти существа не представляют интереса, являясь бесплодной ветвью на древе эволюции. Это ошибки природы.

Вскоре они подошли к маленькой клетке, где обитало одно-единственное странное создание. Оно стояло на двух лапах, хотя у него имелось четыре.

— Эта находка,— сказал экскурсовод,— одна из самых загадочных в нашей коллекции. Мы еще не знаем, к какому биологическому виду следует ее отнести. В спешке последних месяцев ученые пока не уделили этому существу внимания, которое оно, без сомнения, заслуживает. Очевидно, что оно относится к не самой отдаленной эпохе,— видите, существо частично покрыто мехом, главным образом на голове и морде. Оно твердо стоит на двух лапах, что указывает на высокую стадию развития. Но самое загадочное заключается в том, что не найдено никаких промежуточных звеньев — это существо единственное в своем роде.

Кроме того, в ходе кормления мы обнаружили, что, хотя зубы существа указывают на его принадлежность к травоядным, оно предпочитает мясные продукты. В общем, этот природный феномен ждет своих исследователей. В ходе исследования Долины мы рассчитываем найти еще несколько особей.

Существо поднялось и угрюмо посмотрело на школьников. Затем оно раскрыло рот, но вместо ожидаемого рева издало что-то вроде щебета, сопровождаемого странными движениями передних конечностей. Дети столпились у клетки, наконец-то заинтересовавшись: ведь об этом существе взрослые знали не больше, чем они сами.

Маленький Садул увлекся диковинным зверем куда сильнее, чем доисторическими ящерами с непроизносимыми именами. Он подошел вплотную к клетке и уставился на существо. Их глаза встретились, и зверь издал еще несколько странных звуков. Потом подошел поближе к прутьям, наклонился и начал царапать землю передней лапой.

— Что он делает? — спросил кто-то.

— Наверно, разыскивает пищу,— предположил другой.

Садул продолжал с интересом наблюдать. Когда экскурсовод повел группу дальше, он ухитрился задержаться возле клетки. Его не беспокоили другие посетители, тем более что они, по большей части, побежали глазеть на кормление хищных ящеров. Садул смотрел, как существо чиркает лапой по земле. Потом оно выпрямилось, взглянуло в глаза школьнику и указало лапой вниз. На пыльном полу виднелся ряд знаков: не картинок и не символов. Они показались Садулу бессмысленными.

Существо встретило взгляд Садула, что-то проворчало и снова принялось царапать землю. Школьник подошел еще поближе («Магон ужасно разозлился бы»,— подумал он) и взглянул на пол...

Существо отступило назад и снова указало вниз. Садул был поражен. В пыли виднелся рисунок венерианина — может быть, даже его самого. Словно в подтверждение, существо указало на Садула, а потом на свой рисунок.

Садул разволновался: он сделал открытие! Разве бывают звери, умеющие рисовать? Он о таких не слышал. Первым движением его было бежать и звать остальных, но любопытство оказалось сильнее. Он вытащил из сумки табличку для записей и стило. Зверь жадно схватил оба предмета и принялся водить по табличке неправильным концом стила. Садул поправил его и придвинулся вплотную к решетке, заглядывая зверю через плечо.

Сначала существо нарисовало круг в центре таблички и показало наверх. Садул взглянул на потолок, но не заметил там ничего, стоящего внимания. Существо нетерпеливо покачало головой. Вокруг первого круга оно нарисовало второй с пятнышком сбоку, а потом третий с еще одним пятнышком. Садул все еще ничего не понимал.

Затем рядом с пятнышком на втором круге существо изобразило маленького Садула, а рядом с третьим кругом — себя. Что же он хочет мне сказать, пытался понять Садул. Лапа существа снова указала на лампочку под потолком, а потом существо развело передние конечности широко в стороны. Свет... огромный свет...

Внезапно Садул догадался. Солнце! Солнце и планеты! Едва не подпрыгивая от возбуждения, он схватил свою табличку и кинулся по коридору разыскивать свою группу. Человек в клетке проводил его взглядом, и когда крики венерианина стихли вдалеке, он улыбнулся — первый раз за долгое, долгое время...

Глава 2
РАССКАЗ ЗЕМЛЯНИНА

Гоин, преподаватель фонетики, вошел в кабинет своего друга Дагула, антрополога Университета Такона. Пожилой Дагул рассердился было на нежданное вторжение, но при виде Гоина сразу просветлел и сердечно приветствовал его.

— Прошу прощения,— извинился он,— последнее время у меня слишком много работы. Эта находка в Долине Дар дала нам столько материала, что я совершенно перегружен.

— Ну, если вы слишком заняты, тогда...

— Нет, нет, входите. Я рад вас видеть в любое время.

Они расположились на низком диване, вытянув перед собой восемь пар ног. Дагул предложил выпить прохладительного напитка.

— Ну что, вы записали историю этого землянина? — спросил он. Гоин достал из сумки пакет плоских табличек.

— Да, в конце концов, он нам рассказал все. Мне помогали все мои аспиранты и некоторые студенты, но это оказалось нелегко. Похоже, земляне дальше продвинулись в физике и технологических науках, чем мы, и поэтому часть его рассказа просто непереводима, но общий смысл нам ясен. Судя по всему, этот Грац был порядочным негодяем — и он совершенно этого не стыдится.

— Если вам стыдно, то вы уже не негодяй,— возразил Дагул.

— Я с вами согласен; но этот человек заставил меня призадуматься. Древняя Земля была тем еще местом!

— Неужели хуже Венеры? — саркастически спросил Дагул. Гоин задумался.

— Думаю, да — судя по его рассказу. Но, возможно, все дело в том, что ее развитие пошло дальше. И мы катимся туда же: лоббирование, спекулянты без чести и совести, политиканы... Я думал, все это существует только у нас, но на Земле вся эта дрянь имелась еще раньше и в еще больших масштабах. Может, на Марсе было то же самое, кто знает...

— Что, простите? — улучив момент, вмешался Дагул.— Вы имеете в виду, что на Земле существовала вся эта грязь, и даже в большей степени, чем у нас?

— Совершенно верно. Разве после этого вы не согласитесь с утверждением, что жизнь — это заразная болезнь, поражающая умирающие планеты, которая по мере развития становится все опаснее? А что касается разума...

— Разум — это ловушка природы,— сказал Дагул,— я пришел к этому заключению давным-давно. Если у вас не хватает мозгов, вас унижают; если они у вас есть, вы унижаете других, а с ними заодно и себя.

Гоин ухмыльнулся. Умозаключения Дагула не отличались новизной и оригинальностью.

— Инстинкт самосохранения,— начал он.

— Еще одна ловушка, если это относится ко всему виду,— закончил за него Дагул.— Отдельные индивидуумы могут защищать себя, но особенность разумного вида — постоянные попытки самоуничтожения. Если говорить отвлеченно, я этому очень рад. Из всех разрушительных, бессмысленных, бесцельных...

Гоин дал ему выговориться — он по опыту знал, что остановить это словоизвержение невозможно. Дождавшись паузы, он передал Дагулу пакет с табличками.

— Здесь вся история. Боюсь, она усугубит ваш пессимизм. Этот человек, Грац, открыто заявляет, что он — убийца, и это не единственное из его преступлений.

— Интересно, почему он признался?

— Здесь все сказано. Он утверждает, что хочет предостеречь нас против землян.

Дагул слегка улыбнулся.

— Так вы еще не сказали ему?

— Нет. Пока нет.

Дагул взял верхнюю табличку и начал читать:

«Я, Морган Грац, с планеты Земля, пишу эти строки, чтобы предостеречь обитателей Венеры. Держитесь подальше от Земли; если контакт все же состоится, будьте осторожны. Кроме того, я предупреждаю вас — не поддерживайте никаких отношений с двумя крупнейшими земными корпорациями. Если вы не послушаете меня, то скоро пожалеете; вы поймете, что, Земля — это рассадник заразы, способный отравить всю вселенную, но будет поздно.

Рано или поздно они сюда явятся. Представители „Металлик Индастриз" либо „Интернешнл Кемикалз" будут предлагать вам заключить торговые договора. Не слушайте их. Не верьте их медовым речам, потому что они лжецы и слуги лжецов. Если вы поверите им, то скоро возненавидите Землю так, как ненавижу ее я, а ваши дети проклянут вас. Прочитайте это, и вы увидите, как они обошлись со мной, Морганом Грацем.

Я начну свой рассказ с того, как впервые появился в кабинете директора на последнем этаже огромного здания, в котором располагается управление «Металлик Индастриз». Секретарь захлопнул за мной тяжелые двери и объявил:

— Грац, сэр!

Девять человек, сидевших вокруг длинного стола со прозрачной столешницей, одновременно обернулись ко мне, но я сосредоточил взгляд на председателе.

— Доброе утро, мистер Дрэкин,— сказал я.

— И вам того же, Грац. Вы знакомы с остальными членами Совета директоров?

Я пробежал глазами вдоль ряда лиц. Некоторых я узнал по фотографиям в иллюстрированных журналах; других опознал по устным описаниям, да и ожидал, что встречу их

здесь. Совет директоров „Металлик Индастриз“ не представляет собой ничего загадочного. В него входят несколько богатейших людей мира, а это означает, что они всегда в центре внимания прессы. Я не только был знаком с их внешностью, но в общих чертах — и с их биографиями. Итак, я промолчал, и председатель продолжил:

— Я получил ваши доклады, Грац, и должен вас похвалить: это ясные и точные документы, не допускающие разночтений. Даже порой чересчур ясные. Они встревожили меня, и мне кажется, наступает время решительных действий. Однако прежде, чем предпринять необходимые шаги, я попрошу вас пересказать этим господам основную суть ваших... э-э... докладов.

Я был готов к вопросу и отвечал без колебаний.

— Когда мистеру Дрэкину стало известно, что „Интернешнл Кемикалз“ собираются строить космический корабль, он связался со мной и сделал определенное предложение. Я, будучи служащим „Интернешнл Кемикалз“, работающим над этим проектом, должен был снабжать его текущей информацией, передавать копии документов — в общем, держать в курсе дела. Более того, я должен был разузнать, не вызывая подозрений, как можно больше о цели предстоящей космической экспедиции. С первой частью работы я успешно справлялся на протяжении долгого времени — председатель это подтвердит. Что касается второго вопроса, то ответ на него я узнал только на прошлой неделе. Я говорю о предполагаемом месте, куда отправится корабль.

Я сделал паузу. По залу пробежал шепот. Несколько человек наклонились вперед с нескрываемым интересом.

— Ну,— спросил худой человек с хищным лицом, сидящий справа от председателя,— и куда же они летят?

— Намерение компании,— ответил я,— послать корабль под названием „Нунция“ на Венеру.

Все впились в меня глазами: кроме Дрэкина, для которого это уже не являлось новостью, остальные казались ошеломленными. Первым обрел голос уродливый толстяк.

— Глупости! Это нелепо! Никогда не слыхал о таких вещах! Чем вы можете доказать это нелепое заявление?

Я холодно взглянул на него.

— Шпионы редко располагают доказательствами. Вы должны верить мне на слово.

— Абсурд! Фантастическая глупость! Вы стоите здесь и с серьезным видом пытаетесь убедить нас в ничем не подтверждаемой гипотезе. Интернешнл Кемикалз собирается послать корабль на Венеру? Даже Луна вызывает серьезные сомнения! Или они вас надули, или вы просто сошли с ума. Никогда не слышал такой чуши. Подумайте только, Венера!

Я посмотрел в упор на этого человека. Мне не нравилось ни его лицо, ни манеры.

— Мистер Бол намеревается оспорить мой доклад,— сказал я.— Это, джентльмены, не может удивить ни вас, ни меня, поскольку последние сорок лет мистер Бол не способен усвоить ни одной новой идеи.

Мистер Бол вытаращил глаза от такой наглости, а кое-кто из присутствующих ухмыльнулся. Должно быть, впервые его миллионы оказались бесполезными. Но в тот момент я занимал более сильную позицию.

— Какая дерзость! — наконец смог выговорить он.— Возмутительная дерзость! Господин председатель, я требую, чтобы этого человека...

— Мистер Бол,— холодно прервал его тот,— пожалуйста, следите за своим поведением. Присутствие здесь Граца доказывает, что ему верю не только я, но и большинство присутствующих, и я имею основание воспринимать его сведения серьезно.

— Глупости! Если вы собираетесь верить каждой байке, которую расскажет платный шпион...

— Мистер Бол, позвольте нам вернуться к сути вопроса. Вы знаете, как и все мы, что „Интернешнл Кемикалз" строит космический корабль. Почему же информация о месте его назначения вызывает у вас такое отторжение? Еще раз попрошу вас контролировать свое поведение.

Мистер Бол присмирел и угрюмо кивнул, бормоча неопределенные угрозы, а председатель снова обернулся ко мне.

— В чем цель экспедиции? — задал он вопрос.

Я высказал предположение, что корпорация намеревается застолбить потенциальные источники сырья. Председатель кивнул и повернулся к остальным:

— Вы понимаете, джентльмены, что это означает? Едва ли необходимо напоминать вам, что „Интернешнл Кемикалз"— наш самый главный конкурент. Пересечение наших интересов неизбежно. Металлы и продукты химической промышленности не могут существовать по отдельности: они взаимозависимы. Нас ждет грандиозная битва — битва за выживание. В настоящий момент источники сырья распределяются между нашими компаниями примерно поровну, и такое положение может сохраняться еще несколько лет. Но если их корабль завершит свое путешествие успешно, чем все это кончится?

Во-первых, разумеется, богатейшие источники сырья на Венере окажутся в распоряжении „Интернешнл Кемикалз". Со временем организуется их ввоз на Землю. Нет, это не произойдет сразу; но рано или поздно это неизбежно случится. Если путешествие будет успешным, наши соперники не успокоятся, пока не наладят грузовые перевозки между двумя мирами. Через десять лет или через сто это произойдет, и „Металлик Индастриз" придет конец.

Воцарилось долгое молчание. Дрэкин огляделся, чтобы оценить эффект своей речи.

— Грац сказал мне,— продолжал он,— наши конкуренты уверены, что корабль способен совершить этот перелет. Так ли это?

— Да, так,— ответил я.— Они на сто процентов верят в успех, так же как и я.

Старик Бол снова подал голос.

— Если это все не глупости, почему мы позволили им построить этот корабль? Какой смысл иметь шпиона, не способного помешать его постройке? — он взглянул на меня.

— Вы хотите сказать...— начал Дрэкин.

— Я хочу сказать, что этот человек мог причинить кораблю любой вред и не сделал этого. Разве сложно было устроить „случайный" взрыв...

— Совсем несложно,— ответил Дрэкин.— Так несложно, что „Интернешнл Кемикалз“ сразу поняли бы, чьих рук это дело — и к числу наших проблем добавилась бы весьма разорительная вендетта. Более того, они ужесточили бы контроль, и мы остались бы без сведений вообще. Все мы согласны, что полет „Нунции“ должен окончится провалом — но никаких подозрений относительно нашей корпорации возникнуть не должно. „Нунция“ отправится в полет благополучно, но назад она не вернется.

Грацу предложили принять участие в экспедиции, но он еще не дал окончательного ответа. Я предлагаю ему ответить согласием и обеспечить провал экспедиции — детали он должен обдумать сам.

Дрэкин принялся излагать свой план. Сразу после вылета „Нунции“ „Металлик Индастриз“ немедленно начинает постройку своего корабля и как можно скоре отправляет его на Венеру. Я тем временем ожидаю на борту „Нунции“ его прибытия. Если планета, вопреки прогнозам, окажется обитаемой, я должен установить контакты с местным населением и настроить их против „Интернешнл Кемикалз“. Когда прибудет второй корабль, я отправлюсь обратно на Землю, а команда представителей корпорации примется изучать и захватывать территорию. По возвращении я получу плату, достаточную, чтобы прожить остаток жизни богатым человеком.

— Вам предстоит провести для нас огромную работу,— закончил Дрэкин,— а мы не забываем тех, кто нам служит.

Он взглянул мне в глаза и спросил:

— Вы это сделаете?

— Я бы хотел подумать день или два,— ответил я.

— Разумеется. Это вполне естественно; но, поскольку у нас мало времени, я буду ждать вашего ответа завтра в этот же час. Это позволит нам принять меры в случае вашего отказа.

— Хорошо, сэр. Ответ будет завтра.

На этом я оставил их и вышел. О дальнейших переговорах я мог только догадываться. И если мои догадки были правильными...

Я не сомневался, принимать ли мне их предложение; мне просто не хотелось проявлять излишнее рвение. Я уже давно решил отправиться в полет, из которого „Нунция" не вернется. Я вынашивал эти планы со дня смерти моих родителей. „Интернешнл Кемикалз" не только убили моего отца — он умер от излучения из-за того, что они сэкономили на средствах защиты,— они украли его изобретения и ограбили его семью, разорившуюся в ходе продолжительной тяжбы.

Этого уже хватило бы, чтобы дать клятву вечной мести — но я еще не закончил. Моя мать умерла в нищете, когда пара сотен фунтов могли спасти ее жизнь. Однако все наши деньги ушли на тяжбу с корпорацией. После этого я поменял имя, устроился на работу в „Интернешнл Кемикалз" и усердно работал там много лет. Я не хотел удовольствоваться банальной местью: я собирался занять ответственный пост и причинить им вред, от которого они не оправятся.

Я продался „Металлик Индастриз", поскольку они были основными конкурентами моей компании, и, наконец, получил шанс погубить космический корабль, на который они возлагали столько надежд. Мне придется сделать это одному, но потом я буду свободен всю жизнь. Да, я должен согласиться. „Нунция" совершит только один полет — туда. Обратного не будет.

Но все равно я хотел бы узнать, что они обсуждали в кабинете директора, когда я вышел оттуда...

Глава 3
РОКОВОЙ ПОЛЕТ

„Нунция" уже две недели находилась в космосе, но этот факт никого не радовал.

За две недели экипаж сократился с девяти человек до семи, и это не могло не сказаться на нашем боевом духе. Никаких конкретных подозрений не было — просто чувство, что все идет „не так". Ходил слух, что Хаммер и Драфт сошли с ума и покончили с собой. Но почему они

сошли с ума? Это особенно тревожило оставшихся в живых. Кто знает, какие неуловимые процессы происходят с нашим мозгом в космосе? Возможно, все мы потеряем разум?

В замкнутом пространстве корабля бродили странные фантазии. Разгул воображения приводил к тому, что мы начинали верить любой басне. Говорят, так происходило с матросами на древних кораблях, и возникали „летучие голландцы" — корабли без экипажа, несущиеся неведомо куда. То же самое происходило с нами. Космонавты объясняли смерть своих товарищей таинственными, сверхъестественными причинами, что никогда не случилось бы на Земле. Меня это все весьма веселило.

Первым умер Дэйл Хаммер, второй пилот: молодой, горячий, великолепный профессионал, сверх меры гордый тем, что его включили в состав команды „Нунции". Он отправился спать в самом жизнерадостном настроении. А через несколько часов его нашли мертвым в своей каюте с коробкой таблеток снотворного в руке. Наверно, он принял по ошибке слишком большую дозу, решили все: это вполне объяснимо, хоть и трагично.

После исчезновения Роса Драфта по кораблю поползли суеверия. Он был странным, молчаливым, с горящими лихорадочным энтузиазмом глазами. Неудача могла бы привести его в отчаяние, но на этапе полета ему совершенно незачем было умирать. Он был конструктором „Нунции", мечты его жизни, и она отвечала всем его ожиданиям. По возвращении „Нунции" его имя прославилось бы, его лицо смотрело бы со всех обложек журналов — лицо победителя гравитации, покорителя Венеры.

И вот он исчез... стрелка на датчике атмосферного давления слегка качнулась, и Драфта больше никто не видел.

Никто по-прежнему ничего не подозревал. Ни меня, ни кого другого даже не допрашивали. Никто даже предположить не мог, что некий член экипажа может точно рассказать, как умерли Хаммер и Драфт. В воздухе витало ощущение, что дела плохи.

Но вот пробил час еще одного...

Уорд Говерн, главный инженер, разговаривал в рубке с капитаном Таннером. Остальные занимались своими дела-

ми. Я проскользнул в каюту Говерна незамеченным, вытащил из ящика стола пистолет и засунул его в карман. Потом я открыл вентиляционное отверстие, выходящее из каюты в коридор, и, оглянувшись по сторонам, осторожно вышел из каюты.

Мне не пришлось долго ждать. Меньше чем через четверть часа раздалось клацанье магнитных подошв по железному полу, и мимо меня в свою каюту бодро прошествовал инженер. Общее угнетенное настроение практически не затронуло его. Я услышал, как за ним захлопнулась дверь. Тогда я подкрался к вентиляционному отверстию так тихо, как позволяли металлические ботинки.

Мне было все прекрасно видно. Он снял магнитные ботинки и, сидя на краю койки, записывал в свой дневник события прошедшего дня. Я засунул дуло пистолета в вентиляционное отверстие и тихо поскреб ногтем по стене. Требовалось подманить его поближе, иначе мог начаться пожар.

Царапанье привлекло внимание инженера. Он поднял голову и озадаченно прислушался. Я продолжал царапать. Тогда он решил проверить, в чем дело, открепился от койки и неуклюже поплыл в сторону вентилятора. Я подпустил его поближе и выстрелил.

В коридоре позади меня раздался грохот металлических ботинок и встревоженные крики. Я сунул пистолет за пазуху, спрятался за угол и выскочил оттуда одновременно с людьми, подбежавшими с другой стороны. Мы открыли дверь и заглянули внутрь. Тело Говерна в рое красных шариков медленно отплывало к середине комнаты.

— Скорее! — закричал я.— Вызовите капитана!

Один из вбежавших вслед за мной членов команды развернулся и вышел. Тем временем я склонился над телом Говерна и незаметно вложил ему в руку пистолет. Через несколько секунд в дверях каюты столпилась вся команда. Капитан отодвинул их, подошел к Говерну и начал рассматривать. Признаться, это было неприятное зрелище. Без сомнения, выстрел был сделан с близкого расстояния. Капитан скользнул взглядом по руке, держащей пистолет.

— Что случилось? — спросил он.

Никто не мог дать ответ.

— Кто его нашел?

— Я, сэр,— сказал я.— На секунду опередил остальных.

— Кто-нибудь был с вами, когда вы услышали выстрел?

— Нет, сэр. Я как раз шел по коридору...

— Совершенно точно, сэр. Мы видели, как Грац выбегал из-за угла,— поддержал меня кто-то.

— А больше вы никого не видели?

— Нет, сэр.

— Как вы думаете, мог ли кто-нибудь войти в комнату в промежуток между выстрелом и вашим появлением?

— Это невозможно, сэр. Он должен был выскочить прямо на меня или наткнуться на других. Да и времени ему не хватило бы.

— Понятно. Помогите мне разобраться с этим.

Он обернулся к остальным, все еще стоящим в дверях.

— Вы можете возвращаться к работе.

Двое ушли; но еще двое, Уиллис и Трэйл, оба механики, остались стоять, где стояли.

— Вы что, не расслышали? Уходите отсюда!

Механики продолжали топтаться на месте. Наконец Уиллис выступил вперед, и капитан не поверил своим ушам, услышав настойчивую просьбу развернуть „Нунцию“ назад.

— Да вы не понимаете, что говорите...

— Я понимаю, сэр, и Трэйл понимает. На корабле творится что-то странное. Когда люди убивают себя вот так, это неестественно. Возможно, следующими будем мы. Когда мы подписывали контракт, то были готовы к опасностям, но не ожидали, что некая сила заставляет здесь людей сходить с ума и убивать себя. Нам это не нравится, и мы не собираемся терпеть это и дальше. Поворачивайте корабль обратно.

— Не будьте парой идиотов! Неужели вы не понимаете, что мы не можем повернуть? Вы думаете, космический корабль — это весельная лодка? Что с вами такое?

Но лицо механиков оставались суровыми и упрямыми. Уиллис снова заговорил:

— С нас хватит! Все, сыты по горло! Сначала двое, потом еще третий. Кто следующий? Вот что мы хотим знать!

— Мы все хотим это знать! — строго произнес капитан.— Почему вы требуете повернуть корабль назад?

— Потому что все идет наперекосяк. Это корабль приносит несчастье. Мы не хотим сойти с ума, а вы — как вам угодно. А если вы не повернете корабль обратно, то, черт побери, мы сами это сделаем!

— Вот вы как! Кто вам заплатил? — закричал капитан.

Уиллис и Трэйл не шевельнулись.

— Я спрашиваю, кто за вами стоит? Кто хочет погубить экспедицию? — проревел капитан.

Уиллис покачал головой.

— Нет за нами никого. Мы просто хотим выпутаться из этой истории, пока не сошли с ума, как другие.

— Сошли с ума, да? — с ухмылкой спросил капитан.— Может, сошли, а может, и нет. А если нет, я знаю, что с ними случилось и кто в этом виновен.

Он промолчал и добавил:

— Так вы думаете, что напугали меня, и я поверну корабль назад? Клянусь богом, ничего у вас не выйдет, трусливые крысы. Убирайтесь к себе, я разберусь с вами позднее.

Но ни Уиллис, ни Трэйл и не подумали уйти. Они шагнули вперед, и Трэйл достал из-за спины здоровенный разводной ключ. Я выхватил пистолет из руки мертвеца и разрядил его механику в лоб. Выстрел оказался удачным — Трэйл упал. Уиллис кинулся на меня, и я вторым выстрелом уложил его.

Капитан обернулся и увидел меня с пистолетом. Внезапность происшедшего ошеломила его: он явно не знал, благодарить или укорять меня за непрошеное вмешательство. Впрочем, поведение механиков, без сомнения, было агрессивным, а Трэйл, похоже, и впрямь замышлял убийство. В дверях появились Стронг и Дэнвер и застыли на месте. Из девяти человек команды „Нунции“ осталось только четверо.

Некоторые время мы молча смотрели, как тела жутковато покачиваются в невесомости, прикованные магнитными ботинками к полу. Наконец капитан сказал:

— Нам будет нелегко вчетвером. Но у нас нет выбора. Двоим придется взять на себя обязанности механиков. Грац, вы разбираетесь в управлении космическим кораблем?

— Очень слабо, сэр.

— Придется научиться, и быстро.

После того как мы избавились от тел, выбросив их в космос, капитан позвал меня в рубку. Следуя за ним, я услышал бормотание:

— Который из них? Я думаю, Трэйл. Он еще тот тип.

— Прошу прощения, сэр?

— Я размышляю, кто из них двоих был убийцей.

— Убийцей, сэр?

— Да, Грац, вы не ослышались — убийцей. Вы же не думаете, что все эти смерти наступили естественным образом?

— Но нам казалось...

— Они были хорошо подготовлены и искусно выполнены, но — слишком много совпадений. Кто-то собирался убить нас всех и сорвать экспедицию.

— Но я не вижу причины...

— Подумайте хорошенько! — прервал он меня.— Предположим, в секрет „Нунции" кто-нибудь проник. Немало желающих найдется, чтобы экспедиция закончилась провалом!

Надеюсь, я хорошо разыграл удивление.

— Вы намекаете на „Металлик Индастриз", сэр?

— Да, есть и другие. Никто не знает, какие последствия будет иметь наше путешествие. Многие чувствуют себя на Земле вполне комфортно и не хотят, чтобы их потеснили. И вот, предположим, на борт корабля проникает их человек.

Я с сомнением покачал головой.

— Это вряд ли, сэр. Он же не самоубийца. Один человек не сможет привести корабль на Землю.

— Тем не менее я уверен, что либо Трэйл, либо Уиллис был именно таким человеком.

Мысль, что эти двое просто-напросто перепугались и захотели вернуться домой, даже не пришла ему в голову, а я не видел причин говорить о ней.

— В любом случае,— добавил капитан,— на сегодня мы покончили с убийцей. Это стоило нам трех человек,— и каких, Грац!

Капитан вытащил из ящика несколько карт.

— Приступим к обучению. Вы должны научиться навигации. Кто знает — возможно, скоро наши жизни будут зависеть от вас.

— Действительно, кто знает, сэр,— согласился я.

Прошло еще две недели, и вот „Нунция" вошла в плотный слой облаков, который порождал столько бесплодных догадок о том, что творится на поверхности Венеры. Обогнув планету несколько раз, капитан Таннер отдал приказ снизить скорость. После того как я взял пробы атмосферы, оказавшейся почти идентичной земной, я уселся в кресло второго пилота, и капитан начал обучать меня, как управлять кораблем в воздухе.

Когда нас окружили облака, мы оказались в густом тумане. Корабль летел уже со скоростью около 200 миль в час, и капитан включил вертикальные ракеты. Корабль по касательной полетел вниз. „Сейчас начнется самая нервотрепка",— предупредил капитан. Никто не мог сказать, какова толщина слоя облаков и далеко ли они от поверхности планеты; нам оставалось только надеяться, что под ними нет горных пиков, и рассчитывать на удачу.

Капитан напряженно вглядывался в клочья серого тумана, готовый каждую секунду изменить курс, хотя мы оба знали, что, если заметим препятствие, будет слишком поздно. Минуты ожидания казались часами. И вдруг, когда я почувствовал, что больше не выдержу, облака поредели, рассеялись, и мы наконец увидели венерианский пейзаж.

Впрочем, его трудно было назвать пейзажем — во все стороны, до самого горизонта, простиралось серое море. Даже наше чувство облегчения не сделало этот вид менее мрачным. Снаружи шел сильный ливень, заливавший иллюминаторы; свинцово-серые облака, казалось, давили на нас, как гигантская губка, полная воды. Нигде не просматривалось береговой линии: горизонт был безжизненным и пустынным.

Корабль снизился и полетел над поверхностью волн на высоте нескольких сотен футов. Нам оставалось только ждать, когда впереди появится земля. Полет длился час за часом, но ничего не менялось. Кто знает, возможно, мы удалялись от земли? Дождь, морская пустыня и неопределенность повергли нас в депрессию. Мы начали уже спрашивать себя: неужели вся Венера покрыта водой?

Наконец вдалеке показалась темная полоса. Видимость была настолько слабой, что ничего разглядеть мы не могли. Однако я указал на полосу капитану, и мы переменили курс. Наше волнение нарастало.

Когда мы подлетели ближе, то увидели невысокий холм. Холм располагался на острове площадью 5— 6 квадратных миль. Никто бы не выбрал подобное место для первой посадки, но мы слишком устали морально и физически и нуждались в кратковременном отдыхе.

Я признаю — абсурдно землянину описывать Венеру здешнему обитателю, но между Таконом и тем островом есть существенная разница. Вообще, ваш Такон — необычное место; здесь совершенно иной климат, чем в других областях, где мне удалось побывать. Наверно, они находятся в разных полушариях, раз настолько не похожи. Например, небо над нашим островом было постоянно покрыто тучами, и за все время пребывания мы ни разу не видели солнца. Однако воздух там был очень теплый и влажный.

А здесь, в Таконе, климат напоминает земной: переменная облачность, редкие дожди, нет той изнуряющей жары; совсем другие растения: мне трудно поверить, что такое разнообразие может существовать на одной планете. Я не разбираюсь в ботанике, но наш остров был сплошь покрыт гигантскими папоротниками и пальмами, которые росли с удивительной быстротой. И я не встретил там ни одного обычного дерева.

Глава 4
ДОЛИНА МОЛЧАНИЯ

Два дня мы занимались мелким ремонтом, изредка устраивая прогулки по острову. Дождь лил, не переставая, и

выходить из корабля никому не хотелось, но прогулки были необходимы, чтобы поднять наш дух. На третий день капитан предложил устроить экспедицию к вершине холма. Мы согласились. Все мы ходили вооруженными: хотя и сталкивались только с маленькими пугливыми ящерицами, разбегавшимися при нашем появлении, неизвестно было, кого можно встретить в лесах у подножия холма. На рассвете мы покинули корабль — увешанные снаряжением, но почти голые из-за невыносимой жары. Капитан повел нас через пляж, на который приземлилась „Нунция", в сторону леса. Нам оставалось только пробираться через кусты, отделявшие лес от берега, когда я резко остановился.

— Черт побери! — воскликнул я раздраженно.

— В чем дело? — спросил капитан.

— Снаряжение! — объяснил я.— Я забыл взять пистолет.

— Проверьте!

Я обыскал рюкзак — там не было ни пистолета, ни патронов. А путь предстоял далекий и, возможно, опасный.

— Придется мне сбегать за ним,— сказал я.— Я догоню вас через несколько минут.

Капитан с недовольным видом согласился — он терпеть не мог разгильдяйства, но не стал подвергать потенциальной опасности члена команды. Я побежал обратно, оступаясь на песке. Открыв входной люк, я оглянулся назад: три человека стояли на опушке леса и ждали меня. Я забрался внутрь, захлопнул за собой люк и бросил на пол рюкзак. Сначала я побежал в машинный отсек и включил подачу топлива; потом кинулся в рубку. Торопливо включив все необходимые приборы, я нажал на „старт" и бросил взгляд в иллюминатор.

Капитан изо всех сил спешил к кораблю, за ним неслись остальные. Не знаю, как он догадался, что я замыслил увести корабль; может, он посмотрел в бинокль и заметил меня в рубке. В общем, он понял, в чем дело. Когда он исчез из поля моего зрения, корабль задрожал, снаружи мелькнула яркая вспышка, и раздался низкий рев двигателей. Корабль поднялся в воздух.

Я успел увидеть двух уцелевших космонавтов, в отчаянии воздевавших руки к небу. Не знаю, что случилось с капитаном — скорее всего, он не выжил. Я развернул корабль, и „Нунция" устремилась вдаль от острова в поисках новой земли.

Прошло несколько часов, и я стал серьезно беспокоиться. Возможно, на этой планете и была суша, но я ее пока не нашел. У меня возникало неприятное ощущение, что рано или поздно „Нунция" упадет в океан, а я умру от голода, даже если успею из нее выбраться. Этот корабль не рассчитан на управление одним человеком. По крайней мере, еще кто-нибудь должен был находиться в машинном отделении. Уровень топлива понижался на глазах, но я не мог отойти от пульта и включить подачу из резервного запаса. Я подумал, не зафиксировать ли рычаги управления, а потом быстро сбегать в машинный отсек, но эта замечательная идея оказалась невыполнимой, и я отказался от нее. Я мог только вести корабль и надеяться, что долгожданная земля покажется не слишком поздно.

Суша появилась как раз вовремя: скалистый, негостеприимный берег, по самые верхушки остроконечных утесов заросший джунглями. Песчаного побережья, на которое я мог бы посадить корабль, там не было. Волны с дикой и тщетной яростью бросались на изрезанный берег, а джунгли тянулись до самого горизонта. Я должен был срочно посадить корабль, но где?

Через десяток миль „Нунция" решила этот вопрос за меня. Двигатели внезапно остановились, и корабль полетел вниз. Я даже не пытался посадить его — только пристегнулся к койке, надеясь, что эта жалкая мера смягчит удар.

Я вышел из этого приключения целым и невредимым. Потом я осмотрел „Нунцию": ее стройный корпус оказался смятым и треснул в нескольких местах. Я же отделался несколькими синяками. Одно мне было ясно: больше корабль никогда не поднимется в воздух. Я выполнил задание „Металлик Индастриз", и теперь земные телескопы тщетно будут разыскивать в небе корабль, который никогда не вернется. Несмотря на свое затруднительное положение,

первое время я еще не вполне осознавал свою участь — я был полон дикой радости. Я выполнил клятву мести, расплатился за судьбу своей несчастной семьи. Единственное, что слегка омрачало мою радость,— враги никогда не узнают, кто погубил их корабль. Я надеялся, что со временем они все же догадаются.

Следующие недели моего пребывания на Венере слишком скучны, чтобы их подробно описывать. Я занимался рутинными делами: обживал разбитый корабль, защищался от крупных животных, охотился, искал съедобные растения — словом, делал все то, что делает любой потерпевший кораблекрушение. Я не старался устроиться надолго, только обеспечил себе минимальный комфорт. Скоро на Венеру должен был прибыть корабль, „Металлик Индастриз".

Так я провел шесть месяцев по хронометру „Нунции" — бездельничал и размышлял. Иногда мне приходило на ум, что Венера — не самое подходящее место для приобретения земельных угодий. Зато, думал я, по возвращении домой это будет великолепная тема для разговоров. Все мои мечты были окрашены этим „когда я вернусь домой"; эта фраза стояла, как защитный барьер между мной и венерианской действительностью.

Прошло шесть месяцев, и я почувствовал, что день моего избавления близится. Корабль „Металлик Индастриз" уже, должно быть, построен. Я выждал еще месяц, невольно каждый день высматривая в облаках его силуэт; потом пришло время подавать сигнал. Я разыскал на „Нунции" мощный прожектор, установил его вертикально, чтобы луч падал на облака, и начал включать его каждую ночь, оставляя гореть до утра.

Первые ночи я не мог заснуть. Я был уверен, что корабль вот-вот приземлится поблизости. Я лежал на спине, глядя в темное небо и тщетно высматривая в нем огни ракет. Но это продолжалось недолго. Я успокоил себя вполне разумной мыслью, что найти меня совсем не просто, на это потребуется время... но все равно продолжал носить с собой дымовую шашку, чтобы зажечь ее, как только в небе раздастся рокот двигателей...

Аккумуляторы сели через четыре месяца — удивительно, почему их хватило так надолго. Прожектор тускнел, и вместе с ним умирали мои надежды. Джунгли подобрались ближе к кораблю; мой незримый барьер был готов рухнуть. Еще несколько ночей после того, как прожектор погас окончательно, я стоял в кромешной тьме и выпускал в небо осветительные ракеты. Когда их запас закончился, я наконец осознал, что со мной случилось.

Не знаю, почему я не подумал об этом раньше? Внезапно меня посетило озарение: „Металлик Индастриз" надули меня точно так же, как „Интернешнл Кемикалз" — моего отца. Компания не построила — и никогда не планировала строить — космический корабль. Зачем им корабль, если его больше нет у конкурентов?

Именно таким было решение, принятое в кабинете директора после того, как я ушел оттуда. Они даже не задумывались... теперь я понимал, что это было не только дорого для них, но и опасно. Мало того что им пришлось бы выплатить огромное вознаграждение — я мог бы шантажировать их. Любой вариант предполагал, что мне надо выполнить свою работу и исчезнуть. А что может быть эффективнее, чем остаться одному на другой планете? Негодяи, мошенники!

Вот земные приемы. Вот честь корпораций! Они используют вас, а потом выбрасывают...

В течение нескольких дней я почти сходил с ума от ярости. Меня одолевала ненависть к предателям, отвращение к собственной наивности, обострившееся чувство одиночества и, наконец, вечный дождь — все это привело меня в такое исступление, которое едва не довело до самоубийства.

Но, в конце концов, адаптивные свойства моей расы взяли свое. Я начал охотиться и обживать землю вокруг корабля. Я дважды чуть не умер от лихорадки и благополучно пережил полуголодный период, когда запасы на корабле кончились, а дичь попадалась редко. Для компании я завел себе пару шестиногих мохнатых животных, которых удалось приручить. Я нашел их в лесу: они лежали в чем-то вроде огромного гнезда и жалобно скулили от голода. Я взял их с собой на корабль, накормил и оставил у

себя — они оказались веселыми и дружелюбными малышами, и притом очень сообразительными. Позднее я назвал их Микки и Минни, в честь мультипликационных героев, и скоро они уже откликались на свои имена.

А теперь я подхожу к последнему и самому любопытному эпизоду, который, признаюсь, не могу понять до сих пор. Это случилось через несколько лет после падения „Нунции". Я отправился на охоту в сопровождении Микки и Минни и забрел в совершенно незнакомые места. Дичи попадалось очень мало — в этом была причина такого далекого похода. В конце концов, Микки и Минни остановились у входа в долину, и я не мог заставить их идти дальше. Более того, они принялись тянуть меня назад, цепляясь за ноги передними лапами. В долине наверняка полно дичи, подумал я, рассердился, оттолкнул зверьков и пошел вперед. Они проводили меня взглядами, но не пошли следом. Первые четверть мили я не встретил ничего необычного. Зато потом испытал настоящий шок. Из-за деревьев высовывалась огромная голова ящера. Он смотрел прямо на меня. Хотя раньше я не встречал ничего подобного, но сразу подумал о тираннозаврах. Я был удивлен и перепуган. Как я мог прожить на Венере столько лет и не встретить гигантского ящера раньше?

Голова не двигалась и не издавала никаких звуков. Когда первый приступ паники прошел, я понял, что чудище меня не видит. Тогда я решил подойти поближе. В долине царила странная тишина — я уже настолько привык к шуму дождя, что практически не замечал его. Подобравшись поближе к тираннозавру, я решил рискнуть: прицелился ему в правый глаз и выстрелил. Ничего не произошло. По долине прокатилось эхо, но ящер не шевельнулся. Это было странно, неестественно. Я посмотрел в бинокль. В точку! Попал в правый глаз, куда и целился, но... Я почувствовал себя неуютно и подумал, а не убраться ли мне из этой долины, но усилием воли заставил себя идти дальше. В воздухе висел странный запах, довольно приятный, хоть и слегка гнилостный.

Вскоре я подошел к чудовищу вплотную и остановился. Он стоял как статуя. Внезапно позади меня сверкнули глаза

другой рептилии: поменьше, но такой же зубастой. Я покрылся холодным потом, упал на колено и вскинул ружье. Тут я ощутил, будто перед моими глазами все поплыло. Ствол моего ружья качнулся, и я понял, что падаю. Я падал бесконечно долго...

Когда я очнулся, то первым делом увидел прутья клетки...»

Дагул остановился. Остальное было ему известно.

— Как вы думаете, сколько лет прошло? — спросил он.

Гоин пожал плечами.

— Кто его знает. Очень много времени — это точно. Постоянная облачность... Вы обратили внимание, что он приручил двух наших первобытных предков? Миллионы лет...

— А он предостерегает нас против Земли,— улыбнулся Дагул.— Бедняга получит шок. Последний землянин... Когда вы собираетесь рассказать ему?

— Думаю, сегодня вечером. Я получил разрешение сводить его в обсерваторию.

— Я бы тоже хотел пойти, если не возражаете.

— Разумеется, нет.

Грац с трудом выговаривал незнакомые слоги, пока он и двое ученых поднимались на холм, где была расположена обсерватория Такона. Он спросил, передали ли его предостережения против Земли и ее корпораций. Гоин успокоил его, заявив, что жители Венеры не поддерживают никаких отношений с Землей.

— Зачем мы сюда пришли? — спросил землянин, очутившись в помещении обсерватории. Сотрудники по просьбе Гоина настроили огромный телескоп.

— Мы хотим показать вашу планету,— ответил Дагул.

Сначала все расплывалось в глазах у Граца, но потом он, наконец, пригляделся и увидел огромный сияющий диск. Через мгновение он обернулся с улыбкой и сказал:

— Вы ошиблись. Это Луна.

— Нет, это Земля,— возразил Дагул.

Грац всмотрелся в рельеф планеты. Он долго смотрел в телескоп. Это было похоже на Луну, но... Несмотря на кратеры, в линиях проглядывало нечто знакомое. Выступ гор от полюса до полюса... Изгиб, который мог быть береговой линией западного побережья Америки... Грац смотрел молча. Затем он обернулся.

— Как давно? — спросил он

— Несколько миллионов лет.

— Я не понимаю. Это было совсем недавно...

Гоин принялся объяснять, но Грац не услышал ни слова. Словно во сне, он вышел из здания. Перед его глазами стояла Земля, которую он оставил: прекрасная, несмотря на все старания человека причинить ей зло. А теперь она умерла, превратилась в пепел...

Грац остановился над обрывом, с которого открывался вид на Такон. Он обвел взглядом чуждый город в чуждом мире, посмотрел на белую звездочку, мерцающую в небесах. Земля, которая породила его, умерла. Он долго смотрел на звезду, а потом без колебаний шагнул с утеса...

ПОСЛЕДНИЕ СЕЛЕНИТЫ

Каждый раз когда секретарь Лунного Археологического Общества являлся с докладом к своему шефу, его неизменно охватывала нервная робость. Поэтому обычно он излагал свое дело несколько уклончиво и невнятно. Президент же, напротив, терпеть не мог уверток. Он раздраженно предложил:

— Садитесь, дружище. В чем еще там дело? Выкладывайте.

Секретарь поколебался, затем, охваченный внезапной решимостью, неловко протянул шефу кипу бумаг:

— Получено сегодня утром, сэр. Я подумал — вам нужно знать. Хотя документы немного... странноваты.

— Ладно, оставьте. Посмотрю.

Секретарь, подавив вздох облегчения, удалился, а президент вернулся к работе, от которой его оторвали. Полчаса спустя он вспомнил о стопке бумаг и взял лежащее на верху пачки письмо.

Прежде всего ему бросилось в глаза имя, мелькнувшее посреди напечатанного на машинке текста. Он напрягся, вспоминая, откуда ему знаком этот человек, потом начал внимательно читать. В верхнем углу листа стоял ливерпульский адрес и дата двухнедельной давности.

«Уважаемый сэр! — начиналось письмо.— 16 июня судно Службы Безопасности „Туркмен“, на котором я служу

врачом, недалеко от Соломоновых островов подобрало какого-то человека. Его обнаружили в плывущем по волнам туземном каноэ, и, судя по состоянию, его носило по волнам несколько дней. Мало того, что он столь долго находился в море, на теле у него обнаружились крайне серьезные раны и порезы. Сначала казалось, что спасти его будет невозможно, но организм несчастного немедленно отреагировал на лечение, хотя разум его все еще и блуждал неизвестно где.

Человек это был определенно образованный и, придя в сознание, назвался Стивеном Доукоттом. Когда мы вернулись в порт, я поместил его в клинику для душевнобольных. Последующие четыре месяца я отсутствовал, а по возвращении узнал, что из клиники он сбежал. Больничное начальство ничего не могло понять, они вручили мне запечатанный конверт с оставленной им рукописью. Они рассматривали ее как бред сумасшедшего, но мне все это показалось делом куда более непростым. С нетерпением жду вашего ответа».

Письмо было подписано «Джон Хэддон», к подписи добавлены буквы ДМ — Доктор Медицины.

Президент нахмурился, отложил письмо и взялся за рукопись.

Действительно, был когда-то такой Стивен Доукотт, известный антрополог, в свое время он отправился в космическое путешествие на борту знаменитой «Искры». Но «Искра» пропала без вести. С того самого дня, как она около года назад оторвалась от взлетной площадки, чтобы совершить первое в человеческой истории путешествие на Луну, о ней больше никто ничего не слыхал. Она с ревом оставила Землю, чтобы уйти в таинственное небытие.

Вместе с ней исчез и Стивен Доукотт, в этом-то президент был твердо уверен. Он, как и прочие члены Лунного Археологического Общества, видели лицо Доукотта среди других членов экипажа в иллюминаторах, перед тем как стартовала «Искра». А теперь оказывается, что этого человека подобрали то ли в Меланезии, то ли в каком-то другом

столь же немыслимом месте. Начав читать рукопись, президент нахмурился еще сильнее.

Глава 1
ПОЛЕТ «ИСКРЫ»

«Искра» в межпланетном путешествии вела себя просто образцово. Она полностью оправдала самые смелые надежды своих конструкторов уже тем, что так мягко и плавно оторвалась от Земли. Капитан Тофт был в восторге от того, как прошел старт, и клялся, что еще не встречал корабля с более легким управлением.

Те из нас, кому уже случалось совершать космическое путешествие, от души соглашались с ним. Новенькие компенсаторы ускорения Даниэльсона проявили себя самым лучшим образом, полностью сняв стартовую перегрузку при взлете — а заодно и все ее неприятные воздействия. А уж оборудованием и возможностью доставить обратно на Землю те хрупкие образцы, которые мы сможем найти, «Искра» просто делала честь Лунному Археологическому Обществу, которое построило и так щедро снарядило ее.

За совершенно безболезненным стартом последовал гладкий и мягкий полет в космосе, который не мог возбудить ни малейших опасений даже в самой болезненно чувствительной душе. И в самом деле, чего тут опасаться?

Серебристый глобус перед нами был стар, измучен отсутствием воды и безмолвен абсолютным безмолвием смерти. Оказалось, что даже кратер Линнея, хотя вначале мы подозревали, что там могли сохраниться последние остатки жизни, совершенно гол и пуст, как и все остальное.

— Все мертво,— пробормотал я, когда мы смотрели из иллюминатора кают-компании на увядший земной спутник.— Всякая агония и лихорадка давно закончились, весь этот мир окончательно превратился в мумию.

Но тогда я еще просто плохо знал Луну. Я и представить себе не мог всей меры того отчаяния, с каким жизнь упорно цепляется за малейшую надежду... и борется... борется...

Сначала мы пролетели над северо-восточным сектором кратера Аристарха и совершили мягкую посадку в металлически отблескивающую пыль, которая и делает этот кратер самой яркой точкой на поверхности Луны.

Наше путешествие должно было стать пробным и предварительным. Нашей целью была скорее разведка, чем непосредственно раскопки. Предстояло осмотреть множество участков и решить, какие из них впоследствии будет иметь смысл раскопать при помощи экскаваторов. Кратер Аристарха не представлял для нас особого интереса, за исключением совершенно разрушенных остатков маленького поселения на северной стороне.

Подробности нашей экспедиции по Луне особого интереса не представляют, поэтому я просто констатирую, что далее мы отправились к морю Кризисов, а оттуда, по экватору к Тихо. Чуть позже, самый большой из кратеров, Клавиус, наконец дал нам массу материала, со всей очевидностью продемонстрировав, что некогда в нем процветала развитая цивилизация, от которой теперь осталось обширное круглое плато, заполненное песком и камнями, причем плато это имело сто сорок миль в диаметре. И тут мы, наконец, пришли к *Mare Serenidad*, к Морю Безмятежности...

Кто дал такое имя этой обширной овальной равнине? Не могу припомнить, знаю лишь, что этот человек наблюдал ее только в телескоп за двести тридцать девять тысяч миль. А случись ему стоять на краю пропасти, поднявшись на одну из скорбных гор, и смотреть вниз на мрачное безлюдье песков, он никогда бы не назвал ее Морем Безмятежности, скорее уж Морем Дурных Предзнаменований...

Мы медленно летели на северо-запад. Члены экспедиции приникли к иллюминаторам, пытаясь разглядеть на безжизненной поверхности хоть какие-то признаки, оставленные древними селенитами. До сих пор мы не чувствовали никакого беспокойства. Вся поверхность Луны была совершенно мертва, как мы этого и ожидали. Но теперь монотонность этого громадного дна бывшего моря казалась просто поразительной. Хотя мы и были учеными, а следовательно, людьми, совершенно чуждыми всякой романтике,

даже нас мучили дурные предчувствия, которые невозможно было выразить словами.

И вот, когда нам оставалось не более двадцати миль пути, вдруг прекратилось ритмичное пульсирование двигателей. Теперь они стучали как-то нервно и неуверенно. Я был у капитана Тофта, когда ему позвонил главный инженер и доложил, что нам необходимо совершить посадку для ремонта.

Поспешный взгляд, который капитан Тофт бросил на пульт управления, показал мне, что он знает не больше, чем любой из нас. Он принял решение садиться там, где над краем моря высились скалы. Не могло быть более удачного места для посадки, чем покрытая серыми песками равнина, но капитан выбрал место неподалеку от ее границ.

«Искра» буквально ковыляла к намеченному для посадки месту, постепенно снижаясь. Наконец, она коснулась песка, где-то сотни за две ярдов от высоких отвесных скал, которые некогда высились тут подобно защитной стене, возведенной какими-то великанами для защиты от разбивающихся о камни морских волн.

Капитан покинул свой купол, чтобы переговорить с инженером, а я отправился в кают-компанию. Когда я вошел, коллеги шумно приветствовали меня. Они как раз взволнованно разглядывали скалы; их депрессия бесследно испарилась. Робсон, руководитель научной части экспедиции, потащил меня к иллюминатору и сунул мне в руку бинокль:

— Погляди на эти скалы, дружище! Ты только на них погляди!

Я с нетерпением навел бинокль на фокус. Слабого света было едва-едва достаточно, чтобы сделать кое-какие наблюдения. Мне почудилась далекая человеческая фигура, как бы вырезанная из дерева.

— Минутку! — закричал Робсон. Он повернулся и пулей вылетел из каюты.

Через мгновение по окрестностям уже шарил ослепительный луч прожектора, и мы затаили дыхание — до того невероятная картина предстала нашим взорам. Поверхность пика до высоты около семидесяти или восьмидесяти футов

была сплошь покрыта рельефными силуэтами, представляющими собой четкие человеческие фигуры, изображения животных и еще чего-то неопределенного.

Потрясенное молчание быстро сменилось взволнованной оживленной болтовней. Все заговорили одновременно, никто не слушал других. И неудивительно: по сравнению с тем, что мы увидели, все остальные наши открытия были попросту ничем. Нам казалось, что мы обнаружили лунную Книгу Мертвых, вырезанную на могучей каменной поверхности.

Глава 2
МЕРТВЕЦЫ ЛУНЫ

Вернулся Робсон и потащил меня к шкафам, где хранились скафандры. Снимая эти неуклюжие космические одеяния с крюков, он продолжал взволнованно что-то говорить. Скафандры были необходимы, так как, хотя вопреки ожиданиям и обнаружилось, что на Луне все же имеется небольшие количество воздуха и во время лунного дня, а в самых глубоких кратерах даже можно дышать, все же разреженность этого воздуха, скопившегося на дне исчезнувших морей, заставляла прибегать к помощи кислородных баллонов.

Когда мы покинули корабль и двинулись к скалам, ни у кого было сомнений, что мы видим изготовленную каким-то необычным способом картину. В самом деле, нерегулярная повторяемость определенных фигур подтверждала этот факт. Разумеется, мы пока не пытались дать хоть какое-то объяснение этому явлению, но фотографы уже налаживали камеры, чтобы начать делать снимки, которые после на досуге можно будет изучить как следует.

Я наблюдал за их работой с каким-то медленно овладевавшим мною необъяснимым ощущением тревоги. Я уже говорил — и повторяю вновь — что, хоть я и ученый, тогда я ясно ощущал совершенно не свойственные ученым дурные предчувствия...

Остальные же были слишком охвачены энтузиазмом, слишком заняты выявлением деталей и символов, которые

могли быть аналогичны подобным же символам Земли, чтобы разделять мое беспокойство.

Открытие сделал Робсон. Он подошел к скалам вплотную и внимательно разглядывал красноватые штрихи на поверхности, образующие квадрат. Внезапно он закричал:

— Дверь! Тут в скале дверь!

Мы столпились вокруг и обнаружили, что по поверхности тянется тонкая трещина, образующая квадрат. Тысячелетия тому назад на поверхности Луны дули ветры, и у подножия скопился серый песок, но потребовалось всего несколько минут, чтобы расчистить порог у основания каменной панели. У руин Клавиуса мы уже установили, что на Луне было в обычае устанавливать двери вокруг центральной опоры посредине дверного проема, так что створки можно было открывать по обе стороны на девяносто градусов, причем с каждой стороны оставался проход.

Робсон толкнул створку. Дверь осталась неподвижной, и тогда он устремился к другой ее половине. Та подалась на дюйм или около того, затем и ее заело. Он навалился на нее изо всех сил, и массивная каменная дверь, открыть которую на Земле смогли бы совместными усилиями только трое, медленно отворилась.

Робсон включил прикрепленный к поясу фонарик и вошел. Мы прошли за ним около десяти ярдов, и тут он остановился.

— Еще одна дверь,— раздраженно пожаловался он.— Словно гигантский сейф. Ну-ка, посветите!

Вторая дверь была устроена более просто, чем наружная, единственным ее признаком был глубоко очерченный круг. Я взглянул на этот круг — и ощущение опасности усилилось. Круг — во всем остальном мире это знак бесконечности, вечности — возможно ли, что здесь, на Луне...

Я чуть было не призвал своих товарищей остановиться, но вовремя понял, как жалко прозвучит мое предостережение на фоне охватившего их исследовательского азарта.

— Она запечатана,— кто-то показал на десяток или более черных нашлепок, образующих сложную светящуюся композицию на косяках. На каждой из этих нашлепок тоже был вырезаны круги.

Человеку, не сведущему в антропологии, может показаться странным, что я придал чисто земное значение кругу, найденному здесь, на Луне. Но ведь именно круг, за исключением креста, самый ранний и широко распространенный символ. С самых древних времен им обозначают волю человека к бессмертию во всех уголках земного шара, и он до сих пор не утратил своего значения. Он был распространен в культурах многих племен и наций, и вот он опять — теперь и на Луне!

С ощущением неотвратимости какого-то несчастья я стоял в сторонке и наблюдал, как остальные ломают печати. Но дверь все-таки отказывалась поддаваться, несмотря на усилия пяти человек. Они вытащили ножи и принялись отскребать вязкую пасту с краев. Попытались еще раз — но каменный квадрат по-прежнему не поддавался.

Робсон предложил использовать небольшое количество взрывчатки.

— Сама по себе дверь ценности не имеет,— заметил он.— На ней нет никакой резьбы, только этот круг.

Остальные после минутного колебания согласились. Десять минут спустя на поверхности двери уже красовалась поперечная трещина, а отдельные куски разбили ломом. Препятствие было устранено, и мы протиснулись через пролом, чтобы попасть в большую выбитую в скале комнату. Там и сям в стенах виднелись черные проемы, можно было предположить, что за ними начинаются коридоры, ведущие в какие-то дальние помещения, но пока что мы не особенно обращали на них внимание, так как наше внимание привлекла кучка продолговатых ящиков, лежащих на полу.

Они были сделаны из какого-то серого металла, который тускло отблескивал в лучах наших фонарей. Один из ящиков, лежащий близко к двери, пострадал от взрыва. Крышка на нем приподнялась и немного сдвинулась. Из образовавшейсмя щели торчала человеческая рука.

Робсон схватился за край крышки и откинул ее. Когда взгляд его упал на то, что было в ящике, он удивленно отшатнулся. Мы поспешили к нему и изумленно уставились на ящик — впервые земляне видели лунного жителя!

Он необыкновенно хорошо сохранился, и мы, бедные простаки, поражались тому искусству, которое смогло в целости оставить для нас не завернутое в саван тело, которое после тысячи, а возможно, и миллиона лет в саркофаге выглядело так, будто было живым еще вчера. Ни один из нас не догадывался об истинном его состоянии. Мы были чересчур высокомерны, чтобы допустить саму мысль о том, что какой-то народ мог опередить нас хоть в какой-то из отраслей знания. Мы разглядывали этого селенита, отмечая почти невероятное развитие его грудной клетки, коричневатую пигментацию кожи и монголоидный разрез глаз; мы обратили внимание, что он чуточку ниже ростом, чем любой даже самый низкорослый из нас, мы пытались его классифицировать и объясняли друг другу, что перед нами — брахицефал. Если бы даже кому-то из нас и удалось заметить, что губы лунного жителя чуть дрогнули в усмешке, он даже и не упомянул бы об этом — какой интерес для ученого может представлять улыбка мертвеца?..

Когда мы вернулись на «Искру» чтобы отдохнуть и пополнить запасы кислорода, капитан Тофт встретил нас известием, что повреждение двигателей оказалось более серьезным, чем можно было ожидать. По его мнению, на ремонт потребуется около двадцати четырех часов.

Задержка его раздражала, так как он рассчитывал следовать вокруг Луны за Солнцем и выйти на невидимую сторону при свете дня. Теперь же там нас застигнет ночь — ведь пылающее Солнце уже совсем недалеко от горизонта, и через двенадцать часов сюда придет темный период лунной ночи продолжительностью в две недели.

Но мы не разделяли его беспокойства и не спешили улетать. Наоборот, нам была по душе эта задержка, поскольку благодаря ей мы получали дополнительное время для исследований. Какая разница, день или ночь в каменном склепе?

На борт «Искры» перевезли около десятка саркофагов. Предварительно мы их открыли и убедились, что в них находятся шесть мужских тел и шесть женских. Когда гробы были погружены, мы решили, что теперь вольны более тщательно обследовать склеп.

Но больше никаких достопримечательностей там не оказалось. Стены внутри не покрывали ни резьба, ни украшения, но мы обнаружили, что в большом помещении и в нескольких других, вспомогательных, находилось в общей сложности более четырехсот гробов.

Во всех гробах имелось непонятное устройство, назначение которого мы никак не могли установить. Стоило отодвинуть задвижки, как внутри гроба что-то падало с музыкальным звоном. Открыв гроб, мы находили осколки небольшого разбившегося на кусочки стеклянного шара. Затем, после того как при помощи рычагов и ломов поднимали крышку, мы обнаруживали полую стеклянную спицу, воткнутую глубоко в бок трупа. Как только крышка вставала перпендикулярно, спица автоматически выскакивала из тела.

Робсон и я с любопытством разглядывали загадочное устройство, но понять его назначение так и не смогли.

— Наверно, это для сохранности тел,— с сомнением предположил он.

Глава 3
ИЗ ПРОШЛОГО

Во многих гробах нашлись не только безделушки и украшения, но и выцветшие листы местной бумаги, покрытые картинками-иероглифами. Было очевидно, что их следует собрать, но, так как долго работать в скафандрах неподручно, мы решили работать посменно. Моя очередь наступила за шесть часов до захода солнца, сопровождали меня Джей Ройден и Уолтер Грег.

Мы пребывали в прекрасном настроении, когда выбирались через люк из «Искры». Мои прежние недобрые предчувствия почти испарились, и если я и предавался каким-то размышлениям, когда мы проходили через пролом в отверстие склепа, так это о том, какая удача, что «Искра» потерпела аварию именно здесь. В противном случае, мы бы никогда не увидели этой резьбы.

И вот мы снова проникли в выбитую в камне гробницу. Час или более того мы работали молча. Мы снимали с тел

ожерелья, браслеты, кинжалы и кольца, которым в скором времени предстояло стать экспонатами земных музеев. Казалось, селенитам была неведома одежда. То немногое, что они носили, предназначалось не для прикрытия тела, но скорее для украшения — вроде поясов тонкой работы или прикрывающих грудь пластин с чеканкой.

Очень скоро набралась весьма объемистая куча, и я решил, что будет удобнее перетащить ее из помещения, где мы работали, поближе к главному выходу. Для этого требовались два захода, и, совершая второй, я вдруг заметил нечто, заставившее меня вздрогнуть. Один из гробов на моем пути оказался открытым, и рука лежащего в нем селенита шарила по краю...

Я содрогнулся от ужаса. Когда я проходил тут в прошлый раз, она лежала совсем не так. Я заторопился мимо, у меня сильно заколотилось и заныло сердце. Я бросил свою очередную ношу на кучу других предметов, уже сваленных у двери, и повернулся, чтобы немедленно бежать из этого страшного места, движимый растущей паникой. Тут в свете моего фонарика что-то вроде бы шевельнулось. Я сделал над собой усилие и бросился в ту сторону, но так ничего и не разглядел. Я поворачивался из стороны в сторону, поводя вокруг лучом фонарика. Ничего... Ничего...

Тогда я снова взглянул на тот, самый первый саркофаг. Руки мои буквально опустились от нахлынувшей слабости, сердце молотом бухало в груди. Труп уселся в своем гробу!

Должно быть, я закричал, потому что тут же услышал в своем приемнике голос Уолтера:

— Что такое? — обеспокоенно спросил он.

— Иди сюда, живо! — больше я ничего не смог произнести.

Я встал спиной к главному входу и направил луч фонарика на то отверстие коридора, откуда должны были появиться мои товарищи. Что-то двигалось за пределами круга света, но я просто не осмеливался посветить туда.

Наконец, из коридора выбежали две гротескные фигуры в космических скафандрах. Когда они меня увидели, Уолтер опять спросил:

— Что случилось?

Я не ответил, а вместо этого закричал:

— Смотри, смотри!

Неясная фигура двигалась в тени у них за спиной.

Уолтер выхватил нож и хотел было развернуться, но, как ни быстро он отреагировал, было поздно.

Обнаженная коричневая рука змеей опустилась ему на плечо. Локоть изогнулся перед его шлемом и запрокинул голову Уолтера назад. Другая коричневая рука вцепилась в нож.

А когда на помощь пришел Джей, вокруг него обвилась другая пара коричневых рук, и я мельком заметил косоглазую физиономию, злобно ухмыляющуюся у него за спиной.

Селенит вырвал у Уолтера нож. Я услышал по радио, как застонал мой друг, когда нож с характерным звуком пропорол скафандр, затем раздался свистящий звук улетучивающегося воздуха. Уолтер издал приглушенный вскрик человека, которого душат...

Все произошло слишком быстро, чтобы я успел прийти на помощь. Прежде чем я смог сдвинуться с места, снова послышался звук разрываемой материи, и мне стало ясно, что Джею уже тоже не поможешь.

И тут я увидел, что тот труп, который меня так напугал раньше, больше не сидит в гробу — он вылезает из него, а его злобно ухмыляющееся лицо повернуто ко мне...

Я развернулся и бросился наружу, спасаясь бегством по дну высохшего моря.

Мне не поверили. Я уже и прежде проявлял некоторые странности поведения, а теперь болтал какую-то и вовсе фантастическую чушь. Чтобы мертвые возвращались к жизни! Чтобы мертвые дрались с живыми! Очевидно, решили остальные, я тронулся.

Врач старался меня успокоить. Робсон тщетно пытался связаться с Уолтером и Джеем по радио. Когда он снова взглянул на меня, на лице его застыло странное выражение.

— Не могу к ним пробиться,— пробормотал он.— Что-то, конечно, неладно. Ты думаешь...— он осекся и нерешительно взглянул на меня.

Они не решались высказаться вслух, но все было ясно написано на их лицах. Трое, оказавшихся в стороне от остальных,— и один из них безумец!

Двое вызвались сходить и выяснить, что произошло. Я умолял их не ходить, но меня оттащили в угол и крепко держали.

— Боже мой, неужели вы думаете,— бушевал я,— что они не позвали бы вас на помощь, если бы я действительно спятил? Вы что, не видите — я говорю чистую правду! Да если вы туда отправитесь, они и вас прикончат — дурачье вы проклятое! Прикончат вас всех, понятно?

Никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Люди надели скафандры и приладили шлемы. Когда они выходили наружу, Робсон включил радио, чтобы поддерживать с ними постоянную связь. Наблюдая за ними, с трудом пробирающимися к скалам, я чувствовал, как мой гнев постепенно проходит. Теперь я не мог сделать ничего, чтобы их спасти.

Мы видели, как они остановились у первой каменной двери — она была открыта — и слышали через громкоговоритель их голоса, они явно решали, кто пойдет первым и поведет остальных. Затем они исчезли внутри. В течение нескольких секунд был слышен только звук их дыхания — и ничего более, внезапно кто-то нервно спросил:

— Что такое? Вроде что-то зашевелилось!

— Да нет, ерунда,— ответил другой голос. И добавил уже для нас: — Мы как раз пробираемся через обломки второй двери — вот мы уже в склепе. Там... Боже, что это?

Голос внезапно поднялся до визга — а потом послышалось:

— Назад, ради Бога!

После этого все смешалось: тяжелое дыхание, перемешанное с бессвязными фразами вроде: «Их целые десятки... Схватил его... Держись!..» Затем мы услышали: «Осторожней, у него нож!»

Пораженные ужасом, мы услышали резкий звук разрывающейся ткани — крики задыхающегося человека... После этого все стихло.

Люди в корабле обратили изумленные взоры на меня. Робсон пробормотал нечто, что можно было принять за извинение, и стал умолять меня рассказать, как все было. Я рассказал все, что мне было известно, стараясь говорить как можно спокойнее.

— У вас есть какие-то теории? — спросил он.

Я уже думал над этим, но сейчас заколебался.

— Вообще, теория у меня есть, только она, пожалуй, слишком фантастичная,— признался я.

— Разумеется! Все это относится к области фантастики. Выкладывайте!

— Помните, что происходило, когда мы открывали гробы? Каждый раз падал и разбивался какой-то шарик. А еще, были эти стеклянные иголочки... Тут должна быть какая-то связь!

Робсон уставился на меня:

— Вы хотите сказать, что эти иголки нечто вроде подкожных инъекторов?

— Не исключено,— кивнул я.

— И что именно благодаря им ожили тела, которые мы считали трупами?

— А еще были и стеклянные шарики,— напомнил я ему.

— Но это же странно до нелепости! Спустя тысячи лет... Конечно, возможно создать приспособление для оживления через короткое время, но это...

— Почему же? То, что нам неизвестно, как это делается, вовсе не исключает, что подобные средства могут существовать. Эти гробы воздухонепроницаемы; насколько я представляю, они вполне могли быть наполнены сохраняющим жизнь газом. Мы могли этого не заметить, поскольку были в скафандрах...

— Но...

— Да ладно,— перебил я.— Я ведь только предлагаю гипотезу. Вы можете придумать что-нибудь получше?

Робсон повернулся и бросил взгляд на скалу.

— Но зачем? — пробормотал он.— Зачем?

— А зачем люди ставят памятники умершим? — ответил я вопросом.— Своего рода привычка, инстинкт стремиться к

вечности. Я бы сказал, что у этих существ тот же самый инстинкт. Их мир умирал, умирала их раса. Возможно, они считали, что это только фаза, что Луна когда-нибудь снова сможет поддерживать жизнь. Во всяком случае, похоже на то, будто они решили попытаться спасти представителей своей расы для какого-то будущего — каким бы оно ни было.

— Но как же они могут жить? — спросил кто-то.— Едва ли им хватает воздуха.

— А вы вспомните громадный объем их легких,— задумчиво произнес Робсон.

Глава 4
В ОСАДЕ ЛУННЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Как только появилось первые предположения, страх немного отступил. Некоторые, склонные к приключениям члены нашей экспедиции даже вызвались продолжать исследования. Они могли бы хорошенько подготовиться, вооружиться — и отправиться на разведку.

Робсон тотчас наложил на эту идею вето. Он напомнил, что лунных жителей более четырехсот, и все они готовы напасть, прежде чем наши успеют выстрелить.

— Но мы не хотим причинять им вреда!

— Другие тоже не хотели и уже мертвы. Вам, кажется, и в голову не приходит, что селенитам нужна пища. Есть-то в склепе нечего.

Мы переглянулись. Нам действительно не приходила в голову такая причина для немедленного нападения. Теперь нам стало не по себе...

Робсон вызвал капитана Тофта.

Недоверчивость капитана быстро растаяла под воздействием нашей общей убежденности. Он тут же стал настаивать на том, что следует начать действовать и спасти наших людей, пока наконец не осознал, что скафандры разрезаны и людям помочь уже невозможно. Робсон придерживался мнения, что «Искру» следует немедленно увести из Моря Безмятежности в менее опасное место, но Тофт покачал головой:

— Двигатели сняли для ремонта. Даже при самой интенсивной работе это займет не менее десяти часов.— На наших лицах отразилась такая тревога, что он поспешно добавил: — Сделаю все, что в моих силах, джентльмены, можете на меня положиться, но быстрее чем через десять часов никак не получится.

Робсон некоторое время думал и, наконец, заговорил:

— Мы должны постараться не подпускать их к кораблю — сколько сможем. Надо, чтобы снаружи дежурили два вооруженных человека. Любого, кто попытается выйти из этого склепа — будь то мужчина или женщина — следует пристрелить.

Немедленно вперед вышли два добровольца. Они поспешили натянуть скафандры и уже направлялись к люку, когда их остановил крик наблюдателя, стоявшего у иллюминатора.

— Слишком поздно! — объявил он.— Они вышли!

Группа в десять или более лунных жителей как раз покинула убежище. Они отошли на несколько шагов от скалы и остановились на сером песке, прикрывая глаза руками от луча нашего прожектора и оглядывая местность.

Теперь, когда они пребывали в вертикальном положении, их отличия от землян выглядели еще более существенными. Громадные уши развились для того, чтобы улавливать малейший звук в разреженном воздухе, и подчеркивали малые размеры головы, огромная выдающаяся вперед грудная клетка была настолько непропорциональна, что руки и ноги по контрасту казались слишком длинными, тонкими и костлявыми. Они вроде бы растерялись от безжизненности того мира, который простирался перед ними. Было ясно, что он не только не оправдал их ожиданий, но, очевидно, очень отличался от того, который они оставили.

Один из мужчин поднял руку и указал на явно деформированный утес, как будто-то тот был какой-то опознавательной вехой. Остальные кивнули и начали осматриваться, ища другие знакомые приметы. Из склепа вышла еще одна группа селенитов и присоединилась к первой. Кратко

переговорив о чем-то они, кажется, что-то решили, и вся партия направилась к «Искре».

Доктор, стоявший рядом со мной, пристально разглядывал их.

— Не так-уж хорошо они выглядят,— наконец пробормотал он.— Даже этим громадным легким приходится трудновато. Когда они входили в склеп, атмосфера явно была много плотнее. Интересно, когда же это было?

Его перебил Робсон. Он обращался к тем двоим, которые успели надеть скафандры:

— Намерения у них явно дурные. Поднимайтесь-ка лучше в купол управления и держите оружие наготове. Мы закроем переборку под куполом, и тогда вы сможете открыть иллюминаторы и, если понадобится, перестрелять их.

Двое в скафандрах пошли обратно к кораблю, и вскоре мы услышали, как они карабкаются по металлической лестнице. Робсон оказался прав. Лунные мужчины и женщины явно замышляли недоброе. Когда они приблизились, это стало совершенно ясно по их сверкающим глазам и оскаленным зубам.

Они вернули себе те предметы, которые мы у них было стащили. На каждом был широкий украшенный богатыми рисунками, лунный пояс, с шеи у каждого свисало ожерелье, на запястьях и лодыжках блестели металлические браслеты. Черные волосы, откинутые с лица назад и поддерживаемые обручами, падали им на плечи и спины.

Один мужчина, ростом выше остальных, казался вождем. Когда толпа добралась до корабля, он обернулся и подал сигнал. Через мгновение водопад камней и булыжников сильно заколотился о металлические борта «Искры».

Мы приободрились. Примитивная простота такой атаки воодушевила нас. Через полминуты селениты прекратили обстрел. Наши люди, забравшиеся в купол, открыли огонь. Нападающих (а их было свыше сотни) моментально пришли в смятение. Но их отступление было недолгим, и через несколько секунд они уже снова бежали к нам. По-видимому, они наконец сообразили, что под нависающими

бортами корабля будут в безопасности от сидящих наверху снайперов.

Метко брошенный камень вывел из строя прожектор и погрузил утес в тень. Теперь снайперы был не в состоянии поразить всех тех, кто выбегал из гробницы. Селениты были почти невидимы, пока не добегали до узкой полоски солнечного света — а она, по мере того как садилось Солнце, все приближалась к нам.

Зажгли второй прожектор, но враги быстро разбили и его. Теперь мы почти не видели нападающих, хотя по направлению к кораблю из тени спешили все новые и новые селениты. Многие из них полегли под выстрелами, но многие прорвались невредимыми.

Послышались удары в наружный люк. Мы с улыбкой переглянулись. С этой стороны бояться было нечего. Да и селениты очень скоро сообразили, что сталь не поддается. Они столпились вокруг иллюминатора, бросая на нас голодные взоры и отталкивая друг друга.

Вожак поднял громадный камень, который ни один человек с Земли даже не сдвинул бы с места. Он со всего размаха швырнул камень в бронированное стекло. Стекло осталось невредимо, но Робсон забеспокоился.

— Не знаю уж, сколько еще таких попаданий оно выдержит,— произнес он неуверенно.— Что, если они одновременно попробуют швырнуть два или три таких камешка?

Очевидно, селенитам в голову пришла та же самая мысль. Мы увидели, что они подбирают самые тяжелые обломки скалы, какие только в силах поднять.

Робсон бросился назад и распахнул дверь в соседний отсек.

— Живо, вон отсюда! — скомандовал он. Мы изо всех сил бросились бежать; когда через люк проскочил последний из нас, мы услышали, как звенит стекло. Когда упало давление воздуха, дверь автоматически захлопнулась за нами.

Минуты через две по корме забарабанили камни. Когда мы постучались в дверь машинного отделения, главный инженер поднял голову, держа в руке гаечный ключ. Он

делал все, что мог. Лицо его заливали грязные потоки пота, волосы стали влажными и слипшимися.

— Привинчивайте стальные ставни,— скомандовал он, когда мы появились. Мы схватили их и с жаром принялись за работу. Едва только один иллюминатор оказался закрыт и защищен, жители Луны обратили свою атаку на другой, и нам пришлось и его закрывать стальным ставнем. В самый разгар работы мы услышали, что наши снайперы вынуждены были под градом камней покинуть свои боевые позиции.

Это продолжалось несколько часов, мы жили точно в кошмаре, перебегая с одного места на другое. Как только мы находили какое-то безопасное местечко, селениты кидались туда. И наконец, когда мы уже почти выдохлись и выбились из сил, мы почувствовали, что это безумие кончается. Камни барабанили все реже и слабее, пока наконец их дождь не прекратился.

Сбитые с толку, мы выжидали. Целый час прошел, пока мы решились снять стальные щиты с иллюминаторов и выглянуть наружу. Тогда только мы осознали, что атака полностью прекратилась. Солнце село, высохшее морское дно холодно поблескивало в бледном зеленовато-голубом свете Земли. Видны только несколько фигурок съежившихся в комок селенитов.

— Они ушли,— заключил я.— Но почему?

Робсон показал на скалу, и я увидел, что каменная дверь закрылась.

— Холод,— объяснил он.— Уже сейчас снаружи много холоднее, чем можно себе представить. Через некоторое время станет так холодно, что даже тот разреженный воздух, какой там есть, замерзнет до твердого состояния.

— А селениты?

— Для них это означает конец. Даже в склепах воздух замерзнет — хотя первыми замерзнут они.

— Бедняги,— посочувствовал я,— столько тысяч лет ждать, только для того, чтобы дождаться такого — замерзнуть насмерть!

Мне стало грустно, когда я представил себе, как эти последние неудачники-селениты, мужчины и женщины,

сбились в кучу, прижимаясь друг к другу в своей лишенной света могиле, как они ждут, не имея никаких надежд, смерти от леденящего холода. Голос Робсона вывел меня из задумчивости:

— Всем за работу,— резко скомандовал он.— Нам придется опять поднимать корабль. Капитан Тофт, каковы будут ваши приказания?

Глава 5
ДВЕНАДЦАТЬ ГРОБОВ

Было решено, что мы отправимся на Землю. Моральное состояние команды «Искры» стало слишком тяжелым, чтобы позволить нам во время этого путешествия предпринять еще и исследование обратной стороны Луны. Так как рассчеты для возвращения домой требовались незначительные, если вообще требовались, Тофт ждал только того момента, когда починят двигатели, и, как только все было готово, направил корабль прямо к огромному бледно-голубому диску нашей родной планеты.

Поверхность Луны уходила все дальше вниз, мы в последний раз взглянули на Море Безмятежности, получившее столь неверное название. В земном свете теперь виднелось только несколько неподвижно лежащих коричневых фигур; они казались печальным символом хрупкости и недолговечности того, что мы называем жизнью. Кинув на них последний взгляд, те из нас, кому предстояло нести ближайшую вахту, повернулись и отправились по каютам, чтобы как следует отдохнуть.

Я проспал долго. Часов двенадцать прошло, прежде чем я снова вышел из каюты. Длинный коридор наконец привел меня к двери каюты главного инженера. Я заколебался, не зная, стоит ли позвать его завтракать или лучше дать ему как следует выспаться. Рука моя уже была на ручке двери, когда эта дверь вдруг отворилась, и в дверях появилась женщина — лунная женщина!

Я застыл, потрясенно уставившись на нее. Она тоже вылупилась на меня, поблескивая зубами и темными гла-

зами. Потом протянула ко мне правую руку, и я увидел зажатый в ней нож с окровавленным лезвием.

Я рванулся вперед, надеясь выхватить у нее оружие, но у нее оказалась слишком быстрая реакция. Ловко увернувшись, она с криком проскользнула мимо меня и помчалась по коридору. Я хотел было броситься за ней, но потом все же передумал, решив заглянуть в каюту главного инженера. Одного взгляда на него было достаточно: эта лунная дьяволица, должно быть, наносила ему удар за ударом...

С минуту я стоял в нерешительности. Судьба инженера могла бы стать и моей — и я еще не в безопасности. Я побежал по коридору: надо было предупредить остальных.

На пороге кают-компании я в ужасе остановился. Пять неподвижных тел лежали на полу, все страшно изуродованные. Я отпрянул и помчался к куполу управления.

Мои страхи были не напрасны. У самого входа я споткнулся о тела двух офицеров. Над третьей фигурой наклонилась лунная женщина. Когда я вошел, она выпрямилась и кошачьим шагом двинулись ко мне; тогда я увидел, что у ее ног лежал Тофт, живой, но связанный и беспомощный.

Она уставилась на меня, точно ужасающая Медуза, в каждой руке у нее было по ножу. Я отступил и схватился за стул, намереваясь воспользоваться им как оружием — я и забыл, что вся мебель на корабле привинчена к полу. И тут она закричала, совершенно нечеловеческим леденящим кровь криком. Внезапно дверь на дальнем конце купола отворилась, и показалась целая группа селенитов, мужчин и женщин.

Это было больше, чем я мог вынести: я выбежал, заперев за собой дверь на засов.

Следующие двенадцать часов я провел взаперти у себя в каюте. У меня была масса времени, чтобы обдумать нашу глупость. Как же мы могли, при всем том возбуждении, в котором пребывали, забыть о тех двенадцати гробах, которые взяли на борт? И ведь мы не только взяли их на корабль, мы их даже открыли, желая удостовериться, что все впорядке. Конечно же, кто-то из нас должен был предвидеть возможную опасность! Робсон или я обязаны были

привязать крышки, а еще лучше — вообще выбросить гробы за борт еще на Луне!

И в самый разгар этих печальных размышлений мне пришло в голову, что это еще не конец. Они, конечно, захватили весь корабль, пользуясь внезапностью нападения, и убили всех, кого обнаружили, кроме Тофта: ведь им нужно будет заставить его показать им, как управлять кораблем, или вынудить его самого довести «Искру» до Земли. Тысячи лет тому назад лунные жители составили этот план, позволявший им выжить, и он еще не потерпел неудачу. Десятки селенитов собираются высадиться на Землю.

Я был безоружен: все оружие хранилось в шкафу кают-компании. Мне придется пробраться туда, чтобы отомстить за товарищей и покончить с селенитами.

Я подкрался к двери и прислушался. Приоткрыв дверь, я бросил поспешный взгляд налево и направо, убедился, что коридор пуст, и крадучись начал пробираться к носу корабля.

Мне удалось добраться до кают-компании незамеченным, и я проскользнул внутрь. Тщательно отводя глаза от следов бойни на полу, я пробрался к шкафу с оружием. Стальная дверь была на запоре...

За противоположной дверью послышались шаги. В мгновение ока я метнулся к выходу и бегом проделал весь обратный путь — безоружный и, вероятно, единственный оставшийся в живых человек. Что я мог сделать? Я не в состоянии был ни о чем думать, кроме того, что я должен выжить и донести до людей предостережение. А для того чтобы выжить, мне нужна пища.

Окольными путями я пробрался к кладовой и набил пустой чемодан необходимыми для жизни припасами. Я уже наполовину подтащил его к своей каюте, когда меня постигло несчастье. Завернув за угол, я лицом к лицу столкнулся с селенитом.

Он удивился еще больше меня: я уже двинулся с места, а он все еще продолжал глазеть на меня. Он помчался за мной, издавая полукрик, полустон. Звук был негромким, однако, видимо, встревожил его собратьев. Послышался топот многочисленных преследователей. Бросив чемодан с

продуктами, я отпрянул от потянувшегося было ко мне лунатика и побежал.

Я то бежал, то катился по металлическому полу и так добрался до единственного известного мне безопасного места — до собственной каюты. Шаги преследователей были все ближе становились все громче. На последнем витке коридора я обнаружил, что путь мне преграждают несколько селенитов.

Но я уже совсем отчаялся, и на меня вдруг снизошло что-то вроде боевого безумия моих предков-викингов. Я нагнул голову, точно бык, и кинулся на поджидающие меня четыре коричневые фигуры. Последовал короткий жуткой бой, я пинался и отчаянно молотил кулаками, и, в конце концов, каким-то образом вырвался из образовавшейся кучи малы и добрался до своей каюты. Последним усилием я захлопнул дверь перед самым носом у преследователей.

Грудь и лицо у меня были изодраны, я истекал кровью. Я помню, как вытащил селенитский кинжал, который застрял в левом плече, а потом — темнота...

От сна — или комы — меня пробудил резкий толчок. Сделав отчаянное усилие, я приподнялся, чтобы выглянуть в крошечный иллюминатор.

Снаружи до горизонта простирались белые пески, а дальше на солнце блестела линия пенящихся бурунов. Видимо, селениты каким-то образом все же привели «Искру» к Земле.

Я ужасно себя чувствовал, и на то, чтобы подняться с койки, у меня ушла уйма времени. Когда мне наконец удалось, шатаясь, пройти по коридору, я увидел что входной люк широко открыт, а корабль совершенно безлюден. Где-то в зеленом лесу, тянущемся вдоль берега, оҳотятся и добывают себе пищу селениты.

С трудом добрался я до запасов горючего и возле самого большого бака поджег запал: по крайней мере, «Искра» не станет безопасной базой для пришельцев. Затем двинулся вдоль берега — так быстро, как только мог.

Через несколько дней я нашел пустое длинное каноэ, кое-как починил его и отправился в море...

Президент Лунного Археологического Общества нахмурился. Он задумчиво потер мочку уха и медленно покачал головой. Перевернул лежащую перед ним стопку листков, и, все еще хмурясь, снова начал читать.

Все это, конечно, абсурдно, но ведь Стивен Доукотт действительно существовал, и он в самом деле входил в экипаж «Искры»...

Содержание

УЗНИКИ ПОДЗЕМНЫХ ЛАБИРИНТОВ 5
(Перевод М. Райнер)

ЗАЙЦЕМ НА МАРС 189
(Перевод В. Федорова)

СПЯЩИЕ МАРСА 375
(Перевод В. Федорова)

ЗАТЕРЯННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ 431

Обмен мирами 433
(Перевод В. Яковлевой)
Желтые шары 466
(Перевод Т. Усовой)
Сокровища капитана Бэлфорда 496
(Перевод Т. Усовой)
Затерянные во времени 533
(Перевод Г. Усовой)
Электрический мальчик 592
(Перевод Т. Усовой)
Невидимый монстр 624
(Перевод А. Гуровой)
Третий резонатор 654
(Перевод А. Гуровой)
Человек с Земли 675
(Перевод А. Гуровой)
Последние селениты 703
(Перевод Г. Усовой)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

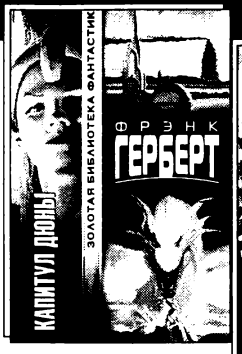
СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

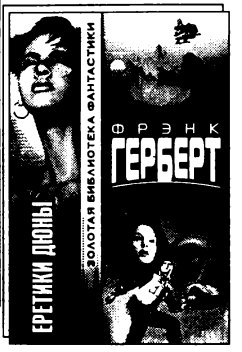
Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики» второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Вы — поклонник «черной литературы» —
мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии
«Темный город»!

В этой серии вышли:

Антология **«Темная любовь»** — двадцать две истории страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология **«Холод страха»**, которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запретный плод» и **«Смеющийся труп»** Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Литературно-художественное издание

Уиндэм Джон

Затерянные во времени

Сборник повестей и рассказов

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Составитель *А. Лидин*
Ведущий редактор *П. Киракозов*
Редакторы *С. Федотов, И. Кременев, Я. Забелина*
Художественные редакторы *В. Андреева, О. Адаскина*
Верстка: *Д. Сергеев*
Корректоры *Е. Зверькова, Л. Макеева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Уиндэм Дж.

У37 Затерянные во времени: Сб. фантаст. повестей и рассказов: Пер. с англ. / Дж. Уиндэм. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 726, [10] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-014083-5

Джон Уиндэм (1903—1969). «Патриарх» английской научной фантастики. Классик — и классицист от фантастики, оригинальный и своеобразный, однако всегда «преданный» последователь Герберта Уэллса. Писатель, стилистически «смотревший назад» — но фактически обогнавший своими холодновато-спокойными «традиционными» романами не только свое, но и — в чем-то! — наше время...

Автор «Дня триффидов» и «Кукушек Мидвича», «Куколок», «Кракен пробуждается»...

Теперь перед вами — Джон Уиндэм, которого вы ЕЩЕ НЕ ЧИТАЛИ. Джон Уиндэм РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ — повестей и рассказов, НИКОГДА РАНЕЕ не переводившихся на русский язык.

Не пропустите!!!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

Джон Уиндэм (1903—1969). «Патриарх» английской научной фантастики. Классик — и классицист от фантастики, оригинальный и своеобразный, однако всегда «преданный» последователь Герберта Уэллса. Писатель, стилистически «смотревший назад» — но фактически обогнавший своими холодновато-спокойными «традиционными» романами не только свое, но и — в чем-то! — наше время...

Автор «Дня триффидов», и «Кукушек Мидвича», «Куколок», «Кракен пробуждается»...

Теперь перед вами — Джон Уиндэм, которого вы ЕЩЕ НЕ ЧИТАЛИ. Джон Уиндэм РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ — повестей и рассказов, НИКОГДА РАНЕЕ не переводившихся на русский язык.

Не пропустите!!!

ISBN 5-17-014083-5